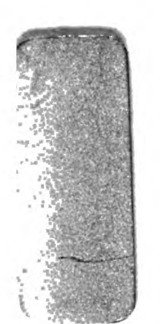
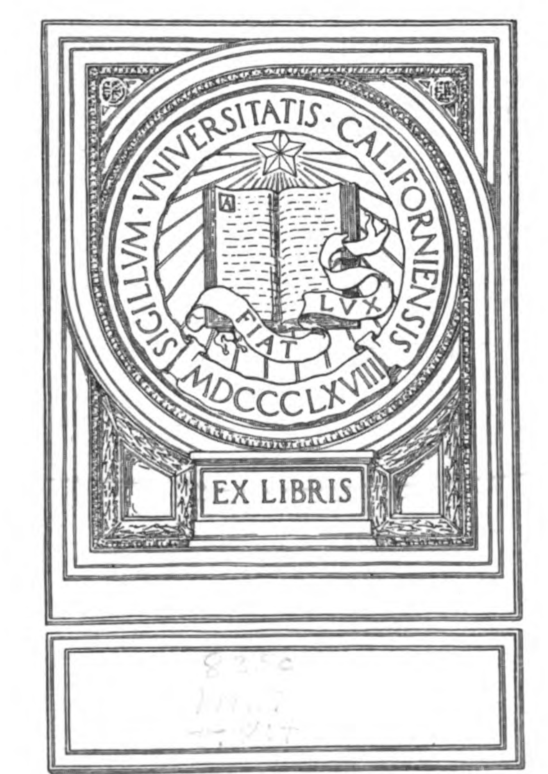




SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
LVX
FIAT
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ VIII-й. № 4-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

АПРѢЛЬ

1899 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская 43).
1899.

ОТЪ КОНТОРЫ ЖУРНАЛА.

Контора журнала просить лицъ, подписавшихся на треть года и желающихъ продолжить подписку, озаботиться присылкой 2-го взноса не позже 15-го апрѣля. Всѣмъ, не уплатившимъ къ этому сроку, высылка журнала съ мая мѣсяца будетъ пріостановлена.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

КОММИССІЯ
ПО ОРГАНИЗАЦІИ ДОМАШНЯГО ЧТЕНІЯ,

состоящая при Учебномъ Отдѣлѣ О. Р. Т. З. въ Москвѣ.

Цѣль Коммиссіи—придти на помощь лицамъ, желающимъ посредствомъ чтенія пополнить пробѣлы своего общаго образованія.

Подробныя правила Коммиссіи высылаются безплатно.

Коммиссія издаетъ **сборники программъ домашняго чтенія**, въ которыхъ публикуетъ всѣ указанія для занятій подъ ея руководствомъ.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ имѣются въ продажѣ:

Программы домашняго чтенія на 1-й годъ систематическаго курса.

Изданіе четвертое, исправленное и дополненное.

Содержаніе: Предисловіе.—Правила для сношеній читателей съ Коммиссіей.—План систематическаго чтенія на четыре года. — Подробныя программы для 1-го года систематическаго чтенія.

I. **Математика**: 1) курсъ общеобразовательный (аналитическая геометрія), 2) курсъ спеціальный (элементарная математика). II. **Науки физико-химическія**: 1) физика (механическій отдѣлъ, ученіе о теплотѣ, звукѣ и свѣтѣ), 2) химія (введеніе и неорганическая химія). III. **Науки біологическія** (введеніе). IV. **Науки философскія**: Программа первая (психологія и логика). Программа вторая (логика). V. **Науки общественно-юридическія**: 1) исторія и строеніе общества, 2) политическая экономія. VI. **Исторія**: 1) первобытная культура 2) древній Востокъ, 3) Греція, 4) Римъ. VII. **Исторія литературы**: 1) греческой, 2) римской. **Отдѣльныя темы.**

Цѣна **30** к., съ пересылкой—**40** к., наложеннымъ платежомъ—**57** к.

Программы домашняго чтенія на 2-й годъ систематическаго курса.

Изданіе второе, исправленное и дополненное.

Содержаніе: Предисловіе.—Правила для сношеній читателей съ Коммиссіей.—Планъ систематическаго чтенія на четыре года.—Подробныя программы для 2-го года систематическаго чтенія.

I. **Математика**: 1) курсъ общеобразовательный (дифференціальное и интегральное счисленія), 2) курсъ спеціальный (аналитическая геометрія). II. **Науки физико-химическія**: 1) физика (ученіе объ электричествѣ и магнитизмѣ), 2) химія органическая, химія теоретическая и физическая). III. **Науки біологическія**: 1) анатомія растеній, 2) споровыя растенія, 3) сравнительная анатомія животныхъ, 4) гистологія и эмбріологія животныхъ. IV. **Науки философскія**: Программа первая исторія философіи). Программа вторая (психологія съ педагогикой). V. **Науки общественно-юридическія**: 1) общее ученіе о правѣ, 2) государственное право (общее западныхъ державъ и русское), 3) экономическая исторія Англіи. VI. **Исторія**: 1) всеобщая (Средніе вѣка), 2) русская до Смутнаго времени. VII. **Исторія литературы**: 1) всеобщая литература (Средніе вѣка и эпоха Возрожденія) 2) русская литература (до XVII вѣка). **Программа чтенія по этнографіи** (инородческое населеніе Россіи). **Отдѣльныя темы по біологическимъ наукамъ**: 1) наблюденія надъ птицами, 2) наблюденія надъ крупными бабочками.

Цѣна **45** к., съ пересылкой—**63** к., наложеннымъ платежомъ—**80** к.

Программы домашняго чтенія на 3-й годъ систематическаго курса.

Содержаніе: Предисловіе.—Правила для сношеній читателей съ Коммиссіей.—Подробныя программы для 3-го года систематическаго чтенія.

I. **Математика**: спеціальный курсъ (исчисленіе безконечно малыхъ). II. **Науки физико-химическія**: 1) астрономія, 2) метеорологія и климатологія. III. **Науки біологическія**: 1) общая физіологія, 2) физіологія растеній, 3) физіологія животныхъ. IV. **Науки философскія**: Программа первая (теорія познанія и метафизика). Программа вторая (исторія древней и средневѣковой философіи). V. **Науки общественно-юридическія**: 1) экономическая исторія Россіи, 2) экономія сельскаго хозяйства, 3) экономія промышленности, 4) экономія торговли, 5) гражданское право, 6) уголовное право. VI. **Исторія**: 1) всеобщая исторія XVI, XVII и XVIII вв. Программа А (болѣе сложная). Программа В (элементарная). 2) Русская исторія XVII и XVIII вв. VII. **Исторія литературы**: 1) всеобщая литература (испанская драма XVII и XVIII вв.; англійская литература XVII и XVIII вв.; итальянская литература XVII и XVIII вв.; вѣкъ ложнаго классицизма во Франціи; французская литература XVIII в.; нѣмецкая литература XVII и

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ

VIII-й г. изд.

МІРЪ БОЖІЙ.

VIII-й г. изд.

Выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца въ размѣрѣ не менѣе 25 печ. листовъ.

Въ 1899 году журналъ будетъ издаваться по той же программѣ и при томъ же составѣ редакціи и сотрудниковъ, причемъ для напечатанія предполагается, между прочимъ, слѣдующее:

Беллетристика: стихотворенія г.г. Allegro, **Бунина**, **Ладыженскаго**, **П. Я.**, **О. Чюминой**, **Яхонтова** и другихъ. «Освободилась», романъ **А. Вербицкой**; «Риштау», повѣсть **В. Сѣрошевскаго**; «Карандашомъ съ натуры» (Кругомъ свѣта черезъ Корею въ Манджурію), **Н. Гарина**; «Душная ночь» (Изъ степныхъ очерковъ), разск. **Ю. Безродной**; «Безъ роду-племени», разсказъ **И. Бунина**; «Каинъ и Артемъ» (Изъ жизни босяковъ), разск. **М. Горькаго**; «Въ ночной смѣнѣ», разсказъ изъ военнаго быта **А. Куприна**; разсказы г.г. **Потапенко**, **Станюковича**, **Чирикова**.

Научныя статьи и сочиненія. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ: «Антропологическіе очерки», проф. **Брандта**; «Современное положеніе вопроса о гипнотизмѣ», **В. Битнера**.—ИСТОРІЯ И БІОГРАФІИ: «Чарльзъ Парнель», **Ев. Тарле**; «Судебная ошибка въ XVIII в.» (дѣло Каласовъ и Вольтеръ), **Э. Моргулиса**; «Очерки по исторіи русской культуры», часть III, **П. Милюкова**; «Александръ I и его время», **А. Прѣснякова**.—КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ: «А. С. Пушкинъ» (юбилейная статья), **Ив. Иванова**; «Алчущія души» (Паскаль, Руссо, Гоголь), **Ив. Иванова**; «Писаревъ, его сподвижники и враги», **Ив. Иванова**; «Ада Негри», **В. Фритче**.—СОЦІОЛОГІЯ: «Общественныя ученія и историческія теоріи XVIII и XIX вѣковъ въ связи съ общественнымъ движеніемъ на Западѣ», проф. **Р. Ю. Виппера**. (Вопросы общественной и исторической мысли около 1700 года, Джанбатиста Вико и его «Новая наука».—Общественныя условія начала XVIII вѣка на Западѣ. Идеализація «натуральнаго человѣка». Робинзонъ Дефо. — Сближеніе англійскаго и французскаго общества. Монтескье, какъ представитель аристократическаго общества. Его историческіе взгляды. «Духъ Законовъ».—Просвѣтительное движеніе. «Философы», среда ихъ воздѣйствія, отношеніе ихъ къ народной массѣ. Философія исторіи у Вольтера.—Демократическія идеи XVIII вѣка. Руссо. Критика культуры и призывъ къ природѣ.—Проповѣдь гуманности и теорія безконечнаго прогресса, Лессингъ. Гердеръ. Кондорсе.—Общественная философія индивидуализма. Промышленный переворотъ въ Англіи. Адамъ Смитъ, Бентамъ, Мальтусъ, Рикардо.—Реакція и ея общественныя идеи. Жозефъ де-Местръ. Бональдъ, Галлеръ.—Органическія теоріи. Сенъ-Симонъ.—Католическое движеніе въ XIX в. Ог. Контъ.—Философія исторіи Гегеля. Развитіе теоріи историческаго прогресса и основныя идеи ея.—Натурализмъ въ общественныхъ и историческихъ ученіяхъ. Гербертъ Спенсеръ). «Н. К. Михайловскій, какъ соціологъ», **Л. Крживицкаго**; «Очерки по соціальной экономіи», прив.-доц. **М. Туганъ-Барановскаго**.—ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ: «Помѣщикъ и крестьянинъ въ крѣпостной Россіи XIX в.», **П. Струве**; «Послѣдствія переворота въ земледѣліи» (I. Паденіе поземельной ренты и судьбы крестьянства.—II. Крестьянскія коопераціи и ихъ значеніе), **Л. Крживицкаго**; «Причины сокращенія роста населенія Франціи», д-ра **I. Гольдштейна**; «Положеніе труда въ Англіи», **Л. Давыдовой**.—ФИЛОСОФІЯ И ПСИХОЛОГІЯ: «Рихардъ Авенаріусъ и эмпиріокритицизмъ», проф. **Г. Челпанова**; «Экспериментальная психологія, ея настоящее и будущее, д-ра философіи **В. Анри**.

ПЕРЕВОДНЫЯ СОЧИНЕНІЯ. «Религія красоты» (Джонъ Рёскинъ и его идеи) **Сизерана**, пер. съ французскаго Т. Богдановичъ; «XIX вѣкъ въ различныхъ областяхъ

науки, техники и общественной жизни», компилятивныя статьи; «Изъ исторіи тайныхъ обществъ у различныхъ народовъ», компил. работа Э. Пименовой; «Герои и сцены дореволюціонной Франціи» (по мемуарамъ Сенъ-Симона), переводъ съ французскаго.

Постоянные отдѣлы. Критическія замѣтки. Разборъ выдающихся произведеній русской и переводной литературы; обзоръ русскихъ журналовъ

Изъ западной культуры. Разборъ выдающихся произведеній иностранной литературы.

На родинѣ. Свѣдѣнія и сообщенія о различныхъ событіяхъ и явленіяхъ русской жизни. Дополненіемъ къ нему служатъ статьи и корреспонденціи о текущихъ событіяхъ, дѣятельности разныхъ обществъ, съѣздовъ и т. п.

За границей. Свѣдѣнія и сообщенія изъ заграничной жизни. Дополненіемъ къ нему служатъ рефераты статей особенно интересныхъ **Изъ иностранныхъ журналовъ**, а также статьи и корреспонденціи о текущихъ выдающихся явленіяхъ иностранной жизни.

Научный обзоръ. Статьи и рефераты по различнымъ отраслямъ естественныхъ наукъ и техники. Научный фельетонъ. Дополненіемъ къ этому отдѣлу служатъ **Текущія научныя новости**, составляемыя по русскимъ и иностраннымъ научнымъ изданіямъ.

Библіографія. Рецензіи о русскихъ, переводныхъ и иностранныхъ книгахъ по изящной литературѣ, публицистикѣ и всѣмъ отраслямъ наукъ, кромѣ исключительно-спеціальныхъ сочиненій, недоступныхъ для обще-образованной публики. **Новости иностранной литературы**, входящія въ библіографическій отдѣлъ, какъ самостоятельная часть, составляется по библіографическимъ иностраннымъ изданіямъ, съ цѣлью дать сжатые отзывы о важнѣйшихъ, появляющихся заграницей, новыхъ книгахъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на годъ . . 8 руб.
Безъ доставки на годъ . . . . 7 »
За границу на годъ . . . . 10 »

Вмѣсто разсрочки допускается подписка:

По полугодіямъ:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на полгода . 4 р.
За границу . . . . 5 »
Безъ доставки по соглашенію съ конторой.

По третямъ года:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи:
въ январѣ . . . . 3 р.
» маѣ . . . . 3 »
» сентябрѣ . . . . 2 »

За границу: въ январѣ . . . . . 4 »
» » » маѣ . . . . . . 3 »
» » » сентябрѣ . . . . 3 »

Адресъ: С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Подписавшіеся на полгода или на треть года продолжаютъ подписку безъ повышенія подписной цѣны.

Книжные магазины при годовой и полугодовой подпискѣ пользуются обычной уступкой 5% съ подписной цѣны. Подписка по третямъ года черезъ магазины не принимается. Уступки съ подписной цѣны никому не дѣлается.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ В. П. Острогорскій.

Годъ VIII-й. № 4-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

АПРѢЛЬ
1899 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская 43).
1899.

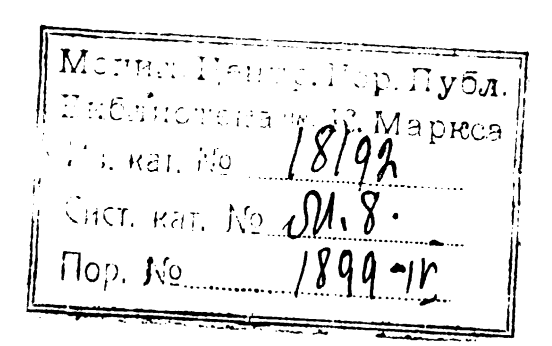
Дозволено цензурою 26-го марта 1899. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.



Сущность соціальнаго вопроса въ западно-европейскихъ странахъ.

Если различные историческіе періоды можно характеризовать по фактамъ и явленіямъ, наиболѣе замѣчательнымъ въ ихъ духовной и матеріальной жизни, то, современная историческая эпоха, и въ особенности текущее столѣтіе вполнѣ заслуживаетъ названія эпохи соціальныхъ движеній. Не то, чтобы въ прошлыя столѣтія,—столѣтія, когда религіозные или политическіе интересы приводили въ движеніе всѣ классы народа, когда давались кровавыя битвы ad majorem Dei gloriam, или когда народныя массы поднимались съ тѣмъ, чтобы свергнуть иго деспотизма,—соціальные моменты вполнѣ отсутствовали. Въ нихъ не было недостатка ни въ пору религіозныхъ, ни въ пору политическихъ движеній; напротивъ, въ настоящее время мы положительно знаемъ, что во всѣхъ этихъ движеніяхъ духовнаго или матеріальнаго характера немалую роль играли и соціальныя причины, которыя по временамъ имѣли даже рѣшающее вліяніе на ихъ направленіе и исходъ. Но характернымъ признакомъ, отличающимъ наше столѣтіе отъ прошлыхъ и налагающимъ на него особый отпечатокъ, служитъ то явленіе, что въ наше время *соціальные* интересы фактически взяли верхъ надъ всѣми остальными и что, далѣе, пониманіе фундаментальной важности этихъ интересовъ для человѣческой жизни достигло всеобщаго сознанія.

Если въ прошедшія времена соціальныя бѣдствія и угнетенія иногда и вызывали сильныя движенія и потрясающіе взрывы, то явленія эти, единичныя и разрозненныя, во-первыхъ, не были въ состояніи измѣнить общій характеръ даннаго времени; во-вторыхъ, они съ самаго начала принимали такую форму, что должны были современникамъ казаться исключительно выраженіемъ религіознаго или политическаго духа. Не смотря на ужасныя условія жизни нѣкоторыхъ слоевъ населенія въ былыя времена, въ народномъ сознаніи рѣдко зарождалось сомнѣніе въ справедливости и полезности существующаго порядка вещей. Цѣлые вѣка проходили въ спорахъ по поводу религіозныхъ и политическихъ вопросовъ, соціальныя же проблемы возникали въ народномъ сознаніи только въ исключительныхъ случаяхъ, да и тогда онѣ весьма рѣдко приводили къ болѣе или менѣе значительному результату.

Зато нашему вѣку пришлось быть свидѣтелемъ зарожденія соціальнаго движенія, которое вскорѣ мощно и неудержимо распространилось

по всему цивилизованному міру. Движеніе это не случайное; носители его не блуждаютъ въ потьмахъ, а твердо и настойчиво преслѣдуютъ свою цѣль, намѣченную ходомъ исторіи.

Это могучее, какъ бы стихійное движеніе, которое, отодвинувъ все остальное на задній планъ, всецѣло завладѣло въ наше время общественнымъ вниманіемъ, является мыслителю, умѣющему судить о явленіяхъ по ихъ внутреннему достоинству и содержанію,—ничѣмъ инымъ, какъ стремленіемъ человѣческаго духа найти удовлетворительное рѣшеніе вопроса, поставленнаго на очередь развитіемъ современной культуры,—вопроса, окончательное рѣшеніе котораго было бы вмѣстѣ съ тѣмъ и концомъ всего движенія. Это—такъ называемый *соціальный вопросъ*, который, какъ извѣстно, нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, занявъ среди всѣхъ другихъ вопросовъ, волнующихъ общество, самое выдающееся мѣсто, удерживаетъ его за собою и до сихъ поръ. Чтобы правильно понять соціальныя движенія настоящаго столѣтія и имѣть возможность вѣрно судить объ ихъ значеніи для современной культуры, необходимо уяснить себѣ происхожденіе соціальнаго вопроса настоящаго времени и его сущность.

Еще недавно, правда, нѣкоторыми учеными существованіе соціальнаго вопроса вообще отрицалось. Извѣстно, что представители большой политико-экономической школы, такъ называемой манчестерской, которая еще до конца семидесятыхъ годовъ чуть ли не господствовала на университетскихъ каѳедрахъ и парламентскихъ трибунахъ, въ чисто научной литературѣ, какъ и въ періодической печати, высказывали и защищали мысль, что безпокоющій нѣкоторыхъ соціальный вопросъ является ничѣмъ инымъ, какъ порожденіемъ болѣзненной фантазіи которая въ лучшемъ случаѣ основана на совершенно неправильномъ пониманіи общественныхъ и экономическихъ условій. Однако, наукѣ пришлось, главнымъ образомъ въ виду появленія нѣкоторыхъ тревожныхъ явленій общественной жизни, мало-по-малу отказаться отъ своего отрицательнаго отношенія къ соціальному вопросу; ученые нашли себя вынужденными заняться ближе этимъ вопросомъ, который, не смотря на продолжительное отрицаніе его существованія, сталъ подъ конецъ принимать подозрительный и угрожающій характеръ.

И вотъ, въ настоящее время произошла полнѣйшая перемѣна въ отношеніи научно-образовательныхъ круговъ къ соціальному вопросу, до того, что можно прямо сказать, образованные слои общества приняли въ данномъ случаѣ діаметрально противоположную точку зрѣнія. Въ то время, какъ раньше не считалось даже стоющимъ труда присматриваться ближе къ требованіямъ и жалобамъ представителей обездоленныхъ классовъ, въ то время, какъ раньше проекты реформъ, предложенные послѣдними, въ лучшемъ случаѣ считались «химерами», при чемъ, конечно, имъ не придавалось никакого серьезнаго значенія,—въ настоящее время вся политическая литература самымъ вниматель-

нымъ образомъ занимается этими, раньше столь пренебрегаемыми воззрѣніями и идеями, и не мало примѣровъ, гдѣ даже личности, которыхъ трудно заподозрить въ непріязненности къ существующему общественному строю, указываютъ на соціальный вопросъ какъ на главную и самую важную задачу текущей эпохи. Если мы станемъ доискиваться причины происшедшей въ отношеніи къ интересующему насъ вопросу перемѣны, то окажется, что ее во всякомъ случаѣ нельзя видѣть, какъ многіе полагаютъ, въ увеличеніи нужды простого населенія, каковое обстоятельство, будто бы, привлекло на себя вниманіе имущихъ классовъ общества. На быстрый ростъ нищеты населенія многіе друзья народа не разъ указывали еще въ началѣ этого столѣтія, не достигнувъ однако этимъ никакихъ серьезныхъ результатовъ въ смыслѣ измѣненія или улучшенія судьбы страждущихъ слоевъ общества. Самостоятельный и сознательный протестъ рабочаго населенія, предъявившаго государству и обществу ясно сформулированныя требованія,—требованія, которыя другими классами общества хотя и считаются, по меньшей мѣрѣ, не вполнѣ справедливыми, но которыхъ, тѣмъ не менѣе, въ виду рѣшительности и настойчивости, съ которой они были поставлены рабочимъ классомъ, нельзя и не должно было игнорировать далѣе—вотъ что̀ явилось единственнымъ толчкомъ къ тому, чтобы сдѣлать соціальный вопросъ вопросомъ первой важности; это же обстоятельство не позволяетъ снять интересующій насъ вопросъ съ очереди раньше, чѣмъ онъ не будетъ окончательно рѣшенъ въ удовлетворительномъ для рабочаго класса смыслѣ.

Что же такое соціальный вопросъ? Какъ можно формулировать проблему, составляющую его содержаніе? Различные отвѣты давались на эти вопросы; но, присматриваясь къ нимъ ближе, находимъ, что формулировка ихъ почти всегда въ значительной степени обусловливалась принадлежностью отвѣчающаго къ той или иной политической партіи. И не только сами отвѣты получали такимъ образомъ большею частью тенденціозную окраску; довольно часто даже и характеристика причины появленія соціальнаго вопроса, точно также какъ и условій его дальнѣйшаго существованія, оказывались подъ вліяніемъ партійной точки зрѣнія, не совсѣмъ-таки объективной.

Мы слишкомъ далеко вышли бы изъ предѣловъ этой статьи, если бы вздумали перечислить всѣ существующія относительно соціальнаго вопроса воззрѣнія. Точно также мы не считаемъ умѣстнымъ подвергнуть здѣсь критикѣ хотя бы и главнѣйшія изъ этихъ воззрѣній. Наша задача заключается въ томъ, чтобы изложить и разобрать тотъ взглядъ на соціальный вопросъ, который намъ съ чисто-научной точки зрѣнія кажется единственно правильнымъ; при чемъ можно будетъ убѣдиться, что этотъ взглядъ на соціальный вопросъ стоитъ рѣшительно *выше* всякихъ временныхъ партійныхъ точекъ зрѣнія, и намъ кажется, что онъ болѣе всего другого способенъ служить надежной руководящей

нитью всѣмъ заботящимся о народномъ благѣ, лучшей исходной точкой для здороваго соціальнаго законодательства и лучшей народной политикѣ.

При всемъ разнообразіи мнѣній, господствующихъ относительно соціальнаго вопроса, можно, однако, констатировать одно: когда говорятъ о соціальномъ вопросѣ всегда имѣютъ въ виду тѣ болѣзненныя, нездоровыя состоянія общественнаго организма, которыя развились съ теченіемъ времени подъ вліяніемъ различныхъ условій и выступили на свѣтъ съ большей или меньшей рѣзкостью,—состоянія, удаленіе которыхъ считается вещью весьма необходимой. Относительно самаго характера этихъ состояній мнѣнія естественно, большею частью, рѣшительно расходятся. Одни полагаютъ, что въ распредѣленіи народнаго богатства не совсѣмъ все обстоитъ въ порядкѣ, въ виду того, что богатые становятся все богаче, бѣдные же—все бѣднѣе, при чемъ послѣдніе не имѣютъ ни малѣйшаго вида на улучшеніе своего положенія, хотя бы въ отдаленномъ будущемъ. Другіе не находятъ ничего неестественнаго въ указанномъ сейчасъ несоотвѣтствіи, ссылаясь на исторію, которая насъ, будто бы, учитъ, что съ тѣхъ поръ, какъ «созданъ міръ», существовали богатые и бѣдные, изъ чего, по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ, что это законъ природы, измѣненіе котораго лежитъ внѣ человѣческой власти. Но зато, по ихъ мнѣнію, надо видѣть неоспоримое соціальное зло въ томъ, что принадлежащихъ къ болѣе бѣднымъ классамъ не удалось, не смотря на ихъ бѣдность, никакими проповѣдями о нравственности заставить отказаться отъ вступленія въ бракъ и произведенія на свѣтъ дѣтей, которыхъ они, конечно, не въ состояніи пропитать. Представители подобнаго воззрѣнія склонны видѣть болѣзненное состояніе, устраненіе котораго имъ является желательнымъ, въ мнимомъ перенаселеніи, въ слишкомъ большомъ числѣ членовъ низшихъ классовъ города. Далѣе, другіе считаютъ экономическіе кризисы, повторяющіеся въ послѣднія десятилѣтія съ поразительной правильностью, единственно значительной болѣзнью, и все ихъ стараніе направлено на то, чтобы отъискать средства и пути если и не для совершеннаго искорененія этого зла, то, по крайней мѣрѣ, для ослабленія его опустошительнаго дѣйствія. Нѣкоторые, наконецъ, полагаютъ, что основную причину явленій, вызывающихъ недовольство существующимъ и опасеніе за дальнѣйшее мирное развитіе слѣдуетъ видѣть въ потрясеніи прочнаго и солиднаго положенія такъ называемаго средняго класса. И такъ далѣе. Словомъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ рѣчь идетъ о явленіяхъ и предметахъ, касающихся большей или меньшей степени жизни общества, о состояніяхъ, устраненіе которыхъ, повидимому, зависитъ не просто отъ примѣненія одной какой-либо законодательной или административной мѣры, а напротивъ, требуетъ болѣе или менѣе основательнаго измѣненія условій существованія тѣхъ или иныхъ общественныхъ классовъ. При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ

виду, что здѣсь главнымъ образомъ рѣчь идетъ не о чисто политическихъ или чисто экономическихъ условіяхъ въ отдѣльности. Съ соціальнымъ вопросомъ связано представленіе о самыхъ основахъ общественнаго строя, и это представленіе существуетъ при всевозможныхъ родахъ пониманія даннаго вопроса, если оно часто, можетъ быть, и не приходитъ въ ясное сознаніе представителей тѣхъ или другихъ воззрѣній. Потому можно съ полнымъ правомъ утверждать, что всякій, разсуждающій о соціальномъ вопросѣ и признающій за нимъ право на существованіе, этимъ самымъ признаетъ, что существующій общественный строй не удовлетворителенъ, не совершененъ и нуждается въ преобразованіи.

Не трудно, однако, замѣтить, что въ этомъ общемъ опредѣленіи соціальнаго вопроса еще не видно того, что̀ именно дѣлаетъ его, употребляя выраженіе нѣкоторыхъ писателей, главнѣйшей проблемой нашего столѣтія. Вѣдь, насколько насъ учитъ исторія, никогда не бывало недостатка въ мыслителяхъ и дѣятеляхъ, относившихся отрицательно ко многому въ современной имъ общественной жизни, и раньше соціальныя неурядицы и бѣдствія, которыхъ и въ прошедшія времена было не мало, иногда складывались въ сознаніи современниковъ въ соціальныя проблемы. Слѣдовательно, и тѣ эпохи, и историческіе періоды точно также имѣли свои соціальные вопросы въ выше охарактеризованномъ общемъ смыслѣ, а именно постольку, поскольку упомянутые недостатки общественной жизни достигали до сознанія современниковъ и вызывали въ послѣднихъ желаніе по возможности ихъ устранить. Для пониманія особаго характера соціальнаго движенія настоящаго времени это общее опредѣленіе поэтому является недостаточно. Опредѣливъ формулу соціальнаго вопроса вообще, остается еще установить *особое* содержаніе, *особую* сущность соціальнаго вопроса настоящаго времени, и затѣмъ указать, какія условія способствовали развитію соціальнаго вопроса въ этой особой формѣ и что поддерживаетъ его существованіе.

Знать это для каждаго образованнаго человѣка не только интересно, но прямо необходимо! Ибо миновало то время, когда можно было стоять въ сторонѣ отъ общественной жизни и жить исключительно своими личными интересами. Въ наше время отдѣльная личность находится въ слишкомъ большой зависимости какъ своей духовной, такъ и матеріальной жизнью, да и вообще всѣмъ своимъ состояніемъ отъ общаго состоянія общества, чтобы быть въ состояніи по собственному усмотрѣнію, безъ дальнѣйшаго отказываться отъ занимаемыхъ ею въ обществѣ соціальныхъ и другихъ положеній. А если, не смотря на эту зависимость, тому или другому и удастся, благодаря мнимо счастливому стеченію обстоятельствъ, получить возможность смотрѣть на себя, какъ на человѣка, котораго свирѣпствующая нынѣ классовая борьба лично не обходитъ, то этотъ баловень судьбы все же ни въ какомъ случаѣ

не имѣетъ права надменно отвернуться отъ борющихся, если не хочетъ стать моральнымъ соучастникомъ въ приношеніи безчисленныхъ жертвъ человѣческаго счастія и гибели множества человѣческихъ жизней. Въ виду взаимнаго ожесточенія, вызваннаго обнаружившейся повсюду въ общественной жизни борьбою интересовъ различныхъ общественныхъ группъ, является прямою нравственною обязанностью каждаго образованнаго и честнаго человѣка оставаться на своемъ посту, съ тѣмъ, чтобы насколько возможно способствовать мирному рѣшенію трудной соціальной проблемы съ цѣлью приблизить торжество добра и справедливости. Но для этого прежде всего необходимо, какъ было сказано выше, ясное и свободное отъ предразсудковъ пониманіе общихъ условій, для этого необходимо умѣніе возможно свободно оріентироваться въ тѣхъ вещахъ, которыя составляютъ сущность и содержаніе соціальнаго вопроса настоящаго времени.

Я выше указалъ, что соціальный вопросъ или, если угодно, соціальные вопросы всегда появляются тогда и тамъ, когда и гдѣ оказались недостатки въ общественной жизни, которые, какъ таковые, достигли до сознанія общества и вызвали въ послѣднемъ желаніе устранить сознанное зло. Очевидно, что какое-нибудь явленіе или состояніе можетъ казаться зломъ только въ томъ случаѣ, если оно въ сравненіи съ существующимъ или вновь появившимся соотвѣтственнымъ представленіемъ или идеаломъ окажется неудовлетворительнымъ, если, другими словами, получается противорѣчіе между существующей дѣйствительностью и тѣмъ, что признается хорошимъ, желательнымъ, достойнымъ. Если порождается новая соціальная проблема, новый соціальный вопросъ, то заранѣе можно быть увѣреннымъ, что между дѣйствительнымъ состояніемъ общества съ одной стороны и идеальнымъ и нравственнымъ представленіемъ народа съ другой образовалась болѣе или менѣе широкая пропасть, при чемъ, все равно, явилась ли она вслѣдствіе абсолютнаго ухудшенія соціальныхъ условій, или вслѣдствіе перемѣны, происшедшей въ воззрѣніяхъ и вѣрованіяхъ народа. Какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ создается дисгармонія въ общественной жизни, болѣе или менѣе рѣзкая. смотря по тому, насколько велика или мала вышеупомянутая пропасть.

Сообразно съ этимъ и соціальный вопросъ настоящаго времени основанъ на противорѣчіи, которое мало-по-малу сложилось подъ вліяніемъ естественнаго хода событій, противорѣчій, выступившихъ въ настоящее время на поверхность съ особенной яркостью. Чтобы выяснить себѣ характеръ этого противорѣчія, необходимо изслѣдовать состояніе современнаго общества въ томъ отношеніи, поскольку оно не соотвѣтствуетъ общераспространеннымъ и общепризнаннымъ воззрѣніямъ и идеаламъ. Такимъ путемъ становишься на совершенно объективную почву, на которой изслѣдованіе не можетъ быть отклонено вліяніемъ односторонней партійной точки зрѣнія ни въ ту, ни въ другую сторону.

На этой почвѣ слово принадлежитъ исключительно свободной отъ предразсудковъ наукѣ, которая не имѣетъ обыкновенія считаться съ тѣмъ, пріятны или непріятны кому-либо выводы, къ которымъ она пришла.

Колыбелью современнаго общественнаго строя являются всемірно-историческія событія послѣдней четверти прошлаго столѣтія. Съ одной стороны, идеи великой французской революціи господствуютъ еще до нашихъ дней надъ интеллектуальнымъ и нравственнымъ развитіемъ цивилизованнаго человѣчества, весьма сильно вліяя на его политическую и правовую жизнь. Съ другой стороны, повсемѣстное введеніе машины совершенно измѣнило родъ производства, и такимъ образомъ вызвало къ жизни соціальныя движенія и комбинаціи, никогда раньше не существовавшія.

Разсмотримъ ближе эти, такъ сильно измѣнившія ходъ развитія цивилизованнаго общества, событія. Обратимся сперва къ характеристикѣ тѣхъ принциповъ и воззрѣній, которые проявились во французской революціи и которые играли въ ней выдающуюся роль.

Главной характерной чертой дореволюціоннаго общества неоспоримо является дѣленіе населенія на сословія, которое и отражалось во всѣхъ проявленіяхъ и формахъ политической и экономической жизни. Дворянство и духовенство съ одной стороны, всѣ остальные граждане въ видѣ третьяго сословія—съ другой, стояли враждебно другъ противъ друга, причемъ первымъ удалось путемъ различнаго рода привилегій захватить всю государственную власть, а съ нею и всѣ доставляемыя ею права и преимущества въ свои руки, и такимъ образомъ подчинить себѣ все третье сословіе, весь народъ. Не личному достоинству, не личнымъ способностямъ принадлежалъ рѣшающій голосъ въ этомъ обществѣ; происхожденіе, простой фактъ принадлежности къ извѣстному сословію съ самаго начала и разъ навсегда рѣшающе вліялъ на дальнѣйшую судьбу каждаго отдѣльнаго человѣка. Дворяне и духовенство не только предъявляли претензіи на наилучшія блага и выгоды, доставляемыя государствомъ, но и не преминули свалить всѣ требуемыя этимъ же государствомъ повинности и службы на непривилегированныя сословія. По возможности освобождая себя отъ всякихъ податей и обязанностей, отъ всякихъ требованій, предъявляемыхъ государствомъ къ своимъ гражданамъ, они не переставали эксплуатировать государственную власть во всѣхъ мыслимыхъ отношеніяхъ въ свою пользу. Тяжела была судьба простого гражданина, но еще тяжелѣе становилась она отъ того, что и хозяйственная дѣятельность его была вполнѣ предоставлена произволу власть имущихъ. И въ этой послѣдней области простой гражданинъ не смѣлъ дѣйствовать свободно. Связанный безчисленными предписаніями и регламентами, духъ предпріимчивости едва могъ проявляться; всѣ принуждены были оставаться при устарѣлыхъ, отжившихъ формахъ производства, измѣнять которыхъ никто не смѣлъ подъ угрозой строжайшихъ наказаній. Такъ страдалъ народъ подъ

гнетомъ, который наложили на него королевская власть и привилегированныя сословія, страдалъ до тѣхъ поръ, пока не наступилъ моментъ, когда такое положеніе вещей должно показаться невыносимымъ. Тогда явилось стремленіе узнать, не существуетъ ли выхода изъ этого печальнаго состоянія, а если существуетъ, то не будетъ ли онъ больше соотвѣтствовать требованіямъ права и справедливости. И дѣйствительно, вскорѣ нашлись личности, которыя съумѣли дать подходящее выраженіе этому народному стремленію и направить его въ опредѣленную сторону.

Уже давно указывалось проницательными людьми на одно психологическое явленіе чрезвычайно замѣчательнаго свойства: человѣкъ только тогда начинаетъ возставать противъ притѣсненія, только тогда старается свергнуть гнетъ, когда приходитъ къ убѣжденію, что все это несправедливо, что, другими словами, причиняемое ему зло не соотвѣтствуетъ праву и справедливости. Пока онъ къ этому убѣжденію не пришелъ, онъ, какъ бы его ни угнетали, какъ бы скверно съ нимъ ни обращались, какъ бы ни эксплуатировали, ничего лучшаго не находитъ, какъ только развѣ проклинать свою судьбу и отчаиваться въ себѣ самомъ и въ своихъ силахъ. Эта черта человѣческаго характера свойственна и народному характеру. И народъ обыкновенно подчиняется обычнымъ условіямъ, какъ бы невыносимы они ни были, до тѣхъ поръ, пока у него не является сомнѣнія въ ихъ справедливости. Но разъ таковое сомнѣніе пробудилось, существующее неминуемо обречено на гибель, и удаленіе или измѣненіе его является только вопросомъ времени.

Охарактеризованныя выше соціальныя условія дореволюціоннаго общества постепенно сложились подъ вліяніемъ предшествовавшихъ историческихъ событій и продолжали свое дальнѣйшее существованіе на основаніи историческаго права. Вслѣдствіе этого основы, на которыя опиралось это общество, должны были пошатнуться, когда противъ дѣйствующаго права выступило другое, болѣе высокое право, достаточно сильное для того, чтобы выбить изъ позиціи представителей и защитниковъ перваго. Это высшее право народное сознаніе увидѣло въ такъ называемомъ *естественномъ правѣ*, которое оно и противопоставило во всѣхъ областяхъ жизни господствующему *историческому* праву. Естественное право стало народнымъ девизомъ и съ нимъ друзья народа выступили въ борьбу противъ узкихъ, отжившихъ государственныхъ и общественныхъ формъ, въ которыя была втиснута народная жизнь; и дѣйствительно, этому естественному праву обязаны не въ малой степени достигнутымъ впослѣдствіи народными борцами успѣхомъ.

Основнымъ принципомъ естественнаго права, какъ оно тогда понималось, является признаніе за человѣческой личностью особыхъ неотъемлемыхъ правъ и уваженіе ея достоинства. Люди надѣлены, по мнѣнію представителей естественнаго права, самой природой равными правами, и ни одинъ человѣкъ отъ природы ни въ чемъ не превосходилъ

другого. Уже *Гоббесъ* высказываетъ мнѣніе, что всѣ люди равны, такъ какъ по природѣ своей никто не можетъ имѣть больше правъ, нежели другіе, никто больше обязанностей, никто больше преимуществъ. По мнѣнію натурфилософовъ, подобное состояніе, при которомъ фактически господствовало равенство всѣхъ, нѣкогда дѣйствительно существовало; только по выходѣ изъ этого состоянія, утверждаютъ они, положеніе вещей начало мѣняться. На вопросъ, какія обстоятельства послужили причиной къ тому, чтобы человѣчество вышло изъ своего естественнаго состоянія и впало въ состояніе господствующаго въ настоящее время повсюду неравенства, натурфилософы имѣли опредѣленный отвѣтъ, хотя, надо сказать, что въ этомъ отношеніи между ними далеко не было согласія.

Здѣсь, конечно, не мѣсто разбирать спорныя мнѣнія по поводу этого вопроса. Приведемъ только вкратцѣ воззрѣнія одного философа, который имѣлъ рѣшающее вліяніе на ходъ развитія революціоннаго движенія прошлаго столѣтія.

Въ своемъ знаменитомъ произведеніи «Эмиль» *Ж. Ж. Руссо* старается доказать, что всѣ люди могли бы всегда остаться равными и свободными, если бы они получили абсолютно равное и естественное воспитаніе. По его мнѣнію, причина господствующаго неравенства коренится не въ людяхъ, какъ таковыхъ, а единственно въ *неодинаковыхъ условіяхъ ихъ развитія*. Неравенство, которое ни въ какомъ случаѣ нельзя считать неотъемлемой чертой человѣческой природы, происходитъ подъ вліяніемъ внѣшней силы; сила же эта по своему существу—нѣчто весьма измѣняемое и преходящее, вслѣдствіе чего ея вліяніе и можетъ быть устранено. Но вслѣдствіе фактически существующаго неравенства получаются зависимыя отношенія между отъ природы равными, а слѣдовательно, и свободными людьми, и такимъ образомъ существующій на основаніи дѣйствующаго права общественный строй противорѣчитъ общественному праву, такъ какъ при немъ многіе совершенно лишены своихъ первоначальныхъ правъ. Такое положеніе вещей не можетъ быть, по мнѣнію *Руссо*, слѣдствіемъ законныхъ дѣйствій заинтересованныхъ индувидуумовъ, какъ господствующихъ, такъ и подчиненныхъ. Насиліе, говоритъ онъ буквально въ своемъ «общественномъ договорѣ», создало первыхъ рабовъ, низость и трусость послѣднихъ навсегда удержали ихъ въ этомъ положеніи. Но насиліе, какъ таковое, не можетъ явиться основаніемъ права, и угнетенный находится въ своемъ правѣ, если онъ пытается свергнуть съ себя иго зависимости. Отдѣльная личность обязана подчиняться только законной власти, законна же власть бываетъ только въ томъ случаѣ, если она явилась результатомъ свободнаго договора между заинтересованными лицами. *La volonté générale*, абсолютное господство воли равныхъ отъ природы членовъ народа служитъ, по убѣжденію Руссо, основой естественнаго строя общественной жизни.

Мы, можетъ быть, слишкомъ долго останавливались на этихъ теоріяхъ, но, какъ намъ кажется, не безъ достаточнаго основанія. Теоріи эти являются ничѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ мыслей, общераспространенныхъ среди народа непосредственно до и во время французской революціи. Что это дѣйствительно такъ, видно изъ того могучаго отклика, который они нашли въ сердцахъ страждущихъ. Угнетенный народъ изнывалъ подъ тяжестью дѣйствующаго права, и вдругъ онъ узнаетъ, что это право не можетъ считаться справедливыхъ; онъ узнаетъ, что существующій общественный строй, напротивъ, нарушаетъ истинное право, которое не признаетъ никакой зависимости. Опираясь на это право, французскій народъ и началъ потрясать основы, существующаго строя, въ надеждѣ водворить, наконецъ, на мѣсто господства силы, царство естественной справедливости, царство свободы и равенство.

Это стремленіе осуществить требованія свободы и равенства воодушевляло дѣятелей французской революціи и съ самаго начала опредѣлила ходъ слѣдующаго за ней историческаго періода. Съ тѣхъ поръ человѣчество имѣетъ предъ собой задачу придать этему идеалу плоть и кровь во всѣхъ областяхъ общественной жизни, сдѣлать его осязаемой дѣйствительностью. Рѣшить эту задачу является самымъ пламеннымъ сердечнымъ желаніемъ цивилизованныхъ народовъ настоящаго времени, желаніемъ столь благороднымъ и возвышеннымъ, достойнѣе котораго трудно себѣ представить!

Посмотримъ теперь, на сколько въ самомъ дѣлѣ этотъ идеалъ осуществился въ теченіе послѣдующаго времени, посмотримъ, другими словами, не существуетъ ли противорѣчія между даннымъ идеаломъ и дѣйствительною жизнью.

Если обратимъ вниманіе на политическую жизнь, то оказывается, что здѣсь развѣ только въ однихъ демократическихъ государствахъ созданы были условія, которыя болѣе или менѣе близки къ поставленному идеалу. Что же касается государствъ съ иной формой правленія, то приходится сознаться, что здѣсь сдѣлано въ этомъ отношеніи еще чрезвычайно мало. Въ нихъ все еще существуютъ многія привилегіи, связанныя съ происхожденіемъ и принадлежностью къ тому или иному сословію, хотя они, можетъ быть, кое-гдѣ и уничтожены на бумагѣ. Законодательная и почти вся административная власть фактически все еще находится въ рукахъ привилегированнаго меньшинства. Свобода религіи и свобода совѣсти, правда, большею частью обезпечиваются гражданамъ конституціей, въ дѣйствительности же нетерпимость празднуетъ свои безобразныя оргіи не въ меньшей степени, какъ въ самыя мрачныя времена далекаго прошлаго. Тяжкія имущественныя жертвы, требуемыя государствомъ, всей своею тяжестью давятъ шею слабыхъ и неимущихъ, въ то время, какъ сильнымъ и власть имущимъ удается такъ или иначе избавлять себя отъ всего подобнаго.

Подобное положенiе вещей мы находимъ и въ области права. Несмотря на провозглашенiе равенства предъ закономъ, позитивное право все еще содержитъ множество постановленiй различнаго рода, говорящихъ скорѣе обо всемъ другомъ, чѣмъ объ осуществленiи указаннаго принципа. Стоитъ только кинуть взглядъ на недавно введенный кодексъ гражданскихъ правъ германскаго государства, чтобы найти полное подтвержденiе справедливости сказаннаго.

Тѣмъ не менѣе, можно утверждать, что въ упомянутыхъ сферахъ общественной жизни, въ особенности, если принять во вниманiе все болѣе распространяющiйся духъ демократiи, человѣчество близко къ осуществленiю въ не совсѣмъ отдаленномъ будущемъ требованiй свободы и равенства.

Посмотримъ теперь, какъ обстоитъ дѣло свободы и равенства въ области экономической жизни современныхъ западно-европейскихъ народовъ?

Положенiе вещей здѣсь несравненно хуже, чѣмъ въ вышеупомянутыхъ областяхъ общественной жизни. Какъ ни мрачны все еще условiя тамъ,—въ сравненiи съ картиной, которая представляется намъ здѣсь, ихъ можно назвать болѣе или менѣе удовлетворительными. Становится жутко, когда представляешь себѣ, что творится въ этой области еще въ настоящее время. Свобода и равенство требовались въ свое время также и для этой области общественной жизни и, можно сказать, даже съ бо́льшею настойчивостью, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ иномъ мѣстѣ; хозяйственной дѣятельности народа вѣдь болѣе всего приходилось страдать подъ гнетомъ отжившихъ формъ феодальнаго и деспотическаго образа правленiя. Французская революцiя точно такъ же, какъ и находившаяся подъ ея болѣе или менѣе значительнымъ влiянiемъ государственная политика послѣдующаго времени стремилась, по возможности, устранить всѣ ограниченiя, стоявшiя на пути свободнаго развитiя экономическихъ силъ, съ тѣмъ, чтобы совершенно освободить гражданъ отъ вмѣшательства государства въ ихъ хозяйственную дѣятельность или отъ всякой регламентацiи въ этомъ отношенiи. Привилегiи, предоставленныя въ свое время государствомъ отдѣльнымъ лицамъ или цѣлымъ классамъ въ экономической области, были болѣе или менѣе уничтожены. Впредь каждый могъ посвящать себя тому ремеслу, которое ему было по душѣ или отъ котораго онъ ожидалъ для себя больше выгодъ; каждый былъ также свободенъ, по крайней мѣрѣ, по буквѣ закона, селиться вездѣ, съ цѣлью посвоему усмотрѣнiю примѣнять такъ или иначе находившiеся въ его владѣнiи хозяйственные факторы, и никто въ этомъ отношенiи не имѣлъ права оказывать на него давленiе ни съ политической, ни съ правовой стороны. Такимъ образомъ, и экономическая жизнь, подобно политической и правовой, мало-по-малу, въ одномъ государствѣ скорѣе, въ другомъ медленнѣе,

измѣнялась подъ вліяніемъ этихъ условій и, въ концѣ концовъ, приняла совершенно иной видъ.

Осуществленіе равенства и свободы въ экономической области въ указанномъ видѣ привело, однако, къ весьма замѣчательнымъ результатамъ. Присмотрѣвшись ближе, находишь, что всѣ старанія въ данномъ направленіи привели *какъ разъ противоположно тому, что было цѣлью первоначальнаго стремленія.* Вмѣсто гармоніи и мира въ экономической жизни западно-европейскихъ народовъ господствуетъ борьба всѣхъ противъ всѣхъ,—борьба, изъ которой только сравнительно небольшая часть борющихся выходитъ побѣдителями. Здѣсь нѣтъ мѣста ни свободѣ, ни равенству, здѣсь все еще господствуетъ, какъ въ дореволюціонномъ обществѣ, право сильнаго, по отношенію къ которому болѣе слабый является подчиненнымъ и данникомъ. Равныя потребности людей ни въ какомъ случаѣ не находятъ равнаго удовлетворенія. Участіе членовъ общества въ потребленіи произведенныхъ богатствъ далеко не равное. Одинаковый трудъ рѣдко находитъ одинаковое вознагражденіе, да послѣднее находится часто даже въ прямо обратномъ отношеніи къ потраченному труду. Тѣ, которые вообще никогда не трудились, получаютъ большую часть запаса, созданнаго трудомъ, въ то время, какъ, говоря словами *Джона Стюарта Милля*, вознагражденіе уменьшается въ той же степени, въ какой возрастаетъ тяжесть и непріятность труда, пока, наконецъ, самый утомительный и физически истощающій трудъ не можетъ даже съ увѣренностью разсчитывать на необходимый для поддержанія существованія заработокъ.

Такимъ образомъ получилось рѣзкое различіе въ развитіи формъ въ области политической и правовой съ одной стороны, и въ экономической—съ другой. И это различіе тѣмъ замѣчательнѣе, что развитіе это во всѣхъ областяхъ общественной жизни, казалось, руководилось однимъ и тѣмъ же девизомъ свободы и равенства. Однако, въ то время, какъ въ первыхъ каждый успѣхъ свободы и равенства дѣйствовалъ въ самомъ дѣлѣ благодѣтельно, въ области экономической жизни всѣ направленныя въ эту сторону усилія сопровождались постоянно явленіями, тотчасъ же дѣлавшими значеніе достигнутаго успѣха весьма сомнительнымъ.

Въ чемъ же основная причина этого на первый взглядъ столь страннаго явленія? Къ счастью, отыскать ее не представляется никакой трудности. Если принять во вниманіе, что осуществленіе принципа равенства и свободы не во всѣхъ областяхъ общественной жизни совершилось при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, то не трудно понять, что и результаты не могли быть всюду одни и тѣ же. Въ правовомъ и политическомъ отношеніяхъ не ограничивались только простымъ уничтоженіемъ устарѣлыхъ учрежденій и организацій, но въ то же время и старались проложить новые пути, создать новый фундаментъ для зданія, которое должно было быть мало-по-малу воздвигнуто. Въ отно-

шеніи же экономической жизни дѣйствовали иначе. Здѣсь не создавали ничего новаго, но ограничивались только главнымъ образомъ разрушеніемъ всего стараго. Въ то время, какъ вся дореволюціонная правовая система, всѣ правительственныя и государственныя формы были уничтожены, а взамѣнъ ихъ вызванъ къ жизни новый государственный и правовой порядокъ, исторически устарѣлая, обветшавшая основа экономической жизни осталась совершенно нетронутой; имущественныя отношенія и организація собственности были оставлены въ томъ же видѣ, какъ будто все еще надъ цивилизованнымъ человѣческомъ продолжалось господство духа прошедшихъ столѣтій. По прежнему пользуется безусловнымъ признаніемъ принципъ исключительнаго права собственника неограниченно распоряжаться своимъ имуществомъ по своему личному усмотрѣнію; по прежнему, собственность не находится ни въ какомъ опредѣленномъ отношеніи къ труду; по прежнему, многіе получаютъ доходъ, не заработавъ его своимъ трудомъ, а слѣдовательно, обладаютъ и собственностью, не основанной на ихъ трудѣ, которая тѣмъ не менѣе пользуется защитой и покровительствомъ государства. Большія сконцентрированныя имущества, говоритъ *Альбертъ Ланге,* перешли изъ средневѣковой эпохи въ наше столѣтіе, имущества, которыя явились частью прямымъ, частью косвеннымъ путемъ результатомъ барщины или привилегій феодальной системы; и такимъ-то путемъ пріобрѣтенная собственность была затѣмъ не только признана, но и оберегаема современнымъ правовымъ государствомъ. Этимъ однако уже съ самаго начала была подготовлена почва для все больше и больше растущаго увеличенія имущественнаго неравенства. Съ самаго начала въ новый строй общественной жизни были такимъ образомъ перенесены неравенства чрезвычайно важнаго свойства, — неравенства, которыя именно въ виду правового равенства и свободы всѣхъ членовъ государства современемъ должны были стать все болѣе вопіющими, а вмѣстѣ съ тѣмъ и все болѣе опасными для современнаго общественнаго строя.

Въ томъ же направленіи, обостряя неравенство и уничтожая свободу, дѣйствовало еще другое обстоятельство и притомъ съ еще большей энергіей, именно развитіе фабричнаго производства. Примѣненіе машины необыкновенно подняло производительную силу человѣка. Каждый день производятся неизмѣримыя груды товаровъ, которыя помощью желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ доставляются въ самые отдаленные уголки земного шара. Богатства скопляются въ такихъ размѣрахъ, о которыхъ прежнія времена не могли имѣть и понятія. Но въ той же степени, въ какой машина творила указанныя чудеса, она своей желѣзной рукой все больше понижала благосостояніе значительно бо̀льшей части населенія. Она лишила рабочій людъ собственнаго крова, разрушила семью рабочаго и искалѣчила физически и нравственно его самого. Она сдѣлала его существованіе ненадежнымъ, создала массо-

вую нищету и сдѣлала въ цивилизованныхъ странахъ голодную смерть обыкновеннымъ явленіемъ. Машина, которая, при разумной организаціи общества, была бы общимъ благословеніемъ, стала ангеломъ смерти для народныхъ массъ.

Но эти ужасающіе факты опять-таки являются ничѣмъ инымъ, какъ слѣдствіемъ устарѣлой имущественной организаціи. Примѣненіе машины требовало капитала, много капитала. Вслѣдствіе этого обладатели капитала съ самаго начала заняли въ экономической борьбѣ настоящаго времени болѣе выгодное положеніе въ сравненіи съ неимущими. И въ самомъ классѣ капиталистовъ положеніе владѣльца бо́льшаго капитала оказалось несравненно болѣе выгоднымъ положенія владѣльца небольшого капитала, такъ какъ первый имѣлъ возможность производить сравнительно дешевле. Соотвѣтственно этому, всякій прогрессъ въ машинной техникѣ служилъ главнымъ образомъ интересамъ большого капитала, но, во всякомъ случаѣ, дѣйствовалъ во вредъ рабочему. Капиталъ концентрировался все болѣе и болѣе, что при существующихъ условіяхъ не могло означать ничто иное, какъ концентрацію его все въ меньшемъ числѣ рукъ или, выражаясь иначе, какъ все усиливающееся обѣдненіе массъ ради выгодъ едва замѣтнаго меньшинства.

Указанныя явленія въ своей совокупности и составляютъ сущность соціальнаго вопроса настоящаго времени.

Въ политическомъ и правовомъ отношеніяхъ всѣ члены государства, вслѣдствіе осуществленія до извѣстной степени принциповъ великой французской революціи, сдѣлались на самомъ дѣлѣ сравнительно свободными и равными; огромная же масса народа, какъ ни кажется парадоксальнымъ это утвержденіе, все же по прежнему порабощена. Лишенная всякой собственности, она зависитъ всей своей личностью и своей жизнью отъ воли небольшой кучки собственниковъ, и эта зависимость и подчиненность только внѣшнимъ образомъ отличаются отъ зависимости и подчиненности прежнихъ временъ. Отдѣльный рабочій, безъ сомнѣнія, имѣетъ право продавать свою рабочую силу по собственному усмотрѣнію, однако это право уничтожается невозможностью примѣнять рабочую силу, не имѣя орудій и средствъ производства; послѣднія же находятся въ рукахъ капиталиста. Можетъ ли быть рѣчь о свободѣ тамъ, гдѣ лишенный собственности рабочій, единственнымъ достояніемъ котораго является его рабочая сила, всегда принужденъ, если онъ не предпочитаетъ умереть съ голоду, соглашаться на условія, диктуемыя предпринимателемъ. Свобода и равенство являются при подобныхъ условіяхъ пустымъ звукомъ. Современное общество содержитъ такимъ образомъ въ своихъ нѣдрахъ могучее противорѣчіе. Съ одной стороны, оно стремится осуществить во всѣхъ сферахъ жизни идеалъ свободы и равенства, а съ другой—оно своей организаціей владѣнія и собственности уничтожаетъ на каждомъ шагу результаты этихъ

стремленій. Частная же собственность будетъ, по мнѣнію профессора *Платтера*, всегда и вездѣ, гдѣ она существуетъ, прибывать въ рукахъ одного и убывать въ рукахъ другого, и не только вслѣдствіе различной ловкости въ обращеніи съ нею, но не въ меньшей степени и вслѣдствіе различныхъ случайностей, счастія, извѣстныхъ выгодныхъ условій, права наслѣдства и т. д.; она немедленно снова создала бы самое большое неравенство даже и въ томъ случаѣ, если бы удалось какъ-нибудь ввести въ обществѣ состояніе полнѣйшаго равенства. Кто хочетъ сохранить частную собственность и при этомъ осуществить дѣйствительное равенство предъ закономъ, тотъ задается задачей согласить несогласимое.

Припомнивъ все вышесказанное, мы получаемъ возможно полную характеристику интересующей насъ проблемы; остается только влить ее въ болѣе или менѣе краткую формулу, чтобъ получить опредѣленіе соціальнаго вопроса настоящаго времени на Западѣ.

Какъ слѣдуетъ изъ предъидущаго изложенія, подъ соціальнымъ вопросомъ надо понимать вопросъ о томъ, какимъ путемъ и какими средствами возможно и желательно устранить обнаружившееся противорѣчіе между рисующимся воображенію современнаго культурнаго человѣчества идеаломъ свободы и равенства всѣхъ членовъ народа, съ одной стороны, и фактически господствующими условіями общественной и экономической жизни—съ другой, каковыя условія въ своемъ настоящемъ видѣ представляютъ собою прямое воплощеніе неравенства и полнаго отсутствія свободы.

Рабочіе западно-европейскихъ странъ, т. е. классъ, которому наиболѣе приходится страдать при современномъ общественномъ строѣ, въ наше время собственными силами пошелъ по избранному имъ самимъ пути, ведущему къ рѣшенію соціальнаго вопроса текущаго историческаго періода. Кому желательно узнать этотъ путь, тотъ видитъ себя принужденнымъ заняться изученіемъ соціальнаго движенія, проявившагося на Западѣ въ теченіе этого столѣтія, такъ какъ, говоря словами консервативнаго писателя *Мерме*, нужда въ одинъ прекрасный день, безъ сомнѣнія, заставитъ даже государственныхъ людей обратиться за новыми идеями къ представителямъ пролетаріата.

Проф. Н. Райхесбергъ.

Бернъ.

ОДА КЪ МОЛОДОСТИ.

(Изъ А. Мицкевича).

Безъ душъ и безъ сердецъ—то сонмища скелетовъ...
    Ахъ, крылья, молодость, мнѣ дай!
Изъ міра мертваго, гдѣ нѣтъ святыхъ завѣтовъ,
    На нихъ умчусь я въ новый край,—
Въ отчизну райскую живыхъ очарованій,
    Гдѣ вдохновенье чудеса творитъ,
Роняетъ дождь цвѣтовъ, изъ смутныхъ упованій
    Видѣнья свѣтлыя родитъ...

Пусть тотъ, въ комъ жизнь сковала разумъ тьмою,
    Челомъ морщинистымъ поникъ
И видитъ узкій кругъ, что обнимать собою
    Угасшій взглядъ его привыкъ.
Ты жъ, молодость, пари надъ жизненной равниной,
    Летай какъ вихрь изъ края въ край,
Все человѣчество, съ весельемъ и кручиной,
    Какъ солнце окомъ проникай!..
    Смотри: внизу, гдѣ вѣчной мглою
    Пространства бездну населя,
    Презрѣнной гнусности волною
    Клубится омутъ,—то земля!..
Смотри: на ней. надъ смрадною водою
Чернѣетъ нѣкій гадъ.. Съ своею скорлупою
Онъ самъ себѣ—пловецъ, кормило и ладья...
Гонясь за тварями ничтожнѣе себя,
    То на поверхность онъ всплываетъ,
    То быстро тонетъ въ глубинѣ.

Волна его не приласкаетъ,
Онъ не ласкается къ волнѣ...
И вдругъ, ударившись своей скорлупкой тѣсной,
Разбился о гранитъ,—безвѣстно прожилъ вѣкъ
И жизнь окончилъ онъ безвѣстно...
То—себялюбецъ-человѣкъ!.

Тебѣ жъ, о молодость, и нектаръ бытія
Не сладокъ, если онъ не раздѣленъ съ другими,
И намъ не напоитъ сердецъ его струя,
Пока ихъ нитями не свяжемъ золотыми.
Сплотимся жъ, юные друзья,
Чтобъ къ общему стремиться счастью!
Сильны единствомъ, мыслью, страстью,
Сплотимся, юные друзья!
И счастливъ тотъ, кто въ битвѣ смѣлой
Падетъ среди друзей своихъ,
Чье станетъ мертвенное тѣло
Ступенью къ славѣ для другихъ...
Дружнѣй! Опасный путь и трудъ насъ ожидаетъ,
Помѣха слабости, насилія запретъ;
Но пусть насилье—сила побѣждаетъ,
А съ немощью—борися съ юныхъ лѣтъ!..

Кто въ колыбели гидру обезглавитъ,
Тотъ, юношей, Кентавра побѣдитъ;
Чтобъ жертвъ отнять—и въ адъ онъ путь направитъ,
За лаврами—и въ небо полетитъ.
Стремись же за предѣлъ, доступный слабымъ взорамъ!
Круши и то, предъ чѣмъ безсиленъ разумъ твой!
О, молодость, орломъ летишь ты надъ просторомъ,
Разишь, какъ молнія, могучею рукой!..

Друзья! рука съ рукой, сомкнемся цѣпью длинной
И опояшемъ шаръ земной,
Сольемъ всѣ мысли въ лучъ единый
И станемъ всѣ одной душой!
Мы расколышемъ грудь земную;

Велимъ,—и новыми путями жизнь пойдетъ;
Земля омоетъ плѣсень вѣковую
И, обновившись, зацвѣтетъ...

Изъ хаоса стихій и тьмы первоначальной
Однимъ могучимъ словомъ „будь!"
На предначертанный имъ путь
Былъ брошенъ созданный имъ міръ матеріальный;
И вѣтеръ зашумѣлъ, и рѣки потекли,
И звѣзды синій мракъ ночныхъ небесъ зажгли...

Надъ человѣчествомъ нависла ночь глухая,
Борьбу стихій добра и зла скрывая...
Но вотъ—огнемъ дохнетъ любовь,
Изъ хаоса взойдетъ духовный міръ, сіяя,
И молодость его одѣнетъ въ плоть и кровь,
И дружба вѣчная соединитъ народы...

Безстрастья ледъ ломаютъ воды;
Рѣдѣетъ предразсудковъ рой...
Привѣтъ тебѣ, заря свободы:
Спасенья солнце за тобой!..

А. Колтоновскій.

БЕЗЪ РОДУ-ПЛЕМЕНИ.

Изъ повѣсти о современныхъ людяхъ.

Vae divilibus!

I.

Съ вечера я спалъ крѣпко, потому что слишкомъ измучился за день, но потомъ мнѣ стало сниться, что я иду по какимъ-то станціоннымъ дворамъ и запаснымъ путямъ, среди паровозовъ и вагоновъ, ищу мужа Зины и хочу непремѣнно убѣдить его, что я вовсе не врагъ ему. Я любилъ Зину, но теперь не думаю о себѣ, желаю только ея счастія и питаю къ ней самую искреннюю дружбу. Казалось даже, что я говорилъ ему это, но онъ все уходилъ отъ меня и я плохо его видѣлъ, а расположеніе мое къ Зинѣ возростало, все кругомъ темнѣло, странно вытягиваясь корридоромъ, и вотъ этотъ корридоръ — слабоосвѣщенный, насквозь видный рядъ вагоновъ—уже бѣжитъ, дрожа подо мною, и какая-то стройная и красивая дѣвушка, перебивая мои слова веселымъ шепотомъ, зоветъ и уводитъ меня за руку все дальше по узкому корридору поѣзда.

— Зина!—умоляюще и робко говорю я, замирая отъ жуткой радости... Она на ходу оборачивается съ странной и веселой улыбкой, отъ которой у меня сжимается сердце, таинственно говоритъ мнѣ: „Погоди!“ и идетъ дальше. Но я уже едва поспѣваю за нею, въ поѣздѣ темнѣетъ, вагоны разростаются и бѣгутъ, увлекая меня за собою,—падаютъ все ниже и ниже, точно сама земля падаетъ подъ ними по наклону, и радость, страсть и отчаяніе достигаютъ во мнѣ такого напряженія, что я дѣлаю послѣднее усиліе крикнуть—и просыпаюсь!

Такъ начался этотъ день. Очнувшись, я шумно вздохнулъ и долго глядѣлъ неподвижнымъ взоромъ, точно изумленный спокойнымъ видомъ комнаты. Давно день, ставни открыты и на часахъ—половина десятаго... Волненіе сна таетъ и уступаетъ мѣсто трез-

вому сознанію дѣйствительности. Какой вздоръ снился мнѣ! И что это напоминаетъ онъ непріятное и какъ будто неестественное? Ахъ, да! Зина повѣнчалась вчера съ Богаутомъ... Значитъ, несомнѣнно, что я пережилъ эту долгую и тяжелую болѣзнь, и что моему роману—форменный конецъ!

Вотъ теперь я ужъ твердо вѣрю въ это. Правда, я давно все зналъ, но тѣмъ не менѣе аккуратно продолжалъ ходить къ Соймоновымъ. Сегодня четвергъ,—значитъ, это было въ воскресенье... Смѣшно, какъ все это вышло неожиданно! Я думалъ мирно провести вечеръ въ семьѣ, къ которой уже привыкъ. И вдругъ—темнота и тишина во всемъ домѣ, Александръ Данилычъ одинъ сидитъ въ темномъ кабинетѣ, усиленно куритъ, задыхаясь болѣе обыкновеннаго, и говоритъ мнѣ, какъ только я появляюсь на порогѣ, неестественно равнодушно:

— А Катерина Семеновна съ Зиной по лавкамъ поѣхали.

И, попыхтѣвъ, продолжаетъ иронически:

— Великое переселеніе народовъ, что называется... Къ семейному торжеству готовимся... Нынче, знаете, весьма скоропалительно выходятъ эти исторіи. И все поскорѣй, на дѣловой ладъ—и до свиданія!

Онъ хочетъ смягчить свои слова ироніей, но я понимаю его и стараюсь только объ одномъ—получше попадать ему въ тонъ, чтобы поскорѣе и поприличнѣе уйти.

И я ушелъ, пришибленный, точно выгнанный изъ дому. Чтобы заглушить чувство боли, я усиленно развивалъ въ себѣ злобу и презрѣніе къ этимъ свадебнымъ приготовленіямъ. Я бродилъ по городу, и когда однажды встрѣтилъ жениха, проѣхавшаго съ какими-то картонками въ коляскѣ, остановился и расхохотался. Катается, дуракъ, на чужихъ лошадяхъ и доволенъ! какъ домой, является въ чужую семью и не стыдится этихъ портнихъ и бѣлошвеекъ, заваливших всѣ комнаты матеріями и выкройками! Не стыдится и она,—даже весела и счастлива... Какое ей дѣло до моихъ каверзныхъ улыбокъ и моего страданія?.. А потомъ—сумерки, освѣщенная церковь, суета около паперти. Подкатываютъ кареты, и щеголь-приставъ горячится, чтобы сохранить порядокъ въ этой церемоніи... И церемонія совершится въ образцовомъ порядкѣ!

Но даже попытки злиться не удавались мнѣ. Я, какъ во снѣ, ходилъ на службу, и однѣ и тѣ же мысли о Зинѣ, о свадьбѣ дурманили мнѣ голову. А тутъ еще Елена! Чѣмъ я виноватъ, что она неравнодушна ко мнѣ? Я знаю, что она одинока, измучена бѣганьемъ по урокамъ, что она бросила семью и живетъ впроголодь, но зато у нея есть цѣли и надежды, мечты о курсахъ, о наукѣ и какой-то хорошей жизни. У меня нѣтъ пока никакихъ

цѣлей, и вольно же ей было мечтать увлечь и меня за собою! Всегда такая бодрая и веселая, она странно измѣнилась за послѣднее время. То грустно-ласкова со мной, то хмурится, точно ей больно. А когда я рѣзко заявилъ ей третьяго дня о своемъ отъѣздѣ, она вспыхнула, взглянула на меня изумленными глазами, потомъ неловко и кротко улыбнулась и, едва выговоривъ: до свиданья,—ушла... Я разсѣянно посмотрѣлъ ей вслѣдъ.

Но вотъ эти сумерки наступили, и я очнулся. Я минута за минутой пережилъ въ воображеніи все, чтò должно происходить въ церкви, и жгучая злоба, ревность и даже почему-то страсть къ Зинѣ разрывали мнѣ сердце. Я плакалъ и кого-то умолялъ сжалиться надо мною. Если бы вошла она въ эту минуту! Я обезумѣлъ бы отъ счастья, цѣловалъ бы ея ноги!.. Иногда я порывался бѣжать къ ней и у нея искать спасенія отъ моей скорби. Но она-то и мучила меня! Выхода не было, и я метался по своей комнатѣ... Потомъ острая боль стала замирать. Совсѣмъ стемнѣло; затихающій гулъ соборнаго колокола медленно и ровно раскачивался надъ городомъ. Я зналъ, что все уже кончилось тамъ, въ церкви. Острую боль замѣнила тупая, скучная, и я крѣпко заснулъ.

Вотъ опять день, но мнѣ теперь легче. И какъ хорошо, что я проснулся! То, чтò снилось, такъ странно слилось со всѣмъ пережитымъ за послѣднее время. Но это—послѣдній отголосокъ его. Надо вставать, собираться и куда-нибудь уѣхать...

Только неужели я больше не увижу ее? И что мнѣ дѣлать съ Еленой?

II.

— Панычу!—раздался голосъ Одарки за дверью,—уже можно нести самоваръ?

— Черезъ пять минутъ!—крикнулъ я лѣниво. Собственно говоря, хорошо не то, что я проснулся, а что кончились эти сновидѣнія. Заснуть спокойно и глубоко было бы такъ отрадно! Но сонъ не приходитъ. Надо, значитъ, подыматься.

Я долго мылся холодной водой, потомъ, не спѣша, сталъ одѣваться, что-то обдумывая, въ чемъ и самому себѣ не могъ бы дать отчета. За стѣной малороссійской скороговоркой ругалась на кухарку хозяйка. Мимо окна мягко прокатилъ по немощеной мостовой извозчикъ, и, стуча сапогами по деревянному тротуару, прошли два семинариста. Мнѣ бы тоже давно пора идти—на службу, но я уже второй день бросилъ думать о службѣ и, конечно, не пойду и сегодня.

— Вы жъ, панычу, справди уѣдете сёгодня?— спросила Одарка, входя въ комнату съ кипящимъ самоваромъ въ рукахъ.

— Что?—машинально проговорилъ я и, помню, долго глядѣлъ на нее безъ отвѣта... Да,—думалъ я,—Зина непремѣнно уѣдетъ сегодня съ мужемъ въ Крымъ. Значитъ, мнѣ тоже надо уѣхать отсюда. Что мнѣ дѣлать теперь въ этомъ скучномъ и постыломъ городишкѣ? Пора, наконецъ, начать болѣе спокойную жизнь!

— Я вечеромъ уѣду,—отвѣтилъ я твердо и почти сердито.— Непремѣнно!

И какъ только Одарка скрылась, рѣшительно заварилъ чаю, привелъ въ настоящій порядокъ свой туалетъ и нѣсколько разъ прошелся изъ угла въ уголъ, оглядывая, съ чего начать сборы въ дорогу. Но вдругъ дверь снова распахнулась.

— Письмо-съ,—проговорилъ внезапно появившійся на порогѣ почтальонъ, бойко приложилъ къ козырьку руку и скрылся.

Я быстро схватилъ письмо—и мгновенно разочаровался. „Пожалуйста, не уходи никуда завтра. Мнѣ нужно серьезно поговорить съ тобой. Е. Добронравова“. „Какое бабье письмо!“ подумалъ я почти со злобой. Не уходи, серьезно поговорить! Совершенно не понимаю, что я могу сказать ей! Мнѣ жаль ея, но чѣмъ я виноватъ въ этомъ глупомъ стеченіи обстоятельствъ?

«Красавицу юноша любитъ,
А ей полюбился другой,
Другой этотъ любитъ другую...»

Но это старая исторія!

Взволнованный, я кинулъ письмо на столъ и опять опустился въ кресло.

День облачный, вѣтреный—стоитъ уже конецъ сентября— и вѣтеръ проноситъ по улицѣ пыль и листья. Въ открытую форточку долетаетъ твевожный шумъ тополей. Улица, гдѣ я такъ однообразно провелъ почти два года,— безлюдная, тихая и вся въ деревьяхъ. Деревья на бульварѣ и около тротуаровъ—старыя и развѣсистыя. Теперь они шумятъ сухой листвою; вѣтеръ гонитъ облака пыли и качаетъ ихъ изъ стороны въ сторону... А пять мѣсяцевъ тому назадъ, въ теплые апрѣльскіе дня, они кудрявились нѣжной, мелкой зеленью, голубое небо сіяло между ихъ вершинами, и я бродилъ подъ ними по мягкой, влажной землѣ, чему-то радуясь и улыбаясь!

Пять мѣсяцевъ... И мнѣ хочется твердо и опредѣленно сказать себѣ, что я очень глупо провелъ эти пять мѣсяцевъ. Убѣдить себя въ этомъ мнѣ тѣмъ легче, что я не только не люблю Зины теперь, но даже со стыдомъ вспоминаю свое униженное положеніе передъ нею и все, что такъ откровенно говорилъ ей.

Я очень ясно вижу теперь, что мой романъ оказался довольно-таки ничтожной исторіей.

Знакомство состоялось въ мартѣ. Незадолго передъ тѣмъ у насъ образовался „музыкально-драматическій кружокъ", и я самъ написалъ объ этомъ событіи корреспонденцію въ „Лѣтопись Юга". Корреспонденціи увеличиваютъ мое жалованье въ земской управѣ рублей на восемь, на десять въ мѣсяцъ, и я аккуратно сообщаю въ „Лѣтопись" обо всѣхъ выдающихся городскихъ событіяхъ. Съ кривой улыбкой, я пишу газетнымъ жаргономъ о положеніи народной столовой и чайной, о полковыхъ праздникахъ, о дамскомъ благотворительномъ кружкѣ, о домѣ трудолюбія, гдѣ бѣдные старики и старухи, измученные и обездоленные жизнью, обречены подъ конецъ этой жизни выполнять идіотскую работу—трепать, напримѣръ, мочало... Пишу о томъ, что сельскохозяйственное общество „заслушало" и „передало въ коммиссію" чрезвычайно любопытный докладъ подъ заглавіемъ: „Къ вопросу объ урегулированіи свиноводства", и тутъ же добавляю, что „нельзя не отмѣтить и другого отраднаго факта: въ средѣ мѣстнаго интеллигентнаго общества, по иниціативѣ ея превосходительства, супруги начальника губерніи, возникла благая мысль организовать въ нашемъ богоспасаемомъ городкѣ кружокъ съ цѣлью проведенія въ жизнь и доставленія публикѣ здоровыхъ и разумныхъ развлеченій..." Съ той же улыбкой я отправился и въ дворянскій клубъ, на одинъ изъ вечеровъ „кружка", въ качествѣ скрипача, участвующаго въ концертѣ. Я предчувствовалъ, что ничего не выйдетъ путнаго изъ моихъ посѣщеній клуба.

Люди, къ которымъ я принадлежу и которые называются у насъ интеллигенціей (безъ ироніи, въ отличіе отъ „обывателей"), совсѣмъ не умѣютъ „держать себя". Не умѣю и я. Заставь меня разговаривать съ коммерсантомъ, съ военнымъ, съ протопопомъ, съ чиновникомъ—я окажусь въ непріятномъ положеніи. Я не съумѣю поддѣлаться подъ его тонъ, не съумѣю провести съ нимъ какъ слѣдуетъ даже часа. Такъ было и со мной на вечерахъ „кружка".

Утомленный однообразной зимней жизнью—службой, обѣдами въ кухмистерской и скучными вечерами въ своей студенческой комнаткѣ, гдѣ всегда пахнетъ дешевымъ глицериновымъ мыломъ и гдѣ вся мебель состоитъ изъ стола, кровати, двухъ-трехъ стульевъ и плетеной корзины,—я былъ возбужденъ „господской" атмосферой клуба. Я былъ доволенъ, что меня знакомятъ съ семьями вице-губернатора и предсѣдателя суда, съ чиновниками особыхъ порученій и съ богатымъ молодымъ помѣщикомъ Вечесловымъ, который такъ хорошо играетъ въ любительскихъ спектакляхъ... Всѣ они такіе свѣжіе, бодрые и всѣ хотятъ незамѣтно обласкать тебя, обращаясь „совсѣмъ какъ съ своимъ". Въ клубѣ—

свѣтло, просторно, зеркала, бархатная мебель, пахнетъ дорогимъ табакомъ и оживленно идетъ говоръ. А главное, я не чувствую себя лишнимъ на этотъ разъ: я съигралъ, какъ настоящій скрипачъ, одну вещь грустную, нѣжную, похожую на колыбельную пѣсенку, а другую—бойкую, въ темпѣ мазурки, съ рѣзкими ударами смычка и pizzicato, т. е. исполнилъ все, что по шаблону полагается сыграть скрипачу на концертѣ, и былъ одобренъ.

Словомъ, первые вечера въ клубѣ прошли недурно. Но на слѣдующихъ я уже безпріютно ходилъ изъ комнаты въ комнату, чѣмъ-то возбужденный и не находя исхода своему волненію. Вотъ тутъ-то и состоялось мое знакомство съ Соймоновыми.

Всѣ они мнѣ понравились: и са́мъ докторъ, пожилой человѣкъ, похожій на помѣщика, съ одышкой и съ такимъ видомъ, словно онъ объѣлся, и его жена, болтливая, молодящаяся grande dame, и ея падчерица, Зина, высокая, красивая дѣвушка съ чудными темносиними глазами и длинными рѣсницами.

— Зиночка, матушка! Что это ты сидишь такая сонная?— сказалъ Александръ Данилычъ, подводя меня къ дочери.—Я вотъ тебѣ еще жениха привелъ. Посмотри—можетъ, понравится.

— Ну, садитесь и разсказывайте,—проговорила Зина. Она улыбнулась и красиво подняла рѣсницы, но только на мгновеніе перевела глаза на меня, а потомъ снова стала глядѣть въ сторону, сидя прямо и машинально играя вѣеромъ.

Я не обратилъ на это вниманія и спросилъ весело:

— Съ чего же начать прикажете?

— Въ качествѣ жениха — съ того, кто вы такой, откуда, почему?..

— Зовусь Магометомъ я,—сказалъ я, съ шутливой грустью опуская глаза.—Я потомокъ бѣдныхъ Азровъ...

— Полюбивъ, мы умираемъ? — добавила Зина. Потомъ пристально и задумчиво посмотрѣла на меня.

— Вы не декадентъ?—спросила она и опять отвела глаза въ сторону.—Не пишете о фіолетовыхъ страданіяхъ?

— Развѣ Азры были декадентами?

— Но вѣдь вы ихъ потомокъ.

— Все-таки не понимаю, почему я долженъ быть декадентомъ.

— Я шучу,—сказала Зина серьезно,—у васъ такое лицо... Да вы и не обижайтесь. Я сама иногда думаю, что я декадентка. „Чего хочу, сама не знаю“...

— Вѣроятно, это можно же узнать въ концѣ концовъ?

— Вѣроятно... Жизни, должно быть...

— Это еще не декадентство.

— Все равно, теперь вещи въ родѣ этого всѣ носятъ такую кличку...

— Ну, а лицо-то у меня какое же?

— Лицо? Мнѣ кажется, вы могли бы умереть, полюбивъ, но бѣда въ томъ, что вы, вѣроятно, никого не полюбите.

Я былъ задѣтъ за живое, но сдержалъ себя и сталъ говорить полушутливымъ тономъ:

— Можетъ быть... Вы, пожалуй, сказали горькую правду. Кого намъ любить?

— Кому это вамъ?—перебила Зина.

— Людямъ въ родѣ меня,—отвѣтилъ я уклончиво.—Обществу праздныхъ и обезпеченныхъ людей, гдѣ могъ бы процвѣтать культъ любви, мы чужды... да едва ли въ состояніи удовлетвориться такимъ обществомъ. Правда, мы тоже захвачены этой пробудившейся всюду жаждой жизни, красоты, поэзіи, даже комфорта, но пользоваться этимъ мы еще конфузимся, да ничего этого у насъ и нѣтъ. А къ этому надо прибавить еще то, что въ сферѣ любви что-то совершается, что-то назрѣваетъ новое. Вы замѣтьте: теперь совсѣмъ не пишутъ о любви; пишутъ о любви или такъ, для проформы, сѣро и безцвѣтно, или же совсѣмъ въ низкомъ тонѣ— только о чувственности...

— Виновата,—вдругъ сказала Зина небрежно.—Мнѣ нужно подойти къ тетушкѣ.

И она съ привѣтливой и радостной улыбкой пошла навстрѣчу старухѣ, сопровождаемой бѣлокурымъ и женственнымъ молодымъ человѣкомъ,—старухѣ съ лошадинымъ лицомъ и совиными глазами, которые посмотрѣли на меня очень удивленно. Я опять почувствовалъ себя лишнимъ и надулся. А когда Зина вернулась ко мнѣ, началъ притворно-лѣниво и очень некстати глумиться надъ жандармскимъ полковникомъ (человѣкомъ съ сизымъ и злымъ лицомъ обыкновеннаго военнаго типа), надъ любительницей-пѣвицей, пожилой, некрасивой и сильно декольтированной дѣвушкой, надъ віолончелистомъ...

— Посмотрите,—говорилъ я,—какой онъ маленькій, молоденькій и головастый. Типичный музыкантикъ. Лицо—конфектное, но зато волосы совсѣмъ какъ у Рубинштейна. И вѣдь я знаю, что онъ вовсе не юноша. А такъ—„маленькая собачка до-вѣку щенокъ“...

— А это кто, не знаете?—продолжалъ я, все болѣе раздражаясь и въ тоже время все болѣе ощущая женственное обаяніе Зины.—Вотъ тотъ пожилой господинъ съ артистической наружностью и лицомъ алкоголика? Посмотрите, какъ у него запухли глаза и какъ онъ смотритъ всегда—точно сонный, съ холоднымъ презрѣніемъ. Это настоящій клубный посѣтитель, и про него непремѣнно говорятъ, что онъ—умница, золотая голова, только спился, опустился и долженъ всѣмъ...

— Это Алексѣй Алексѣевичъ Бахтинъ, мой дядя,—отвѣтила Зина съ неловкой улыбкой...

III.

Зачѣмъ вспоминать все это подробно? Послѣ нашего перваго разговора съ Зиной почти ничего не измѣнилось за всѣ пять мѣсяцевъ. Я началъ часто бывать у Соймоновыхъ и Зина сперва радовалась мнѣ. Мы даже говорили другъ другу, что мы—большіе друзья, но что-то мѣшало нашей дружбѣ. Это я чувствовалъ больше всего, когда у Соймоновыхъ собирались гости. Да и вообще наши разговоры—даже наединѣ, въ отсутствіи этихъ бѣлокурыхъ молодыхъ людей изъ суда—не удовлетворяли меня. Наступили свѣтлые апрѣльскіе дни, и я все чаще сталъ упрашивать Зину отправиться куда-нибудь за городъ, въ степь... Мнѣ казалось, что я все скажу ей тамъ... Но она неизмѣнно отвѣчала:

— Я вовсе не хочу, чтобы мы сдѣлались басней города. Вотъ соберемся какъ-нибудь компаніей. Вы вѣдь, все равно, знаете, что я только для васъ поѣду.

И я ограничивался тѣмъ, что провожалъ ее въ лавки или въ народную чайную, гдѣ она, въ числѣ другихъ дамъ-покровительницъ, дежурила по пятницамъ. А вечеромъ я одинъ уходилъ за городъ, къ вокзалу за рѣку, или въ городской садъ, гдѣ еще не началась лѣтняя ресторанная жизнь.

По вечерамъ въ саду совсѣмъ никого не было. Чистый весенній воздухъ холодѣлъ на закатѣ, и въ пустынномъ, еще черномъ саду казалось, что стоитъ ясный октябрьскій вечеръ. Только первыя алмазныя звѣздочки по весеннему, ласково теплились надъ вершинами деревьевъ и соловьи въ чащахъ уже пробовали свои голоса. Рѣзко пахло пробивавшейся изъ земли травкой и самой землею—холодной и влажной. И я до полной усталости ходилъ въ пустынныхъ аллеяхъ и по дорожкамъ, засыпаннымъ прошлогодней слежавшейся листвою... Дома же я до поздней ночи игралъ у раскрытаго окна на скрипкѣ элегіи, и скрипка звонко и жалобно пѣла въ чистомъ ночномъ воздухѣ, въ ладъ съ моимъ сердцемъ.

Потомъ было одно время, когда Зина рѣзко измѣнилась ко мнѣ. Въ срединѣ мая управа назначила экстренное земское собраніе, и подготовительныя управскія работы къ собранію около двухъ недѣль не позволяли мнѣ ходить къ Соймоновымъ. И вотъ какъ-то въ воскресенье я сидѣлъ въ своей комнатѣ и спѣшилъ окончить кое-какія статистическія выкладки, чтобы передъ вечеромъ можно было отправиться къ Зинѣ. Съ самаго утра перепадалъ теплый,

веселый дождикъ, и обмытая имъ майская зелень и самый воздухъ, казалось, молодѣли отъ него. Громъ рокоталъ то въ той, то въ другой сторонѣ, но поминутно, между клубами дымчатыхъ и бѣлыхъ облаковъ, вздымавшихся по небу, сіяла яркая, чистая лазурь и выглядывало жаркое солнце... Я засмотрѣлся въ окно, на голубыя лужи подъ деревьями, какъ вдругъ мимо окна быстро прошла Зина. Съ минуту я сидѣлъ неподвижно, изумленный ея появленіемъ, потомъ схватилъ шляпу и кинулся на улицу... Ахъ, какой это былъ славный и веселый день!

— Мнѣ было грустно безъ васъ,—говорила Зина смущенно, но улыбаясь,—я сама, наконецъ, рѣшилась идти къ вамъ.

И я въ упоеніи цѣловалъ ея руки и не зналъ, что сказать ей отъ счастья...

А потомъ я не зналъ, что сказать, отъ сомнѣній. Я по цѣлымъ ночамъ обдумывалъ на тысячи ладовъ, что можетъ выйти изъ моего брака съ Зиной, и приходилъ къ неутѣшительнымъ заключеніямъ. „Мы разные люди,—думалъ я,—она даже мало интеллигентна. Наконецъ, у нея ничего нѣтъ, и куда я возьму ее? Въ эту комнату?“

И потянулись томительные вечера, которые я неизмѣнно проводилъ у Соймоновыхъ. Что-то мѣшало мнѣ высказаться передъ Зиной. Я потерялъ, выражаясь вульгарно, удобный моментъ. Да и было ли что высказывать? Любилъ ли я ее?

Помню, въ одинъ холодный и дождливый вечеръ мнѣ было особенно скучно. Зина что-то вязала, я перелистывалъ журналъ. Стихотвореніе Леконта де-Лиля, которое я нашелъ въ немъ, чрезвычайно совпало съ моимъ настроеніемъ, и я сталъ читать, едва сдерживая слезы:

Укоръ ли намъ неся, прощальный ли привѣтъ,
Какъ дальнихъ волнъ прибой, осенній вѣтеръ стонетъ
И вдоль пустыхъ аллей деревья грустно клонитъ,
О, солнце,—а на нихъ твой свѣтъ, кровавый свѣтъ...

Изъ славныхъ ранъ твоихъ, родникъ и свѣточъ дня,
Какъ изъ груди бойца потокъ любви высокой,
Струится золото лучистое широко...
Ты умираешь... Ахъ, лишь ночь—вотъ смерть твоя!

Но сердцу, что въ конецъ разбито, сердцу кто же
Вернетъ и жизнь, и свѣтъ, вернетъ надежду, Боже?

— Не правда ли, какъ хорошо?—спросилъ я.

— Да, красиво,—отвѣтила Зина машинально.

— А по моему,—сказалъ Александръ Данилычъ,—все это „собачья старость“ и больше ничего.

Зина звонко и весело расхохоталась...

А тутъ у Соймоновыхъ почти каждый день началъ бывать помощникъ присяжнаго повѣреннаго Богаутъ, молодой человѣкъ, здоровый и жизнерадостный, какъ нѣмецъ, всегда со всѣми любезный и ласковый. Я же сталъ проводить вечера въ обществѣ Елены, милой и простой дѣвушки, типичной курсистки изъ духовнаго званія. Мы ѣли съ ней колбасу, пили чай и слушали у окна музыку военнаго оркестра, доносившуюся изъ городского сада. Съ Еленой мнѣ было легко и хорошо, я по цѣлымъ часамъ могъ жаловаться ей на свою участь и цѣловалъ у ней руки. Но что, кромѣ этого, я могъ сказать ей? И какъ быстро разочаровалась бы она во мнѣ!

Мнѣ мучительно жаль ея теперь, но я долженъ во что бы то ни стало избѣгнуть этого послѣдняго свиданія!..

IV.

Въ надеждѣ, что она придетъ какъ разъ въ мое отсутствіе, я отправляюсь въ кухмистерскую обѣдать.

Въ самомъ дѣлѣ, какой скучный день! Прохожихъ мало, извозчики у перекрестковъ дремлютъ. Бѣлые каменные дома въ пыли. Вѣтеръ несетъ по мостовой эту бѣлесую пыль и шуршитъ на бульварахъ тощими и почернѣвшими акаціями... Вотъ присутственныя мѣста на площади, вотъ главная улица. Тутъ больше прохожихъ и проѣзжихъ, около магазиновъ тѣснятся экипажи... Мнѣ же все кажется, что въ городѣ—праздникъ, потому что Зина вчера повѣнчалась и сегодня дѣлаетъ съ мужемъ визиты... Шибко прокатилъ на парѣ сѣрыхъ, бойкихъ и злыхъ лошадей полиціймейстеръ. Пристяжная круто отвернула отъ коренника голову, кучеръ—въ струну, а самъ полиціймейстеръ весело оглядывается, по офицерски заложивъ руки въ карманы. Это онъ къ Соймоновымъ, должно быть... И я безсознательно прибавляю шагу; сердце забилось сильнѣе, и тянетъ хоть еще разъ взглянуть на нее...

Но зачѣмъ?

И преодолѣвъ себя, я сворачиваю на тихую Старо-Зáмковую улицу, гдѣ уже второй годъ обѣдаю въ польской „кондитерской“.

Я быстро подошелъ къ дверямъ—и внезапно струсилъ А если тутъ Елена? Вѣдь часто случалось, что мы обѣдали вмѣстѣ. Можетъ случиться и сегодня...

Въ нерѣшимости я прошелъ мимо оконъ, заглянулъ въ столовую. Въ столовой пусто,—значитъ, можно идти смѣло...

Съ облегченнымъ сердцемъ я взялся за ручку двери.

Но невеселыя мысли и тутъ преслѣдовали меня. Знаете вы этихъ

забитыхъ трудомъ и бѣдностью старушекъ, которыя встрѣчаются иногда на улицахъ, въ кухмистерскихъ и присутственныхъ мѣстахъ въ дни выдачи пенсій? Почему-то всѣ онѣ маленькаго роста, ходятъ въ старенькихъ бурнусахъ и убогихъ шляпкахъ, смотрятъ на все робкими, недоумѣвающими глазами и возбуждаютъ мучительную жалость своимъ покорнымъ видомъ... Какъ нарочно, и сегодня одна изъ нихъ тутъ.

Я старался глядѣть только въ тарелку, но не могъ забыть о своей сосѣдкѣ. Вѣрно, думалось мнѣ, она даетъ уроки языковъ или музыки, живетъ одна въ маленькой, чистой комнаткѣ, гдѣ горитъ лампадка въ часы ея недолгаго отдыха, когда темнѣетъ субботній вечеръ и тихо рѣетъ надъ городомъ звонъ ко всенощной... Но чувствуетъ ли она, какъ горько на старости лѣтъ, безъ семьи, безъ близкихъ, отдыхать только въ субботній вечеръ? Знаетъ ли она, какъ тяжело глядѣть на нее, когда плетется она въ своемъ старенькомъ бурнусѣ съ урока въ кухмистерскую или вечеромъ въ лавочку за осьмушкой чаю? А главное, не приходитъ ли ей въ голову, что между нами есть что-то общее?

Эта мысль злитъ меня, я знаю, что глупо разжалобливать себя, и все-таки невеселыя думы и воспоминанія вереницей проходятъ въ моей головѣ. Я спѣшу домой и усердно принимаюсь за уборку вещей въ дорогу. Но какія же у меня вещи?

Я открылъ корзину, въ которой въ безпорядкѣ навалено бѣлье, выдвинулъ изъ подъ кровати чемоданъ съ письмами, бумагами и нотами—и опустилъ руки.

Тутъ всѣ мои воспоминанія. Этотъ чемоданъ — мой старый товарищъ. Въ первый разъ онъ отправился со мной въ путешествіе еще тогда, когда я только что „вступалъ въ жизнь“, т. е. ѣхалъ на югъ, въ университетскій городъ.

Удивительно живо я помню эти дни въ пути! Помню даже, какъ смотрѣлся въ зеркало на вокзалѣ въ Курскѣ и думалъ, что я похожъ на Шопена; помню, какъ по вагону ходили полосы свѣта и тѣни — отъ яркаго мартовскаго солнца и клубовъ дыма, плывущихъ мимо оконъ. Снѣжныя поля блестѣли золотой слюдой, сіяющая даль манила къ югу, къ чему-то молодому и веселому... А потомъ—большой, шумный городъ, весна, во всемъ что-то нѣжное, легкое, южное... Сѣверный уѣздный городокъ, гдѣ осталась моя семья, разорившаяся помѣщичья семья, былъ отъ меня далеко, и я не понималъ тогда, что потерялъ послѣднюю связь съ родиной,—именно послѣднюю. Развѣ есть у меня теперь родина? Если нѣтъ работы для родины, нѣтъ и связи съ нею.

Общество переживало тогда глухое время. Старшіе братья съиграли свою роль и разбрелись по бѣлу-свѣту. Младшіе—одни не хотѣли, другіе не чувствовали себя въ силахъ продолжать ихъ

оборвавшуюся дѣятельность. Общественная жизнь замерла... И для меня потянулись одинокіе дни, безъ дѣла. безъ цѣли въ будущемъ и почти въ нищетѣ. Вѣдь у меня нѣтъ даже и этой связи съ родиной—своего угла, своего пристанища. И я быстро постарѣлъ, вывѣтрился нравственно и физически, сталъ бродягой въ поискахъ работы для куска хлѣба; а свободное время посвятилъ меланхолическимъ размышленіямъ о жизни и смерти... Такъ сложился мой характеръ и такъ просто прошла моя молодость.

Собственно говоря, и вспоминать-то нечего. А все-таки при взглядѣ на этотъ истрепанный чемоданъ я опускаю руки, подавленный воспоминаніями. Каждый разъ, какъ мнѣ приходится укладывать въ него мой скарбъ, я говорю себѣ: вотъ еще невозвратно прошло столько-то лѣтъ; еще часть моей жизни оторвана... И мнѣ больно говорить это себѣ. Вспоминаются одинъ за другимъ дни, проведенные въ этой комнатѣ,—дни, полные моихъ неопредѣленныхъ надеждъ и мечтаній, и кажется, что было въ нихъ что-то молодое и хорошее. Вспоминаются и далекіе дни, тѣ, что рисуются мнѣ словно въ туманѣ. О нихъ говорятъ связки писемъ. Вотъ письма родныхъ, которые гдѣ-то тамъ, на сѣверѣ, все еще ждутъ меня къ праздникамъ и грустятъ обо мнѣ съ нѣжною любовью, какъ о мальчикѣ... Вотъ письма первой любви, первыхъ товарищей... И при взглядѣ на каждое изъ нихъ у меня сжимается сердце...

Рѣзкій звонокъ заставилъ меня быстро вскочить съ кресла и кинуться къ шляпѣ. Елена! И я заметался по комнатѣ, готовый даже прыгнуть въ окошко. А между тѣмъ уже слышенъ ея голосъ:

— Дома Сергѣй Николаевичъ?

— Дома, дома, заходить, пожалуйста!

Я распахнулъ дверь, пробѣжалъ черезъ кухню, оттуда — по двору къ калиткѣ и, пока Елена была въ домѣ, успѣлъ повернуть за уголъ... У меня какой-то нелѣпый страхъ къ этимъ „серьезнымъ разговорамъ“.

V.

До поздняго вечера я бродилъ за городомъ.

Кругомъ было поле, безжизненное, унылое. Наплывали угрюмыя тучи, вѣтеръ усиливался и сухой бурьянъ летѣлъ по пашнямъ въ непривѣтную, темную даль. И на душѣ у меня становилось тоже все темнѣе и темнѣе.

Въ смутномъ, волнующемся сумракѣ городского сада я сидѣлъ подъ старыми деревьями на забытой скамейкѣ. Вотъ гдѣ, думалось мнѣ, уныніе-то теперь—на кладбищѣ! Развѣ въ смерти есть что-

нибудь ужасное, сильное? Смерть—ничто, пустота. И только однимъ этимъ и пугаетъ насъ смерть. И на кладбищѣ также: сумерки, ни души кругомъ; могилы и могилы, заросшія травою; трава теперь высохла, пожелтѣла и тихо шелеститъ отъ вѣтра.

— А гдѣ Елена?—приходило мнѣ иногда въ голову внезапно.—Вѣдь она совсѣмъ одна и въ безнадежной тоскѣ ждетъ ночи... Можетъ быть, она тутъ гдѣ-нибудь,—въ саду?

Я вдругъ вспоминаю слова пріора Гейстербаха о вѣтреныхъ дняхъ и душахъ повѣсившихся людей и въ испугѣ поднимаюсь со скамьи. Зачѣмъ я такъ подло и трусливо спрятался отъ нея? Зачѣмъ не поговорилъ съ ней? Хотя, съ другой стороны, что же я могъ сказать ей? Это все равно, что мнѣ отправиться сейчасъ къ Зинѣ... Да и нельзя отправиться... Пять часовъ, она уѣхала...

Я опять сажусь и пристально гляжу въ одну точку, стараясь охватить то, что̀ творится въ моей душѣ.

Звѣзды въ мутномъ небѣ свѣтятъ блѣдно и сумрачно. Вѣтеръ поднимаетъ пыль на дорожкахъ почти темнаго сада, и съ деревьевъ сыплются листья. Точно напряженный шепотъ, не смолкаетъ надо мною порывисто усиливающійся шумъ и шелестъ деревьевъ. А когда вѣтеръ, какъ духъ, какъ живой, убѣгаетъ, кружась, въ дальнія аллеи, старые тополи гудятъ тамъ такъ угрюмо, что становится жутко. Гулъ ихъ вершинъ грустно сливается съ моимъ настроеніемъ, и старыя грустныя сравненія приходятъ въ голову... Какъ вѣтеръ листьями, играетъ жизнь моею судьбою, и я не виноватъ, что не могу открытой грудью встрѣтить бурю жизни!

Когда я, наконецъ, рѣшилъ вернуться домой, была уже ночь. Подавленный тоской, подгоняемый вѣтромъ, я безсильно брелъ по улицамъ. Вотъ и нашъ домишко ярко свѣтитъ окнами въ черномъ мракѣ подъ деревьями. Кругомъ шумъ вѣтра и листьевъ, а тамъ затишье, и сухія вѣтки плюща, какъ во снѣ, качаются надъ окномъ моей комнаты. Въ ней, за стеклами, спокойнымъ, ровнымъ свѣтомъ горитъ лампа... Куда же я ѣду? Кто гонитъ меня въ эту неизвѣданную даль, гдѣ полутемный поѣздъ, одинокая ночь и долгій, замирающій, точно прощальный, стонъ паровоза?

Въ страхѣ я остановился.

— Елена!—хотѣлось крикнуть мнѣ.

И точно по волшебству угадавъ мое желаніе, она неслышно вышла изъ темноты подъ деревьями.

— Можно къ тебѣ?—спросила она деревяннымъ голосомъ.

Я растерялся и смущенно пробормоталъ:

— Конечно... Конечно, можно... Сдѣлай одолженіе...

Въ темнотѣ я долго не могъ попасть ключемъ въ замочную скважину, наконецъ, отворилъ дверь и неестественно-шутливо проговорилъ:

— „Прошу, сказалъ Собакевичъ“.

— Я только на минутку,—отвѣтила она сухо, входя въ комнату и не глядя на меня.

Я подвинулъ ей кресло, сѣлъ противъ нея и взялъ ее за руку.

— Снимай,—сказалъ я ласково, указывая глазами на перчатку,—посиди у меня.

Она взглянула на меня, улыбнулась, но вдругъ губы ея дрогнули и на глазахъ показались слезы.

— Елена!—сказалъ я тихо.—Еленочка!

Она не отвѣтила. Я повторилъ свои слова, но уже безъ нѣжности и пожалъ плечами. Что же мнѣ еще сказать ей?

— Елена! — снова началъ я съ раздраженіемъ. — Надо же взять себя въ руки, — прибавилъ я, чувствуя, что говорю глупости.

Она упорно молчала. Зубы ея были стиснуты, въ голубыхъ глазахъ, пристально устремленныхъ на огонь, стояли слезы.

Я съ шумомъ отодвинулъ кресло, быстро застегнулъ на всѣ пуговицы пиджакъ и, заложивъ руки въ его карманы, заходилъ по комнатѣ. Но повернувъ раза два или три, снова бросился въ кресло и, прикрывъ глаза, спросилъ съ холодной насмѣшливостью:

— Что же тебѣ угодно отъ меня?

Она быстро и удивленно взглянула на меня, хотѣла что-то сказать, но вдругъ закрыла лицо руками и разразилась громкими, судорожными рыданіями. И рыдая, комкая къ глазамъ платокъ, заговорила отрывистымъ, крикливымъ голосомъ:

— Ты не смѣешь такъ говорить!.. Какъ ты... смѣ-ешь... когда я... та-акъ... относилась къ тебѣ!.. Ты обманывалъ... Ты только... фамильярничать способенъ!..

— Зачѣмъ ты врешь?—перебилъ я ее,—ты знаешь, что я искренно относился къ тебѣ, по дружески. Но чѣмъ я былъ обязанъ на большее? Какъ это пошло; воображать, что разъ человѣкъ сталъ говорить женщинѣ „ты“, это ужъ что-то особенное! Я не хочу вашей любви, я хочу новыхъ, простыхъ отношеній. Если бы ты даже сошлась со мной, то почему мы должны быть связаны на всю жизнь? Я путаюсь, но ты понимаешь меня...

— А я не хочу твоей декадентской дружбы,—крикнула Елена и отняла платокъ отъ глазъ.—Что значатъ эти новыя отношенія? Чего ты ломался,—заговорила она, твердо сдерживая рыданія и глядя на меня въ упоръ съ ненавистью.—Почему ты вообразилъ, что со мной только и можно было, что болтать ерунду? Чѣмъ я хуже тебя? Ты не смѣешь думать, что я навязываюсь тебѣ... Но я *такъ* спрашиваю: почему ты мысли даже не допускалъ, чтобы я осталась съ тобой? Я одна, меня ждетъ ужасная жизнь гдѣнибудь въ сельскомъ училищѣ, и я пойду туда, но я тоже чело-

вѣка... А ты... ты даже вообразить не можешь, какъ я ненавижу васъ всѣхъ,—неврастениковъ! Хоть бы каплю совѣсти, хоть бы на іоту что-нибудь для другихъ! Все для себя! Все ждете, что ваша трусливая жизнь обратится въ нѣчто необыкновенное!

— Да,—сказалъ я со злобою, поднимаясь.—Мнѣ дана только одна жизнь и та на какія-нибудь пятьдесятъ лѣтъ, изъ которыхъ пятнадцать ушло на дѣтство и четверть уйдетъ на сонъ. Смѣшно, не правда ли?

Но Елена опять прижала платокъ къ глазамъ и зарыдала съ новой силой.

— И поэтому ты...—заговорила она гадливо.—И потому ты сегодня такъ низко и спрятался отъ меня? Ты опять лжешь, чтобы закрыться пышными фразами...

Я съ неимовѣрной быстротой схватилъ прессъ-папье и со всего размаху ударилъ имъ по столу.

— Уйди!—крикнулъ я бѣшено.

И мгновенно похолодѣлъ отъ ужаса за сдѣланное. Я увидалъ, какъ Елена вскочила, сразу оборвавъ рыданія, и лицо ея рѣзко измѣнилось отъ дѣтскаго страха.

— Сережа!—вырвалось у нея съ невыразимой нѣжностью.

— Уйди!—закричалъ я опять, но уже другимъ—жалкимъ голосомъ, до глубины души пораженный жалостью.

Она распахнула дверь, и вѣтеръ, какъ шалый, со стукомъ рванулъ къ себѣ раму, съ шелестомъ и шумомъ деревьевъ ворвался въ комнату и мгновенно уничтожилъ свѣтъ лампы. Я упалъ на постель, уткнулся лицомъ въ подушку и заскрежеталъ зубами, упиваясь своею скорбью и своимъ отчаяньемъ. Тополи гудѣли и бушевали во мракѣ... Но я точно былъ радъ всему этому. Все равно, все равно!—повторялъ я съ мучительнымъ наслажденіемъ,—пусть бушуетъ вѣтеръ, пусть шумъ деревьевъ, стукъ ставень, чьи-то крики вдали сливаются въ одинъ дикій хаосъ! Жизнь, какъ вѣтеръ, подхватила меня, отняла волю, сбила съ толку и несетъ куда-то въ даль, гдѣ смерть, мракъ, отчаянье!..

А теперь, когда я пишу эти строки, я часто думаю: „Боже мой! Если бы можно было начать жизнь снова, какъ бы я ухватился даже за самую трудную, рабскую жизнь, но радостную въ какомъ-нибудь неустанномъ, неусыпномъ трудѣ! Горе слабымъ, одинокимъ—и празднымъ!“

Ив. Бунинъ.

АРНОЛЬДЪ БЁКЛИНЪ.

(Критическій очеркъ).

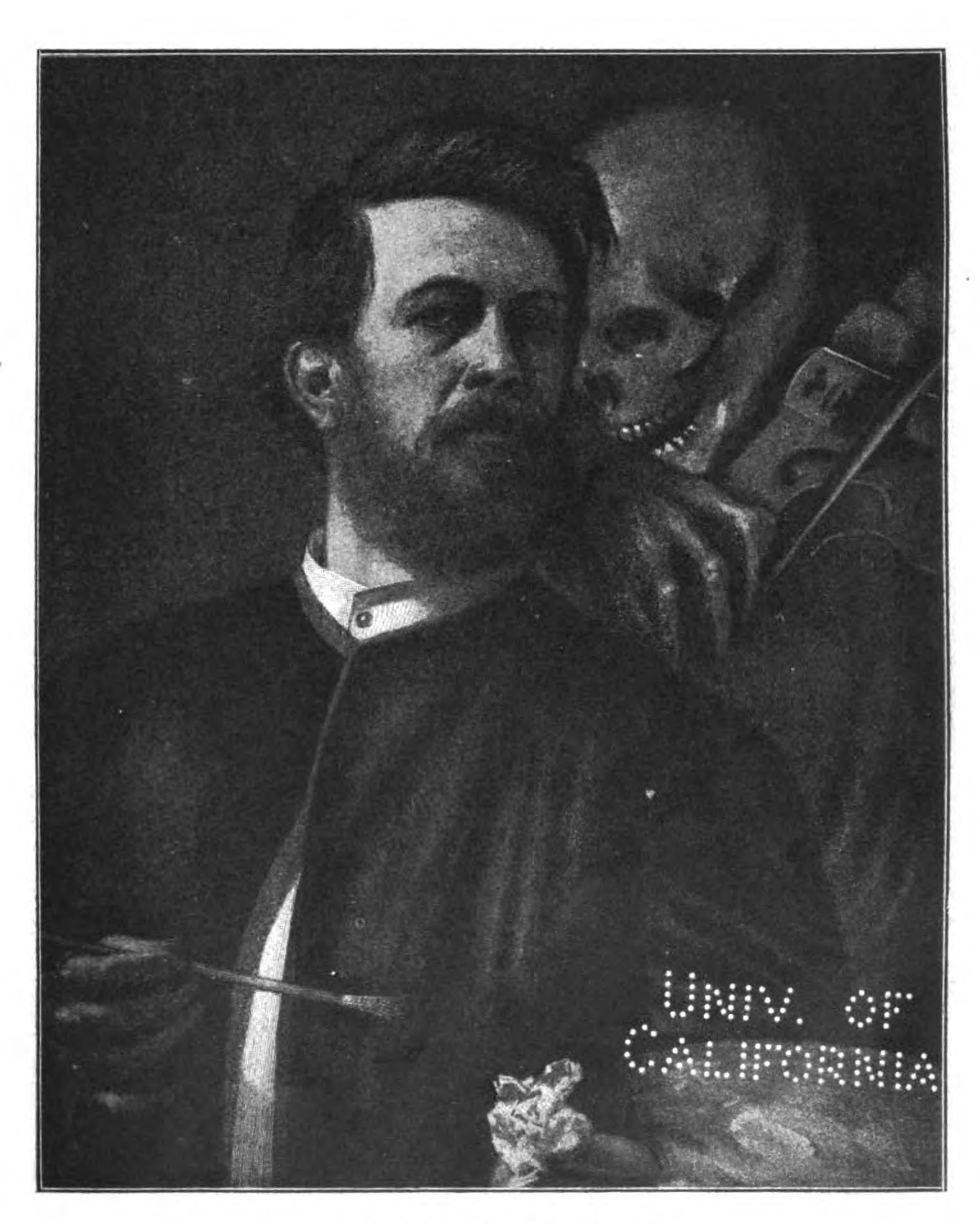
I.

У Арнольда Бёклина есть аллегорическая картина «Поэзія и живопись» *). На мраморномъ подножіи, около фонтана, въ тѣни лавровыхъ деревьевъ, обвитыхъ плющемъ, стоятъ двѣ женскія фигуры. Одна изъ нихъ, бѣлокурая дѣвушка, держитъ въ рукѣ палитру и наклоняется надъ прозрачной водой, чтобы въ ней увидѣть свое отраженіе. Другая, Поэзія, съ вѣнкомъ на черныхъ волосахъ, глядитъ строго, задумчиво на серебрящійся лучъ фонтана, точно прислушиваясь къ ритму падающихъ брызгъ, къ неясному шуму весенней природы... Это изображеніе двухъ сестеръ искусства у одного источника красоты является символическимъ и относительно таланта самого художника.

Несомнѣнно, что Бёклинъ не только большой живописецъ, но также глубокій поэтъ. Во многихъ его картинахъ можетъ быть больше поэзіи, чѣмъ живописи. Беклинъ не признаетъ формы для формы, цвѣта для цвѣта; не ищетъ пластическаго совершенства. Искусство его не столько *рисуетъ*, сколько *разоблачаетъ*, дѣйствуя намекомъ и настроеніями, открывая сказки тамъ, гдѣ прежде видѣли одну художественность. Оно будитъ наше сочувствіе къ неодушевленному и стихійному, вызываетъ въ насъ цѣлый міръ неразгаданныхъ ощущеній и полусознательныхъ думъ.

Беклинъ менѣе всего похожъ на импрессіонистовъ, для которыхъ природа лишь рядъ красочныхъ эффектовъ, живописныхъ уголковъ, солнечныхъ пятенъ. Останавливаясь на поверхности, импрессіонисты желаютъ «поймать природу» въ одномъ изъ ея мгновенныхъ превращеній, и поэтому могутъ дѣйствовать (въ лучшемъ случаѣ) только на зрѣніе. Беклинъ—исповѣдникъ природы. Задача его заключается въ томъ, чтобы досказать на полотнѣ ея неопредѣленную мысль, чтобы выразить тайну, скрытую подъ покровомъ ея измѣнчивыхъ формъ, кра-

*) Dichtung und Malerei.



АРНОЛЬДЪ БЁКЛИНЪ.

Портретъ работы самого художника.

сокъ и звуковъ. Другими словами, художникъ не только чувствуетъ природу, но передаетъ ей свое чувство. Онъ мало заботится о той объективной *правдивости*, которая въ сущности не болѣе, какъ поверхностная *видимость* вещей, онъ не пишетъ «съ натуры», но воображаетъ и одушевляетъ ее. Раньше всего онъ—пантеистъ и лирикъ. Его природа живетъ своею собственною правдой, интимной, многозначительной. Она настолько же внутри художника, насколько внѣ его. Она въ то же время призрачна и осязательна, романтична и реальна, но, главнымъ образомъ, задушевна...

Эта задушевность тихо волнуетъ насъ и навѣваетъ воспоминанія. Когда мы стоимъ передъ картинами Беклина, то намъ кажется, что прежде никто, кромѣ насъ, ихъ не видѣлъ, но что мы когда-то давно уже видѣли ихъ, точно онѣ воплощеніе нашихъ неясныхъ предчувствій.

Вотъ, напримѣръ, его картина «Возвращеніе на родину». Скромный нѣмецкій пейзажъ, освѣщенный вечернимъ солнцемъ. Мельница, березовая роща, нѣсколько деревенскихъ домиковъ. Противъ мельницы, на каменной стѣнѣ бассейна сидитъ человѣкъ въ средневѣковомъ платьѣ—старый солдатъ, вернувшійся, послѣ долгихъ скитаній, въ родное гнѣздо. Онъ снялъ шляпу и замечтался. На него нахлынули воспоминанія дѣтства... Со времени его отъѣзда здѣсь почти ничего не измѣнилось: тѣ же березы стоятъ надъ плотиной; позади та же холмистая даль. Только онъ сгорбился и постарѣлъ. Какъ знакома ему эта осень! Сколько разъ, бывало, сиживалъ онъ тутъ, слушая однообразный гулъ мельничнаго колеса и глядя на темнѣющее небо... Какъ все это близко, какъ безконечно далеко... И осенній вечеръ понимаетъ его мысли. Вмѣстѣ съ нимъ онъ какъ будто жалѣетъ о минувшемъ, сознаетъ невозвратное, проникнутъ тишиной одиночества.

Вдумываясь въ эту картину, мы перестаемъ на нее смотрѣть нашими глазами; она становится видѣніемъ старика-солдата. И невольно мы смѣшиваемъ себя съ его грустью... точно художникъ угадалъ нашу тайну, раскрылъ какую-то полузабытую страницу нашей души.

II.

По своей субъективности и утонченности Бёклинъ—глубоко современенъ. Ему знакомъ соблазнъ мыслей, какъ будто недодуманныхъ, похожихъ на ощущеніе,—сумрачныхъ, иногда зловѣщихъ образовъ, безпричинныхъ и недосказанныхъ печалей. Тотъ «интимный пантеизмъ», которымъ просвѣчиваетъ его искусство, является несомнѣннымъ знаменіемъ времени. Но въ Бёклинѣ есть черта, отличающая его отъ большинства современныхъ художниковъ и въ особенности отъ новаторовъ съ символическимъ и мистическимъ оттѣнкомъ. Это—искренность, доходящая порою до наивности, до ребячества,—искренность, напоминающая любов-

ное простодушіе старыхъ нѣмецкихъ мастеровъ. У Бёклина грусть или веселіе, какая-нибудь залетная идея или случайно попавшееся подъ руку стихотвореніе непосредственно выливаются въ образы и краски. Когда онъ шутитъ или плачетъ, то всегда отъ чистаго сердца. Его юморъ также безъискусственъ и заразителенъ, какъ его скорбь. Ему точно нѣтъ дѣла до публики, до впечатлѣнія на зрителя. Онъ пишетъ для себя, повинуясь лишь капризамъ своего воображенія, рискуя быть непонятымъ и осмѣяннымъ. Съ смѣлостью, свойственной большимъ талантамъ, онъ не боится воплощать все, *что* ему вздумается и *какъ* ему вздумается; онъ не боится несообразностей и несоразмѣрностей чудовищнаго и замысловатаго; онъ одинаково пользуется языческимъ и христіанскимъ міромъ, сверхъестественными легендами и самой обыденной правдой. Притомъ онъ обладаетъ въ высшей степени способностью отдалять отъ насъ современную дѣйствительность, и съ другой стороны—приближать къ намъ старину. Фигуры его произведеній почти всегда одѣты въ историческіе костюмы, но, строго говоря, ихъ нельзя считать историческими. Въ нихъ такъ много субъективнаго и близкаго намъ лиризма, что мысль о какой-нибудь отдѣльной эпохѣ, связанной съ ними, и въ голову не приходитъ; онѣ положительно—внѣ опредѣленнаго времени и мѣста, являясь для художника только случайными звеньями въ безконечной цѣпи историческаго бытія. Это сліяніе въ одно ощущеніе вѣковой жизни человѣчества, жизни, возникающей изъ той же вольной, необъятной природы; эта свобода представленій — и придаютъ картинамъ Бёклина ихъ обаяніе, ихъ своеобразную роскошь. Воображеніе художника дѣйствительно не имѣетъ границъ, что̀ не мѣшаетъ ему всегда оставаться большимъ мастеромъ, внимательнымъ, обладающимъ громадной выдержкой и почти женскимъ чутьемъ. Его фантазія не переходитъ черезъ край, не теряетъ почвы; необычайное не становится неправдоподобнымъ. Наоборотъ, въ сказочныхъ о̀бразахъ, созданныхъ имъ, столько убѣдительности, что мы невольно начинаемъ вѣрить въ нихъ; намъ кажется, что въ самомъ дѣлѣ они существуютъ, только мы ихъ не замѣчали, пока художникъ не открылъ намъ глаза...

III.

Трудно найти другого художника, котораго можно было бы сравнить съ Беклиномъ по разнообразію дарованія. Онъ писалъ пейзажи, аллегоріи, историческія картины, портреты, образа̀, декоративныя фрески... «Нѣтъ той области въ живописи, которой бы онъ не освѣтилъ по своему и не отмѣтилъ своею рѣзкой индивидуальностью. При этомъ онъ всегда находитъ что нибудь новое. Въ самой избитой темѣ онъ умѣетъ открыть такія особенности, такія многозначительныя мелочи, которыя придаютъ всей картинѣ неожиданную прелесть. Бёклинъ

постоянно искалъ и поэтому постоянно мѣнялся. Большинство хорошихъ мастеровъ, особенно на склонѣ лѣтъ, пріобрѣтаютъ извѣстную манеру, по которой ихъ легко можно узнать. Это особенно замѣтно въ вещахъ менѣе удачныхъ. Такъ, напримѣръ, Маккартъ—неподражаемый колористъ и сильный темпераментъ, но достаточно знать нѣсколько его картинъ для того, чтобы имѣть о немъ полное представленіе. У него есть любимыя лица, группы, любимыя краски. Наоборотъ, почти каждая вещь Бёклина своеобразна и по техникѣ, и по духу. Онъ не повторяется даже тогда, когда повторяетъ свои темы.

Въ національной галлереѣ Берлина находится его извѣстная картина «Край блаженныхъ» *). Она выдержана въ глубокихъ тонахъ. Густая, почти черная зелень рѣзко вырѣзается на лазури; деревья словно вылиты изъ тяжелаго металла; у одной изъ нимфъ на головѣ, вмѣсто волосъ, — настоящее золото, а лебеди на темномъ основаніи воды, какъ будто сдѣланы изъ ослѣпительно бѣлаго фарфора. Это— краски жгучія по всей яркости. Вся картина пронизана лучами солнца, Жизнь разлита въ ней знойными, ликующими струями. Никто не достигалъ еще такой пышности, такой отчетливый полноты цвѣта.

Полную противоположность этому колориту мы встрѣчаемъ тутъ же въ небольшой вещицѣ «Отшельникъ» **) Старичекъ-монахъ играетъ на скрипкѣ передъ образомъ Мадонны, который онъ любовно украсилъ цвѣтами; въ окно и въ щелку двери на него съ любопытствомъ глядятъ кудрявые херувимы съ крылышками изъ павлиньихъ перьевъ... Здѣсь все едва намѣчено воздушною кистью; тѣни сливаются нѣжными переходами; лучъ солнца скользитъ и разсѣвается незамѣтно... Какъ у истиннаго поэта нѣтъ готовыхъ риѳмъ и эпитетовъ для своего вдохновенія, такъ и у Беклина нѣтъ постоянныхъ пріемовъ. Онъ любитъ зеленовато-синіе эмалевые блики, блестящіе контрасты, борьбу золотистыхъ волнъ и глубокаго мрака; умѣетъ зажечь нѣсколькими пятнами цѣлую картину, но въ то же время онъ пользуется чередованіемъ полутѣней и полукрасокъ, и знаетъ тайну сѣрыхъ, поблекшихъ тоновъ. Его задача заставить *говорить* краску, найти гармонію мысли и цвѣта.

IV.

Подобно многимъ крупнымъ художникамъ, Бёклинъ былъ въ юности копіистомъ. Сначала въ Дюссельдорфѣ подъ руководствомъ Вильгельма Ширмера, а потомъ въ Антверпенѣ, Брюсселѣ и Парижѣ онъ много писалъ съ древнихъ мастеровъ. Трудно сказать, кто изъ нихъ оказалъ наибольшее вліяніе на развитіе его таланта, венеціанскіе ли кватрочентисты, отъ которыхъ онъ унаслѣдовалъ свои горячіе тона, или

*) Die Gefielde der Seligen.

**) Der Eremit.

Рубенсъ, возбудившій въ немъ любовь къ обнаженному тѣлу, къ юмористическимъ уродствамъ, или старая нѣмецкая школа съ Дюреромъ и Гольбейномъ во главѣ. Кажется, нѣтъ художника, съ какимъ бы ни сравнивали Бёклина. Вѣрнѣе всего то, что онъ понемногу учился у всѣхъ, но никому не подражалъ, и еще несомнѣннѣе, что духовный складъ его таланта чисто германскій, какъ бы ни оспаривали этого его соотечественники-швейцарцы.

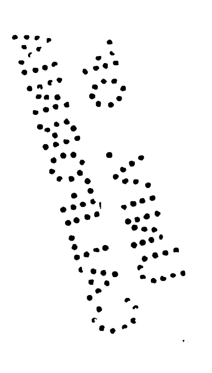
Бёклинъ родился въ Базелѣ (1827 г.), но большую часть жизни, т. е. около тридцати лѣтъ онъ провелъ въ Италіи. Влюбленность въ Италію сама по себѣ уже типична для нѣмца. «Ja! Italien wird uns immer beherschen»,—говоритъ Гейне... Начиная съ остготовъ и Гогенштауфеновъ и кончая Гёте, Грегоровіусомъ, Корнеліусомъ и др., нѣмцы стремились въ солнечный край, такъ нѣжно воспѣтый Миньоной:

...гдѣ въ зелени тѣнистой
Цвѣтетъ лимонъ и апельсинъ златистый,
Гдѣ съ неба вѣетъ тихій вѣтерокъ,
Недвижимъ миртъ и темный лавръ высокъ...

Существуетъ легенда, какъ молодой нѣмецкій рыцарь былъ обвороженъ мраморной Діаной, стоявшей въ саду флорентинскаго гуманиста-патриція. Онъ не могъ оторвать глазъ отъ ея чарующихъ формъ, да такъ и не вернулся къ себѣ на родину. Бёклинъ напоминаетъ этого рыцаря... Въ первый разъ онъ увидѣлъ Италію 23-хъ лѣтъ. Тогда-то и опредѣлились въ немъ настроенія, возвращавшіяся къ нему впродолженіи всей жизни. Гдѣ бы ни находился художникъ потомъ, въ сѣромъ ли Мюнхенѣ у своего друга и покровителя графа Шака, или въ Веймарѣ среди своихъ учениковъ, его тянуло обратно, на югъ, къ голубымъ холмамъ Фіезоле или въ Санъ-Миньято, гдѣ на закатѣ дня верхи кипарисовъ отливаютъ золотистымъ пурпуромъ, а темная листва ихъ становится непроницаемой, какъ бархатный покровъ... Но Бёклинъ иначе вдохновился Италіей, чѣмъ другіе нѣмцы, вродѣ Ахенбаха, котораго поразила только показная ея сторона: богатство южныхъ красокъ, волшебныя зори и лунные вечера, однимъ словомъ, декорація природы, а не природа въ ея глубокомъ, таинственномъ значеніи. Какъ многіе итальянствующіе художники, въ томъ числѣ и нашъ Семирадскій, Ахенбахъ—парадный живописецъ. Бёклинъ въ силу своего историческаго лиризма полюбилъ душу Италіи, ея развалины, одѣтыя трауромъ старины, сумракъ священныхъ рощъ, море, вѣчно нашептывающее легенды о минувшихъ вѣкахъ; онъ полюбилъ поэзію невозвратнаго. Въ этомъ отношеніи его скорѣе напоминаетъ меланхолическій Клодъ Лоррэнъ. Но недаромъ говорится, что меланхолія—только пріятная грусть. Пейзажи Клода почти всегда ясны, безвѣтренны. Ни одинъ звукъ не нарушитъ тишины; ни одинъ листъ не шелохнется. Темная, кружевная зелень деревьевъ постепенно блѣднѣетъ, удаляясь отъ насъ гармоническими планами, и, наконецъ, на горизонтѣ сливается съ небомъ и таетъ, какъ

СВЯЩЕННАЯ РОЩА.

МАГДАЛИНА У ТѢЛА ХРИСТА.



блѣдно-лиловый туманъ. Въ этой замирающей колыбельной пѣснѣ развалины существуютъ какъ будто для изящества картины, подобно искусственнымъ «руинамъ» въ садахъ XVIII вѣка; онѣ не говорятъ о прошедшемъ. Мечтательность французскаго мастера такъ невозмутима, что часто переходитъ въ равнодушіе.

Въ творчествѣ Бёклина всегда чувствуется непримиренность, тревога; на каждомъ шагу диссонансы. Уже въ 1841 году онъ рисуетъ «Ландшафтъ съ Бургруиной» *)—остовъ замка на высокомъ холмѣ, похожій на скелетъ; въ самой несимметричности его обнаженныхъ стѣнъ страдальческое выраженіе. Дѣло въ томъ, что природа Бёклина неразлучна съ психическимъ элементомъ. Когда онъ рисуетъ какое-нибудь живописное мѣсто: тѣнистую рощу или развалину на морскомъ берегу, то въ его воображеніи всегда представляется тамъ душа человѣческая: дѣвушка тихо стоитъ въ одиночествѣ, смутно мелькаетъ вереница жрецовъ въ бѣлыхъ хитонахъ, богиня грезитъ у ручья... Нѣсколькими штрихами, неясными пятнами художникъ умѣетъ передать психологическій моментъ (задумчивость, испугъ или борьбу, движеніе далекой толпы), и распространяетъ его на всю картину. Деревья, небо, море, очертанія скалъ проникаются однимъ настроеніемъ, какъ бы становятся сознательными. Даже, если Бёклинъ не воплощаетъ въ образы своего лиризма, то незначительной на первый взглядъ подробностью, полураскрытою ли дверью, или забытыми на алтарѣ цвѣтами, онъ заставляетъ насъ догадываться о невидимомъ присутствіи человѣка. Природа, переставая быть зрѣлищемъ, точно глядитъ на насъ, прислушивается къ нашимъ мыслямъ и нашептываетъ сновидѣнія. Неодушевленное начинаетъ жить...

«Поэзія,—говоритъ Викторъ Гюго,—это то, что есть во всемъ самаго интимнаго». Дѣйствительно, въ каждой вещи, даже очень обыденной, кромѣ внѣшней, матеріальной стороны, кромѣ поверхности, по которой скользитъ наше вниманіе, есть еще нѣчто неуловимое, какая-то внутренняя тѣнь существованія. Нужно вдуматься въ эту смутную глубину вещей, въ эти lacrima rerum, знакомыя уже римскимъ поэтамъ, чтобы понять, сколько новаго и близкаго намъ въ творчествѣ Бёклина. Передъ его полотнами вспоминаются другія слова Гюго: «Une fleur souffre-t-elle? un rocher pense-t-il? Vivants distinguons nous une chose d'un être»?..

V.

Романтизмъ Бёклина еще въ первое его посѣщеніе Италіи принялъ миѳологическій и историческій характеръ. Перваго фавна онъ написалъ въ началѣ 50-хъ годовъ. Затѣмъ слѣдуетъ длинный списокъ непонятыхъ въ свое время картинъ, гдѣ художникъ натурализуетъ образы

*) Landschaft mit Burgruine. Felsschlucht mit schäumendem Wasserfall.

классической поэзіи, освѣщая ихъ своимъ чуткимъ геніемъ и національной самобытностью *)... Тутъ и древній миѳъ о похищеніи человѣкомъ небеснаго огня съ колоссальной фигурой скованнаго Прометея **), и плѣненіе Одиссея нимфой Калипсо, и бѣгство хитрыхъ Данаевъ отъ яростнаго Полифэма; тутъ и герои и боги: мать земли Церера, обнимающая рогъ изобилія, Діонисъ, богъ «грозныхъ веселій» съ хрустальною чашей въ рукахъ, Афродита въ вѣнцѣ золотисто-крылыхъ эротовъ; тутъ и берега мрачнаго Стикса, охраняемые неумолимымъ Харономъ, и страшная голова Медузы... Передъ нашими глазами открывается новый сказочный міръ, въ которомъ слышатся отголоски древней Эллады, но живетъ современная намъ душа, утомленная отъ сѣрой жизни нашего вѣка.

Въ этомъ мірѣ много неожиданностей и очарованій... Тамъ, въ невѣдомыхъ моряхъ волны просвѣчиваютъ темнымъ сапфиромъ; въ нихъ живутъ чудовища, опутанныя водяными растеніями, и плещутся свѣтлозорыя наяды. Во время бури свинцовыя тучи охватываютъ небо; молніи бросаютъ на землю тысячу фосфорическихъ отсвѣтовъ; въ углубленіи скалъ пробуждаются призраки и поютъ дикія пѣсни непогодѣ. Тамъ въ лѣсахъ и долинахъ, на берегу рѣкъ, поросшихъ тростникомъ, прячутся мохнатые сатиры, а на лужайкахъ, озаренныхъ солнцемъ, среди нарцисовъ и анемоновъ нимфы внимаютъ свирѣли веселаго Пана...

Вы помните стихотвореніе въ прозѣ Тургенева—«Нимфы». Нашъ великій писатель разсказываетъ о томъ, какъ однажды стоя «передъ цѣпью красивыхъ горъ, раскинутыхъ полукругомъ», онъ закричалъ, обращаясь къ ликующей природѣ: «Воскресъ! воскресъ великій Панъ!». «И тотчасъ, о чудо!» говоритъ онъ дальше,—«въ отвѣтъ на мое восклицаніе, по всему широкому полукружію горъ прокатился дружный хохотъ, поднялся радостный говоръ и плескъ. «Онъ воскресъ! Панъ воскресъ!» шумѣли молодые голоса. Все тамъ, впереди, внезапно засмѣялось, ярче солнца въ вышинѣ, игривѣе ручьевъ, болтавшихъ подъ травою. Послышался торопливый топотъ легкихъ шаговъ, сквозь зеленую чащу замелькала мраморная бѣлизна волнистыхъ туникъ, живая алость обнаженныхъ тѣлъ... То нимфы, нимфы, дріады, вакханки бѣжали съ высотъ въ равнину... Онѣ разомъ показались по всѣмъ опушкамъ. Локоны вьются по божественнымъ головкамъ, стройныя руки поднимаютъ вѣнки и тимпаны—и смѣхъ, сверкающій, олимпійскій смѣхъ, бѣжитъ и катится вмѣстѣ съ ними... Впереди несется богиня. Она выше и прекраснѣе всѣхъ,—колчанъ за плечами, въ рукахъ лукъ, на поднятыхъ кудряхъ серебристый серпъ луны... Діана, это—ты?».

Въ самомъ дѣлѣ, можно подумать, что Тургеневъ вдохновился для этихъ чарующихъ строкъ картинами базельскаго художника, напримѣръ его «Діаной на охотѣ».

---

*) «Pan im Schilfe». «Faune eine Nymphe belauschend» и т. д.

**) «Die Beziehungen der Menschen zum Feuer».

ВИЛЛА НА МОРѢ.

Беклинъ не остановился на греческихъ миѳахъ. Ему не только жаль «исчезнувшихъ богинь». Какъ эстетикъ, онъ сожалѣетъ и о среднихъ вѣкахъ, проникнутыхъ тревогой разбойничьихъ набѣговъ и суевѣрными легендами. Въ его композиціяхъ мы часто встрѣчаемъ рыцарей въ желѣзныхъ кольчугахъ; зàмки, громоздящіеся надъ обрывомъ; пѣнистые потоки съ узкими мостами, перекинутыми высоко надъ ними; горныя ущелья, одѣтыя туманомъ, гдѣ живутъ громадные драконы, злорадно подстерегая людей; дальнія зарева пожаровъ, которыми отмѣчали свой путь варвары старины.

Бёклинъ также много трудился надъ религіозными сюжетами. Въ мистическомъ движеніи, являющемся все болѣе и болѣе осязательнымъ въ наше время и положительно охватившемъ искусство Германіи, онъ опять-таки занимаетъ совершенно особенное мѣсто. Но объ этомъ рѣчь впереди. Бёклинъ извѣстнѣе какъ пейзажистъ. Поэтому сначала я остановлюсь на тѣхъ картинахъ, которыя всего ярче его характеризуютъ.

VI.

«Осеннія думы» *)... Вдоль узкой рѣчки, надъ которой склоняются ивы, бродитъ женская фигура въ длинной бѣлой одеждѣ и смотритъ задумчиво на воду. Къ ея ногамъ жмется помертвѣлая трава. Воздухъ туманенъ. Кругомъ тишина, неподвижность... Только больные листья одинъ за другимъ срываются съ вѣтвей, неслышно падаютъ въ рѣку и уносятся вдаль, какъ осеннія думы... Это уже грусть, но грусть мечтательная; то—природа, убаюканная поэзіей своего увяданія. Настроеніе становится болѣе сложнымъ и острымъ въ цѣломъ рядѣ другихъ полотенъ. Художникъ вводитъ насъ въ безмолвное царство одиночества и сожалѣній. Такъ, въ Мюнхенской галлереѣ Шака, въ числѣ многихъ произведеній Бёклина, есть небольшая картина, названная имъ «Анахоретъ» **). Гористая мѣстность, дикая, глухая, затерянная гдѣ-то высоко надъ людьми и міромъ. Сѣрыми уступами громоздятся скалы, поросшія низкими деревьями и кустарникомъ. Сквозь пожелтѣвшую листву кое-гдѣ проглядываетъ небо съ тяжелыми бѣлыми облаками. Направо изъ разсѣлины скалы поднимается крестъ, даже не крестъ, а просто ветхій пень съ перекладиной, полусгнившій отъ частыхъ дождей. И передъ нимъ на колѣняхъ молится старикъ-отшельникъ. Въ припадкѣ религіознаго бреда онъ упалъ на землю и бичуетъ себя веревкой. Лица его не видать. Замѣтна только часть его взъерошенной бороды и обнаженная спина, на которой легли кровавые слѣды ударовъ... Выше, надъ крестомъ вьется стая вороновъ. Черныя птицы слетѣлись сюда, чтобы раздѣлить съ человѣкомъ свое одиночество.

*) Herbstgedanken.

**) Anachoret.

Отъ этой картины вѣетъ какимъ-то неяснымъ ужасомъ. Передъ чѣмъ? Передъ наступленіемъ зимы, которая сорветъ поблекшіе листья и на вѣки схоронитъ ихъ въ пропасти? Или этотъ ужасъ выраженъ въ маленькой сгорбленной фигурѣ отшельника, измученнаго покаяніемъ? Въ его сознаніи, быть можетъ, также пропасть и холодъ наступающей смерти... Владѣлецъ картины, графъ Шакъ, назвалъ ее «Св. Іеронимъ въ пустынѣ». Очень вѣроятно, что Бёклинъ дѣйствительно вдохновился тиціановскимъ Іеронимомъ. Но Тиціанъ просто изобразилъ историческое лицо въ подходящемъ пейзажѣ; Бёклинъ связалъ мистицизмъ человѣка съ природой мучительной глубиною молитвы.

Въ той же галлереѣ Шака находятся двѣ знаменитыя «Римскія виллы на морскомъ берегу» *), одна при дневномъ, другая при вечернемъ освѣщеніи... Тихо плещется невозмутимо-прозрачное море; но небо все въ тучахъ; порывистый вѣтеръ сгибаетъ столѣтніе кипарисы. За ними, въ цвѣтущемъ саду, разукрашенномъ статуями, бѣлѣетъ старинное зданіе изъ мрамора. Узкая лѣстница спускается внизъ. У подножія ея, прислонясь къ высокому камню, стоитъ женщина въ траурѣ—загадочный образъ, не то безмолвный укоръ, не то тревожное напоминаніе. Кто она? Когда она вышла изъ опустѣлаго дворца? Намъ кажется, что стоитъ она здѣсь очень давно, что, несмотря на ея молодыя черты, ея страданію много, много лѣтъ. Въ ней цѣлая вѣчность разбитыхъ надеждъ... Бёклинъ самъ навѣрное не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что онъ хотѣлъ сказать. Онъ вдохнулъ свою душу въ осеннюю грусть заброшенной римской виллы. Природа изъ глубины его творчества вышла преображенною: она заговорила, и, какъ эхо ея невнятной рѣчи, явилась эта женщина, темное привидѣніе дальнихъ временъ, поэзія невозвратнаго.

Образы Бёклина часто реальны только на половину и не живутъ настоящимъ. Они какъ-будто слились съ таинственной жизнью развалинъ. Они такъ долго грезили о минувшемъ, что стали внѣ законовъ времени. Но что такое время? Вѣдь все должно умереть; все постоянно умираетъ. Прошедшее и будущее, колыбель и могила—все лишь короткій сонъ. «Vita somnium breve»—гласитъ названіе одной изъ картинъ Бёклина. Для художника жизнь и смерть не отдѣлены другъ отъ друга непроницаемой стѣной; земля наполнена призраками былого; міръ живыхъ въ то же время міръ загробный. Ему чудится, что гдѣ-то въ океанѣ есть островъ съ исполинскими скалами, съ густой кипарисовой рощей, гдѣ отдыхаютъ мертвыя тѣни **)... И онъ пишетъ этотъ островъ такъ, какъ будто его видѣлъ. Передъ нами настоящая вода, подернутая изумрудомъ, настоящіе, обросшіе мохомъ камни! Передъ нами грозовое небо, которое мы видѣли тысячу разъ! Движеніе волнъ схвачено такъ живо, что мы чувствуемъ ихъ извивы и слышимъ легкое

*) Willa am Meer.

**) «Die Insel der Todten». Музей въ Лейпцигѣ.

шипѣніе прибоя. Но въ общемъ этотъ скалистый замокъ моря—только сказка; въ немъ могутъ дышать лишь мертвые. Эти вѣщія, каменныя глыбы, расположенныя треугольникомъ, кажутся входомъ въ безконечно глубокую пещеру, гдѣ царитъ мракъ и сырость подземелій. И вотъ, мы стоимъ въ недоумѣніи. Художникъ разстроилъ наше обычное представленіе о томъ, что есть и чего нѣтъ; онъ испугалъ насъ сближеніемъ дѣйствительности съ мечтою.

Мотивъ смерти часто возвращается въ картинахъ Бёклина. Онъ даже написалъ свой собственный портретъ со скелетомъ. Какъ извѣстно, Гольбейнъ младшій воспользовался тою же темой въ портретѣ канцлера Генриха VIII *). Та же тема, но какъ разно ее поняли два художника, находящіеся на разстояніи трехъ вѣковъ другъ отъ друга! У Гольбейна скелетъ стоитъ въ почтительномъ отдаленіи отъ добродушно улыбающагося сэра Бріана Тука, держа въ одной рукѣ традиціонную косу, а другою указывая на пергаментъ съ надписью: Nunquid non paucitas dierum finietur brevi? Скелетъ у Бёклина играетъ на скрипкѣ, хищно оскаливъ зубы, и совсѣмъ близко наклоняется къ художнику, который откинулъ голову назадъ, точно внимательно прислушивается къ загробной мелодіи... Мы уже видѣли, что этотъ символическій призывъ смерти особенно громко звучитъ въ мысляхъ Бёклина съ наступленіемъ зимы. Тогда природа говоритъ ему о неизбѣжномъ концѣ всего земного, человѣческихъ радостей, печалей, труда и надеждъ. Осень—неумолимое «Шествіе смерти» **). Вотъ какъ это представилъ себѣ художникъ. На краю дороги стоятъ заброшенныя постройки. Тревожно и тяжело несутся надъ ними вихри лиловыхъ тучъ. Кривыя деревья поломаны бурей и покрыты ржавчиной старости. Всюду желтыя краски съ кровавымъ оттѣнкомъ, темные порывы осенняго вѣтра, и, какъ владыка окружающаго запустѣнія и холода, одинокій всадникъ-скелетъ на черной лошади и въ черномъ плащѣ...

VII.

Но, судя по этимъ описаніямъ, не слѣдуетъ заключать о безъисходномъ пессимизмѣ Бёклина. Разочарованіе художника проходитъ такъже быстро, какъ ежегодное шествіе осени. Улыбка солнечныхъ дней возвращаетъ ему весеннія грезы. Съ тою же искренностью, съ какою онъ тревожилъ насъ призраками печали, онъ будитъ наши иллюзіи молодости и счастія. Бёклинъ до глубокой старости сохранилъ въ себѣ даръ обновляться, какъ бы постоянно начинать жить сначала. Будучи шестидесяти-лѣтнимъ старикомъ онъ пишетъ послѣ острова смерти «Островъ жизни» ***)—сказочный край, гдѣ вмѣстѣ цвѣтутъ березы и пальмы

*) Мюнхенъ. Старая пинакотека.
**) Der Ritt des Todes.
***) Lebensinsel.

гдѣ вѣчно царитъ восходъ солнца, раздаются пѣсни, пляшутъ хороводы нимфъ и тихо скользятъ надъ водою лебеди, гдѣ каждое біеніе природы поетъ любовь...

Много разъ во всѣ періоды своего художественнаго развитія брался Бёклинъ за ту же тему—весна. Онъ не нуждается въ сложной композиціи, чтобы вызвать въ насъ ея звонкое эхо. Поляна въ цвѣтахъ, березовая роща, нѣсколько солнечныхъ пятенъ, и среди этой незатѣйливой обстановки—двѣ, три фигуры: то темноглазыя дѣвушки въ итальянскихъ костюмахъ, съ мандолинами въ рукахъ, то купальщицы у зеркальнаго ручья, то влюбленная пара, слѣдящая въ тѣни тополей за пѣнистыми облаками на синемъ небѣ *). Весна. Только что распустились молодыя почки на березахъ. Около нихъ стоитъ полуодѣтая женщина, перебирая струны высокой арфы. Четыре голыхъ мальчугана пріютились къ ней. Двое—безмятежно спятъ, обнимая другъ друга, убаюканные дуновеніемъ тепла. На ихъ кудрявыхъ головахъ вѣнки изъ маргаритокъ. Третій мальчикъ сидитъ, поджавъ ноги и раскрывъ глаза съ довѣрчивымъ удивленіемъ, точно онъ въ первый разъ видитъ Божій міръ, а четвертый ползаетъ по лужайкѣ и внимательно что-то разглядываетъ на молодой березовой корѣ. Небо свѣтлое, влажное. Сзади тянутся луга; видны домики съ плоскими крышами. Едва замѣтной полоской обозначены очертанія далекихъ холмовъ... Въ этой картинѣ можно замѣтить много несовершенствъ: плохой рисунокъ, незаконченность, пренебреженіе деталями. Искатель «красоты» не найдетъ ея въ бёклиновской женщинѣ. Но странно, техническіе недостатки не портятъ общаго впечатлѣнія. Мы подчиняемся *внушенію* автора и начинаемъ видѣть сердцемъ больше, чѣмъ глазами. Это не аллегорія пробужденія природы въ миѳологическомъ вкусѣ и не только пейзажъ. Это—пѣснь въ краскахъ, немного грустная, какъ весеннее счастье. Художникъ пробудилъ въ насъ волненіе весны: мы вспомнили первое щебетаніе птицъ, запахъ сырости и нѣжной травы, пробивающейся сквозь мерзлую почву, лѣнивый трепетъ обновленной жизни, когда въ воздухѣ точно натянуты незримыя струны, которыя тихо колеблются отъ всякаго дуновенія, когда весь необозримый просторъ земли таетъ въ лучахъ юнаго солнца...

VII.

Какое же мѣсто занимаютъ въ этихъ сложныхъ, волнующихъ настроеніяхъ живыя существа? Ихъ нельзя отдѣлять отъ окружающей обстановки. Въ другой средѣ они невозможны; они только часть внутренняго *видѣнія* художника, завершительные аккорды поэтической мысли. Бёклинъ смотритъ на людей, какъ на растенія, и гармонируетъ

*) Liebes frühling; Sieh, es lacht die Au!—Frühlingshymne и. т. д.

ихъ съ пейзажемъ. Они не случайные гости природы; они родились вмѣстѣ съ листьями на деревьяхъ, съ облаками, скользящими по небу, и должны исчезнуть вмѣстѣ съ ними...

Но всего ярче, быть можетъ, высказывается творчество Бёклина въ созданныхъ имъ волшебныхъ существахъ. Его тритоны, наяды, кентавры, сатиры, духи горъ, морей и лѣсовъ выше всякаго описанія! Какъ демонологъ, какъ воплотитель темнаго миѳа, ἐκ νυκτὸς γερῶν, Бёклинъ выводитъ свои образы изъ самой глубины эллинскаго хаоса, но онъ оживляетъ ихъ реализмомъ и юморомъ чисто германскаго характера. Передъ нами не античныя чудовища, какія мы привыкли видѣть на греческихъ горельефахъ,—искусственныя сочетанія человѣческаго тѣла съ тѣломъ животнаго, но дѣйствительно полулюди, полузвѣри и физически, и духовно. Въ нихъ оба начала такъ крѣпко срослись, что они правдивы до иллюзіи, естественны, какъ сама жизнь. Въ нихъ выражена близость человѣческаго сознанія съ темной душою животнаго. И вмѣстѣ съ тѣмъ они такъ глубоко задуманы, что, будучи вполнѣ конкретными существами съ плотью и кровью, они кажутся намъ олицетвореніями стихій природы.

Въ этихъ странныхъ существахъ съ рыбьей чешуей, отливающей перламутромъ, и опутанныхъ красными нитями водорослей, таится что-то могучее, свободное, вѣчное и сладострастное, какъ море, которое ихъ окружаетъ и стонетъ, и смѣется, и грозитъ во время бури. Ихъ движенія, ихъ чешуйчатые извивы скользятъ и нѣжатся, какъ морскія волны... Въ каждомъ изъ нихъ—дикая поэзія безграничнаго простора. Вы видите всю тревогу ихъ борьбы за существованіе; ихъ бѣшеные скачки въ погонѣ за добычей; безстрашныя игры около скалъ; семейныя сцены и роковыя битвы, ихъ нечеловѣческую жестокость и любовь нечеловѣческую...

«Морская идиллія»... На прибрежной скалѣ, обрызганной соленой влагой, полулежитъ красавица-наяда. Она вплела жемчужныя раковины въ свои тяжелыя, черныя кудри и жадно глядитъ на мужа, который поймалъ большого моржа и побѣдоносно притащилъ его къ семьѣ. Тутъ же ползаютъ двое ребятишекъ. Младшій беззаботно улыбается; но старшій сынъ уже понимаетъ, что значитъ борьба и охота; въ его глазахъ лихорадочно горитъ любопытство и восхищеніе... Еще выразительнѣе, пожалуй—«Тритонъ, любующійся нереидой». Сколько нѣги и страдальческой ласки въ изгибахъ ея отдыхающаго тѣла; въ немъ—какая неукротимая, голодная страсть! А вотъ еще картина: «Семья Тритоновъ». Разыгралась буря. Со всѣхъ сторонъ пушистая пѣна обливаетъ брызгами темный гранитъ. Неба не видать изъ-за поднятыхъ волнъ. Самка лежитъ на спинѣ, раскинувъ свои лапчатыя ноги, и съ улыбкой внимаетъ угрозамъ вѣтра. Самецъ въ порывѣ дикой нѣжности взялъ на руки своего сына и высоко подбрасываетъ его надъ водой; а тотъ весело кричитъ и смѣется, глядя на отца...

И почти рядомъ съ этимъ могучимъ и волшебнымъ натурализмомъ—комическій элементъ. Когда около берега купаются молодыя русалки, играя съ дѣтьми, къ нимъ осторожно подкрадываются толстые, вислоухіе уроды съ вытаращенными глазами—уморительные, обиженные судьбою ухаживатели бёклиновскаго моря *)... А то старый Панъ-рыболовъ, вмѣсто рыбы, выуживаетъ изъ морской глубины хорошенькую наяду и не знаетъ, что ему дѣлать со странной добычей...

Художникъ не только разнообразитъ до безконечности внѣшній видъ своихъ кентавровъ, козлоногихъ сатировъ и т. д., но выражаетъ и ихъ психологію со всевозможными переходами отъ страшнаго къ забавному, отъ жестокости къ добродушію, создавая такимъ образомъ особый *миѳическій жанръ*... Съ высотъ Олимпа зашла на гористую мѣстность богиня—Діана. Она устала и прилегла отдохнуть на мшистые камни около прохладнаго потока. Ея бѣлое тѣло, прикрытое воздушною туникой, свѣтится на солнцѣ. И вдругъ ее замѣтили два проходящихъ мимо фавна... Какъ безъискусственно смѣшны лица этихъ «добрыхъ малыхъ»—лѣсовиковъ, испуганныхъ неожиданной встрѣчей! То же комическое положеніе еще болѣе подчеркнуто въ другой, на этотъ разъ вполнѣ натуралистической картинѣ «Сусанна и старцы»... Трудно себѣ представить, что авторъ таинственнаго «Молчанія въ лѣсу» и «Острова мертвыхъ» способенъ на такой добродушный и откровенный юморъ. Но внимательный зритель увидитъ въ этомъ доказательство не только необычайной разносторонности Бёклина, но также—его духовной близости къ другимъ нѣмецкимъ художникамъ.

VIII.

Тяготѣніе къ волшебному и своеобразный юморъ — характерныя черты живописи и, быть можетъ, всего искусства Германіи. Обращаясь къ старой нѣмецкой школѣ, мы замѣчаемъ, что даже у Альбрехта Дюрера, обыкновенно правдиваго до строгости и проникнутаго величавою религіозностью настроенія, есть наклонность къ загробно-причудливымъ композиціямъ и къ забавнымъ мелочамъ. Достаточно его знаменитаго офорта: рыцарь въ лѣсу, окруженный зловѣщими привидѣніями, для того, чтобы подтвердить наше замѣчаніе. Иногда же Дюреръ является настоящимъ галлюцинатомъ, какъ, напр., въ рисункахъ на мѣди, служащихъ иллюстраціей къ Апокалипсису. О Гольбейнѣ, стоитъ лишь упомянуть. Всякому памятна его «Пляска смерти»... Альтдорферъ (любимый ученикъ Дюрера) умѣетъ разсказать на шестивершковой досчечкѣ цѣлую фантастическую поэму. Въ старой пинакотекѣ Мюнхена есть его картина, гдѣ передъ цѣпью живописныхъ холмовъ, въ пышномъ букетѣ вѣтвистыхъ деревьевъ изображена встрѣча рыцаря въ латахъ, должно быть, св. Георгія, со страннымъ чудовищемъ,

*) «Spiel der Wellen», «Spiel der Najaden».

пернатымъ, губастымъ, напоминающимъ жабу. До такого звѣря не додумался самъ Бёклинъ... И несмотря на это, фантастичность Альтдорфера хорошаго вкуса, изящная, даже тонкая рядомъ съ какимъ-нибудь Брёгѣлемъ или Жеромомъ Бошемъ.

Въ Мюнхенѣ есть другая любопытная картина съ исторической точки зрѣнія. Въ ней разработана легенда о видѣніи св. Уберта—тема, часто возвращающаяся у современныхъ романтиковъ Германіи. Авторъ ея близокъ Іоахиму Патиниру. По этой картинѣ видно, что иногда маленькому художнику удается выразить крупную національную особенность... Вечеръ. Небо, впрочемъ, блѣдное, холодное. О позднемъ часѣ говорятъ только таинственно-мглистыя рощи. Надъ ними призрачно и тяжело большими глыбами камня громоздится зàмокъ съ формами почти живыми. На первомъ планѣ раскинулась охота. Въ темномъ кустарникѣ гладко освѣщается голова большого оленя, несущаго между рогами распятіе. Охотники въ смятеніи преклоняются передъ нимъ. Вдали—второстепенные эпизоды: пасутся кони; ловчіе отдыхаютъ на травѣ; по дорогѣ къ зàмку свѣтлѣютъ длинные изгибы гончихъ собакъ... И здѣсь, въ этой старой народной легендѣ, полной священнаго ужаса, также присутствуетъ комическій элементъ...

Кстати, можно сдѣлать еще интересное наблюденіе. Старые нѣмецкіе мастера съ первыхъ же шаговъ ввели пейзажъ въ свои композиціи, подобно родственнымъ имъ голландцамъ. Конечно, пейзажъ не занимаетъ еще большого мѣста; но ужъ онъ значительно менѣе отдаленъ отъ человѣка, чѣмъ въ итальянскомъ искусствѣ, гдѣ все вниманіе обращалось на пластику голаго или задрапированнаго тѣла. У итальянцевъ пейзажъ является лишь условною рамкой, фономъ картины. Наоборотъ, художники сѣверныхъ школъ, Вольгемутъ, авторъ «Жизни Маріи», или названный уже Альтдорферъ, также, какъ нидерландцы—Лука Лейденскій, Шпригель и др., всѣ болѣе или менѣе обладаютъ интимнымъ чувствомъ природы (тѣмъ, что нѣмцы называютъ Naturgefühl). Но пока это чувство проявляется робко. Впослѣдствіи, освободившись отъ традицій религіозной живописи, вдохновеніе сѣвера сдѣлало успѣхи въ любви къ пейзажу; оно прониклось таинственною близостью природы къ помысламъ человѣка...

Въ лицѣ Людвика Рихтера и Морица фонъ-Швинда возродился романтизмъ. Ожили народныя сказанія, легенды старины; воскресли великаны и хитрые, длиннобородые гномы, золотистокудрыя царевны и рыцари въ желѣзныхъ доспѣхахъ, однимъ словомъ, весь древне-германскій міръ, воспѣтый Гейне *). Подъ эпическіе звуки вагнеровскихъ оперъ Швиндъ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими художниками расписываетъ стѣны сказочныхъ зàмковъ Людовика Баварскаго. Живопись становится начертательной поэзіей; чувство природы занимаетъ пре-

*) См. его книгу «Erdgeister».

обладающее мѣсто. Если пейзажи Швинда антропоморфны, то съ другой стороны, и его человѣческія фигуры являются лишь составною частью пейзажа. Въ этомъ заключается сходство и въ то же время различіе между нимъ и Бёклиномъ, хотя и тотъ, и другой художникъ въ высшей степени національны. Лиризмъ Бёклина духовный, скрытый. Онъ околдовываетъ насъ незамѣтно, какъ бы ненамѣренно. Только изрѣдка можно уловить связь его мысли съ матеріальнымъ образомъ. Онъ всегда остается внимательнымъ реалистомъ. Морицъ фонъ-Швиндъ грубѣе, тѣлеснѣе. Это не поэтъ, а скорѣе сказочникъ-иллюстраторъ, изобразившій съ помощью необыкновенно богатаго рисунка, но въ довольно тусклыхъ краскахъ, преданія своей родины. Всѣ аксесуары его композиціи, облака, цвѣты, змѣистые корни дубовъ или дикія пещеры—пріобрѣтаютъ особенную выразительность не въ силу внутренняго настроенія, но благодаря своимъ причудливымъ формамъ.

IX.

Въ настоящее время Германія переживаетъ новую эпоху романтизма. Молодые художники отрѣшились безповоротно отъ академическихъ традицій, которыя болѣе живы у нѣмцевъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Они также изверились въ безличномъ реализмѣ своихъ предшественниковъ. Различіе взглядовъ на искусство (а этихъ взглядовъ не оберешься) не мѣшаетъ всѣмъ имъ подвигаться по одному пути къ освобожденію отъ устарѣлыхъ авторитетовъ, къ развитію новыхъ вкусовъ въ обществѣ. Стремленіе къ неизвѣданнымъ и заманчивымъ химерамъ воображенія стало общераспространеннымъ недугомъ. Уйти подальше отъ жизни, оставаясь живымъ—вотъ задача современнаго эстетизма... Здѣсь не мѣсто давать оцѣнку ни этой формулѣ, ни тѣмъ многочисленнымъ художническимъ начинаніямъ, которыя такъ или иначе сводятся къ ней...

Арнольдъ Бёклинъ, имѣя очень мало общаго съ молодымъ поколѣніемъ, оказалъ тѣмъ не менѣе громадное вліяніе на отмѣченный нами поворотъ въ искусствѣ. Почти во всѣхъ центрахъ Германіи вы найдете теперь декоративные памятники, украшенія фонтановъ и мостовъ, навѣянные его смѣлымъ творчествомъ. Въ городскихъ садахъ съ каждымъ годомъ возростаетъ число мраморныхъ кентавровъ, фавновъ и наядъ, какъ будто прямо взятыхъ съ его полотенъ. То же самое на выставкахъ. Францъ Штукъ, завоевавшій себѣ за послѣднее время громкую извѣстность, пользуется безъ всякаго стѣсненія мотивами или даже готовыми образами бёклиновскихъ картинъ, впрочемъ, приправляя ихъ своей вычурной фантазіей; Гансъ Тома (художникъ не лишенный оригинальности) пишетъ тритоновъ и т. д. Мнѣ лично пришлось въ Мюнхенѣ познакомиться съ нѣсколькими скульпторами изъ

ПОЛЯ БЛАЖЕННЫХЪ.

ПОЭЗІЯ И ЖИВОПИСЬ.

молодыхъ. Въ особенности слѣдуетъ отмѣтить талантливаго Гастейгера, работающаго теперь надъ колоссальною группой сражающихся кентавровъ... Всѣ грезятъ Бёклиномъ. Мастерскія заставлены начатыми работами миѳологическаго характера. Замысламъ и фантазіямъ нѣтъ конца. Поражаешься тѣмъ, до какой степени даже мелкія издѣлія, цвѣточныя вазы, стѣнные барельефы, рамы заражены духомъ Бёклина. Въ скоромъ будущемъ въ Германіи можетъ создаться особый стиль на этой почвѣ.

Я не стану перечислять ничтожныхъ подражателей. Ихъ произведеніями полны выставочныя окна большихъ магазиновъ. Всякое крупное явленіе въ области искусства неизбѣжно вызываетъ наплывъ мелкихъ дарованій, неудачниковъ, которые стремятся во что бы то ни стало прикрыть свое безсиліе фальшивыми эффектами и надѣятся прослыть оригинальными только потому, что они портятъ взятое ими у другихъ. Мода руководитъ ими, а не любовь. Къ сожалѣнію, и въ молодой Германіи конца XIX-го вѣка такихъ представителей не мало. Ихъ-то и имѣетъ въ виду нѣмецкій критикъ Нейманъ въ своей замѣчательной книгѣ—«Борьба за новое искусство»: «Художникъ чистой воды (ein Künstler aus Kernholz), нашъ смѣлый Бёклинъ и эти нервные, бархатные, женственные живописцы! Новое поколѣніе, испуганное серьезнымъ значеніемъ натурализма, собственно ввело въ моду Бёклина, его, величайшаго сына нашей романтики и ея чувства природы. Волна художественнаго теченія, нахлынувшая съ чужого берега, вызвала современную наклонность къ фантастическому. Но талантъ Бёклина коренится въ самой глубинѣ нашей почвы, гдѣ скрыты неисповѣдимые тайники нашихъ рассовыхъ особенностей... Нѣсколько лѣтъ назадъ была выставлена Бёклинымъ дивно написанная имъ и долгое время остававшаяся въ неизвѣстности картина съ многочисленными фигурами «Снятіе со креста, или Плачъ о Христѣ». Судя по отзывамъ, она не имѣла большого успѣха. Были недостатки въ рисункѣ замѣтные даже неопытному глазу. Я часто ходилъ смотрѣть на эту картину; мало-по малу я пересталъ видѣть ея ошибки; зато съ каждымъ разомъ на меня дѣйствовали все сильнѣе сочность глубокихъ красокъ, великолѣпіе одеждъ, выразительность фигуръ и неудержимая мощь душевнаго движенія. Въ этой яркости выраженія, доходящей до преувеличенія, въ тонахъ и поворотахъ дѣйствующихъ лицъ замѣчалось тѣсное родство этой картины съ нашими древними мастерами. Если бы мы увидѣли ее рядомъ съ ними, то, пожалуй, приняли бы за старинное произведеніе. Отъ нея повѣяло бы тѣмъ же властнымъ очарованіемъ, которымъ проникнуты наши старые лѣса и старыя пѣсни. Вотъ, гдѣ тайна творчества великихъ художниковъ: можно подумать, что цѣлый народъ творитъ вмѣстѣ съ ними».

X.

Картина, о которой говоритъ Нейманъ, одно изъ лучшихъ произведеній Бёклина на религіозную тему. Мнѣ не удалось ее видѣть, но даже фототипія съ нея производитъ неизгладимое впечатлѣніе. Въ самой композиціи столько неожиданнаго обаянія, тонкаго психологическаго чутья и, главное, столько новизны въ деталяхъ, что не знаешь, чему больше удивляться, смѣлости ли автора или его проницательности... Тѣло Учителя только что сняли съ креста. Іосифъ Аримафейскій, сѣдой, важный старикъ съ курчавыми волосами, поддерживаетъ голову Христа, а Никодимъ прикрываетъ Его длиннымъ саваномъ и глядитъ на Него съ выжидающимъ напряженіемъ, точно спрашиваетъ: «Правда, что Ты умеръ?» Тутъ же стоитъ на колѣняхъ старушка въ національномъ еврейскомъ нарядѣ. Съ перваго взгляда въ ней трудно узнать Богородицу. Она не плачетъ и даже не страдаетъ. Она дошла до того состоянія, когда горе дѣлаетъ равнодушнымъ. Лѣвѣе Марія Магдалина, отвернувшись въ сторону, неутѣшно рыдаетъ. Подлѣ нея кроткій, подавленный грустью Іоаннъ. Въ правомъ углу картины видны распятые разбойники. Одинъ изъ нихъ уже пересталъ жить; но въ глазахъ другого еще тлѣетъ озлобленная мысль. Позади тянется невысокая каменная стѣна, а дальше—верхи кипарисовъ и плоскія крыши Іерусалима.

Замѣтимъ еще одну подробность. Бёклинъ, подчиняясь своей непосредственной оригинальности, усѣялъ всю Голгоѳу пестрыми маргаритками. Эта идея кажется нѣсколько странной. Какъ могли вырости цвѣты на томъ мѣстѣ, гдѣ такъ недавно толпился народъ, римскіе воины, палачи? гдѣ было пролито столько крови и слезъ? Не спрашивайте объ этомъ художника. Онъ не написалъ «Снятіе съ креста» для того, чтобы передать ужасы казни. Кто знаетъ, можетъ быть, вся немного наивная поэзія картины таится въ дѣвственныхъ лепесткахъ распустившихся около Спасителя маргаритокъ...

Образъ умершаго Христа часто тревожилъ воображеніе Бёклина. Въ 1868 году впервые написана имъ «Печаль Магдалины». Затѣмъ, съ нѣкоторыми варіаціями, картина повторялась въ 1870 и 1873 г. *). Наконецъ, въ національной галлереѣ Берлина есть еще большое полотно «Pietà», исполненное въ 1877 году. Впечатлѣніе отъ картины двоится. Внизу тѣло Христа, лежащее на мраморной доскѣ, залито блѣднымъ зеленовато-фосфорическимъ свѣтомъ, который переходитъ, сгущаясь, въ мѣдно-синій фонъ. Почти такого же цвѣта покрывало, окутывающее съ головы до ногъ Марію, припавшую на грудь Спасителя... Но когда мы обращаемся отъ этой скорбной группы къ верхней части картины, то

*) «Magdalenas Trauer an der Leiche Christi». Базель. «Die büssende Maria Magdalena».

насъ поражаетъ рѣзкій переходъ и въ краскахъ, и въ настроеніи. Тамъ ярко золотится разверстое небо и толпа ликующихъ ангеловъ въ праздничныхъ одеждахъ славословитъ Бога. Художникъ мгновенно переноситъ насъ изъ лунныхъ сумерекъ въ солнечныя небеса, отъ безжизненно-страдальческаго лица Спасителя къ беззаботной улыбкѣ херувимовъ...

Въ своихъ религіозныхъ произведеніяхъ Бёклинъ болѣе поэтъ, чѣмъ мистикъ. Для него Новый Завѣтъ—художественная сказка и онъ принимается за нее съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ пишетъ древне-греческія или средневѣковыя легенды. Есть двѣ большія работы Бёклина, одна (въ Базелѣ), изображающая «Сказаніе о Дѣвѣ Маріи» (Marien-sage), другая (въ музеѣ Бреславля) подъ названіемъ «Fertur lux in tenebris». Собственно говоря, это—складни. «Mariensage» представлена слѣдующимъ образомъ. Въ центрѣ—сидящая на престолѣ Богородица съ младенцемъ; налѣво—рожденіе Іисуса; направо—ученики, уходящіе отъ гроба Господня. Кромѣ того, наверху помѣщаются еще маленькія, едва намѣченныя изображенія: «Волхвы со звѣздою» и «Погребеніе Христа». Тутъ начало и конецъ христіанской легенды; первая чудесная ночь рождества, непроницаемо-темная, съ одною лишь яркой путеводной звѣздой, и тревожная ночь смерти, послѣдняя ночь, озаряемая вспышками далекихъ зарницъ...

Другой триптихъ представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ символической декораціи. Онъ дополняетъ «Сказаніе о Маріи», открывая духовный смыслъ Евангелія—«Свѣтъ во откровеніе язычниковъ». Но пусть самъ авторъ пояснитъ свою идею. Слѣдующій отрывокъ взятъ изъ письма Бёклина къ директору Силезскаго музея Бергу: «Моя задача состоитъ въ томъ, чтобы сковать всѣ три картины объединяющею ихъ мыслью, которая была бы притомъ живописна. Однако, всѣ три фрески должны быть совершенно различны и производить своеобразное впечатлѣніе, чтобы не быть скучными, какъ тріо флейтъ. Картина налѣво представляетъ ужасъ: темный лѣсъ, алтарь въ крови, смятенный народъ; все, что останется выразить при окончательной разработкѣ, должно вызывать жуткое чувство. На противоположной сторонѣ (триптиха) радость. Въ обѣ картины надо вложить возможную силу и глубину красокъ. Теперь вопросъ заключается въ средней фрескѣ. Она должна и по внѣшнему виду, и по интимному дѣйствію на зрителя превосходить остальныя, которыя такимъ образомъ будутъ какъ бы ея дополненіемъ. Останется только, послѣ изображенныхъ душевныхъ волненій (ужаса и радости) написать ее такъ, чтобы она возбуждала страхъ въ самомъ зрителѣ... Если выполнить такой замыселъ со всѣмъ богатствомъ свѣта, доступнаго фрескамъ, то я думаю, что при перемѣнномъ взглядѣ съ одной картины на другую интересъ къ нимъ возрастетъ. Тогда не будетъ достаточнымъ увидѣть ихъ однажды; подобно тому, какъ хорошая музыка или поэзія никогда не надоѣдаютъ,

такъ и къ нимъ будетъ постоянно тянуть, потому что сильные контрасты трогаютъ душу и долго звучатъ въ ней потомъ».

Вотъ бѣглый очеркъ исполинскаго труда, совершеннаго Бёклиномъ... Въ настоящее время художнику минулъ семьдесятъ первый годъ; но, несмотря на возрастъ, вдохновеніе не измѣнило ему. Онъ продолжаетъ по прежнему работать, удалившись въ свою виллу Санъ-Доменико, близъ Флоренціи.

Мы вѣримъ въ творческую силу южнаго неба. Мы вѣримъ, что еще долго въ тѣни лавровыхъ деревьевъ, обвитыхъ плющемъ, будетъ бить источникъ красоты, и что около него не перестанутъ грезить два женскихъ образа—бѣлокурая дѣвушка съ палитрой въ рукѣ и ея задумчиво-строгая сестра—Поэзія съ вѣнкомъ на черныхъ волосахъ, внимающая многозвучному пѣнію весенней природы...

Сергѣй Маковскій.

Общественныя ученія и историческія теоріи XVIII и XIX вѣковъ.

Проф. **Р. Виппера.**

(*Продолженіе* *).

III. «Духъ законовъ».

Если въ XVII в. умственная жизнь отдѣльныхъ европейскихъ обществъ была еще весьма изолирована, то около 1700 г. намѣтилось сближеніе между англійской и французской средой. Знакомство двухъ національныхъ обществъ положило начало тому, что стало называться въ XVIII в. литературной республикой, что мы могли бы назвать литературнымъ космополитизмомъ Европы.

Первые шаги въ этомъ сближеніи были сдѣланы людьми, которыхъ оффиціальная Франція безжалостно выбросила за предѣлы родины, эмигрантами-гугенотами. Поселившись у порога Франціи, въ Голландіи, въ Лондонѣ, самые живые, талантливые и просвѣщенные въ ихъ средѣ, отчасти силою вещей, брошены были на литературный заработокъ и горячо принялись за самые живые вопросы дня. Политики вигской партіи въ Англіи пользовались ихъ услугами. Эмигранты, нервно возбужденные, благодаря сознанію испытанной несправедливости, діалектики и резонеры, подъ вліяніемъ кальвинистской школы, составляли среду, постоянно кипѣвшую разнообразными интересами. Въ началѣ XVIII в. мѣсто ихъ сходокъ въ Лондонѣ, кофейня «Радуги», наполнено шумомъ споровъ и разсужденій по всѣмъ вопросамъ религіи, науки, политики. Здѣсь, до извѣстной степени, получаютъ крещеніе свѣтскіе пилигриммы, отправляющіеся позднѣе въ Англію, въ родѣ Вольтера.

Уже политическое положеніе эмигрантовъ ставило ихъ въ оппозицію національному предразсудку: съ другой стороны, раздраженіе, которое нерѣдко заставляло ихъ биться въ рядахъ враговъ Франціи, естественно, должно было направить ихъ симпатіи къ либеральнымъ доктринамъ и учрежденіямъ. Эмигранты любили и ненавидѣли Францію, они жадно подбирали всякаго рода проекты реформы, относившіеся къ ней, а въ

---

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ.

Англіи они крѣпко стояли за виговъ и парламентъ въ политикѣ, за терпимость въ религіи. Побѣжденные силой, они какъ бы поставили себѣ задачей завоевать Францію идеями. Все, что привлекало ихъ въ странѣ, давшей имъ пріютъ, что такъ подходило къ ихъ настроенію, они стали неутомимо пропагандировать для отвергнувшей ихъ родины. Безпокойная, компиляторская, популяризующая литература ихъ и послужила первымъ мостомъ между Англіей и Франціей. Гугеноты первые познакомили французовъ съ англійскими учрежденіями. Въ массѣ переводовъ распространили они англійскія литературныя произведенія, начиная отъ Утопіи Мора и кончая Робинзономъ Дефо; въ общедоступной формѣ открывали они французской публикѣ философію Бэкона и Локка.

Въ этой литературѣ было мало оригинальнаго. Въ ней чувствовалась тяжеловѣсность, педантизмъ кальвинистовъ, взявшихъ на себя педагогическую роль. Но жизнь сама вырабатывала въ нихъ жилку журнализма, бойкость, расторопность, освѣдомленность обо всемъ, что могло волновать европейскій міръ.

Благодаря ихъ неутомимой работѣ, Англія перестаетъ казаться французамъ чуждой, непонятной страной. За вынужденными переселенцами рѣшаются двинуться туда люди любопытные, жаждущіе поученія и откровенія. Съ 20 гг. входятъ въ моду путешествія въ Англію: Аббатъ Прево, будущій романистъ, сбросивъ рясу бенедиктинца, бѣжитъ въ Англію, которая заранѣе представляется ему страной умственной и общественной свободы. Въ своемъ журналѣ «Pour et contre», который онъ сталъ издавать по возвращеніи во Францію (1733—1740), онъ ставитъ спеціальной цѣлью передавать свѣдѣнія, крупныя и мелкія, о томъ, что дѣлается въ Англіи, объ «интересныхъ частностяхъ, касающихся генія англичанъ, о курьезахъ Лондона, о прогрессѣ наукъ и сообщать самыя лучшія сцены англійскихъ переводныхъ пьесъ».

Нѣтъ ничего характернѣе искренняго и наивнаго, нѣсколько неопредѣленнаго восторга увлекающагося аббата передъ англійскими порядками и нравами. Все у нихъ хорошо, начиная съ умѣреннаго климата и естественныхъ богатствъ: прекрасны прочныя учрежденія, которыя охраняютъ англичанъ отъ тиранніи, ихъ законы, имѣющіе въ виду лишь общественное благо, ихъ правовое сознаніе, ихъ религіозная терпимость; наконецъ, ихъ нравы, ихъ глубокая естественность, которая заставляетъ презирать аффектацію, церемоніи и гримасы. Вотъ счастливый безгранично народъ!

«Какъ поучительно видѣть въ кафе одного или двухъ милордовъ, рыцаря-баронета, башмачника, виноторговца и нѣсколько человѣкъ еще такого же рода—за однимъ столомъ, съ трубкой во рту, въ непринужденной бесѣдѣ объ общественныхъ вопросахъ». Подъ грубоватой оболочкой англичанъ скрывается духовное здоровье. Англійскія добродѣтели—обыкновенно добродѣтели прочныя, потому что онѣ основаны на принципахъ; а принципы эти—созданіе счастливой натуры и наиболѣе чистаго разума.

Въ видѣ иллюстраціи этому положенію Прево пишетъ огромный 6-томный романъ о приключеніяхъ «побочнаго сына Кромвеля Клевеленда». Въ обстановкѣ романизированной исторіи Англіи эпохи революціи и реставраціи изображенъ человѣкъ, который именно въ своихъ чисто-англійскихъ чертахъ представляетъ типъ истиннаго философа, странствующаго и спокойно наблюдающаго среди житейскихъ бурь мыслителя. Клевелендъ объѣзжаетъ материки и океаны и ни на минуту не колеблется его философія. Среди величайшихъ несчастій, въ американской дикой глуши, среди страшныхъ людоѣдовъ, убивающихъ его лучшихъ друзей и съѣдающихъ, какъ онъ увѣренъ, его дочь, онъ, не теряя равновѣсія, размышляетъ, отмѣчаетъ впечатлѣнія и предписываетъ законы, потому что онъ принадлежитъ къ націи прирожденныхъ правителей земли.

Другой писатель, швейцарецъ Муральтъ, стараясь растолковать французамъ причину научныхъ и литературныхъ успѣховъ англичанъ, говоритъ: «Мнѣ нисколько не удивительно это: они чувствуютъ себя свободными; имъ легко и удобно; они любятъ прилагать ко всему мѣрку разума, они пренебрегаютъ тою деликатностью въ разговорѣ, тѣмъ вниманіемъ къ манерамъ, которыя только развлекаютъ и примельчаютъ умъ. Среди нихъ есть люди, которые мыслятъ болѣе сильно и у которыхъ болѣе оригинальныхъ идей, чѣмъ у развитыхъ людей другихъ націй».

Какъ обыкновенно бываетъ, при такомъ увлеченіи, въ обѣтованной землѣ, у своего великаго образца находили то, чего искали, видѣли то, что хотѣли видѣть. Создается своего рода фантазія о разумно-счастливомъ народѣ, къ которому должно ѣхать учиться. Поѣздка въ Англію, стали теперь думать во Франціи, формируетъ человѣка, доканчиваетъ его развитіе, открываетъ ему широкій міръ. «Изъ всѣхъ странъ всего полезнѣе посѣтить Англію», говоритъ Монтескьё. Путешествіе тридцати-двухлѣтняго Вольтера въ Англію составляетъ поворотный пунктъ его жизни. Одинъ современникъ замѣчаетъ объ этомъ: «Онъ имѣлъ великое счастіе побывать въ Англіи... Всѣ знали давно поэтическій талантъ этого автора. Его и не думали, однако, (до тѣхъ поръ) заносить въ разрядъ людей, которые размышляютъ и разсуждаютъ». По возвращеніи Вольтеръ не только пропагандируетъ усвоенныя на мѣстѣ новыя научныя теоріи; англійскія впечатлѣнія слагаются у него въ злую сатиру противъ домашнихъ порядковъ.

Англія представляется страной, рѣшившей естественнымъ путемъ, въ силу своей счастливой организаціи и здоровыхъ свойствъ расы, тѣ политическіе и религіозные вопросы, о которыхъ французамъ позволительно было лишь мечтать. Во всякомъ случаѣ, знакомство съ нею открывало новый культурно-общественный матеріалъ, навязывало само собой рядъ поучительныхъ параллелей.

Въ этой умственной обстановкѣ и создалась крупнѣйшая соціоло-

гическая работа первой половины XVIII в.—«Духъ законовъ» Монтескьё.

Чтобы выдѣлить характерныя черты соціальнаго сознанія, лежащія въ основѣ этой книги, необходимо вглядѣться въ общественную среду, которая воспринимала новыя впечатлѣнія. Монтескьё самъ своею жизнью даетъ въ этомъ отношеніи наилучшій матеріалъ; Монтескьё—одинъ изъ лучшихъ, самыхъ гуманныхъ представителей руководящаго интеллигентнаго общества въ его старинномъ составѣ и съ его старинными традиціями. Монтескьё выражаетъ въ своихъ сочиненіяхъ ту мѣру реформъ, на которыя это общество было способно безъ ломки своихъ основъ. Въ его совѣтахъ и признаніяхъ соединяются слабости и возвышенныя стремленія этого общества, они отражаютъ въ себѣ пониманіе соціальныхъ порядковъ, ихъ принципіальное и историческое оправданіе, свойственное соціальной средѣ, которая чувствовала себя весьма далекой отъ катастрофъ и революцій. Мы имѣемъ передъ собой оціальную философію, если такъ можно выразиться, устойчиваго общественнаго момента или, вѣрнѣе сказать, общества съ сознаніемъ своей устойчивости.

Монтескье по происхожденію и воспитанію принадлежалъ къ высшему слою общества, къ наиболѣе активной и просвѣщенной группѣ его. Его семья примыкала къ стариннымъ родамъ военной аристократіи, и его предки въ свое время прошли всѣ увлеченія и приключенія, характерныя для французскаго дворянства, включая сюда и отпаденіе въ кальвинизмъ, эту героическую вѣру XVI в. Отъ эпохи бурь, подвиговъ и оппозиціи осталась черта нѣкоторой аристократической суровости и спартанства. Старики Монтескье—Ла Брэды жили въ сельскомъ зàмкѣ около Бордо, который стоялъ живымъ памятникомъ XIII в., въ большой неуклюжей почернѣвшей башнѣ безъ всякихъ украшеній, съ подъемнымъ мостомъ черезъ окружный широкій ровъ, наполненный водой. Монтескьё самъ живо ощущалъ свое феодальное положеніе и любилъ говорить: «моя земля, мои вассалы». Съ полнымъ убѣжденіемъ производилъ онъ себя отъ германскихъ завоевателей, которые принесли въ порабощенную римлянами Галлію понятія свободы. Онъ различалъ двѣ націи, націю благородную и мѣщанскую, плебейскую и называлъ первую «наши предки, германцы, свободные воины». Въ феодальной средѣ, гдѣ родился Монтескьё, чувствовалась и патріархальная близость къ народу. На молитвенникѣ одной мѣстной крестьянки оказалась подъ днемъ крещенія мальчика помѣтка: «Сегодня окрестили сына нашего сеньера; воспріемникомъ его былъ бѣдный нищій прихода, Шарль, для того, чтобы оставить ему на всю жизнь память, что бѣдные—братья его. Да сохранитъ намъ всеблагій Господь этого ребенка!»

Совершенно въ духѣ землевладѣльца, гордаго вѣковой осѣдлостью, презиралъ Монтескьё торговое занятіе, и эта черта проникла

въ спокойную среду его характеристикъ въ «Духѣ законовъ». Торговля— дѣло мелкихъ государствъ и мелкихъ людей. Римляне, героическій народъ, презиралъ ее; у великой французской монархіи есть болѣе крупныя и возвышенныя задачи. Честь и торговля не могутъ идти вровень.

Но у Монтескьё землевладѣльческая гордость сплетается съ аристократизмомъ другого рода. Отъ родственниковъ своихъ наслѣдуетъ онъ мѣсто въ бордоскомъ парламентѣ, пріобрѣтаетъ независимое положеніе въ средѣ высшей судебной магистратуры. Такимъ образомъ онъ вступаетъ въ корпорацію съ своеобразнымъ складомъ и традиціями. Опираясь на свою привиллегію покупки и передачи должностей, парламенты защищали вообще унаслѣдованныя вольности; въ періодъ политическаго молчанія общества они провозглашали идеи и обнаруживали тенденціи сословнаго представительства; они заявляли вражду къ бюрократизму, къ нивеллировкѣ, къ механичности абсолютнаго управленія. Въ качествѣ хранителей закона, парламенты привыкли противопоставлять себя неустойчивой, склонявшейся по произволу администраціи, всей массѣ назначаемыхъ правительствомъ чиновниковъ.

Въ свое время Сорбонна, совокупность свѣтилъ богословской науки, считала себя въ правѣ направлять на путь истины, возвращать къ вѣрной традиціи самого святѣйшаго отца; такъ и парламентъ, сознавая себя олицетвореніемъ неизмѣннаго государственнаго принципа и закрѣпленныхъ привиллегій, думалъ, что выполняетъ свой долгъ, когда возражалъ самому государю и не допускалъ его до нарушенія старины и традиціи. Въ исторіи этихъ почти всегда трагическихъ попытокъ возраженія во имя закона заключался какъ бы мартирологъ, полный почета для парламентской корпораціи. Понятно, что въ этой средѣ слагалось особое міровоззрѣніе, что здѣсь прививалась фаталистическая, учившая гордому самоотреченію вѣра, вѣра янсенизма. Юридическая школа, которую проходили парламентскіе дѣятели, наталкивала ихъ на историческія сближенія, взятыя изъ римской исторіи; они чувствовали сходство свое съ римскимъ сенатомъ эпохи имперіи и настраивали себя на тонъ тѣхъ героевъ оппозиціи деспотизму императоровъ, которые изображены у Тацита. Эти параллели добавляли новый оттѣнокъ къ настроенію ихъ, особый консервативно-республиканскій стоицизмъ, нѣкоторый реторическій паѳосъ, идеализацію античной добродѣтели.

Черты эти очень замѣтны у Монтескьё. Они составляютъ основное настроеніе его «Разсужденія о причинахъ величія и паденія древняго Рима». Изображая появленіе стоическаго ученія среди упадка силъ и нравовъ имперіи, Монтескьё говоритъ: «Казалось, человѣческая природа сдѣлала усиліе, чтобы произвести самобытно эту изумительную секту людей, напоминающую тѣ растенія, которыя порождаетъ земля въ мѣстахъ, никогда не видѣвшихъ неба». Герои Монтескьё—замкнутые, непоколебимые, проникнутые однимъ принципомъ республиканцы,

прирожденные господа земли; добродѣтель, по Монтескьё,—исполненіе гражданскаго долга, который не нуждается въ поощреніяхъ и не страшится преслѣдованій. Говоря объ убійствѣ Цезаря Брутомъ, онъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: «можно ли было наказать иначе, какъ убійствомъ преступленіе Цезаря, который вѣдь выросъ и жилъ среди свободнаго устройства?» Въ дѣлѣ Брута «выразилась любовь къ родинѣ, настолько сильная и подавляющая, что, выходя за обычные предѣлы преступленій и добродѣтелей, она внимала лишь себѣ самой, не видя ни гражданина, ни друга, ни благодѣтеля, ни отца». Общество такимъ образомъ какъ бы имѣетъ призванныхъ, прирожденныхъ руководителей, а для этихъ вождей существуетъ особая мораль, и они составляютъ настоящую его интеллектуальную силу.

Аристократъ съ республиканскими и стоическими симпатіями, Монтескьё формировалъ свои вкусы въ салонной средѣ; свои умственные интересы онъ развивалъ на научной методѣ, созданной преимущественно изученіемъ явленій физической природы. Монтескьё былъ вполнѣ человѣкъ общества; мастеръ остроумнаго разсказа, мѣткихъ опредѣленій, неожиданныхъ оборотовъ въ разговорѣ, онъ былъ любителемъ тонкой бесѣды, въ которой споръ не грозилъ затянуться, но захватывались легко и ярко существенные факты и идеи. Онъ привыкъ наблюдать, брать свой матеріалъ на лету, заносить случайныя и оторванныя черты и анекдоты о нравахъ и привычкахъ людей въ разныхъ странахъ и въ разныя времена, не пренебрегать мелочами. Въ разговорѣ, на прогулкѣ эти клочки и блестки собираются въ картинки и сближенія; такъ постепенно, не спѣша и на досугѣ, слагаются общія характеристики, сравнительныя оцѣнки и т. д. Съ тою же свѣтской манерой наблюдаетъ Монтескьё во время своихъ путешествій; это—не систематическое изученіе, не исчерпывающая полнота. Можно сказать, Монтескьё любитъ конкретное, но, выжавъ изъ него драгоцѣнную каплю, бросаетъ его и знаетъ лишь добытую эссенцію. Но онъ всюду вноситъ неослабѣвающую чуткость, свѣжесть интереса и мысли: «Я всю жизнь наблюдаю; все меня интересуетъ, все приводитъ въ удивленіе; я—какъ ребенокъ, органы котораго, еще нѣжные, живо затрогиваются малѣйшими предметами».

Монтескьё прошелъ и характерное для того времени увлеченіе естественными науками. Онъ производилъ опыты, штудировалъ анатомію, ботанику. Это какъ бы считалось общеобязательной школой саморазвитія, приблизительно, какъ у насъ въ 60-хъ годахъ. Монтескьё, можетъ быть, немного вынесъ отсюда спеціальныхъ знаній; но подобная работа имѣла значеніе: матеріалъ общественно-научныхъ и историческихъ свѣдѣній былъ слишкомъ безпорядоченъ, и натуралистическая школа скорѣе воспитывала въ умѣ понятіе закономѣрности явленій.

Монтескьё любитъ вплетать примѣры изъ жизни внѣшней природы, пояснять общественные законы аналогіями, заимствованными изъ сферы

естественно - историческихъ явленій. Напримѣръ, онъ замѣчаетъ въ «Духѣ законовъ» по поводу революцій: въ малыхъ государствахъ, гдѣ масса гражданъ принимаетъ участіе въ политическихъ волненіяхъ, необходимо, чтобы небольшое число разумныхъ и спокойныхъ людей входило въ составъ мятежниковъ: «такъ, броженіе одной жидкости можетъ быть остановлено каплей всего другой жидкости». Въ разсужденіи о вліяніи тепла и холода на нервные центры и развитіе психическихъ наклонностей у цѣлыхъ народныхъ группъ, Монтескье разсказываетъ обстоятельно о своихъ изслѣдованіяхъ подъ микроскопомъ и опытахъ надъ поверхностью языка барана и пр.

Кругозоръ идей Монтескьё былъ расширенъ путешествіями. Въ теченіе трехъ лѣтъ онъ побывалъ въ Австріи, Венгріи, Италіи, Германіи, Голландіи, Англіи. Эти страны съ ихъ строемъ и нравами составили тотъ общественный міръ, въ которомъ постоянно жила мысль Монтескьё, который постоянно подсказывалъ ему сопоставленія, поученія и историческія аналогіи. На краю этого міра помѣщались народы и области, извѣстные по наслышкѣ, изъ книгъ, страны полуварварскія и не достигшія культуры или извратившія культурные принципы, Польша, Москва, Турція и Персія; послѣднія двѣ составляли тотъ «Востокъ» въ собственномъ смыслѣ, который постоянно напрашивался на антитезу съ Европой.

Осязательно-знакомый міръ у Монтескьё не великъ. Но онъ представлялъ для наблюдателя нѣчто цѣльное, связанное внутри, поддающееся классификаціи. Стремясь понять его основы, Монтескьё постоянно возвращается къ сравненію его съ другимъ, исчезнувшимъ міромъ, съ міромъ античнымъ, который сосредоточивается для него въ Римѣ. Гражданскія войны въ Римѣ напоминаютъ ему тотчасъ Кромвеля и англійскую революцію; демократическій царь Рима, Сервій Туллій, принижающій сенатъ, вызываетъ параллель съ Генрихомъ Тюдоромъ, который увеличилъ силу общинъ, чтобы ослабить сеньеровъ. Въ чемъ была сущность этого разрушившагося міра, какія причины его паденія? Чѣмъ отличается отъ него вновь сложившаяся среда? Эти историческіе вопросы тѣсно связаны были съ соціальнымъ пониманіемъ современности.

Для Вико, какъ мы видѣли, вопросы эти рѣшались теоріей круговорота, признаніемъ аналогичныхъ повтореній въ фатальныхъ кругахъ развитія. Монтескьё болѣе чувствуетъ различіе древняго и новаго міра. Въ своемъ «Разсужденіи о причинахъ величія и паденія древняго Рима» онъ старается опредѣлить, почему въ современности невозможны такія крупныя и великія предпріятія, какъ въ древнемъ мірѣ. Уже постановка вопроса клонится къ невыгодѣ новой культуры.

Монтескьё указываетъ прежде всего на огромную разницу военной способности древнихъ и новыхъ народовъ. Современный государь, имѣющій милліонъ населенія въ странѣ, не можетъ держать, не разоряясь,

болѣе 10,000 солдатъ. Въ настоящее время отношеніе солдатъ къ остальному населенію 1:100, въ древности — 1:8. Но главная причина въ развитіи сношеній и публичности въ новое время. Книгопечатаніе, гравюра и карты, политическіе журналы, почта быстро знакомятъ всѣхъ съ положеніемъ дѣлъ, распространяютъ свѣдѣнія и раскрываютъ секреты государственные; со времени изобрѣтенія векселей денежныя средства въ рукахъ купцовъ и огромныя суммы направляютъ движеніе событій. Монтескьё не склоненъ восхищаться этими успѣхами новой культуры, какъ это будутъ дѣлать позднѣе теоретики и проповѣдники безконечнаго прогресса человѣчества. Онъ не можетъ удержаться отъ ироническаго замѣчанія: «сношенія между націями нынче такъ велики, что каждый государь имѣетъ представителей своихъ при всѣхъ дворахъ и можетъ распбдагать измѣнниками во всѣхъ министерскихъ кабинетахъ».

Сравните съ этимъ опредѣленіемъ то, что говорится о древнемъ мірѣ. Его основная черта—господство характеровъ, господство политической свободы; это—великія данныя, которыя не идутъ въ сравненіе съ современными благами мягкой, удобной, рефлектирующей жизни; обладаніе ими, напротивъ, тревожно и страшно, жизнь эта—грандіозна и бурна. «Свободное управленіе, т. е. вѣчно безпокойное», говоритъ Монтескьё. (Въ древности) «совершали дѣла, которыхъ мы не видимъ болѣе и которыя поражаютъ слабыя души наши». «Мнѣ непріятно, что Титъ Ливій окружаетъ цвѣтами этихъ огромныхъ колоссовъ древности (такъ замѣчаетъ Монтескьё по поводу Аннибала), лучше бы онъ поступалъ, какъ Гомеръ, который не старается ихъ разрядить, но зато такъ хорошо умѣетъ показать ихъ въ движеніи».

Въ этой идеализаціи древняго міра—своего рода утопія. Но человѣкъ нуждается въ подобномъ утѣшеніи, будь это картина небеснаго или земного рая, счастливаго уголка добродѣтельныхъ дикарей на островѣ Великаго Океана или погибшаго среди развалинъ міра великихъ сердецъ и неукротимыхъ характеровъ. Даже въ знаменитой сатирѣ Свифта, въ «Путешествіи Гулливера», гдѣ все человѣческое опрокинуто въ злой насмѣшкѣ, есть одинъ свѣтлый пунктъ, одно святое мѣсто, которое поднимается выше критики и злословія, и это также моментъ великой моральной силы въ античной республикѣ. Въ ученомъ царствѣ Гулливеръ проситъ вызвать тѣни Гомера и Аристотеля, Брута и Цезаря и почтительно бесѣдуетъ съ ними. Цезарь восхваляетъ Брута, съ которымъ онъ теперь неразрывенъ, и называетъ величайшимъ подвигомъ убійство его, Цезаря. Рядомъ съ современнымъ законодательнымъ собраніемъ, жалкимъ и позорнымъ, поднимается сенатъ, точно совѣтъ героевъ и полубоговъ.

Только по временамъ вспыхиваетъ и въ новой Европѣ героическій духъ, такъ кажется Монтескьё, болѣе всего въ Англіи и особенно въ эпоху ея революціи. Никогда Англія не вызывала такого преклоненія,

какъ въ эпоху Кромвеля. Таково же было время лиги во Франціи, смутъ въ малолѣтство Людовика XIV. Во внутреннихъ междусобіяхъ формируются крупные люди и зрѣютъ великіе завоевательные замыслы, которые грозятъ сосѣдямъ. Но вообще Европа можетъ жить спокойно. Варвары спятъ на ея краяхъ, пока ихъ не трогаютъ. Но если ихъ загнать опять на сѣверъ, какъ сдѣлали римляне и Карлъ Великій, они во второй и въ третій разъ наводнятъ Европу и покорятъ ее.

Стоитъ запомнить этотъ кругъ понятій и эту спокойную разсудительную фигуру представителя стариннаго общества наканунѣ своего рода завоевательной бури политическихъ и соціальныхъ требованій, наканунѣ возникновенія какъ бы новой религіи, религіи прогресса и демократіи, сопровождавшейся, какъ всякая религія, безпокойной пропагандой, апологіей чувства, нетерпимымъ сознаніемъ исключительной истины и исключительной цѣли впереди.

До извѣстной степени завѣщаніемъ сходящаго со сцены общества и его настроенія останется «Духъ законовъ» Монтескьё. Самому Монтескьё казалось, что онъ всю жизнь работалъ надъ этой книгой. «Когда я вышелъ изъ школы, мнѣ дали въ руки юридическія сочиненія; я искалъ въ нихъ духа». Что Монтескьё разумѣетъ подъ этимъ?

Монтескьё любитъ настаивать на томъ, что не случай, не слѣпая судьба управляетъ міромъ. «Посмотрите на римлянъ: они имѣли непрерывный рядъ успѣховъ, когда управлялись по одному извѣстному плану, рядъ безконечныхъ неудачъ, когда избрали другой. Есть причины общія, нравственныя или физическія, которыя дѣйствуютъ во всякомъ государствѣ, поднимаютъ, сохраняютъ его или губятъ; всѣ отдѣльные случаи подчинены этимъ причинамъ; если мы видимъ, что случайный исходъ битвы, т. е. частная причина, разрушаетъ государство, то навѣрно существовала общая причина, въ силу которой государство это должно было погибнуть отъ одной битвы».

Отысканіемъ этихъ общихъ причинъ и занятъ Монтескье въ «Духѣ законовъ». Свои твердо укрѣпившіяся убѣжденія, результатъ всей работы соціально-историческихъ наблюденій онъ отчетливо формулируетъ въ предисловіи:

«Я сначала изучилъ людей и я пришелъ къ убѣжденію, что въ безконечномъ разнообразіи законовъ и нравовъ они не руководятся единственно своими капризами.

«Я установилъ принципы, и я увидѣлъ, что частные случаи какъ бы сами собою имъ подчинялись, что исторія каждой націи являлась какъ бы слѣдствіемъ этихъ принциповъ, что каждый частный законъ былъ связанъ съ другимъ или зависѣлъ отъ болѣе общаго.

(Въ началѣ) «я не имѣлъ плана, не зналъ ни правилъ, ни исключеній; но когда я нашелъ принципы, все, чего я искалъ, само собою далось мнѣ».

Но отчего же рѣчь идетъ о духѣ законовъ, а не о духѣ устройствъ,

духѣ культуръ народныхъ? Законъ у Монтескьё—широкое понятіе или, лучше сказать, подъ этимъ словомъ онъ смѣшиваетъ разныя понятія, и въ этомъ смѣшеніи заключается характерная черта его воззрѣній.

Монтескьё опредѣляетъ прежде всего законъ, какъ научное понятіе: это—постоянныя отношенія въ природѣ и человѣческомъ общежитіи. Нечувствительно онъ переходитъ къ другому опредѣленію: внутри каждой формы общежитія, въ жизни каждаго государства, народа—есть свой основной законъ, т. е., онъ уже хочетъ сказать, неизмѣнный факторъ, главный жизненный элементъ, который мы узнаемъ изъ постоянныхъ отношеній, постоянныхъ повтореній въ предѣлахъ такой общей формы. Наконецъ Монтескьё разумѣетъ законъ въ узкомъ смыслѣ, изданный, государственный законъ; этотъ законъ только тогда дѣйствителенъ, если онъ формулируетъ требованія или условія, вытекающія изъ фундаментальнаго закона, т. е. изъ принципа жизни данной общественной группы или общественнаго тѣла. Монтескьё хочетъ сказать, что въ дѣйствительности живутъ, жизненны только типичныя формы; то, что̀ не типично, что̀ случайность, что̀ составляетъ временное и мѣстное отклоненіе, то не идетъ въ счетъ, не имѣетъ ни научной, ни практической цѣны. Если изданный государствомъ законъ не идетъ къ данной общественной организаціи, онъ останется безплоднымъ; и соціологъ или историкъ при научномъ изученіи посмотрятъ на него, какъ на курьёзъ.

Велика можетъ быть игра случая, каприза, ошибки; но въ нормальной жизни всѣ отклоненія должны взаимно парализоваться, одна опредѣленная нить въ концѣ концовъ пробѣжитъ черезъ весь общественный организмъ, начиная отъ первыхъ шаговъ его существованія, и къ этой нити должны примкнуть всѣ тѣ человѣческіе акты, которые отражаютъ въ себѣ существенныя потребности и свойства даннаго общества.

Монтескьё почти не видитъ, почти не рѣшается сказать, гдѣ кончается вліяніе натуральнаго жизненнаго принципа, проникающаго собою общественное тѣло, и гдѣ начинается воздѣйствіе изданнаго властью закона, если этотъ законъ вѣренъ основному принципу. Они взаимно укрѣпляютъ другъ друга, ихъ силы переплетаются. Вѣрные принципу даннаго общества, законы напрягаютъ всѣ пружины управленія, а принципъ, жизненная органическая основа, въ свою очередь, получаетъ новую мощь.

Опираясь на это убѣжденіе, Монтескьё хочетъ соединить научную и практическую задачу. Путемъ изученія естественныхъ, необходимыхъ условій, на которыхъ держится существованіе тѣхъ или другихъ общественныхъ формъ, онъ хочетъ опредѣлить, какъ надо ихъ направлять; онъ хочетъ положить основы для здравой раціональной политики, онъ пишетъ руководство общественно-политической гигіены.

Какимъ же образомъ сложились, держатся и развиваются эти формы?

Монтескьё предлагаетъ читателю рядъ главъ, гдѣ онъ говоритъ о вліяніи климата и почвы страны на общественный и политическій строй, на характеръ и нравы народовъ. Онъ думаетъ въ природныхъ условіяхъ открыть прочную отправную точку, факторъ непрерывно-одинаковой силы.

Главныя противоположности въ его характеристикахъ—это Европа и Востокъ, сѣверяне и южане. Между ними распредѣляются такія свойства, какъ холодность, малоподвижность или страстность, сангвинизмъ, дѣятельный духъ или лѣность. Монтескьё вооружается физіологическими представленіями своего времени и хочетъ открыть причину разницы нравственныхъ свойствъ въ степени расширенія и сжиманія сосудовъ на конечностяхъ тѣла, въ степени развитости и чувствительности нервныхъ нитей у людей разныхъ странъ. Холодъ и тепло опредѣляютъ эту разницу: оттого у народовъ холодныхъ и теплыхъ странъ очень разная степень нравственной чувствительности, очень разная способность раздражаться; сюда же Монтескьё сводитъ бо̀льшую или меньшую охоту къ удовольствіямъ, силу храбрости и т. п.

Сѣверяне, напримѣръ, очень выносливы къ боли и мало чутки. Сюда относится замѣчаніе по нашему адресу: «надо содрать кожу съ московита, чтобы заставить его почувствовать».

Народы Востока отличаются слабостью органовъ и крайней чувствительностью. Вслѣдствіе этого они усвоиваютъ необычайно сильно первыя впечатлѣнія: затѣмъ, въ силу того же свойства, парализующаго активность, они не могутъ избавиться отъ этихъ впечатлѣній; отсюда происходитъ неподвижность ихъ порядковъ, привычекъ, даже такихъ вещей, какъ костюмъ.

Монтескьё увлекается дальше въ своихъ сближеніяхъ. Сами политическія формы народа какъ бы предопредѣлены климатомъ и почвенными условіями его страны. Въ области, гдѣ жили древніе спартанцы, плодородная почва способствовала развитію рабства и аристократическаго правленія, потому что легко достававшееся изобиліе скоро было захвачено немногими, а остальные имъ подчинились; напротивъ, скудная земля Аттики заставила всѣхъ одинаково упорно работать и, слѣдовательно, создала въ Аѳинахъ демократію.

Одинъ примѣръ особенно необычно для насъ звучитъ. Монтескьё указываетъ на то, что англичане склонны къ самоубійству; это—болѣзнь климата, который затрудняетъ фильтрацію нервныхъ соковъ и вызываетъ по временамъ истощеніе, усталость человѣческой машины. Но дальше отсюда онъ уже выводитъ общую нетерпѣливость англичанъ, которая особенно сказывается на почвѣ политики. Если людямъ всѣ вещи могутъ надоѣдать вплоть до развитія въ нихъ отвращенія къ жизни, то для нихъ подойдетъ только такая форма правленія, которая не утомляетъ однообразіемъ, а главное дѣло—такая, въ которой нельзя на одного свалить отвѣтственность за причины своего раздраженія;

вотъ почему здѣсь скорѣе законы правятъ, чѣмъ люди; для того, чтобы измѣнить порядки, надо опрокинуть законы, а это труднѣе.

Итакъ, передъ глазами Монтескьё стоятъ какъ бы отлитыя изваянія народовъ и государствъ; характеры готовы разъ навсегда; всѣ ихъ дѣйствія—въ духѣ намѣченныхъ ролей. Увѣренной рукой высѣкаетъ Монтескьё всѣ контуры каждаго коллективнаго лица. Онъ разбиваетъ народы и государства на группы и чертитъ ясно и отчетливо нравственную физіономію каждой группы. Деспотіи, монархіи, аристократіи, демократіи—каждый порядокъ имѣетъ свою природу, и каждому отвѣчаетъ извѣстный принципъ, т. е. опредѣленная тенденція человѣческихъ страстей, основной нравственный мотивъ. Монтескьё различаетъ подъ обозначеніемъ «природа» и «принципъ» двѣ разныя группы условій, два разныя начала: одно опредѣляетъ строеніе, другое—движеніе общества; одно—сохраняющая и распредѣляющая, другое—направляющая сила.

Въ деспотіи движущій мотивъ, около котораго все вращается—страхъ, въ монархіи—чувство чести, въ республикѣ—добродѣтель. Къ такому основному свойству тяготѣютъ всѣ жизненныя черты, религія, воспитаніе, примѣры прошлаго, нравы, привычки, правительственные пріемы.

Изъ нихъ образуется общій духъ даннаго общественнаго организма, его esprit général, связанный съ нимъ, какъ душа, на всемъ протяженіи земного его существованія. Измѣна ему невозможна: она равна болѣзни и смертной опасности. Если же начала, создавшія организмъ и составлявшія его жизненное содержаніе, разрушатся, наступитъ естественная смерть.

Въ какомъ-то кругѣ безъ начала и безъ конца пробѣгаютъ жизненныя влеченія каждой общественной среды: такъ, напримѣръ, любовь къ демократіи есть любовь къ суровой умѣренности потребностей. Разъ всякій долженъ обладать одинаковымъ счастьемъ и одинаковыми выгодами, всякому въ этой средѣ должны выпасть также одни и тѣ же удовольствія, наличность однѣхъ и тѣхъ же надеждъ; а это возможно лишь при общей простотѣ и умѣренности потребностей, составляющихъ сущность демократіи.

Въ этихъ разсужденіяхъ Монтескьё бываетъ очень остроуменъ, хотя иногда нѣтъ не только вывода, но и выхода изъ нихъ. Напримѣръ, отчего монахи такъ любятъ свой орденъ? Какъ разъ по тѣмъ основаніямъ, почему онъ имъ невыносимъ. Ихъ уставъ лишаетъ ихъ всего, на что опираются обыкновенныя страсти; остается, значитъ, одна страсть—къ уставу, который ихъ угнетаетъ. Чѣмъ онъ суровѣе, т. е. чѣмъ больше онъ заколачиваетъ ихъ склонности, тѣмъ больше онъ даетъ силы тѣмъ немногимъ влеченіямъ, которыя онъ имъ оставилъ.

На изученіи этихъ основныхъ моральныхъ свойствъ построена практическая забота объ общественномъ здоровьѣ и цѣлости общества; ея

исходный пунктъ у Монтескьё всегда простъ, но выполненіе въ деталяхъ сложно и требуетъ всесторонняго вниманія. Только опредѣленныя моральныя и соціальныя черты можно вызвать въ опредѣленной средѣ. Напримѣръ, демократіи годятся лишь для малыхъ государствъ, монархіи для большихъ. Демократія держится лишь на имущественномъ равенствѣ, небольшихъ земельныхъ надѣлахъ, суровомъ воспитаніи, отсутствіи денегъ. Свобода кажется невыносимой для народовъ, которые не привыкли ею пользоваться. Монтескьё не забываетъ при этомъ взять сравненіе изъ области физическихъ явленій. «Такъ, чистый воздухъ иногда вреденъ тѣмъ, кто жилъ въ болотистой странѣ».

Красивое зрѣлище, говоритъ Монтескьё, представляли въ прошломъ вѣкѣ безсильныя попытки англичанъ установить у себя демократію. Но вмѣсто добродѣтели у вождей было безграничное честолюбіе, и одна политическая интрига смѣняла другую. Затѣмъ, Монтескьё впадаетъ въ любимую антитезу античнаго величія и современной мелкоты. «Греческіе политики, жившіе среди народнаго правленія, не признавали иной силы, которая могла бы его держать, кромѣ добродѣтели. Нынѣшніе политики толкуютъ намъ о мануфактурахъ, коммерціи, финансахъ, богатствахъ, даже о роскоши».

У Монтескьё часто изумляешься точности дисциплинарно-гигіеническихъ предписаній и обстоятельности его рецептовъ и инструкцій. Въ главѣ объ аристократіи и ея режимѣ ничего не забыто. Можно сказать, каждый день, каждый актъ правительства предусмотрѣнъ. Господствующій классъ въ аристократическихъ государствахъ не долженъ участвовать въ организаціи сбора податей; имущество его представителей не должно быть ни велико, ни мало. Съ увѣренностью декретируетъ Монтескьё, когда и гдѣ сенаторамъ должно быть пожизненными, и когда и гдѣ они должны быть смѣняющіеся. На то у него есть общее правило: первый случай, когда ихъ задача—надзоръ за нравами, второй, когда ихъ обязанность—подготовка политическихъ актовъ.

Разъ діагнозъ опредѣлилъ характеръ общественнаго организма, даже опытъ не можетъ поколебать увѣренности политическаго философа въ томъ, что онъ знаетъ необходимые и правильные способы режима или лѣченія для общественнаго тѣла. Монтескьё, напримѣръ, не вѣритъ въ реформы, совершившіяся со времени Петра въ Россіи: стоитъ замѣтить, что его скептическія замѣчанія объ этомъ написаны лѣтъ 20 спустя послѣ смерти Петра. «Смотрите,—говоритъ онъ,—съ какою заботою московское правительство старалось выйти изъ тяжелаго строя, который давилъ его еще больше, чѣмъ самый народъ. Были уничтожены большіе военные отряды (Монтескьё разумѣетъ стрѣльцовъ), уменьшены наказанія, установлены суды, начали понимать законность, обучили народъ». Монтескьё склоненъ думать, что эти мѣры не привьются, потому что онѣ не отвѣчаютъ характеру государства, т. е. ранѣе опредѣлившимся его чертамъ.

Въ пріемахъ Монтескьё намѣчается будущая соціологія, наша наука объ обществѣ, законахъ его строенія и развитія. Его собирательный терминъ въ примѣненіи къ совокупности соціальныхъ явленій, «общій духъ» звучитъ странно для насъ, но въ качествѣ его слагаемыхъ разумѣются всѣ основные моменты общественно-исторической жизни. Одна черта однако останавливаетъ наше вниманіе, какъ существенный пробѣлъ въ ея научномъ истолкованіи. Монтескьё видитъ лишь одну арену, на которой проявляются соціальныя свойства, именно государство. Онъ не замѣчаетъ, что подъ этой организаціей, закрѣпленной законами, есть другая, самостоятельная, менѣе замѣтная по внѣшнимъ проявленіямъ, но болѣе глубокая, медленнѣе измѣняющаяся и опредѣляющая въ сущности политическую жизнь, организація общественная, въ видѣ группировки классовъ, распредѣленія интересовъ между ними въ видѣ господства извѣстныхъ направленій мысли, связанныхъ съ этими интересами.

Любопытна судьба идей Монтескьё въ ближайшую къ нему эпоху. Книга его, вышедшая въ 1748 г., была прочитана съ захватывающимъ интересомъ: въ теченіе двухъ лѣтъ она выдержала 22 изданія. Какъ всѣ крупныя произведенія французской литературы XVIII вѣка, она должна была изъ за цензуры выйти заграницей. Она удостоилась еще и той чести, что правовѣрные католическіе богословы Сорбонны нашли въ ней опасныя ученія: открылись разнообразные подозрительные пункты, какъ-то: ссылка на роль климата въ образованіи религіозныхъ понятій, сочувственныя замѣчанія о разводѣ и критическія о безбрачіи духовенства, восхваленіе достоинствъ Юліана Отступника, какъ государя. «Духъ законовъ» попалъ даже въ индексъ, въ списокъ запрещенныхъ церковью книгъ. Были и другія нападки. Черезъ нѣсколько лѣтъ появилась книжка, въ которой симпатія Монтескье къ англійскому строю истолковывалась, какъ измѣна отечеству.

Словомъ, весь неизбѣжный циклъ былъ пройденъ. Но эти нападки со стороны стражей оффиціальныхъ традицій и отживающихъ воззрѣній менѣе останавливаютъ вниманіе, чѣмъ возраженія, которыя очень скоро подняли представители передовой просвѣтительной литературы.

Во второй половинѣ вѣка имя Монтескьё по традиціи было окружено почетомъ, но слѣдующія поколѣнія чувствовали себя чуждыми ему, удивлялись его слабостямъ и недоговоренности, жалѣли о его уступкахъ предразсудку. Одинъ изъ вождей философскаго движенія, Гельвецій, по поводу «Духа законовъ» находилъ, что писателю слѣдовало бы ради пользы общества остановиться на опредѣленіи правильныхъ принциповъ въ будущемъ строѣ, вмѣсто того, чтобы освящать и оправдывать тѣ, которые укрѣпляютъ предразсудки. Гельвецій находилъ, что Монтескьё вноситъ слишкомъ много усложненій въ политику, что его гигіена слишкомъ медлительна, что она требуетъ слишкомъ много терпѣнія со стороны врача, т. е. законодателя и политика, слишкомъ много добродѣтели со стороны больного, т. е. народа.

Экономистъ Дюпонъ сожалѣлъ, что Монтескьё «вообще столь достойный, чтобы просвѣтить во всѣхъ направленіяхъ умъ человѣческій», могъ говорить шаблонно, какъ «всякій другой», что, «не объяснивъ намъ, какова первоначальная основа, какова общая задача всякой формы управленія, эта возвышенная личность направила всю силу и превосходство своего тонкаго и глубокаго ума на придумываніе спеціальныхъ оправданій къ даннымъ случаямъ».

Критики радикально расходились съ Монтескье: они не хотѣли видѣть въ строѣ разныхъ обществъ на землѣ законныхъ и неустранимыхъ различій. «Необходимый порядокъ, на которомъ основываются общества, есть въ то же время общій и естественный порядокъ». Они требовали одинаковаго и настойчиваго воспитанія и руководительства для всѣхъ обществъ.

Эта позднѣйшая критика еще рѣзче выдѣляетъ характерныя черты соціальной философіи Монтескьё. Въ его время старыя политическія и общественныя формы въ Европѣ стояли еще кругомъ твердыми, традиціонными группами. Въ эти сложившіяся рамки гуманная личность—а Монтескьё мы съ особымъ правомъ могли бы такъ назвать—хотѣла бы внести больше мягкости, справедливости, больше общенія между людьми. Монтескьё—врагъ пытокъ; онъ наглядно показываетъ безсиліе строгихъ наказаній. Вѣротерпимость какъ бы сама собою разумѣется для него. Онъ требуетъ отмѣны рабства черныхъ. Горячо ратуетъ онъ и за неприкосновенность личности: въ этомъ въ сущности для него и состоитъ главная цѣна политической свободы.

Но ни въ одномъ изъ этихъ его желаній нѣтъ рѣжущаго, разрушительнаго порыва, нѣтъ угрозы стариннымъ общественнымъ устоямъ. Онъ точно хочетъ сказать: какъ въ обществѣ могутъ и должны уживаться различные характеры, сложившіеся въ зависимости отъ наслѣдственныхъ свойствъ и воспитанія, такъ на земной поверхности неизбѣжна коренная разница большихъ коллективныхъ организмовъ, крупныхъ національныхъ и соціальныхъ характеровъ. Какъ бы ни было благотворно ихъ взаимное общеніе, какъ бы ни просвѣтляла людей въ отдѣльности наука и мораль, эти массовые характеры, въ которыхъ тонутъ личности, останутся неизмѣнны и будутъ жить до своего естественнаго конца.

IV. Просвѣтительная публицистика и ея историческія понятія.

Со времени эмигрантской литературы гугенотовъ началось литературное и культурное сближеніе Франціи съ Англіей, и представители французской интеллигенціи открыли въ сосѣдней странѣ точно новый для себя общественный міръ. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе публика искала непрерывнаго, быстраго и доступнаго поученія; тѣмъ больше и литературные вожди ставили себѣ цѣлью неустанную и разностороннюю

пропаганду и ознакомленіе общества съ сосѣдней культурой. Въ связи съ этимъ возникла и обширная публицистическая, такъ называемая просвѣтительная литература XVIII в. Она отвѣчаетъ прежде всего нарожденію новаго читателя, его стремленію къ тому, что мы теперь называемъ самообразованіемъ.

Интересный фактъ разсказываютъ очевидцы выхода въ свѣтъ словаря Бэля: когда экземпляръ его появился въ Парижѣ въ библіотекѣ Мазарини, единственной публичной въ то время, каждый день, рано утромъ, задолго до открытія дверей у зданія собиралась толпа; давка была такая среди желавшихъ добраться до новой книги, точно при разборѣ билетовъ на пьесу, которая имѣетъ большой успѣхъ.

Мы можемъ наблюдать, какъ читатель упреждаетъ своими запросами, наводитъ своего руководителя. Журналистъ Прево, о которомъ шла рѣчь выше, былъ заваленъ письмами, вопросами, требованіями своихъ подписчиковъ и постороннихъ, жаждавшихъ разнообразныхъ точныхъ и конкретныхъ свѣдѣній. У него «тысячу разъ», какъ онъ говоритъ, требовали во Франціи точнаго перевода протокола засѣданія англійскаго парламента. Онъ рѣшается, наконецъ, печатаетъ подробно цѣлое засѣданіе и имѣетъ полнѣйшій успѣхъ. Прево имѣетъ въ виду и другой жгучій пунктъ интереса, желаніе знать о результатахъ естественно-научныхъ изслѣдованій; онъ собирается передавать «завѣренные факты, которые, повидимому, превосходятъ силы природы». Его на это не хватаетъ. Съ его знаніемъ и подготовкой въ этой области обстоитъ плохо, но что же дѣлать: «Я рѣшаюсь,—говоритъ онъ въ журналѣ,—сообщить вамъ сегодня нѣсколько соображеній о дѣлимости матеріи, о ея сущности, о природѣ души животныхъ, людей и существъ, одаренныхъ высшимъ разумомъ, хотя я вовсе не освоенъ въ сочиненіяхъ метафизиковъ такъ же, какъ въ геометріи и алгебрѣ, въ которыхъ, сознаюсь, я почти ничего не понимаю». Однако въ качествѣ обозрѣвателя ему приходится на все дерзать, и онъ сообщаетъ объ опытахъ съ фосфоромъ, о физическихъ теоріяхъ Ньютона и даже о проблемахъ страшной ему алгебры.

Само собою, настойчивость запроса формировала и болѣе искусныхъ, и болѣе освоенныхъ руководителей. Вольтеръ, поэтъ, сатирикъ и драматургъ, принимая на себя обязанность научнаго пропагандиста, которая кажется ему болѣе высокой, продѣлываетъ всю черную работу натуралиста, чтобы являться во всеоружіи передъ читателемъ; во время путешествія въ Англіи въ качествѣ обстоятельнѣйшаго репортера, онъ выясняетъ себѣ обстановку, въ которой сложилась крупнѣйшая научная новинка эпохи, ньютоновская теорія, бесѣдуетъ съ докторомъ только что умершаго ученаго, знакомится съ ближайшими къ нему лицами, посѣщаетъ засѣданія королевскаго общества.

На его примѣрѣ видно также, какъ видоизмѣняются вкусы. Вопросы искусства отступаютъ на второй планъ. Само искусство раз-

сматривается главнымъ образомъ съ утилитарной точки зрѣнія, какъ средство популяризаціи научныхъ, моральныхъ, политическихъ идей. Резонерство, полемика становятся господствующимъ тономъ въ литературѣ.

Читающая публика хочетъ не просто точнаго и быстраго освѣдомленія, она ищетъ общаго метода, связи, цѣльности въ свѣдѣніяхъ, хочетъ того, что мы перевели себѣ теперь съ нѣмецкаго тяжелымъ словомъ—«міросозерцаніе». Въ XVIII в. это называлось иначе—философіей. Смотрѣть философски на вещи, быть философомъ значило пріобрѣсть раціональный, научный взглядъ, устранить изъ изученія природы и исторіи понятіе произвольнаго и сверхъестественнаго, связывать факты въ тѣсные ряды причинъ и слѣдствій, умѣть ввести новое единичное явленіе въ знакомыя цѣпи и группы. Въ этомъ смыслѣ общественные руководители и называли себя по преимуществу философами; названіе можетъ вызвать заблужденіе, если мы станемъ у нихъ прежде всего искать системы, оригинальности, господствующаго принципа, дѣлить ихъ на школы и т. д. Ихъ «философія» это то, что мы называемъ научностью, общимъ научнымъ духомъ, научнымъ запросомъ.

Вольтеръ представляетъ собою типъ такого публициста-популяризатора. Съ удивительной легкостью владѣя чуть не всѣми видами литературы, онъ бросаетъ кругомъ научныя и культурныя идеи, проповѣдуетъ новыя знанія, громитъ и высмѣиваетъ отсталыя воззрѣнія—всѣмъ, чѣмъ можетъ, стихами, памфлетомъ, драмой, романомъ, философской статьей, полуфантастической новеллой, словаремъ, энциклопедіей, историческимъ разсужденіемъ. Разнообразіе формы поддерживается тѣмъ, что литературные жанры еще не фиксировались. Это видно на знаменитыхъ сженедѣльныхъ англійскихъ журналахъ начала XVIII в. Ихъ задача—моралистическая оцѣнка жизненныхъ явленій, разборъ театральныхъ пьесъ, художественная критика, наблюденія ежедневной жизни, выработка политическихъ сужденій. Но весь этотъ матеріалъ передается въ рамкѣ новеллы или драматизированныхъ бесѣдъ и приключеній опредѣленныхъ романическихъ персонажей, въ уста которыхъ влагаются сужденія и наблюденія. Подобную же смѣсь беллетристическаго, сатирическаго и резонирующаго элемента, художественной характеристики, научнаго анализа и проповѣди представляютъ сказки и повѣсти, фельетонныя письма и статьи Вольтера. Пріемы декламаціи, морализующаго наставленія, тонъ передовыхъ статей нашихъ журналовъ ярко выдѣляется и въ многотомной великой энциклопедіи средины вѣка, посвященной популяризаціи научныхъ и техническихъ свѣдѣній и укрѣпленію научнаго міровоззрѣнія въ обществѣ.

Литературу эту трудно подводить подъ разряды философскихъ направленій. Цѣль Вольтера безпокоить то, что спитъ, и подрывать то, что вредитъ своею косностью. Если есть новая раціональная простая

научная теорія взамѣнъ разрушеннаго взгляда, онъ ее разовьетъ и иллюстрируетъ. Если таковой нѣтъ, онъ удовольствуется тѣмъ, что вызвалъ мысль или сомнѣніе. Одинъ изъ разсказовъ Вольтера «Исторія добраго брамина» заключается въ томъ, что индійскій ученый, который много размышлялъ и учился — несчастливъ, потому что ко всѣмъ загадкамъ жизни и міра онъ можетъ лишь ставить вопросы, но не имѣетъ отвѣтовъ; добрая старушка, его сосѣдка, счастлива, потому что ей никогда и въ голову не приходило углубляться въ подобные вопросы. И все же никто не предпочтетъ ея состоянія состоянію брамина. Мы цѣнимъ счастье, но еще болѣе цѣнимъ разумъ. Какъ же примирить это противорѣчіе? спрашиваетъ Вольтеръ. «Такъ же, какъ всякое другое противорѣчіе: тутъ есть о чемъ поговорить».

Отсутствіе системы, философскаго догмата, какъ будто бы даже составляетъ достоинство въ его глазахъ. Бэль, по мнѣнію Вольтера, выше другихъ потому, что, сохраняя равновѣсіе самъ, онъ доказываетъ людямъ разумность сомнѣнія; онъ достаточно мудръ и великъ, чтобы обойтись безъ системы. То же самое общее научно-критическое настроеніе лежитъ въ основѣ энциклопедіи Дидро и д'Аламбера.

Новизна пріемовъ публицистики, ея огромный успѣхъ привлекли къ ней вниманіе оффиціальныхъ, правительственныхъ круговъ. Раньше въ эпоху англійской революціи XVII в. партіи и правительства прибѣгали къ помощи пера, къ оправданію своихъ дѣйствій, развитію своихъ программъ въ летучихъ произведеніяхъ, но эта связь устанавливалась на моментъ кризиса и не пріобрѣтала постояннаго характера. Впервые сложилось правильное пользованіе прессой, какъ непрерывнымъ, ежедневнымъ средствомъ воздѣйствія въ Англіи въ концѣ XVII и началѣ XVIII вв.; это было время, когда вмѣстѣ съ династическимъ вопросомъ рѣшалось существованіе конституціи и религіозной свободы, время, когда перевороты разрушили старые порядки и традиціи и заставили сверху до низу пересмотрѣть вопросы о смыслѣ и предѣлахъ власти, о правахъ личности и общества и т. д. Самыя крупныя литературныя силы бросились въ борьбу—Дефо, Стиль, Аддисонъ со стороны либеральныхъ виговъ, а съ противной— Свифтъ и Болингброкъ; смѣнявшіяся у правленія партіи субсидировали ихъ, сообщали имъ темы и секреты, инспирировали направленіе ихъ статей или, напротивъ, черпали сами въ нихъ вдохновеніе и силу.

Вслѣдствіе своей политической практики французское правительство XVIII в. не умѣло стать въ нормальныя отношенія къ публицистикѣ. Въ немъ слишкомъ вкоренилось притязаніе обладать монополіей государственнаго разума. Общество, которое этого убѣжденія не раздѣляло, должно было въ весьма своеобразной формѣ удовлетворять своимъ вкусамъ и запросамъ. Производимая въ качествѣ національнаго фабриката, французская публицистическая литература скрывалась съ мѣстнаго рынка и подъ иностраннымъ штемпелемъ возвращалась кон-

трабандой домой; станки Лондона, Гаги, Амстердама, Женевы, а иногда и миѳическихъ городовъ работали усиленно на французское общество.

Еще дальше на востокѣ и на югѣ Европы общества, какъ дѣятельнаго цѣлаго, слагающагося изъ борьбы и сплетенія партій, и вовсе не было. Правительства, малыя и большія, ставили себѣ воспитательскія, опекунскія задачи.

Одно изъ небольшихъ, но дѣятельныхъ правительствъ въ Германіи выражалось: «Наша государственная дворцовая палата — естественный опекунъ нашихъ подданныхъ. Ея долгъ — выводить изъ заблужденій и направлять ихъ на вѣрный путь, наставлять ихъ, хотя бы противъ ихъ воли, какъ устраивать свое домохозяйство, какъ работать на землѣ, какъ посредствомъ болѣе производительной организаціи своего хозяйства облегчить себѣ (!) уплату податей». Въ другомъ правительственномъ центрѣ полагали, «что для поднятія мануфактуры необходимы разсудительность, вдумчивость, траты и награды». Это, говорилось дальше въ канцелярскомъ документѣ, «государственныя занятія; купецъ же остается при своей выучкѣ и привычкахъ. Онъ не заботится объ общихъ интересахъ отечества». Здѣсь, очевидно, правительство думало, что сложное понятіе объ отечествѣ доступно лишь ему. Этотъ пессимистическій взглядъ выразился въ одной оффиціальной бумагѣ даже въ такой каррикатурной формѣ: «народъ (въ документѣ презрительно сказано «плебсъ») до тѣхъ поръ не отойдетъ отъ старыхъ скучныхъ привычекъ, пока его за руки и за носъ не вытащишь къ новой выгодѣ». Знаменитый прусскій король хотѣлъ непремѣнно расшевелить мыслительныя способности своихъ подданныхъ, научить ихъ «резонировать».

Отсюда правительства на востокѣ Европы пришли къ сознанію, что они должны сами на себя взять цѣликомъ публицистическую роль; время такъ называемаго просвѣщеннаго абсолютизма и есть именно эпоха, когда правительства писали передовыя статьи. Въ самомъ дѣлѣ, что такое манифесты и рескрипты ихъ, что такое наказъ Екатерины II, какъ не поучающія или популяризирующія статьи? Посмотрите въ ученическую тетрадку будущаго Фридриха II, обратите вниманіе на направленіе честолюбія у принца: онъ пробуетъ свои публицистическія силы и пишетъ подъ громкимъ названіемъ «Антимаккіавель» возраженіе на теорію знаменитаго итальянскаго политика; онъ чувствуетъ непреодолимую потребность повѣдать всѣмъ печатно о своихъ возвышенныхъ принципахъ. Конечно, уже въ обращеніи государя къ печатному станку заключалось съ его стороны важное признаніе по отношенію къ этимъ «всѣмъ», къ этой неясной массѣ того, что́ мы называемъ общественнымъ мнѣніемъ.

А изъ этого признанія вытекалъ интересъ правительствъ къ другимъ, такъ сказать, вольнымъ направителямъ общественнаго мнѣнія, къ призваннымъ публицистическимъ дѣятелямъ, къ «философамъ». Въ

созданной ими литературной республикѣ коронованныя лица искали почетнаго мѣста себѣ и диплома отъ его старѣйшихъ членовъ. Невольно поражаютъ тѣ комплименты, тотъ тонъ униженнаго ухаживанья, который господствуетъ въ письмахъ государей къ нимъ. Біографъ Вольтера, Кондорсе, увлеченный блестящей стороной этихъ отношеній, пишетъ: «во всѣхъ странахъ правители, министры, вліятельные люди, всѣ, кто искалъ славы, соперничали изъ-за слова одобренія со стороны фернейскаго философа и повѣряли ему свои надежды на успѣхъ разума, свои планы распространенія свѣта и истребленія фанатизма... Онъ установилъ по всей Европѣ союзъ, котораго душою былъ самъ. Если гдѣ совершалась несправедливость, поднималось кровавое гоненіе, оскорблялось человѣческое достоинство, одна статья Вольтера ставила виновныхъ къ позорному столбу передъ всей Европой. Какъ часто рука притѣснителя должна была отшатнуться въ страхѣ передъ этимъ мщеніемъ».

Не надо однако забывать и оборотной стороны. Ее очень хорошо иллюстрируетъ исторія приключеній Вольтера при дворѣ «короля-философа». Случайность литературнаго заработка, неопредѣленность круга читателей заставляла публициста искать связей съ дворомъ; съ другой стороны, выписывая изъ-за границы литературное свѣтило, дворъ смотрѣлъ на него, какъ на новый видъ дорогого украшенія; такъ же, какъ надо имѣть свою оперу, свою картинную галлерею, такъ надо имѣть свою академію, своего мудреца; при этомъ грубыя представленія временъ, когда придворнымъ мудрецомъ былъ шутъ, еще не совсѣмъ исчезли. Вольтеръ отправлялся въ первый разъ въ Берлинъ, имѣя отъ французскаго правительства такія секретныя порученія, которыя представляютъ низшій и даже подозрительный видъ дипломатіи. Фридрихъ II, только что посылавшій камергера своего засвидѣтельствовать вниманіе «сирейскимъ божествамъ», т. е. Вольтеру и его ученой пріятельницѣ, пишетъ интимно послѣ личнаго свиданія своему агенту: «твой скряга Вольтеръ пусть пьетъ до дна своей ненасытной жадности и получаетъ еще 1,300 талеровъ; изъ 6 дней, которые онъ тутъ пробылъ, каждый день стоилъ мнѣ 550 талеровъ. Это, по моему, значитъ дорого дать за шута (fou). Едва ли когда-нибудь скоморохъ при дворѣ большого сеньёра получалъ такое вознагражденіе». Со своей стороны Вольтеръ запомнилъ уроки придворной жизни и объяснялъ, покупая себѣ на покой помѣстье въ республиканской и протестантской Швейцаріи: «боюсь монарховъ и епископовъ».

Союзъ тѣмъ не менѣе установился. Просвѣтители въ обладаніи престола и просвѣтители въ одномъ обладаніи пера сходились во взглядахъ на задачи и пріемы просвѣщенія. Для осуществленія той мѣры «свободы», какая нужна интеллигентному человѣку, т. е. свободы умственной, по мнѣнію философовъ, именно нуженъ былъ авторитетъ просвѣщеннаго государя. Несравненно болѣе рѣзкій, чѣмъ Вольтеръ,

въ религіозныхъ вопросахъ, матеріалистъ Гольбахъ въ своей «Системѣ природы» прославляетъ государя, какъ основную двигающую силу въ обществѣ. Правительство должно принимать во вниманіе общественное мнѣніе, но оно само ведетъ народъ. Конечно, должно распространять въ народѣ обученіе; но это лишь средство сдѣлать граждань «дѣятельными, приверженными къ власти, разсудительными». Дидро внушаетъ одно только государю — быть мягкимъ, благосклоннымъ. «Трудно вообразить себѣ, какую силу, дѣятельность, какой энтузіазмъ и мужество можетъ создавать мягкость. Сколько разъ оправдывалось это во Франціи: мягкость правителя—единственное лѣкарство противъ неизбѣжныхъ золъ въ такихъ государствахъ, которыя по своему строю наименѣе оставляютъ свободы гражданамъ и наименѣе равенства между ними».

Въ этой массѣ внизу, въ черной народной тьмѣ просвѣтители не видѣли еще ни объекта своего воздѣйствія и симпатіи, ни возможнаго будущаго союзника. У Вольтера есть теплыя выраженія о народѣ, въ родѣ того, что «мужиковъ обыкновенно вспоминаютъ, лишь когда ихъ стада мрутъ отъ чумы, а то если только большая опера въ порядкѣ, да есть красивыя балерины, все на свѣтѣ превосходно!» Онъ рѣзокъ къ аристократическому произволу въ Польшѣ, Швеціи. Но народъ страшитъ его и вызываетъ отвращеніе. «Онъ всегда грубъ и тупъ; это волы, которымъ нужны ярмо, погонщикъ и кормъ». «Эта порода никогда не будетъ имѣть ни времени, ни способности учиться; мнѣ кажется, даже необходимо, чтобы оставались невѣжественные молодцы. Если бы вы, какъ я,—говоритъ онъ корреспонденту,—обрабатывали землю, вы были бы навѣрно моего мнѣнія; когда чернь принимается разсуждать, все погибло». Вольтеръ высказывается противъ чрезмѣрнаго улучшенія участи простого народа. «На нашемъ несчастномъ земномъ шарѣ невозможно, чтобы люди, живущіе въ обществѣ, не были раздѣлены на два класса: классъ богатыхъ, которые повелѣваютъ, классъ бѣдныхъ, которые служатъ».

Въ принципѣ не лучше относятся къ массѣ другіе публицисты просвѣтительной школы. У Дидро, съ его любящей натурой, съ его горячимъ сочувствіемъ каждому бѣдняку, можно найти такія общія формулы: человѣкъ изъ народа (l'homme-peuple) самый глупый и злой изъ всѣхъ людей; отрѣшиться отъ народныхъ началъ (se dépopulariser), или стать лучше—это одно и то же.

Здѣсь, въ этой массѣ, думаютъ просвѣтители, главное препятствіе для торжества свѣта. Противъ спящаго мрака, который однако можетъ быть поднятъ изъ косности лицемѣрной злобой, надо именно искать помощи властной руки. Просвѣтители чувствуютъ себя со своими читателями и приверженцами небольшой кучкой на земномъ шарѣ: «масса рода человѣческаго была и очень еще долго будетъ безумной и безсмысленной». Въ своей «Философіи исторіи» Вольтеръ помѣщаетъ рубрику

«о дикихъ». Дѣло идетъ однако не объ истинныхъ дикаряхъ, краснокожихъ Америки, въ прирожденный умъ и добродѣтель которыхъ Вольтеръ вѣритъ: «Я думаю,—обращается онъ къ читателю,—вы готовы подъ дикими разумѣть грубыя существа, живущія въ лачугахъ съ самками своими и нѣкоторыми животными, вполнѣ предоставленныя случайностямъ непогоды, знакомыя только съ землей, гдѣ они копошатся, и рынкомъ, гдѣ они продаютъ овощъ, чтобы купить сермяги; говорящія на языкѣ, котораго въ городѣ не понимаютъ; существа, у которыхъ мало мысли и мало словъ, неизвѣстно, почему-то подчиненныя человѣку съ перомъ за ухомъ, которому они несутъ каждый годъ половину того, что добываютъ въ потѣ лица; въ извѣстные дни собирающіяся въ подобіи сарая, чтобы праздновать обряды, которыхъ они не понимаютъ, слушать человѣка, который одѣтъ иначе, чѣмъ они, и котораго они тоже не понимаютъ; по временамъ, когда забьетъ барабанъ, бросающія свою курную избу, чтобы наняться и идти убивать въ чужой странѣ и себя отдавать на смерть, и все за 1/4 того, что могутъ заработать дома. Этихъ дикихъ много по всей Европѣ».

Рѣзкою противоположностью позднѣйшей идеализаціи народа отзываются горячія восклицанія, которыми полна вся статья о «толпѣ» (multitude) въ Энциклопедіи Дидро: «Берегитесь сужденія массы; въ вопросахъ умственныхъ ея голосъ звучитъ злобой, глупостью, безчеловѣчностью, превратностью и предразсудкомъ. Масса невѣжественна и идіотична. Берегитесь ея въ нравственныхъ вопросахъ: она не способна на сильныя и благородныя дѣла; героизмъ въ ея глазахъ почти безуміе. Въ чемъ и когда же толпа права? Во всемъ; но лишь по прошествіи очень долгаго времени, потому что тогда это—эхо, повторяющее сужденіе небольшого числа разумныхъ людей, опредѣляющихъ заранѣе мысль потомства. Если за васъ свидѣтельствуетъ ваша совѣсть, а противъ васъ—толпа, утѣшьтесь и будьте увѣрены, что время совершитъ судъ».

Это сознаніе характерно для просвѣтительнаго вѣка. Приблизительно такъ могли чувствовать себя культурные греки и римляне въ эпоху имперіи, окруженные массой безъ счета варваровъ заграницей, да и и дома неувѣренные въ какихъ-нибудь едва тронутыхъ культурой африканцахъ и далматинцахъ; такъ могла себя чувствовать античная интеллигенція среди разношерстной толпы, шумѣвшей на улицахъ Рима, среди своей челяди, своего сельскаго, цвѣтного, понураго земле, рабскаго и крѣпостного населенія. Если, казалось, въ XVIII в. просвѣщенныхъ людей, свободныхъ отъ предразсудковъ, можно собрать со всей Европы въ одномъ залѣ, то естественно въ этихъ условіяхъ трудно было увлечься вѣрой въ скорый и прочный прогрессъ. Въ этомъ смыслѣ знаменательны слѣдующія слова Вольтера, написанныя за годъ до смерти: «Я вижу теперь, что мы должны еще ждать три или четыре столѣтія; несомнѣнно наступитъ день, когда честные люди одержатъ

побѣду; но какъ много подлыхъ дѣлъ должны мы претерпѣть, пока наконецъ настанетъ этотъ славный день, какъ много жестокихъ преслѣдованій выпадетъ на нашу долю, сколько Ла-Барровъ сгоритъ на кострѣ!»

Теперь намъ будетъ понятно и это странное на первый взглядъ, свойственное Вольтеру и большей части просвѣтителей XVIII в., возвеличеніе Китая. Какимъ образомъ могла быть идеализирована страна застоя, неоконченной и уродливо окаменѣвшей культуры, страна обрядности и безконечнаго формализма, государственной тайны и политическаго фокуса надъ огромной массой людей, живущихъ по животному?

Конечно, здѣсь играетъ роль уже знакомая намъ сантиментальная разрисовка, которую давали миссіонеры. Несомнѣнно также, что въ идеализированной картинѣ Китая значительное мѣсто надо отвести духу намѣренной оппозиціи, замаскированной полемикѣ. Часто замѣтку «вотъ это разумно у китайцевъ», надо понимать такъ: «вотъ чего нѣтъ у ветхозавѣтнаго Израиля» или «вотъ что искажено въ католическомъ мірѣ». Таковы восхваленія умѣренности, мягкости, справедливости законовъ китайскихъ, указаніе на то, что священники не вмѣшиваются тамъ въ свѣтскія дѣла и т. п., ссылка на необыкновенную древность китайской науки, которая добралась до великихъ астрономическихъ открытій, когда еврейскіе патріархи еще кочевали со стадами и т. д.

Но основной мотивъ симпатіи къ Китаю лежитъ глубже. Говоря о нелѣпыхъ и шаманскихъ сектахъ въ Китаѣ, далеко отстоящихъ отъ мудраго ученія Конфуція, Вольтеръ прибавляетъ: «Секты эти терпимы въ Китаѣ ради простонародья, какъ грубая ѣда нужна для его пропитанія, между тѣмъ какъ сановники и книжные люди, во всемъ отдѣленные отъ народа, питаются болѣе чистымъ веществомъ: дѣйствительно, кажется, что чернь не заслуживаетъ разумной религіи». Въ другомъ мѣстѣ, гдѣ объяснено, что религія книжныхъ людей въ Китаѣ чисто философская, раціоналистическая и свободная, Вольтеръ напоминаетъ, что государь тамъ—глава и охранитель этой религіи. «Онъ долженъ быть первымъ философомъ, первымъ проповѣдникомъ имперіи: его эдикты—почти всегда наставленія и лекціи морали». Дидро, присоединяясь къ такому опредѣленію роли китайскаго императора, прибавляетъ: «обычай учить и увѣщевать въ указахъ былъ свойственъ и нашимъ королямъ, и они очень потеряли, покинувъ его».

Вотъ почему просвѣтители охотно прощаютъ Китаю отсутствіе движенія, даже восхищаются неизмѣнностью его строя; вотъ почему они мирятся здѣсь съ господствомъ традиціи, къ которой они такъ строги въ Европѣ. Традиціонныя, умныя, застывшія формы Китая вѣрнѣе и болѣе обезпечиваютъ спокойное пользованіе культурой для избраннаго слоя человѣчества, чѣмъ наши скороспѣлые успѣхи, окруженные бурями и злою косностью—такова какъ будто скрытая мысль. Оставьте грубое суевѣріе толпѣ и не стѣсняйте вольномыслія высшаго круга людей.

Въ Энциклопедіи подъ заглавіемъ «Законодатель» Дидро останавливается на неутѣшительномъ фактѣ, что человѣческая природа всегда была и будетъ склонна къ суевѣрію. Хотя знанія и успѣхи разума— лучшія средства противъ этой болѣзни нашей породы, но такъ какъ она неизлѣчима въ извѣстной мѣрѣ, то она требуетъ большаго снисхожденія. «Образъ дѣйствій китайцевъ кажется мнѣ въ этомъ отношеніи превосходнымъ. Совѣтники государя—философы, и провинціи покрыты пагодами и богами: къ тѣмъ, кто имъ поклоняется, никогда не примѣняютъ суровыхъ мѣръ; но когда кто-либо изъ боговъ не исполнитъ желаній народа, и недовольство дойдетъ до того, что начнутъ сомнѣваться въ его божественности, мандарины пользуются моментомъ, чтобы уничтожить одно изъ суевѣрій, они разбиваютъ изображеніе бога и разрушаютъ его храмъ». Вотъ роль, которую бы желали играть просвѣтители въ государствѣ: ученые въ качествѣ министровъ, снисходя къ предразсудкамъ, въ то же время регулируютъ ихъ; въ опасный моментъ они становятся вождями толпы, раціонально утилизируя ея порывъ, отнимая у него анархическую силу авторитетной санкціей, и въ концѣ концовъ хитро и незамѣтно проводятъ свою философскую цѣль— упрощеніе религіи.

Современность кажется просвѣтителямъ моментомъ сравнительно спокойнымъ, удаленнымъ отъ политическихъ порывовъ, особенно же отъ бушеванія религіозныхъ страстей. Вольтеръ замѣчаетъ въ «Англійскихъ письмахъ» по поводу слабости деизма, какъ вѣры: «Теперь нѣтъ шансовъ на торжество новой вѣры. Не смѣшно ли, что Лютеръ, Кальвинъ, Цвингли и всѣ эти писатели, которыхъ теперь невозможно читать, образовали секты, раздѣлившія между собою Европу, что невѣжественный Магометъ далъ религію Азіи и Африкѣ; а гг. Ньютонъ, Локкъ и другіе величайшіе философы и лучшіе литераторы нашего времени едва могли сложить небольшую общину, которая уменьшается каждый день. Вотъ что значитъ кстати явиться на свѣтъ. Если бы Кромвель воскресъ, Кромвель, который велѣлъ срубить голову королю и сдѣлался государемъ, онъ остался бы простымъ купцомъ въ Лондонѣ».

Но спокойствіе еще не признакъ силы просвѣщенной группы людей. Это пассивное явленіе. «Раздѣлите,—говоритъ Вольтеръ,—родъ человѣческій на двадцать частей; изъ нихъ 19, это—тѣ, которые живутъ трудомъ рукъ своихъ и никогда не узнаютъ, что на свѣтѣ былъ Локкъ. Въ остающейся двадцатой части сколько людей читающихъ? А между тѣми, кто читаетъ, на двадцать читающихъ романы лишь одинъ занимается философіей. Число мыслящихъ людей поразительно мало и они не собираются волновать міръ». Страшныя религіозныя и политическія бури, войны изъ-за символовъ и предразсудковъ миновали.

Когда же наступило это спокойствіе, давно ли стали пробиваться здравые культурные принципы, какъ развились они? Просвѣтительная публицистика въ ряду задачъ своихъ должна была выдвинуть историческій вопросъ о судьбѣ своего ближайшаго дѣла въ прошломъ. Она

встрѣчалась съ недовѣріемъ къ пользѣ историческихъ знаній въ виду преобладанія въ нихъ матеріала чисто внѣшняго. Умная и ученая пріятельница Вольтера, маркиза Дюшатлэ, сильная въ естественныхъ и математическихъ наукахъ, поклонница Ньютона, выражала это недовѣріе такъ: «какое дѣло мнѣ, француженкѣ, до того, что въ Швеціи Эгиль наслѣдовалъ Гакону, а у турокъ Оттоманъ былъ сыномъ Эртогрула? Можно читать исторію Греціи и Рима ради описанія увлекательныхъ и величественныхъ картинъ, но я ни разу не могла прочесть до конца исторію современныхъ народовъ; здѣсь нѣтъ ничего, кромѣ безпорядочности и путаницы; цѣлый рядъ мелочныхъ событій безъ связи и послѣдовательности и тысяча сраженій, ни къ чему не приводящихъ. Я отвергаю знаніе, которое, отягощая умъ, нисколько не способствуетъ его развитію».

Вольтеръ отвѣчаетъ на это въ своемъ «Опытѣ о нравахъ и о духѣ народовъ», или «Философіи исторіи»: цѣль моего труда вовсе не въ томъ, чтобы сообщить, что такой-то не стоющій вниманія государь слѣдовалъ за такимъ-то правителемъ-варваромъ у грубаго народа. Забивать въ голову хронологическую послѣдовательность династій—значитъ заучивать лишь слова. «Зачѣмъ вамъ детали столькихъ мелкихъ интересовъ, нынѣ совершенно исчезнувшихъ, судьбы этой массы семей, которыя спорили изъ-за областей, поглощенныхъ потомъ большими государствами?». Что же стоитъ изученія? «Духъ, нравы, обычаи главныхъ народовъ». Въ другой разъ онъ выражается такъ: «тысячи сраженій не принесли человѣчеству никакой пользы, тогда какъ произведенія великихъ людей, Мольера, Декарта и друг. будутъ служить вѣчнымъ источникомъ наслажденія для послѣдующихъ поколѣній. Шлюзъ какого-нибудь канала, картина Пуссэна, художественная трагедія, твердо установленная истина имѣютъ въ тысячу разъ большую цѣну, чѣмъ вся масса лѣтописей двора и всѣ разсказы о военныхъ кампаніяхъ».

Такимъ образомъ Вольтеръ съ настойчивостью и рѣзкостью увлеченія высказываетъ программу того, что мы называемъ теперь исторіей культуры. Онъ намѣчалъ и тѣ рубрики, тѣ вопросы, изъ которыхъ должна составиться эта новая исторія, исторія состояній, а не событій, не похожая на военную и политическую. «Теперь хотятъ знать, какъ складывалась извѣстная нація, изъ какихъ племенныхъ частей; хотятъ знать разницу числа войскъ въ настоящемъ и прошломъ, развитіе и характеръ торговыхъ сношеній; искусства, самобытно выросшія и заимствованныя, а потомъ усовершенствованныя; среднія цифры государственныхъ доходовъ прежняго времени и настоящаго; возникновеніе и развитіе морскихъ силъ; отношеніе численное между классами привиллегированными и простыми, обезпеченными и трудящимися».

Вольтеру казалось также важнымъ приложить этотъ методъ къ исторіи новоевропейскихъ народовъ для того, чтобы объяснить происхожденіе современной культуры, вмѣсто того, чтобы останавливаться на слишкомъ изученныхъ явленіяхъ древняго міра.

Но его «Опыту о нравахъ» недостаетъ многаго, чтобы стать исторіей человѣческой культуры. Прежде всего полемическія цѣли слишкомъ врываются въ изложеніе. Вольтеръ не упускаетъ случая указать противорѣчія, странности въ исторіи евреевъ: злорадно здѣсь выдвинутъ всякій сомнительный эпизодъ; мудрость индусовъ, финикіянъ, китайцевъ фигурируетъ лишь для того, чтобы выставить фанатизмъ и невѣжество евреевъ. Благодаря этому, разрушается историческая перспектива, потому что Востокъ оказывается болѣе важнымъ культурнымъ факторомъ и центромъ, чѣмъ Греція и Римъ.

Затѣмъ историкъ нравовъ, идей и вѣрованій оказывается совершенно неспособнымъ понять народное творчество, поэзію миѳа, первые проблески мысли, настроеніе мистицизма, выраженіе правового сознанія въ обычаѣ. Для наивнаго, для своеобразнаго, для непосредственной оригинальности, игры фантазіи у него нѣтъ чутья. Только то получаетъ пощаду, что отмѣчено печатью раціональнаго объясненія или явной пользы. Миѳъ вызываетъ лишь смѣхъ, какъ дикій вымыселъ, какъ вздорная догадка или глупое утѣшеніе варвара. Обряды, въ родѣ греческихъ мистерій, прорицанія оракуловъ кажутся лишь жалкой или возмутительной комедіей, смотря по тому, приняты ли во вниманіе зрители или исполнители. «Кто первый придумалъ это искусство?» спрашиваетъ Вольтеръ по поводу оракуловъ, и отвѣчаетъ: «первый мошенникъ, который встрѣтилъ дурака». И при этомъ онъ совершенно забываетъ разстояніе временъ и словно нападаетъ на современнаго шарлатана: «большинство предсказаній (у грековъ) похожи на предсказанія «Люттихскаго Альманаха» (нѣчто въ родѣ Брюсова календаря): въ этотъ годъ умретъ великій человѣкъ; будутъ кораблекрушенія. Ну да, что-нибудь случится по кругозору каждаго: умретъ въ этомъ году судья въ деревнѣ, для деревни этой, разумѣется, великій человѣкъ—вотъ и исполненіе» и т. д. Разсказывая о сивиллахъ, о метаморфозахъ боговъ, Вольтеръ чувствуетъ себя въ домѣ съумасшедшихъ или зрителемъ пошлыхъ продѣлокъ, авторы которыхъ работаютъ грубо изъ-за денегъ.

Греція—страна сказокъ. Глупыя басни закрѣпляются привычкой повторенія, а потомъ упрямой тупостью комментаторовъ. «Будьте увѣрены, когда вы видите старинный праздникъ, старинный храмъ, это—созданья заблужденія; заблужденіе это въ теченіе двухъ или трехъ вѣковъ распространяется и находитъ вѣру; оно становится наконецъ священнымъ, и тогда строятъ храмы химерамъ». «Можно бы написать объ этомъ цѣлые томы, но всѣ эти томы сводутся къ двумъ словамъ: огромная масса рода человѣческаго была и очень долго будетъ лишенной смысла и разсужденія; но самые безумные, быть можетъ, тѣ, кто хотѣлъ найти смыслъ въ этихъ нелѣпыхъ сказкахъ и кто хотѣлъ внести разсудокъ въ сумасбродство».

Въ конкретныхъ дѣтскихъ непослѣдовательныхъ попыткахъ объяснить міровыя явленія Вольтеръ видитъ только одно: невѣжество и обманъ. Всякое сильное, неорганизованное проявленіе чувства и вообра-

женія раздражаетъ его. Поэзія, архитектура, вѣра среднихъ вѣковъ его отталкиваютъ. О Божественной комедіи Данта онъ говоритъ: «Всякій человѣкъ съ искрой здраваго смысла долженъ покраснѣть, читая описаніе этой собравшейся въ аду чудовищной компаніи изъ Данте и Виргилія, св. Петра и сеньоры Беатриче». «Готическое искусство—стиль вандаловъ; это фантастическая смѣсь грубости и мелочной отдѣлки».

Низко ставитъ Вольтеръ и цѣну средневѣковой науки; его мнѣніе ярко отражается въ замѣчаніяхъ по поводу флорентійскаго ученаго въ XV в. Пико Мирандолы и свидѣтельствъ о его необычайной даровитости и знаніяхъ. Вольтеръ полагаетъ, что въ обширномъ арсеналѣ знаній, которыя хранила эта удивительная память, развѣ только коечто изъ геометріи стоитъ вниманія. Остальное, говоритъ съ насмѣшкой Вольтеръ, «отражало лишь духъ времени», и, какъ бы увѣренный, что одни имена вызовутъ у современниковъ смѣхъ, онъ называетъ свѣтила схоластики, Ѳому Аквинскаго и Альберта Великаго. «Легко извинить за презрѣніе къ наукамъ тѣхъ, кто управлялъ тогда міромъ. Пико де-Мирандола былъ очень несчастливъ, отдавъ свою жизнь и сокративъ дни свои на изученіи этихъ глубоко безумныхъ вещей».

Сильныя фигуры среднихъ вѣковъ низведены и осмѣяны. Вотъ въ какомъ тонѣ разсказывается исторія Жанны д'Аркъ. «Дворянинъ съ границъ Лотарингіи отыскиваетъ служанку въ Вокулерскомъ кабачкѣ, соображая, что она съумѣетъ съиграть роль воительницы, вдохновенной видѣніями. Ее выдавали за пастушку 18 лѣтъ, но ей было 27 лѣтъ; у нея хватило мужества и сообразительности исполнить замыселъ... Доктора университета и нѣсколько парламентскихъ совѣтниковъ не поколебались объявить ее вдохновенной свыше: обманула ли она ихъ, или они были сами настолько ловки, что вошли въ обманъ: народъ повѣрилъ, и этого было достаточно». А вотъ оцѣнка завоевателя Англіи Вильгельма и его союзника папы. «Итакъ, варваръ, сынъ развратной женщины, убійца законнаго короля, дѣлитъ награбленное у этого короля съ другимъ варваромъ; право, устраните здѣсь только титулы, герцогъ Норма́ндіи, король Англіи, папа—все сведется на дѣло нормандскаго разбойника и ломбардскаго укрывателя».

Герои религіознаго увлеченія вызываютъ злыя и презрительныя замѣчанія: просвѣтители не вѣрятъ въ ихъ искренность или осмѣиваютъ ихъ невѣжество.

Флорентійскій аскетъ и проповѣдникъ очищенія церкви Савонарола кажется Вольтеру только ложнымъ пророкомъ, обманщикомъ, злоупотреблявшимъ тайной исповѣди и секретами, которые открывали ему братья-монахи. «Могъ ли онъ не сознаться въ своемъ обманѣ?—спрашиваетъ Вольтеръ.—Интригующій вѣщатель развѣ не убѣжденъ, что онъ—плутъ? Еще больше, можетъ быть, было въ немъ фанатизма: человѣческое воображеніе способно совмѣстить эти двѣ крайности, которыя, повидимому, другъ друга исключаютъ». Онъ приходитъ къ об-

щему заключенію: «Съ презрительною жалостью смотрите вы на эти сцены безсмыслицы и отвращенія; вы не находите ничего похожаго ни у римлянъ, ни у грековъ, ни у варваровъ. Это—плодъ самаго постыднаго суевѣрія, которое когда либо обращало человѣка въ звѣря, и худшаго изъ всѣхъ режимовъ. Но вы знаете, что лишь очень недавно мы вышли изъ этого мрака и что далеко не все просвѣщено».

Лютеръ кажется Вольтеру полуразвитымъ грубымъ монахомъ, съигравшимъ роль безсознательнаго орудія въ нехорошей интригѣ вождей и крупныхъ людей въ церковныхъ и политическихъ спорахъ. «Его начальники уполномочили его проповѣдовать противъ товара, который они не могли продавать». Вольтеръ имѣетъ въ виду индульгенціи и повторяетъ устами свѣтскаго скептика старую инсинуацію католической полемики.

Въ реформаціонномъ движеніи онъ вообще видитъ мелкія страсти, мѣщанскіе мотивы, понятія какихъ-то полуграмотныхъ обывателей, которые вообразили себя рѣшителями большихъ вопросовъ. Вотъ что говорится о Цвингли: «швейцарскій городишка (Цюрихъ) произнесъ судебный приговоръ надъ Римомъ. Счастливый народецъ въ концѣ концовъ, разъ онъ въ простотѣ своей довѣрялъ своимъ властямъ рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, которые ни онъ самъ, ни они, ни Цвингли, ни папа постигать не могли».

Соціальной стороны реформаціи Вольтеръ тоже не хочетъ признать или, лучше сказать, онъ видитъ въ ней то же пробужденіе некультурныхъ инстинктовъ. Здѣсь опять характерно пробивается недовѣрчивое отношеніи къ народной массѣ. Мюнцеръ и другіе вожди крестьянскаго возстанія, говоритъ онъ, развили (въ декларапіяхъ) опасную истину, которая заключена во всѣхъ сердцахъ, именно, что люди рождены равными и что, если папы обращались съ государями, какъ съ подданными, то помѣщики обращались съ крестьянами, какъ съ животными. Правда, этотъ манифестъ дикарей во имя людей, обрабатывавшихъ землю, могъ быть подписанъ Ликургомъ... они настаивали на правахъ рода человѣческаго, но поддерживали требованія, какъ дикіезвѣри».

Приведенныя сужденія и характеристики объясняютъ, почему картина прошлаго у Вольтера однообразна и безнадежно тяжела. Вотъ почему у него нѣтъ и представленія о постепенномъ развитіи культуры, нѣтъ перехода между съумасбродствомъ, дикимъ мракомъ и разсудочностью, спокойнымъ научнымъ взглядомъ. Разумъ необъяснимо и сразу вступаетъ въ свои права, а впрочемъ, его торжество слабо и моменты его рѣдки. Оттого у просвѣтителей возможно и обратное, совершенно неисторическое представленіе относительно старины. Вольтеръ готовъ допустить первоначальную чистую, разумную естественную религію, которая потомъ въ нечестныхъ рукахъ исказилась.

Прогрессъ рода человѣческаго поэтому не выступаетъ въ разнообразныхъ формахъ. Иногда кажется, какъ будто въ историческомъ изображеніи приняты во вниманіе лишь утилитарные успѣхи. Вольтеръ отмѣчаетъ и привѣтствуетъ ростъ техники, изобрѣтеній, торговли, на-

копленіе знаній и притомъ главнымъ образомъ въ области изученія физической природы. Онъ не замѣчаетъ ни улучшенія морали, ни развитія и усовершенствованія права и соціальныхъ отношеній. Ему какъ бы чужда мысль, что сознаніе въ средѣ общества растетъ въ соотвѣтствіи съ успѣхами его организаціи, что потребности извѣстной среды и движеніе ея запросовъ отражаются въ правѣ, обычаяхъ, наконецъ въ складѣ понятій средняго человѣка.

Немного лишь дальше ведетъ насъ осторожно написанная картина соціальнаго движенія у Дидро (въ ст. Энциклопедіи подъ заголовкомъ «Законодатель»). Онъ указываетъ на измѣненіе нравовъ въ Европѣ, благодаря развитію обмѣна. «Торговля — новый связующій элементъ для людей». Націи все болѣе заинтересовываются во взаимномъ благополучіи. Крушеніе Лейпцига, Лиссабона, Лимы въ послѣднее время отразилось въ рядѣ банкротствъ въ Европѣ и разрушеніи интересовъ нѣсколькихъ милліоновъ гражданъ. «Торговля, подобно просвѣщенію, смягчаетъ нравы, уменьшаетъ воинственность, но она также уничтожаетъ энтузіазмъ добродѣтели, понижаетъ силу, великодушіе и благородство нравовъ. Однако, прибавляетъ составитель, войны всегда будутъ въ Европѣ, вызываемыя соперничествомъ, различіемъ строя и т. д., и онѣ воспрепятствуютъ росту мягкости и чрезмѣрной кротости нравовъ, результату торговли и продолжительнаго мира».

Обѣщанія широкаго прогресса здѣсь нѣтъ. И вообще узкимъ представляется просвѣтителямъ путь, по которому движется культура, тѣсно кажется ея содержаніе. Небольшая горсть человѣчества захвачена ею, и отовсюду грозятъ ей опасности. Чѣмъ меньше казался кругъ ея пріобрѣтеній въ данную минуту, тѣмъ слабѣе обазначалась полоса свѣта въ прошломъ. Недовѣріе къ окружающему предразсудку, косности, фанатической злобѣ просвѣтительная публицистика переносила на старину: вслѣдствіе этого она отбрасывала, игнорировала крупныя области, широкія направленія человѣческой дѣятельности и человѣческой вѣры въ прошломъ, или она смѣшивала ихъ въ общую массу началъ, враждебныхъ разумному существованію.

Но та же самая публицистика поставила задачу культурной исторіи; этимъ она не только выдвинула новыя рамки, но и новый запросъ, способный расширить пытливую мысль и поднять морально-общественное сознаніе. Если она могла поставить такую задачу, то это значитъ, что она обладала горячимъ убѣжденіемъ въ цѣнности самой культуры. Мы можемъ считать это, какъ угодно, ея заслугой, ея усиліемъ, или ея природой, ея свойствомъ, но фактъ такого убѣжденія, такого сознанія былъ важенъ. У слѣдующаго поколѣнія на немъ выстраивается вѣра въ быстрый всеобщій прогрессъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Вулканы на землѣ и вулканическія явленія во вселенной.

Проф. **А. П. Павлова.**

(*Окончаніе* *).

II. Причины вулканическихъ явленій.

Прежде чѣмъ дѣлать попытки объясненія причинъ вулканической дѣятельности, нужно еще узнать, много ли на землѣ вулкановъ и какъ они распредѣлены по земной поверхности.

Общее число дѣйствующихъ вулкановъ около 300 или 350; такихъ вулкановъ, которые, хотя и не дѣйствуютъ, но хорошо сохранили свою форму и окружены еще свѣжими лавами и шлаками, указывающими на недавнюю дѣятельность, раза въ полтора больше дѣйствующихъ. Что касается распредѣленія вулкановъ, то въ этомъ отношеніи обращаютъ на себя вниманіе два обстоятельства: во-первыхъ, весьма часто встрѣчающееся расположеніе вулкановъ рядами прямолинейными или слегка изогнутыми. Примѣрами могутъ служить вулканы, расположенные вдоль западнаго берега Южной Америки, вулканы Центральной Америки, Алеутскихъ острововъ, вулканы Камчатки, Курильскихъ острововъ и Японіи, вулканы Зондскаго архипелага и др. Такое расположеніе вулкановъ какъ бы намѣчаетъ нѣкоторыя линіи на земной поверхности, вдоль которыхъ вулканическіе продукты, стремящіеся вырваться изъ земныхъ глубинъ, встрѣчаютъ меньшее сопротивленіе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, какъ будто по этимъ линіямъ идутъ расколы въ земной корѣ, повторяющіе въ грандіозномъ масштабѣ тѣ явленія, которыя наблюдаются на склонахъ Этны при сильныхъ изверженіяхъ, когда образуются длинныя трещины, на пути которыхъ въ разныхъ точкахъ возникаютъ небольшіе вулканы и изъ выброшенныхъ ими шлаковъ и пепла нагромождаются побочные конусы. Такое предположеніе о связи вулкановъ съ расколами земной коры подтверждается еще тѣмъ, что эти линіи вулкановъ являются въ то же время линіями вдоль которыхъ тянутся горныя цѣпи, т. е. такія области земной коры, гдѣ

---

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ.

пласты, изъ которыхъ они состоятъ, изогнуты, смяты въ складки, разломаны и передвинуты на различные уровни. Эти же самыя полосы земли принадлежатъ къ числу такихъ мѣстъ, гдѣ особенно часто бываютъ землетрясенія. Ряды вулканическихъ островомъ, вродѣ Курильскихъ или Алеутскихъ, не представляютъ исключенія, такъ какъ эти острова представляютъ собою, въ сущности, тѣ же горныя цѣпи, но погруженныя въ воду настолько, что надъ ея уровнемъ поднимаются только отдѣльныя вершины горъ.

Второе обстоятельство, на которое стоитъ обратить вниманіе, это то, что ряды вулкановъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили, тоже не разсѣяны по землѣ въ разныхъ случайныхъ направленіяхъ, и въ нихъ обнаруживается наклонность примыкать одинъ къ другому и связываться въ огромныя вулканическія полосы или пояса, которые съ болѣе или менѣе значительными перерывами опоясываютъ кругомъ весь земной шаръ. Если взять глобусъ и намѣтить на немъ вулканы западнаго берега Америки, Алеутскихъ островомъ, Камчатки, Курильскихъ островомъ, Японіи, Филиппинскихъ островомъ и Зондскаго пролива съ прилежащими частями Суматры и Явы, то получится полоса вулкановъ, опоясывающая почти весь земной шаръ. Если ее продолжить черезъ Индійскій океанъ, мимо края южнаго полярнаго материка до южной оконечности Америки, то на этомъ продолженіи мы встрѣтимъ еще нѣсколько вулканическихъ островомъ (Килингсъ, Кергуэленъ, Юж. Шетландскіе), какъ бы замыкающихъ этотъ замѣчательный вулканическій поясъ. Существуютъ еще и другіе, хотя и менѣе отчетливо выраженные пояса вулкановъ, напримѣръ, тотъ, который проходитъ черезъ Яву, Суматру, вулканическіе острова Бенгальскаго залива, по сѣверному берегу Аравійскаго моря и Персидскаго залива, далѣе черезъ Мертвое море и вулканическіе острова Средиземнаго моря. Если соединить двѣ замѣчательныя вулканическія области южно-итальянскую (съ Этной и Эоловыми островами) и исландскую и продолжить соединяющую ихъ полосу вокругъ всего земного шара, то на этомъ поясѣ или очень близко къ нему окажется еще нѣсколько замѣчательнѣйшихъ вулканическихъ областей, напр., Кенія въ Африкѣ, вулканы Мозамбикскаго канала и Мадагаскара, островомъ Маврикія, Кергуэленъ, вулканическая область Новой Зеландіи и острова Гаваи. Случайное ли это совпаденіе, или оно имѣетъ какое-либо болѣе глубокое значеніе, это еще остается невыясненнымъ.

Попытаемся теперь поискать отвѣтъ на вопросы, что такое вулканъ, почему онъ приходитъ въ дѣятельное состояніе, производитъ взрывы, выбрасываетъ пары и газы, брызги и осколки лавы, изливаетъ потоки лавы и затѣмъ затихаетъ? Откуда эта сила, способная пробить каналъ внутри горы и поднять на большую высоту расплавленную каменную матерію, втрое болѣе тяжелую, чѣмъ вода, и выбросить массы минеральныхъ обломковъ и пыли въ высокіе слои атмосферы? Нѣкоторые ученые

пытались объяснить эти явленія, такъ сказать химико-механическими причинами, видѣть въ нихъ явленія, имѣющія мѣстный характеръ и обусловленныя нѣкоторыми физическими или химическими процессами, которые сопровождаются развитіемъ теплоты, способной вызвать мѣстное расплавленіе твердыхъ массъ земного шара и всѣ тѣ явленія, которыя наблюдаются при вулканическихъ изверженіяхъ. Но такое объясненіе, въ сущности, ничего не объясняетъ, ибо не указываетъ, какіе именно процессы могутъ вызвать такое колоссальное развитіе жара въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ, не слишкомъ глубоко лежащихъ пунктахъ твердаго шара, носящагося въ холодномъ міровомъ пространствѣ и нагрѣваемаго солнцемъ очень неравномѣрно въ разныхъ поясахъ и только до извѣстной, очень небольшой глубины. Между тѣмъ извѣстно, что вулканы распространены почти повсемѣстно на землѣ, что они не обнаруживаютъ какой-нибудь зависимости отъ климатическихъ условій и располагаются среди напластованій земной коры самыхъ разнообразныхъ по составу и по времени своего образованія — и среди новѣйшихъ морскихъ отложеній, какъ вулканы Южной Италіи, и на древнѣйшихъ гранитахъ и гнейсахъ, какъ потухшіе вулканы Центральной Франціи, и при всемъ томъ составъ продуктовъ, ими выбрасываемыхъ, хотя и неодинаковъ въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время, но все-же измѣняется въ довольно тѣсныхъ предѣлахъ и независимъ отъ состава тѣхъ каменныхъ породъ, которыя образуютъ данный участокъ земной коры. Кромѣ всего этого, подвижность, малая устойчивость земной коры, мѣстами опускающейся, мѣстами изгибающейся въ складки, плохо мирится съ тѣмъ мнѣніемъ, что земной шаръ весь вообще, кромѣ отдѣльныхъ очаговъ плавленія, твердъ и холоденъ. Мы не будемъ излагать подробно такихъ толкованій вопроса о вулканахъ, которыя уже отжили свой вѣкъ или, очевидно, не выдерживаютъ критики, такъ какъ не принимаютъ въ соображеніе всѣхъ обстоятельствъ, требующихъ разъясненія, или не соотвѣтствуютъ масштабу объясняемыхъ явленій.

Мы остановимъ наше вниманіе на такомъ объясненіи, которое лучше согласуется съ извѣстными намъ фактами и допускаетъ дальнѣйшее развитіе на почвѣ научнаго изслѣдованія, а потому и принимается громаднымъ большинствомъ геологовъ.

Главные факты, съ которыми приходится считаться, ища объясненія вулканическихъ явленій, это широкое распространеніе вулкановъ и горячихъ источниковъ, свидѣтельствующихъ о необычайно высокой температурѣ внутреннихъ областей земли, и то обстоятельство, что всюду, даже въ странахъ вовсе не вулканическихъ, при углубленіи въ землю въ шахтахъ и скважинахъ, по минованіи слоя постоянной температуры замѣчаютъ все большее и большее повышеніе температуры, составляющее въ среднемъ одинъ градусъ Ц на каждые 33 метра. Эта величина 33 м. и называется геотермическимъ градусомъ.

Это повсемѣстное повышеніе температуры даетъ еще новое свидѣ-

тельство въ пользу существованія въ глубинахъ земли чрезвычайно горячей матеріи, которая можетъ быть разсматриваема, какъ остатокъ той первобытной матеріи, изъ которой нѣкогда состоялъ весь земной шаръ, пока его поверхность не охладилась настолько, что на ней образовалась сплошная каменная кора, которая и заперла внутри планеты еще неохладившіяся и продолжающія охлаждаться центральныя массы.

Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что эти массы сохранили чрезвычайно высокую температуру, несмотря на то, что со времени образованія твердой коры протекли многіе десятки, а можетъ быть, и сотни милліоновъ лѣтъ. Вѣдь сравнительно ничтожная масса еловстонской лавы сохранила внутри высокую температуру, несмотря на то, что со времени ея изліянія протекли десятки тысячъ лѣтъ и что страна пережила ту великую міровую зиму, которая называется ледниковой эпохой.

Но намъ могутъ возразить, какъ же примирить съ этимъ допущеніемъ то, что земной шаръ, съ его водной и каменной оболочками, подчиняясь притяженію ближайшихъ къ нему небесныхъ тѣлъ, ведетъ себя такъ, что водная оболочка образуетъ приливы и отливы, а каменная кора относится къ этимъ вліяніямъ не какъ тонкая оболочка, одѣвающая жидкую массу, а какъ твердая оболочка колоссальной толщины или какъ тѣло твердое до самаго центра. На это мы отвѣтимъ, что это возраженіе было бы непреодолимо, если бы геологи утверждали (какъ это и было прежде), что сравнительно тонкая каменная кора земли плаваетъ на расплавленной жидкой лавѣ.

Возраженіе было направленно къ тому, чтобы опровергнуть такое мнѣніе; оно его и опровергло; но вѣдь такое мнѣніе и безъ того не выдерживаетъ критики и давно оставлено спеціалистами, хотя еще до недавняго времени фигурировало въ популярныхъ сочиненіяхъ.

Предположить внутри земли вещества, обладающія громаднымъ запасомъ энергіи,—вещества, нагрѣтыя до температуры несравненно болѣе высокой, чѣмъ температура плавленія всѣхъ извѣстныхъ намъ каменныхъ массъ, еще не значитъ рѣшить вопросъ о томъ, въ какомъ физическомъ состояніи находятся эти вещества. Это совсѣмъ особый и весьма сложный вопросъ.

Чтобы подойти къ нему, припомнимъ нѣкоторыя свойства лавы. Самое важное изъ нихъ—это богатство парами и газами, которые играютъ столь существенную роль въ механизмѣ изверженія. Пары выдѣляются не только изъ жерла дѣйствующаго вулкана, но и изъ текущаго по поверхности лаваго потока; они вспѣниваютъ верхній слой лавы и изъ застывшаго сверху потока вырываются съ нѣкоторой силой, взламывая образовавшуюся сверху каменную корку и подбрасываютъ вверхъ осколки этой корки и брызги лавы. Вообще можно сказать, что пары воды играютъ самую существенную роль между газообразными продуктами, которые извергаются вулканами.

На вопросъ, откуда взялись въ лавѣ эти газообразныя вещества можно отвѣтить двояко.

1) Эти вещества проникаютъ сверху. Это вода моря, проникающая къ лавѣ, превращающаяся въ паръ, который и поглощается лавой. Такое мнѣніе о способности лавы поглощать газообразныя вещества находитъ себѣ подтвержденіе въ опытахъ. Сѣра, расплавленная подъ давленіемъ нѣсколькихъ атмосферъ въ присутствіи воды, поглощаетъ много водяныхъ паровъ и постепенно выдѣляетъ ихъ при охлажденіи въ открытомъ сосудѣ, причемъ производитъ взрывы, разбрызгиваніе и взламываніе корки; расплавленное серебро поглощаетъ до 22 объемовъ кислорода, который при охлажденіи выдѣляется съ тѣми же явленіями.

При остываніи расплавленной стали въ большихъ тигляхъ въ 1 метръ высотою и 300 сентиметровъ въ поперечникѣ, изъ нея выдѣляется много газовъ, причемъ уровень жидкой стали постепенно понижается, такъ что ее подливаютъ 5 или 6 разъ. На поверхности появляется шлаковая корка; она трескается и легкіе взрывы разбрызгиваютъ капли металла. Если покрыть тигель крышкой и потомъ открыть, газы прорываются съ новой силой, и на поверхности корки, въ серединѣ или ближе къ одному краю, образуется шлаковый конусъ или даже два и три. При конечномъ пониженіи уровня нерѣдко остаются на стѣнкахъ тигля горизонтальныя полоски застывшей стали, напоминающія края изъ застывшей лавы у огненнаго озера въ кальдерѣ Килауеа. Эти явленія объясняютъ многое въ механизмѣ дѣятельности лавовыхъ озеръ Гаваи.

Если допустить, что вся внутренняя масса планеты представляетъ охлаждающееся и сокращающееся въ своемъ объемѣ тѣло, одѣтое твердымъ, уже охладившимся и не участвующимъ въ этомъ сжатіи чехломъ и притомъ очень тяжелымъ, то вполнѣ естественно, что поверхность этого чехла будетъ морщиться, мѣстами приподниматься и образовать складки, мѣстами разламываться и опускаться. Расположеніе вулкановъ вдоль линій расколовъ и смѣщенія пластовъ и вдоль складчатыхъ горъ какъ нельзя лучше мирится съ этимъ допущеніемъ. Съ этой точки зрѣнія понятна также роль воды и водяныхъ паровъ въ механизмѣ большей части изверженій.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что проникновеніе морской воды черезъ трещины и жерла вулкановъ, превращеніе ея въ пары и поглощеніе ихъ лавой имѣетъ мѣсто при тѣхъ пароксизматическихъ ужасныхъ взрывахъ, примѣръ которыхъ мы видѣли на Кракатоа.

2) Можно еще объяснить происхожденіе газовъ и паровъ въ лавѣ и инымъ путемъ, не прибѣгая къ процессу образованія ихъ изъ морской воды и поглощенія лавой. Вѣдь было время, когда земля не имѣла каменной коры, когда вся вода океановъ была газомъ, окружавшимъ тяжелой атмосферой расплавленную поверхность планеты, и если лава была способна поглощать газы, она должна была уже въ то время поглотить ихъ до насыщенія этой способности, а теперь при охлажденіи этой первобытной насыщенной газами матеріи и выдѣляются газы, повторяя

въ грандіозномъ масштабѣ тѣ явленія, которыя наблюдаются при охлажденіи сѣры, серебра, стали.

Но какъ бы и когда бы эти водяные пары и эти газы ни попали въ лаву, мы должны помнить, что условія, въ какихъ эти вещества въ ней находятся, совсѣмъ не тѣ, при какихъ мы знаемъ ихъ на земной поверхности. Мы должны стараться уяснить себѣ вліяніе на эти вещества двухъ самыхъ существенныхъ факторовъ: 1) колоссальнаго давленія, которое испытываютъ всѣ вещества, находящіяся въ глубокихъ областяхъ земли и которое все увеличивается съ увеличеніемъ глубины, и 2) чрезвычайно высокой температуры. Легко видѣть, что уже на сравнительно незначительныхъ глубинахъ имѣетъ мѣсто такое колоссальное давленіе и такая высокая температура, которыя лежатъ далеко за предѣлами, доступными намъ въ лабораторіяхъ.

Давленіе столба воздуха, высотою до предѣловъ атмосферы, мы называемъ одной атмосферой (оно равно, приблизительно, $58^1/_2$ пуд. на квадр. футъ); такое же давленіе производитъ столбъ воды, высотою въ 10 метровъ, а лава раза въ три тяжелѣе воды, слѣдовательно, съ такою же силой будетъ давить столбъ лавы уже метра въ $3^1/_2$ высотою.

Если даже мы примемъ, что, съ углубленіемъ на каждые 10 метр. въ землю, давленіе возрастаетъ на одну атмосферу, то на глубинѣ только одного километра оно будетъ уже въ 100 атмосферъ, съ углубленіемъ, напр., на 50 кил.—5.000 атмосферъ, а эта глубина будетъ тоже, что уколъ булавки въ глобусъ, имѣющій 1 метръ въ поперечникѣ.

Итакъ, уже на малыхъ, сравнительно, глубинахъ давленіе оказывается весьма высокимъ, а мы знаемъ, что высокія давленія сильно вліяютъ на физическое состояніе матеріи.

Разсмотримъ, для примѣра, одинъ изъ газовъ—углекислый газъ, тотъ газъ, который выдѣляется изъ шипучихъ напитковъ. Этотъ газъ въ изобиліи приносится изъ глубины земли водами многихъ ключей, а также выходитъ изъ отдушинъ и трещинъ на вулканахъ какъ дѣйствующихъ, такъ и потухшихъ. Сжимая углекислый газъ при температурѣ 0°, нужно употребить давленіе въ 36 атмосферъ, чтобы преодолѣть его упругость и заставить его сгущаться въ жидкость. Съ повышеніемъ температуры на каждый градусъ, упругость углекислаго газа возрастаетъ на полторы атмосферы. Принимая вышеуказанное возрастаніе температуры съ глубиною, мы получимъ на глубинѣ 1.000 метровъ температуру 33°, а при такой температурѣ упругость углекислаго газа должна увеличиться почти на 50 атмосферъ ($49^1/_2$), т. е. она будетъ равна 86 атмосферамъ, а давленіе на этой глубинѣ будетъ 100 атмосферъ, т. е. превзойдетъ упругость углекислаго газа, и онъ превратился бы въ жидкость, если бы жидкая углекислота могла существовать при такой температурѣ. Но это температура, близкая къ такъ называемой критической для углекислоты, т. е. такой, при которой она можетъ существовать только въ формѣ газа, правда, газа плотнаго,

тяжелаго, сильно отличающагося отъ того газа, который мы знаемъ при нашихъ обычныхъ условіяхъ.

То же будетъ и съ водой. Упругость образующихся водяныхъ паровъ не будетъ препятствовать проникновенію воды въ глубину; наибольшая упругость ихъ 1.200 атмосферъ будетъ уравновѣшена давленіемъ уже на глубинѣ 12 километровъ, т. е. на глубинѣ, равной, приблизительно $^{1}/_{500}$ земнаго радіуса. На этой глубинѣ водяные пары, такъ сказать, утратятъ упругость и не только не будутъ препятствовать проникновенію воды, но не будутъ и образовываться, не смотря на высокую температуру 363°, которая должна тамъ господствовать. На глубинѣ еще нѣсколько большей вода вступаетъ въ область критической для нея температуры. Она переходитъ въ газъ, упругость котораго скована давленіемъ. Если тамъ или на глубинѣ еще большей, гдѣ температура превышаетъ температуру плавленія извѣстныхъ намъ каменныхъ породъ, есть расплавленная лава, она будетъ поглощать этотъ сжатый водяной газъ, онъ будетъ растворяться въ лавѣ и образовать съ нею родъ сплава.

Но для составленія понятія о состояніи, въ какомъ находится вещество въ глубинахъ земли и для уясненія механизма вулканическихъ изверженій еще недостаточно останавливаться на однихъ физическихъ условіяхъ, нужно еще нѣсколько освѣтить вопросъ о химическомъ состояніи вещества.

Извѣстно, что высокая температура вызываетъ распаденіе сложныхъ тѣлъ, къ какимъ относится и вода, на элементы ихъ составляющіе, или, какъ говорятъ химики, вызываетъ диссоціацію.

Но извѣстно также, что давленіе противодѣйствуетъ диссоціаціи во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда энергія сложнаго тѣла меньше, чѣмъ энергія элементовъ, его составляющихъ, и когда происходитъ сокращеніе объема при его образованіи. Давленіе, сжимая объемъ, препятствуетъ распаденію такого тѣла на составные элементы, которое стремится вызвать температура.

Вода начинаетъ диссоціировать при 1.200 градусахъ и оканчиваетъ при 2.500 на глубинѣ 50 километровъ (принимая геотермическій градусъ равнымъ 33-мъ метрамъ); при температурѣ 1.515° она будетъ накалена, но не разложится.

Это будетъ взрывчатое газообразное вещество, готовое немедленно распасться на свои составные элементы, т. е. образовать гремучую смѣсь водорода и кислорода, но все тотъ же стражъ—давленіе препятствуетъ ей проявить ея естественныя при данной температурѣ свойства. Если есть на этой глубинѣ лава, она будетъ поглощать эту гремучую воду и образовать съ нею родъ смѣси или сплава.

Мы все время говорили о томъ, что газы и вода или ея пары должны поглощаться лавой, если тамъ еще есть ненасыщенная ими лава. Нельзя ли теперь теоретически освѣтить вопросъ, есть ли она тамъ и на какой глубинѣ.

Извѣстно, что для большей части веществъ, которыя въ жидкомъ состояніи занимаютъ большій объемъ, чѣмъ въ твердомъ, давленіе препятствуетъ плавленію, и вещество можетъ быть нагрѣто до температуры, далеко болѣе высокой, чѣмъ температура его плавленія, и будетъ оставаться твердымъ, но способнымъ тотчасъ перейти въ расплавленное состояніе, какъ только уменьшится давленіе; другими словами, такое вещество имѣетъ всѣ данныя, чтобы сдѣлаться жидкимъ, и для этого не только не нужно нагрѣвать его еще больше, но оно само способно отдать огромный избытокъ своей теплоты, выдѣлить огромное количество энергіи; но эта энергія скована давленіемъ.

Такое состояніе вещества называютъ потенціально жидкимъ.

Аналогія съ критическими температурами, при которыхъ жидкость, несмотря на давленіе, переходитъ въ газъ, а также нѣкоторые опыты, показавшіе, что точки плавленія извѣстныхъ веществъ повышаются съ повышеніемъ давленія, но не въ той же степени, а въ меньшей, позволяютъ думать, что такому состоянію есть предѣлъ, при которомъ никакое давленіе болѣе не въ силахъ удержать вещество въ твердомъ состояніи; но гдѣ, на какой глубинѣ этотъ предѣлъ, на это мы не можемъ пока отвѣтить съ полной опредѣленностью. Да это намъ и не важно, такъ какъ вопросъ о состояніи центральныхъ областей нашей планеты выходитъ за предѣлы нашей задачи и намъ незачѣмъ спускаться глубже той зоны, въ которой вещество земли твердо, но не такъ, какъ гранитъ нашихъ скалъ, а такъ, что оно удерживается въ этомъ состояніи лишь внѣшнею силой—силой давленія.

Едва ли можно сомнѣваться, что такое вещество въ высокой степени способно поглощать, такъ сказать, растворять въ себѣ пары и газы, если оно еще не насыщено ими, а если уже насыщено, то эти вещества должны обладать высокой энергіей, ибо они сильно сжаты, такъ сжаты, что газы были бы жидкими, если бы этому не препятствовала высокая температура, газы, имѣющіе между собою химическое сродство, соединились бы со взрывомъ и съ выдѣленіемъ огромныхъ количествъ тепла, если бы этому не препятствовало давленіе *).

---

*) Одинъ очень простой снарядъ можетъ до нѣкоторой степени иллюстрировать эту роль давленія, конечно, не въ тѣхъ исключительныхъ условіяхъ земныхъ глубинъ, а въ обычныхъ условіяхъ имѣющихъ мѣсто на земной поверхности. Снарядъ этотъ—обыкновенный сифонъ съ зельтерской водой. Вода, налитая въ сифонъ, сильно насыщена газомъ и этотъ газъ имѣетъ настолько значительную упругость, что онъ тотчасъ выдѣлился бы изъ воды, производя кипѣніе и разбрызгиваніе, если бы вода эта не была заключена въ прочный, плотно закрытый сосудъ и на ея поверхность не давилъ бы скопившійся сверху сжатый углекислый газъ. Теперь вода эта совершенно спокойна и по виду ничѣмъ не отличается отъ обыкновенной воды, налитой въ простую бутылку. Но стоитъ только нажать кранъ сифона и тѣмъ ослабить давленіе газа на воду въ трубкѣ сифона и тотчасъ вода приходитъ въ движеніе отъ обильно выдѣляющихся пузырей газа, выгоняется его упругостью въ кранъ сифона и съ шипѣніемъ и разбрызгиваніемъ льется въ подставленный стаканъ.

Такимъ образомъ энергія такихъ газообразныхъ тѣлъ можетъ быть значительно больше, чѣмъ энергія газовъ, сжатыхъ въ жидкости, или энергія чрезвычайно высоко нагрѣтыхъ водяныхъ паровъ.

При свѣтѣ этихъ теоретическихъ данныхъ мы вправѣ сказать, что запертая въ глубинахъ нашей планеты лава (или, какъ ее называютъ, эруптивная (взрывчатая) магма представляетъ собою вещество въ совершенно особыхъ, почти неизвѣстныхъ намъ, на землѣ физическихъ условіяхъ. Она обладаетъ колоссальнымъ запасомъ энергіи, она рѣзко отличается отъ лавы, причинившей рядъ вулканическихъ взрывовъ и вылившейся на поверхность, гдѣ она и остываетъ. Эта послѣдняя представляетъ, такъ сказать, мертвую матерію. Эти клубы пара и газовъ, которые она выдѣляетъ на своемъ пути, это послѣднее дыханіе ея жизни. Напротивъ, лава глубинъ или эруптивная магма—это титанъ, заключающій въ себѣ избытокъ силъ, она способна проявить колоссальную и разнообразную работу механическую и химическую. Это живая космическая матерія и ея изученіе даетъ намъ возможность приподнять край завѣсы, скрывающей отъ насъ тайны жизни, не нашей органической жизни, а *космической*.

III. Вулканизмъ во вселенной.

Если эруптивная магма земныхъ глубинъ дѣйствительно имѣетъ значеніе живой космической матеріи, той матеріи, изъ которой созидались или созидаются другія космическія тѣла, то, изучая эти тѣла, и особенно тѣ изъ нихъ, которыя ближе къ намъ, мы можемъ надѣяться и на нихъ встрѣтить слѣды явленій, аналогичныхъ съ нашими вулканическими явленіями. Посмотримъ теперь, насколько оправдывается такое ожиданіе.

Прежде всего остановимъ наше вниманіе на ближайшемъ къ намъ небесномъ тѣлѣ, на спутникѣ нашей планеты—лунѣ, которая отдалена отъ насъ нѣсколько болѣе, чѣмъ на 50.000 географическихъ миль и имѣетъ поперечныхъ 468 географическихъ миль.

Обыкновеннымъ глазомъ на поверхности луны видны болѣе темныя мѣста, такъ называемыя моря, болѣе свѣтлыя мѣста и нѣкоторыя особенно ярко свѣтящіяся точки и полосы. Еще болѣе отчетливо эта разница въ степени яркости видна въ бинокль или въ ручную зрительную трубу, при чемъ видно, что нѣкоторыя изъ морей, особенно не самыя большія, имѣютъ болѣе или менѣе округлыя очертанія. Если наблюдать луну въ первую или послѣднюю четверть, когда дискъ ея не весь освѣщенъ, и лучи солнца падаютъ сбоку, то уже въ хорошую ручную трубу видны многія особенности рельефа луны, напримѣръ, кольцевыя горы, а въ астрономическую трубу лунный рельефъ выступаетъ настолько отчетливо, что какъ будто мы сами находимся на разстояніи нѣсколь-

кихъ сотъ верстъ отъ поверхности луны и разсматриваемъ ее съ птичьяго полета (Рис. 31).

Въ послѣднее время астрономамъ удалось получить превосходныя фотографическія изображенія луны, отчетливо передающія рельефъ отдѣльныхъ частей ея поверхности. Съ появленіемъ такихъ изображеній сдѣлались возможны попытки разъяснить вопросъ о происхожденіи этого замѣчательнаго рельефа. Конечно, многія изъ предлагаемыхъ теперь объясненій еще ожидаютъ дальнѣйшей провѣрки и но-

Рис. 31.

выхъ изслѣдованій, но это не мѣшаетъ намъ составить себѣ общее представленіе о характерѣ лунной поверхности.

Прежде всего останавливаетъ наше вниманіе изобиліе на лунѣ такъ называемыхъ кольцевыхъ валовъ или горъ, болѣе или менѣе высокихъ, болѣе или менѣе отчетливо выраженныхъ и обыкновенно съ значительно пониженнымъ срединнымъ полемъ. Съ этого поля, въ его серединѣ или ближе къ одному краю, поднимается у нѣкоторыхъ кольцевыхъ горъ еще центральная высокая и крутая гора, вершина которой не достигаетъ высоты вала. На рисункѣ 31 близъ его праваго края отчетливо видно нѣ-

сколько такихъ горъ. Иногда вмѣсто такой центральной горы со дна большой кольцевой горы поднимается одна или нѣсколько сравнительно маленькихъ, но тоже кольцевыхъ горъ; ихъ можно хорошо видѣть на нашемъ рисункѣ въ его нижней половинѣ, т. е. на южномъ полушаріи луны. Иногда два кольцевыхъ вала сливаются вмѣстѣ, образуя цифру 8, иногда два вала располагаются такъ, что одинъ изъ нихъ вторгается въ площадь другого, какъ будто онъ образовался позже и при своемъ развитіи не стѣснялся прежнимъ рельефомъ и совершенно передѣлалъ захваченный имъ участокъ прежней горы. Размѣры этихъ кольцевыхъ валовъ весьма велики: они, обыкновенно, имѣютъ десятки верстъ въ поперечникѣ. Напримѣръ, въ сѣверномъ полушаріи луны замѣтна кольцевая гора съ расходящимися отъ нея свѣтлыми струйками, очень напоминающими потоки застывшей лавы; это гора Коперникъ, имѣющая 84 версты въ поперечникѣ и почти 260 метровъ въ высоту; сравнивая ее съ другими, не трудно убѣдиться, что это далеко не самая большая кольцевая гора. Эти горы имѣютъ мало общаго съ вулканами типа Везувія, но нельзя не признать нѣкотораго сходства ихъ съ кальдерами Гаваи. Замѣчательно, что даже разница въ крутизнѣ внѣшняго и внутренняго склона горы близко приближается къ тому, что наблюдается на лавовыхъ вулканахъ Гаваи; и на лунѣ внѣшній подъемъ на гору пологій иногда такой же, какъ и у Моуна Лоа, а внутренній склонъ крутой. Есть, впрочемъ, горы, у которыхъ и внѣшній подъемъ довольно крутъ, но все-таки менѣе крутъ, чѣмъ внутренній. Такія горы, конечно, больше отличаются отъ Моуна Лоа. Другое отличіе лунныхъ горъ въ томъ, что дно ихъ кальдеры обыкновенно лежитъ ниже общей поверхности луны и иногда на значительной глубинѣ до 1.000 метровъ.

Какъ же объяснить себѣ способъ образованія этихъ оригинальныхъ горъ, этихъ лунныхъ кратеровъ?

Форма лунныхъ кратеровъ и ихъ взаимныя отношенія лучше всего соотвѣтствуютъ тому предположенію, что каждый изъ нихъ первоначально возникъ какъ очагъ расплавленія уже отвердѣвшей передъ тѣмъ поверхности луны. Въ однихъ мѣстахъ эта поверхность была ровной, въ другихъ она уже была осложнена раньше образовавшимися кольцевыми или иной формы горами. Это расплавленіе, вызванное подъемомъ извнутри небеснаго тѣла струи горячей матеріи, стремящейся выдѣлиться наружу, начиналось въ одномъ пунктѣ и распространялось дальше и дальше, образуя круглое озеро лавы, подобное тѣмъ, какія образуются въ разныхъ мѣстахъ кратера Килауеа. Валъ, окружающій озеро, образовался или тѣмъ же путемъ, какъ образуется тотъ замѣчательный по своей правильности кольцевой валъ, который періодически образуется вокругъ лавоваго озера въ кратерѣ Килауеа, т. е. путемъ перелива лавы на берега озера и застыванія ея первоначально въ видѣ низкаго вала, постепенно повышающагося (при послѣдовательныхъ переливахъ), т. е. это кратеръ перелива; или онъ могъ образоваться

вслѣдствіе того, что въ краевой области возникающаго лавоваго озера лавовая кора не только расплавлялась, но отчасти взламывалась и ея глыбы, благодаря движенію лавы, все приливавшей отъ середины къ краямъ, оттѣснялись къ краямъ и нагромождались въ видѣ вала. Оба процесса могли и комбинироваться.

Послѣ образованія кольцеваго вала, уровень лавы въ озерѣ обыкновенно понижался и часто значительно ниже общаго уровня окружающей мѣстности; поверхность лавы покрывалась корой охлажденія и

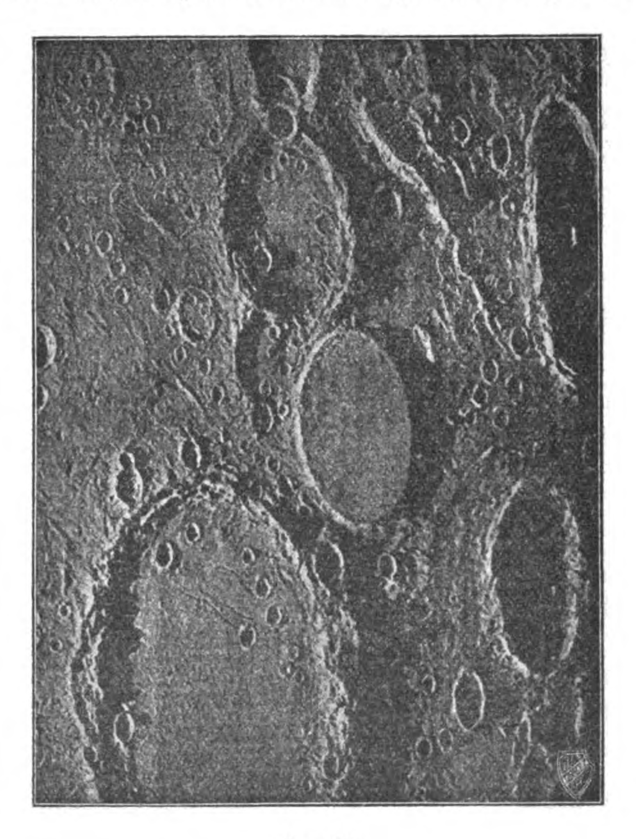


Рис. 32.

такимъ образомъ возникало болѣе или менѣе ровное дно лунного кратера. Нерѣдко въ одномъ или нѣсколькихъ пунктахъ этой первоначально еще тонкой коры эруптивная дѣятельность опять возобновлялась въ болѣе слабой степени, возникали новые очаги плавленія дававшіе начало или внутреннимъ шлаковымъ конусамъ (центральная гора) или сравнительно небольшимъ вторичнымъ кратерамъ перелива, поднимающимся со дна большихъ кратеровъ. Какъ будто нарочно для того, чтобы подтвердить выводъ о такомъ происхожденіи кольцевыхъ лунныхъ горъ, среди множества этихъ горъ сохранилась одна, наполненная почти до краевъ застывшей лавой и представляющая собою не кольцевой валъ

съ глубокой внутри его впадиной, а какъ бы круглую столовую гору съ плоской вершиной (рис. 32). Эта замѣчательная гора получила названіе Варгентинъ и имѣетъ 81 версту въ поперечникѣ и 424 метра въ высоту.

Возможенъ и третій случай образованія кольцевыхъ или полукольцевыхъ валовъ, который, впрочемъ, имѣлъ, повидимому, мѣсто при обра-

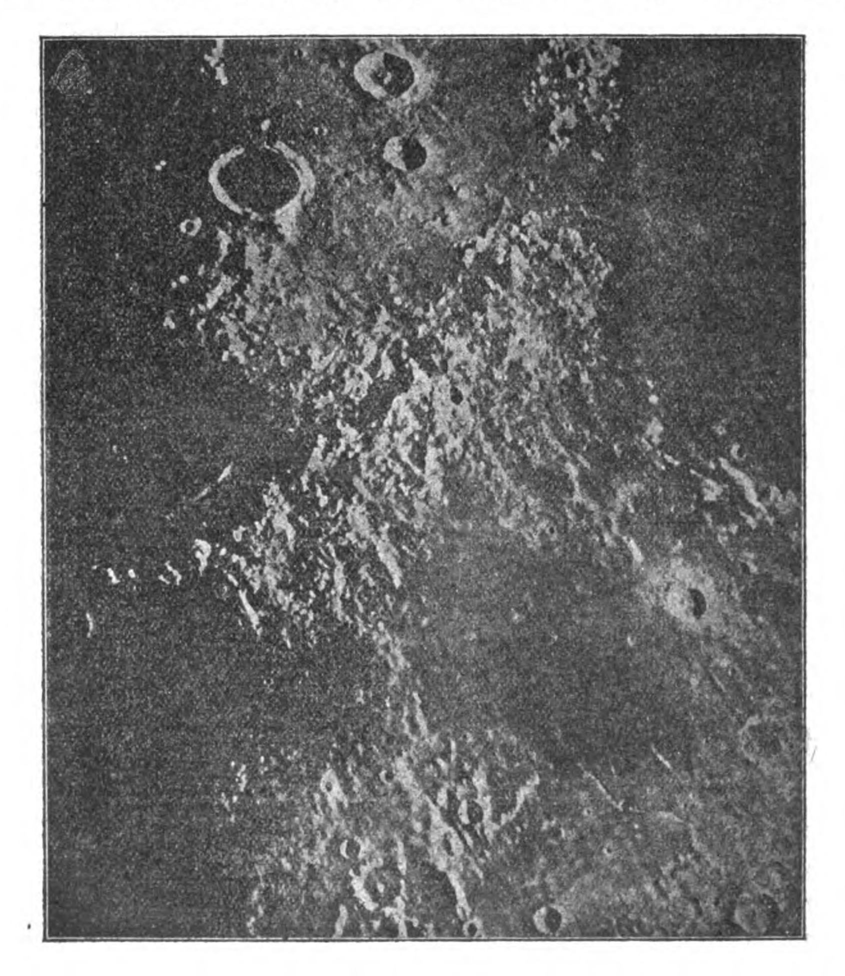


Рис. 33.

зованіи самыхъ колоссальныхъ по своему протяженію и менѣе правильныхъ по формѣ валовъ или горныхъ цѣпей, наблюдаемыхъ на лунной поверхности. Такіе валы возвышаются по краямъ нѣкоторыхъ изъ такъ называемыхъ морей. Сравнительно небольшое, но отличающееся правильностью своихъ очертаній море—Mare Crisium—находится на той половинѣ луны, которая не видна на нашемъ рисункѣ. Оно представляетъ какъ бы переходъ отъ настоящихъ кольцевыхъ горъ съ кальдерами къ настоящимъ морямъ, еще болѣе обширнымъ и обыкновенно

менѣе правильнымъ. Mare Crisium имѣетъ въ поперечникѣ около 480 верстъ.

Разсмотримъ для примѣра Море Ливней—Mare Imbrium, находящееся на сѣверномъ полушаріи между уже упомянутой горою Коперникъ и сѣвернымъ полюсомъ луны (Рис. 31). Оно представляетъ собою въ общемъ округлую, однако не совсѣмъ правильно очерченную площадь, окруженную, хотя и не со всѣхъ сторонъ, высокими горами. Горы эти не составляютъ сплошнаго вала, а поднимаются болѣе или менѣе изолированными одинъ отъ другого гребнями, получившими особыя названія: Апеннины, Карпаты, Альпы. Рис. 33 изображаетъ Ю.-В. край Моря Ливней съ ограничивающими его лунными Апеннинами. Онъ сдѣланъ съ прекрасной фотографіи, изданной парижскою астрономической обсерваторіей. Возможностью воспроизвести здѣсь эту фотографію я обязанъ любезности профессора В. К. Цераскаго. На сравнительно ровномъ и болѣе темно окрашенномъ днѣ Моря Ливней мѣстами возвышаются отдѣльныя высокія и круглыя горы и нѣсколько кратеровъ обычнаго кольцеваго типа, изъ которыхъ одинъ—Архимедъ—принадлежитъ къ числу весьма крупныхъ и имѣетъ діаметръ около 75 верстъ (самый большой изъ трехъ кратеровъ въ верхней части рисунка 33), а само Море Ливней имѣетъ болѣе 1000 верстъ въ поперечникѣ. Какъ же могла образоваться подобная колоссальная по своему протяженію, хотя и не очень глубокая впадина на лунной поверхности, окруженная высокими горами съ крутымъ внутреннимъ склономъ. Она возникла, очевидно, въ одну изъ раннихъ фазъ развитія лунной пластики на сѣверномъ полушаріи, возникла въ видѣ колоссальнаго очага плавленія еще тогда не толстой лунной коры. Этотъ очагъ естественно принялъ округлую форму, вообще свойственную лавовымъ озерамъ, возникающимъ такимъ путемъ, только это озеро уже правильнѣе называть лавовымъ моремъ (астрономы, назвавшіе его Моремъ Ливней, конечно, были очень далеки отъ тѣхъ представленій, какія теперь у насъ возникаютъ при свѣтѣ геологическихъ данныхъ). Представимъ себѣ теперь, что процессъ образованія нашего лавоваго моря достигъ своего кульминаціоннаго пункта, послѣ чего обильное выдѣленіе теплоты прекращается и море покрывается, все или отчасти, корою охлажденія; гдѣ-нибудь на поверхности этого моря въ одномъ или въ нѣсколькихъ мѣстахъ одновременно, процессъ продолжается или послѣ перерыва вновь возобновляется въ меньшемъ масштабѣ, при чемъ происходитъ образованіе или шлаковыхъ конусовъ, или сравнительно небольшихъ очаговъ плавленія; вокругъ нихъ образуются кольцевые кратеры обычнаго луннаго типа и между ними Архимедъ, имѣющій болѣе 70 верстъ въ поперечникѣ. Словомъ, на этомъ участкѣ лунной поверхности повторяется тотъ же процессъ, который ранѣе, въ эпоху образованія первоначальной твердой коры на лунѣ происходилъ на всей ея поверхности. Въ то же время или нѣсколько позже начинается опус-

каніе всей площади моря, тонкая кора, его покрывающая, отдѣляется трещинами отъ болѣе толстой коры, образовавшей его первоначальные берега, и по этимъ трещинамъ выходятъ наружу массы сравнительно болѣе густой лавы, даже возникаютъ сравнительно небольшіе эруптивные центры, изъ которыхъ продолжаетъ нѣкоторое время изливаться лава или выбрасываются полужидкіе шлаки, нагромождающіеся вокругъ отдушинъ въ видѣ цѣлыхъ горъ или горныхъ грядъ (горы изліянія по расколамъ). Нѣкоторые изъ такихъ пунктовъ впослѣдствіи и сами дѣлаются очагами плавленія второго порядка и вокругъ нихъ возникаютъ кольцевые валы типа кратеровъ перелива.

Мы уже упомянули о расходящихся отъ горы Коперника свѣтлыхъ изгибающихся и какъ бы обходящихъ препятствія струйкахъ, очень напоминающихъ своимъ расположеніемъ излившіеся изъ вулкана потоки лавы. На лунной поверхности наблюдаются еще свѣтлыя полосы инаго типа, особенно отчетливо видныя во время полнолунія. Онѣ расходятся по радіусамъ отъ горы Тихо и идутъ чрезвычайно далеко по лунной поверхности прямыми не рѣзко очерченными полосами, на направленіе которыхъ рельефъ луны, повидимому, не имѣетъ вліянія. Природа этихъ полосъ трудно поддается разъясненію. Мнѣ кажется возможнымъ предположить, что онѣ являются памятникомъ когда-то происходившихъ надъ поверхностью луны движеній лунной атмосферы, богатой вулканическими газами и парами, которые дѣйствовали химически на твердыя вещества лунной коры и измѣняли ея цвѣтъ, или, что еще вѣроятнѣе, осаждали при своемъ охлажденіи твердыя и бѣлыя, какъ снѣгъ, минеральныя вещества, которыя и располагались по поверхности луны по направленію теченій ея атмосферы. Расхожденіе этихъ полосъ отъ горы Тихо, быть можетъ, объясняется тѣмъ, что эта гора была однимъ изъ послѣднихъ на южномъ полушаріи большихъ эруптивныхъ центровъ, доставлявшихъ газообразные продукты въ лунную атмосферу. Она была, такъ сказать центромъ возникновенія атмосферныхъ токовъ, направлявшихся отъ нея къ противоположному полюсу луны и отлагавшихъ на своемъ пути полосы твердыхъ минеральныхъ осадковъ бѣлаго цвѣта. Быть можетъ и бѣлый цвѣтъ большей части лунной поверхости зависитъ отъ свѣтлыхъ минеральныхъ осадковъ лунной атмосферы; болѣе темный цвѣтъ областей называемыхъ морями можно было бы объяснить тѣмъ, что въ этихъ областяхъ поверхность болѣе древней лунной коры была переплавлена и послѣ своего затвердѣнія осталась менѣе измѣненною вліяніями атмосферы и почти непокрытою осадками.

Мы видимъ такимъ образомъ, что поверхность луны представляетъ собою арену вулканическихъ явленій, совершавшихся въ грандіозномъ масштабѣ и притомъ съ такимъ характеромъ, который представляетъ на землѣ рѣдкое исключительное явленіе.

Земная кора состоитъ главнымъ образомъ изъ толщъ слоистыхъ

осадочныхъ напластованій, образовавшихся поверхъ коры охлажденія дѣятельностью океана. Вулканическая энергія внутреннихъ областей земного шара можетъ проявляться только въ формѣ изверженій по сложнымъ расколамъ, глубоко прорѣзывающимъ осадочную кору. Здѣсь нѣтъ обширныхъ поверхностей сравнительно тонкой лавовой коры, подъ которой находится живая космическая матерія. Нѣкоторое приближеніе къ этимъ условіямъ представляютъ резервуары лавы въ кальдерахъ Гаваи и, естественно, что тамъ-то и наблюдаются наиболѣе близкія къ луннымъ явленія. Намъ скажутъ, пожалуй, что близость эта обманчива, что масштабъ тѣхъ и другихъ явленій совершенно иной, а потому ихъ нельзя и сравнивать, что кольцевые кратеры на лунѣ принадлежатъ къ числу наиболѣе распространенныхъ, наиболѣе постоянныхъ формъ, а въ кальдерахъ Гаваи сходные съ ними по формѣ кратеры перелива образуются лишь временно, и затѣмъ разрушаются, обваливаются и вновь переплавляются.

На первое возраженіе мы отвѣтимъ, что явленія, вполнѣ аналогичныя съ гавайскими, наблюдаются при остываніи расплавленной стали въ глиняныхъ резервуарахъ, и эти наблюденія проливаютъ много свѣта на механизмъ явленій въ лавовыхъ озерахъ Гаваи, а разница въ масштабѣ здѣсь еще больше, чѣмъ между Килауеа и, наприм., луннымъ Архимедомъ. На второе замѣчаніе можно отвѣтить, что полнаго тожества результатовъ и быть не можетъ. Не слѣдуетъ забывать, что на лунѣ напряженіе тяжести въ шесть разъ меньше, чѣмъ на землѣ и тотъ же самый застывшій лавовый валъ, представляющій на землѣ весьма тяжелую массу, на лунѣ будетъ легкимъ тѣломъ, вдвое болѣе легкимъ, чѣмъ вода на землѣ, естественно, поэтому, что тамъ могутъ быть устойчивы такія образованія, которыя на землѣ мало устойчивы.

Вѣроятно, и земля переживала нѣкогда ту стадію, какую пережила и запечатлѣла на своей окаменѣвшей мертвой поверхности луна, лишенная океана и атмосферы. Но, послѣ такой фазы ея развитія, поверхность земли глубоко измѣнена послѣдующими процессами, въ которыхъ существенную роль играли океанъ и атмосфера.

Перенесемся теперь мысленно въ ту эпоху, когда спутникъ нашей земли покрылся первой еще непрочной корой охлажденія и утратилъ способность свѣтиться собственнымъ свѣтомъ. Представимъ себѣ, что въ какомъ-нибудь мѣстѣ этой коры возникаетъ очагъ расплавленія и образуется лавовое море, напр. Море Ливней. Что увидали бы мы при этомъ съ земли?

Мы увидали бы, что на темномъ или отчасти освѣщенномъ солнечными лучами дискѣ луны возникаетъ свѣтящееся пятно, занимающее значительную часть ея поверхности. По завершеніи этого процесса, свѣтящееся пятно исчезло бы, и спутникъ земли сталъ бы вновь темнымъ. Мы имѣли бы передъ собою примѣръ небеснаго тѣла, временно вспыхивающаго собственнымъ свѣтомъ и вновь угасающаго. Астрономы

знаютъ примѣры подобныхъ тѣлъ во вселенной. Они очень далеки отъ насъ. Чѣмъ вызывается ихъ временное возгораніе—мы этого не знаемъ и можемъ говорить объ этомъ только гадательно. Не будемъ на нихъ останавливаться, а перейдемъ теперь къ иной чрезвычайно интересной фазѣ развитія небесныхъ тѣлъ.

Въ сравнительно близкихъ къ намъ областяхъ вселенной существуетъ такое тѣло, на поверхности котораго нѣтъ коры охлажденія—это солнце, центральное тѣло нашей планетной системы, которому все живущее на землѣ обязано свѣтомъ, тепломъ и жизнью.

Мы уже видѣли, что луна обходитъ землю, держась отъ нея на разстояніи около 50.000 геогр. миль. Если взять линію, соединяющую

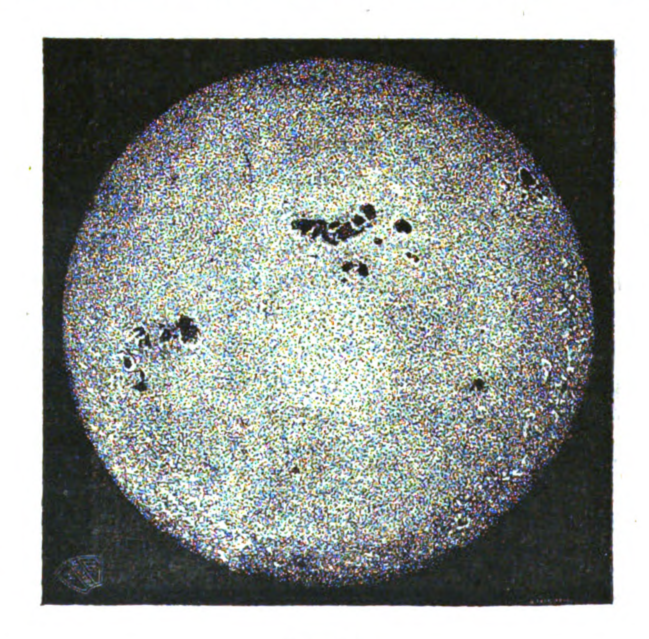


Рис. 34.

землю съ луною, почти удвоить ее и затѣмъ представить себѣ шаръ, имѣющій эту линію своимъ радіусовъ, то такой шаръ и дастъ намъ понятіе о размѣрахъ солнца. Если бы земля находилась въ центрѣ такого шара, то луна ие только могла бы свободно двигаться вокругъ нея на томъ же разстояніи, какъ и теперь, но между нею и стѣнкой шара оставалось бы еще почти такое же разстояніе, какъ и до земли.

Вся поверхность солнца состоитъ изъ движущихся, волнующихся, до бѣла раскаленныхъ массъ, образующихъ такъ называемую фотосферу. Поверхъ фотосферы, при нѣкоторыхъ условіяхъ, которыя будутъ сейчасъ указаны, замѣтна еще оболочка тоже раскаленныхъ свѣтящихся красноватымъ свѣтомъ металлическихъ паровъ и пылающихъ газовъ; ее называютъ хромосферой.

На поверхности фотосферы, этого колоссальнаго ярко свѣтящагося и вѣчно волнующагося океана по временамъ появляются темныя мѣняющія свою форму и расположеніе пятна съ менѣе темной каймою вокругъ (рис. 34). Эти пятна, судя по рисункамъ изучившихъ ихъ астрономовъ (см. рис. 35), ближе всего сходны съ прорывами или глубокими пропастями въ сплошномъ покровѣ фотосферы, которыя, послѣ своего образованія, вновь заливаются свѣтящимися потоками фотосферы. Размѣры ихъ таковы, что въ такой прорывъ прошелъ бы, не зацѣпивъ краевъ, земной шаръ, а иногда и нѣсколько такихъ шаровъ сразу. Около пятенъ на поверхности фотосферы нерѣдко наблюдаются свѣтящіяся, еще болѣе яркія, чѣмъ сама фотосфера, полосы и потоки—это такъ называемые факелы (см. лѣвую половину рис. 35, изображающую пятно, расположенное близъ видимаго края солнечнаго диска). Когда эти

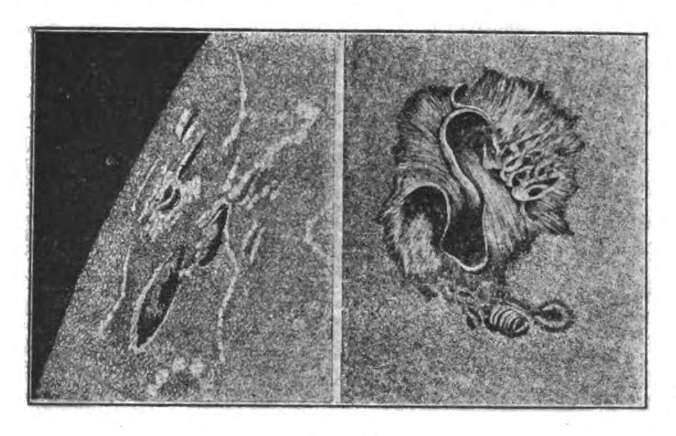


Рис. 35.

пятна, вслѣдствіе вращенія солнца, приходятъ на самый край солнечнаго диска, то въ области ихъ развитія и какъ бы въ связи съ ними, а иногда и безъ всякой связи съ пятнами, замѣчается выбрасываніе раскаленной свѣтящейся матеріи, взлетающей съ невѣроятной быстротой на высоту многихъ тысячъ географическихъ миль: это такъ называемые протуберанцы (рис. 36, 37). Наблюдать ихъ, а также и хромосферу, надъ которой они взвиваются, всего удобнѣе во время затменій, когда ослѣпительно яркій дискъ солнца закрытъ проходящимъ между солнцемъ и землею темнымъ дискомъ луны *). Эти протуберанцы то расширяются и разсѣеваются наверху, принимая формы вулканическаго облака или пиніи и держатся нѣкоторое время на одномъ и томъ же мѣстѣ, то выбрасываются въ видѣ очень разнообразныхъ по формѣ ярко свѣтящихся массъ, чрезвычайно быстро распространяющихся на огромныя разстоянія и разсыпающихся въ видѣ сноповъ и ракетъ.

*) Въ настоящее время наблюдаютъ протуберанцы и при полномъ блескѣ солнца, при помощи спектроскопа, щель котораго направляютъ на край солнечнаго диска.

Рис. 36 изображаетъ одинъ изъ замѣчательныхъ протуберанцевъ этого типа; кривизна дуги, надъ которой онъ взвился, даетъ понятіе о раз-

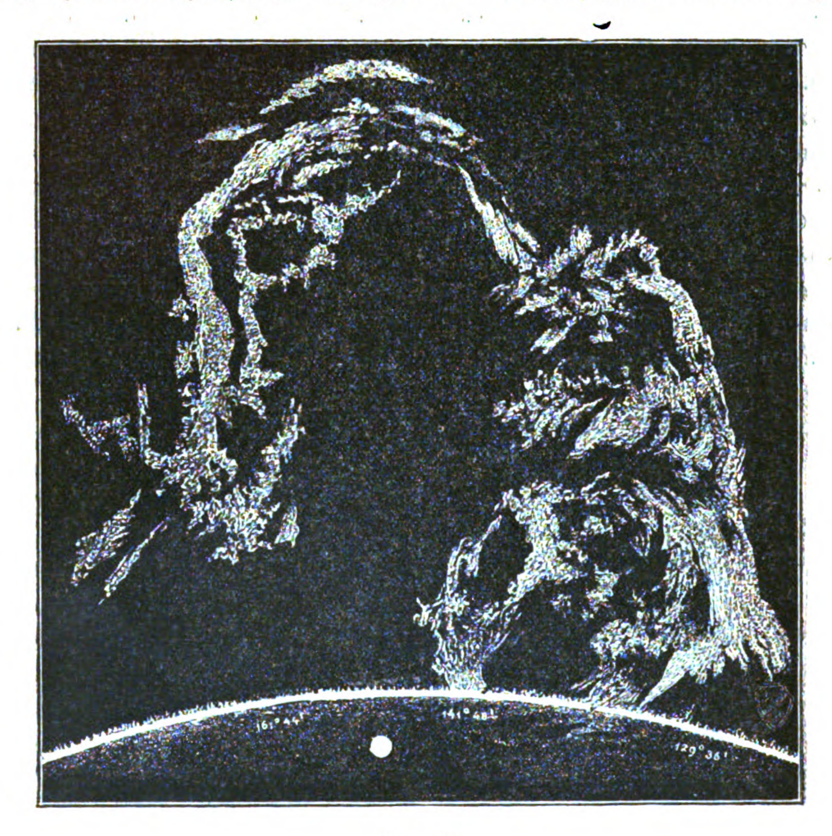


Рис. 36.

мѣрахъ солнца, маленькій свѣтлый кружекъ внизу изображаетъ земной шаръ, нарисованный въ соотвѣтственномъ масштабѣ.

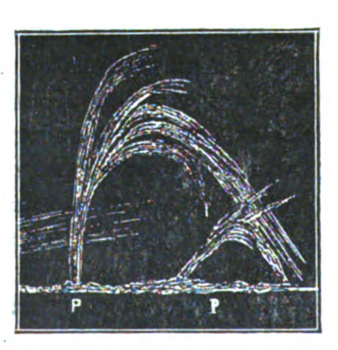


Рис. 37.

Рис. 37 изображаетъ другой типъ протуберанцевъ, которые можно назвать струеобразными. Они извергаются перпендикулярно или косо

къ поверхности солнца въ видѣ струи, простой или вѣтвистой, но не слишкомъ сложной по своимъ очертаніямъ и иногда возвращающейся обратно къ солнцу.

Спектроскопъ показалъ, что протуберанцы перваго типа состоятъ преимущественно изъ водорода и гелія, а протуберанцы струеобразные, кромѣ того, содержатъ въ значительномъ количествѣ пары различныхъ металловъ.

Связь между факелами, пятнами и протуберанцами еще не можетъ считаться вполнѣ выясненной. Нѣкоторые факты, замѣченные астрономами, наблюдавшими эти явленія, особенно для насъ интересны. При разсматриваніи въ спектроскопъ факеловъ, замѣчается усиленіе всѣхъ цвѣтовъ солнечнаго спектра, даже темныя линіи нѣкоторыхъ металловъ кажутся на факелѣ нѣсколько менѣе темными. Кажется, какъ будто въ этомъ мѣстѣ ярко свѣтящаяся фотосфера стремится обнажиться отъ покрывающей ее и поглощающей свѣтъ оболочки металлическихъ паровъ, образующихъ нижніе слои хромосферы. Это даваемое спектроскопомъ впечатлѣніе было подтверждено и наблюденіемъ, показавшимъ что, когда факелы находятся на самомъ краю солнечнаго диска, то въ области ихъ развитія замѣчается нѣкоторое поднятіе общаго уровня поверхности фотосферы. Появленіе факеловъ обыкновенно предшествуетъ появленію пятенъ. Было, между прочимъ, замѣчено, что иногда, спустя нѣкоторое время послѣ появленія вѣнца факеловъ, расходящихся ярко свѣтящимися потоками, между ними появляется сначала тусклое туманное мѣсто, а потомъ здѣсь же возникаетъ и пятно или группа пятенъ.

Спектроскопическія изслѣдованія пятна указываютъ, что въ этомъ мѣстѣ что-то нѣсколько затмеваетъ всѣ цвѣта солнечнаго спектра, какъ будто ослаблена прозрачность того слоя, черезъ который проходитъ свѣтъ отъ ярко свѣтящейся солнечной массы, что металлическіе пары въ этомъ мѣстѣ болѣе сгустились, а темныя линіи, имъ свойственныя, рѣзче обозначились.

Всѣ эти явленія еще не могутъ считаться достаточно разъясненными и ученые объясняютъ ихъ весьма различно. Уже одно разнообразіе этихъ объясненій говоритъ за то, что вполнѣ удовлетворительнаго объясненія еще не найдено. Поэтому, я полагаю, не будетъ слишкомъ смѣло дать здѣсь мѣсто нѣкоторымъ представленіямъ, заимствованнымъ изъ изученія вулканическихъ явленій, и сказать, въ самыхъ общихъ чертахъ, что пятна представляютъ собою дѣйствительные разрывы фотосферы, этой раскаленной магматической оболочки солнца, чрезвычайно богатой газами и парами, что этимъ разрывамъ предшествуетъ поднятіе фотосферы, раскаленныя массы которой растекаются вокругъ, образуя вѣнецъ колоссальныхъ блестящихъ потоковъ, называемыхъ факелами, что затѣмъ происходитъ выбрасываніе изъ солнца различныхъ веществъ въ состояніи высоко накаленныхъ диссоціиро-

ванныхъ газовъ, производящихъ взрывы, и извергающихся далеко за предѣлы солнечной хромосферы въ формѣ протуберанцевъ. Быть можетъ, въ смѣси этихъ газовъ, выброшенныхъ въ область болѣе низкой температуры и низкаго давленія происходитъ иногда химическая реакція, быстро и на огромномъ протяженіи охватывающая массу газовъ, носящихся надъ хромосферой и сопровождающаяся развитіемъ свѣта и тепла. Образующіяся при этомъ химическія соединенія вновь разлагаются, если они падаютъ на солнце.

Выбрасываніе газовъ есть слѣдствіе продолжающагося уплотненія солнечной матеріи, сопровождающагося выдѣленіемъ тепла и повышеніемъ термическаго состоянія веществъ, и безъ того обладающихъ страшнымъ запасомъ энергіи. Пока потокъ этихъ газовъ продолжается, солнечное пятно остается постояннымъ, по прекращеніи или ослабленіи эруптивнаго процесса, массы раскаленной магматической фотосферы устремляются потоками и вихрями къ эруптивному центру, стремясь заполнить пропасть и выровнять поверхность небеснаго тѣла. Въ очень маломъ масштабѣ до нѣкоторой степени аналогичную картину этихъ выбросовъ газообразной матеріи и послѣдующаго нисходящаго движенія расплавленной лавы въ эруптивномъ фокусѣ представляютъ намъ фонтаны въ лавовомъ озерѣ Килауеа. Только нужно помнить, что поверхность солнечной фотосферы состоитъ не изъ расплавленной тяжелой лавы, представляющей собою сложное химическое соединеніе или, вѣрнѣе смѣсь химическихъ соединеній, а вещество, находящееся въ совершенно иномъ химическомъ и физическомъ состояніи.

Хотя природа солнца и характеръ явленій, совершающихся на его поверхности и представляютъ еще много загадочнаго, тѣмъ не менѣе то, что мы о нихъ знаемъ, даетъ намъ право сказать, что массы, образующія свѣтящуюся поверхность солнца, находятся въ крайне подвижномъ, крайне напряженномъ состояніи и что. если искать аналогій этимъ массамъ съ тѣмъ что мы знаемъ на землѣ, то ближе всего къ нимъ слѣдуетъ поставить эруптивную взрывчатую магму земныхъ глубинъ, которую мы тоже можемъ представлять себѣ въ видѣ смѣси различныхъ газообразныхъ и быть можетъ нѣкоторыхъ жидкихъ веществъ, диссоціированныхъ или еще не вступившихъ въ химическія соединенія; только на землѣ, такая магма могла сохраниться лишь на большихъ глубинахъ внутри планеты, а на солнцѣ она образуетъ фотосферу или видимую раскаленную поверхность небеснаго тѣла. О состояніи вещества, образующаго болѣе глубокія области солнца, мы ничего не знаемъ и можемъ только думать, что вещество это находится въ состояніи крайней напряженности.

Это крайне раскаленное вещество, газообразное или находящееся въ иномъ, намъ еще мало извѣстномъ состояніи, поднимаясь извнутри солнца въ область меньшаго давленія и меньшихъ температуръ, достигаетъ такихъ областей, гдѣ становится возможнымъ переходъ нѣко-

торыхъ газовъ въ жидкое состояніе и образованіе изъ нихъ яркосвѣтящейся магмы или раскаленныхъ облаковъ фотосферы. Болѣе стойкіе газы прорываются сквозь эту фотосферу, волнуютъ ея поверхность и мѣстами образуютъ уже знакомые намъ протуберанцы.

Такимъ образомъ солнце представляетъ намъ зрѣлище необычайно грандіозныхъ эруптивныхъ явленій, которыя происходятъ въ условіяхъ совершенно иныхъ, чѣмъ тѣ, которыя существуютъ на землѣ и существовали когда-то на лунѣ; но при всѣхъ этихъ различіяхъ условій, все-таки, у всѣхъ этихъ, столь различныхъ съ перваго взгляда, процессовъ можно подмѣтить нѣкоторыя общія черты, и едва-ли будетъ ошибкой сказать, что, только принимая въ соображеніе эти общія черты, можно приблизиться къ болѣе глубокому пониманію этихъ сложныхъ и загадочныхъ явленій. Съ такой точки зрѣнія эруптивныя явленія на всѣхъ этихъ столь несходныхъ тѣлахъ вселенной представляютъ собою различныя фазы развитія одного и того же великаго процесса космической жизни, ничтожное остаточное проявленія котораго обнаруживаютъ наши земные вулканы.

Мы видимъ теперь, насколько сложны и трудны явленія подлежавшія нашему разсмотрѣнію. Для освѣщенія этихъ явленій необходимы совокупныя усилія многихъ наукъ, нужна дружная работа геолога, астронома, химика, физика, и эта работа пока не приноситъ намъ непосредственныхъ матеріальныхъ благъ, но она расширяетъ нашъ кругозоръ и помогаетъ намъ лучше оріентироваться среди сложныхъ и разнообразныхъ явленій окружающаго насъ міра.

Существуетъ, конечно, разница между суевѣрнымъ страхомъ, наполнявшимъ душу древняго грека—колониста итальянскаго побережья, страхомъ, заставлявшимъ его держаться подальше отъ острова Вулкана, этого входа въ плутоново царство, и тѣмъ благоговѣніемъ передъ величіемъ и порядкомъ вселенной, которое овладѣваетъ нами, когда наука начинаетъ освѣщать намъ чудеса міра, въ которомъ мы живемъ. И все-таки, какъ еще мало мы знаемъ даже ближайшія къ намъ области вселенной, и сколько тайнъ и чудесъ сокрыто въ томъ, на что мы привыкли смотрѣть съ такимъ равнодушіемъ.

ТЕХНИЧЕСКІЙ ПЕРЕВОРОТЪ КОНЦА XIX в.

Будущій историкъ XIX вѣка съ особеннымъ вниманіемъ долженъ будетъ остановиться на періодѣ отъ 1860 года до нашихъ дней. Именно этому періоду, по продолжительности не превышающему средней человѣческой жизни, выпало на долю преобразовать всю соціальную жизнь культурныхъ народовъ, посредствомъ колоссальнѣйшаго практическаго примѣненія безчисленнаго множества новыхъ открытій и изобрѣтеній, преобразовать всѣ условія этой жизни такъ, какъ это не имѣло мѣста ни въ одинъ изъ предыдущихъ историческихъ періодовъ. Вспомнивъ, какимъ представлялся цивилизованный міръ всего полвѣка назадъ, какъ много человѣчество не знало тогда, мы не только поймемъ, какъ далеко мы шагнули за это время впередъ, но и сможемъ представить себѣ,—какъ говоритъ Шарль Рише, — насколько ничтожны всѣ наши знанія въ сравненіи съ тѣмъ, чего мы не знаемъ и что̀ ожидаетъ насъ впереди.

I.

Обратимся прежде всего къ технической революціи, происшедшей за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ въ *путяхъ сообщенія*, къ колоссальному перевороту, произведенному въ этой области желѣзными дорогами.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ желѣзныя дороги были еще очень мало распространены; въ настоящее время общее протяженіе ихъ на всемъ земномъ шарѣ простирается до 600.000 километровъ, на которые потрачено около 60 милліардовъ рублей. Чтобы дать нѣкоторое представленіе объ интенсивности желѣзнодорожнаго пассажирскаго и товарнаго движенія, приведемъ двѣ только цыфры, относящіяся, правда, къ Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ, гдѣ желѣзнодорожная сѣть на 40.000 кв. миль больше, чѣмъ во всѣхъ странахъ Европы, вмѣстѣ взятыхъ. Въ 1889 году на американскихъ желѣзныхъ дорогахъ перевезено было 495 милліоновъ пассажировъ и 619 милліоновъ тоннъ товаровъ. При этомъ сами за себя говорятъ слѣдующія цыфры о гигантскомъ возрастаніи международной торговли «міра послѣ ж. дорогъ» сравнительно съ «міромъ до ж. дорогъ»: въ «мірѣ до ж. дорогъ» общій ежегодный оборотъ международной торговли не превы-

шалъ въ среднемъ 20 милліардовъ франковъ; въ 1867 году онъ доходитъ до 55 милліардовъ, въ 1870 году—до 70, въ 1889 г.—до 93, а въ 1892 году—до 95 милліардовъ франковъ. Увеличеніе почти на 500%, которое, главнымъ образомъ, должно быть приписано желѣзнымъ дорогамъ, создавшимъ новыя, до того совершенно неизвѣстныя условія для колоссальнаго развитія международныхъ сношеній.

Интересно вспомнить, какъ встрѣчена была постройка желѣзныхъ дорогъ почти во всѣхъ странахъ. Одинъ бельгійскій профессоръ передавалъ намъ, что онъ отлично помнитъ то время, когда желѣзныя дороги вызывали въ Бельгіи, во всей странѣ, особенно въ деревняхъ, страшную ненависть со стороны католическаго духовенства: деревенскіе священники, говорилъ намъ профессоръ, инстинктивно чувствовали, что эти новые вагоны и локомотивы, быстро и равнодушно, какъ ни въ чемъ ни бывало, несущіеся по рельсамъ,—неизбѣжно явятся проводниками новыхъ идей.

Но не только въ деревняхъ и со стороны не одного только католическаго духовенства желѣзныя дороги встрѣчали столь недружелюбный пріемъ. Когда, въ тридцатыхъ годахъ нашего столѣтія, бельгійскій министръ Роже (Roger) внесъ въ парламентъ проектъ о сооруженіи на счетъ государства нѣсколькихъ желѣзнодорожныхъ линій, онъ вызвалъ общій взрывъ насмѣшекъ по адресу желѣзныхъ дорогъ—до того сооруженіе ихъ показалось нелѣпымъ. Когда, затѣмъ, въ сороковыхъ годахъ, во французской палатѣ зашла рѣчь о томъ, что желѣзныя дороги вытѣснятъ когда-нибудь дилижансы, депутаты расхохотались—до того невѣроятнымъ и смѣшнымъ показалось имъ это предположеніе. Если же оглянуться еще дальше назадъ и вспомнить, что для нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ поѣздка, напр., изъ Парижа въ Руанъ составляла цѣлое событіе, къ которому надо было готовиться: надо было собраться компаніей человѣкъ въ пятнадцать, чтобы дилижансъ отправлялся въ путь; если вспомнить, напр., тотъ общеизвѣстный фактъ, какъ Дидро, неоднократно побуждаемый настойчивыми приглашеніями Екатерины пріѣхать въ Петербургъ, куда онъ и отправился въ 1773 г., долго колебался и не рѣшался предпринять эту поѣздку, до того, главнымъ образомъ, пугало его «далекое и трудное путешествіе», которое теперь можно совершить съ величайшими удобствами въ три дня, и передъ тѣмъ, какъ уѣхать, онъ сдѣлалъ даже завѣщаніе,—если вспомнить и представить себѣ все это, то мы поймемъ... Но нѣтъ, намъ, выросшимъ при совершенно новыхъ условіяхъ, успѣвшихъ уже всецѣло преобразовать всѣ наши нравы, всю нашу обиходную жизнь, намъ трудно понять, какъ люди жили *безъ* желѣзныхъ дорогъ.

Океанскіе пароходы до 1875 года далеко не имѣли того значенія, что имѣютъ теперь. Пароходныя машины были тяжелы, занимали слишкомъ много мѣста и потребляли слишкомъ много топлива, также занимавшаго много мѣста—на счетъ остального груза. Такъ, напримѣръ,

если пароходу старой конструкціи приходилось совершать большое плаваніе, то, при подъемной способности въ 3.000 тоннъ, все же онъ могъ принять только 800 тоннъ груза—товаровъ, такъ какъ долженъ былъ тащить съ собою, какъ балластъ, 2.200 тоннъ угля для топки машинъ. Вотъ почему старые пароходы такъ мало были пригодны для массоваго транспорта тяжелыхъ и громоздкихъ товаровъ. Теперь же, благодаря компаундъ-машинамъ и другимъ многочисленнымъ усовершенствованіямъ въ пароходствѣ, тотъ же пароходъ можетъ совершить то же плаваніе, но уже въ прямо противоположныхъ условіяхъ: онъ принимаетъ до 2.200 тоннъ груза и только 800 тоннъ угля.

Съ постепеннымъ усовершенствованіемъ пароходовъ и съ появленіемъ пароходовъ-гигантовъ, *парусное судоходство* отходитъ все болѣе на задній планъ. Пароходы, если еще не вытѣснили окончательно парусныя суда, получаютъ все болѣе и болѣе преобладающее значеніе. Въ этомъ легко убѣдиться изъ слѣдующей, приводимой у Шиппеля, статистики плавающихъ по океанамъ парусныхъ судовъ:

въ 1885	году	ихъ насчитывали	25.766	съ	11,2	милл. тоннъ
» 1886	»	»	25 155	»	10,4	»
» 1887	»	»	23.310	»	9,8	»

Уменьшеніе общей грузоспособности составляло, слѣдовательно, 1,4 милліона тоннъ, или за 2 года 12,4%!

Но это явленіе постепеннаго и все болѣе усиливающагося вытѣсненія парусчаго флота паровымъ выступитъ еще ярче, если мы обратимъ вниманіе на статистическую таблицу, опубликованную въ іюнѣ 1892 года Джономъ Гловеромъ въ лондонскомъ «Journal of the Royal Statistical Society».

Цифры Главера относятся къ десятилѣтнему періоду 1880—1890 гг. и показываютъ размѣры парового флота въ различныхъ странахъ по отношенію ко всему флоту каждой изъ этихъ странъ, вмѣстѣ взятому: число паровыхъ судовъ въ Англіи (за исключеніемъ колоній), составлявшее, въ 1880 году, 41,7% всего флота, поднялось десять лѣтъ спустя, въ 1890 году, до 63,4%; во Франціи, соотвѣтствующія цифры были—27,4% въ 1880 и 52,8 въ 1890 г.; въ Германіи—16,7 и 46,8%; въ Норвегіи—3,4 и 10,4%; въ Соединенныхъ Штатахъ, хотя процессъ идетъ медленнѣе, все же число паровыхъ судовъ составлявшее въ 1880 году только 11,6% всего флота, достигло 20,9% въ 1890 году. Отмѣтимъ для другихъ странъ соотвѣтствующія прогрессіи: 7,2 и 22—въ Италіи, 15,7 и 26,7—въ Швеціи, 17,3 и 44,5—въ Голландіи, 19,3 и 35,9—въ Даніи; наконецъ, бельгійскій флотъ, въ которомъ паровыя суда составляли уже въ 1880 году 83,6% и гдѣ парусное судоходство имѣло, слѣдовательно, такое слабое значеніе, имѣетъ въ 1890 году паровыхъ судовъ уже до 93,9%!

Съ тѣми же самыми явленіями мы встрѣчаемся во всѣхъ большихъ и малыхъ портахъ Стараго и Новаго свѣта: въ Ливерпулѣ и Гамбургѣ,

въ Антверпенѣ и Марсели, въ Сенъ-Назэрѣ и Нью-Іоркѣ, въ Гонгъ-Конгѣ и Роттердамѣ, въ Амстердамѣ и Генуѣ: количество парусныхъ судовъ, посѣщающихъ эти порты, сильно падаетъ изъ года въ годъ, (въ антверпенскомъ порту, напр., оно уменьшилось болѣе чѣмъ вдвое за десятилѣтіе 1874—1884 г.: съ 2.000 судовъ на 935), тогда какъ паровыхъ судовъ прибываетъ туда все въ большемъ количествѣ.

Но этого мало: статистика констатируетъ не только сильное уменьшеніе количества парусныхъ и сильное увеличеніе количества паровыхъ судовъ, но и еще болѣе быстрое уменьшеніе общей вмѣстимости парусного флота—мы это показали выше цифровыми данными, заимствованными у Шиппеля — увеличеніе общей вмѣстимости парового и увеличеніе *средней* подъемной способности какъ паровыхъ, такъ и парусныхъ судовъ.

Не желая загромождать статью балластомъ статистическихъ цифръ отмѣтимъ только, что теперь на верфяхъ строятъ какъ паровыя, такъ и парусныя суда все большихъ размѣровъ и вмѣстимости. Появляются теперь гиганты, которые не снились не только нашимъ дѣдамъ, но и отцамъ *).

Одна изъ многихъ причинъ появленія кораблей большихъ и даже колоссальныхъ размѣровъ та, что съ увеличеніемъ размѣра и вмѣстимости корабля достигается огромная, сравнительно, экономія въ общихъ издержкахъ и расходахъ по эксплуатаціи. Въ то время, какъ пароходъ съ подъемною способностью въ 200 или 300 тоннъ требуетъ на каждыя 19,8 тоннъ рабочую силу одного матроса, пароходъ въ 800—1.000 тоннъ требуетъ одну рабочую силу только на каждыя 41,5 тоннъ. Но это только одна изъ многихъ причинъ. Не мало способствовали этому огромныя усовершенствованія техники *кораблестроенія* съ одной стороны, и другихъ отраслей промышленности—прежде всего желѣзо- и сталедѣлательной—съ другой. При постройкѣ новаго желѣзнаго или стального корабля, въ 1872—1874 гг., каждая тонна стоила 90 долларовъ, въ 1877 г. она стоила 65, въ 1880 — 57 долларовъ, тогда какъ въ 1887 году, каждая тонна первокласснаго винтового парохода, стальной конструкціи и со всѣми новѣйшими усовершенствованными машинами, обходилась всего только въ 34 доллара.

Естественно, благодаря усовершенствованіямъ въ постройкѣ и эксплуатаціи кораблей, цѣны за фрахтъ сильно понизились. За провозъ одного бушеля хлѣба изъ Нью-Іорка въ Ливерпуль платили въ 1860 году не меньше 12, а въ теченіе извѣстнаго времени года даже 27 центовъ; въ 1886 году цѣна эта стояла въ среднемъ въ 5 центовъ, а временами—ниже одного цента. Теперь перевозятъ товары изъ Австраліи въ Англію—разстояніе въ 11.000 миль—въ гораздо болѣе ко-

---

*) См. «Les grands ports maritimes» par Daniel Bellot и «Anvers port de mer», оффиціальное изданіе антверпенскаго муниципалитета..

роткое время и съ гораздо меньшими расходами, чѣмъ сто лѣтъ назадъ отъ одного конца британскихъ островоВъ до другого.

Нужно ли повторять ту банальную истину, что теперь, какъ вслѣдствіе быстроты, такъ и дешевизны передвиженія, нѣтъ болѣе разстояній?

И благодаря тому, что теперь на самомъ дѣлѣ нѣтъ болѣе разстояній, благодаря тому, что расходы по перевозкѣ товаровъ не представляютъ болѣе препятствій къ обращенію товаровъ, товарное обращеніе стало не только *интернаціональнымъ*, но и *интерконтинентальнымъ*. Весь міръ образуетъ теперь огромный рынокъ, гдѣ уравненіе товаровъ и товарныхъ цѣнъ устанавливается между цѣлыми частями свѣта съ гораздо меньшими трудностями, чѣмъ раньше—между одной провинціей и другой. Появляется ли поэтому въ одномъ мѣстѣ застой въ какомъ-нибудь производствѣ, возрастаетъ ли въ другомъ мѣстѣ потребность въ извѣстныхъ продуктахъ и цѣны на нихъ повышаются, это неизбѣжно и немедленно отдается во всѣхъ углахъ земного шара: соотвѣтствующіе продукты всѣхъ частей свѣта проявляютъ тенденцію устремиться туда, гдѣ въ нихъ нуждаются и гдѣ они могутъ найти прибыльный сбытъ.

Въ теченіе первыхъ одиннадцати мѣсяцевъ 1388 года, въ Великобританію ввезено было болѣе 67 милліоновъ центнеровъ пшеницы и муки. Почти столько же она ввезла, въ теченіе такого же періода времени, въ 1887 году. Но какъ велика была, въ томъ и этомъ году, перемѣна въ странахъ вывоза! Изъ 67 милліоновъ центнеровъ, ввезенныхъ въ Англію въ 1887 году, 49 милліоновъ ввезены были изъ сѣверной и южной Америки. Въ 1888 г. Америку постигъ неурожай и она сократила свой вывозъ хлѣба въ Англію до 29 милліоновъ центнеровъ; этотъ дефицитъ противъ предыдущаго года въ 20 милліоновъ центнеровъ покрытъ былъ, главнымъ образомъ, Россіей, пользовавшейся въ томъ году обильнымъ урожаемъ. Такимъ образомъ, англійскій потребитель ѣлъ свой хлѣбъ, не смотря на недостаточность его производства на родинѣ, не смотря на уменьшившійся ввозъ изъ Америки, по той же и даже по болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ въ предыдущіе годы. Пшеничныя поля британскаго народа лежатъ частью въ Америкѣ, частью въ Индіи, Россіи или Австраліи.

Интернаціональность матеріальной жизни, прибавляетъ Шиппель, какъ она создана почтами, телеграфами, желѣзными дорогами и пароходами, создаетъ такимъ образомъ интернаціональность политики, права и многихъ другихъ умственныхъ и нравственныхъ воззрѣній народовъ.

II.

Какъ для желѣзныхъ дорогъ, такъ и для судоходства, одно изобрѣтеніе, а именно—способъ *дешеваго производства* стали, имѣло особенно большія послѣдствія.

Если бы, по мѣрѣ увеличенія сообщеній, пришлось замѣнять старые, дѣлающіеся все болѣе негодными для движенія, *желѣзные* рельсы новыми, то это до того повысило бы общіе расходы желѣзныхъ дорогъ, что дешевые тарифы сдѣлались бы невозможными. Но *стальные* рельсы имѣютъ гораздо бо̀льшую способность сопротивленія и гораздо бо̀льшую продолжительность, къ тому же они теперь, благодаря многочисленнымъ усовершенствованіямъ *бессемерованія*, гораздо дешевле, чѣмъ 10—15 лѣтъ назадъ желѣзные рельсы.

Въ 1873 году одна тонна бессемеровой стали стоила въ Англіи, не знающей покровительственныхъ тарифовъ, 16 фунтовъ стерлинговъ; въ 1886 году ее можно было прибыльно производить и продавать по 4 фунта. За этотъ же періодъ времени производительность бессемеровскаго «конвертера» увеличилась въ четыре раза, безъ увеличенія и даже съ уменьшеніемъ потребной рабочей силы. Благодаря усовершенствованному способу Гилькристъ-Томаса, четверо рабочихъ производятъ теперь то же количество стали, въ то же самое время и съ гораздо большей экономіей въ матеріалѣ, что раньше—десять рабочихъ. Относительно получаемой экономіи въ матеріалѣ дастъ представленіе то обстоятельство, что на производство одной тонны стальныхъ рельсовъ требуется теперь $2^1/_2$ тонны угля, тогда какъ въ 1868 году требовалось 5 тоннъ.

Удешевленіе желѣза и стали видно изъ слѣдующей, приводимой Д. Уэльсомъ статистики: въ 1870—1871 гг., при постройкѣ одной изъ главнѣйшихъ желѣзныхъ дорогъ на сѣверо-западѣ С. Штатовъ, одна миля стоила въ среднемъ 40.000 долларовъ, въ 1889 году она обходилась вдвое дешевле.

Съ 1878 года сталь очень быстро начинаетъ вытѣснять желѣзо и въ кораблестроеніи.

Всеобщая народная перепись, произведенная въ С. Штатахъ въ 1880 году, показала, сравнительно съ переписью 1870 года, огромное увеличеніе количества добываемыхъ угля и мѣди, при гораздо меньшемъ сравнительно увеличеніи потребныхъ «рукъ» (hands). Такъ, напримѣръ, добыча антрацита увеличилась за этотъ періодъ времени на 82,7%, рабочія же руки—только на 33,2%; добыча мѣди увеличилась на 70,8%, а число рабочихъ—только на 15,8%: все болѣе сильныя и болѣе дешевыя взрывчатыя вещества, какъ динамитъ, всевозможныя буровыя машины и множество другихъ усовершенствованій въ горномъ дѣлѣ, очень просто объясняютъ это явленіе.

Замѣтимъ мимоходомъ, что явленіе это—фактъ гораздо болѣе медленнаго возрастанія числа рабочихъ сравнительно съ ростомъ производства,—блестяще подтверждаетъ лишь слѣдующій экономическій законъ, а именно: что въ капиталистическомъ обществѣ часть капитала, идущая на покупку машинъ и сырого матеріала, т.-е. постояннаго капитала, растетъ въ гораздо болѣе быстрой прогрессіи, чѣмъ та

часть капитала, которая употребляется на покупку рабочей силы, т.-е. чѣмъ перемѣнный капиталъ.

Но вернемся къ новѣйшимъ успѣхамъ техники.

Мы встрѣчаемся теперь на рынкѣ съ замѣчательнымъ явленіемъ: старые продукты, имѣвшіе прежде огромное значеніе, все болѣе теряютъ его и вытѣсняются новыми, которые раньше не могли поступать въ мѣновое обращеніе, такъ какъ ихъ не умѣли эксплуатировать и практически примѣнять.

Съ тѣхъ поръ, какъ стали входить въ употребленіе проволочные канаты, культура конопли все болѣе падаетъ; льноводство вытѣсняется хлопчатой бумагой и другими растеніями, представляющими гораздо болѣе дешевые матеріалы для производства одежды и предметовъ упаковки. Постоянные успѣхи въ фабрикаціи минеральныхъ освѣтительныхъ и смазочныхъ маслъ, раньше неизвѣстныхъ или мало еще распространенныхъ на всемірномъ рынкѣ, теперь успѣшно конкуррируютъ съ растительными маслами и животными жирами, сильно понижаютъ ихъ цѣны и вытѣсняютъ ихъ съ рынка.

Сильнаго конкуррента растительныя масла и животные жиры встрѣтили въ лицѣ, можно сказать, новичка на всемірномъ рынкѣ—хлопчатобумажнаго масла (получаемаго изъ хлопчато-бумажнаго сѣмени): въ сыромъ видѣ оно является прекраснымъ свѣтильнымъ масломъ и введено, например, на многихъ рудникахъ Сѣверо-Американскихъ С. Штатовъ; употребляется такъ же, какъ смазочное масло и для производства разныхъ сортовъ мыла и свѣчъ; очищенное, оно замѣняетъ оливковое масло и свиной жиръ.

Въ то же время утилизируются и отбросы хлопчатобумажныхъ сѣмянъ, до того не находившіе никакого примѣненія.

Натуральный газъ, употребляемый въ качествѣ двигательной силы, имѣетъ теперь въ С. Штатахъ огромное значеніе. Совершенно неизвѣстный раньше, онъ, по разсчетамъ геологическаго бюро Союза, замѣщалъ въ 1887 году, приблизительно, 10 милліоновъ тоннъ угля. Въ ноябрѣ того-же года насчитывали въ Союзѣ 445 сталелитейныхъ и сталепрокатныхъ заводовъ, одна четверть которыхъ употребляла натуральный газъ, какъ топливо, причемъ экономія въ рабочей силѣ—огромная.

Нечего распространяться о томъ, сколько выгодъ и удобствъ это топливо представляетъ въ домашнемъ обиходѣ: прежняя грязная работа разведенія и поддерживанія огня замѣняется легкимъ повертываніемъ крана.

Но натуральный газъ нашелъ себѣ уже въ Америкѣ опаснаго конкуррента въ лицѣ *водяного газа*, добываемаго тамъ изъ антрацита и тяжелыхъ нефтяныхъ остатковъ, и имѣющаго передъ натуральнымъ газомъ то великое преимущество, что его можно получать въ почти неограниченныхъ количествахъ.

Древнее искусство производства *мельничныхъ жерновов*ъ приходитъ въ совершеннѣйшій упадокъ. Жерновые камни принадлежатъ къ древнѣйшимъ изобрѣтеніямъ человѣческаго ума. Теперь они замѣщаются стальными вальцами (вальцовыя мельницы) все болѣе усовершенствованныхъ типовъ, съ помощью которыхъ производятъ больше, лучше и дешевле. Раньше изъ зерна получали $^{2}/_{3}$ муки, теперь—$^{3}/_{4}$.

Та же участь, что жерновой камень, постигла и парусное полотно: съ вытѣсненіемъ паруснаго судоходства паровымъ, спросъ на парусное полотно все болѣе уменьшается. Такъ, напримѣръ, за четырехлѣтіе 1882—1885 гг. потребность въ парусномъ полотнѣ, въ С. Штатахъ, вчетверо уменьшилась, не смотря на сильное развитіе судоходныхъ сообщеній.

До 1872 года почти всѣ хлопчатобумажныя матеріи окрашивались и набивались красильнымъ веществомъ, добывавшимся изъ крапа (красильной марены). Культура крапа занимала тысячи десятинъ земли въ Голландіи, Бельгіи, восточной Франціи, Италіи, Силезіи, Тюрингіи и въ Левантѣ, обработка и приготовленіе его требовали весьма значительныхъ капиталовъ и занимали много сотенъ рабочихъ рукъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Количество крапа, ввезеннаго въ Соединенное Королевство (Великобританію и Ирландію) составляло, въ 1872 году, не менѣе 28,7 милліоновъ англ. фунтовъ, а въ С. Штаты 7,8 милліоновъ. Въ настоящее же время красильное вещество—ализаринъ—добывается изъ каменноугольнаго дегтя на нѣсколькихъ фабрикахъ въ Германіи и Англіи, работающихъ съ небольшими, сравнительно, капиталами и съ небольшимъ количествомъ рабочихъ, и продается по гораздо болѣе дешевой цѣнѣ. И такимъ образомъ, когда-то столь процвѣтавшая культура крапа пришла въ совершенный упадокъ: въ 1887 году Великобританія ввезла не болѣе 2 милліоновъ, а Америка не болѣе 1 милліона фунтовъ.

III.

Обратимся теперь къ другой категоріи фактовъ, рисующихъ намъ успѣхи техники въ производствѣ предметовъ обиходнаго, ежедневнаго употребленія.

Замѣчательный въ этомъ отношеніи примѣръ представляетъ *машинное производство обуви*, гораздо болѣе развитое въ С. Штатахъ, чѣмъ у насъ.

Изъ собранныхъ на одной большой башмачной фабрикѣ, въ одномъ изъ восточныхъ штатовъ, данныхъ явствуетъ, что 100 человѣкъ, работающихъ съ помощью машинъ, вырабатываютъ такое количество женской обуви, какого не выработаютъ 500 ремесленниковъ. На этой же фабрикѣ, при производствѣ другого сорта обуви, «сберегаютъ» трудъ половины рабочихъ, становящихся вслѣдствіе этого «излишними». Другая

извѣстная фирма на Западѣ показала, что если бы ей приходилось работать ручнымъ трудомъ, она должна была бы употреблять вдвое болѣе рабочихъ, при чемъ работа выходила бы гораздо менѣе изящной. По мнѣнію одного фабриканта дѣтской обуви въ Филадельфіи, теперь съ помощью машинъ производятъ въ шесть разъ больше, чѣмъ 30—40 лѣтъ назадъ.

А сколько послѣдовало «сбереженій» человѣческаго труда, сколько рабочихъ рукъ сдѣлались «излишними» съ правильной организаціей нефтянаго дѣла, съ усовершенствованнымъ устройствомъ *нефтепроводовъ*, черезъ которые нефть перемѣщается отъ источниковъ къ заводамъ, съ организаціей наливной перевозки нефти въ наливныхъ пароходахъ, цистернахъ и наливныхъ вагонахъ (американскихъ tank-cars)! Когда въ началѣ 60-хъ годовъ начали добывать нефть, — продуктъ, мимоходомъ сказать, получившій самое широкое распространеніе не только какъ свѣтильное масло, но и употребляемый также въ мелкихъ и среднихъ производствахъ, какъ движущая сила, и въ качествѣ таковаго имѣющаго передъ собою огромную будущность—когда началась, говоримъ мы, добыча нефти, ее приходилось перевозить въ бочкахъ,—неудобная и чрезвычайная дорогая укопорка! Въ настоящее же время вотъ какого рода устройство существуетъ на американскихъ, а съ 1885 года, по иниціативѣ бр. Нобель, и у насъ, на Кавказѣ, нефтяныхъ промыслахъ и которое прекрасно описываетъ въ своихъ лекціяхъ по промышленной химіи и товаровѣдѣнію проф. коммерческаго института въ Антверпенѣ, Шарль Анжено (см. также его брошюру: «Leçons sur le pétrole et ses dérivés», etc. par Charles Angenot).

«Нефть, говоритъ проф. Анжено, выходя изъ источника, перемѣщается по желѣзнымъ трубамъ въ огромнѣйшіе желѣзные резервуары, вмѣстимостью отъ 40 до 50 тысячъ гектолитровъ. Эти трубопроводы и резервуары составляютъ въ Америкѣ собственность Pipe lines Companies (трубопроводныхъ компаній), являющихся посредниками между производителями сырой нефти и заводчиками, занимающимися ея перегонкой, для перевозки сырой нефти отъ промысловъ къ заводамъ. Изъ своихъ резервуаровъ, компаніи эти перемѣщаютъ сырую нефть, по огромной сѣти нефтепроводныхъ трубъ, діаметромъ отъ 2-хъ до 3-хъ дюймовъ, прорѣзывающихъ весь нефтяной районъ, къ станціямъ своихъ желѣзнодорожныхъ линій или къ водянымъ путямъ. Тамъ нефть переходитъ въ большіе цилиндрическіе желѣзные резервуары, помѣщающіеся въ вагонахъ или на пароходахъ и, такимъ образомъ, доставляется въ крупные центры—Питсбургъ, Кливлэндъ, Бостонъ, Балтимора, Филадельфія и др. для перегонки.

«Легко представить себѣ,—прибавляетъ профессоръ,—какая огромная экономія получается благодаря этому способу транспорта, прекрасно характеризующему техническій геній американцевъ».

«Докладъ о торговомъ, промышленномъ и морскомъ движеніи города

Антверпена» за 1883 годъ (Mouvement commercial, industriel et maritime de la place d'Anvers en 1883) даетъ о «pipe lines» еще слѣдующія интересныя свѣдѣнія.

«Всякій, эксплуатирующій нефтяной промыселъ, каждый производитель имѣетъ въ своемъ районѣ одинъ или нѣсколько резервуаровъ, вмѣстимостью отъ 200 до 500 бочекъ. Резервуары эти, черезъ систему трубъ, pipe lines, прорѣзывающихъ всю мѣстность, соединены съ нефтепроводами одной изъ двухъ компаній: United pipe lines C° или Ride Water pipe lines C°.

«Когда производитель наполняетъ свой резервуаръ, онъ призываетъ агента компаніи, отъ котораго получаетъ соотвѣтствующій «сертификатъ» (удостовѣреніе), гдѣ указывается количество и качество нефти; нефть же эта впускается въ общій резервуаръ, common stock, компаніи. Нефть, ежедневно такимъ образомъ образующаяся въ общихъ резервуарахъ, обозначается именемъ pipe line runs.

«Удостовѣреніе, выдаваемое агентомъ компаніи, даетъ предъявителю право на полученіе соотвѣтствующаго количества нефти, при чемъ предварительно приходится уплатить за храненіе и нѣкоторые другіе расходы. Эти же удостовѣренія служатъ предметомъ купли и продажи на нью-іоркской и филадельфійской биржахъ, и въ то же время, прежде чѣмъ попасть въ руки заводчиковъ, даютъ поводъ къ спекуляціямъ, о которыхъ трудно дать представленіе.

«Сертификаты мѣняютъ подчасъ своихъ владѣльцевъ по нѣсколько разъ въ день, и нерѣдко случается, что въ теченіе одной биржи, въ Нью-Іоркѣ, заключаются сдѣлки отъ 15 до 20 милліоновъ бочекъ нефти».

Бутылочное производство было всегда чрезвычайно труднымъ и нездоровымъ промысломъ, при чемъ почти 33% расплавленной массы совершенно терялось и хотя шлаки снова утилизировались, но съ ухудшеніемъ ихъ первоначальнаго качества. Долго здѣсь не наступало значительной перемѣны, пока, въ 1885 году, новѣйшія т. назыв. непрерывныя стеклоплавильныя ванны не начали вытѣснять повсюду стеклоплавильные горны стараго образца.

Экономія, получаемая при непрерывныхъ стеклоплавильныхъ ваннахъ, состоитъ въ томъ, что «ванны» эти употребляютъ сравнительно гораздо меньше топлива, образуютъ гораздо меньше шлаковъ и «сберегаютъ» огромное количество человѣческаго труда. Кромѣ того, онѣ даютъ возможность вести безпрерывное, 24-хъ-часовое производство, что для капиталиста по крайней мѣрѣ имѣетъ огромное значеніе. При старыхъ горнахъ работа могла продолжаться ежедневно не болѣе 10—11 часовъ, и стекольный рабочій могъ приниматься за свою работу только по окончаніи процесса плавленія, по новой же системѣ плавка и производство происходятъ одновременно. Эта внезапная революція въ техникѣ стекольного производства вызвала въ Бельгіи другую революцію, на этотъ разъ въ средѣ рабочихъ стекольныхъ заводовъ бас-

сейна Шарлеруа, откуда она очень быстро распространилась и охватила всю страну: рабочіе разоряли фабрики и заводы, поджигали «замки», словомъ сказать, то былъ въ лѣтописяхъ Бельгіи и бельгійскаго рабочаго движенія столь памятный 1886 «ужасный годъ» (année terrible).

Способный гвоздарь могъ изготовить въ теченіе дня съ помощью молота и наковальни, при чрезвычайной напряженной и тяжелой 13-тичасовой работѣ—каждый гвоздь требовалъ въ среднемъ, приблизительно, 30 ударовъ молотомъ—около 2.000 башмачныхъ гвоздей малаго, 1.500 большого размѣра и отъ 900 до 1.000 подковныхъ гвоздей. При производствѣ машинномъ проволочныхъ штифтиковъ, машинный ножъ однимъ ударомъ образуетъ четырехстороннее остріе, другимъ ударомъ—головку. «Производство происходитъ до того быстро, — писала еще въ 1891 году «Deutsche Metallarbeiter Zeitung»,—что каждая машина изготовляетъ ежедневно не менѣе 100.000 штифтовъ; есть даже машины, которыя употребляютъ въ дѣло двѣ и больше проволокъ одновременно и ежедневно выдѣлываютъ *полмилліона* штифтовъ, при чемъ *шесть* такихъ машинъ требуютъ лишь *одного* рабочаго. Гигантскій техническій прогрессъ отъ молота и наковальни къ машинному производству штифтовъ выступитъ еще ярче, если сопоставить сравнительныя цѣны продуктовъ. Въ то время, какъ тысяча кованыхъ гвоздиковъ самаго малаго размѣра стоитъ, приблизительно, одну марку, тысяча проволочныхъ штифтиковъ малаго размѣра обходится въ два пфенига, причемъ фабрикантъ дѣлаетъ еще скидку и дисконтъ».

Производство *булавокъ* часто служило, какъ извѣстно, примѣромъ для иллюстраціи удивительной производительности человѣческаго труда. Ад. Смитъ уже болѣе ста лѣтъ тому назадъ пользовался этимъ примѣромъ для доказательства огромныхъ преимуществъ *раздѣленія труда*, т.-е. мануфактурнаго раздѣленія ремесла на составныя части. Теперь же мануфактурное производство именно въ этой области давно уже вытѣснено *машиннымъ*, и является поэтому чрезвычайно интереснымъ и поучительнымъ сопоставить результаты обоихъ способовъ производства по не разъ уже цитированному свидѣтельству Ад. Смита и по даннымъ одного оффиціальнаго доклада правительству сѣверо-американскихъ С.-Штатовъ.

Ад. Смитъ писалъ въ 1776 году: «Для примѣра возьмемъ самое незначительное производство, но въ которомъ *раздѣленіе труда* тѣмъ не менѣе весьма замѣтно — булавочную фабрику. Человѣкъ, не обученный этому дѣлу... какъ бы ловокъ онъ ни былъ, едва ли въ состояніи въ продолженіи цѣлаго дня изготовить одну булавку и, безъ всякаго сомнѣнія, *не сдѣлаетъ двадцати.* Но при томъ способѣ, который употребляется въ настоящее время при этомъ производствѣ последнее не только составляетъ отдѣльное ремесло, *но оно раздѣлено еще на многія вѣтви*, изъ которыхъ почти каждая составляетъ отдѣльное ремесло.

«Одинъ работникъ тянетъ проволоку, другой выпрямляетъ ее, третій рѣжетъ, четвертый завастриваетъ, пятый обтачиваетъ конецъ для го-

ловки. Сама головка составляетъ предметъ двухъ или трехъ особенныхъ операцій; выбить ее составляетъ отдѣльное занятіе, чистка булавокъ составляетъ другое; даже прокалывать бумажки и вкалывать въ нихъ булавки составляетъ особенное и отдѣльное занятіе; словомъ, все булавочное производство раздѣляется на восемнадцать, или около того, отдѣльныхъ занятій...

«Я видѣлъ небольшое заведеніе, употреблявшее только *десять* человѣкъ рабочихъ и въ которомъ, поэтому, одному и тому же работнику поручено было два или три занятія. Но... когда работники усердно принимались за дѣло, то они были въ состояніи приготовить въ день около двѣнадцати фунтовъ булавокъ, или болѣе *сорока восьми тысячъ* булавокъ» *).

Таковы чудесные результаты мануфактурнаго производства! Посмотримъ же теперь, какова производительность крупнаго машиннаго производства.

Американскій консулъ Шенкофъ докладывалъ своему правительству, въ 1888 году, слѣдующее: «Поразительные результаты представляетъ собою производство—почти исключительно машинное — винтовъ, гвоздей, иголокъ и булавокъ. При фабрикаціи булавокъ нужно только мѣдную проволоку положить на соотвѣтствующее мѣсто и прикрѣпить ея конецъ и почти человѣкоподобный механизмъ со своими желѣзными пальцами оканчиваетъ все остальное. Одна машина изготовляетъ 180 булавокъ въ минуту; она рѣжетъ проволоку, дѣлаетъ головку, заостриваетъ концы и опускаетъ въ надлежащее мѣсто готовыя булавки. Ежедневное производство машины составляетъ 180.000 булавокъ. Посѣщенная мною фабрика работала съ 70 машинами и общее производство ихъ составляло $7^1/_2$ *милліоновъ булавокъ въ день*! При машинахъ работаютъ всего *три* человѣка. Одинъ машинистъ и одинъ подростокъ-рабочій заняты починкою машинъ».

Иными словами, во времена Ад. Смита считалось чудомъ, что десять человѣкъ рабочихъ изготовляли ежедневно 48.000 булавокъ. Теперь же, при машинномъ способѣ производства, трое рабочихъ, вся работа которыхъ заключается собственно въ одномъ лишь надзорѣ за машиной, производятъ ежедневно $7^1/_2$ мил. булавокъ.

IV.

Успѣхи техники—примѣненіе машинъ и усовершенствованныхъ способовъ производства—идутъ очень быстро впередъ и въ *сельскомъ хозяйствѣ*; во всѣхъ земледѣльческихъ странахъ совершается процессъ индустріализаціи земледѣльческой промышленности, но особенно быстро процессъ этотъ развивается въ Сѣверо-Американскихъ С. Штатахъ.

*) Ад. Смитъ, «Изслѣдованія о природѣ и причинахъ богатства народовъ», пер. П. А. Бибикова, т. I, стр. 98—99. Спб. 1866.

Останавливаться на немъ мы не станемъ, такъ какъ этотъ вопросъ былъ подробно разсмотрѣнъ въ статьяхъ г. Крживицкаго въ «М. Б.», въ прошломъ году.

Мы намѣрены еще коснуться въ немногихъ словахъ нѣкоторыхъ измѣненій, происшедшихъ за послѣднія десятилѣтія въ *торговлѣ*.

Гибель мелкаго ремесла, упадокъ мелкаго крестьянскаго хозяйства и мелкой торговли—«банкротство средняго сословія», какъ выражается американскій публицистъ Lucien Sanial—есть несомнѣнно самое рѣзкое, самое характерное экономическое явленіе послѣднихъ десятилѣтій.

Приведемъ только двѣ-три цифры. Въ 1896 г., изъ 1.150.000 торговыхъ фирмъ, существовавшихъ въ С. Штатахъ и Канадѣ, 224.534 фирмы или, приблизительно, 20% обанкротились или ликвидировали свои дѣла, потерявъ послѣдній долларъ. Изъ числа обанкротившихся фирмъ 80% обладали капиталомъ до 5.000 долларовъ, а 14%—отъ 5.000 до 20.000 тысячъ долларовъ.

По этому разсчету выходитъ, говоритъ по поводу этихъ цифръ Lucien Sanial, что достаточно было бы 5 лѣтъ, чтобы всякая фирма, обладающая менѣе, чѣмъ 20.000 д., исчезла изъ С. Штатовъ и Канады и чтобы вся торговля этихъ странъ сосредоточилась въ рукахъ нѣсколькихъ милліонеровъ.

Число кандидатовъ на банкротство было до сихъ поръ достаточно велико, чтобы наполнить собою пустоту, обнаруживающуюся въ торговыхъ адресъ-календаряхъ (business-directories), благодаря исчезновенію ихъ злосчастныхъ предшественниковъ; но и эти кандидаты долго продержаться не могутъ, и тогда всякому бросится въ глаза исчезновеніе, «банкротство средняго сословія».

Вышеприведенныя цифры, прибавляетъ Sanial, содержатъ такую долю реализма, до какой не могъ бы дойти самъ Золя. Онѣ скрываютъ подъ собою въ высшей степени драматическую картину самой отчаянной борьбы за существованіе; они содержатъ въ себѣ гораздо больше философіи и истинной исторіи, чѣмъ какая когда-либо писалась, такъ какъ это печальное исчезновеніе когда-то столь сильныхъ среднихъ классовъ, сто лѣтъ тому назадъ уничтожившихъ гордость феодальныхъ лордовъ и произведшихъ огромный переворотъ во всемъ мірѣ,—паденіе и исчезновеніе этихъ классовъ не имѣетъ себѣ ничего подобнаго въ исторіи.

Мы не будемъ долго останавливаться на *технической* сторонѣ революціи, происшедшей за послѣднія десятилѣтія въ торговлѣ, благодаря пару и электричеству, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, телеграфамъ и пароходамъ. Ограничимся двумя-тремя фактами, наиболѣе ярко иллюстрирующими эту сторону вопроса.

Торговля бѣлой жестью требовала, напр., въ Америкѣ, до введенія пароходовъ и телеграфовъ, огромныхъ амбаровъ, гдѣ складывалась жесть всевозможныхъ сортовъ и величины, въ ожиданіи спроса.

Владѣльцамъ этихъ складовъ приходилось тратить много трудовъ и

денегъ на собираніе необходимыхъ свѣдѣній о внутреннемъ и иностранномъ жестяномъ производствѣ, чтобы на основаніи этихъ свѣдѣній дополнять свои запасы изъ разныхъ странъ производства. Но сколько проходило времени, пока свѣдѣнія изъ Европы доходили до Америки, пока дѣлался заказъ и получался товаръ! Въ настоящее же время всякій, интересующійся этимъ дѣломъ, можетъ прочесть въ курсовой таблицѣ о положеніи жестяного дѣла во всемъ мірѣ. Люди, являющіеся посредниками въ этомъ дѣлѣ, не нуждаются больше въ большихъ складахъ. Они узнаютъ, что тутъ нужно строить желѣзнодорожный мостъ, что тамъ необходимо имѣть 70.000 жестянокъ для консервовъ, и отправляются къ желѣзнодорожному предпринимателю, къ фабриканту или купцу, предлагая доставить имъ необходимое къ извѣстному близкому сроку и по послѣдней цѣнѣ не только нью-іоркскаго, но и всемірнаго рынка. Посредникъ получаетъ за это свою коммиссію—составляющую, быть можетъ, лишь дробь $1^0/_0$—заказчикъ по полученіи товара оплачиваетъ свой вексель, и весь этотъ процессъ совершается безъ товарныхъ складовъ со всѣми необходимыми при этомъ рабочими, служащими, бухгалтерами, и безъ довольно многочисленныхъ посредниковъ, которые раньше сопровождали товаръ отъ мѣста его производства до самаго его потребленія.

Извѣстно, что открытіе Суэзскаго канала подорвало всю такъ называемую «индѣйскую складочную или доковую систему» въ Англіи не только потому, что страны Средиземнаго моря вновь получили, благодаря прорытію канала, огромное значеніе для торговыхъ сношеній съ восточной Азіей, но и потому, что, вслѣдствіе огромнаго сокращенія пути и усиленнаго товарнаго обращенія, старая система стала вообще никуда негодной.

До 1869 года направленіе западно-европейской торговли съ Индіей и Остъ-Азіей медленно шло вокругъ Африки и мыса Доброй Надежды, и длилась—при преобладающемъ парусномъ судоходствѣ—отъ 6 до 8 мѣсяцевъ. Чего только не могло произойти за этотъ длинный періодъ времени: могли наступить дурныя жатвы, войны могли совершенно парализовать международныя сношенія, могло произойти, словомъ, много непредвидѣннаго; это и послужило причиной къ созданію, главнымъ образомъ, въ англійскихъ портахъ—откуда она распространилась по всей Европѣ—цѣлой системы искусственныхъ бассейновъ или доковъ, гдѣ собирались и скоплялись огромные запасы индѣйскихъ и китайскихъ продуктовъ.

Но тутъ открытъ былъ Суэзскій каналъ, парусный флотъ сталъ замѣщаться паровымъ, въ свою очередь все болѣе и болѣе усовершенствованнымъ; въ теченіе 30 и даже еще меньше дней можно было получить изъ Азіи любой товаръ. Къ чему, въ такомъ случаѣ, огромные склады при докахъ, требовавшіе очень большихъ капиталовъ и очень много труда. Коммиссіонеръ въ любомъ торговомъ европейскомъ центрѣ

заказываетъ по телеграфу джутъ, хлопчатую бумагу, колоніальные товары, каучукъ, словомъ, любой потребный фабриканту продуктъ; гдѣ-то, въ одномъ изъ восточно-азіатскихъ портовъ, стоитъ уже готовый къ нагрузкѣ пароходъ, чтобы отправиться въ путь. Черезъ четыре недѣли грузъ получается въ Англіи, въ еще менѣе короткій срокъ— въ одномъ изъ средиземныхъ портовъ.

Въ настоящее время, въ большихъ городахъ Европы и Америки, не только крупные оптовые, но и болѣе и менѣе крупные розничные купцы находятся въ прямыхъ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Китаемъ и Индіей. Европейскіе фабриканты посылаютъ своихъ странствующихъ приказчиковъ въ Азію, Австралію и Америку и завязываютъ тамъ, въ свою очередь, непосредственныя торговыя сношенія.

Чрезвычайно интересный фактъ передаетъ американскій писатель Уэльсъ въ своей книгѣ, трактующей о томъ же предметѣ, что и наша статья.

«Зимою 1884 года, — разсказываетъ онъ, — я ѣздилъ изъ Нью-Іорка въ Вашингтонъ вмѣстѣ съ однимъ крупнымъ бостонскимъ купцомъ, находившимся въ торговыхъ сношеніяхъ съ Остъ-Индіей. Когда я, по прибытіи въ Вашингтонъ, встрѣтился вечеромъ съ моимъ купцомъ, онъ обратился ко мнѣ со словами: я имѣю, сэръ, передать вамъ вещь, которая несомнѣнно представитъ для васъ большой интересъ. Когда я вчера передъ обѣдомъ выѣхалъ изъ Бостона, я телеграфировалъ своему агенту въ Калькуттѣ: если найдете по такой-то цѣнѣ столько-то кожи и джута и сможете отправить ихъ съ первымъ отходящимъ пароходомъ, то покупайте и отправляйте. Когда я сегодня послѣ обѣда прибылъ въ Вашингтонъ, передо мною лежала телеграмма моего бостонскаго компаньона, гдѣ мнѣ сообщаютъ, что нашъ калькутскій агентъ отвѣтилъ: кожи и джутъ купилъ, зафрахтовалъ пароходъ, началъ нагрузку». Прежде для подобной же операціи требовались недѣли и мѣсяцы, масса посредниковъ и складовъ.

V.

Разсчитываютъ, что сила одного лишь пара составляетъ теперь на всемъ земномъ шарѣ 200 милліоновъ лошадиныхъ силъ, другими словами—доставляетъ какъ бы современному человѣчеству 1 милліардъ даровыхъ желѣзныхъ рабовъ, а каждому *рабочему* человѣку въ отдѣльности — принимая, что одна треть всего народонаселенія земного шара, равняющагося, вѣроятно, 1½ милліардамъ человѣкъ обоего пола и всякаго возраста, является дѣятельнымъ факторомъ производства— по крайней мѣрѣ, одного раба.

Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ въ самые цвѣтущіе періоды рабства на землѣ. При этомъ можно смѣло утверждать, что все это человѣчество пріобрѣло, главнымъ образомъ, за послѣднія 30—35 лѣтъ,

такъ какъ 4/5 изъ имѣющихся теперь въ нашемъ распоряженіи паровыхъ двигателей широко введены лишь послѣ 1865 года.

Но кто знаетъ, какъ долго еще паровая машина будетъ играть ту роль, которую она играетъ въ экономической жизни настоящаго времени. Дѣло въ томъ, что, какъ бы высоко мы ни цѣнили услуги, которыя паровая машина оказала и оказываетъ челонѣчеству, какъ бы мы ни восхищались ея удивительнымъ устройствомъ, нельзя все-таки, съ другой стороны, отрицать того, что она имѣетъ и очень много недостатковъ.

Она недостаточно утилизируетъ, напр., необходимую для нея теплоту, и въ производственномъ процессѣ выступаетъ лишь 1/6 часть силы, заключающейся въ потребляемомъ ею горючемъ матеріалѣ, въ то время, какъ мы уже и теперь обладаемъ двигателями, эффективная сила которыхъ равняется 75%.

Вотъ почему паровая машина не есть послѣднее слово техническаго прогресса.

Объ этомъ давно уже твердятъ какъ люди науки, такъ и техники-практики. Еще въ 1888 году, сэръ Фридрихъ Браумэлль высказалъ въ англійской «Association for the Promotion of Science» мысль, что дни паровой машины сочтены, и что «когда Британская Ассоціація,—говорилъ онъ,—будетъ праздновать въ 1931 году столѣтній юбилей своего существованія, теперешняя паровая машина будетъ уже, вѣроятно, стоять въ музеяхъ древности и вызывать одно только удивленіе».

Машина—двигатель будущаго не будетъ, вѣроятно, нуждаться въ посредствѣ водяного пара, какъ мы уже и въ настоящее время, при газовыхъ двигателяхъ, сжиганіе газовъ непосредственно примѣняемъ къ производству.

А одинъ нѣмецкій писатель утверждаетъ, что человѣчество скоро научится эксплуатировать и практически примѣнять неисчерпаемыя силы воздуха и воды.

Вѣдь и теперь уже вода и вѣтеръ утилизируются во многихъ производствахъ въ качествѣ двигательныхъ силъ. Но что это значитъ въ сравненіи съ тѣмъ, чего мы еще не утилизируемъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что могъ бы доставить намъ, наприм., одинъ только Ніагарскій водопадъ, сила котораго исчисляется въ 12½ милліоновъ лошадиныхъ силъ. А сколько еще другихъ водъ на землѣ! А вѣдь сила воды, какъ и сила вѣтра, буквально неисчерпаема. Правда, для утилизированія, для практическаго примѣненія этихъ силъ, человѣчеству необходимо преодолѣть еще много, очень много трудностей, но несомнѣнно, что практическое разрѣшеніе этихъ трудностей является лишь вопросомъ времени.

Техническія революціи настоящаго, произведя огромный, колоссальный переворотъ во всей нашей жизни, являются въ то же время предвозвѣстниками еще бо̀льшихъ революцій въ ближайшемъ будущемъ.

Б. Воль—нъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Украинскій вечеръ.

(Посвящается В. В. Голубеву).

Въ розовомъ сумракѣ ивы плакучія
Надъ пыльной дорогою спятъ;
Шорохи вечера, струи пѣвучія
Неясно плывутъ и дрожатъ...

Улица мазанокъ, тихо мечтающихъ
Въ листвѣ голубыхъ тополей;
Прудъ, вереница крестьянъ проѣзжающихъ,
И легкія ткани тѣней—

Все выдается узорами нѣжными
Въ сіяньи закатныхъ лучей.
Издали кажутся хлопьями снѣжными
Стада бѣлокрылыхъ гусей.

Поле уносится въ даль безпредѣльную.
Покоенъ туманистый сводъ.
Вечеръ украинскій пѣснь колыбельную
Душѣ восхищенной поетъ...

Финляндія.

Безмолвный край, угрюмый край, холодный край!
Вездѣ—покой унылаго простора,
Вездѣ—туманъ и сѣрыя озера...
Моихъ осеннихъ думъ, пѣвецъ, не нарушай!

Кругомъ меня—признанья вѣчной тишины,
Небесъ усталыхъ блѣдное сіянье,
Громады скалъ и сосенъ колыханье,
И однозвучный плескъ береговой волны...

Моихъ осеннихъ думъ, пѣвецъ, не нарушай!
Кругомъ—обвѣянный мечтой невнятной,
Печалью призрачной и необъятной—
Безмолвный край, угрюмый край, холодный край.

Что же, пускай разлюбила она!
Чашу любви не извѣдавъ до дна,
Я повторяю съ улыбкой во взорѣ:
Горе любви—вдохновенное горе.

* *
*

Ночь наступила. Ея тишина
Грустью былыхъ упованій полна.
Звѣзды колеблются въ темномъ просторѣ...
Горе любви, безотвѣтное горе...

* *
*

На́ морѣ—буря. Сѣдая волна
Бьется о берегъ дика и шумна;
Стонетъ, грозитъ возмущенное море:
Горе любви, неутѣшное горе!

(Посвящается З. А.)

Темноокая! мѣрила
Нѣтъ любви необозримой.
У души неуловимой,
Если разъ она любила,
Подъ таинственнымъ покровомъ
Всѣхъ оттѣнковъ переливы...
Человѣческимъ ли словомъ
Передать ея порывы?
Вѣдь любовь, какъ смерть—загадка;
Всѣ слова въ ея просторѣ;
Какъ въ немолчно-шумномъ морѣ,
Нѣтъ въ ней цѣли, нѣтъ порядка...

Что порокъ? и что святое?
Гдѣ потемки? гдѣ сіянья?
Гдѣ сомнѣнья? гдѣ мечтанья?
Гдѣ кончается земное?
Мракъ ли нуженъ для зарницы?
Или грозамъ блескъ лазури?
И къ чему, зачѣмъ границы,
Тамъ, гдѣ царство грезъ и бури,
И молитвы, и объятья,
Гдѣ встрѣчаются, какъ братья,
Рай блаженствъ и адъ кромѣшной,
И любовь поетъ, чаруя
Красотою ласки грѣшной,
Нѣжной болью поцѣлуя!
Въ этой пѣснѣ духовъ буйныхъ
Голоса неукротимы,
И на арфахъ сонно-струйныхъ
Славословятъ серафимы...

Звѣзда.

Какъ странно... Когда я гляжу въ небеса,
И звѣздочка вдругъ упадетъ въ вышинѣ,
Мерцая лучами, все кажется мнѣ,
Что гдѣ-то надъ нами упала слеза.

* * *

Какъ странно... Любуясь тобой, иногда
Я вижу слезу въ твоихъ синихъ глазахъ.
И чудится мнѣ, далеко въ небесахъ
Упала, дрожа, золотая звѣзда.

Любишь ты все, что волною туманною,
Вкрадчивымъ шепотомъ въ сердце вливается,
Сердце баюкаетъ, грезою странною,
Сказкой невѣдомой въ немъ откликается.
Любишь ты все, что боится признанія,
Все невозможное, недостижимое,
Горе неясное, необъяснимое,
Грусть безпричинную, грусть безъ названія...
Полно!..

Сергѣй Маковскій.

СТУДЕНТКА.

Романъ Грэхэмъ Трэверса.

Переводъ съ англійскаго З. Журавской.

(*Продолженіе* *).

XX.

Сентъ-Рульсъ.

На другое утро, когда Мона сошла внизъ къ завтраку, Рэчель окинула ее критическимъ взглядомъ и осталась недовольна.

— Удивляюсь, какъ вамъ не надоѣстъ это платье,—начала она, разливая чай изъ *коричневаго* чайника.—Оно, конечно, очень мило и почти-что новое, но вѣдь скучно носить все одно и то же; какъ-то невольно хочется видѣть на васъ что-нибудь посвѣтлѣе, что-нибудь болѣе подходящее для молодой дѣвушки. Вотъ жаль, что ваше батистовое платье въ стиркѣ.

Мона посмотрѣла въ окно.

— У меня есть другое. Вы думаете, дождя не будетъ?

— О, нѣтъ! Притомъ же вы можете взять съ собой ватерпруфъ.

— Я не столько боюсь испортить платье, сколько ненавижу быть одѣтой несоотвѣтственно погодѣ; впрочемъ, сегодня, кажется, чудный день.

Она вышла, какъ только завтракъ былъ оконченъ, и черезъ десять минутъ вернулась въ свѣтломъ платьѣ и шляпкѣ.

— Ну-съ, надѣюсь, теперь вы довольны?—спросила она, приседая.

— Честное слово! вы смотрите настоящей леди. И матерія недорогая. Вы, положительно, могли бы прослыть красавицей, еслибъ дали себѣ трудъ хорошо одѣваться. Эта шляпка удивительно вамъ идетъ!

— Дали себѣ трудъ хорошо одѣваться! — мысленно воскликнула

---

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ.

Мона.—Недурно! И это приходится выслушивать женщинѣ, для которой туалетъ—первое дѣло въ жизни!

Онѣ дошли пѣшкомъ до Киркстоуна, а тамъ сѣли въ дилижансъ. Мона предпочла бы сидѣть снаружи, но Рэчели хотѣлось пустить пыль въ глаза попадавшимся навстрѣчу знакомымъ, притомъ же она находила, что «за свои деньги» лучше сидѣть внутри. Къ счастью, пассажировъ было немного, и Монѣ удалось помѣститься съ навѣтренной стороны, такъ, чтобы не особенно страдать отъ близкаго сосѣдства двухъ торговокъ рыбой.

Около двѣнадцати онѣ пріѣхали въ Сентъ-Рульсъ и принялись довольно безцѣльно бродить по улицамъ, заходя осматривать разныя достопримѣчательности. Рэчель имѣла такое же слабое представленіе объ обязанностяхъ чичероне, какъ объ отдѣлкѣ шляпъ, искусствѣ печь блины и завѣдываніи могазиномъ,—вообще, о вещахъ дѣйствительно полезныхъ,—и все время находилась въ нервномъ возбужденіи, боясь, какъ бы какой-нибудь гидъ по профессіи не навязалъ имъ своихъ услугъ, за которыя потомъ придется расплачиваться.

Сезонъ уже прошелъ и пріѣзжихъ въ городкѣ было мало, поэтому изящное платье Моны обращало на себя большое вниманіе. Какъ оно ни было просто, она успѣла уже сто разъ пожалѣть, что надѣла его: безвкусный туалетъ Рэчели могъ бы пройти незамѣченнымъ, а теперь, по контрасту, онъ еще болѣе бросался въ глаза.

Она положительно обрадовалась, когда онѣ дошли до кондитерской, но въ дверяхъ Рэчель почтительно посторонилась, чтобы пропустить впередъ даму, подъѣхавшую за ними въ «собственномъ экипажѣ», а затѣмъ спросила порцію пирожковъ вполголоса и съ такимъ сконфуженнымъ видомъ, какъ будто не имѣла права заказывать здѣсь что-нибудь одновременно съ такой важной особой. Бѣдная Мона! Она вспомнила леди Мунро и вздохнула.

— Въ сущности, теперь намъ осталось посмотрѣть только одно,—говорила Рэчель, вытирая руки о скомканный бумажный мѣшокъ, лежавшій возлѣ нея на диванчикѣ:—это зàмокъ. Я тамъ посижу, отдохну, а то у меня уже ноги болятъ, а вы побѣгайте, осмотрите все хорошенько.

Хорошо, что у Рэчели хватило ума приберечь зàмокъ на закуску. Вся досада и раздраженіе Моны растаяли при видѣ бархатнаго зеленаго дерна подъ ногами, яснаго синяго неба надъ головой и величественныхъ развалинъ вокругъ. Она бродила по этимъ развалинамъ, заглядывая въ каждую щелку, какъ вдругъ, въ одномъ укромномъ уголкѣ, наткнулась на молодого человѣка и барышню, о чемъ-то горячо толковавшихъ между собой. Барышня вздрогнула и отвернулась; Мона поспѣшила уйти, чтобы не мѣшать имъ.

— Гдѣ я видѣла это лицо?—думала она.—Я несомнѣнно видѣла его и даже недавно. Ага, знаю! Это та глупая маленькая обезьянка, Ма-

тильда Куксонъ. Надѣюсь, что этотъ молодой человѣкъ не имѣетъ дурныхъ намѣреній.

Черезъ минуту «глупая маленькая обезьянка» вылетѣла у нея изъ головы—на зеленомъ пригоркѣ, смѣясь и разговаривая съ Рэчелью, стоялъ докторъ Дудлей.

Невольный порывъ удивленія и радости, тревожное чувство при мысли, что̀ скажетъ Рэчель, удовольствіе отъ сознанія, что на ней хорошенькое свѣтлое платье,—все это молніей пронеслось въ душѣ Моны, пока она переходила черезъ лужайку.

— Ну,—сказалъ Дудлей, когда она подошла,—это мѣстечко можетъ дать десять очковъ впередъ даже за̀мку Маклинъ.

— Вы думаете?—серьезно переспросила Мона.—Это большая похвала.

Онъ засмѣялся.

— Вы уже видѣли угрюмую старую башню?

— Нѣтъ еще. Я какъ разъ шла туда.

Онъ пошелъ вмѣстѣ съ нею. На верхней площадкѣ они остановились и, опершись на перила, стали смотрѣть въ мрачную темную бездну. На разстояніи нѣсколькихъ футовъ отъ вершины, роскошный папоротникъ, выросшій изъ разсѣлины, раскинулъ надъ темными сырыми камнями свои нѣжные, блѣдно-зеленые листья.

— Какая прелесть!—вырвалось у Моны.

— Да, и въ этой мрачной обстановкѣ онъ кажется еще краше.

— Можетъ быть, но природа создала его не для этого.

— Вы правы; но кто захотѣлъ бы перенести его отсюда!

Онъ отвернулся и сталъ смотрѣть вдаль, на море.

— Эта башня всегда приводитъ меня въ уныніе. Она напоминаетъ мнѣ «разсказы о мученикахъ», которые я читалъ въ дѣтствѣ. Мнѣ и сейчасъ представляется семья, сидящая вокругъ пылающаго костра, и слышится испуганный шепотъ: «Да, не веселая штука провести ночь въ Сентъ-рульской башнѣ!» Какія превратныя понятія объ исторіи внушаютъ намъ въ дѣтствѣ!

И онъ началъ декламировать, какъ бы про себя:

«Sitzt das kleine Menschenkind
An dem Ocean der Zeit.
Schöpft mit seiner kleinen Hand
Tropfen aus der Ewigkeit» *),

Мона подняла на него заблестѣвшіе глаза и отвѣтила:

«Schöpfte nicht das kleine Menschenkind
Tropfen aus dem Ocean der Zeit,
Was geschieht verwehte wie der Wind
In den Abgrund öder Ewigkeit» **).

*) Маленькое человѣческое дитя сидитъ у океана временъ и черпаетъ маленькой ручкой капли изъ вѣчности.

**) Если бы маленькое человѣческое дитя не черпало капель изъ океана временъ, все, что происходитъ, развѣянное вѣтромъ, исчезло бы безъ слѣда въ пустынной бездне вѣчности.

— Продолжайте, продолжайте, — говорила она, не смущаясь его нескрываемымъ удивленіемъ,—самая лучшая строфа послѣдняя.

И онъ продолжалъ:

«Tropfen aus dem Ocean der Zeit
Schöpft das Menschenkind mit kleiner Hand
Spiegelt doch, dem Lichte zugewandt,
Sich darin die ganze Ewigkeit» *).

— Не знаю,—молвилъ онъ печально,—въ тѣхъ капляхъ, которыя достались мнѣ, вѣчнаго было очень мало.

— Вамъ такъ кажется теперь, — возразила Мона,—но когда вы состаритесь настолько, чтобы обратить ихъ къ свѣту, вы увидите и въ нихъ вѣчное.

Лицо его прояснилось въ улыбку.

— Эта дѣвушка—точно оборотная сторона моего собственнаго *я*,— подумалъ онъ.

Они медленно возвратились къ Рэчели.

— Вы охотница до зрѣлищъ?

— Этотъ вопросъ слишкомъ обширенъ. Сократите его.

— Нѣтъ, я лучше рѣшу его самъ. Вы не слишкомъ устали, чтобы вернуться обратно въ городъ?

— Ни чуточки не устала.

Узнавъ, въ чемъ дѣло, Рэчель поспѣшила подняться съ мѣста съ помощью Моны и толстаго зонтика. Она охотно посидѣла бы еще, чтобы «дать покой ногамъ», и ей даже въ голову не приходило, что молодую дѣвушку не слѣдуетъ отпускать одну, но честь прогуляться по улицамъ Сентъ-Рульса въ обществѣ доктора Дудлея была слишкомъ велика, чтобы пренебречь ею.

Первые полчаса доставили Монѣ гораздо болѣе огорченій, чѣмъ удовольствія. Она употребляла всѣ усилія, чтобы выказать Рэчель съ самой лучшей стороны, но при данныхъ обстоятельствахъ это было не такъ-то легко.

Съ низшими Рэчель нерѣдко бывала проста, естественна, даже симпатична; но въ обществѣ людей, которыхъ она почему-либо считала выше себя, ея врожденная вульгарность обязательно выходила наружу. Мона слишкомъ хорошо понимала доктора Дудлея, чтобы не знать, что онъ не питаетъ королевскаго презрѣнія къ такъ-называемой «внѣшности», и страдала больше за него, чѣмъ за себя.

Ей не приходило въ голову, что Рэчель весьма усердно разыгрывала роль сырой, темной стѣны, служившей такимъ выгоднымъ фономъ для нѣжнаго папоротника.

— И во всемъ этомъ онъ самъ виноватъ, — съ негодованіемъ думала Мона. — Къ чему было ставить насъ обѣихъ въ такое нелѣпое

*) Маленькое человѣческое дитя маленькой ручкой черпаетъ лишь капли изъ океана временъ, но въ этихъ капляхъ на свѣту отражается цѣлая вѣчность.

положеніе?! Теперь мнѣ еще придется смотрѣть за Рэчелью, чтобы она не болтала объ этомъ всѣмъ и каждому.

Къ счастью, хотя Рэчель оставалась любезной до конца и все время плелась за ними, скоро она такъ утомилась, что не въ состояніи была говорить, и Мона могла спокойно наслаждаться прогулкой. Докторъ Дудлей или зналъ Сентъ-Рульсъ наизусть, или обладалъ волшебнымъ даромъ угадывать, что̀ именно было достойно вниманія. Любопытныя рукописи и полустертыя надписи; окна изъ цвѣтныхъ стеколъ и остатки чудесной рѣзьбы; забытыя картины; древніе старики и старушки, какъ бы сросшіеся съ тѣми зданіями, въ которыхъ они состарились—все по очереди давало пищу его блестящей импровизаціи. Онъ не даромъ жаловался, что страсть къ разговорамъ когда-нибудь погубитъ ого.

Подъ конецъ они еще разъ обошли руины собора.

— «Раззорите гнѣзда», и грачи улетятъ,—съ горечью процитировалъ докторъ Дудлей.—Зато здѣсь передъ нами изнанка «разсказовъ о мученикахъ».

— Все это восхитительно,—сказала Мона, когда онъ усаживалъ ихъ въ дилижансъ,—но нужны особенные глаза, чтобы все это видѣть.

— Все становится интереснѣе, когда оно пропущено сквозь «призму темперамента». Очень радъ, если могъ послужить вамъ своимъ.

Вечеромъ каждый изъ трехъ раздумывалъ про себя о прогулкѣ.

— Все это вышло чрезвычайно удачно, принимая во вниманіе, что я самъ этого искалъ,—думалъ Дудлей.—Я былъ увѣренъ, что ничего не выйдетъ. Она *должна* была случайно встрѣтить суконщика.

— Онъ настоящій джентльменъ и удивительно уменъ,—думала Рэчель,—и, кажется, обрадовался встрѣчѣ не меньше насъ. Но какъ у меня болятъ ноги!

— Мнѣ надоѣло это притворство,—думала Мона.—При первомъ же удобномъ случаѣ попрошу у Рэчели позволенія сказать ему всю правду. Можетъ быть, онъ найдетъ, что такъ и слѣдовало поступить.

Но на другой день за обѣдомъ, Рэчель спокойно сообщила ей, что докторъ Дудлей уѣхалъ.

— Онъ только-что прошелъ на станцію съ саквояжемъ въ рукахъ, а за нимъ Билль повезъ на тачкѣ цѣлую кучу вещей. Я нахожу страннымъ, что онъ не зашелъ къ намъ проститься послѣ того, какъ мы вчера почти цѣлый день провели вмѣстѣ!

Мона улыбнулась немного грустно, думая про себя: «Какъ мужчина, онъ нисколько не лучше Саиба, но у меня никогда въ жизни не было такого товарища!»

XXI.

«Летучій Шотландецъ».

Нѣсколько дней спустя къ ней вошла Рэчель, вся сіяющая, крича еще на порогѣ:

— Угадайте, отъ кого я получила письмо? Отъ племянницы. Хотите послушать?

— Очень хочу. Еще бы! первыя воспоминанія въ новомъ краю! Это первое письмо отъ нея?

— Нѣтъ, второе. Она не мастерица писать письма, но въ этомъ больше «впечатлѣній». Она говоритъ, что тамъ ужасно трудно достать прислугу.

Рэчель углубилась въ чтеніе довольно длиннаго посланія и Мона должна была чуть не въ первый разъ въ жизни вполнѣ согласиться съ кузиной: ея племянница, дѣйствительно, была «не мастерица писать письма».

Это было вечеромъ и Мона только что вернулась съ прогулки по берегу. Она рѣдко выходила въ сумерки послѣ чаю, но нельзя отрицать, что послѣдніе нѣсколько дней прошли не очень-то весело, и моціонъ представлялся желательнѣе, чѣмъ когда-либо. Пока докторъ Дудлей не уѣхалъ, она не отдавала себѣ отчета въ томъ, насколько случайныя встрѣчи съ нимъ и бесѣды дѣлали для нея привлекательнѣе жизнь въ Борроунессѣ, но теперь созналась себѣ въ этомъ, не колеблясь ни минуты.

— Мнѣ такъ грустно, какъ будто я потеряла Дорисъ или Люси; и дѣйствительно, въ такой глуши симпатичный знакомый прямо находка. Здѣсь можно впасть въ меланхолію отъ потери умной собаки или любимой канарейки. Самый фактъ обилія влюбленныхъ женщинъ бросаетъ мрачный свѣтъ на жизнь, которую они ведутъ. Бѣдняжки! Завтра же напишу въ Тильбёри, чтобы мнѣ выслали сюда мой маленькій ящикъ съ книгами. Два часа внимательнаго чтенія ежедневно—прекрасная панацея отъ большинства болѣзней.

Придя къ этому благоразумному рѣшенію, она пошла домой и застала Рэчель блаженствующей надъ письмомъ племянницы.

— Ахъ, да, я совсѣмъ забыла,—вспомнила вдругъ Рэчель:—тамъ есть письмо и посылка для васъ. Они, должно быть, лежатъ на стулѣ за дверью.

Мона прошла туда.

— Ничего интереснаго,—объявила она,—по крайней мѣрѣ, я не узнаю почерка ни на одномъ. Должно быть, какая-нибудь просьба.

Она распечатала сперва посылку, осторожно развязывая узлы и смутно соображая, отчего это отъ нея такъ странно пахнетъ сыростью.

Слова «модныя отдѣлки», напечатанныя золотыми буквами на одной сторонѣ ящика, очевидно, относились не къ его содержимому, потому что когда Мона сняла крышку, глазамъ ея предстала масса сырой и темной растительности. Рэчель въ ужасѣ всплеснула руками.

— Ну, можно ли присылать подобную гадость. Еще, пожалуй, въ домѣ заведутся гусеницы и черви!

Сверху лежалъ листокъ отсырѣвшей почтовой бумаги, сложенный вдвое, въ длину. Мона взяла его.

— Ахъ, вотъ что! Какъ это мило! Это отъ мистера Броуна. Онъ ходилъ собирать растенія и прислалъ мнѣ все, что нашелъ.

— Это надо съ ума сойти,—внутренно возмущалась Рэчель.—Посылать по почтѣ такую дрянь, которая годна только въ печь, и платить за пересылку! Теперь даже и ящикъ никуда не годится послѣ того, какъ въ немъ полежалъ этотъ мусоръ.

Къ счастью, прежде чѣмъ она успѣла излить вслухъ свое негодованіе, въ умѣ ея мелькнула блестящая мысль.

— Абсолютно эта посылка, безспорно, мусоръ, но относительно она можетъ оказаться въ высшей степени цѣнной. Всякій знаетъ, что у суконщика не хватаетъ одной клёпки въ головѣ, но никто изъ-за этого не считаетъ его негоднымъ въ городскіе головы, или въ женихи. Мона вѣдь тоже «съ придурью». Она не меньше его дорожитъ всѣми этими травами. Въ этомъ отношеніи они какъ разъ пара. И потомъ—вѣдь вотъ какъ удивительно складывается все въ жизни!—это прекрасный случай для Моны примѣнить на практикѣ свои несомнѣнныя дарованія. Она рождена для торговли, а у мистера Броуна дѣло ведется на широкую ногу; лучшаго трудно желать; если же онъ дѣйствительно займетъ высокое общественное положеніе, какой же изъ здѣшнихъ барышень больше пристало фигурировать въ роли «супруги городского головы»?

Разумѣется, въ домѣ безъ нея будетъ страшно скучно, но вѣдь она, все равно, могла бы уѣхать, такъ лучше ужъ пусть бы поселилась въ Кильвинни; это, по крайней мѣрѣ, рукой подать. Рэчель не хотѣла сознаться даже самой себѣ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ для нея было бы почти облегченіемъ избавиться отъ спокойнаго вдумчиваго взора этихъ ясныхъ молодыхъ глазъ.

Она пылала румянцемъ, сіяла улыбками и непремѣнно подмигнула бы, будь это кто-нибудь другой, а не Мона. Съ Моной, понятно, надо прикидываться, будто ничего не видишь, пока дѣло не обнаружится само собой. Впрочемъ, м-ръ Броунъ, повидимому, можетъ и самъ за себя постоять, даромъ, что тихонькій на видъ; хотя, если бы *ей* въ молодости кто-нибудь прислалъ такой ящикъ, она бы сочла это за насмѣшку.

Она сгорала желаніемъ узнать, что пишетъ м-ръ Броунъ, но, когда Мона подала ей письмо, была горько разочарована. Что-то такое несуразное,—и не поймешь: написано точно на незнакомомъ языкѣ и, кажется, все сплошь о растеніяхъ! Вѣдь придетъ же охота давать такія трудныя имена самымъ обыкновеннымъ травамъ, которыя растутъ въ огородѣ на каждой плохо выполотой грядкѣ! А впрочемъ, вкусы бываютъ разные, и люди «съ придурью», навѣрное, отлично понимаютъ другъ друга.

Бѣдная Рэчель! Это были только цвѣточки; впереди ее ждало еще болѣе горькое разочарованіе. Мона распечатала второе письмо и вмигъ вся побѣлѣла.

— Мнѣ нужно ѣхать завтра утромъ съ первымъ поѣздомъ, чтобы захватить «Летучаго Шотландца». Одна моя подруга въ Лондонѣ опасно больна.

Въ письмѣ заключалась, дѣйствительно, просьба, но иного рода, чѣмъ ожидала Мона. Оно было отъ м-ра Рейнольдса, отца Люси.

«Докторъ говоритъ, что пока опасности нѣтъ, — писалъ м-ръ Рейнольдсъ,—но прибавляетъ, что температура *не должна* подыматься. Дѣвочка такъ волнуется и тревожится за васъ, что отъ этого одного можетъ усилиться жаръ. Она уѣхала отъ насъ недѣлю тому назадъ, чтобы вернуться въ Лондонъ; ей и тогда уже нездоровилось, но нашъ доревенскій врачъ сказалъ, что ѣхать можно, и мы ее не удерживали. Разумѣется, Люси пригласила женщину-врача и, хотя я отъ души одобрилъ ея выборъ, въ такія минуты старые предразсудки легко оживаютъ и всплываютъ наружу. Д-ръ Алиса Бэтсонъ, повидимому, знаетъ свое дѣло и очень внимательна, но не скрою отъ васъ, что для меня было бы большимъ облегченіемъ видѣть васъ здѣсь. Мать Люси совсѣмъ больная женщина и не можетъ пуститься въ такой дальній путь, а вы были для нея столько лѣтъ все равно, что старшей сестрой.

«Знаю, что передъ вами мнѣ не нужно извиняться за безпокойство и увѣренъ, что моя дѣвчурка почувствуетъ себя лучше, какъ только узнаетъ, что я написалъ вамъ».

Мона прочла это вслухъ и добавила:

— Надо отвѣтить телеграммой. Я сейчасъ пойду сама на почту.

— Ну, знаете, это ужъ черезчуръ,—объявила Рэчель;—цѣлая куча хлопотъ изъ-за простой знакомой, даже не родственницы!

— Люси не простая знакомая,—возразила Мона съ дрожью въ голосѣ;—она для меня все равно, что младшая сестра.

— Что же съ ней такое?

— Острый ревматизмъ.

— Что же прикажете, и вещи ваши отправить за вами?—съ горечью освѣдомилась Рэчель.

— Нѣтъ, нѣтъ!—утѣшала ее Мона, стараясь говорить шутливымъ тономъ;—уговоръ дороже денегъ и я не желаю, чтобы нашъ былъ нарушенъ. Я обѣщала прожить у васъ полгода и проживу. Я вернусь сейчасъ же, какъ только Люси начнетъ поправляться, надѣюсь, не позже, чѣмъ черезъ недѣлю. Знаете, теперь острыя заболѣванія ревматизмомъ ужъ не затягиваются, какъ прежде. Увѣряю васъ, милая, у меня самой нѣтъ ни малѣйшаго желанія ѣхать въ Лондонъ. Я лично съ несравненно большимъ удовольствіемъ осталась бы у васъ. Но я здѣсь не такъ нужна, чтобы отказывать тѣмъ, кто во мнѣ дѣйствительно нуждается.

Если ей хотѣлось услышать нѣсколько словъ одобренія, она не разочаровалась въ своихъ ожиданіяхъ, хотя Рэчель вообще была не мастерица на такую поддержку.

— Какъ будто здѣсь въ васъ не нуждаются!—возразила она.—Ужъ и не придумаю, что я буду дѣлать безъ васъ; да и всѣ говорятъ, что съ тѣхъ поръ, какъ вы здѣсь, магазинъ имѣетъ совсѣмъ другой видъ.

Ей стоило большихъ усилій удержаться отъ приведенія болѣе вѣскихъ доводовъ противъ отъѣзда Моны.

Мона поцѣловала ее въ лобъ.

— Вотъ и ждите меня назадъ черезъ недѣльку, а то и раньше. Ужъ навѣрно вы меньше будете скучать безъ меня, чѣмъ я буду желать вернуться.

Это была истинная правда. Она вовсе не была благодарна судьбѣ, препятствовавшей точному выполненію задуманнаго ею плана; она была искренно заинтересована своимъ опытомъ и жизнью въ Борроунессѣ; притомъ-же для нея было положительно тяжкимъ испытаніемъ вернуться въ Лондонъ въ качествѣ дезертира, какъ разъ въ то время, когда вся учащаяся молодежь съ шумомъ и трескомъ готовилась къ новой кампаніи.

Она пошла на почту и послала двѣ телеграммы: одну м-ру Рейнольдсу, другую—Дорисъ съ извѣщеніемъ, что она ѣдетъ на нѣсколько дней въ Лондонъ и будетъ на станціи Вэверлей около десяти утра слѣдующаго дня. Затѣмъ она вернулась домой, написала благодарственную записочку м-ру Броуну, уложила свои вещи и провела остатокъ вечера въ обществѣ Рэчели и «м-рсъ Пойзеръ».

Ночью ее одолѣла тревога. Хорошо доктору говорить, что температура у Люси «не должна подыматься»; а если она подымется? Если она все время подымалась съ тѣхъ поръ, какъ послано письмо? Мона видѣла нѣсколько такихъ случаевъ въ госпиталѣ; особенно ей врѣзался въ память одинъ, гдѣ ни ледъ, ни холодныя ванны и никакія другія средства не могли спасти жизни больной: она сгорѣла въ нѣсколько дней. Замирая отъ волненія, она переворачивалась съ боку на бокъ, а когда, наконецъ, уснула, ее почти все время мучилъ кошмаръ. Она даже рада была встать раньше обыкновеннаго, чтобы не опоздать къ поѣзду.

Но оказалось, что Рэчель предупредила ее: она встала еще раньше и ждала Мону въ столовой, приготовляя ей на дорогу огромные, неаппетитные сандвичи; когда же поѣздъ, увозившій Мону, скрылся изъ виду, нежданная слеза скатилась по ея старой, увядшей щекѣ.

На Эдинбургской платформѣ стояла Дорисъ, свѣжая, какъ лилія.

— Какъ это мило, что вы пріѣхали,—сказала Мона,—я и ждала и не ждала васъ.

— Душа моя, я ѣду вмѣстѣ съ вами,—былъ спокойный отвѣтъ.

— Вздоръ! Не можетъ быть!

— Отецъ весьма кстати замѣтилъ, что мнѣ нужна перемѣна воздуха, а я не давала ему покоя, пока онъ не позволилъ мнѣ ѣхать съ вами. Вѣдь такой случай можетъ и не повториться, а онъ это пони-

*

маетъ. Онъ самъ бы пріѣхалъ проводить насъ, но у него ровно въ десять какая-то важная консультація. Вы мнѣ покажете школу, госпиталь и все,—хорошо?

— Покажу,—отвѣтила Мона.

Дорисъ даже въ голову не пришло, что ея подругѣ можетъ быть непріятно пойти въ школу и встрѣтиться съ прежними товарками. Если-бы кто-нибудь намекнулъ ей объ этомъ, она вскричала-бы: «Мона способна на такую мелочность! Мало же вы ее знаете»!

— Въ телеграммахъ не распространяются, не то я объяснила-бы вамъ, что ѣду къ больной подругѣ. Вы слыхали отъ меня о Люси Рейнольдсъ?

— Ахъ, какъ мнѣ жаль! Но вѣдь я не стану вамъ мѣшать. Вы только удѣлите мнѣ какъ-нибудь нѣсколько часовъ; больше мнѣ ничего не надо.

— Имѣете вы понятіе о томъ, гдѣ вы остановитесь?

— Само собой, у тетки, въ улицѣ Парка,—у той самой, чьи журфиксы вы такъ надменно отказались посѣщать. Папа телеграфировалъ ей вчера вечеромъ, и я еще до отъѣзда получила очень милый отвѣтъ. Она дѣйствительно всегда отъ души рада видѣть меня: мы съ ней не церемонимся.

— Вы удивительное существо! Я не знаю никого, кто умѣлъ бы все такъ разумно и хорошо устроить безъ всякой суеты. Не занять ли намъ мѣста?

— Я давно уже заняла два мѣстечка у окна, въ вагонѣ третьяго класса. Вашъ другъ «мальчикъ съ пальчикъ» положилъ мой пледъ на одно, а дорожный мѣшокъ на другое и самъ сторожитъ, чтобы кто-нибудь не стащилъ вещей. У насъ совершенно достаточно времени, чтобы выпить чашку кофе.

Нѣсколько минутъ спустя онѣ вошли въ вагонъ, отпустили «мальчика съ пальчикъ» и углубились въ серьезный разговоръ. Мона не подымала глазъ, пока не тронулся поѣздъ, но тутъ взглядъ ея упалъ на милое, знакомое лицо. На другомъ концѣ платформы стоялъ Сагибъ. Не подозрѣвая, что она въ поѣздѣ, онъ махалъ шляпой кому-то другому, и передъ его красивой, сильной фигурой всѣ другіе мужчины на платформѣ въ силу контраста казались пигмеями.

Мона замѣтила его слишкомъ поздно даже для того, чтобы поклониться, и отвернулась отъ окна, вспыхнувъ отъ разочарованія.

— Дорисъ, представьте, здѣсь былъ Сагибъ.

— А можно узнать, кто этотъ Сагибъ?

— М-ръ Дикинсонъ. Я часто видѣлась съ нимъ въ Норвегіи этимъ лѣтомъ; онъ большой другъ всѣхъ Мунро. Онъ такой славный. Мнѣ кажется, на него каждая женщина инстинктивно должна смотрѣть, какъ на брата.

— Типъ рѣдкій,—холодно замѣтила Дорисъ—но я полагаю, что онъ существуетъ.

Разговоръ коснулся ея цинической струнки, хотя мужчины, знакомые съ «лилейной дѣвушкой», очень удивились бы, узнавъ, что таковая у нея имѣется.

— Не думаю, чтобы можно было сомнѣваться въ существованіи такого типа,—сказала Мона;—и ужъ, разумѣется, въ этомъ не усумнится ни одна женщина, знающая Сагиба.

Дорисъ не отвѣтила и нѣсколько времени обѣ молчали; морщинка на лбу Моны врѣзалась глубже.

— Милочка,—выговорила наконецъ Дорисъ,—я вамъ не докучаю? Можетъ быть, вы предпочли бы остаться одна?

Мона засмѣялась.

—А что вы сдѣлаете, если я отвѣчу «да»? Дернете за веревку и остановите поѣздъ? Или, можетъ быть, выброситесь изъ окна? Голубушка моя, я по пальцамъ могу перечесть, сколько разъ вы «докучали» мнѣ; а сегодня я особенно рада, что вы со мной. Будь я одна, я бы измучилась до смерти въ тревогѣ за Люси и съ досады, что пропустила случай повидаться съ Сагибомъ.

Лицо Дорисъ омрачилось.

—Мона, милая, лучше бы ваши Мунро вернулись изъ Индіи послѣ того, какъ васъ занесутъ въ списки. Я не одобряю мужчинъ, на которыхъ всѣ женщины инстинктивно смотрятъ, какъ на братьевъ. Для студентовъ и студентокъ бракъ—это гибель.

— Бракъ?—съ изумленіемъ вскричала Мона.—Выйти замужъ за Сагиба?! Дорисъ, голубушка, да мнѣ это и въ голову не приходило: это все равно, что выйти за васъ.

— Желала бы я, чтобы это было такъ,—спокойно возразила Дорисъ;—а для себя желала бы, чтобы мнѣ не пришлось больше съ вами разговаривать объ этомъ, пока васъ опять не внесутъ въ списки. Ахъ, какая прелесть!

Поѣздъ шелъ по берегу моря, и всѣ линіи, всѣ очертанія береговыхъ скалъ выступали рѣзко и ясно въ неровномъ свѣтѣ октябрьскаго утра.

— Не правда ли?—Морщинка на лбу Моны сгладилась: — Знаете, Дорисъ, иногда мнѣ кажется, что я сама частица этого берега—такъ я люблю его. Ура, я увѣрена, что Люси лучше.

— Судя по тому, что вы мнѣ сказали, мнѣ кажется, вы, имѣете всѣ данныя разсчитывать, что она встрѣтитъ васъ на станціи.

Мона разсмѣялась.

— Она настоящій резиновый мячикъ, но такая болѣзнь дѣло не шуточное. Я говорила вамъ, что *она* выдержала экзаменъ?

— Конечно, при вашей помощи?

— Нѣтъ, нѣтъ! Я, право, начинаю думать, что у Люси голова лучше моей. Дѣло въ томъ, Дорисъ, что мнѣ приходится теперь провѣрять и передѣлывать свои взгляды на жизнь, и я пришла къ убѣжденію, что

всѣ мы жестоко заблуждались относительно моей даровитости; это единственный удовлетворительный базисъ, на которомъ я могу начать строить новое зданіе. Есть что-то успокоительное въ сознаніи, что ни къ чему великому ты не призванъ и ничего особеннаго изъ себя не представляешь, а потому и стараться особенно нечего.

Дорисъ улыбнулась ясной улыбкой. Она то ужъ не перемѣнитъ своего мнѣнія о Монѣ.

Разговоръ оборвался, и обѣ долго сидѣли молча, прислушиваясь къ грохоту поѣзда. Монѣ онъ былъ непріятенъ. Почему-то стукъ колесъ напоминалъ ей, что между болѣзнью Люси и ясными осеннимъ днемъ не было никакой обязательной связи.

— О чемъ вы задумались, Дорисъ?—вскричала она.

У Дорисъ сверкнули глаза.

— Я думала, живъ ли еще тотъ чудный тюлень, котораго я видѣла послѣдній разъ, какъ была въ Зоологическомъ. Вы не знаете?

— Нѣтъ; это все равно, что спросить меня, продолжаетъ ли *Carolus-rex* размахивать своимъ собственнымъ смертнымъ приговоромъ передъ глазами *madame* Тюссо.

— Какъ вы можете ставить такія вещи на одну доску?

— Очень могу, потому что въ волшебномъ дворцѣ моихъ воспоминаній дѣтства они стоятъ рядомъ, а внѣ этого онѣ совсѣмъ для меня не существуютъ.

— И это говоритъ женщина, посвятившая себя изученію естественныхъ наукъ! Я думала, что вы большую часть свободнаго времени проводите въ Зоологическомъ

— *Ars longa!*—но вы совершенно правы. Гёксли будущаго поколѣнія, вмѣсто того чтобы посылать насъ со скальпелемъ въ рукѣ въ анатомическій залъ, посовѣтуетъ намъ сначала изучить строеніе тѣла живыхъ животныхъ, ихъ привычки и нравы. Я совершенно согласна съ вами, что лучше знать и любить живыхъ тварей, какъ вы, чѣмъ самостоятельно изслѣдовать всѣ отклоненія отъ основнаго типа сосудистой системы, какъ *я*.

— Не вижу, почему не соединить того и другого.

— И это вѣрно; но тогда что-нибудь другое должно отойти на задній планъ, напримѣръ, Тэрнеръ, или Броунингъ, или Вагнеръ.

«We have not wings, we cannot soar,
But we have feet to scale and climb» *).

— Не знаю. Нѣкоторыя изъ насъ, повидимому, нашли весьма недурную замѣну крыльямъ. Притомъ же вы отлично знаете, что я еще больше жажду увидѣть анатомическій залъ.

— Неужели вы серьезно этого хотите?

*) Мы не можемъ летать; у насъ нѣтъ крыльевъ, но есть ноги, чтобы взбираться и карабкаться.

— Разумѣется. Почему же нѣтъ?

— Главнымъ образомъ потому, что вы, все равно, его не увидите. Посторонній человѣкъ не можетъ составить себѣ правильнаго понятія о томъ, что такое на самомъ дѣлѣ анатомическій залъ. Васъ онъ только приведетъ въ ужасъ, и вы будете шокированы тѣмъ, что молодыя дѣвушки могутъ смѣяться за такою работой.

— Неужели онѣ смѣются?—ужаснулась Дорисъ. Она рисовала себѣ въ мечтахъ подвигъ геройскаго самоотверженія,—но смѣхъ!..

— Разумѣется, когда есть чему смѣяться. Мы, напримѣръ, часто потѣшались надъ одной ирландкой, которая, чтобы не перепутать нервовъ руки, перевязывала ихъ разноцвѣтными ниточками. Когда дѣвушки прядутъ шерсть, или расписываютъ подойники, вѣдь онѣ же не все время думаютъ о происхожденіи и назначеніи матеріала, надъ которымъ онѣ работаютъ. Такъ же и мы.

— Но вѣдь это совсѣмъ другое дѣло.

— Развѣ? Не знаю. Если такъ, Провидѣніе по милосердію своему закрываетъ намъ глаза, чтобы мы не видѣли разницы. Это просто становится *нашимъ дѣломъ*, священнымъ, или самымъ обыденнымъ, смотря по характеру и взгляду на вещи. Есть въ немъ свои непріятныя стороны, но въ какомъ же дѣлѣ ихъ нѣтъ? И если въ практической анатоміи ихъ больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, зато здѣсь еще больше стараешься извлечь изъ нихъ пользу.

— О да, въ этомъ я увѣрена. Въ такомъ дѣлѣ можно забыть о непріятныхъ мелочахъ. И по всей вѣроятности, то, что вы говорите, вполнѣ естественно; но мнѣ всегда казалось, что такого дѣла не вынести, если васъ не поддерживаетъ энтузіазмъ.

— Мнѣ кажется, что безъ энтузіазма невозможно вообще никакое дѣло; но вѣдь энтузіазмъ не украшеніе, которое можно носить на рукѣ; это душа, это центральный двигатель всей системы, о которомъ мы и не думаемъ, пока не расклеимся физически или нравственно. Я не хочу этимъ сказать, чтобы въ анатомическомъ театрѣ можно было чувствовать себя хорошо съ самаго начала. Пока вы не втянетесь въ дѣло, онъ хуже, чѣмъ ужасенъ, онъ *отвратителенъ*. Вотъ почему я говорю, что посторонній человѣкъ, все равно, не увидитъ его. Первые дни я работала, стиснувъ зубы и мысленно повторяя себѣ: «Уставъ отъ жизненныхъ тревогъ, онъ сладко спитъ». Это звучитъ ироніей, не правда ли? А меня это утѣшало. Во всякомъ случаѣ, *здѣсь* борьба для одного жалкаго существа была кончена; а судя по результатамъ вскрытія, борьба была трудная и мучительная. Но, конечно, продолжать такъ я не могла; это убило бы меня. Я заставила себя совсѣмъ перестать думать объ этомъ и смотрѣть на это просто, какъ на мою ежедневную работу, иногда банальную, иногда увлекательную. Сэръ Дугласъ сказалъ бы, что я очерствѣла, но этого я не думаю.

— Очерствѣли!—повторила Дорисъ. Глаза ея засвѣтились сочув-

ствіемъ, когда она замѣтила, какъ дрогнули губы Моны при одномъ воспоминаніи объ этихъ дняхъ.—Вы справились съ собой, какъ мужчина!

— Я ни съ кѣмъ не говорила объ этомъ раньше, кромѣ одного раза, съ дядей. Но если вы рѣшили пойти туда...

— О да, я хочу видѣть все, что только можно. Вы не очень противъ этого.

— Противъ?—одушевленіе Моны сразу потухло.—Развѣ я когда-нибудь, чему-нибудь противлюсь? Я не рѣшаюсь даже совѣтовать. Однако вотъ Іоркъ и завтракъ. Мы можемъ докончить нашъ разговоръ потомъ.

Но въ этотъ день имъ не суждено было окончить его. Передъ самымъ отходомъ поѣзда Дорисъ высунулась изъ окна.

— О Мона, здѣсь стоитъ бѣдная женщина съ четырьмя маленькими дѣтьми, отыскивая глазами вагонъ, куда бы они могли сѣсть всѣ вмѣстѣ.—Бѣдняжка! У нея такой усталый видъ. Какъ бы я хотѣла, чтобы она посмотрѣла въ нашу сторону. Вотъ она идетъ!

Дорисъ распахнула настежъ дверь и одно за другимъ приняла въ свои объятія дѣтей и узлы.

— Вы не въ претензіи на меня,—неожиданно спросила она у Моны, когда поѣздъ тронулся.

— О нѣтъ!—засмѣялась та, пожимая плечами.—За удовольствіе путешествовать съ такой «*Schöne Seele*» всегда приходится расплачиваться.

XXII.

Докторъ Алиса Бэтсонъ.

Огни, пылающіе во мракѣ, носильщики, бѣгущіе на встрѣчу поѣзду, публика на платформѣ, напрягающая зрѣніе, чтобы разглядѣть за стеклами знакомыя лица—все это возвѣщало прибытіе «Летучаго Шотландца» въ Кингсъ-Кроссъ.

— Вы увѣрены, что вашъ мужъ встрѣтитъ васъ?—спрашивала Дорисъ у своей *protegée*.—Идите, поищите его; я останусь съ дѣтьми. Мона, голубушка, мнѣ лучше проститься съ вами. Завтра утромъ я забѣгу повидать васъ и справиться о здоровьѣ вашей подруги.

— А васъ самихъ есть кому встрѣтить?

— Я видѣла въ толпѣ лакея моей тетки. Онъ сейчасъ разыщетъ меня.

Къ Монѣ уже подходилъ красивый, сѣдой старикъ священникъ, снимая перчатку, чтобы пожать ея руку.

— Не знаю, какъ и благодарить васъ,—выговорилъ онъ тихо.—Вы настоящій другъ въ нуждѣ.

— Что Люси?

— У Люси, какъ я и ожидалъ, температура сразу упала, какъ только она узнала, что вы пріѣдете. Докторъ говоритъ, что теперь все пойдетъ хорошо.

Мона съ облегченіемъ перевела духъ и улыбнулась ему.

Онъ положилъ ей руку на плечо.

— Гдѣ вашъ багажъ?

— Вонъ у носильщика чемоданчикъ,—это мой. Больше у меня ничего нѣтъ.

Они сѣли на извозчика, между тѣмъ какъ высокій лакей подвелъ Дорисъ къ изящной каретѣ, и покатили.

Если въ присутствіи сэръ Дугласа Мона чувствовала себя опять молоденькой дѣвушкой, съ м ромъ Рейнольдсомъ она чувствовала себя ребенкомъ. При немъ кора нажитого цинизма, покрывавшая ея сердце, таяла, какъ иней подъ солнцемъ, уступая мѣсто нѣжному уваженію, и этимъ она окончательно покорила сердце старика. «Мой любимый женскій типъ,—сказалъ онъ однажды Люси,—это женщина съ яснымъ умомъ»; но очень возможно, что «женщина съ яснымъ умомъ» нравилась бы ему менѣе, если бъ она не смотрѣла на него съ такимъ трогательнымъ смиреніемъ, казалось, говорившимъ: «Меня считаютъ умной и сильной, но въ сущности я не болѣе, какъ бѣдная сирота безъ отца».

— Какъ вы думаете, Люси будетъ уже спать, когда мы пріѣдемъ?—спросила Мона.

— Нѣтъ, ей дѣлаютъ подкожныя впрыскиванія морфія во время приступовъ боли и сегодня хотѣли это отложить, если возможно, до нашего прибытія.

Черезъ нѣсколько минутъ кэбъ остановился у слабо освѣщеннаго подъѣзда, въ Блумсбери. Домъ былъ старинный и солидный, хотя и носилъ на себѣ отпечатокъ унынія и запущенности, присущій всѣмъ лондонскимъ меблированнымъ домамъ.

— Проводите барышню въ ея комнату,—вѣжливо обратился священникъ къ дѣвушкѣ, отворившей имъ дверь.

— Не теперь, благодарю васъ,—сказала Мона.—Я хотѣла бы прежде пройти къ миссъ Рейнольдсъ. Проводите меня.

Комната больной была ярко освѣщена хорошенькой лампой—Люси не выносила темноты. Она лежала въ постели, обложенная подушками; глаза ея казались до странности большими и блестящими, щеки впали, все лицо носило печать недавнихъ страданій.

Мона закусила губы. Она не думала, чтобы нѣсколько дней лихорадки и боли могли произвести такую перемѣну.

Люси хотѣла-было протянуть ей руки, но тотчасъ же уронила ихъ на одѣяло съ легкимъ, жалобнымъ смѣхомъ.

— Я не могу сейчасъ обнять васъ, Мона, но видѣть васъ рада,—ахъ какъ рада!—И слезы чисто физической слабости наполнили ея глаза.

— Бѣдная дѣточка! Надо васъ будетъ хорошенько пожурить, когда вы поправитесь! Васъ нельзя съ глазъ спустить ни на минуту.

— Ну да,—шепнула Люси.—Я навѣрно не заболѣла бы, если бы вы были здѣсь; а теперь я все время буду болѣть то тѣмъ, то другимъ, пока вы не вернетесь и не приметесь за свое дѣло.

Она была такъ безконечно трогательна и так не похожа на прежнюю Люси, что Мона не находила словъ для отвѣта. Инстинктивно она одной рукой пощупала пульсъ, а другую приложила къ разгорѣвшейся щечкѣ больной.

— О, теперь я совсѣмъ здорова. Пульсъ, разумѣется, чаще, чѣмъ слѣдуетъ, да это и не удивительно: у меня чуть сердце не выскочило, когда я услыхала стукъ колесъ. А вотъ и мой докторъ. Сегодня вы, пожалуй, можете и не посылать меня въ рай: это мой другъ, миссъ Маклинъ.

Мона протянула руку вошедшей.

— Ваше имя почти также знакомо мнѣ, какъ мое собственное. Для меня большое удовольствіе встрѣтиться съ вами.

Докторъ Алиса Бэтсонъ, не отвѣчая, взяла протянутую ей руку; обѣ женщины безъ церемоніи критически оглядѣли другъ друга; и обѣ, повидимому, остались довольны осмотромъ. Докторъ Бэтсонъ вошла безъ перчатокъ, въ небрежно накинутомъ на плечи платкѣ. Шляпа ея несомнѣнно видѣла лучшіе дни, но изъ подъ загнутыхъ полей виднѣлись пара серьезныхъ, карихъ глазъ и характерный, рѣшительный ротъ.

— Она серьезно относится къ дѣлу,—рѣшила Мона, — тутъ ужъ обмана не можетъ быть.

— Эта дѣвушка изъ *нашихъ*,—подумала докторша,—она не потеряетъ головы и найдется въ бѣдѣ.

— Ну съ, какъ вы поживаете?—спросила она, поворачиваясь съ грубоватою нѣжностью къ Люси.

— О, очень хорошо, хотя не настолько, чтобы не нуждаться въ вашей помощи.—И она протянула доктору тоненькую, бѣлую ручку.

Визитъ длился не болѣе трехъ минутъ. Алиса Бэтсонъ не брала денегъ со студентокъ и практика ея была слишкомъ обширна, чтобы тратить помногу времени на больныхъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда она могла принести безусловную пользу, физическую или моральную. Она проводила цѣлые часы у Люси, когда той было худо, но теперь дорожила каждой минутой.

— О да, миссъ Рейнольдсъ совершенно поправится,—сказала она Монѣ, вышедшей вслѣдъ за нею.—Къ счастью, за мной прислали вовремя и застали меня дома. У людей съ такимъ темпераментомъ, какъ у нея, температура подымается и падаетъ очень быстро, и тогда она такъ поднялась, что я даже встревожилась, хотя, какъ видите, все обошлось благополучно. Спокойной ночи, миссъ Маклинъ. Надѣюсь, мы скоро увидимъ васъ.

— Благодарю васъ. Я ничего бы такъ не желала, какъ работать въ женской больницѣ подъ вашимъ руководствомъ.

И Мона побѣжала назадъ въ комнату Люси.

— Ну, моя дѣточка, — ласково сказала она, — теперь я вамъ поправлю подушки, а вы извольте быть умницей и спать спокойно.

— Спать!—мечтательно выговорила Люси.—Я не *сплю*. Я только перехожу черезъ зеркало въ самый странный, самый фантастическій міръ, какой только можно себѣ вообразить. *Cést magnifique mais ce n'est pas le sommeil.*—Она съ усиліемъ приподнялась на локтѣ. Около трехъ я засыпаю и не просыпаюсь до десяти. Какъ пріятно будетъ увидѣть васъ завтра утромъ!

Вошелъ м-ръ Рейнольдсъ, поцѣловалъ маленькую, бѣлую ручку, лежавшую на одѣялѣ, и предложилъ руку Монѣ.

— Бѣдное дитя, — сказалъ онъ, когда они вышли изъ комнаты Люси,—вы навѣрное устали и проголодались. Вотъ ваша комната, а гостиная внизу, сейчасъ подъ лѣстницей. Я оставлю дверь открытой. Ужинъ на столѣ.

Оба очень пріятно провели время вмѣстѣ. Мона чувствовала себя прекрасно съ м-ромъ Рейнольдсомъ—съ нимъ она могла быть сама собой,—а старикъ священникъ чувствовалъ себя прекрасно почти со всѣми.

XXIII.

Встрѣча.

Вѣрная своему обѣщанію, Дорисъ зашла на другой день около одиннадцати утра.

— Вотъ такъ сюрпризъ!—удивилась Мона.—Я совсѣмъ не ожидала васъ видѣть.

— Какъ! Вѣдь я же сказала, что зайду.

— Да; но я думала, что вы пойдете навѣстить вашу спутницу и совсѣмъ забудете обо мнѣ. Что значитъ старая дружба въ сравненіи съ несчастьемъ имѣть мужа и четверыхъ дѣтей!

— Этотъ мужъ страшно эгоистичное животное, — сказала Дорисъ, игнорируя намекъ, за который она непремѣнно обидѣлась бы, если бы голова ея была не такъ занята другимъ. — Вы замѣтили? Онъ навалилъ на жену больше половины узловъ. Я послала Джона, чтобъ онъ взялъ ихъ у бѣдной женщины, и, къ счастью, это пристыдило того.

— А какъ это понравилось Джону?

— Дорисъ засмѣялась. — Право, не знаю, о немъ я не думала. И потомъ, мнѣ кажется, Джонъ немножко привязанъ ко мнѣ.

— Я еще не встрѣчала мужчины, который бы зналъ васъ и не былъ къ вамъ привязанъ, будь это джентльменъ или лакей.

— Мона, какой вздоръ! Я за всю жизнь только и получила одно предложеніе.

— Мнѣ кажется, не многія женщины, истинно уважающія себя, получаютъ больше одного, конечно, если ихъ знакомые мужчины не «преимущественно дураки» *), подобно населенію британскихъ острововъ.

— Ахъ они всѣ такіе. Но я согласна съ вами. Первое предложеніе, какъ пощечина, всегда является неожиданностью; говоришь себѣ: кто могъ бы это предвидѣть? Ну, а потомъ научаешься распознавать присутствіе электричества въ воздухѣ. Не правда ли?

— Да, я думаю. Впрочемъ, это не по моей части. Благоразумные люди склонны считать меня скорѣе хорошимъ товарищемъ и только одинъ слабоумный юный викарій попросилъ меня заодно ужъ раздѣлить съ нимъ и двѣсти фунтовъ его «годового дохода». Видите, какъ далеко простирается моя власть надъ сильнымъ поломъ.. Иногда мнѣ кажется,—прибавила она печально,—что она пропорціональна моей степени приближенія къ идеалу женственности.

— Мона! Если бы сыны Божіи брали себѣ въ жены дочерей человѣческихъ, мы услыхали бы совсѣмъ другое. При данныхъ же условіяхъ я даже рада, что вы женщина не въ мужскомъ вкусѣ; вы женщина въ женскомъ вкусѣ, что несравненно лучше. Если бы васъ превратить въ мужчину, половина вашихъ знакомыхъ дѣвушекъ охотно согласились бы выйти за васъ замужъ,—я первая.

— Вы мой самый старый другъ, Дорисъ, — ласково возразила Мона.—Другимъ я нравлюсь потому, что у меня замкнутый характеръ, что у меня часто мѣняются настроенія, что иногда я отношусь къ нимъ по матерински... Женщины влюбляются во все таинственное.

— Будь это иначе, какъ могли бы онѣ выходить замужъ?—совершенно серьезно возразила Дорисъ.

— Ахъ вы, скверный, старый цпникъ! Сегодня я представлю васъ,—не вамъ, а именно *васъ* представлю,—мужчинѣ, который заставитъ даже Дорисъ Колькхунъ полюбить сильный полъ. Вчера, вечеромъ, онъ встрѣтилъ меня на станціи, но вы, вѣроятно, были слишкомъ заняты своей protegée, чтобы замѣтить его.

— Я замѣтила сѣдые волосы и старосвѣтскій поклонъ. О лицѣ трудно судить, когда видишь его вечеромъ и на вокзалѣ, гдѣ свѣтъ и тѣни такъ рѣзки.

— Это правда. Тамъ всѣ люди похожи на любительскія фотографіи, снятыя въ комнатѣ. Но теперь вы увидите м-ра Рейнольдса днемъ. Онъ обѣщалъ зайти ко мнѣ. Не говоря о присутствующихъ, я никого на свѣтѣ не люблю, какъ его, да еще развѣ сэра Дугласа Мунро.

---

*) Намекъ на извѣстную фразу Карлейля: «Въ Великобританіи 27 милліоновъ населенія, преимущественно дураковъ». *Прим. перев.*

— Сэръ Дугласъ Мунро! О Мона! Отецъ говорилъ какъ-то, что сэръ Дугласъ добрый малый, но что онъ типичный прожигатель жизни, это видно съ перваго взгляда.

— Перестаньте! — вскричала Мона, слегка притопнувъ ногой.—Зачѣмъ намъ думать объ этомъ? Я не умѣю сказать вамъ, какъ онъ былъ добръ ко мнѣ.

Дорисъ хотѣла что-то возразить, но въ эту минуту вошелъ м-ръ Рейнольдсъ, и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ они болтали вообще обо всемъ. На вопросъ Дорисъ, о томъ, какъ себя чувствуетъ Люси, онъ отвѣтилъ:

— У нея теперь сидитъ докторъ Алиса Бэтсонъ.

Дорисъ вся вспыхнула.

— О!—вскричала она. — Я такъ хотѣла бы видѣть доктора Алису Бэтсонъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—ласково улыбнулся старый пасторъ. — Это очень легко устроить. Мы отворимъ дверь и позовемъ ее сюда, когда она будетъ идти внизъ. А вотъ и она! Докторъ, здѣсь есть одна молодая особа, пріѣзжая изъ Шотландіи, которая сгораетъ нетерпѣніемъ познакомиться съ вами. Могу я вамъ представить ее?

Вошла миссъ Бэтсонъ. Она не любила служить предметомъ вниманія, но, при видѣ Дорисъ, не могла не смягчиться: это прелестное личико, этотъ горячій, пылкій взоръ были неотразимы.

— Я очень рада случаю, — робко выговорила Дорисъ, — выразить свою личную признательность женщинѣ, посвятившей себя дѣлу, которое я считаю благороднѣйшимъ въ мірѣ.

— Вы правы, это великое дѣло, — суховато согласилась д-ръ Бэтсонъ.—Миссъ...—она взглянула на Мону.

— Маклинъ.—съ улыбкой подсказала Мона.

— Миссъ Маклинъ покажетъ вамъ нашу школу и госпиталь. Можетъ быть, мы какъ-нибудь встрѣтимся въ госпиталѣ. Всего хорошаго.

— Ну?—спросила Мона, когда та ушла.

— Она великолѣпна — такая умная и энергичная. Но, знаете, мнѣ хотѣлось бы, чтобы она носила перчатки, и потомъ, она была бы такъ мила въ шляпкѣ

— Полноте, не будьте такъ мелочны.

— Я не мелочна. Мнѣ лично она еще больше нравится за то, что она чужда всякой условности, но я думаю о *дѣлѣ*, которому она служитъ.

— Вы ушли на цѣлую четверть часа, — обидчиво замѣтила Люси, когда Мона вернулась въ ея комнату;—а вчера миссъ Колькхунъ провела съ вами цѣлый день.

— Вамъ сегодня лучше, дѣточка,—сказала Мона, цѣлуя ее.

— Намъ о столькомъ надо переговорить...

— Да, дружокъ, но только не сегодня и не завтра. Я вовсе не же-

лаю, чтобы мой пріѣздъ вызвалъ у васъ рецидивъ. Вамъ еще рано разговаривать. Кушайте какъ можно больше яицъ, молока и пуддинга, а я почитаю вамъ послѣднюю новинку изъ новыхъ трехтомныхъ романовъ.

Люси тѣмъ охотнѣе подчинилась этому режиму, что она была еще слишкомъ слаба, чтобъ говорить, и дѣйствительно, за два дня ей стало значительно лучше. Вскорѣ она могла уже обходиться безъ морфія на ночь, хотя нельзя сказать, чтобъ это доставило ей особенное удовольствіе; а нѣсколько дней спустя, дочитавъ послѣднюю страничку романа, Мона увидала, что Люси спитъ здоровымъ естественнымъ сномъ.

Она тихонько вышла изъ комнаты, съ минуту прислушивалась у дверей и, ничего не разслышавъ, кромѣ ровнаго дыханія спящей, сбѣжала внизъ.

— Надѣюсь, вы пойдете подышать свѣжимъ воздухомъ?—спросилъ м-ръ Рейнольдсъ, глядя на нее поверхъ газеты.—Вы ужъ, кажется три дня не выходили.

— Да; я сказала Люси, что, если она уснетъ, я сбѣгаю прогуляться. Она позвонитъ, когда проснется.

— Вотъ и отлично; и пожалуйста, не торопитесь возвращаться. Я увѣренъ, что Люси проспитъ до вечера, а если нѣтъ, ей придется часокъ-другой довольствоваться обществомъ старика; только и всего.

— Счастливица! — вскричала Мона, глядя на него съ любовью. — Многіе рады были бы заболѣть, чтобы пользоваться «обществомъ старика». Оно можетъ болѣе чѣмъ вознаградить за непріятность лежать въ постели.

Товарки Люси регулярно каждый день заходили справляться о ней Какъ разъ въ это утро одна молоденькая студентка зашла узнать о ея здоровьи, по дорогѣ въ медицинскую школу, и столкнулась съ Дорисъ Колькхунъ.

— Какъ я хотѣла бы пойти съ вами!—сказала Дорисъ, и Мона поспѣшила это устроить, обрадовавшись случаю исполнить желаніе пріятельницы безъ ущерба для себя.

— Надо будетъ зайти къ Дорисъ,—сказала она себѣ,—послушать ея впечатлѣнія, покуда онѣ не вывѣтрились.

Мона вышла изъ дому бодрая и веселая.—Въ сущности, пріятно опять пожить въ Лондонѣ, въ особенности, въ эти молодые ясные дни. Витрины сохранили для нея всю прежнюю привлекательность, и она каждыя пять минутъ останавливалась поглядѣть на новые фасоны и модныя бездѣлушки, соображая, какія изъ этихъ хорошенькихъ вещицъ не худо бы захватить съ собою въ Борроунесъ, ибо ей удалось, хотя и не безъ труда, уговорить Рэчель пожертвовать нѣсколько фунтовъ на пріобрѣтеніе модныхъ новинокъ.

— Чтò бы я ни купила, оно будетъ непріятно рѣзать глаза, на-ряду со всѣмъ остальнымъ,—думала Мона;—но что же дѣлать! лавка должна

быть прежде всего лавкой, а затѣмъ уже произведеніемъ искусства. Сейчасъ она, какъ выражается докторъ Дудлей, «ни рыба, ни мясо, ни птица, ни красная селедка».

Она хорошо изучила свою *clientèle* въ Борроунессѣ и знала, какія вещи слѣдуетъ брать, чтобы онѣ понравились покупательницамъ, не оскорбляя ея собственнаго, нѣсколько прихотливаго вкуса, но при этомъ она рѣшила накупить какъ можно больше и потому дрожала надъ каждой копѣйкой, какъ будто отъ этого зависѣло ея собственное пропитаніе.

— Не будемъ торопиться, душа моя,—говорила она себѣ. — Семь разъ примѣрь, одинъ—отрѣжь. Надо хорошенько все обсудить, прежде чѣмъ истратить хоть шиллингъ. И какъ же я рада, что мнѣ не пришлось идти въ школу. Я совсѣмъ не такъ настроена, чтобы заниматься фехтованіемъ.

Мона обрадовалась слишкомъ рано. Не успѣла эта мысль промелькнуть въ ея головѣ, какъ чей-то голосъ позади нея сказалъ:

— Какъ поживаете, миссъ Маклинъ?—и, обернувшись, она увидала двухъ товарокъ по курсу съ мѣшками въ рукахъ.

Какъ на зло, одна изъ нихъ оказалась единственной студенткой на курсѣ, которая всегда была Монѣ безусловно антипатична. Она-то и заговорила первой.

— Вотъ такъ сюрпризъ! Не ожидала васъ видѣть. Миссъ Рейнольдсъ говорила, что вы совсѣмъ не вернетесь эту зиму.

— Совершенно вѣрно. Я здѣсь всего на нѣсколько дней.

— Вы готовитесь дома?

— Въ настоящее время совсѣмъ не готовлюсь.

— Это очень жаль.

— Вы думаете? Я нахожу, что не мѣшаетъ иногда взобраться на изгородь, отдѣляющую нашу полосу отъ всѣхъ другихъ, и посмотрѣть, что дѣлается на полѣ вообще.

— Но вѣдь вы и прежде это дѣлали? Я васъ всегда считала большимъ авторитетомъ въ области пустяковъ.

— И сожалѣли, что результаты экзаменовъ не подтвердили моей компетентности въ другой области, не правда ли? Великое дѣло временно страдало оттого, что попало въ недостойныя руки? Не огорчайтесь; это часто бываетъ.

Дѣвушка покраснѣла. Мона, съ своей обычной чуткостью, вѣрно угадала ея мысль.

— Намъ страшно недостаетъ васъ,—поспѣшила вставить другая студентка.—Я такъ хотѣла бы, чтобъ вы вернулись!

— Вы, по всей вѣроятности, заготовляете себѣ костюмы на зиму?— продолжала первая, глядя на витрину, передъ которой онѣ стояли.— Очевидно, Риджентъ-стритъ не потеряла для васъ былого обаянія, какъ потеряла его Медицинская школа.

— Чтò бы онѣ сказали,—думала Мона,—еслибъ я выложила имъ

всю правду, разсказала бы, что я не туалеты заготовляю на зиму, а закупаю товаръ для крошечнаго магазинчика въ Борроунессѣ, гдѣ я имѣю честь стоять за прилавкомъ, угождая немногочисленнымъ и, притомъ, не особенно просвѣщеннымъ покупателямъ?..

Съ минуту искушеніе «сдѣлать такъ, чтобъ у нихъ волосы на головѣ встали дыбомъ», было почти непреодолимо; но, къ счастью, кто привыкъ сдерживаться, тому трудно побороть себя сразу, и Мона сказала только:

— О нѣтъ! Еслибъ Риджентъ-стритъ утратила свое обаяніе, это былъ бы серьезный симптомъ, показующій употребленіе хины и рыбьяго жира, или иныхъ лѣкарствъ, прописываемыхъ при меланхоліи. Прощайте. Желаю вамъ обѣимъ успѣха!

Она пожала руки обѣимъ,—довольно сухо первой и очень сердечно—второй, причемъ ласково спросила ее: «Ну, а у васъ какъ теперь, все благополучно?» и пошла дальше.

— Вотъ чудачка-то!—вскричала первая студентка, когда Мона отошла настолько далеко, что не могла уже ея слышать.—Я такъ полагаю, что она собирается замужъ. Мой братъ видѣлъ ее мѣсяца два тому назадъ на пароходѣ въ Норвегіи, въ очень приличномъ обществѣ, и говорилъ, что какой-то высокій «господинъ» съ умопомрачительными икрами страшно ухаживалъ за ней.

— Вашъ братъ разговаривалъ съ нею?

— Нѣтъ. Онъ очень заинтересовался ею на послѣдней раздачѣ наградъ и просилъ представить его, но не было удобнаго случая. У нея масса знакомыхъ. Я нахожу, что она очень важничаетъ, не правда ли?

— Я тоже это находила, но въ прошломъ году убѣдилась, что ошибаюсь. Знаете, миссъ Вернетъ, мнѣ она нравится.

— А мнѣ нѣтъ.

— Дѣло въ томъ,—дѣвушка покраснѣла и запнулась,—вы, конечно, никому этого не скажете,—но я очень обязана ей. Въ прошломъ году мнѣ пришлось разъ очень круто: денегъ ни гроша, квартирная хозяйка ужъ хотѣла на меня въ судъ подавать. Домой я не рѣшалась написать, и вотъ однажды вечеромъ, доведенная до отчаянья, я рѣшилась пойти къ миссъ Маклинъ. Мнѣ она тогда не нравилась, но когда идешь занимать деньги, тутъ уже не время разбирать, кто нравится, кто не нравится, а всѣ мы знали, что у нея водятся деньги. Я уже не къ первой къ ней обращалась и, по правдѣ сказать, ничего не ждала, кромѣ отказа. А она—никогда не забуду, какъ просіяло ея лицо, когда она сказала: «Какъ это хорошо, что вы пришли ко мнѣ! Я знаю по себѣ, что значитъ быть въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ». Не думаю, чтобы она тогда важничала, и я рѣшила хоть день и ночь работать, но непремѣнно отдать ей до конца года занятыя деньги.

— Я не вижу тутъ ничего особеннаго. У васъ не было денегъ, у нея были, она и дала вамъ; это очень просто.

— Хорошо вамъ говорить! Вы не знаете, что значитъ получить отказъ отъ полдюжины товарокъ, которыя отлично могли бы помочь вамъ. Вы не знаете, чего стоитъ выслушивать проповѣди на тему о томъ, какъ скверно занимать деньги въ такую минуту, когда вамъ до зарѣзу нужно нѣсколько фунтовъ!

— Я увѣрена, что миссъ Маклинъ зря тратитъ кучу денегъ. Я видѣла ее какъ-то въ театрѣ, въ партерѣ, вмѣстѣ съ миссъ Рейнольдсъ; ужъ, конечно, за мѣста платила не миссъ Рейнольдсъ.

— Миссъ Рейнольдсъ вообще очень везетъ, такъ что это меня не удивляетъ. А все-таки мнѣ нравится миссъ Маклинъ, и если она броситъ школу, это будетъ большая потеря для медицины.

— Она два раза провалилась на экзаменѣ.

— Тѣмъ стыднѣе для экзаменаторовъ!

— Дорисъ,—говорила Мона нѣсколько минутъ спустя, входя въ изящную гостиную, гдѣ ея подруга въ одиночествѣ сидѣла за чаемъ,— дайте мнѣ вина, подкрѣпите меня печеньемъ—я сейчасъ встрѣтила вою *bête-noire!*

Дорисъ подняла на нее глаза съ ясной улыбкой.

— Полноте, не будьте такъ мелочны.

Мона схватила пуховую подушечку и бросила ею въ подругу.

— Поднимите, пожалуйста,—спокойно сказала Дорисъ.—Если тетя войдетъ и увидитъ свою любимую подушечку на полу, конецъ ея симпатіи къ вамъ,—вы попадете въ опалу.

Мона разсѣянно подняла подушку и положила ее на диванъ.

— Теперь продолжайте. Разскажите мнѣ о вашей *bête-noire*. Кто онъ такой?

— *Онъ!* Конечно, *онъ!* Какъ осмѣлиться сказать вамъ, милая Дорисъ, что далеко не каждая представительница прекраснаго пола совмѣщаетъ въ себѣ Минерву и Гебу?

— Попробую примириться съ этимъ, припомнивъ, что «Всемогущій Богъ сотворилъ ихъ для того, чтобы онѣ были подругами мужчинъ». Продолжайте.

Но Мона была еще не въ состояніи продолжать. Она пила чай храня свирѣпый видъ.

— Я дѣйствительно мелочна,—выговорила она, наконецъ.—Я желала бы, чтобы какая-нибудь власть, земная или небесная, запретила женщинамъ изучать медицину ранѣе достиженія ими двадцати-трехлѣтняго возраста и совсѣмъ запретила изучать ее тѣмъ, у кого нѣтъ на это никакихъ данныхъ, физическихъ, умственныхъ, нравственныхъ или общественныхъ. Это замѣчаніе звучитъ нѣсколько странно въ устахъ студентки, дважды провалившейся на экзаменѣ, но мы здѣсь между друзьями.

— Я сама замѣтила сегодня въ школѣ нѣсколько такихъ типовъ, которые предпочла бы видѣть гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ; но въ общемъ студентки произвели на меня самое пріятное впечатлѣніе: всѣ онѣ такія здоровыя, счастливыя, умныя, работящія. По крайней мѣрѣ, такъ мнѣ показалось.

— Въ самомъ дѣлѣ? Я очень рада.

— А нѣкоторыя изъ нихъ положительно выдающіяся женщины.

— О да! въ видѣ исключенія это бываетъ; но разскажите мнѣ все по порядку. Жаль, что вы не могли посмотрѣть школу лѣтомъ, когда студентки занимаются въ саду, обложенныя книгами, костями и *materia medica specimens*.

— Двѣ студентки играли въ теннисъ, когда я вошла — и отлично играли, надо имъ отдать справедливость. Мы немножко посмотрѣли на нихъ и пошли въ анатомическій.

— Ну?

— Я очень рада, что вы разсказали мнѣ все о немъ раньше, — *очень* рада. Если бы я вошла туда неподготовленной, пожалуй, онъ показался бы мнѣ ужасенъ, а теперь ничего... Тяжело, конечно, но страшно интересно. Демонстрировала молодая дѣвушка, милая такая. Она всюду меня повела и показала самыя лучшія сѣченія; я раньше понятія не имѣла, какъ это выглядитъ. Представьте себѣ, — съ торжествомъ вскричала Дорисъ,—я теперь знаю, что такое фасція, умѣю отличить сухожиліе отъ нерва, и не смѣшаю ни того, ни другого съ веной.

— Это хорошо. Многія изъ насъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ работы, не съумѣютъ этого сдѣлать въ трудномъ случаѣ.

— Не смѣйтесь надо мной; вы знаете, что я хочу сказать. О Мона, какъ могли вы пріѣхать въ Лондонъ и не вернуться къ своей работѣ, вотъ что для меня непостижимо!

— Да? Это интересно, но не совсѣмъ идетъ къ дѣлу. Что же вы еще видѣли? куда пошли изъ анатомическаго?

— Была на лекціи физіологіи. Читалъ молодой человѣкъ, который все время возводилъ очи горѣ, не двигая ни однимъ мускуломъ въ лицѣ, пока это не оказывалось безусловно необходимымъ.

Мона засмѣялась.

— Узнаю его; но это не мѣшало ему отлично видѣть, что происходитъ въ аудиторіи; онъ навѣрное замѣтилъ новую и внимательную слушательницу и спрашивалъ себя, кто бы это могъ быть? Онъ восхитительно читаетъ.

— Онъ очень милъ,—добросовѣстно согласилась Дорисъ,—и несомнѣнно очень уменъ, но было бы гораздо лучше, если бы лекціи читали женщины.

— Это правда, конечно, при условіи, что онѣ знали бы свое дѣло ничуть не хуже мужчинъ. Не забывайте, мой другъ, что хорошая

прачка лучше служитъ «женскому дѣлу», чѣмъ плохая лекторша или женщина-врачъ.

— О, я это знаю. Но читать физiологiю вовсе ужъ не такъ трудно. Мнѣ кажется, на это способны очень многiя.

Мона пожала плечами.

— Для того, чтобы быть хорошимъ лекторомъ по физiологiи, нужно много—гораздо больше, чѣмъ вы думаете,—подчеркнула она.

Дорисъ вспыхнула.

— Не вивисекцiя же!

— Да, и вивисекцiя. Возможно, что современная наука пошла по ложному пути; возможно и то, какъ сказалъ мнѣ одинъ молодой врачъ въ Борроунессѣ, что теперь останавливаться уже поздно и остается только сдѣлать логическiй переходъ къ вивисекцiи надъ человѣкомъ;—все это возможно, но при настоящемъ положенiи вещей я не вижу, какимъ образомъ добросовѣстный человѣкъ можетъ взяться читать лекцiи по физiологiи, если онъ самъ лично не производилъ опытовъ. Ему нѣтъ надобности производить опыты надъ живыми животными на глазахъ у студентовъ, но въ каждый данный моментъ онъ обязательно долженъ быть въ курсѣ дѣла.

Дорисъ не отвѣчала. Мона всегда была для нея авторитетомъ; она не допускала и мысли, что Мона можетъ судить о чемъ бы то ни было не здраво и несправедливо; она старалась во всемъ соглашаться съ подругой, но сейчасъ это было очень трудно.

— А какъ относится вашъ молодой врачъ въ Борроунессѣ къ женщинамъ-врачамъ?—неожиданно спросила она.

Мона вздрогнула.

— Онъ не знаетъ, что я изучаю медицину. Зачѣмъ ему знать?

— О, Мона, неужели вы не сказали ему? Упустили такой прекрасный случай постоять за свое дѣло!

— Не въ моихъ привычкахъ ходить съ ярлычкомъ, дорогая; но, если хотите, можете привѣсить его мнѣ на шею.

— Впрочемъ, вы же съ нимъ еще увидитесь. Торопиться некуда.

— Надо полагать, что такъ,—не безъ горечи отвѣтила Мона,—а теперь, милый другъ, мнѣ пора идти.

XXIV.

Голосъ въ туманѣ.

Густой туманъ повисъ надъ городомъ.

Дорисъ и Мона провели полдня въ лавкахъ и складахъ, и Мона ликовала. Она была убѣждена, что ни одна человѣческая душа не могла бы болѣе производительно израсходовать десять фунтовъ, и ее трудно было даже заставить говорить о чемъ-либо другомъ.

*

Это очень забавляло Дорисъ. Она находила, что каждый «имѣетъ право развлекаться по своему», а ради того, чтобы провести день въ обществѣ Моны, стоило поступиться многимъ; но какъ могла интеллигентная женщина по доброй волѣ провести его именно *такимъ* образомъ—это было выше ея пониманія.

— Все это можно было устроить совершенно иначе,—смѣялась она.—Вамъ стоило заказать все это оптомъ въ какомъ-нибудь большомъ складѣ, предоставивъ подробности приказчикамъ, и вышло бы то же самое, плюсъ сбереженная энергія.

Мона только вздохнула. Дорисъ всегда находила, что въ важныхъ вещахъ нельзя ожидать безусловнаго сочувствія даже отъ самыхъ близкихъ друзей; когда обѣ дѣвушки сходились вмѣстѣ, Мона каждый разъ убѣждалась, что и въ мелочахъ нельзя разсчитывать на такое сочувствіе.

Покончивъ съ закупками, обѣ согласились, однакоже, зайти на часокъ въ Сентъ-Джемсъ-Холлъ отвести душу музыкой. Послѣднею въ программѣ стояла увертюра изъ «Тангейзера»; ради того, чтобы услыхать эту вещь, Мона охотно пошла-бы пѣшкомъ за двадцать миль. Когда онѣ вышли, уже совсѣмъ стемнѣло; уличные фонари тускло мигали въ туманѣ, бросая свѣтъ не больше, какъ на два-три ярда вокругъ, но Мона и съ закрытыми глазами нашла бы дорогу въ богоспасаемый Блумсбёри. Дорисъ тоже пошла ужинать къ Рейнольдсамъ, чтобы наконецъ познакомиться съ Люси; попозже тетка должна была прислать за нею кабріолетъ.

— Мона, вы слышите,—сказала она вдругъ, когда онѣ проходили по Пиккадилли,—позади насъ двое прохожихъ толкуютъ о вашемъ возлюбленномъ «Тангейзерѣ»?

Это было интересно. Мона забыла о своихъ покупкахъ и насторожила ушки.

Сначала слышались только отдѣльные возгласы въ родѣ; «шумъ и больше ничего», «отвратительная какофонія», «громовая проповѣдь» и т. д., но минуту спустя рука, лежавшая на рукѣ Дорисъ, невольно дрогнула—мягкій бархатный голосъ второго собесѣдника показался Монѣ до странности знакомымъ.

— Милый другъ, въ томъ-то и суть, по крайней мѣрѣ, для меня. Хоръ пилигримовъ красивъ и величественъ самъ по себѣ, но когда эти звуки, чистые, спокойные, неизмѣнные, постепенно наростая, безъ всякихъ видимыхъ усилій, покрываютъ собою весь шумъ, трескъ и грохотъ мірской суеты, голоса плоти и діавола,—это уже не просто красиво, это вдохновенно. Настроеніе пилигримовъ торжествуетъ, потому что оно все время остается вѣрнымъ себѣ.

Первый голосъ сказалъ что-то насчетъ «отсутствія мелодій», затѣмъ тотъ-же бархатный басъ продолжалъ:

— Я слишкомъ мало компетентенъ, чтобы спорить о технической

сторонѣ. Для меня вопросъ стоитъ просто: опера должна представлять собою органическое цѣлое,—не коллекцію шедевровъ, но одинъ цѣлый шедевръ. Возьмите, напримѣръ, «Донъ-Жуана»,..

Спорящіе свернули въ боковую улицу и голоса ихъ замерли вдали.

— Какой чудный голосъ!—сказала Дорисъ.

— Да.

— Знаете, Мона, онъ, должно быть, хорошій человѣкъ,

— Судя по голосу?

— Судя по голосу и по тому, что говорилъ голосъ. Молодые люди не часто такъ говорятъ.

— Откуда вы знаете, что онъ молодъ?

— Я увѣрена, что «милому другу» не больше двадцати пяти лѣтъ.

— Я бы сказала: двадцать семь,—задумчиво выговорила Мона.

Дорисъ засмѣялась.

— Вы очень точны. Или вы опять вернулись къ своимъ чернильницамъ?

Мона вздохнула.

— Да, я опять вернулась къ своимъ чернильницамъ.

Нѣсколько времени обѣ молчали. Первой заговорила Дорисъ.

— Желала бы я знать, кто этотъ молодой человѣкъ?

— Что это, Дорисъ, вы, кажется, выступаете въ новой роли? Это мало похоже на васъ—интересоваться молодыми людьми!

— Тѣмъ больше причинъ заинтересоваться исключительнымъ молодымъ человѣкомъ.

— Ахъ вы, милая моя старушка! — приласкала ее Мона. — Онъ, безспорно, хорошо говоритъ, но что если «разговоры» погубятъ его, какъ Гретхенъ ея красота?

— Не думаю. Не такіе «разговоры» губятъ людей.

— Именно такіе.

Но про себя Мона думала:

— Нѣтъ, этого не можетъ быть. Если у него есть даръ слова, такъ у него, по крайней мѣрѣ, есть и что̀ сказать.

—Какая это была восхитительная недѣля!—продолжала Дорисъ;—а теперь еще одно пріятное путешествіе по желѣзной дорогѣ въ вашемъ обществѣ, и затѣмъ—всему конецъ. Какая вы счастливица, Мона! вы можете устраивать свою жизнь, какъ вамъ угодно.

Мона улыбнулась, не отвѣчая. Эта обычная тема ихъ споровъ давно ей пріѣлась.

— Я знаю, что вы хотите сказать! Но меня вы ужъ лучше объ этомъ не спрашивайте. Я не съумѣю сказать, которая изъ этихъ двухъ чернильницъ лучше, и нахожу, что вы отлично сдѣлали, заказавъ по дюжинѣ обѣихъ

— Да, и главное шарниры прочные въ обѣихъ, — вы замѣтили? Въ дешевой чернильницѣ надо прежде всего обратить вниманіе на шарниръ.

— Гдѣ вы пропадали цѣлую вѣчность?—вскричала Люси, когда обѣ дѣвушки вошли въ столовую; она сидѣла въ тепломъ халатикѣ у камина.—Я уже хотѣла посылать за вами глашатая. Какъ я рада познакомиться съ вами, миссъ Колькхунъ!

— Она не такая хорошенькая, какъ я,—подумала Люси,—но Мона никогда этого не замѣтитъ.

Когда рѣчь зашла о покупкахъ, Люси обнаружила живѣйшій интересъ, болѣе чѣмъ искупавшій надменное безучастіе Дорисъ.

— Разумѣется, вамъ слѣдовало отправить все прямо на станцію, но мнѣ такъ хотѣлось бы посмотрѣть, что вы купили. Такъ жаль, что я не могла пойти вмѣстѣ съ вами! Ну, разсказывайте все по порядку. Куда вы пошли прежде всего?

Къ счастью, въ эту минуту вошелъ м-ръ Рейнольдсъ, и Дорисъ не пришлось вторично выслушивать болтовню о лентахъ, цвѣтахъ, записныхъ книжкахъ и проч. и проч.

— Не даромъ говоритъ пословица: «продержи вещь семь лѣтъ въ сундукѣ, на восьмой она тебѣ пригодится»,—начала Мона.—Моя ребяческая страсть къ витринамъ и красивымъ бездѣлушкамъ, какъ видите, сослужила мнѣ хорошую службу. Вы не можете себѣ представить, какъ это все изящно и мило. Лавки просто не узнать будетъ; я ее уберу, какъ игрушечку. Теперь мнѣ не придется краснѣть передъ заѣзжимъ покупателемъ.

— Какъ бы мнѣ хотѣлось поѣхать и посмотрѣть вашу лавку!—вскричала Люси.—Я съумѣла бы отлично «убрать окно». Вы не думаете, что Борроунессъ могъ бы мнѣ принести такую же пользу, какъ и Ривьера? Притомъ же, это обошлось бы гораздо дешевле, не правда ли?

— Много дешевле,—улыбнулась Мона,—но рѣзкій восточный вѣтеръ обладаетъ способностью каждаго задѣть по больному мѣсту, а вы не должны забывать, что теперь у васъ въ крѣпости есть предатель.

— Эта болѣзнь ужасно некстати. За право ученія заплачено, да еще книгъ новыхъ сколько придется купить. Просто не придумаю, откуда папа добудетъ денегъ на эту поѣздку.

— Не горюйте. Я думаю, что это можно будетъ устроить дешево.

— «Дешево»—понятіе относительное. Не забывайте, что мы всѣ, вмѣстѣ взятые, тратимъ въ годъ немногимъ больше вашего.

— Во всякомъ случаѣ, вамъ не придется платить за столъ.

Правду говоря, Мона уже написала леди Мунро о болѣзни своей подруги и надѣялась, что въ отвѣтъ та пригласитъ Люси погостить у нея мѣсяцъ-другой въ Каннахъ. Мона знала, что Мунро не изъ тѣхъ, которые ищутъ случая облагодѣтельствовать ближняго, но именно потому можно было разсчитывать, что они не откажутся сдѣлать доброе дѣло, когда случай представится самъ собой. Лично для Моны эта комбинація представляла большія неудобства, такъ какъ ей не хотѣлось, чтобы Мунро знали, гдѣ она проводитъ зиму, но съ такими мелкими

и эгоистическими соображеніями, конечно, считаться не слѣдовало. Притомъ же это, вѣроятно, удастся какъ-нибудь уладить.

Въ самый разгаръ разговора доложили, что ужинъ поданъ. Ужинъ былъ самый простой, семейный, но м-ръ Рейнольдсъ умѣлъ придать прелесть и достоинство всему, въ чемъ онъ участвовалъ. Послѣ ужина онъ отвелъ Мону въ сторону.

— Д-ръ Бэтсонъ говоритъ, что Люси было бы очень полезно пожить мѣсяцъ-другой въ болѣе тепломъ климатѣ, чтобы обезпечить себя отъ повторенія ревматическихъ болей. Мнѣ страшно хотѣлось бы отправить ее на югъ Франціи; вы человѣкъ бывалый; посовѣтуйте, какъ это устроить получше и подешевле. Вы видѣли, какъ мы живемъ, и мнѣ незачѣмъ вамъ говорить, что воспитаніе Люси ложится тяжелымъ бременемъ на мой кошелекъ. Я рѣшилъ дать ей образованіе, потому что это единственное, чѣмъ я могу обезпечить ее въ будущемъ. Я всегда стараюсь жить такъ, чтобы черный день не захватилъ меня врасплохъ, но именно теперь обстоятельства сложились чрезвычайно несчастливо: я только что внесъ деньги за правоученіе Люси, и этотъ новый расходъ является ужасно некстати.

— Сейчасъ я не могу сказать вамъ ничего опредѣленнаго—я сама очень мало знаю,—но могу навести справки; у меня есть друзья на Ривьерѣ. Я думаю, можно устроить такъ, чтобъ было и хорошо, и дешево. Во всякомъ случаѣ я дамъ вамъ знать въ концѣ этой недѣли.

— Если тетя окажется не на высотѣ положенія,—рѣшила про себя Мона,—я ужъ какъ-нибудь заставлю ихъ взять, сколько нужно, денегъ у меня.

XXV.

Новообращенная.

Опять Мона вышла въ Борроунессѣ, и опять Рэчель ждала ее на станціи.

Только теперь у нея не было никакихъ иллюзій относительно предстоящей жизни, не было ни неопредѣленности, ни смутныхъ мечтаній о самоотреченіи и призваніи. Оставалась одна ясная, плоская, унылая проза.

Не легко было на душѣ у Моны, но, когда поѣздъ остановился, Рэчель увидала въ окнѣ улыбающееся личико, легкіе шаги послышались на платформѣ, и веселый голосъ сказалъ:

— Вотъ видите, я вѣрна своему слову, и вы представить себѣ не можете, сколько хорошенькихъ вещицъ я привезла съ собою.

— Мона,—таинственно начала Рэчель, когда онѣ были уже недалеко отъ дому,—у меня есть для васъ новость. Какъ бы вы думали, кто былъ у насъ съ визитомъ?

— Боюсь, что мнѣ не угадать.

-- М-ръ Броунъ!

— Въ самомъ дѣлѣ?—разсѣянно выговорила Мона.

— Да. Такъ досадно, что васъ не было дома! Я такъ взволновалась, побѣжала скорѣе переодѣться въ свое лучшее платье; посидѣли мы, поболтали, потомъ провожаю его, и вдругъ—идетъ м-съ Робертсонъ. Вотъ-то она вытаращила глаза! Броунамъ никогда не пришло бы въ голову пріѣхать съ визитомъ къ ней. Я сказала ему, что вы гостите у знакомыхъ. Я не говорила, что вы въ Лондонѣ, боясь, какъ бы онъ не узналъ откуда-нибудь, что вы собираетесь быть докторшей.

— Это было бы ужасно, не правда ли?

— Да, но теперь вамъ бояться нечего. Онъ что-то болталъ насчетъ того, какъ трудно и скучно учить ребятъ и что для васъ полезно пожить здѣсь и отдохнуть, а я, само собой, не разувѣряла его; такъ онъ и остался при убѣжденіи, что вы учительница, хотя у меня и вертѣлось на языкѣ сказать, что у васъ, слава Богу, свои средства есть и по чужимъ домамъ вамъ таскаться незачѣмъ.

— Пожалуйста, объ этомъ никому ни слова,—довольно рѣзко прервала ее Мона.—Я не имѣю ни малѣйшаго желанія прослыть здѣсь выгодной невѣстой.

— Что жъ, душенька, вѣдь года-то идутъ. Надо косить сѣно, пока солнце свѣтитъ.

— Вѣрно,—но когда у дѣвушки есть хоть четыреста фунтовъ годового дохода, ей незачѣмъ торопиться.

Вечеромъ Билль принесъ со станціи багажъ Моны, и обѣ кузины съ одинаковымъ наслажденіемъ принялись распаковывать ящики. «Ну что это, ей Богу!» и «Ахъ ты, шутъ тебя возьми!» и тому подобныя воскицанія то и дѣло срывались съ устъ Рэчели при видѣ прелестей, вынимаемыхъ Моной изъ разныхъ картонокъ. Десять фунтовъ, конечно, большія деньги, но кто бы могъ подумать, что за десять фунтовъ можно накупить столько разныхъ разностей!

— Вы положительно рождены быть продавщицей, душа моя!—повторяла Рэчель съ неподдѣльнымъ восхищеніемъ.

Мона смѣялась.

— Не напечатать ли намъ въ мѣстной газеткѣ, что «миссъ Маклинъ, только что вернувшись изъ Лондона, предлагаетъ покупательницамъ отмѣнный выборъ всѣхъ новостей сезона?»—сказала она, но тутъ же поспѣшила взять назадъ свое предложеніе, замѣтивъ, что Рэчель готова отнестить къ нему совершенно серьезно.

— А теперь,—продолжала она,—еще одна вещица, но уже не для магазина, а для васъ самихъ.—И, развернувъ закрывавшіе ее листы оберточной бумаги, Мона вынула изъ ящика красивую темную мантилью, подбитую мѣхомъ.

Господи Боже! Рэчель въ жизнь свою не видала такой велико-

лѣпной накидки; когда она стала примѣрять обновку, у нея даже слезы выступили на глазахъ.

— Меня не столько трогаетъ подарокъ, сколько ваша доброта, душа моя,—пояснила она;—а все же лучше этой мантильи не сыскать и въ Сентъ-Рульсѣ. Мнѣ она хватитъ до конца жизни.

Мона, довольная, поцѣловала ее въ лобъ.

— Я привезла также муфточку и теплую пелеринку для Салли. Она все жалуется, что ей холодно. Это ей въ награду за то, что я ее заставила истратить часть жалованья на фланелевое платье.

— Ну, скажите пожалуйста. Да она совсѣмъ спятитъ отъ радости. Теперь ее и дома-то не удержишь! Какъ хорошо, что вы вернулись, Мона! И не сосчитать, сколько народу спрашивало про васъ въ магазинѣ; съ тѣхъ поръ, какъ вы стали за прилавокъ, у насъ вдвое больше покупателей. Миссъ Мойръ отложила покупать шляпку до вашего возвращенія—хочетъ, чтобъ вы ей помогли выбрать; Полли изъ Тоуэрса приносила образчики, хотѣла васъ просить, чтобы вы ей посовѣтовали, какую матерію взять на платье.

— Въ самомъ дѣлѣ? Какъ это мило съ ея стороны! Надѣюсь, вы сказали ей, чтобъ она пришла еще разъ. А полковникова Дженни не заходила?

— О нѣтъ, для нея это слишкомъ далеко. Киркстоунъ гораздо ближе, да и магазины тамъ лучше.

— Она жаловалась мнѣ, что съ тѣхъ поръ, какъ Магги поступила на мѣсто, ей некому писать письма, и я обѣщала какъ-нибудь зайти къ ней, чтобы исполнить для нея обязанности писца. У меня это все время лежало на душѣ, пока я была въ Лондонѣ. Только вотъ уберу магазинъ, разставлю всѣ эти вещицы, и пойду къ ней. Полковникъ уже уѣхалъ?

— Нѣтъ еще; завтра, кажется, уѣзжаетъ.

Большинство знакомыхъ Дженни предпочитали навѣщать ее въ отсутствіе ея хозяина. Полковникъ слылъ во всемъ околодкѣ за страшнаго чудака, и нужно было не малое гражданское мужество, чтобы рискнуть случайно встрѣтиться съ нимъ. Разумѣется, можно было застать его и въ наилучшемъ расположеніи духа, но разсчитывать на это заранѣе было опасно; зато всѣмъ была извѣстна его безцеремонность въ разговорѣ, не умѣрявшаяся ни тактичностью, ни правилами простого приличія. Онъ чтó думалъ, то и говорилъ, и нерѣдко говорилъ хуже, чѣмъ думалъ. Еще не такъ давно, нѣсколько лѣтъ назадъ, его семейство владѣло всѣмъ помѣстьемъ, гдѣ онъ теперь арендовалъ хорошенькій коттэджъ, стоявшій невдалекѣ отъ моря, въ сосновомъ лѣсу. Здѣсь онъ и жилъ большую часть года, одинъ со своей старой экономкой, Дженни, не принимая никакого участія въ мѣстной общественной жизни, но навѣщая кого захочется и когда захочется, безъ всякаго вниманія къ общепринятому порядку. Странныя вещи разсказывали о немъ, но

старая Дженни, когда къ ней обращались за справками, молчала, какъ сфинксъ, не спорила, но и не подтверждала. Она давно привыкла къ странностямъ своего господина и не возмущалась его пристрастіемъ и къ «крѣпкому словцу», и къ крѣпкимъ напиткамъ.

— Не хотите ли стаканчикъ виски съ водой, полковникъ?—предложила м-съ Гамильтонъ, когда онъ случайно зашелъ къ ней въ одно холодное утро.

— Благодарствуйте, сударыня,—отвѣтилъ онъ;—насчетъ воды не хлопочите; мы и безъ нея обойдемся.

Умная старушка пользовалась большой его симпатіей, тѣмъ болѣе, что, по ея мнѣнію, старому солдату изъ хорошей семьи предоставлялось право быть рѣзкимъ и грубымъ.

Въ сущности, полковникъ былъ добрякъ и любилъ дѣтей, хотя тѣ по большей части побаивались его. Встрѣтивъ въ почтовой конторѣ, его излюбленномъ мѣстопребываніи, какого-нибудь румянаго мальчугана или дѣвчурку, онъ неизмѣнно обращался къ хозяйкѣ съ просьбой завернуть для «юнаго джентльмена» или «юной леди» на шесть пенсовъ леденцовъ—не надо забывать, что Борроунесская контора помѣщалась въ бакалейной лавкѣ.

Монѣ любопытно было взглянуть на старика; ей помнилось, что въ дѣтствѣ она слыхала о немъ отъ отца; но въ первые дни послѣ возвращенія у нея были полны руки работы. Рэчель дала разрѣшеніе почистить лавку, выбѣлить потолокъ и оклеить ее новыми обоями; Мона сама разставила и разложила товаръ и, когда все было готово, «магазинъ» сдѣлался неузнаваемъ.

Поставивъ на мѣсто послѣднюю чернильницу, Мона обвела все торжествующимъ взглядомъ и захлопала въ ладоши отъ радости. Затѣмъ она посмотрѣла на часы; но время было уже позднее, а до коттэджа полковника считалось около четырехъ миль; поэтому она еще разъ отложила свой визитъ къ старой Дженни. Рисовать не тянуло—она слишкомъ устала; Мона взяла книжку стихотвореній и, не спѣша, направилась къ замку Маклинъ.

День былъ сѣренькій, тихій. Дальніе холмы потонули въ туманѣ, но скалистый берегъ былъ величественъ, какъ всегда, и рокотъ волнъ, разбивавшихся о камни, звучалъ въ ея ушахъ слаще музыки.

Скоро однако ея мечтательное настроеніе было нарушено: на тропинкѣ раздались шаги; на мгновеніе сердце ея забилось быстрѣе, но тотчасъ же она чуть не разсмѣялась надъ собственной глупостью. Передъ нею предстала Матильда Куксонъ, въ шикарной шляпкѣ, съѣхавшей на бокъ, и съ растрепавшимися рыжими локонами.

— Гдѣ вы пропадали, миссъ Маклинъ? — начала она, съ трудомъ переводя духъ и присаживаясь на выступъ скалы.—Я уже двѣ недѣли ищу случая переговорить съ вами.

Лино Моны выразило неподдѣльное изумленіе.

— Меня не было здѣсь. Что вамъ угодно отъ меня?

— Не было здѣсь! Такъ вы никому еще не сказали?

— Чего не сказала?

Матильда сдвинула брови. Если миссъ Маклинъ въ самомъ дѣлѣ ничего не замѣтила, не слѣдовало и заводить объ этомъ рѣчь, но теперь отступать было уже поздно.

— Я думала, что вы видѣли меня — помните, тогда, въ Сентъ-Рульсѣ!

— Ахъ вотъ что!—Мона припомнила случайную встрѣчу, — Да, я видѣла васъ, но почему же вы хотите, чтобъ я никому объ этомъ не говорила?

Матильда покраснѣла до корней волосъ и, наклонившись, принялась чертить что-то зонтикомъ на камнѣ. Она не ожидала такого прямого вопроса. Она думала, что достаточно будетъ нѣсколькихъ, мимоходомъ брошенныхъ словъ, чтобъ уладить дѣло, и была убѣждена, что такъ бы оно и вышло, случись ей застать миссъ Маклинъ одну въ лавкѣ, или встрѣтиться съ ней у себя дома. Но на этихъ утесахъ, гдѣ Мона расположилась такъ уютно, съ полуразрѣзанной нѣмецкой книжкой въ рукахъ, гдѣ она, повидимому, чувствовала себя полной хозяйкой, и смотрѣла такой спокойной и самоувѣренной, дѣло принимало гораздо болѣе серьезный оборотъ.

Мона внимательно вглядывалась въ пылающее лицо Матильды.

Ей очень хотѣлось сказать: Дитя мое, я и безъ вашей просьбы никому бы ничего не расказывала; я и думать объ этомъ забыла,—и этимъ сразу покончить дѣло, но ей смутно припомнился разговоръ съ докторомъ Дудлеемъ по поводу этихъ дѣвушекъ, и это удержало ее. Она забыла, что дѣвицы Куксонъ должны были считать ее ниже себя по общественному положенію и помнила только, что она женщина, а слѣдовательно, болѣе или менѣе отвѣтственна за каждую молоденькую дѣвушку, съ которой она столкнется въ жизни.

Она положила руку на плечо нежданной гостьи.

— Можете быть увѣрены, что я не поставлю васъ въ неловкое положеніе, но все-таки вы лучше разскажите мнѣ, почему вы не хотите, чтобъ я говорила объ этомъ.

Прикосновеніе Моны обладало магнетической силой — по крайней мѣрѣ, такъ рѣшила Матильда Куксонъ. За всю свою сѣренькую, безцвѣтную жизнь она не испытывала ничего подобнаго. Словно электрическій токъ пробѣжалъ по всему ея тѣлу. Въ эту минуту она готова была во всемъ признаться, можетъ быть, съ тѣмъ, чтобы горько пожалѣть о своей откровенности часъ спустя.

Разсказъ былъ не новъ, даже для малоопытныхъ ушей Моны. Два года тому назадъ, всѣ воспитанницы пансіона миссъ Барнетъ въ Кирксто унѣ были влюблены въ учителя рисованія, два раза въ недѣлю пріѣзжавшаго давать урокъ изъ Сентъ-Рульса. Его большіе черные глаза

и томныя манеры натворили не мало бѣдъ даже въ «душныхъ монастырскихъ стѣнахъ»; когда же онъ прекратилъ занятія, такъ какъ у него накопилось слишкомъ много уроковъ въ Сентъ-Рульсѣ, ученицы проводили его плачемъ и воплями.

Вскорѣ послѣ того Матильда поступила въ Лондонскій пансіонъ и совсѣмъ забыла о красивомъ учителѣ рисованія, но. по пріѣздѣ домой, достаточно было случайной встрѣчи на вечерѣ, чтобы снова поддаться прежнему обаянію. За первой случайной встрѣчей послѣдовали другія; когда же м-съ Куксонъ объявила, что Матильда будетъ каждую недѣлю ѣздить въ Сентъ-Рульсъ на урокъ музыки, искушеніе устроить еще нѣсколько «случайныхъ встрѣчъ» оказалось непреодолимымъ.

Выслушавъ эту исповѣдь, Мона почувствовала себя довольно неловко. Какъ теперь быть? Она такъ мало знала эту дѣвушку. Какимъ богамъ она молится? Есть ли у нея идеалы? герои? героини? Найдутъ ли слова ея откликъ въ этой юной душѣ? Мона сама была слишкомъ молода, чтобы, приступая къ бою, не пустить въ ходъ самой тяжелой артиллеріи.

— Сколько вамъ лѣтъ?—спросила она вдругъ.

— Восемнадцать.

— Развѣ вы не стремитесь быть хорошей женщиной—нравственно хорошей?

«Нравственно хорошей»—звукъ этихъ словъ, произнесенныхъ полузастѣнчиво, полунаставительно, былъ почти чуждъ слуху Матильды. Почти, но не совсѣмъ. Онъ навѣвалъ смутныя грезы о вечерней службѣ при зажженныхъ свѣчахъ, о какихъ-то смутныхъ порываніяхъ къ лучшему, и болѣе отчетливыя воспоминанія объ одномъ періодѣ ея жизни, когда она была «истеричкой», ходила на митинги, чувствовала себя «обращенной» и «возрожденной». Въ то время она была очень счастлива, но это продолжалось недолго, всего нѣсколько недѣль. Такія состоянія недолговѣчны, какъ всякое возбужденіе,—сказалъ ей тогда отецъ. Къ чему же теперь копаться въ этомъ старомъ хламѣ!..

— Я не вижу большой бѣды въ нашихъ встрѣчахъ,—молвила она упрямо.

— Я вполнѣ увѣрена, что вы и не хотѣли сдѣлать ничего особенно дурного, но знаете ли вы, какъ мужчины говорятъ о дѣвушкахъ, которыя «слишкомъ податливы», какъ они выражаются?

Матильда покраснѣла.

— Я увѣрена, что онъ не сказалъ бы обо мнѣ ничего худого. Онъ страстно влюбленъ въ меня.

— Въ самомъ дѣлѣ? Я мало знаю о любви, но если онъ любитъ васъ, вы, конечно, должны желать, чтобы онъ и уважалъ васъ. Вѣдь вы не захотите, чтобъ онъ сталъ хуже отъ того, что любитъ васъ,—а онъ станетъ хуже, если начнетъ дурно думать о женщинахъ.

— Вы хотите сказать, что мнѣ не слѣдуетъ больше встрѣчаться съ нимъ.

— Я хочу сказать, что онъ не можетъ уважать васъ, зная, что вы видитесь съ нимъ безъ позволенія вашей матери.

— Предположимъ, что я не дамъ вамъ обѣщанія не встрѣчаться съ нимъ больше—что вы сдѣлаете?

— Не считаю себя въ правѣ требовать отъ васъ такого обѣщанія.

— Такъ вы никому не скажете объ этомъ, что бы ни случилось?

Мона улыбнулась.

— Не вижу, почему вы имѣете право требовать обѣщанія отъ меня.

Матильда не могла не улыбнуться въ свою очередь. Ударъ былъ отраженъ по всѣмъ правиламъ искусства.

— Но, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ вы никому объ этомъ не говорили?

— Никому.

— Ни даже миссъ Симпсонъ?

— Я же вамъ сказала, что никому.

— Это очень мило съ вашей стороны.

— Боюсь, что не заслуживаю вашихъ похвалъ; мнѣ просто въ голову не приходило заговорить объ этомъ съ кѣмъ-нибудь.

— Хотя вы отлично узнали меня?

Мона разсмѣялась отъ души.

— Хотя я отлично узнала васъ.

Наступило минутное молчаніе. Матильда для храбрости слегка притопнула ножкой въ ботинкѣ съ высокимъ каблучкомъ и рѣшила перемѣнить разговоръ.

— Давнымъ-давно,—начала она,—когда я была дѣвочкой, я вѣрила одно время въ самоотверженіе, высокіе идеалы и т. под.—но вѣдь съ этимъ не проживешь. Это все мечты.

— Мечты!—съ мягкимъ укоромъ повторила Мона.

«Нѣтъ, нѣтъ, клянусь Распятымъ
И всѣми, кто страдалъ!»

— Все остальное—мечты, да; но это дѣйствительность. Вамъ данъ былъ случай приблизиться къ идеалу. Надо было схватиться за него обѣими руками. Вы упустили его, и теперь душа ваша тонетъ въ морѣ ничтожности.

Ни одинъ проповѣдникъ не могъ бы такъ разгромить ее. Матильда ощутила слабый приливъ былого энтузіазма, но, не желая выдать себя, возразила:

— Вамъ хорошо говорить. Вы не знаете, что значитъ быть первыми богачами въ такомъ мѣстечкѣ, какъ это! Па̀ и ма̀ не позволяютъ никому даже разговаривать съ нами. Это кончится тѣмъ, что мы

совсѣмъ не выйдемъ замужъ. Они все будутъ выбирать, да перебирать, а время-то и уйдетъ.

— Дитя, развѣ въ жизни только и счастья, что замужество? И если даже такъ, ужъ навѣрное лучшія жены выходятъ изъ тѣхъ дѣвушекъ, которыя довольствуются тѣмъ, что онѣ—душа и радость своей семьи, а не изъ тѣхъ, которыя все смотрятъ вдаль и ждутъ, не пріѣдетъ ли рыцарь освободить ихъ отъ великана.

Въ Лондонѣ Мона встрѣчала не мало дѣвицъ, тяготившихся узкимъ семейнымъ кругомъ и мечтавшихъ объ иной «сферѣ», но дѣвушка, жаждавшая просто-на-просто мужа, являлась для нея новымъ типомъ; это былъ разительный примѣръ атавизма.

Матильда вздохнула.

— Вы не знаете, какъ мы живемъ. Ходимъ въ гости и къ намъ ходятъ въ гости; гуляемъ по шоссе, вяжемъ крючкомъ, играемъ на фортепіано, да еще читаемъ романы изъ городской библіотеки,—вотъ и все. И каждый день одно и то же!

— Развѣ вы не любите книгъ и музыки, что онѣ не доставляютъ вамъ удовольствія?

Матильда покачала головой.

— Вы можете читать по нѣмецки?—неожиданно спросила она, глядя на книгу Моны.

— Да, а вы?

— Нѣтъ, и въ жизнь свою не встрѣчала никого, кто бы могъ это дѣлать, кромѣ развѣ моей нѣмки учительницы. Я три года училась нѣмецкому языку въ пансіонѣ, но теперь помню изъ десяти словъ одно. А жаль! Вотъ была исторія, какъ отецъ разъ принесъ намъ нѣмецкое письмо изъ конторы,—я тогда только что кончила,—онъ воображалъ, что я въ состояніи его перевести!

— Вамъ легко было бы подучиться. Нужно только немножко терпѣнія и настойчивости. Стоитъ внимательно прочесть одну нѣмецкую книгу съ диксіонеромъ,—остальное пойдетъ легко.

Матильда сдѣлала гримасу.

— У меня есть только одна «Bilderbuch» *), да и ту я знаю переводить наизусть, у насъ ее постоянно читали въ классѣ. Вы только начните, я и пойду катать, а въ разбивку, пожалуй, не съумѣю даже сказать, какъ по-нѣмецки «луна».

Она сама дивилась своей откровенности. Такъ она еще ни съ кѣмъ не говорила.

— Мнѣ не хочется вамъ вѣрить. Позвольте мнѣ судить самой.— И Мона раскрыла книгу на первой страницѣ.

Матильда закрылась руками.

— Не надо пожалуйста! Мнѣ стыдно показать вамъ, какъ я мало

*) Разсказы мѣсяца—Андерсенъ.

знаю. Но я попытаюсь выучиться. Сегодня же примусь опять за «Bilderbuch», хотя ненавижу ее не меньше, чѣмъ «Лицидада» и «Гамлета», и всё остальное, что̀ у насъ читали въ классѣ.

Мона невольно вздрогнула.

— Зачѣмъ же читать то, что̀ надоѣло до тошноты! Если хотите, я дамъ вамъ интересную книгу, которая васъ захватитъ помимо воли.

— Страшно вамъ благодарна. Вы очень добры.

— Я буду очень рада помочь вамъ, если вамъ встрѣтится трудное выраженіе.—Мона помолчала.—Я уже говорила, что не считаю себя вправѣ брать съ васъ обѣщанія, но не умѣю сказать, насколько вы повысились бы въ моемъ уваженіи, еслибъ дали себѣ трудъ дочитать до конца.

Это заключеніе поразило Матильду своей неожиданностью. Она думала, что Мона говоритъ объ учителѣ рисованія, но Мона, кажется, забыла обо всемъ на свѣтѣ, кромѣ своихъ нѣмецкихъ книгъ.

— Можно будетъ какъ-нибудь придти сюда къ вамъ, поболтать? Я часто вижу, какъ вы гуляете по берегу.

— Я не могу сказать заранѣе, когда я здѣсь буду, но если вы согласны рискнуть, я буду очень рада васъ видѣть.

Когда посѣтительница ушла, Мона улыбнулась полу-насмѣшливо, полупечально, говоря себѣ.:

— Новый Адамъ стремится къ свѣту, но старый Адамъ не уступаетъ своихъ правъ безъ борьбы.

Черезъ минуту Матильда вернулась и застѣнчиво попросила:

— Не скажете ли вы мнѣ еще разъ этого стишка про Христа и мучениковъ?

Мона улыбнулась.

— Погодите минутку, я напишу вамъ.—И, вырвавъ листокъ изъ своей записной книжки, она написала на немъ всю строфу:

«No, no, by all the martyrs and the dear dead Christ;
By the long bright roll of those whom joyenticed
With her myriad blandishments, but could not win,
Who would fight for victory, but would not sin» *).

Матильда прочла стихи и тщательно сложила листокъ, причемъ замѣтила и прочла вслухъ написанный на оборотѣ адресъ:

«Леди Мунро, *Poste Restante*, Канны».

— Кто такая леди Мунро?—грубовато спросила она.

— Моя тетка. Я не знала, что ея адресъ былъ записанъ какъ разъ на этомъ листкѣ.

---

*) Нѣтъ, нѣтъ, клянусь всѣми мучениками и распятымъ Христомъ;
Длиннымъ спискомъ тѣхъ, кого счастье манило
Миріадами обольщеній, но не подчинило себѣ;
Кто боролся, чтобы побѣдить, но не грѣшилъ.

Мона оторвала тотъ кусочекъ листка, гдѣ стояло имя, и протянула Матильдѣ остальное.

— Леди Мунро вамъ родная тетка, а вы живете у миссъ Симпсонъ!

— Почему же нѣтъ? Миссъ Симпсонъ моя кузина.

— Миссъ Маклинъ, еслибъ *у меня* была тетка «леди», это было бы извѣстно цѣлому свѣту. Не думаю, чтобъ я была способна проѣхать двѣ станціи по желѣзной дорогѣ, не разболтавъ этого всѣмъ пассажирамъ.

Мона засмѣялась.

— Я уже сказала вамъ, что не стану вѣрить вамъ нà-слово. Въ сущности, мнѣ не хотѣлось бы, чтобы здѣсь знали о существованіи леди Мунро. Мнѣ было бы непріятно, еслибъ другіе начали дѣлать сравненія между нею и миссъ Симпсонъ.

— Простите меня. Я не хотѣла...

— Я знаю, что вы не хотѣли обидѣть меня. Я сама виновата, что не посмотрѣла. Но все-таки мнѣ бы не хотѣлось, чтобы другіе знали объ этомъ. *Auf Wiedersehen*!

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

РАЗСКАЗЫ АЛЛЕНА УАЙТА.

Переводъ съ англійскаго.

I.

Грѣшная дочь.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, дочь старика Билея работала на фабрикѣ. Она была хорошенькой дѣвушкой, и естественно, сосѣди много говорили о ней, потому что, вопреки теоріи, гласящей, что бѣдность и добродѣтель неразлучны, люди, живущіе по теченію рѣчки Джерсей-Крикъ, нисколько не лучше обитателей аристократическихъ кварталовъ Нью-Іорка. Когда она ушла съ фабрики, сосѣди объяснили это тѣмъ, что управляющій былъ съ ней слишкомъ любезенъ. Впрочемъ, если бы она осталась на фабрикѣ, то и это объяснили бы тою же причиной. Она стала ходить въ театръ съ молодыми людьми, которые поднимали воротникъ своего пиджака и носили его зимой и лѣтомъ вмѣсто пальто.

Уйдя съ фабрики, она осталась жить у отца и яко бы занималась у него хозяйствомъ. Онъ работалъ въ мастерской, гдѣ-то на окраинѣ, возвращался домой по вечерамъ усталый и угрюмый и рано ложился спать. Онъ спалъ въ комнатѣ за кухней, а дочь его—въ передней комнатѣ. Онъ не зналъ, когда она возвращается ночью домой, да и нисколько этимъ не интересовался. Онъ не обращалъ также вниманія на то, что маленькіе братья и сестры дразнили его старшую дочь молодыми людьми, бывавшими у нихъ въ гостяхъ. Если бы другіе члены семьи дразнили десятилѣтнюю сестренку, которая была главной зачинщицей такихъ разговоровъ, отецъ также мало обращалъ бы вниманія на ихъ болтовню. Старшая дочь дѣлала его очень счастливымъ своей безхитростной лаской, хотя, конечно, онъ не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что его чувство къ ней и то желаніе поскорѣе вернуться домой къ ужину, которое онъ испытывалъ въ теченіе дня, и было счастіемъ.

Но, безсознательно, дочь сдѣлалась ему очень дорога. Онъ не умѣлъ анализировать своихъ чувствъ, но, тѣмъ не менѣе, не могъ не замѣчать ея красоты и не гордиться ею; когда она наряжалась, уходя куда-нибудь, а уходила она очень часто, родительская гордость ослѣпляла его, и онъ не замѣчалъ кричащей яркости ея платья, ея взбитыхъ во-

лось и бьющаго въ глаза неестественнаго румянца на ея хорошенькомъ личикѣ. Очень возможно, что онъ былъ настолько ненаблюдателенъ, что не замѣтилъ бы всего этого, даже если бы и не любилъ ея такъ сильно. Но другіе отцы, у которыхъ были дочери, прекрасно все замѣчали, и сосѣдки, у которыхъ были взрослые сыновья, не упоминали въ семейномъ кругу имени миссъ Билей. Только когда она неожиданно для всѣхъ вступила въ странствующую труппу актеровъ и отправилась съ ними на западъ играть «Дочь фермера» и «Бѣлую рабыню», имя ея стало свободно произноситься въ аристократическихъ кружкахъ Джерси-Крика, и затѣмъ она точно умерла для всѣхъ. М съ Гинклей, которая смотрѣла за дѣтьми и вела хозяйство въ домѣ осиротѣвшаго старика, часто говорила любопытнымъ сосѣдкамъ: «У меня просто сердце надрывается, когда я вижу, какъ м-ръ Билей тоскуетъ и убивается по этой дѣвчонкѣ. А когда онъ получаетъ отъ нея письмо, онъ читаетъ его вслухъ за ужиномъ, и ужъ такъ бываетъ доволенъ. Боже мой, бѣдный старикъ! Хотѣла бы я знать, знаетъ ли онъ...» Обыкновенно она заканчивала свои разсужденія, говоря со вздохомъ: «Я, во всякомъ случаѣ, ничего не скажу ему».

Разлука—удивительная вещь. По своей способности измѣнять людей и ихъ взаимныя соотношенія, она подобна темнотѣ. Хотя Али выросла на его глазахъ, старикъ почти никогда не перемолвился словомъ со своей дочерью. Отецъ никогда не задумывался надъ тѣмъ, чѣмъ была его дочь. Въ мысляхъ его она оставалась только «ею». Они были чужими, но когда онъ началъ забывать ея присутствіе, онъ сталъ постоянно думать о томъ, что бы онъ хотѣлъ ей сказать. «Она» исчезла и мѣсто ея заняли мечты, совершенно отличныя отъ его прежняго представленія о своей дочери. Онъ скучалъ по ней и жаждалъ высказать ей всю свою любовь. Среди шума машинныхъ колесъ онъ бормоталъ себѣ подъ носъ длинные разговоры, которые ему хотѣлось вести съ нею, и въ письмахъ, которыя онъ изрѣдка писалъ ей, онъ царапалъ кое-что изъ этихъ нѣжностей.

Однажды она написала, что вернется домой на каникулы, и онъ былъ очень радъ. Онъ читалъ и перечитывалъ это письмо, и за ужиномъ прочелъ его вслухъ м-съ Гинклей и дѣтямъ. Когда онъ читалъ его, то ни онъ, ни его слушатели не представляли себѣ, сколько чувства было вложено въ простыя слова: «мнѣ хочется опять быть дома со всѣми вами». Эти слова должны были выразить цѣлую повѣсть одиночества, отчаянія и душевной муки, но они были обыденны и не производили никакого дѣйствія. Если бы кто нибудь сказалъ м-съ Гинклей, что у «этой дѣвчонки» могутъ быть какія-либо человѣческія чувства, она бы не повѣрила, и всякія увѣренія упали бы на безплодную почву.

Когда настало день ея возвращенія, м-съ Гинклей оставила домъ Билей, но старикъ устроилъ себѣ праздникъ и не пошелъ на работу. Онъ радовался при мысли, что сможетъ теперь сказать ей тѣ ласковыя

слова, которыя накопились у него на душѣ, и въ то же время боялся, что дочь настолько выше его, что вся его нѣжность окажется ей ненужной. Онъ надѣлъ свое лучшее платье и услалъ изъ дому всѣхъ дѣтей. Въ домѣ все было прибрано, какъ передъ приходомъ гостей: онъ самъ убралъ все и въ комнатахъ царила праздничная тишина и чопорность. Онъ сидѣлъ въ первой комнатѣ, ожидая ее. Когда онъ услышалъ голоса на улицѣ и узналъ голосъ дочери, сердце у него забилось; но, заглянувъ въ окно, онъ увидѣлъ какого-то посторонняго мужчину вмѣстѣ съ нею, и сердце его упало.

Отецъ и дочь встрѣтились у двери. Онъ протянулъ ей руку и она вошла, сопутствуемая незнакомымъ мужчиной; отецъ смущенно привѣтствовалъ ее.

— Ну, Али — проговорилъ онъ растерянно, и черезъ нѣкоторое время прибавилъ:—какъ поживаешь?

Она отвѣтила ему, улыбаясь, и старикъ продолжалъ говорить тѣмъ же неестественнымъ тономъ, искоса поглядывая на незнакомца, который такъ и не былъ ему представленъ.

— Ты, вѣрно, сдѣлалась теперь такой важной барыней...

— Нѣтъ ли у тебя чего-нибудь поѣсть, па? — спросила молодая дѣвушка, снимая перчатки и бросая на кровать свою замысловатую, но уже порядкомъ истрепавшуюся шляпу.—Я умираю отъ голода. Мы сегодня съ утра ничего не ѣли.

Старикъ поспѣшилъ въ кухню, и когда онъ вернулся, незнакомца уже не было. Али не прикоснулась къ тому, что онъ принесъ, но повернулась къ нему и охватила руками его шею. На глазахъ ея были слезы, когда она сказала:

— О, па, какъ хорошо быть опять дома!

Отецъ собралъ всѣ свои силы, чтобы избѣгнуть обычныхъ привѣтственныхъ словъ, и началъ дрожащимъ голосомъ:

— Али, ты, можетъ быть... можетъ быть, тебѣ приходило въ голову, что твой старикъ забылъ тебя... но, Али, я... ты знаешь, я ужасно много о тебѣ думалъ...

Больше онъ ничего не могъ сказать и только поцѣловалъ ее, но и этого уже было много. Потомъ они оба успокоились и начали говорить о дѣтяхъ, о которыхъ она много разспрашивала, и о сосѣдяхъ, о которыхъ она не спрашивала ничего.

Странствующая труппа потерпѣла фіаско и Али собиралась пожить дома. Разлука научила и ее, и отца цѣнить другъ друга. Отецъ такъ радъ былъ ея возвращенію, что даже не замѣчалъ исчезновенія сосѣдей, которые какъ будто стали избѣгать ихъ домъ. Когда онъ приглашалъ кого-нибудь изъ нихъ въ гости и они подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ уклонялись, онъ принималъ всѣ ихъ объясненія за чистую монету и не задумывался надъ ними.

Его отцовская гордость не знала никакихъ границъ. Однажды, когда

у нихъ въ мастерской во время обѣденнаго перерыва между молодыми рабочими завязался раговоръ о хорошенькихъ дѣвушкахъ, онъ вмѣшался въ него, и заявилъ:

— А я вамъ скажу, братцы, что у меня дома есть такая дѣвушка, которая забьетъ всѣхъ вашихъ, вмѣстѣ взятыхъ. Вотъ, придите какъ-нибудь въ праздникъ ко мнѣ — сами увидите.

А когда молодежь переглянулась между собой и засмѣялась, старикъ тоже засмѣялся и повторилъ:

— Я знаю, что говорю: она самая хорошенькая изъ всѣхъ, какія здѣсь есть.

Вечеромъ онъ разсказалъ ей про этотъ разговоръ, про то, какъ всѣ смѣялись, и какъ онъ все-таки настаивалъ на своемъ; но она стояла у плиты и онъ не видѣлъ, какъ глаза ея вспыхнули ненавистью, когда она наклонилась надъ кухонной посудой. Старикъ и дѣти продолжали болтать, пока она не совладала съ собой и не присоединилась къ семейной группѣ со своимъ обычнымъ спокойнымъ видомъ.

Въ эту ночь она долго не могла заснуть и много разъ переворачивала на всѣ лады свою подушку. Она проклинала жизнь и людей, и хотѣла заставить ихъ страдать. Позоръ отца и мысль, что она не можетъ защитить его, приводили ее въ неистовство. Когда уже почти начало свѣтать, она доплакалась до того, что, наконецъ, заснула. Ее разбудилъ отецъ, выгребавшій угли изъ кухонной плиты; она посмотрѣла на старика и ее охватила великая любовь къ нему. Весь этотъ день, занимаясь хозяйствомъ, она думала объ отцѣ. Ей казалось, что жизнь съ нимъ, дѣйствительно, стоитъ того, чтобы жить, и она была рада, что, вернувшись домой, порвала со всѣми своими прежними знакомыми. Но она ненавидѣла людей—тотъ узкій мірокъ, который для нея былъ цѣлымъ міромъ, который не хотѣлъ забыть ея прошлаго и вымещалъ его на единственномъ дорогомъ для нея существѣ. Тѣ же мысли, которыя мучили ее ночью, преслѣдовали ее и днемъ. Она съ нетерпѣніемъ ждала возвращенія отца.

Она издали услышала его шаги, пошла къ нему навстрѣчу и поцѣловала его. Старикъ немного былъ пораженъ неожиданностью такого привѣтствія, но оно доставило ему удовольствіе. Онъ присѣлъ на скамеечку во дворѣ, а она осталась стоять въ дверяхъ. Они поговорили о семейныхъ дѣлахъ, и затѣмъ старикъ сказалъ неожиданно: «Ты не можешь вообразить, что мнѣ м-съ Гинклей сказала про тебя только-что». Молодая дѣвушка поблѣднѣла и ничего не отвѣтила. Были сумерки и старикъ не видѣлъ ея лица. «Она сказала,—продолжалъ отецъ,—м-ръ Билей, знаете, вы напрасно держите эту Али у себя въ домѣ». Я говорю: «Отчего же напрасно, м-съ Гинклей?» А она все твердитъ свое: «напрасно, да и только». Я думаю, м-съ Гинклей хотѣла сказать, что ты стала такая хорошенькая... и все такое... и тебѣ скучно здѣсь въ Джерсей-Крикѣ со своимъ старикомъ-отцомъ и ребятишками».

Странныя вещи происходили въ это время въ душѣ дѣвушки—страстное желаніе облегчить себя признаніемъ, высказать все, брало верхъ надъ всѣми другими соображеніями. Отецъ спрашивалъ ее: «Вѣдь ты не стыдишься жить здѣсь со своимъ бѣднымъ, старымъ па, Али?»

За этимъ вопросомъ послѣдовало короткое молчаніе. Сердце старика сжалось. Онъ не зналъ, отчего она молчитъ, и подумалъ, что она дѣйствительно стыдится его бѣдности.

— Али,—сказалъ онъ, подходя къ ней и обнимая ее.—Маленькая моя дѣвочка... хочешь, уѣдемъ отсюда... непремѣнно уѣдемъ.

Али вырвалась изъ его объятій, чувствуя, что не сможетъ сдержать себя, если останется съ нимъ, и быстро пошла въ кухню. Старикъ не замѣтилъ патетической дрожи въ ея голосѣ, когда она крикнула своей младшей сестрѣ, игравшей на дворѣ:

— Дженни, Дженни, сходи принеси мнѣ щепокъ на растопку. Надо готовить папѣ ужинъ.—Потомъ она прибавила болѣе твердымъ голосомъ, обращаясь къ отцу:—Какъ тебѣ могла придти въ голову такая глупость—уѣхать отсюда.

Старикъ смотрѣлъ на нее со счастливой улыбкой.

На другой день, сидя за работой, старикъ Билей повѣрялъ свои мысли большому колесу машины, и большое колесо отвѣчало тихимъ монотоннымъ согласіемъ на все, что онъ говорилъ. Она всегда была хорошей дочерью, говорилъ онъ, и колесо отвѣчало ему, что онъ совершенно правъ.

Послѣ того, какъ она вернулась изъ поѣздки со странствующей труппой, она стала даже заботливѣе къ нему, чѣмъ раньше. Со времени своего возвращенія она всѣ вечера оставалась дома. Почему же о ней говорятъ такія вещи? Что жъ такое, что за ней ухаживали? Развѣ за другими дѣвушками не ухаживаютъ?—Ухаживаютъ, конечно, успокоительно бормотало колесо.—Развѣ она хуже другихъ дѣвушекъ и развѣ она виновата, что у ней не было матери?—Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, рѣшительно стучало колесо, негодуя вмѣстѣ съ нимъ на сосѣдей, которые говорили ему уже не намеками, а прямо, что его дочь не должна оставаться въ Джерсей-Крикѣ. Въ обѣденное время онъ стоялъ въ сторонѣ отъ остальныхъ рабочихъ и въ одиночествѣ ѣлъ принесенный изъ дому пирогъ. Мысль о томъ, что̀ сказала ему м-съ Гинклей сегодня утромъ, когда онъ проходилъ мимо ея дома, идя на работу, приводила его въ ярость; вспоминая объ этомъ разговорѣ, онъ удивлялся теперь, какъ онъ могъ спокойно стоять и выслушивать ея слова, не возразивъ ей ничего. Какъ хотѣлось ему теперь вернуться къ ней и бросить ей въ лицо все, что̀ онъ думалъ по поводу ея словъ.

Какъ только мужчины ушли изъ дому и дѣти высыпали на улицу, женское населеніе Джерсей-Крика узнало о поступкѣ м-съ Гинклей. Она разсказала имъ, какъ м-ръ Билей безмолвно и пристыженно выслу-

шалъ ея протестъ противъ пребыванія «такой дѣвушки» въ ихъ честномъ кругу. Женщины, ошибочно принявъ нѣмое удивленіе старика за признаніе вины, дали волю своему благородному негодованію и постановили рѣшеніе, что м-съ Гинклей должна пойти къ нему въ домъ и повторить дочери то, что она уже сказала отцу.

М-съ Гинклей, не теряя времени, отправилась исполнить возложенную на нее миссію и затѣмъ вернулась прямо къ одной изъ сосѣдокъ, гдѣ нѣсколько женщинъ ожидали ея рапорта.

— Ну, я все сказала,—заявила она, опускаясь на качалку съ сознаніемъ исполненнаго долга.—Я не теряла даромъ словъ, а прямо и просто сказала ей, какъ мы всѣ понимаемъ ея поведеніе и что ей нужно идти туда, гдѣ мѣсто такимъ, какъ она; я сказала, что отецъ ея все знаетъ и уже согласился на то, чтобъ она уѣзжала—во всякомъ случаѣ, онъ ничего не сказалъ противъ. О, я думаю, она больше ужъ не станетъ разгуливать здѣсь въ своихъ нарядныхъ платьяхъ! Что она сказала? Да, Боже мой, что же она могла сказать? Ничего она не сказала, даже не заплакала, дрянная дѣвчонка, когда я разсказала ей, какъ ея старый па повѣсилъ голову и молчалъ послѣ моихъ словъ. И такъ какъ больше говорить было нечего, и она не хотѣла ничѣмъ объяснить своихъ поступковъ, я встала и ушла.

Можетъ быть, колесо сообщило старику кое-что изъ происшедшаго въ его отсутствіе, потому что оно стонало и скрипѣло, какъ въ агоніи, все послѣобѣденное время и совершенно истомило нервы старика. Въ три часа онъ не могъ больше выдержать этой муки и ушелъ съ фабрики, попросивъ управляющаго поставить на его мѣсто кого-нибудь другого. Въ теченіе получаса, пока онъ торопливо шелъ домой, тысячи страшныхъ мыслей вертѣлись въ его головѣ. А вдругъ его дочь въ самомъ дѣлѣ была виновата, думалъ онъ, и ненавидѣлъ себя за эти мысли. Онъ только теперь понялъ, какъ непростительно невнимателенъ онъ былъ по отношенію къ ней: вспомнилъ, что позволялъ ей знаться, съ кѣмъ она хотѣла, и съ содроганіемъ думалъ о большомъ городѣ, гдѣ она жила со странствующей труппой. Но тутъ же онъ вспомнилъ объ ея добротѣ, объ ея ласкѣ, и эти воспоминанія дѣлали его счастливымъ. Мысли его кружились, какъ въ головѣ пьянаго человѣка. Проходя мимо дома м-съ Гинклей, онъ увидѣлъ ее въ дверяхъ. Она сказала что-то, чего онъ не разслышалъ, но инстинктивный страхъ, что она могла говорить и съ его дочерью, заставилъ его еще ускорить шаги.

Въ домѣ было тихо, темно-синія занавѣски на окнахъ были спущены. Когда онъ вошелъ, въ его душѣ уже не было никакихъ чувствъ, кромѣ полной увѣренности въ невинности дочери. Вся ея доброта встала передъ нимъ, когда онъ вошелъ въ кухню. Не обращая вниманія на какой-то ѣдкій запахъ, наполнявшій кухню, онъ прошелъ въ комнату. Въ ту же минуту онъ понялъ все. Онъ вспомнилъ лицо м-съ Гин-

клей на улицѣ и сразу догадался, чтó она сказала дочери, какое она нанесла ей оскорбленіе. Онъ думалъ теперь только о ней и съ необыкновенной ясностью представлялъ себѣ, что она приметъ смерть его дочери за признаніе. Онъ зналъ также, что дочь его наложила на себя руки, чтобы спасти его отъ позора. Онъ поднялъ лежавшій на полу револьверъ, увидѣлъ, что тамъ остался еще одинъ зарядъ. И въ головѣ у него неожиданно созрѣлъ безумный планъ — выдать себя за убійцу дочери, чтобы снять съ нея пятно самоубійства, которое въ глазахъ людей было равносильно признанію.

Черезъ часъ этотъ планъ былъ приведенъ въ исполненіе. Въ судебныя книги Джерси-Крика былъ внесенъ новый преступникъ, запись о которомъ гласила:

«Джонъ Билей, рабочій, 60 лѣтъ. Арестованъ за убійство своей дочери Алисы Билей. Сознался въ своемъ преступленіи».

II.

Исторія одного города.

Люди, пишущіе о Канзасѣ, обыкновенно плохо его знаютъ и трактуютъ этотъ штатъ, какъ законченное цѣлое. Между тѣмъ, Канзасъ, какъ древняя Галлія, раздѣляется на три части, совершенно отличныя другъ отъ друга, какъ три различныя государства. Было бы также невѣрно объединять египтянъ, индійцевъ и жителей центральной Америки, какъ говорить о канзасцахъ, не различая восточнаго, центральнаго и западнаго Канзаса. Восточный Канзасъ представляетъ собою вполнѣ организованную территорію, подобно штату Нью-Іорка или Пенсильваніи; центральный Канзасъ еще не достигъ этой высоты, но приближается къ ней, а западный Канзасъ—единственное мѣсто, гдѣ населеніе страдаетъ отъ неурожаевъ и засухи, является новой страной, въ которой только недавно началась борьба человѣка съ пустыней.

Aqua Pura представлялъ собой маленькій западный городокъ, пріютившійся въ самой глубинѣ пустыни. Онъ былъ основанъ лѣтъ девять назадъ, и не пастухами или мошенниками, а честными, честолюбивыми людьми. Всѣ шестеро основателей города побывали въ университетахъ. Первая же почта привезла въ новый городокъ цѣлую серію нью-іоркскихъ журналовъ. Самъ городъ ничѣмъ не отличался отъ дюжины другихъ, возникшихъ одновременно съ нимъ весною 1886 г., во время земельной горячки, охватившей всю страну.

Ему дали названіе Aqua Pura, выбравъ нарочно латинское имя, чтобы возвѣстить міру, что городъ основанъ не бездѣльниками, а образованными людьми. Новыя деревянныя постройки поселка блестѣли на яркомъ солнцѣ. Въ ясные дни онъ былъ виденъ издалека, потому что стоялъ на пригоркѣ, и изъ сосѣдняго мѣстечка Мэзъ можно было по

вечерамъ любоваться элекрическими фонарями Aqua Pura, которые зажглись тамъ однажды вечеромъ, когда городку было всего шесть мѣсяцевъ отъ роду. Къ концу первой же зимы было построено зданіе школы, стоившее 20.000 долларовъ, и первый рождественскій балъ въ Aqua Pura происходилъ въ зданіи оперы, на которое было потрачено 10.000 долларовъ. Денегъ было въ изобиліи; на главной улицѣ городка съ необыкновенной быстротой выростали двухъ и трехъ-этажные дома. Фермеры, которые вели хозяйство въ окрестностяхъ, процвѣтали. Земля съ перваго же года дала прекрасный урожай. Въ воздухѣ носились самыя радужныя надежды, которыя заражали всѣхъ. Въ теченіе зимы «ассоціація для устройства общественной библіотеки» собрала 1.000 долларовъ на покупку книгъ и весною образовался синдикатъ, взявшій на себя постройку зданія для библіотеки. Aqua Pura не могла, конечно, отставать отъ другихъ городовъ и желѣзнодорожный поѣздъ проходившій по близости, доставлялъ туда всѣ новѣйшія книги и періодическія изданія изъ Нью-Іорка. Весною 1887 г. былъ сооруженъ городской водопроводъ, и вода въ изобиліи притекала къ городу изъ колодцевъ, которые были выкопаны на глубинѣ отъ 50 до 100 футовъ подъ землею.

На муниципальномъ собраніи весной 1887 года, Боррингеръ былъ избранъ городскимъ мэромъ. Тогда въ Aqua Pura было уже двѣ тысячи жителей. Экипажи безпрепятственно колесили по неровнымъ, недавно проложеннымъ улицамъ городка, открылось два банка, и мѣстная газета, издававшаяся вначалѣ разъ въ недѣлю, теперь сдѣлалась ежедневной. Общественная жизнь была очень оживленной и люди съ разныхъ концовъ земного шара встрѣчались въ этомъ недавно возникшемъ городкѣ.

Нравы въ Aqua Pura были строгіе. Въ городѣ не было ни одного легкомысленнаго заведенія. Билліардная и соприкасающаяся съ нею темная комната, гдѣ шла карточная игра, были единственными учрежденіями, заставлявшими краснѣть жителей Aqua Pura, когда они возили по городу безчисленныхъ «восточныхъ капиталистовъ», посѣщавшихъ въ этомъ году западный Канзасъ. Эти капиталисты останавливались въ трехъ-этажномъ «отелѣ», освѣщенномъ экектричествомъ и снабженномъ всѣми послѣдними усовершенствованіями, съ цѣлью затмить сосѣдній городокъ Мэзъ, гдѣ отель представлялъ собою самое заурядное строеніе въ городѣ. На улицахъ встрѣчалось множество хорошо одѣтыхъ людей и въ конюшняхъ у фермеровъ стояли хорошо откормленныя лошади.

Такова была исторія подъема Aqua Pura. Боррингеръ разсказывалъ ее всѣмъ тысячу разъ. Боррингеръ до конца оставался вѣренъ своему городу. Когда наступила страшная засуха 1887 года и ея раскаленное дыханіе спалило всѣ окрестныя поля, Боррингеръ стоялъ во главѣ большинства, которое съ гордостью заявляло,

что въ ихъ краѣ все обстоитъ благополучно; въ качествѣ предсѣдателя совѣта мѣстныхъ землевладѣльцевъ, онъ отправилъ губернатору губительный для всѣхъ докладъ, въ которомъ Aqua Pura отказывалась отъ правительственной помощи. Банкъ Боррингера занялъ деньги подъ землю, которая не дала никакого урожая, чтобы помочь фермерамъ продержаться зиму. Тѣмъ не менѣе, многіе дома начали пустѣть. Когда пришло время расплачиваться по долгамъ, Боррингеръ отправился на востокъ, къ людямъ, вложившимъ деньги въ постройку новаго города, и просилъ у нихъ снисхожденія къ должникамъ и временной отсрочки платежей. Въ іюлѣ начались палящіе вѣтры, нетолько уничтожившіе посѣвы, но и изсушившіе ручьи, наполнившіеся весною. Осенью этого года отель, въ которомъ и такъ былъ открытъ только нижній этажъ, закрылся Въ зданіи оперы стали устраиваться митинги для оказанія помощи «пострадавшимъ отъ неурожая», и когда зимою холодный вѣтеръ навѣвалъ кучи снѣга на пустынныя улицы маленькаго городка, онъ ударялъ въ сотни оконъ опустѣвшихъ домовъ.

Въ этомъ году Боррингеръ не ѣздилъ на востокъ. Онъ не могъ рѣшиться на это, но аккуратно писалъ капиталистамъ, заинтересованнымъ въ его банкѣ, и отвѣты ихъ дѣлались все холоднѣе и холоднѣе по мѣрѣ того, какъ приближалась зима и они не получали слѣдуемыхъ имъ процентовъ. Банкротство Боррингера было объявлено весною 1889 года. Двое его компаньоновъ покинули городъ, другіе три основателя умерли прошлой зимой, семьи ихъ уѣхали, и вмѣстѣ съ ними исчезла культура и честолюбивыя мечты городка. Но Боррингеръ остался и, чтобы не платить ренты, жилъ въ двухъ пустыхъ комнатахъ въ нижнемъ этажѣ отеля. Съ нимъ жила его дочь Мэри, болѣзненная блѣдная дѣвушка съ впалыми глазами, совершенно обезсиленная ужаснымъ климатомъ.

Въ 1890 году горячіе вѣтры опять вернулись и дули долго и непрерывно, уничтожая всякую растительность. Въ городкѣ осталось только 500 жителей и они жили на налоги, платимые желѣзной дорогой, проходившей по ихъ странѣ. Многія семьи, откинувъ прежній стыдъ, просили о пособіи отъ государства. Весною началось поголовное выселеніе изъ города. Боррингеръ наблюдалъ за процессіей всевозможныхъ повозокъ, крытыхъ разноцвѣтнымъ полотномъ, увозившихъ обратно на востокъ имущество горожанъ. Онъ похудѣлъ, посѣдѣлъ и сталъ совсѣмъ старикомъ. Каждый вечеръ, когда вѣтеръ шумѣлъ въ пустыхъ комнатахъ отеля и колебалъ выцвѣтшую вывѣску надъ входной дверью, онъ сидѣлъ съ дочерью надъ счетными книгами, вычислялъ проценты, подводилъ итоги и рѣшалъ миѳическія задачи, которыя для всѣхъ, кромѣ него, не имѣли никакой реальной подкладки.

На Рождество 1891 г. все населеніе городка, состоящее только изъ 15 душъ, собралось къ Боррингеру. Онъ былъ преисполненъ надеждъ и говорилъ о томъ, что «одинъ хорошій урожай» спасетъ страну, хотя

въ ней не осталось ни одного фермера, который могъ бы засѣять поля, даже если бы природа сдѣлалась болѣе благосклонной въ этомъ году. И дѣйствительно, весна оказалась довольно удачной: начались дожди и въ маѣ трава зазеленѣла на поляхъ. Боррингеръ ожилъ. Онъ послалъ отчетъ о положеніи дѣлъ своимъ кредиторамъ на востокѣ и увѣрилъ ихъ, что осенью добросовѣстно расплатится по всѣмъ обязательствамъ. Немногочисленные поселенцы отваживались вернуться, привлеченные видомъ зеленыхъ полей и журчащихъ ручейковъ. Въ пустынѣ опять появились хижинки людей, рѣшившихся еще разъ попытать счастья и обрабатывать поля. Къ іюню ихъ набралось около тысячи человѣкъ. Дѣловая жизнь въ Aqua-Pura снова начала закипать. 4-го іюля въ городѣ даже отпраздновали національный праздникъ. Но дождь, испортившій возвѣщенный въ программахъ фейерверкъ, былъ послѣднимъ въ этомъ году. Изъ Канзаса опять прибыла благотворительная помощь, которая, въ буквальномъ смыслѣ слова, спасла жизнь не одной сотни людей.

Весною слѣдующаго года Боррингеръ выглядѣлъ на 10 лѣтъ старше по сравненію съ весной прошлаго года. Зима была сухая, весна также и весь май дули вѣтры. Въ городѣ осталось всего 5 человѣкъ—Боррингеръ съ дочерью и семья почтмейстера. Продукты получались изъ Мэза, который одержалъ полную побѣду надъ своимъ, когда-то грознымъ соперникомъ.

У Боррингера вошло въ привычку сидѣть на крыльцѣ опустѣвшаго отеля, смотря на далекія преріи, уходившія къ юго-востоку, и на облака, разсѣянныя по сумерочному голубому небу. Онъ видѣлъ силуэтъ бездѣйствующей водопроводной башни, вырисовывающейся на небѣ. Каменныя зданія, воздвигнутыя въ блестящіе дни города, были снесены, и линія горизонта, открывавшагося передъ нимъ, прерывалась только ирригаціонными сооруженіями, поставленными на одинаковыхъ разстояніяхъ другъ отъ друга. Они казались точно часовыми, стерегущими прошедшее. Умирающій вѣтеръ шумѣлъ въ короткой, выжженной травѣ. Вдали сверкали зарницы, и тучи, собиравшіяся каждое полудня на краю неба, точно насмѣхались надъ обманутыми надеждами старика, сидѣвшаго на полуразвалившемся крыльцѣ пустого отели. Каждый вечеръ сидѣлъ онъ здѣсь со своей дочерью и ждалъ дождя. Было время, когда онъ былъ слишкомъ гордъ, чтобы ѣхать на востокъ, гдѣ его имя сдѣлалось нарицательнымъ. Теперь онъ былъ слишкомъ бѣденъ, и деньгами, и духомъ. Поэтому онъ сидѣлъ и ждалъ, надѣясь на осуществленіе мечты и опасаясь, что она окажется неосуществимой.

Иногда къ нему приходилъ четырехлѣтній сынишка почтмейстера. Однажды вечеромъ, когда старикъ и ребенокъ сидѣли вмѣстѣ на крылечкѣ, м-ръ Боррингеръ сказалъ со вздохомъ: «Если бы теперь пошелъ дождь, можно было бы еще кое-что собрать съ полей. Только бы пошелъ дождь!»—Ребенокъ, слушая его, тоже вздохнулъ изъ подражанія.—

«Да, еслибъ пошелъ дождь,—проговорилъ онъ. — А что такое дождь, м-ръ Боррингеръ?»—Онъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ на ребенка и долгое время молчалъ. Когда онъ всталъ, у него не осталось больше призрака надежды. Съ этого времени имъ овладѣла особаго рода ипохондрія — онъ преувеличивалъ ужасы засухи.

Осенью дочь Боррингера умерла отъ лихарадки. Старикъ какъ будто мало былъ опечаленъ ея смертью. Но когда онъ возвращался съ кладбища среди тучъ поднимаемаго вѣтромъ песку, онъ могъ только проговорить друзьямъ, пріѣхавшимъ изъ Мэза на похороны: «Мы положили ее въ пыльную и жаркую могилу».—Онъ вспомнилъ старую мелодію, которая подходила къ этимъ словамъ, и всѣ послѣдующіе дни тихо напѣвалъ: «Мы опустили ее въ пыльную и жаркую могилу».

Зимою и семья почтмейстера покинула Aqua-Pura. Почтовыя сношенія съ остальнымъ міромъ прекратились. Но Боррингера никакими силами нельзя было убѣдить уѣхать. Жители Мэза не настаивали: для одного изъ нихъ открылась возможность получать изъ городской казны по 4 доллара въ день за доставку пищи Боррингеру.

Старикъ готовилъ себѣ обѣдъ, ѣлъ и спалъ въ кухнѣ отеля. День за днемъ онъ надѣвалъ зимою пальто и обходилъ пустыя зданія. Онъ ходилъ взадъ и впередъ по узкимъ тропинкамъ оставшимся на заросшихъ коричневой травой улицахъ, и весь день говорилъ о чемъ-то самъ съ собою. По ночамъ, когда вѣтеръ завывалъ въ пустыхъ зданіяхъ и свѣвалъ кучи снѣга и песку на обломанныя ступени лѣстницъ лампа старика была единственной свѣтящейся точкой въ окружающемъ мракѣ. Онъ сидѣлъ такъ далеко за полночь и говорилъ своему ежедневному посѣтителю изъ Мэза, что занятъ сведеніемъ счетовъ.

Такъ прошла зима. Въ мартѣ показалась первая травка, въ маѣ она утратила свой зеленый цвѣтъ, а въ іюнѣ сдѣлалась коричневой. Въ августѣ опять начались вѣтры. Старикъ все сидѣлъ на крылечкѣ, ожидая дождя, и въ глазахъ его свѣтилось безуміе. Людямъ, заговаривавшимъ съ нимъ, онъ всегда повторялъ одно и тоже:

— Да, какъ будто похоже на дождь, но дождя не будетъ. Дождь весь ушелъ отсюда. Говорятъ, что въ Гютчинсонѣ былъ дождь—можетъ быть, что и такъ, но я сомнѣваюсь. Они говорятъ объ ирригаціи. Все это однѣ глупости. Гдѣ Джонсонъ? Уѣхалъ. Гдѣ Никольсъ? Уѣхалъ. Гдѣ Гиксъ? Уѣхалъ. А гдѣ красивый Динъ Боррингеръ? Почтенный Ричардъ Боррингеръ? Здѣсь. Онъ здѣсь и кладетъ раскаленные кирпичи въ аду. Да, какъ будто похоже на дождь.

Онъ не могъ покинуть этого мѣстечка, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ стоялъ основанный имъ городокъ. Здѣсь онъ рискнулъ всѣмъ и здѣсь же, въ своемъ разстроенномъ воображеніи, надѣялся опять вернуть прежнее благосостояніе. Онъ такъ часто писалъ своимъ кредиторамъ: «Весной дѣла поправятся, и одинъ хорошій урожай спасетъ страну», что это сдѣлалось какъ бы частью его символа вѣры. Слова

эти красными буквами выступали для него на стѣнѣ отеля, на выцвѣтшихъ вывѣскахъ, на пустыхъ стѣнахъ полуразрушенныхъ домовъ, словомъ, вездѣ въ Aqua Pura.

Однажды утромъ онъ проснулся и какіе-то странные звуки поразили его слухъ. Слышался какой-то шорохъ, который не былъ шорохомъ вѣтра. Онъ бросился къ двери и увидѣлъ, что идетъ дождь. Посланецъ изъ Мэза увидѣлъ его стоящимъ безъ шляпы посреди улицы и подставляющимъ голову падающимъ каплямъ дождя.

— Галло, дядя Дикъ,—сказалъ посланецъ.—Чего смотришь? Рѣка поднимается. Поѣдемъ-ка со мной въ Мэзъ.

Но старикъ отвѣчалъ только:

— Гдѣ Джонсонъ? Нѣтъ его. Гдѣ Гиксъ? Нѣтъ его. Гдѣ Боррингеръ? Здѣсь.

Увезти его не было возможности.

Когда черезъ пять дней дожди кончились и рѣка, затопившая оголенную равнину, спала, изъ Мэза прибылъ спасательный отрядъ и нашелъ старика мертвымъ. Около его постели лежали документы и счетныя книги. Въ его мертвыхъ глазахъ былъ цѣлый міръ грезъ.

Л. Давыдова.

КАРАНДАШОМЪ СЪ НАТУРЫ.

(Изъ путешествія вокругъ свѣта чрезъ Корею и Манджурію).

(*Продолженіе* *).

24-го августа.

Верстъ за 15—20 передъ Владивостокомъ желѣзная дорога подходитъ къ бухтѣ и все время уже идетъ ея заливомъ. Это громадная бухта, одна изъ лучшихъ въ мірѣ, со всѣхъ сторонъ закрытая, съ тремя выходами въ океанъ.

Ничего подобнаго тому, что произошло въ Сантъ-Яго съ испанскимъ флотомъ, здѣсь немыслимо.

Отрицательной стороной Владивостокскаго порта являются туманы и замерзаемость порта съ конца воября по мартъ.

Для льда существуютъ ледоколы; туманы то появляются, то исчезаютъ, и во всякомъ случаѣ и ледъ, и туманы не являются непреоборимымъ зломъ.

Все остальное за Владивостокскую бухту, и принцъ Генрихъ, который теперь гоститъ во Владивостокѣ, отдавая ей должное, сказалъ, что портъ этотъ оправдываетъ и оправдаетъ и въ будущемъ свое названіе и всегда будетъ владѣть востокомъ.

Городъ открывается не сразу и не лучшей своею частью. Но и въ грязныхъ предмѣстьяхъ уже чувствуется что-то большое и сильное. Многоэтажные дома, какіе-то заводы или фабрики. Крыши почти сплошь покрыты гофрированнымъ цинковымъ желѣзомъ и это рѣзко отличаетъ городъ отъ всѣхъ сибирскихъ городовъ, придавая ему видъ иностраннаго города.

Впечатлѣніе это усиливается въ центральной части города, гдѣ очень много и богатыхъ, и изящныхъ, и массивныхъ, и легкихъ построекъ. Большинство и здѣсь принадлежитъ, конечно, казнѣ, но много и частныхъ зданій. Тѣ же, что и въ Благовѣщенскѣ, фирмы: Кунстъ и Альберсъ, Чуринъ, много китайскихъ, японскихъ магазиновъ. Здѣсь, за исключеніемъ вина, на все остальное порто-франко.

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ.

На улицахъ масса китайцевъ, корейцевъ, военныхъ и матросовъ. На рейдѣ бѣлые броненосцы, миноносцы и миноноски. Въ общемъ, своеобразное и совершенно новое отъ всего предъидущаго впечатлѣніе и житель Владивостока съ гордостью говоритъ:

— Это уже не Сибирь.

И здѣсь такая же строительная горячка, какъ и въ Благовѣщенскѣ, Хабаровскѣ, но въ большемъ масштабѣ.

Со всѣхъ сторонъ лучшей здѣшней гостинницы «Тихій Океанъ» строятся дома массой китайцевъ и отъ этого стука работы не спасаетъ ни одинъ номеръ гостинницы. Съ первымъ лучемъ солнца врывается и стукъ въ комнату и мало спится и въ этомъ звонкомъ шумѣ, и въ этомъ яркомъ свѣтѣ августовскаго солнца. Особый свѣтъ—чисто осенній, навѣвающій покой и миръ души. Беззаботными туристами мы ходимъ по городу, знакомимся, ѣдимъ и пьемъ, пробуя мѣстныя блюда.

Громадныя, въ кисть руки, устрицы, креветки, киты, скумбрія, синіе баклажаны, помидоры—все то, что̀ любитъ и къ чему привыкъ житель юга. Не совсѣмъ югъ, но ближе къ югу, чѣмъ къ сѣверу.

А вечеромъ, когда яркая луна, какъ въ волнахъ, ныряя то въ темныхъ, то въ свѣтлыхъ облакахъ, сверкаетъ надъ бухтой, когда огни города и рейда обманчиво раздвигаютъ панораму горъ, все кажется большимъ и грандіознымъ, сильнымъ и могущественнымъ, такимъ, какимъ будетъ когда-нибудь этотъ начинающій свою карьеру портъ.

Ходимъ мы по улицамъ, ходятъ матросы наши, русскіе, нѣмецкіе, чистые, выправленные щеголи, гуляютъ дамы, офицеры, ѣдутъ извозчики, экипажи-собственники. Это главная улица города—Свѣтланская; внизу бухта, суда. Садится солнце и толпы китайцевъ и корейцевъ возвращаются съ работъ.

Китайцы подвижны, въ короткихъ синихъ кофтахъ, такихъ же широкихъ штанахъ, завязанныхъ у ступни, на ногахъ туфли, подбитыя въ два ряда толстымъ войлокомъ. Нижній рядъ войлока не доходитъ до носка и такимъ образомъ равновѣсіе получается не совсѣмъ устойчивое. Китайская толпа оживлена, несутся гортанные звуки, длинныя косы, всегда черныхъ, жесткихъ и прямыхъ волосъ, спускаются почти до земли. У кого волосъ не хватаетъ, тотъ приплетаетъ ленту.

Корейцы—противуположность китайцу: такой же костюмъ, но бѣлый. Движенія апатичны и спокойны: все это, окружающее, его не касается. Онъ куритъ свою маленькую трубку или, вѣрнѣе, держитъ во рту длинный, въ аршинъ, чубучекъ съ коротенькой трубочкой и степенно идетъ. Шляпы нѣтъ—на головѣ его пышная и затѣйливая прическа, кончающаяся на макушкѣ, такъ же, какъ и модная дамская, пучкомъ закрученныхъ волосъ, продѣтыхъ цвѣтной булавкой. Лицо корейца широкое, желтое, скулы большія, выдающіяся; глаза маленькіе, носъ карто-

фелькой; жидкая, очень жидкая, въ нѣсколько волосковъ, бородка, такіе же усы, почти полное отсутствіе бакенбардъ. Выше средняго роста, широкоплечи и въ своихъ бѣлыхъ костюмахъ, съ неспѣшными движеніями и добродушнымъ выраженіемъ, они очень напоминаютъ тѣхъ типичныхъ хохловъ, которые попадаютъ впервые въ городъ: за сановитой важностью и видимымъ равнодушіемъ прячутъ они свое смущеніе, а можетъ быть, и страхъ.

Много японокъ въ ихъ халатахъ-платьяхъ въ обтяжку съ открытой шеей, широчайшимъ бантомъ сзади, безъ шляпы въ своей прическѣ, которую дѣлаетъ японка разъ на всю недѣлю, смазывая волосы какимъ-то твердѣющимъ веществомъ. Ходятъ онѣ на неустойчивыхъ деревянныхъ подставкахъ. Упасть съ ними легко, чему мы и были свидѣтелями: японка заглядѣлась, потеряла равновѣсіе и, подгибая колѣнки, полетѣла на землю. Японки низкорослы, мясисты, съ лицомъ безъ всякаго выраженія. Не крупнѣе и мужское поколѣніе японцевъ, въ своихъ европейскихъ костюмахъ, шляпахъ котелкомъ, изъ-подъ которыхъ торчатъ черные жесткіе, какъ хвостъ лошади, волосы.

Китайцы—каменщики, носильщики, прислуга; японцы—мастеровые. Высшій классъ китайцевъ и японцевъ захватили и здѣсь торговлю. Въ рукахъ у русскихъ только извозчичій промыселъ.

Среди японцевъ множество отставныхъ солдатъ, резервистовъ, запасныхъ унтеръ-офицеровъ и офицеровъ.

— Эти желтые люди обладаютъ четвертымъ измѣреніемъ: они проходятъ чрезъ насъ, а мы не можемъ...

Это говоритъ мѣстный житель.

Мы въ это время подходимъ къ какой-то запрещенной полосѣ и намъ говорятъ:

— Нельзя!

— Секретъ отъ насъ, своихъ,—поясняетъ мѣстный житель,—а эти съ четвертымъ измѣреніемъ тамъ: каменщикъ, плотникъ, слуга, нянька поваръ,—они проходятъ вездѣ, безъ нихъ нельзя. Они знаютъ все, ихъ здѣсь въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ насъ, русскихъ, и среди нихъ мы ходимъ и живемъ какъ въ гипнозѣ.

Все здѣсь, дѣйствительно, въ рукахъ желтыхъ. Пусть попробуетъ, напримѣръ, думающій строиться домовладѣлецъ выжечь кирпичъ на своемъ заводѣ, а не купить его у китайца. Такого собственнаго кирпича рабочій-китаецъ изведетъ хозяину почти вдвое противъ купленнаго у китайца.

— Плохой кирпичъ—бьется.

Если хозяинъ начнетъ, ругаться, китайцы бросятъ работу и уйдутъ и никто къ этому хозяину не придетъ, пока онъ не войдетъ въ новое соглашеніе съ ихъ представителемъ.

Представителемъ этимъ называютъ одного китайца, который искусно руководитъ здѣсь всѣмъ китайскимъ населеніемъ, облагая ихъ всякаго

рода произвольными, но добровольными поборами. Частью этихъ поборовъ онъ кое съ кѣмъ дѣлится, часть остается въ его широкихъ карманахъ. Но зато всѣ вопросы, касающіеся правильности паспортовъ, для китайца не страшны и свободно процвѣтаетъ азартная игра въ китайскихъ притонахъ.

Терпѣливый, трудолюбивый китаецъ оказывается страстнымъ игрокомъ и зачастую въ одинъ вечеръ проигрываетъ все накопленное имъ. Проигрываетъ съ сократовскимъ равнодушіемъ и опять идетъ работать.

Въ китайскихъ кварталахъ грязно, скучено и въ домѣ, гдѣ русскихъ жило бы 200, ихъ живетъ 2.000. Такое жилье въ буквальномъ смыслѣ клоака и источникъ всѣхъ болѣзней.

Теперь свирѣпствуетъ, напримѣръ, сильнѣйшая дизентерія.

Китайцамъ все равно, играютъ... каждый притонъ платитъ кое-кому за это право по сто рублей въ день. Такихъ три притона, итого сто тысячъ въ годъ... Разрѣшить ихъ оффиціально и улучшить на эти деньги ихъ же часть города: строить гигіеничные дома для нихъ, пріучать къ чистотѣ...

Я былъ въ домахъ, занятыхъ китайцами, задыхался отъ невыносимой вони, видѣлъ непередаваемую грязь, видѣлъ игорную комнату и грязную равнодушную толпу у обтянутаго холстомъ стола. При нашемъ появленіи раздался какой-то короткій лозунгъ и толпа лѣниво отошла и какой-то пронырливый китаецъ съ мелкими-мелкими чертами лица подошелъ къ намъ и заискивающе объяснялъ:

— Такъ это, такъ, на орѣхи иглали...

Я познакомился съ однимъ мѣстнымъ, очень интереснымъ жителемъ.

— Все это на моихъ глазахъ, — говорилъ онъ, — совершилось уже въ какихъ-нибудь пятнадцать лѣтъ, что хозяиномъ сталъ китаецъ. Откажись онъ сегодня отъ работъ, уйди изъ города—и мы погибли. Задумай Варѳоломеевскую ночь и никто изъ насъ не останется. Вотъ какъ, напримѣръ, они вытѣснили нашихъ огородниковъ: стали продавать даромъ почти, а, когда всѣхъ русскихъ вытѣснили, теперь берутъ за арбузъ рубль, яблоко семь копѣекъ. А вотъ какъ они расправляются съ вредными для нихъ людьми. Одинъ изъ служащихъ сталъ противодѣйствовать въ чемъ-то главѣ здѣшнихъ китайцевъ. Въ результатѣ доносъ этого главы, что такому-то дана взятка и въ доказательство представляется коммерческая книга одного китайца, гдѣ въ статьѣ его расходовъ значится, что такому-то дана имъ взятка... А на слѣдствіи, когда слѣдователь заявилъ, что этого недостаточно еще для обвиненія и нужны свидѣтели, этихъ свидѣтелей была представлена дюжина... Китайцу, когда нужно для его дѣла, ничего не стоитъ соврать... Вотъ вамъ и китаецъ... А такъ, что хотите съ нимъ дѣлайте... Манджуры ихъ били, били, а теперь отъ манджуръ только и осталось, что династія, да нѣсколько городовыхъ...

Да-съ,—мрачно заключаетъ мой знакомый,—мы вотъ гордимся нашей безкровной побѣдой—взятіемъ Портъ-Артура, а не пройдетъ и полувѣка, какъ съ такой же безкровной побѣдой поздравитъ китаецъ всю Сибирь и дальше...

Поздно уже. Ночь, южная ночь быстро боретъ остатки дня. Небо на западѣ въ огнѣ, выше дымчатыя тучи нависли, а между ними тамъ и сямъ свѣтятся кусочки безмятежной золотистой лазури.

— Будетъ вѣтеръ.

Ночь настоящая южная: живая, тревожная, темная и теплая.

Множество огней и сильнѣе движеніе по Свѣтланской улицѣ. Ѣдутъ торопливо экипажи, снуютъ пѣшеходы, изъ оконъ магазиновъ свѣтъ снопами падаетъ на темную улицу. Темно, пока не взойдетъ луна. Кажется, провалилось вдругъ все въ какую-то темную бездну, въ которой снизу и сверху мигаютъ огоньки. Тамъ внизу море, тамъ вверху небо, но гдѣ же эти огоньки? между небомъ и землей? Да тамъ: они горятъ на высокихъ мачтахъ бѣлыхъ, не видныхъ теперь броненосцевъ. Тамъ между ними теперь и германскихъ три судна. Принцъ Генрихъ угощаетъ гостей обѣдомъ, и лихо пьютъ, говорятъ, за его столомъ и хозяева, и гости.

Принцъ, кажется, хочетъ ѣхать до Благовѣщенска.

Одного изъ адъютантовъ нашихъ, приставленныхъ къ нему, онъ спросилъ:

— Стоитъ ли ѣхать въ Благовѣщенскъ?

Адъютантъ замялся: сказать «не стоитъ» казалось ему неловко, какъ представителю своей страны, съ другой стороны и соврать не хотѣлось.

— Жители Благовѣщенска будутъ счастливы видѣть ваше высочество.

— Ну, я не для громкихъ китайскихъ фразъ пріѣхалъ сюда.

Принцъ любитъ нѣмецкій языкъ и настоятельно требуетъ употребленія его въ разговорѣ съ нимъ. Не только отъ мужчинъ, но и отъ дамъ. Передаютъ, что на благотворительномъ гуляньѣ здѣсь, на предложеніе на французскомъ языкѣ одной красивой продавщицы шампанскаго, онъ сказалъ:

— Сейчасъ я не буду пить, но вечеромъ, у васъ въ домѣ выпью, если вы будете говорить со мной по-нѣмецки.

— Но я говорю совсѣмъ плохо.

— У васъ есть время выучить.

Было четыре часа дня.

Дама покраснѣла, подумала и тихо отвѣтила:

— Я выучу...

— Но принцъ шутитъ,—по-русски рѣзко проговорила одна изъ болѣе старшихъ дамъ своей растерявшейся подругѣ.

— Но и madame * * * шутитъ, — отвѣчалъ принцъ на этотъ разъ тоже по русски,—въ нѣсколько часовъ нельзя выучить языкъ.

Кстати о благотворительномъ гуляньѣ. Это благотворительное гулянье устраивается ежегодно и даетъ до десяти тысячъ чистаго сбора. Оно продолжается весь день. Публика, по преимуществу, китайцы. Они страшно раскупаютъ билеты аллегри, кричатъ отъ удовольствія, глядя на японскій фейерверкъ, и, когда изъ лопнувшей въ небѣ ракеты вылетаетъ то бумажный китаецъ, то бумажный корабль, они какъ дѣти бѣгутъ къ тому мѣсту, куда онъ долженъ спуститься. Надутый бумажный пузырь, искусно изображающій наряднаго китайца, не спѣша, спускается, а толпа жадно вытянула руки, весело хохочетъ, кричитъ и ждетъ, не дождется, когда опустится фигура на столько, чтобъ схватить ее сразу всѣмъ.

Еще примѣръ китайской азартности: торги.

На всякіе торги китайцы жадно стремятся, набиваютъ цѣны и на этотъ разъ даже не помогаетъ во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ строгая выдержанная корпоративная организація.

30-го августа.

Всѣ эти дни прошли въ окончательныхъ приготовленіяхъ: покупаемъ провизію, разныя дорожныя вещи.

Въ свободное же отъ покупокъ время знакомимся съ мѣстнымъ обществомъ и жизнь его, какъ въ панорамѣ, проходитъ передъ нами. Одинъ драматическій и опереточный театръ дѣйствуетъ, лихорадочно достраивается другой—тамъ будутъ пѣть малороссы; работаетъ циркъ.

Мы были и въ театрѣ, и въ циркѣ. Что сказать о нихъ? Силы, въ общемъ, слабыя, но есть и таланты. Въ общемъ же житье артиста здѣсь, сравнительно съ Россіей, болѣе сносное и публика здѣшняя относится къ нимъ хорошо. Хорошо относится и печать.

Перваго сентября выходитъ еще одна новая, третья газета здѣсь. Дѣло изданія въ рукахъ бывшаго политическаго ссыльнаго, съ которымъ я познакомился у бывшаго его тюремнаго начальства на Сахалинѣ.

Это былъ интересный обѣдъ съ разговорами о Кеннанѣ и всемъ пережитомъ.

Одинъ горячо настаивалъ на томъ, что все дѣло было сильно раздуто, другіе, напротивъ, доказывали, что раздутаго ничего не было. Я, лично, склонялся къ доводамъ послѣднихъ, такъ какъ у первыхъ было больше азарта въ нападеніи, чѣмъ фактовъ...

Рѣчь заходитъ о побывавшихъ здѣсь литераторахъ: Чеховѣ, Дѣдловѣ, Сигмѣ, Дорошевичѣ.

— Да что литераторы,—говоритъ хозяинъ дома,—это въ прежнее время было что-то особенное, а теперь? Изъ всѣхъ сидящихъ здѣсь, кто не литераторъ? Каждый изъ насъ пишетъ въ газетахъ—я, онъ, они, въ столичныхъ... Всѣ умѣемъ и мысли свои высказать, и литературно изложить ихъ, и... приврать.

— Кстати, провѣрить одинъ фактъ,—говорю я,—про одну даму на Сахалинѣ, которая, будто бы, сѣкла заключенныхъ.

— Кто такая?

Я называю фамилію и говорю, что она жаловалась мнѣ на пароходѣ на то, что на нее такъ жестоко наклеветалъ Чеховъ.

— Сѣчь она не сѣкла, но по лицамъ била сапожниковъ, портныхъ...

Со всѣхъ сторонъ слѣдуютъ энергичныя подтвержденія. На этотъ разъ кажется все настолько достовѣрнымъ, что я рѣшаюсь этотъ фактъ занести въ свой дневникъ и тѣмъ возстановить репутацію своего коллеги.

Можетъ быть, въ свое время она такъ же горько будетъ жаловаться кому нибудь и на меня. Но при чемъ я тутъ? И если говорятъ всѣ, что дама эта, дѣйствительно, была нехорошая, злая дама, злоупотреблявшая своимъ и даже не своимъ, а положеніемъ своего мужа, то пусть и знаетъ эта дама, что все, конечно, можно сдѣлать: и злоупотребить своимъ положеніемъ, и не стѣсняться своимъ человѣческимъ долгомъ, но потомъ для всякаго наступаетъ исторія, которая и клеймитъ каждаго его клеймомъ.

Я не называю имени этой дамы потому, что имя это—звукъ пустой для всего русскаго общества, а для ея общества достаточно и сказаннаго, чтобы безошибочно узнать, о комъ рѣчь идетъ.

Вечеромъ я ужиналъ съ нѣсколькими изъ здѣшнихъ обитателей, а послѣ ужина одинъ изъ нихъ позвалъ меня прокатиться съ нимъ по городу и его окрестностямъ.

Это была прекрасная прогулка. Мой собесѣдникъ, живой и наблюдательный, говорилъ обо всемъ, съ завидной мѣткостью опредѣляя современное положеніе дѣлъ края.

— Вотъ это темное зданіе—военнаго вѣдомство, а напротивъ, вотъ это, морское: они враги... Они только и заняты тѣмъ, какъ-бы подставить другъ другу ножку. Это сознаютъ и моряки, и сухопутные... И случись осложненія здѣсь, мобилизація тамъ что ли, если не будетъ какой нибудь объединяющей власти... А вотъ вѣдомство путей сообщенія и контроля: опять на ножахъ. Опять постановка, въ родѣ того, что, кто зеленый кантъ носитъ, тотъ мошенникъ, кто синій надѣлъ, тотъ непремѣнно честный: я такъ, а я такъ, а въ результатѣ, что̀ стоитъ рубль, обходится въ сотни. Терпитъ казна...

— Это не только въ Сибири.

— Знаю... И средство отъ всего этого и тамъ одно: объединенныя министерства съ министромъ—отвѣтственнымъ главой.

— Скажите мнѣ откровенно: что представляетъ изъ себя собственно вашъ край? Способенъ онъ къ самостоятельной культурѣ или вѣчно такъ будетъ, что сколько Россія приплатитъ здѣсь, столько, за исключеніемъ жалованья, остальное унесутъ китайцы?

— Съ какой стороны,—раздумчиво началъ мой собесѣдникъ,—взять вопросъ. Во всемъ этомъ краѣ, прежде всего, что-то роковое и такое же

неизбѣжное, какъ роды, что ли... Пришло время и взяли Портъ-Артуръ, хотя отплевываются и отплевывались отъ него всѣ... Но все-таки край могъ бы быть несомнѣнно не той піявкой, какой онъ является теперь для остальной Россіи... съ нашествіемъ сюда китайцевъ, то-есть, рабочихъ рукъ, одна сторона такимъ образомъ рѣшается, но другая сторона остается открытой: у насъ денегъ нѣтъ... Надѣялись мы на русско-китайскій банкъ, но... банкъ въ коммерческомъ отношеніи стоитъ очень хорошо. Но предпріятія, которыя могли бы здѣсь развиться, не создаются: деньги даютъ на краткосрочный кредитъ... на нѣсколько мѣсяцевъ... на такой кредитъ предпріятія не создашь и съ такимъ кредитомъ только запутаешься... А дѣла много, но и денегъ надо много... Это не Россія: здѣсь для дѣла надо весь капиталъ сполна, и если хоть десятой части его не хватаетъ, то дѣло будетъ сорвано: кредита нѣтъ... Совершенно нѣтъ... А есть и золото, и каменный уголь, и руды: свинцовая, желѣзная, соль каменная есть. Можно и сельско-хозяйственную культуру вести: и скотъ, и сахаръ, и табакъ, и пиво пойдетъ... Да какъ не пойти? Вы посмотрите, какія цѣны: бутылка пива рубль, фунтъ сахару 25 копѣекъ, хлѣбъ, мясо... На все вѣдь безумныя цѣны... Лѣсъ... Но вотъ лѣсъ нашъ: при разработкѣ въ одинъ годъ съ нимъ не повернешься, а такихъ здѣсь, которые могли бы затратить капиталъ на два года,—нѣтъ... Возьмите другое громадное дѣло—рыба... Вѣдь такого изобилія рыбы нѣтъ на остальномъ побережьѣ земного шара. Три осеннихъ мѣсяца, когда идетъ кита, чтобъ метать свою икру въ Амуръ, ее столько, что руками можно ловить. А вѣдь это та же лососина... За ней стадами плывутъ акулы, кашелоты... Два года тому назадъ убили въ бухтѣ кита... Въ ловѣ пудъ рыбы обходится копѣйка... Но для организаціи сбыта нужны пароходы-ледники, во всѣхъ европейскихъ центрахъ склады-ледники... Солить рыбу? нужна соль, а ея нѣтъ: нѣмецкая соль у насъ стоитъ 70 копѣекъ, съ Сахалина 50, но и не годится, и оба эти сорта соли не годятся,—онѣ получаются вываркой, а, слѣдовательно, въ нихъ и іодъ, и натръ, и все это даетъ негодный для продажи товаръ... Нужна комовая соль... Японцы здѣсь вертятся, но народъ безденежный... Все, на что хватаетъ ихъ—это удобрительными туками увозить эту рыбу къ себѣ... Милліона два пудовъ вывозятъ... Иностранные капиталы сюда бы... Но не идутъ въ такія сложныя дѣла...

— Почему?

— Положеніе неопредѣленное,—боятся произвола, взяточничества...

1-го сентября.

Сегодня вышелъ первый номеръ новой здѣсь третьей газеты—«Восточный Вѣстникъ». Редакція газеты, очевидно, чистоплотная. Лучшая будущность — 500 подписчиковъ и, слѣдовательно, людей собрала къ этому дѣлу не его денежная сторона.

Сегодня вечеръ я провелъ въ ихъ кружкѣ и вечеръ этотъ былъ одинъ изъ лучшихъ здѣсь проведенныхъ вечеровъ.

Хозяйка дома, госпожа М., она же секретарь редакціи, изъ числа тѣхъ беззавѣтныхъ, которыя своей любовью къ дѣлу, любовью особенной, какъ только женщины умѣютъ любить дѣло, перенося на него всю ласку и нѣжность женской натуры,—грѣютъ и свѣтятъ, вносятъ уютность, вкусъ, энергію...

Выхлопотать разрѣшеніе, получить случайно во-время запоздавшую телеграмму и такимъ образомъ прибавить интересъ номеру, не спать ночь, чтобы номеръ вышелъ во-время, выправлять корректуру и огорчаться отъ всего сердца, если какая-нибудь буква выскочила-таки вверхъ ногами—вотъ на что проходятъ незамѣтно дни, годы, вся жизнь...

2-го сентября.

Сегодня вечеръ въ морскомъ собраніи въ честь принца Генриха. Мужской элементъ представленъ на вечерѣ и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи эффектно. Большинство военныхъ, всѣхъ сортовъ оружій. Изъ штатскихъ налицо вся колонія нѣмцевъ. Налицо и весь дѣловой міръ города. Большинство это люди, своими руками сдѣлавшіе себѣ свое состояніе. Многимъ изъ нихъ пришлось начинать снова въ жизни послѣ выслуженной каторги, ссылки. Но здѣсь, на крайнемъ Востокѣ мало обращаютъ вниманія на прошлое, руководствуясь нѣмецкой поговоркой: за то, что было, еврей ничего недастъ: важно то, что есть.

Зато дамъ мало, молодыхъ и того меньше, барышень и совсѣмъ на перечетъ. Костюмовъ особыхъ не было. Выдавалась одна, жившая очень долго въ Парижѣ и, очевидно, прекрасно усвоившая всѣ пріемы великихъ франтихъ Парижа. Костюмъ ея блѣдныхъ тоновъ съ нѣжно лиловыми цвѣтами, низенькій корсетъ, лифъ, схваченный на оголенныхъ плечахъ маленькими бархатками, вся фигура изящная и въ то же время декадентски-небрежная, нѣсколько дорогихъ камней, небрежно брошенныхъ по костюму, дѣлали ее, на мой, по крайней мѣрѣ, взглядъ и взглядъ моихъ знакомыхъ,—царицей вечера.

Въ ея движеніяхъ, манерахъ—свобода парижанки, къ которой, очевидно, плохо привыкаетъ мѣстное общество.

На первыхъ порахъ, говорятъ, ей особенно трудно пришлось здѣсь; но затѣмъ все вошло въ колею. Много помогло то обстоятельство; что виновница толковъ мало обращала на нихъ вниманія и молодая, изящная, съ оригинальной, хотя, можетъ быть, и некрасивой наружностью, окружила себя блестящей молодежью морскихъ офицеровъ.

Это ея штатъ и за ужиномъ симпатичные хозяева вечера, въ значительномъ числѣ, откочевали за ней наверхъ, оставивъ своихъ гостей-нѣмцевъ на попеченіе своихъ старшихъ членовъ, да сухопутныхъ представителей нашихъ войскъ.

Одинъ изъ нѣмецкихъ гостей сидѣлъ и за нашимъ столомъ. Онъ хорошо ѣлъ, хорошо говорилъ по нѣмецки, но ни на какихъ другихъ язы-

кахъ не говорилъ, въ то время, какъ кругомъ его русскіе офицеры бойко перебрасывались на французскомъ, англійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Не удалось нѣмецкаго гостя вызвать и на болѣе широкую тему въ разговорѣ: всё сводилось къ его кораблю, его формѣ и ближайшимъ поѣздкамъ. Зато увѣренность и снисходительность этой боевой единицы были по истинѣ завидны. Очевидно, всѣхъ насъ онъ считалъ чѣмъ-то неизмѣримо ниже его стоящимъ. Всѣ это чувствовали и съ добродушіемъ русскихъ относились къ своему гостю, усердно подливая ему шампанское.

Когда коснулись китайскаго и японскаго вопросовъ, гость-нѣмецъ категорически заявилъ, что и тѣхъ, и другихъ надо такъ держать. Онъ при этомъ показалъ на свой кулакъ и наивно улыбнулся. Поддержку онъ нашелъ въ одномъ господинѣ, который взялся, очевидно, научно обосновать этотъ вопросъ. Онъ заговорилъ о желтой расѣ, о томъ, что, какъ извѣстно, раса эта имѣетъ совершенно отличную отъ насъ культуру, и затѣмъ искусно перешелъ къ нѣмецкому, русскому и англійскому кулакамъ, такъ же необходимымъ-де желтой расѣ, какъ воздухъ, пища, сонъ. Нѣмецъ улыбался, кивалъ ему головой и постоянно чокался съ нимъ. И такъ какъ задача и заключалась въ томъ, чтобы гость нѣмецъ пилъ, то господинъ и заслужилъ въ концѣ концовъ признательность хозяевъ. Я уѣхалъ сейчасъ послѣ ужина, но до шести часовъ утра ублажали моряки своихъ гостей. Многіе изъ хозяевъ не выдержали этого виннаго боя, тогда какъ нѣмцы, выпивъ неимовѣрное количество вина, все-таки на своихъ собственныхъ ногахъ дошли до извозчика.

— О, дьяволы, какъ здоровы они пить,—говорили на другой день,—нѣтъ возможности споить ихъ.

Впрочемъ, отдавая должное, и между нашими были молодцы въ этомъ отношеніи.

3-го сентября.

Возвратился съ вечера въ часъ ночи, а въ семь часовъ утра пароходъ, на которомъ я уѣзжалъ изъ Владивостока, уже выходилъ изъ бухты въ открытый океанъ.

Ѣду я до бухты Посьета, а оттуда сухимъ путемъ въ Новокіевскъ, Красное Село и далѣе въ Корею.

Утро, солнце лѣниво подвимается изъ-за хребтовъ бухты, еще окутанной молочно-прозрачнымъ туманомъ.

Маленькій пароходъ нашъ стоитъ на рейдѣ, къ нему подплываютъ лодки со всѣхъ сторонъ съ разнаго рода пассажирами: военные съ дамами, японцы, китайцы. Китайцы лодочники, китайцы носильщики, китайцы пассажиры и звонкій гортанный говоръ ихъ рѣзко стоитъ въ просыпающемся утрѣ.

Неподвижно и безмолвно вырисовываются грозные громадные броненосцы съ своими высоко задранными бѣлыми и черными бортами.

Что-то типично южное во всей этой картинѣ,—краски юга, утро юга, южное разнообразіе нарѣчій, говоровъ, цвѣтовъ костюмовъ. На бортѣ парохода бытовая сценка.

Полицейскій осматриваетъ паспорты китайцевъ: каждый пріѣзжающій и уѣзжающій китаецъ долженъ платить пять рублей русскаго сбора. Отмѣтка дѣлается на паспортѣ. Тѣхъ китайцевъ, у которыхъ отмѣтокъ этихъ нѣтъ, полицейскій не пускаетъ на пароходъ. Крикъ, шумъ, вопли. Китайцы, прогнанные съ одной стороны, уже взбираются съ другого траппа. Очевидное дѣло, что одному не разорваться. Нѣкоторые уплачиваютъ половину, третью часть, отдѣлываются мелочью.

Полицейскій пожимаетъ плечами, жалуется намъ на свое безвыходное положеніе и усердно въ то же время прячетъ деньги въ карманъ. На лицахъ слушающихъ и наблюдающихъ большое сомнѣніе, кому достаются эти деньги, получаемыя безъ всякихъ расписокъ и отмѣтокъ. А денегъ собирается все-таки не мало съ двухъ-трехъ сотенъ китайцевъ.

Возлѣ меня моряки и военные. Рѣчь о судахъ, на которыхъ пріѣхали къ намъ нѣмцы.

— Такая же разнокалиберная дрянь, какъ и наши,—говоритъ степенный солидный морякъ.

Но вотъ третій свистокъ и заключительная картинка: полицейскій спускается съ траппа, а по другому стремительно бросаются на пароходъ массы точно изъ подъ воды появившихся китайцевъ.

Полицейскій уже въ лодкѣ, кричитъ, на минуту изъ-за борта выглядываетъ къ нему капитанъ и машетъ рукой: дескать, довольно съ тебя—набралъ.

Полицейскій человѣкъ русскій и вся фигура его говоритъ, что оно конечно, что набралъ и все довольно благополучно и благовидно вышло, онъ машетъ рукой и, обращаясь къ намъ, невольно сочувствующимъ китайцамъ, говоритъ снисходительно:

— Что прикажете дѣлать съ этимъ народомъ?

Кто-то сзади убѣжденно говоритъ:

— Хорошій человѣкъ...

А пароходъ уже идетъ, лязгаетъ якорная цѣпь, мы смотримъ на городъ, склоны горъ, окружающихъ бухту. Дальше и дальше горы спятъ въ ясной синевѣ прозрачнаго осенняго утра.

— Будетъ качать?

— Пустяки...

— Ну-съ, не говорите—въ морѣ мертвая зыбь.

Дамы испуганно смотрятъ впередъ, гдѣ за береговыми тѣснинами еще прячется открытая даль. И долго еще пароходъ пробирается между этими извилистыми берегами, между островами. Тамъ и сямъ взрытыя кучи земли, скрытыя постройки—это все батареи, телеграфные сигналы,

укрѣпленія, настолько сильныя, что Владивостокъ считается неприступнымъ со стороны моря.

Вотъ и островъ, на которомъ два дня охотился принцъ Генрихъ. Нѣмцы въ восторгѣ отъ охоты, единственной въ своемъ родѣ. Въ моей памяти сохранилась цифра убитыхъ оленей—сорокъ два.

— Это чисто нѣмецкая манера—бить все и вся до послѣдняго: не поѣдятъ...

Говоритъ офицеръ съ манерами гвардейца, изысканно пренебрежительно бросая слова. Онъ тихо выпускаетъ:

— Хамовье... Единственный графъ, но и тотъ хуже нашего сапожника. Это вѣдь традиціонная манера Гогенцоллерновъ—окружать себя исключительно низкопробной публикой... Единственно вѣрный взглядъ на китайцевъ и всю здѣшнюю сволочь...

Генеральнаго штаба полковникъ, военный инженеръ, нѣсколько дамъ и штабныхъ офицеровъ замыкаются въ свой кружекъ. Рѣчь о Петербургѣ, штабѣ, военныхъ дѣлахъ, скандалахъ и скандальчикахъ. Грузно, по медвѣжьи, въ сторонѣ сидятъ нѣсколько армейскихъ офицеровъ. Костюмы ихъ трепаные, лица потертыя, сильно задумчивыя. Рѣчь о командировкахъ, прибавочныхъ, о дѣтяхъ, воспитаніи, корпусахъ, и это все надо и надо.

— Гамъ, гамъ надо...

Показываетъ штабъ-офицеръ на свой ротъ.

Дамы, тоже задумчивыя, прикрываютъ свои стоптанныя ботинки и толкуютъ о выкройкахъ, шляпкахъ, модисткахъ. Тутъ же денщики-няньки, носящіе дѣтей ихъ на рукахъ, играющихъ съ ними, пока супруга офицера не позоветъ и не прикажетъ что-нибудь принести ему.

Звонятъ къ завтраку—одни идутъ, другіе остаются.

Армейскихъ офицеровъ и женъ ихъ мало за обѣденнымъ столомъ. Ни китайцевъ, ни японцевъ за столомъ тоже нѣтъ. Прислуживаютъ проворные «бои»—китайскіе подростки, въ синихъ короткихъ кофточкахъ, съ длинными косами. Есть поразительно красивые, мало похожіе на общій типъ китайца съ раздвоенными глазами. Это смуглые красавцы, напоминающіе итальянца, древняго римлянина. Во Владивостокѣ, какъ разъ противъ гостинницы «Тихій Океанъ», строится какой-то домъ и масса китайцевъ работаютъ, голые, только слегка прикрывая середину тѣла. Это здоровыя, сильныя, темно-бронзовыя тѣла. Каждый изъ нихъ прекрасный матеріалъ для скульптора. Собственно тотъ типъ китайца, къ которому привыкъ европейскій взглядъ—только уродъ, который и здѣсь существуетъ, какъ таковой. Но, если взять другой типъ китайца, то красотой формъ, лица, руки, ноги, изяществомъ движеній и манеръ, тонкостью всего рѣзца — онъ, если не превзойдетъ, то и не уступитъ самымъ элегантнымъ представителямъ Европы.

Кончился завтракъ и волна уже открытаго моря весело подхватила пароходъ и понесла на себѣ. Другая на смѣну,—хочетъ перехватить,

не успѣваетъ и пароходъ неловко падаетъ на бокъ. Летятъ брызги во всѣ стороны, что-то замираетъ въ груди, пароходъ уже поднялся и взбирается на новый гребень волны, но, капризная, она уклоняется и опять тяжело и неуклюже валится пароходъ въ открытую бездну.

Что это? Качка настоящая, большая?

Да, тайфунъ гулялъ.

Еще никто никогда не спасся изъ тѣхъ, кто попадаетъ въ середину тайфуна. Все искусство при встрѣчѣ правильно опредѣлить его центръ и уходить отъ него... Нѣмцы, неопытные еще мореплаватели въ этихъ моряхъ, чаще другихъ платятъ дань грозному бичу здѣшнихъ морей.

Меня не укачиваетъ, но зато аппетитъ громадный. Послѣ завтрака уже въ двѣнадцать часовъ я обѣдалъ и жадно ѣлъ, мало обращая вниманія на то, что изъ каюты несутся непріятные звуки страдающихъ морской болѣзнью. Народу мало за столомъ. Какой-то бѣдный армейскій офицеръ, на котораго качка производила, очевидно, такое же дѣйствіе, какъ и на меня, не выдержалъ и сѣлъ за столъ. Съ какимъ наслажденіемъ ѣлъ онъ, пока жена его мучилась въ сосѣдней каютѣ.

А въ два часа мы уже были въ бухтѣ Посьета, послѣдней нашей русской бухтѣ, и сразу исчезла и качка и всѣ страхи открытаго моря. Тихій заливъ бухты, говорливо нѣжно ласкаясь, разступается, сверкаетъ переливами морская вода и мы быстро подходимъ къ противоположному берегу.

Вотъ островъ—маленькій сплошной утесъ и милліонъ пеликановъ, робко вытянувъ свои шеи и уродливыя головки, смотрятъ на насъ съ острова, шумно взлетаютъ и опять садятся: близко и будь ружье, сколько бы ихъ стало жертвой скучающаго охотника.

Вотъ и берегъ, рядъ казенныхъ кирпичныхъ построекъ, а на одномъ изъ холмовъ, на черной взрыхленной поверхности изъ бѣлыхъ камней выложенъ громадный двуглавый орелъ.

Какой-то толстый господинъ, изъ тѣхъ практиковъ и бывалыхъ людей, которые вездѣ и всегда чувствуютъ себя такъ же свободно, какъ въ своемъ кабинетѣ, подсаживается ко мнѣ и, пока пароходъ медленно подвигается и бросаетъ якорь, говоритъ съ дѣловымъ пренебреженіемъ:

— Я знаю, куда и зачѣмъ вы ѣдете, здѣсь мы все знаемъ... Я вѣдь знаю и Корею, и Китай вотъ какъ... Въ Кореѣ я скупаю скотъ, въ Шанхаѣ у меня нѣсколько домовъ...

И онъ сообщаетъ мнѣ массу полезныхъ и практичныхъ свѣдѣній о пока совершенно неизвѣстныхъ мнѣ странахъ.

О проѣханныхъ мѣстахъ онъ говоритъ:

— Нѣтъ ничего, ничего и не будетъ здѣсь: относительно сельскаго хозяйства убиваетъ все туманъ, который здѣсь отъ іюня до августа. Верстъ пятьдесятъ дальше, у китайцевъ уже другое дѣло, тамъ ни тумановъ, ни морской соли нѣтъ.

— Лѣса вырублены или никогда и не расли?

— Были кустарники—мало... Подпочвы совсѣмъ нѣтъ...

— Скотоводство?

— Чума, сибирская язва... Манджуръ вѣдь и шкуру съ больной скотины снимаетъ, а скотину или съѣстъ, или такъ броситъ, такъ что разсадникъ всегда готовъ, оттого и въ Сибири и здѣсь скотоводство—одно разореніе...

Пароходъ остановился.

— Ну, прощайте... Смотрите, никакого оружія не берите,—все это глупости тамъ насчетъ разбойниковъ, а населеніе обидите... Обращайтесь съ ними, какъ съ людьми, не кричите по солдатски... Охота хорошая: козы есть, тигры, барсы: не дай Богъ только съ ними встрѣчаться...

Влѣво и вправо идутъ развѣтвленія залива, я ѣду двѣнадцать верстъ на лошадяхъ до Новокіевска и все тотъ же заливъ Песьета. Самыя ничтожныя работы сравнительно могутъ создать изъ него одну изъ лучшихъ и громаднѣйшихъ бухтъ въ мірѣ.

Все время по пути попадаются здѣсь и тамъ отдѣльными городками солидныя кирпичныя постройки; это все наши войска — пѣхота, артиллерія.

Новокіевскъ—центръ этихъ войскъ. На каждомъ шагу здѣсь лихорадочная постройка новыхъ и новыхъ зданій. Китайцы, корейцы, японцы—все тѣ же исполнители.

Новокіевскъ имѣетъ видъ настоящаго городка; въ немъ и лавки и магазины, даже отдѣленіе Кунста и Альберса. Городъ военный весь въ низинѣ и разбросался на далекое разстояніе. Въ концѣ его на дворѣ одного окраиннаго города расположился и нашъ экспедиціоный отрядъ.

Во дворѣ стоятъ палатки, а вдоль заборовъ двора расположены лошади. Лошади маленькія, корейскія, то и дѣло схватываются между собой, а корейцы-конюха то и дѣло вскрикиваютъ на нихъ, издавая короткіе рѣзкіе звуки.

Всю компанію засталъ я въ палисадникѣ за ѣдой. Столъ былъ устроенъ изъ ящиковъ, поверхъ которыхъ было настлано по двѣ доски. Ѣда въ походныхъ жестяныхъ тарелочкахъ, чай въ такихъ же чашкахъ.

Съ моимъ пріѣздомъ экспедиція была вся налицо. Когда выступаемъ—еще неизвѣстно: паспорта не готовы, нѣтъ людей, нѣтъ отвѣта относительно запасныхъ солдатъ, которыми предполагается пополнить кадръ, нѣтъ, наконецъ, еще и полнаго комплекта лошадей. Хорошо, если выступимъ пятаго.

7-го сентября.

Прошло пятое, седьмое сегодня—и хорошо, хорошо, если тронемся девятаго. Теперь держатъ проливные дожди, благодаря которымъ

рѣка вышла изъ береговъ, а такъ какъ мостовъ въ этой первобытной странѣ нѣтъ, то и сообщеній иныхъ, какъ въ бродъ, нѣтъ. Ни о какихъ же бродахъ теперь и рѣчи быть не можетъ. Маленькая рѣчушка возлѣ насъ съ бродомъ ниже колѣна, теперь трехъ саженъ глубины и вода все еще прибываетъ.

Во дворѣ, гдѣ наши палатки, невылазная грязь, грязь и въ палаткахъ. Грязь и сырость и всѣ мы рискуемъ, не выступая еще, нажить себѣ солидные ревматизмы.

Обѣдаемъ уже не въ палисадникѣ, а въ домѣ, гдѣ раньше шла упаковка разныхъ вещей. И теперь ихъ здѣсь навалены груды и укладчики жалуются, что мы мѣшаемъ имъ. Но дѣваться некуда и публика толчется весь день въ этой комнатѣ. Хозяинъ дома въ отчаяніи и требуетъ новой окраски половъ.

Дѣлать нечего и мы знакомимся и ближе присматриваемся другъ къ другу.

Здѣсь прибавилось нѣсколько новыхъ попутчиковъ.

А. И. З. молодой представитель экспедиціи. Онъ одѣтъ въ красивый тирольскій костюмъ, носитъ бѣлую пробковую шляпу съ низкимъ дномъ и широкими полями. Весь костюмъ придаетъ ему не русскій видъ и идетъ ко всей его стройной, высокой и красивой фигурѣ. Волосы острижены при головѣ, черная вьющаяся бородка, большіе, красивые, черные глаза. Лицо доброе, открытое, умное, манеры предупредительныя и сильное желаніе стушеваться. Раньше онъ былъ морякомъ, изучалъ астрономію и теперь въ предстоящихъ работахъ взялъ на себя всѣ астрономическія наблюденія.

Съ Н. А. К. я уже познакомилъ читателя. Онъ считается помощникомъ З.,—энергиченъ, горячъ и забираетъ себѣ работы по части описанія существующихъ дорогъ столько, что и въ нѣсколько мѣсяцевъ, вѣроятно, не управится.

Затѣмъ идутъ отдѣльныя партіи по разнымъ спеціальностямъ. У меня ихъ двѣ: одной завѣдую я самъ и со мной Н. Е. Б., а другой завѣдуетъ А. П. С. и съ нимъ докторъ.

По части геологіи и изслѣдованія почвы горный инженеръ С. П. Т. Это человѣкъ, лѣтъ 35, высокій, сухой брюнетъ, уже извѣстный изслѣдователь, по преимуществу въ совершенно дикихъ мало обитаемыхъ мѣстахъ. Онъ работалъ у якутовъ, на Охотскомъ побережьи, въ Забайкальѣ и гдѣ его только ни носило. Разсказы его интересны и мы слушаемъ его вечеромъ, послѣ ужина, когда двѣ-три свѣчки плохо освѣщаютъ нашъ длинный столъ, а на дворѣ монотонно и однообразно барабанитъ все тотъ-же унылый осенній дождь.

Дѣло свое спеціальное знаетъ онъ очевидно хорошо, но все остальное мало его интересуетъ.

Въ помощники себѣ онъ взялъ бывалаго моряка-бродягу, хорошо знающаго Корею и всѣ ея трущобныя мѣста. Похоже на то, что оба

они не прочь попытать счастья и хищнически порыть золота. Онъ самъ говоритъ объ этомъ; вѣроятно, помощникъ его обѣщаетъ ему въ этомъ отношеніи многое, потому что у обоихъ лица довольныя и таинственныя. Вся ихъ партія въ цвѣтъ и масть: все здоровые, сильные, рослые молодцы, умѣющіе и стрѣлять, и копать землю. Такъ какъ въ Кореѣ добыча золота запрещена, то дѣло это и является такимъ образомъ противозаконнымъ. Имъ занимаются китайскіе разбойники (хунгузы) и всякій сбродъ. Рискъ такимъ образомъ двойной: и со стороны этихъ хунгузовъ, и со стороны корейскихъ властей.

Въ случаѣ осложненій непріятность и для остальной экспедиціи.

Мы иногда безъ С. П. толкуемъ объ этомъ, намекаемъ и ему, но онъ только посмѣивается и загадочно говоритъ:

— Мое дѣло, и за насъ не бойтесь.

Его помощникъ весело поддерживаетъ:

— Не пропадемъ.

Помощникъ С. П. прекрасный и страстный охотникъ. Онъ ручается ему, что къ столу будутъ фазаны и гураны (дикіе козлы), ручается и за прекрасныя отношенія съ корейцами.

— Только смазать какъ слѣдуетъ ихъ губернатора, и дѣлай что хочешь. А ихъ губернаторъ такая же неумытая свинья, какъ и вотъ наши корейцы. Сидитъ, ѣстъ и тутъ же за столомъ всѣ отправленія. Ничѣмъ не брезгуетъ: ножичекъ, карандашъ... А ужъ что приказалъ губернаторъ, то свято для корейца. Кореецъ, какъ и китаецъ, власть признаетъ и уважаетъ. Власть все равно, что самъ Богъ: хоть глупость, хоть несправедливость, приказано—законъ. Такъ кореецъ ничего не дастъ, никуда не повезетъ... Разъ такой случай былъ. Договорились съ вечера—утромъ ни одной подводы. Что, почему? Ничего неизвѣстно: не хотятъ, и баста. Нечего дѣлать—къ губернатору. Ну, поѣли, вылилъ я въ него цѣлую бутылку коньяку, объяснилъ ему, что такое русскій царь тамъ, все, какъ слѣдуетъ. Потребовалъ губернаторъ къ себѣ всѣхъ этихъ корейцевъ и ну ихъ пороть. Билъ, билъ, пока не согласились, наконецъ, ѣхать. День, конечно, пропалъ, а на другой день поѣхали. Ѣдешь около нихъ — всѣ битые — и жалко и смѣшно... Или, напримѣръ, спросите у корейца яицъ—«нѣтъ». Идете сами, берете изъ лукошка яйца, отдаете деньги—кланяется и благодаритъ...

Помощникъ С. П. даже собственникъ въ Кореѣ: имѣетъ домикъ тамъ и десятину земли. За домъ и эту десятинз заплатилъ 14 рублей на наши деньги, что составляетъ 6.500 корейскихъ кешъ (около $^1/_5$ коп.).

— Зачѣмъ вамъ этотъ домъ и земля?

— Да вѣдь человѣкъ я холостой: такъ ухаживать за корейками неудобно, а такъ выходишь въ родѣ своего.

— Корейскія женщины красивы?

— Есть очень красивыя: высокія, стройныя... Плечи и грудь обна-

женныя, снизу только что-то въ родѣ корсета... Иная идетъ съ рѣки, поддерживаетъ на головѣ кувшинъ руками — просто, хоть царапайся, такъ хороша...

— Онѣ доступны?

— Лѣтъ пять тому назадъ сколько угодно было, а теперь нельзя. То-есть можно, если жить. Я попалъ къ нимъ разъ на Новый годъ, пришелся онъ съ нашимъ 17 январемъ. Праздникъ большой и три дня всѣ лавки заперты. А мы пріѣхали за провизіей. Волей, неволей пришлось просидѣть безъ дѣла. Губернаторъ знакомый: пьяница, обжора и пошли мы съ нимъ. Пригласилъ онъ восемь кореекъ изъ такихъ, которыя бывали во Владивостокѣ и умѣли немного по русски. У всѣхъ все такіе же костюмы, все здѣсь открыто... Первымъ дѣломъ каждая изъ нихъ рюмку ихней водки подноситъ и яйцо. Необходимо выпить и съѣсть яйцо. И такъ восемь разъ... Потомъ чай, игры... хлопаютъ въ ладоши, бьютъ по колѣнамъ, потомъ по твоимъ ладошамъ. Ну, ошибешься, попадешь ей въ грудь—ничего. А у нихъ, какъ семь часовъ, ворота городскія запираются. А мой станъ за городомъ. Повели меня провожать губернаторъ, корейки, ихъ мужья: всѣ подъ ворота пролѣзли—забрались ко мнѣ—опять кутежъ. Потомъ ко всѣмъ корейкамъ по очереди... И вездѣ рюмка водки, яйцо, да такъ всѣ три дня и три ночи. Въ день яицъ 35, да 35 рюмокъ—такъ ошалѣешь, что отца съ матерью забудешь... А приглашенія все новыя и новыя, а если безъ приглашенія, такъ и еще лучше: это ужъ такой почетъ, если иностранецъ въ праздникъ попадетъ безъ зова...

Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ: чѣмъ больше спутникъ С. П. обнажается, тѣмъ унылѣе становится съ нимъ С. П., говоритъ:

— Бывалый, а до остальнаго мнѣ дѣла нѣтъ.

Партія лѣсника состоитъ изъ четырехъ рабочихъ, во главѣ которыхъ и стоитъ В. А. Т. Это лѣтъ за 50 человѣкъ, тихій, наблюдательный, очень свѣдущій и очень неглупый. Онъ хохолъ, любитъ хохлацкія пѣсни и до сихъ поръ сохранилъ свой голосъ.

7-го сентября.

Сегодня приглашеніе всѣмъ отъ мѣстнаго русскаго комисара на обѣдъ. Комисаръ очень обязательный человѣкъ и мы всѣ охотно идемъ къ нему, хотя дождь льетъ, какъ изъ ведра.

У комисара прекрасный, въ два этажа, казенный домъ.

Кромѣ насъ, приставъ и мировой судья, онъ же слѣдователь.

Оба на столько интересны, что надо на нихъ остановиться.

Мировой судья, лѣтъ 35 человѣкъ, съ круглымъ лицомъ, мелкими чертами, въ очкахъ.

Намъ пришлось сидѣть съ нимъ за обѣдомъ рядомъ и я не жалѣлъ. Онъ первый здѣсь судья съ іюня прошлаго года. За годъ многое уже сдѣлано. Главныя преступленія: убійства и грабежи. Въ первой оче-

реди преступниковъ стоятъ китайскіе хунгузы, а за ними идутъ наши русскіе солдатики. Въ этомъ только году двадцать изъ нихъ сосланы въ каторжныя работы.

— Въ чемъ же преступленія этихъ солдатъ?

— Грабятъ русскихъ корейцевъ.

Очень еще недавно охота на бѣлыхъ лебедей,—такъ называютъ корейцевъ въ ихъ бѣлыхъ костюмахъ и черныхъ волосяныхъ, узкихъ и смѣшныхъ шляпахъ,—была обычнымъ явленіемъ. Четыре года назадъ, одинъ солдатъ изъ такой партіи лебедей, шедшихъ гуськомъ по скалистой тропинкѣ, перестрѣлялъ четырехъ,—«а что ихъ не стрѣлять? Души у нихъ нѣтъ—паръ только».

Обычная форма грабежа: солдатъ подходитъ къ корейцу и спрашиваетъ спичекъ и въ это же время лѣзетъ къ нему за грудь и отрываетъ подвѣшенный тамъ кисетъ съ деньгами.

Съ введеніемъ здѣсь слѣдователя, послѣ ссылки въ каторгу 20 человѣкъ, преступленія эти прекратились, но сдѣланное зло не исправится и десятками лѣтъ. Робкій кореецъ боится и ненавидитъ солдата: для солдата нѣтъ продажной курицы, яйца, чумизы, предъ солдатомъ кореецъ запретъ свою фанзу и совсѣмъ уйдетъ въ горы, но не пуститъ добровольно солдата.

Слѣдователь прямо въ восторгѣ отъ корейцевъ. И онъ у нихъ желанный гость. Въ немъ они только и видятъ защитника и каждый его пріѣздъ къ нимъ сопровождается цѣлыми оваціями.

— Скажите, правда, что съ корейцемъ нужна твердая авторитетная манера?

— О, Боже сохрани! Не слушайте вы всѣхъ этихъ негодяевъ шовинистовъ. Вѣдь это они же и подрываютъ вездѣ и всегда русское имя: за нихъ краснѣемъ.

Послѣ обѣда З. шепнулъ мнѣ:

— Провѣрьте впечатлѣніе вашего разговора со слѣдователемъ и поговорите съ приставомъ.

Приставъ, молодой человѣкъ, рыжій, съ тонкими чертами лица. Я подсѣлъ къ нему.

Рѣчь скоро зашла о корейцахъ.

— Способный это народъ?

— Очень способный; такъ, вообще, въ жизни онъ лѣнивъ, апатиченъ, но отъ книги не оторвешь. Я уже устроилъ здѣсь четыре школы. Двое изъ моихъ теперь въ Казани, двое въ Благовѣщенскѣ, двое въ Хабаровскѣ.

— Симпатичный это народъ?

— Чистый и симпатичный, душой дѣти. И преступленія у нихъ дѣтскія: стащитъ у васъ какую-нибудь бездѣлушку.

— Храбры?

— Очень робки; лѣнивый ихъ не грабитъ,—грабятъ или, вѣрнѣе,

грабили до его,—приставъ показалъ на слѣдователя,—пріѣзда солдаты. грабятъ хунгузы... Такъ въ своей жизни очень самолюбивы. На всякаго, кто съ оружіемъ, смотрятъ, какъ на хунгуза: боятся и не довѣряютъ.

Слѣдователь подсѣлъ:

— Будете путешествовать, спрячьте всѣ ваши ружья: простой лаской сдѣлаете съ ними все.

Было уже темно. Мы поблагодарили гостепріимнаго хозяина и отправились домой. Засидѣлись, противъ обыкновенія, до 12 часовъ ночи.

Вдругъ вбѣгаетъ С. П.

— Господа, въ сосѣднемъ дворѣ пожаръ.

Рядомъ пожаръ, а у насъ лошади. Въ страхѣ онѣ могутъ сорваться и истопчутъ и палатки, и все сложенное въ нихъ, и насъ самихъ. Мы бросились во дворъ. Ночь темная, безъ звѣздъ, дождь, а черезъ заборъ только еще разгорается пожаръ въ сосѣднемъ домѣ.

Первый бросился туда Н. А., за нимъ я. Остальные бросились къ лошадямъ, отвязывать ихъ и выводить на улицу.

Къ счастью, Н. А. удалось скоро разбудить спавшихъ хозяевъ и раньше еще того онъ началъ заливать пламя стоявшей тутъ же водой. Но когда огонь потухъ и стало темно, мы почувствовали себя жутко. Н. А. шепчетъ:

— Теперь удираемъ, пока не пришли желтокожіе.

Онъ исчезъ, я пустился за нимъ. Назадъ труднѣе было бѣжать: мѣшали какія то деревья, ограды, ямы. А сзади, казалось, кто-то бѣжитъ и вотъ-вотъ поймаетъ.

Но никто за нами не гнался, а на другой день намъ принесли въ подарокъ бутылокъ двадцать вина отъ благодарныхъ погорѣльцевъ.

10-го сентября.

Сегодня, наконецъ, въ половинѣ пятаго вечера выступаемъ мы изъ Новокіевска на границу Кореи (Красное Село). Дорога все время кружитъ по берегу залива Посьета и на нашемъ горизонтѣ постоянно то иззубренныя, хотя и не высокія, голыя, безлѣсныя горы, то синее море.

На горизонтъ съ запада выдвинулись тучи и замерли. Онѣ, какъ вторая линія горъ, рельефно вырисовываются въ небѣ въ самыхъ причудливыхъ формахъ. Вотъ стада какихъ-то невиданныхъ звѣрей, вытянувъ шеи, тянутся къ открывшемуся океану.

Солнце послѣдними лучами играетъ въ этой грудѣ облаковъ. Тамъ же на востокѣ все мрачно и вдоль горизонта моря стоитъ какая-то синеогненно-дымчатая стѣна съ башнями тамъ наверху. Точно иной берегъ тамъ, и кажется, что, прижавшись къ нему, стоятъ тѣ плывущіе корабли у той стѣны.

Гаснетъ солнце, синѣетъ стѣна, мрачная и грозная и уже вспы-

хиваютъ по ней зарницы, какъ сторожевые огни сказочной крѣпости. Холодомъ ночи вѣетъ оттуда. А ближе къ солнцу покой и тишина. Тамъ обласканныя солнцемъ облака словно таютъ въ его лучахъ, золотистымъ бирюзовымъ слѣдомъ протянувшись въ небѣ. Легкій свѣтлопрозрачный туманъ нѣжно окутываетъ горы,—туманъ забрался въ ихъ впадины и кажутся эти горы приподнятыми въ воздухѣ и такая масса тамъ этого нѣжно-молочно-прозрачнаго воздуха. Лучи солнца еще просѣкаютъ его, но уже теряются фіолетовымъ отблескомъ въ безбрежныхъ низинахъ этихъ горъ.

Наша кавалькада красиво растянулась и змѣей вьется по прихотливой береговой полосѣ,—всадники съ ружьями, ножами, англійскими шляпами, какъ на рисункахъ журналовъ, вродѣ «Земля и люди».

Уже попадаются корейскія фанзы съ ихъ плоскими, камышевыми крышами, покрытыми веревочной сѣткой, съ ихъ отдѣльно стоящими высокими деревянными трубами, съ ихъ бумажными окнами и дверями. Но все это тамъ, внутри двора, а снаружи только глухая стѣна и спряталъ кореецъ за ней и себя, и семью, и свои обычаи. Все это пока еще тайна для насъ и очень интересная.

Около каждой фанзы громадная, въ ростъ всадника, конопля, гоалинъ. Гоалинъ—родъ крупнаго проса, на видъ очень похожій на нашъ камышъ. Темнѣетъ. Молодой мѣсяцъ блѣдно-прозрачный всплылъ въ небѣ. Скорпіонъ, его спутникъ здѣсь, нѣжно обвилъ его яркими, какъ бриліанты, звѣздочками.

Все темнѣе и все растутъ бастіоны востока.

Дорога идетъ черезъ заливъ по водѣ и растянувшаяся линія всадниковъ одинъ за другимъ исчезаетъ въ мракѣ воды и темныхъ синихъ стѣнъ.

Подбирается вода все выше и выше, подмочила уже вьюки, лошади всплыли, солдатъ Бибикъ съ головой провалился въ воду и ругаетъ, отряхиваясь, соленую воду. Но опять берегъ и горы и мы ѣдемъ рысью.

Китайская деревня Ханъ-си,—незаконный выходъ манджуровъ къ морю. Она растетъ съ каждымъ годомъ—это уже портъ Манджуріи, изъ котораго и идетъ вся ея торговля.

Ночь и спитъ деревня. Мы ѣдемъ въ сторонѣ отъ нея.

Вотъ и нашъ привалъ—Зарѣчье и фанза Николая. Насъ гостепріимно принимаютъ, и я, уѣхавшій впередъ, уже сижу въ маленькой, въ квадратную сажень, чистенькой комнаткѣ. Оклеены обоями стѣны, потолокъ. Двери въ другія комнаты и каждая комната имѣетъ такой же отдѣльный выходъ на дворъ. Выходъ на высотѣ аршина,—это и дверь, и окно. Можно ее затворить глухой дверью или бумажной. Снаружи, когда закрыта такой бумагой, она просвѣчиваетъ свѣтъ комнаты и тогда на фонѣ темной ночи вырисовывается какой-нибудь фантастичный узоръ.

Хозяева фанзы—русскіе, крещеные корейцы.

Николай—старшина; онъ богачъ.

Пріѣхали остальные и насъ поятъ чаемъ, кормятъ ужиномъ, подаютъ корейскій салатъ, рисовую кашу.

— Есть клопы?

— Мало.

Хуже клоповъ донимаютъ комары, которыхъ набилось видимо невидимо. Но мы устали и уже спимъ.

11-го сентября.

Прекрасное раннее утро. Я сижу во дворѣ и записываю впечатлѣнія.

Предъ моими глазами фанза.

Цѣлый рядъ оконъ-дверей, съ узорчатымъ мелкимъ переплетомъ, заклееннымъ бумагой. Всѣ эти окна-двери выходятъ на узкій, шириной всего съ аршинъ, балкончикъ. Съ этого балкончика до земли тоже аршинъ. Вся фанза выбѣлена. Крыша ея плоская изъ мелкаго камыша, сверху покрытая веревочной сѣткой.

Отдѣльно, сбоку отъ фанзы, на разстояніи сажени, изъ земли выведена высокая, выше крыши, узкая деревянная, изъ четырехъ досокъ, труба. Въ эту трубу проходитъ дымъ изъ печей дома.

Печи устроены очень своеобразно: всѣ дымовые ходы расположены подъ поломъ. Полъ поэтому всегда теплый, а въ комнатахъ не видно печей. При легкости всей постройки, при толщинѣ стѣнъ въ два вершка, я не думаю, чтобы въ этихъ фанзахъ было тепло зимой. Впрочемъ, вотъ доживемъ до холода и тогда убѣдимся.

Дворъ собстоенно раздѣленъ на двѣ части; въ передней сосредоточено все относящееся къ рабочимъ и скоту. Тамъ грязно.

Во второмъ дворѣ, гдѣ мы, чисто, а съ лѣвой стороны устроенъ даже небольшой цвѣтникъ. Красные и бѣлые цвѣты въ изобиліи ласкаютъ взглядъ.

Вдоль стѣнъ висятъ грозди краснаго перцу, желтой кукурузы, бѣлаго чесноку, а изъ-за забора выглядываетъ здѣшняя ветла съ острыми длинными серебряными листьями, съ ярко-красными наростами на листьяхъ.

Во дворцѣ корейцы: русскіе—стриженые, подданные же Кореи въ своихъ прическахъ съ завитушкой на срединѣ головы.

Добрыя дѣтскія лица ихъ широки, кожа темна, глаза прямые, но узкіе, вѣки опущенныя, какъ у тѣхъ, у кого они находятся въ параличномъ состояніи.

— Теперь это самая пустая операція,—говоритъ докторъ,—дѣлается разрѣзъ на лбу: разъ, два...

Но въ это время раздается отчаянный крикъ,—это Н. А. летитъ съ балкончика, не замѣтивъ уступа. Онъ постоянно падаетъ.

Онъ спокойно встаетъ и идетъ къ намъ.

— То-есть, чортъ знаетъ, какъ я падаю,—говоритъ онъ.—Мое единственное спасеніе, что я падаю, какъ мѣшокъ съ овсомъ, не сопротивляюсь, и потому никогда не зашибаюсь.

— Вы также никогда не оглядываетесь на то мѣсто, гдѣ упали?—спрашиваетъ докторъ.

— Боже сохрани оглядываться,—говоритъ серьезно Н. А.

Нашъ лѣсникъ, спокойный, уравновѣшенный и веселый хохолъ, мягкій и деликатный В. А. Т. методично говоритъ:

— Утро ли, полдень ли, вечеръ: докторъ ругается, а Н. А. падаетъ.

— Совершенно вѣрно,—говоритъ Н. А., — я за всѣхъ отдуваюсь.

— И я,—говоритъ докторъ.

— Еще бы не ругаться: мнѣ 50, а мнѣ 200, 100, 300 порошковъ, а я одинъ.

Одинъ за другимъ уходятъ обозы, уходитъ и мой. Докторъ и С. уходятъ совсѣмъ, отправляясь прямо на Кегенфу.

Но жаль мнѣ разстаться съ чуднымъ утромъ, уютнымъ уголкомъ, расположеніемъ къ работѣ. Я еще останусь.

Я принимаюсь за англійскій языкъ; мнѣ предлагаютъ сварить кукурузу, и незамѣтно я провожу здѣсь время до часу.

Пора ѣхать: лошади давно осѣдланы и громадный Бибикъ ждетъ не дождется, когда я тронусь наконецъ.

Мы ѣдемъ отъ Зарѣчья къ Красному Селу долиной рѣки Пончіанги.

Кругомъ поля корейцевъ: всевозможные сорты чумизы, овесъ, кукуруза, одни бобы, другіе, третьи, изъ которыхъ приготовляется соя.

Въ этомъ году, послѣ трехъ лѣтъ неурожая, урожай громадный.

Яркое солнце, синее осеннее небо, по обѣимъ сторонамъ красиво-иззубренныя, хотя и невысокія горы. Въ общемъ очень напоминаетъ долину Крыма, когда ѣдешь изъ Севастополя въ Ялту.

Но здѣсь красивѣе, потому что все время на горизонтѣ темно-синей лентой море. Только краешекъ его и виденъ, но это еще сильнѣе дразнитъ и тянетъ къ нему, прочь отъ этихъ мѣстъ къ далекой милой родинѣ. Когда-то это будетъ? Гонишь и мысль и то смотришь на барометръ и записываешь, то слушаешь переводчика П. Н. Кима, который разсказываетъ мнѣ то про тигровъ, ютящихся въ этихъ горахъ, то про друическія постройки на вершинахъ горъ, то про жить-бытье здѣшнихъ корейцевъ.

Край этотъ заселенъ всего пятнадцать лѣтъ назадъ.

Первымъ корейцамъ пришлось особенно трудно. Голодъ, неустройство довели ихъ до полной нищеты и жены ихъ и дочери добывали себѣ пропитаніе позорнымъ ремесломъ.

Теперь все измѣнилось и корейскія женщины славятся своей цѣломудренностью.

— Вотъ въ Кореѣ много балованныхъ женщинъ.

— Но вѣдь и тамъ пять лѣтъ назадъ вышелъ новый законъ.

— Чтó законъ? Законъ ничего не можетъ перемѣнить. Хуже стало: нельзя прямо, потихоньку дѣлаютъ... болѣзни...

У здѣшнихъ корейцевъ надѣлы и такіе же общинные порядки, какъ и въ остальной Россіи. Жалуются они очень на дорожную повинность. На волость въ 1.500 дворовъ приходится такихъ дорогъ слишкомъ 200 верстъ. Прежде они вносили на ихъ ремонтъ деньгами—6.000 руб. въ годъ, но съ этого года введена натуральная повинность, которая, очевидно, очень не по вкусу имъ.

Зато введеніе съ прошлаго же года мирового судьи удовлетворяетъ корейцевъ выше головы. Они не могутъ нахвалиться какъ и самимъ мировымъ, такъ и вообще идеей мирового суда. Хвалятъ они и своего пристава, открывшаго имъ нѣсколько школъ.

Иногда мы останавливаемся и разговариваемъ съ корейцами: ихъ много въ полѣ — они молотятъ овесъ. Въ своихъ бѣлыхъ костюмахъ они дѣйствительно напоминаютъ бѣлыхъ лебедей.

Слѣдующій разсказъ выслушанъ мною отъ нѣсколькихъ корейцевъ и подтвержденъ старшиной, старостой и переводчикомъ П. Н. Кимъ.

Въ 1896 г., въ концѣ весны, корейскій подданный, кореецъ Хенъ, былъ найденъ замерзшимъ на берегу озера Сенденыпи, близъ Краснаго Села и его выселка Сегарти.

Дальніе родственники Хена дали знать женѣ и сыну умершаго. Шестнадцатилѣтній сынъ съ двумя другими корейцами пришли къ трупу. Въ то время, какъ сынъ наклонился надъ трупомъ отца, раздался выстрѣлъ изъ группы нѣсколькихъ солдатъ, стоявшихъ въ верстѣ, и мальчикъ съ пробитымъ лбомъ упалъ мертвый на трупъ своего отца. Два другихъ корейца убѣжали.

Слѣдствіе выяснило, что солдаты по близорукости приняли корейцевъ за лебедей, и было поэтому прекращено.

Корейцы просили меня записать, что они сами показали, что солдаты приняли ихъ за лебедей и ничего не имѣютъ противъ оправданія подсудимыхъ. Не имѣетъ и вдова, живущая теперь въ Красномъ Селѣ, но только она боится съ тѣхъ поръ русскихъ и, когда увидитъ, бѣжитъ отъ нихъ, какъ сумасшедшая.

13-го сентября.

Всѣ эти дни мы съ Н. Е. простояли лагеремъ у красносельской переправы, на берегу величественной и красивой рѣки Туменьула или Тумангана по-корейски. Это пограничная на всемъ своемъ протяженіи рѣка между Кореей и Манжуріей.

Возлѣ насъ, въ нѣсколькихъ саженяхъ каменный пограничный знакъ Г.—точка, гдѣ сходятся границы Китая, наша и Кореи.

Эти дни мы занимались повѣркой барометровъ, кипяченіемъ воды, астрономическими наблюденіями, изслѣдованіемъ рѣки и нивеллировкой

окружающей мѣстности въ предположеніи дать рѣкѣ болѣе благопріятный выходъ въ море, такъ какъ при теперешнемъ, благодаря какъ встрѣчному морскому теченію, такъ и вѣтрамъ, устье рѣки засоряется настолько пескомъ, что входъ и выходъ изъ нея обставленъ непреодолимыми препятствіями. Весьма, вѣроятно, что рѣка эта прежде текла въ бухту Посьета. И теперь въ высокую воду одинъ изъ рукавовъ ея, какъ разъ въ этомъ мѣстѣ, переливается и течетъ по старому руслу. Работы по отводу не представляли бы серьезныхъ препятствій. Длина такого канала по совершенно ровной мѣстности въ мягкомъ грунтѣ составила бы четыре съ половиной версты.

Что касается астрономическихъ работъ, то ими занимается А. И. З., а В. А. Т. помогаетъ ему. Мы же остальные получаемъ, что нужно каждому изъ насъ, въ готовомъ уже видѣ.

Сегодня снимается З., Т и К. и мы съ Н. Е. остаемся одни. Завтра и мы снимаемся.

Вокругъ насъ все время корейцы ласковые, гостепріимные, хотя и готовые получить за все немного дороже. Гдѣ, въ какой странѣ это не практикуется съ такими туристами, какъ мы?

Я былъ въ школѣ деревни Подгорской. И учитель и, ученики—корейцы. Положеніе учителя очень плохое. Получаетъ онъ 15 р. въ мѣсяцъ и при здѣшней дороговизнѣ живетъ хуже крестьянина-корейца.

— Чай пьете?

Онъ только разсмѣялся и махнулъ рукой.

Дѣти усердны и всѣ поразительные каллиграфы. И къ остальнымъ наукамъ, впрочемъ, корейцы очень способны.

Зданіе школы просторное и свѣтлое. Школа устроена въ этомъ году.

По вечерамъ, когда я возвращаюсь съ работъ, около меня толпится много корейцевъ. Одинъ изъ нихъ, человѣкъ лѣтъ 35, маленькій, съ черными глазками, маленькими руками и ногами, присланъ ко мнѣ учителемъ, какъ человѣкъ, знающій много разсказовъ изъ корейской жизни. Онъ сидитъ на корточкахъ и со всѣмъ жаромъ художника, весь увлеченный, разсказываетъ. По временамъ переводчикъ П. Н. останавливаетъ его, не надѣясь на свою память, передаетъ мнѣ, а я записываю. Всѣ остальные корейцы сидятъ на корточкахъ и серьезно, внимательно слушаютъ. Если разсказчикъ сбивается, они поправляютъ его и иногда поднимается горячій споръ.

Такъ я записалъ уже до десяти сказокъ и разсказовъ.

Этотъ кореецъ-художникъ принялъ мое предложеніе и отправляется со мной по Кореѣ: онъ будетъ помогать мнѣ собирать тѣ разсказы, которые удастся собрать.

Изъ разсказовъ, между прочимъ, выясняется несомнѣнный фактъ, что русскимъ корейцамъ живется гораздо лучше, чѣмъ ихъ братьямъ въ Кореѣ. Они говорятъ, что еслибъ не запрещались переселенія, вся сѣверная Корея перешла бы въ Россію, особенно съ тѣхъ поръ, когда

пріѣхалъ мировой, когда нельзя больше безнаказанно ни убивать, ни бить ихъ. Но переходъ изъ Кореи строго запрещенъ и всѣхъ такихъ переходящихъ, и корейцевъ, и китайцевъ, препровождаютъ обратно. При этомъ корейское начальство ограничивается выговоромъ и тутъ же отпускаетъ ихъ, а китайское тутъ же или сѣчетъ, или рубитъ головы. Поэтому китайцы такому обратному ихъ водворенію противятся всѣми средствами и нерѣдко дѣло кончается кровопролитіемъ, причемъ китайцы дерутся ожесточенно и даже умирающіе стараются ранить или подстрѣлить преслѣдующихъ ихъ.

Обыкновенно облавы на такихъ тайныхъ переселенцевъ дѣлаются въ тѣхъ случаяхъ, когда произойдетъ какое-нибудь убійство или грабежъ и виновныхъ не хотятъ выдать. Но одна угроза, что будетъ обыскъ, уже дѣлаетъ то, что преступниковъ сейчасъ же приводятъ.

Такъ, на-дняхъ были убиты двое русскихъ съ цѣлью ограбленія, и убійцу—китайца привели сами китайцы. Чтобъ онъ не убѣжалъ, русскія власти обрѣзали ему косу: этого довольно; въ Китаѣ уже за одно то, что онъ безъ косы, его ждетъ смерть, тогда какъ въ Россіи самое большое за убійство—безсрочная каторга.

На самомъ берегу Тумангана, у пограничнаго знака, стоитъ фанза, въ которой живетъ нашъ офицеръ и нѣсколько солдатъ.

Ничего печальнѣе такого одиночнаго существованія представить нельзя себѣ. Офицеръ, молодой и симпатичный, коротаетъ свое время собираніемъ гербаріума, охотой. Охота здѣсь прекрасная, къ тому же, осень и перелетъ.

Вечеромъ, когда потухнутъ огни неба,—когда вся рѣка, въ перспективѣ наморщенныхъ, какъ шкуры собирающихся броситься тигровъ, горъ, окрашенныхъ непередаваемымъ отливомъ заката, съ водой нѣжно-фіолетоваго цвѣта, съ спящими на ней тамъ и сямъ лодочками рыбаковъ-корейцевъ,—въ блѣдномъ небѣ раздаются то нѣжный гортанный крикъ журавлей, то рѣзкое кряканье утокъ, то далекій крикъ гусей. А въ горахъ фазаны, косули, волки, лисицы, медвѣди, барсы и тигры. А въ водѣ милліонъ всевозможныхъ рыбъ и изъ нихъ первая красная кита—та же лососина.

Послѣдній вечеръ на русскомъ берегу. Я слушаю разсказы о тиграхъ и барсахъ.

Тигръ благороднѣе барса. Передъ нападеніемъ онъ всегда показываетъ себя и нерѣдко играетъ съ врагомъ, какъ кошка съ мышью. Онъ то прыгаетъ, то ложится, машетъ хвостомъ и смотритъ. На окрикъ онъ бросается.

Кореецъ пользуется этимъ и, приготовивъ себя и свое копье, бросаетъ тигру такой вызовъ:

— Принимай мое копье!

Искусство такъ подставить копье, чтобъ тигръ схватилъ его зубами,

а затѣмъ,—и для этого нужна не малая сила,—надо это копье, протиснувъ сквозь сжатые зубы тигра, всадить ему въ горло.

Барсъ же всегда нападаетъ изъ засады: съ дерева, со скалы.

Раненый, онъ притворяется мертвымъ, а когда къ нему подходитъ довѣрчивый охотникъ, онъ бросается на него.

И тотъ, и другой боятся огня и шума и поэтому на ночь корейцы въ походахъ разводятъ костры, а при появленіи тигра, если не желаютъ съ нимъ сразиться, поднимаютъ шумъ: кричатъ, стучатъ въ литавры.

14 го сентября.

Шесть часовъ утра. День просыпается лѣниво. На западѣ синія тучи и тонутъ въ сизомъ туманѣ горы и даль рѣки. Но востокъ уже ясенъ; безмятежно искрится тамъ рѣка свѣтлая, прозрачная. Спять дальнія горы въ лучахъ, плывутъ плоты и корейцы на нихъ.

Мы собираемся: складываются палатки, затюковываются вещи. Съ мѣста я разбиваю мой отрядъ на три части: одинъ идетъ прямо на г. Херіовъ, другой идетъ по направленію Кегенху, а я отправляюсь сперва въ бухту Гашкевича, къ устью Тумангана.

Къ вечеру я догоню тѣхъ, что пошли на Кегенху, а черезъ три дня мы всѣ соединимся въ Херіонѣ.

Мы уже переѣзжаемъ рѣку.

Поднялся вѣтеръ и тучи закрыли небо. Чувствуется уже осень,—холодно.

Паромъ, длиной до $4^1/_2$ саженъ, можетъ поднять до 300 пудовъ или 17 лошадей. Спереди онъ узокъ, но расширяется и доходитъ до ширины $1^1/_2$ саженъ.

Работаютъ два корейца, двумя веслами сзади кормы, выдѣлывая весломъ восьмерки. При полномъ грузѣ работаютъ восемь веселъ.

На другой сторонѣ рѣки большая песчаная отмель, ясно показывающая горизонтъ высокихъ водъ (до $3^1/_2$ саженъ, какъ оказалось по измѣренію).

Паромъ до берега не дошелъ и мы въ бродъ, ниже колѣнъ, прошли на берегъ. Корейцы предлагали перенести насъ на своихъ плечахъ, но мы рѣшительно отказались.

На берегу уже ждутъ двѣ арбы, запряженныя быкомъ и коровой. Запряжка съ двумя оглоблями; на шеѣ родъ англійской шоры изъ веревокъ, въ ноздрѣ же животнаго кольцо, отъ котораго веревки, проходятъ между рогами: этими веревками и управляютъ. Въ такую двухколесную арбу—колеса сплошныя—накладываютъ до 15 пудовъ и берутъ по 1 к. съ пуда и версты. Это ровно въ десять разъ дороже обычной нормы другихъ странъ.

У подъѣхавшихъ къ намъ корейцевъ мы мѣняемъ деньги. За нашъ рубль или японскій долларъ намъ дали 500 кешъ.

Кеша мѣдная монета, величиной между двумя и тремя копѣйками

съ дырочкой по срединѣ, чрезъ которую и нанизываются эти деньги на веревочку. Мы размѣняли только шесть рублей и не знаемъ куда дѣваться съ этимъ грузомъ.

Нашъ проводникъ къ бухтѣ Гашкевича русскій корейскій старшина.

Просто, не соблюдая никакихъ формальностей, переѣхали мы границу Кореи,—формальностей, изъ-за которыхъ намъ столько пришлось возиться. Говорятъ, что такъ и дальше проѣдемъ мы всю Корею и не спросятъ у насъ нашихъ паспортовъ.

Мы ѣдемъ мимо дома какого-то пограничнаго чиновника и, по совѣту переводчика, я послалъ ему свою карточку, напечатанную по корейски: «путешественникъ такой-то»...

Все время у подножія травой поросшихъ горъ множество живописнѣ разбросанныхъ уже безъ заборовъ фанзъ.

Вотъ и перевалъ къ бухтѣ Гашкевича, и съ перевала уже видны и бухта, и громадное озеро.

29 лѣтъ тому назадъ, у этой бухты погибъ пароходъ Кунста и Альберса. Пассажиры тогда спаслись на лодкѣ во Владивостокъ, а сѣвшій на мель пароходъ оставили на произволъ судьбы.

Но когда затѣмъ возвратились за грузомъ, ни груза, ни парохода не оказалось: прибрежные корейцы все разграбили. Разграбили, какъ дѣти: товары, оказавшейся внѣ ихъ пониманія—они выбросили назадъ въ море. Только водку выпили, да русскими бумажными деньгами расклеили у себя окна.

Хозяева парохода жаловались тогда корейскому правительству и въ результатѣ камни (исправникъ) Кегенфу и мелкій пограничный чиновникъ поплатились своими головами за этотъ грабежъ.

Въ деревушкѣ Косани, гдѣ только четыре года назадъ упразднена пограничная стража, и были они казнены.

Мы въѣзжаемъ въ эту деревушку; теперь это маленькая, въ десять фанзъ, деревня, въ ущельи, между двумя высокими холмами.

Желтой глиной вымазанныя фанзы, чистенькія, выглядятъ уютно. Мы остановились возлѣ одной изъ самыхъ бѣдныхъ и попросили гостепріимства.

Насъ сейчасъ же пригласили. Мы оставили здѣсь Бибика приготовлять намъ завтракъ, а сами, Н. Е., Кимъ и я, поѣхали осматривать бухту.

Прелестное живописное мѣсто, совершенно пустынное: вода, а съ запада толпа отдѣльныхъ иззубренныхъ зеленыхъ горъ.

Тихо, неподвижно. Мы стоимъ на одной изъ командующихъ высотъ Янди, служившихъ еще недавно для сигнальныхъ огней. Такими огнями Сеулъ извѣщался о грозящей опасности.

Янди—значитъ послѣдняя станція.

Въ грудѣ камней, на которыхъ разводился сигнальный огонь, множество змѣй. Мы убили двѣ разновидности этихъ змѣй.

Мѣстные жители одну изъ нихъ, въ три четверти аршина длиной, черную, съ немного коричневыми шашками, назвали корейской змѣей, а другую такой же длины, сѣрую—китайской. Обѣ онѣ ядовиты и смертельны. Но корейская кусается рѣдко.

Невдалекѣ навалена еще одна груда мелкихъ камней. Это молельня. Какъ заболѣетъ ребенокъ, мать съ шаманомъ идутъ сюда съ рисомъ, заколотой свиньей и молятся небу.

На обратномъ пути я узналъ разныя выраженія вѣжливости по корейски.

Проѣзжая мимо фанзы, вѣжливость требуетъ слѣзть съ лошади или, по крайней мѣрѣ, выпустить стремена.

При встрѣчѣ съ женщиной соблюдается такая же вѣжливость. При встрѣчѣ двухъ равныхъ по положенію, надо слѣзть съ лошадей обоимъ и распростереться на землѣ.

Возвращаясь въ деревню, мы выпустили стремена. У нашей фанзы ждетъ насъ гостепріимный хозяинъ; мы входимъ въ двѣ чистенькія маленькія комнатки, вымазанныя глиной, устланныя цыновкой. Квадратная сажень въ ширину, меньше сажени въ вышину, безъ оконъ, съ одной выходной дверью, она же и окно.

При входѣ надо снимать обувь, но насъ извиняютъ.

Мы пьемъ чай, угощаемъ хозяина. Затѣмъ я сажусь записывать. Немного погодя, П. Н., нашъ переводчикъ, кричитъ откуда-то меня. Я иду къ нему. Онъ стоитъ у оригинальнаго памятника съ оригинальной китайской крышей изъ черепицы.

Памятникъ со всѣхъ сторонъ огороженъ и можно пролѣзть къ нему только ползкомъ. Можетъ быть, это способъ каждаго заставитъ поклониться, т. е. герою.

Тамъ, внутри, на гранитномъ основаніи стоитъ темная мраморная доска, вышиною въ ростъ человѣка, шириной въ аршинъ и въ полтора аршина толщиной. Китайскими буквами описаны всѣ событія, послужившія поводомъ къ постройкѣ этого памятника.

Написано громадными буквами: Син-ген-те, что̀ значитъ: одолѣлъ на этомъ мѣстѣ.

Памятникъ этотъ поставленъ богатырю Кимъ-Коръ.

Начальникъ заставы былъ тогда Ди-сун-син. Происходило это 400 лѣтъ тому назадъ. Родъ Кимъ-Кора и теперь еще существуетъ въ Сеулѣ и занимаетъ высокія должности.

Самъ Кимъ-Коръ, уроженецъ этой деревни, былъ богатырь и перебилъ несмѣтное количество хунхузовъ на этомъ самомъ мѣстѣ, когда они напали на заставу.

Разсказывавшіе старались фигурѣ своей придать соотвѣтствующій воинственный видъ, но они оставались такими добродушными, что я едва сдерживалъ улыбку при желаніи представить себѣ, какъ они стали бы драться.

Памятникъ содержится въ большомъ порядкѣ и деревня не жалѣетъ для того денегъ.

По возвращеніи когда мы усѣлись во дворѣ фанзы, вошелъ высокій, лѣтъ 55-ти кореецъ съ пріятнымъ и открытымъ лицомъ. За плечами его былъ крупный прекрасный винчестеръ на 12 зарядовъ. Онъ весело поздоровался и спокойно, смѣло пошелъ къ углу двора, гдѣ сложилъ свое ружье и сумки.

Это знаменитый охотникъ здѣшнихъ мѣстъ Шинъ-Пуги. Его знаютъ и на русской сторонѣ и зовутъ его Самсономъ.

Собственно, онъ житель Краснаго Села, но охотится въ Кореѣ, такъ какъ въ Россіи охота на изюбровъ запрещена.

Онъ убилъ на своемъ вѣку: 9 тигровъ, 21 медвѣдя, 7 изюбровъ и безъ счета барсовъ и козуль.

Къ сожалѣнію, охотникъ не разговорчивъ и на всѣ разспросы объ охотѣ отвѣчалъ такъ лаконично, что не передалъ ничего такого, гдѣ бы почувствовался тигръ и барсъ.

Впрочемъ, на одинъ изъ вопросовъ онъ удовлетворилъ насъ. Вопросъ: былъ ли онъ въ лапахъ тигра или медвѣдя?

Онъ молча показалъ на свое разорванное лѣвое ухо и синій шрамъ черезъ весь лобъ.

— Ну и что-же?

— Все-таки, убилъ.

Затѣмъ онъ всталъ и ушелъ.

Въ октябрѣ, когда выпадаетъ снѣгъ, онъ пойдетъ за тиграми въ городъ Тангонъ. Вокругъ этого города много тигровъ. Онъ будетъ ихъ выслѣживать и убивать. Тамъ еще не знаютъ такихъ, какъ у него, ружей. Тамъ охотятся или съ копьемъ, или съ ружьемъ, которое зажигается фитилемъ.

Во дворѣ, гдѣ мы завтракали, множество дѣтей. Ихъ лица широки, смуглы, въ щелкахъ едва видны глаза. Иные совсѣмъ голые. Большинство личиковъ грустныя, задумчивыя. Я роздалъ имъ бывшій со мной сахаръ, печенья: взяли и ѣдятъ.

Я насчиталъ ихъ 15. Это дѣти двухъ семействъ.

— Всѣ корейцы такъ плодородны?

— Бываетъ и 10, и 15,—много дѣтей.

Въ воротахъ стоитъ человѣкъ съ ужаснымъ лицомъ,—это прокаженный. Онъ живетъ въ деревнѣ. Такихъ двое въ этой деревнѣ.

Я спрашиваю: много ли въ Кореѣ такихъ? Отвѣчаютъ — много. Иногда они соединяются въ цѣлыя общества.

У больного какой-то особый видъ, схожій со львомъ.

Болѣзнь неизлѣчимая; живутъ съ ней 3, 5, 10, 20 лѣтъ.

Другая больная—дѣвушка 13 лѣтъ. Такіе больные никогда не переводятся—одни умираютъ, заболѣваютъ другіе. Болѣзнь, по мнѣнію разсказчиковъ, не заразительна...

Закончивъ свои работы въ бухтѣ, въ пять часовъ мы тронулись въ обратный путь: назадъ до Красносельской переправы и далѣе впередъ по направленію къ Кегенху съ ночевкой въ деревнѣ Коуба.

На озерѣ такая масса дичи—утокъ, нырковъ, гусей, куликовъ—какой я никогда не видалъ,—озеро, буквально, усыпано ими.

Это одинъ изъ тѣхъ уголковъ міра, гдѣ никто эту птицу не тревожитъ.

Одна, двѣ маленькихъ деревушки и все остальное необъятное пространство голо и пусто, и привольно здѣсь и птицѣ, и звѣрю.

Тамъ, по горамъ, обильнымъ травой, пасутся стадами дикіе бараны, олени, изюбры, а вслѣдъ за ними ходятъ и спутники ихъ тигры, барсы, волки и медвѣди.

Съ нами ѣдутъ мѣстные корейцы и мы говоримъ обо всемъ.

Корейцы недовольны своей династіей. Они упрекаютъ ее за эгоизмъ, за готовность пожертвовать всѣмъ, родиной, лишь бы имъ было хорошо... Наслѣдникъ совершенно выродившійся человѣкъ, которому даже и жена его не нужна.

Большія надежды возлагаются на незаконнаго сына корейскаго короля, который воспитывается въ Японіи. Ему теперь 22 года. Корейцы надѣются, что японскій микадо отдастъ за него свою дочь и это будетъ первый случай, что изъ корейской династіи женится не на своей же родственницѣ. Это очень умный и образованный человѣкъ. Онъ «знаетъ и всѣ иностранныя грамоты, знаетъ и нашу, и мужскую, и женскую».

Мужская—китайскія письмена, женская—корейскія, упрощенныя для простого народа.

Женскую грамоту знаетъ половина корейцевъ, остальные неграмотны.

Мы говоримъ о земельныхъ отношеніяхъ. Земля здѣсь свободна. Ее занимаетъ тотъ, кто купитъ ее. Продается только удобная земля. Мѣрою земли служитъ кари — 800 кв. саж. Наша десятина стоитъ здѣсь до 250 ланъ. Лана—20 коп., слѣдовательно, на наши деньги десятина стоитъ 50 р.

Это цѣна въ здѣшней провинціи Хай-гіон-нук-до; въ южныхъ цѣна значительно выше. Валовой доходъ съ десятины 100 ланъ—20 рублей. Сѣютъ ячмень, овесъ, чумизу, бобы, буду, яръ буду́, гречиху, коноплю. Поле почти никогда не отдыхаетъ; вмѣсто отдыха, сѣютъ бобы, какъ растеніе, возстанавливающее плодородіе почвы.

Культура однорядная съ глубокими, вершка въ два, ровиками. Это требуется для защиты отъ выпадающей здѣсь влаги.

Сѣютъ въ половинѣ апрѣля, а теперь, въ половинѣ сентября, разгаръ уборки.

Крупныхъ владѣльцевъ нѣтъ—2, 3 десятины. Случаи продажи участковъ очень рѣдки. Развѣ разорится или проиграется въ бобы: азартная игра.

Четыре боба съ отверстіями,—выброшенные такъ, что всѣ четыре отверстія падаютъ вверхъ—полный выигрышъ.

Дорога тянется болотистой долиной Тумангана. Иногда дорога взбирается на утесъ въ нѣсколько десятковъ саженъ, — отвратительная, узкая, гдѣ двумъ верховымъ лошадямъ трудно разойтись, и такая крутая въ подъемахъ, что трудно сидѣть на сѣдлѣ.

Отъѣхавъ верстъ десять, мы прощаемся съ гостепріимными корейцами, уѣзжаетъ старшина, и мы остаемся одни.

Темнѣетъ, кругомъ горы, а выше ихъ тучи нависли и розовымъ свѣтомъ освѣщаетъ ихъ снизу солнце, уже сѣвшее за горы.

Въ просвѣтѣ сумерекъ видны корейцы, усердно работающіе на своихъ поляхъ.

Надо ѣхать скорѣе, чтобы не захватила въ незнакомой дорогѣ ночь.

— Ѣдемъ, господа!

И я пускаю своего иноходца, — типъ вятской буланой лошади, довольно крупный для здѣшнихъ мѣстъ.

Я слышу за собой топотъ и, поэтому, не оглядываясь, ѣду верстъ десять. Но, оглянувшись наконецъ, я вижу только переводчика П. Н. Что до Н. Е. и Бибика, то ихъ и не видно, и не слышно.

Покричали, посвистали и поѣхали назадъ къ нимъ. Проѣхали верстъ пять—раздорожье. Не уѣхали ли влѣво, взявъ въ горы? Спросить некого. Поѣхали влѣво. Ѣхали-ѣхали — новое раздорожье. Куда они повернули здѣсь? Сворачиваемъ вправо. Еще раздорожье, еще и еще.

Совсѣмъ стемнѣло и тучи закрываютъ луну. Округа разошлась и въ обманчивомъ сумракѣ представляется какой-то безпредѣльной бездной. Въ эту бездну провалились наши два спутника безъ какого бы то ни было знанія языка, не зная ни одного названія, не зная даже, куда ѣдутъ они и гдѣ назначена ночевка, два безпечныхъ русскихъ человѣка, которые, покачиваясь въ своихъ сѣдлахъ, ѣдутъ себѣ теперь гдѣ-нибудь, ни о чемъ не думая.

Мы скачемъ дальше и дальше въ эту невѣдомую таинственную глубь невѣдомой намъ страны, стрѣляемъ, свистимъ, кричимъ.

Не знаю, сколько времени такъ прошло, но, когда мы уже потеряли было всякую надежду, вдругъ откуда-то изъ мрака долетаетъ до насъ едва слышный свистъ условнаго свистка.

Мы облегченно вздохнули и начали еще отчаяннѣе свистать: я въ свою сирену, П. Н. въ обыкновенный полицейскій свистокъ.

То мы слышали ихъ, то опять теряли изъ виду. Свистъ раздавался то справа, то слѣва, то прямо передъ нами и тамъ гдѣ-то въ горахъ, которыя въ потьмахъ кажутся небесами.

Мы наткнулись наконецъ на какую-то деревню и рѣшили не двигаться дальше и свистѣть.

Корейцы въ деревнѣ проснулись, выскочили и между ними и П. Н.

завязался энергичный разговоръ. Слышенъ смѣхъ, выраженіе удовольствія.

Наконецъ подъѣхали наши безпечные путники.

— Мы думали, что ѣдемъ правильно.

— Прекрасно, продолжайте такъ и впередъ: мы кончимъ тѣмъ, что и не съищемъ другъ друга.

Какъ изъ этихъ трущобъ попасть на ночлегъ въ Коубе? Одинъ изъ корейцевъ предлагаетъ проводить. Во всей деревнѣ ни одной лошади нѣтъ. Онъ садится верхомъ на быка, ѣдетъ впереди, мы за нимъ. Здѣсь много тигровъ, барсовъ—надо разговаривать, кричать, свистать.

Мы, русскіе, окончательно отказываемся, потому что по русскому легкомыслію плохо вѣримъ въ этихъ тигровъ и барсовъ. Но кореецъ и П. Н. вѣрятъ и потому всю дорогу громко до крика разговариваютъ и П. Н. то и дѣло свиститъ. Иногда П. Н. переводитъ мнѣ, что говоритъ ему кореецъ. Ихъ деревня называется Сорбой, что̀ значитъ сосна. Прежде былъ здѣсь прекрасный сосновый лѣсъ. Такимъ образомъ, оголеніе горъ, можетъ быть, не есть естественное явленіе. По крайней мѣрѣ, судя по отдѣльнымъ экземплярамъ деревьевъ мощныхъ и большихъ, получается впечатлѣніе, что лѣсъ здѣсь могъ бы произростать.

Мы пріѣхали въ Коубе подъ проливнымъ дождемъ. Коубе—старый городъ. Прежняя его роль была та, которую теперь исполняетъ Кегенфу. Потомъ онъ былъ заставой, а теперь просто деревня, въ которой сто фанзъ.

Фанза, въ которой мы, отличается тѣмъ, что вся она видима изъ одной комнаты, потому что, вмѣсто перегородокъ, все двери.

Я вижу, какъ, окруженная дѣтьми, полуобнаженная корейка чешется, а дальше выглядываетъ красивая голова степеннаго быка.

Я спрашиваю, какъ пасутъ здѣсь скотъ? Каждый отдѣльно, на привязи. Въ деревнѣ около ста головъ рогатаго скота, лошадей 50, свиней до 200.

Иванъ Аѳанасьевичъ, нашъ передовой отрядъ, уже снялся и ушелъ Я кончаю свою запись и тоже снимаюсь.

Дѣтямъ раздаю сахаръ, съ хозяевами расплачиваюсь: за дрова 15 коп., за сѣно для 13 лошадей 20 коп., за курицу 20 коп. За ночлегъ 13 лошадей и насъ, десяти человѣкъ, я даю японскій долларъ.

Хозяинъ очень доволенъ. Онъ возвращаетъ мнѣ связкой кешъ половину. Я прошу взять остальное для его дѣтей. Онъ обращается къ остальнымъ сородичамъ; они совѣщаются и изъявляютъ согласіе. Хозяйка изъ другой комнаты довольно улыбается.

Кстати о деньгахъ. Пока берутъ и русскіе, и японскіе серебряные доллары: за нихъ, какъ и за нашъ рубль, даютъ пятьсотъ кешъ, хотя курсъ русскаго 480, а японскаго 475 кешъ. Мексиканскихъ долларовъ,

которыхъ мы набрали кучу и о которыхъ намъ говорили, какъ о ходячей монетѣ, пока совсѣмъ не берутъ.

Чѣмъ еще помянуть городокъ Коубе? Легендой. Нѣкогда, въ царствованіе династіи Цумуана, въ немъ проживалъ знаменитый во всей Кореѣ легендарный Кантехе. Онъ былъ очень ученый и мудрый.

Когда ему минуло 80 лѣтъ, онъ оставилъ всѣ свои дѣла и только и занимался тѣмъ, что ходилъ на Туманганъ и удилъ тамъ рыбу.

Но такъ какъ онъ не клалъ приманки, то никогда и не поймалъ ни одной рыбки *).

Женѣ Кантехе надоѣло это и она сказала ему:

— Ты совсѣмъ выжилъ изъ ума и мнѣ стыдно жить съ тобой: давай мнѣ разводъ.

Кантехе исполнилъ ея желаніе. Три года уже Кантехе ловилъ такъ рыбу, когда до императора дошло объ этомъ. Императоръ заинтересовался и потребовалъ къ себѣ страннаго старика.

— Зачѣмъ ты безъ приманки ловишь рыбу? — спросилъ его императоръ.

— Я предсказатель, — отвѣтилъ ему Кантехе, — и зналъ, что это приведетъ меня къ разговору съ тобой.

— О чемъ же ты хочешь говорить со мной?

— О государственныхъ дѣлахъ.

Императоръ разговорился съ Кантехе и, узнавъ его мудрость и ученость, сдѣлалъ его министромъ. Тогда бросившая его жена пожелала опять возвратиться къ нему.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ ей Кантехе-Цумуанъ, — друга для хорошихъ только дней я всегда найду, а въ трудные мои дни ты не была моимъ другомъ. Но такъ и быть, я и для тебя кое-что сдѣлаю.

И Кантехе приказалъ сложить возлѣ дороги большую кучу камней съ надписью:

«Прохожій, вспомни о моей женѣ и плюнь».

Съ тѣхъ поръ всякій кореецъ, проходя мимо кучи Кантехе, всегда плюетъ и говоритъ:

— Отъ дрянной женщины.

Корейскія женщины, впрочемъ, не вѣрятъ этой легендѣ и происхожденіе каменныхъ кучъ, которыхъ очень много въ Кореѣ, объясняютъ тѣмъ, что камень этотъ сами корейцы стаскиваютъ съ своихъ каменистыхъ полей. А чтобы веселѣе было таскать, они и тѣшатъ себя всякими глупостями.

Н. Гаринъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

*) Съ тѣхъ поръ и вошла въ поговорку: «удочка Кантехе».

РАВНОДУШНЫЕ.

РОМАНЪ.

(*Продолженіе*) *).

Глава девятая.

I.

Повидимому, Травинскій примирился со своимъ положеніемъ. По крайней мѣрѣ, послѣ сцены, бывшей вслѣдъ за возвращеніемъ супруговъ съ журъ-фикса Козельскихъ, онъ не предъявлялъ никакихъ правъ, не плакалъ и не бранился и окончательно переселился въ кабинетъ, не теряя надежды, что Инна одумается и, тронутая его привязанностью, по прежнему будетъ если и невѣрной, то, во всякомъ случаѣ, благосклонной женой и не оставитъ его, не разрушитъ семьи.

Не въ первый разъ жена бросала ему въ глаза, что не любитъ его, что онъ ей противенъ, не въ первый разъ сцены, бывшія между ними, оканчивались ссылкой въ кабинетъ. Но ссылки эти были непродолжительны. Онъ вымаливалъ прощеніе истериками и слезами, онъ такъ жалобно говорилъ о своей любви, валяясь въ ногахъ, и такъ рѣшительно обѣщалъ покончить съ собой, что возбуждалъ жалость въ безвольной, безхарактерной Иннѣ Николаевнѣ, и она снова терпѣла мужа, ничтожество котораго сознавала, сознавая въ то же время и вину свою передъ этимъ человѣкомъ и презирая по временамъ и себя.

Но теперь Инна Николаевна, казалось, задыхалась въ той атмосферѣ, въ какой жила, и мужъ, глупый, пошлый, не разборчивый на средства, возбуждалъ въ ней отвращеніе. Не разъ она собиралась разводиться съ нимъ, но каждый разъ жалѣла мужа и останавливалась передъ вопросомъ, на что она будетъ жить съ дѣвочкой пяти лѣтъ, единственнымъ ребенкомъ, который былъ у нея? И, наконецъ, отдастъ ли онъ дочь?

---

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ.

Эта перемѣна въ молодой женщинѣ была до извѣстной степени результатомъ встрѣчи съ Никодимцевымъ. Его трогательная, почтительная любовь положительно изумляла, и его рѣчи, совсѣмъ не похожія на тѣ, которыя она слышала у себя въ домѣ, невольно пробуждали что-то хорошее, что-то свѣтлое, дремавшее въ ея душѣ.

И за послѣднее время она все чаще и чаще думала: „Какъ могла она такъ жить, какъ жила?“

Думала и рѣшительно не могла объяснить себѣ, почему она вышла замужъ за человѣка ничтожнаго, котораго, къ тому же, не любила и тогда, когда дала ему слово, какъ она постепенно дошла до настоящаго положенія, она, не глупая и умѣвшая, казалось, отличить добро отъ зла? Безхарактерность, которую она въ себѣ сознавала, была, конечно, одной изъ причинъ, но не всѣ же безхарактерныя женщины идутъ на такіе компромиссы? Значитъ, было еще что-то другое, и вотъ это-то другое и было непонятно молодой женщинѣ. Непонятно и въ то же время вселяло въ ней ужасъ чего-то роковогo, безнадежнаго, отъ котораго избавиться нельзя. Она обречена на гибель и нѣтъ ей выхода.

И въ такія минуты Инну Николаевну охватывало отчаяніе.

Мужъ замѣтилъ перемѣну въ настроеніи жены и въ образѣ ея жизни. Прежняго кабака въ домѣ не было. Обычные посѣтители стали бывать рѣже. Обѣды и ужины въ ресторанахъ прекратились. Инна Николаевна нерѣдко сидѣла за книгой и не скучала, какъ прежде, когда никого не было. Уменьшились и траты на туалеты.

Мужъ не сомнѣвался, что Никодимцевъ—любовникъ его жены, и въ то же время недоумѣвалъ, что жена нерѣдко бываетъ мрачна и даже послѣ посѣщенія Никодимцева, которыя все учащались.

Все это не нравилось мужу, тѣмъ болѣе, что Инна Николаевна относилась къ нему съ презрительнымъ равнодушіемъ и почти не разговаривала съ нимъ. Терпѣніе его истощилось, и онъ рѣшилъ показать, что онъ не тряпка, какъ она воображаетъ, а мужчина, и серьезно поговорить съ женой.

Къ этому еще подбилъ его одинъ пріятель и сослуживецъ, г. Привольскій.

Давно влюбленный въ жену своего друга, слишкомъ невзрачный и ничтожный, чтобы надѣяться добиться ея благосклонности, онъ совершенно неожиданно для самого себя сдѣлался близокъ съ Инной Николаевной въ одну изъ минутъ мрачнаго отчаянія молодой женщины. Онъ подвернулся въ эту минуту, и она готова была забыться, слушая его влюбленныя рѣчи и мольбы... Эта близость продолжалась два мѣсяца, окончившись такъ же неожиданно, какъ и началась.

Инна Николаевна объявила ему, что между ними все кончено и чтобы онъ не ходилъ больше къ нимъ.

И Привольскій, рѣшившій, что Инна Николаевна порвала съ нимъ изъ-за Никодимцева, не прочь былъ ей отмстить, натравивъ на нее мужа.

Онъ пригласилъ друга завтракать. Послѣ нѣсколькихъ рюмокъ водки и вина Травинскій раскисъ и впалъ въ изліянія передъ человѣкомъ, прежнія отношенія котораго къ его женѣ были, конечно, ему извѣстны. Тогда онъ терпѣлъ ихъ, дѣлая видъ, что ничего не замѣчаетъ, а въ эту минуту онъ точно сожалѣлъ, что эти отношенія окончены. При нихъ и онъ пользовался долей счастья и не боялся драмы, а теперь...

И, жалуясь на то, что Инна заставила переселиться его въ кабинетъ и обращается съ нимъ чортъ знаетъ какъ, онъ со слезами на глазахъ говорилъ:

— Ты знаешь... я ее люблю... Она легкомысленная и увлекающаяся, но я все-таки ее люблю. Она умнѣе меня, тоньше, но все-таки она моя жена... Не правда ли? И должна ею быть? За что же я трачу на нее деньги... хлопочу чтобы ей было хорошо?..

— Будь мужчиной, Лева!.. Покажи свою твердость, Лева!..

— Но что жъ мнѣ сдѣлать?

— Выгони Никодимцева. Развѣ ты не видишь, зачѣмъ онъ такъ часто бываетъ? Его посѣщенія компрометируютъ тебя... О нихъ говорятъ...

— Но какъ же это сдѣлать?

— Скажи женѣ.

— Точно ты не знаешь Инну? Она разсердится.

— Посердится и перестанетъ. Надо быть мужчиной, Лева!

— Но Инна можетъ оставить меня.

— Не оставила до сихъ поръ и не оставитъ... Твоя жена безхарактерная женщина. И она не броситъ Леночку.

Травинскій согласился съ этимъ и даже пустился въ интимныя изліянія по поводу безхарактерности своей жены и ея легкомыслія и прибавилъ:

— А если увезетъ и Леночку? Что тогда дѣлать?

— Тогда подними скандалъ. Ты отецъ, имѣешь права. Ты только покажи характеръ, Лева! Теперь же припугни жену, чтобы она и не думала, что такъ легко отдѣлаться отъ мужа хотя бы и съ помощью Никодимцева.

— Чѣмъ припугнуть?

— Скажи, что будешь требовать дочь черезъ судъ, мотивируя это требованіе невозможностью поручить воспитаніе ребенка такой... такой увлекающейся женщинѣ, какъ твоя жена. [illegible]

испугается и согласится на всѣ твои требованія. И не соглашайся на разводъ ни въ какомъ случаѣ. Будь мужчиной, Лева!—повторялъ другъ, готовый присовѣтовать какую угодно пакость, чтобы только причинить зло отвергнувшей его женщинѣ, имѣвшей несчастье считать его за сколько-нибудь порядочнаго человѣка.

Къ концу завтрака Травинскій былъ „взвинченъ“ и ѣхалъ домой, полный рѣшимости показать женѣ, что онъ—мужчина.

II.

— Барыня дома?—спросилъ онъ у швейцара

— Дома.

— Былъ кто?

— Никого не было!

Онъ особенно сильно подавилъ пуговку электрическаго звонка и, сбросивъ шубу на руки горничной, прошелъ прямо въ комнату жены.

Та лѣниво подняла глаза отъ книги и нѣсколько удивилась рѣшительному виду мужа.

О, какъ противенъ показался ей этотъ маленькій, тщедушный человѣчекъ со своимъ самодовольно-пошлымъ, торжественнымъ, прыщеватымъ лицомъ, покрытомъ красными пятнами, какія выступали у него всегда послѣ вина. Все въ немъ казалось отвратительнымъ теперь Иннѣ Николаевнѣ: и этотъ длинный и красный „глупый“ носъ, и блестѣвшіе пьянымъ блескомъ рачьи темные глаза, и бачки, и взъерошенные усы, и руки съ короткими пальцами, и чуть-чуть съѣхавшій на бокъ галстукъ, и форменный фракъ...

Она съ брезгливой гримасой опустила глаза на книгу и въ головѣ ея пронесся вопросъ:

„И почему онъ смѣетъ безъ спроса входить ко мнѣ?“

И тотчасъ же появился отвѣтъ:

„Потому, что онъ мужъ и имѣетъ право на меня!“

Вслѣдъ затѣмъ Инна Николаевна почему-то вспомнила чьи-то слова: „Женщина принадлежитъ тому, кто ее содержитъ“.

Нѣсколько минутъ мужъ ходилъ взадъ и впередъ по кабинету жены, изящно убранной, покрытой ковромъ комнатѣ со множествомъ красивыхъ вещей на этажеркахъ и на письменномъ столѣ, съ цвѣтами и уютнымъ уголкомъ, въ которомъ на маленькой тахтѣ полулежала Инна Николаевна.

Это мельканіе начинало раздражать ее.

— Мнѣ нужно объясниться съ тобой, Инна!—наконецъ проговорилъ мужъ, останавливаясь около жены.

Она подняла глаза.

— Больше я терпѣть не могу...

— Наконецъ-то! И я не могу... Ты, кажется, это видишь!

— Я все вижу, будь спокойна и объявляю тебѣ, что посѣщенія твоего Никодимцева мнѣ не нравятся... Они слишкомъ часты...

— А когда твои пріятели посѣщали меня часто, ты этого не находилъ?..

— Этого больше не будетъ... Я не желаю компрометировать свое имя... И ты скажи своему другу Никодимцеву...

— Это еще что за тонъ?—перебила Инна Николаевна —Ты, видно, завтракалъ... Такъ уходи лучше въ кабинетъ и проспись!— прибавила жена, взглядывая на мужа съ нескрываемымъ отвращеніемъ.

— Я не пьянъ и знаю, какимъ тономъ говорить съ такими женщинами, какъ ты.

— Не довольно ли?—еще разъ попробовала она остановить мужа.

— Нѣтъ, не довольно! Я покажу тебѣ, что я мужчина, а не тряпка. Слышишь? Довольно ты подло оскорбляла меня... Довольно ты лгала и мѣняла любовниковъ... Я больше этого не хочу.

— Я не лгала... Ты давно знаешь, что я не люблю тебя и что ты мнѣ противенъ... Да, я имѣла любовниковъ!—вызывающе кинула Инна Николаевна.—И ты это зналъ и молчалъ!..

Она присѣла на тахту и глядѣла въ упоръ на мужа.

— Однако ты жила и, кажется, не дурно жила на мои денежки... И даже удостаивала своими милостями и меня, противнаго?— злобно воскликнулъ мужъ...

— И за это я презираю себя... Ты, впрочемъ, этого не поймешь... Но теперь мы договорились, и ты, конечно, дашь мнѣ разводъ.

— Разводъ?—переспросилъ Травинскій и, нагло взглянувъ на жену, засмѣялся, показывая гнилые черные зубы. — Ты воображаешь, что послѣ всего, что ты мнѣ сдѣлала, я тебѣ дамъ разводъ?.. Я не дамъ тебѣ развода... И ты никуда не уйдешь отъ меня... А если осмѣлишься увезти Леночку—и твой любовникъ Никодимцевъ не поможетъ тебѣ... Нѣтъ! Я знаю, что я сдѣлаю. Я покажу, что я мужчина! —яростно взвизгивалъ мужъ, торопливо бросая слова и возбуждаясь ими.—Я не позволю, чтобы Леночка была у тебя. Я судомъ вытребую ее... и объясню въ прошеніи, что довѣрить воспитаніе дочери такой дамѣ, какъ ты, нельзя... Ты ее развратишь... И въ доказательство я назову по фамиліямъ всѣхъ твоихъ любовниковъ... Пусть ихъ допросятъ... И Никодимцева тоже... Ты думаешь, я ихъ не знаю... Я всѣхъ знаю... У

меня и письма твои къ одному изъ нихъ есть... Слышишь?.. А ты вообразила, что я тряпка... Ты думала, что я дуракъ? Ты думала, что за всѣ свои униженія я такъ тебѣ все прощу?.. Слышишь ли?.. Ты никуда не уйдешь и... будешь моей женой... Что жъ ты молчишь? Струсила?.. Поняла, что я не хочу быть больше твоимъ рабомъ...

Дѣйствительно, Инна Николаевна замерла въ какомъ-то ужасѣ.

Она всего ждала отъ мужа, но только не этой низости, которою онъ угрожалъ

Она призвала на помощь все свое самообладаніе, чтобы не обнаружить ужаса, охватившаго ее передъ этой угрозой. Какою виноватою ни считала себя Инна Николаевна передъ мужемъ, но эта подлая угроза словно бы освобождала ее отъ всякихъ обязательствъ. А она еще считала его добрымъ. Она жалѣла прежде его. Вѣрила, что онъ любитъ. Хороша любовь!

И, полная омерзѣнія къ мужу, она поднялась съ тахты и холодно произнесла:

— Я думала, что вы только глупы. Теперь вижу, что вы еще и подлецъ.

Мужъ не ожидалъ этого. Онъ увидѣлъ поблѣднѣвшее, презрительное и въ то же время красивое лицо жены и струсилъ. Струсилъ и почувствовалъ, что сдѣлалъ непоправимую ошибку, что теперь все кончено...

И мысль, что онъ потеряетъ жену привела его въ отчаяніе.

Весь запасъ рѣшимости исчезъ въ немъ. Забывъ, что хотѣлъ показать себя мужчиной, онъ вдругъ бросился къ ногамъ жены и, плача, говорилъ:

— Инна... прости... Живи, какъ хочешь... Пусть Никодимцевъ ходитъ... но не оставляй меня... Я все перенесу... я люблю тебя... Инна... Я не поступилъ бы такъ... И то, что̀ я говорилъ... это... Привольскій посовѣтовалъ...

И онъ коснулся губами одѣтой въ туфли ноги жены.

Инна Николаевна брезгливо отдернула ногу и властно и повелительно сказала:

— Вонъ отсюда!

Травинскій поднялся и вышелъ.

Инна Николаевна заперла двери на ключъ. Нервы ея больше не выдержали. Она бросилась на тахту и зарыдала.

„Вотъ она расплата!“—думала она, вздрагивая при мысли, что мужъ не отдастъ ей дочери и что ей грозитъ позоръ судбища.

Глава десятая.

По воскресеньямъ и по праздникамъ Никодимцевъ обыкновенно

давалъ отдыхъ прислугѣ и отпускалъ ее со двора и самъ уходилъ обѣдать къ Донону, гдѣ ему нравилась тишина, царившая въ обѣденной залѣ, обстановка, менѣе напоминающая модные кабаки, и отсутствіе тѣхъ кутящихъ посѣтителей, одинъ подвыпившій видъ которыхъ раздражалъ Григорія Александровича.

И въ это воскресенье, на другой день послѣ супружеской сцены у Травинскихъ, Никодимцевъ въ седьмомъ часу пошелъ пѣшкомъ въ ресторанъ, разсчитывая послѣ обѣда поѣхать къ Иннѣ Николаевнѣ и просидѣть у нея вечеръ. Эти вечера были теперь для него радостью жизни, и онъ всегда ожидалъ ихъ съ нетерпѣніемъ влюбленнаго юнца.

Сегодня ему особенно хотѣлось видѣть Инну Николаевну. Въ послѣднее его посѣщеніе она была грустна, и когда онъ спросилъ: „Что съ ней?“ она отвѣчала: „Послѣ, послѣ когда-нибудь разскажу и даже попрошу у васъ совѣта“.

Быть можетъ, сегодня она разскажетъ о томъ, что заставляетъ ее страдать, и окажетъ ему величайшую милость своимъ довѣріемъ.

Никодимцевъ сѣлъ на свое обычное мѣсто у маленькаго стола въ углу комнаты, и толстый, солидный татаринъ Магометъ, всегда подававшій Никодимцеву, подалъ ему карточку и проговорилъ:

— Вмѣсто крема, бискъ прикажете, ваше превосходительство?

— Бискъ!

Никодимцевъ обѣдалъ въ пріятномъ настроеніи, то и дѣло поглядывая на часы, какъ за сосѣднимъ столомъ сѣло двое молодыхъ людей. Они шумно и громко потребовали закусокъ и водки и велѣли заморозить бутылку мума.

Обѣдъ Никодимцева подходилъ къ концу, какъ вдругъ до его слуха донеслось имя Инны Николаевны, и вслѣдъ затѣмъ раздался смѣхъ.

Никодимцева кольнуло въ сердце. Смѣхъ этотъ казался ему оскорбительнымъ.

Но то, что онъ услыхалъ затѣмъ, было еще ужаснѣе.

Одинъ изъ молодыхъ людей, бѣлобрысый господинъ въ смокингѣ, громко говорилъ:

— Очаровательная женщина. Мужъ болванъ, и она широко пользуется его глупостью...

— Флиртуетъ?—спросилъ другой.

— Она не прочь и болѣе флирта. Надо только уловить психологическій моментъ... Ха-ха-ха! Теперь только она что-то монашествуетъ .. Нигдѣ ея не видно... И послѣдній министръ въ отставкѣ... Говорятъ, барынька связалась съ Никодимцевымъ... Впрочемъ, она любитъ мѣнять министровъ... Они у нея...

Молодой человѣкъ не докончилъ.

Передъ нимъ блѣдный, какъ полотно, стоялъ Никодимцевъ и, едва владѣя собой, задыхаясь отъ гнѣва, тихо и отчетливо проговорилъ:

— Ни слова больше или я задушу васъ!..

Молодой человѣкъ съ видомъ испуганнаго животнаго глядѣлъ на искаженное гнѣвомъ лицо Никодимцева.

— Вы подло лжете... слышите ли?.. Я уже не говорю, что такъ говорить о женщинѣ, какъ говорили вы, можетъ только большой негодяй.

— Но... послушайте, милостивый государь,—вызывающе началъ товарищъ бѣлобрысаго господина, — по какому праву вы вмѣшиваетесь? Мы не имѣемъ чести васъ знать.

— По праву порядочнаго человѣка, возмущеннаго вашимъ разговоромъ... Поняли? Вотъ вамъ моя карточка. Я къ вашимъ услугамъ, если только господа, подобные вамъ, способны оскорбляться!

И Никодимцевъ вздрагивавшей рукой досталъ изъ бумажника визитную карточку и бросилъ ее на столъ.

Полный негодованія, сѣлъ онъ къ своему столу, и когда испуганный татаринъ, видѣвшій эту сцену, подалъ Никодимцеву мороженое, онъ спросилъ, кивнувъ головой на сосѣдній столъ:

— Вы не знаете, кто эти мерзавцы?

— Не могу знать, ваше превосходительство! Они у насъ не бываютъ. Сегодня въ первый разъ.

Прочитавъ карточку, молодые люди, оба чиновника, знавшіе хорошо, кто такой Никодимцевъ, ахнули и испуганно переглянулись.

И вслѣдъ затѣмъ рѣшили, что надо извиниться.

Они подошли къ Никодимцеву и, почтительно поклонившись, по очереди стали говорить, что они, подъ вліяніемъ вина, позволили себѣ неприличную выходку...

— Неприличную? — перебилъ Никодимцевъ.—Подобныя выходки не находятъ достаточно презрительнаго названія... И вѣдь вы все лгали... Вѣдь лгали?—съ какимъ-то возбужденіемъ проговорилъ Никодимцевъ.

И, не ожидая отвѣта, брезгливо отвернулся. Молодые люди отошли.

Разумѣется, Никодимцевъ не повѣрилъ ни одному слову изъ того, что говорилъ объ Иннѣ Николаевнѣ бѣлобрысый молодой человѣкъ. Да и возможно ли повѣрить? Если его называли ея любовникомъ, то съ такою же достовѣрностью называли и другихъ. И это соображеніе нѣсколько успокоило Никодимцева.

Но то, что его имя связывалось съ именемъ любимой женщины глубоко взолновало его.

Какъ ни тяжело было Никодимцеву, но онъ рѣшилъ рѣже

бывать у Инны Николаевны. По крайней мѣрѣ, онъ не дастъ повода клеветать на любимую женщину. Не онъ, конечно, скомпрометируетъ ее. Бѣдная! Она и не знаетъ, какія гадости говорятъ про нее...

И Никодимцевъ не поѣхалъ въ этотъ вечеръ къ Иннѣ Николаевнѣ, а просидѣлъ дома грустный и задумчивый.

Прошло еще три дня. Никодимцевъ не ѣхалъ къ Травинской и не былъ даже на вторникѣ у Козельскихъ. Всѣ эти дни онъ не находилъ себѣ мѣста. Наконецъ онъ не выдержалъ и рѣшилъ въ воскресенье поѣхать днемъ съ коротенькимъ визитомъ...

„По крайней мѣрѣ увижу ее!"

И при этой мысли онъ обрадовался.

Но счастью его не было границъ, когда въ четвергъ ему подали маленькій конвертъ, и онъ прочиталъ записочку слѣдующаго содержанія:

„Что же вы забыли совсѣмъ меня, многоуважаемый Григорій Александровичъ?„

Онъ благоговѣйно прикоснулся губами къ этимъ строчкамъ, вдыхая ароматъ душистой бумаги, снова прочиталъ записку и спряталъ ее въ бумажникъ, просвѣтлѣвшій, полный счастья, что Инна Николаевна его вспомнила, зоветъ его...

И какой же онъ жизнерадостный и веселый былъ въ этотъ день въ департаментѣ и дѣлалъ докладъ министру!

Въ тотъ же вечеръ, не смотря на спѣшныя дѣла, онъ ѣхалъ на Моховую.

Чортъ съ ними, съ дѣлами! Онъ за ними просидитъ ночь! А сейчасъ онъ увидитъ ее, эту женщину, благодаря которой онъ понялъ, что значитъ любовь.

На лѣстницѣ Никодимцевъ встрѣтилъ Травинскаго.

Смѣшанное чувство ревности, смущенія и невольной брезгливости охватило Григорія Александровича при видѣ мужа Инны Николаевны.

Никодимцевъ очень рѣдко его видалъ и держалъ себя съ нимъ съ холодной сдержанностью, не допуская никакой короткости, на которую видимо напрашивался Травинскій, и словно бы не скрывая, что ѣздитъ исключительно къ Иннѣ Николаевнѣ.

И теперь Травинскій съ обычной льстивой любезностью привѣтствовалъ Никодимцева.

— Инна дома и очень будетъ рада вамъ, Григорій Александровичъ!—весело воскликнулъ Травинскій, почтительно пожимая протянутую Никодимцевымъ руку.—Совсѣмъ вы насъ забыли, Григорій Александровичъ, давно не были...

— Некогда было!—суховато сказалъ Никодимцевъ.

— А Инна одна и хандритъ... Нервничаетъ и никуда не вы-

ходитъ... Я предлагалъ ей прокатиться за границу—не хочетъ. И лѣчиться не хочетъ... Уговорите ее уѣхать изъ Петербурга... Она васъ послушаетъ... право. Чужого человѣка всегда больше слушаютъ, чѣмъ близкаго... Не правда ли?.. А меня извините, Григорій Александровичъ, что ухожу... Спѣшное дѣло... долженъ ѣхать...

Травинскій снова горячо потрясъ руку Никодимцева и проговорилъ:

— Предложили бы Иннѣ прокатиться на острова... Вечеръ отличный, и ей полезно... А я, Григорій Александровичъ, буду благодаренъ, если вы развлечете жену... Она очень цѣнитъ ваши посѣщенія и симпатизируетъ вамъ... Повѣрьте, Григорій Александровичъ, я очень, очень радъ, когда вы бываете у Инны. Инна тогда оживаетъ. Она любитъ поговорить съ умными людьми о разныхъ возвышенныхъ предметахъ. Она вѣдь сама умная... Значитъ и вамъ, Григорій Александровичъ, не скучно съ Инной? Не правда ли?

— Совершеннѣйшая правда!—серьезно отвѣчалъ Никодимцевъ, краснѣя и испытывая желаніе сбросить съ лѣстницы этого болтливаго пошляка.

— Ну вотъ видите... Я такъ и говорилъ женѣ, а она... думаетъ, что вамъ скучно съ ней, оттого вы давно не были... Увѣрьте ее, что я правъ, и навѣщайте ее почаще... Вы удивляетесь, что я васъ объ этомъ прошу?.. Но я не ревнивый мужъ... Совсѣмъ не ревнивый!—неожиданно прибавилъ Травинскій и захихалъ.

И съ этими словами онъ почтительно приподнялъ цилиндръ и сталъ спускаться съ лѣстницы.

„И она живетъ съ этой гадиной? Она его жена!?“—подумалъ Никодимцевъ съ тоской и подавилъ пуговку электрическаго звонка, чувствуя, какъ сильно колотится въ груди его сердце.

II.

Никодимцевъ вошелъ въ гостиную и радостно бросился на встрѣчу показавшейся въ дверяхъ своего кабинета Иннѣ Николаевнѣ.

Но когда онъ увидалъ ея осунувшееся и поблѣднѣвшее лицо, когда увидалъ, какимъ отчаяніемъ дышало оно, когда увидалъ слезы на ея глазахъ, сердце его упало. И онъ, крѣпко пожимая маленькую руку Инны Николаевны, спросилъ дрогнувшимъ, тревожнымъ голосомъ:

— Инна Николаевна! Да что съ вами?

И онъ глядѣлъ на нее съ выраженіемъ такой восторженной

любви и такой тревоги, что молодая женщина благодарно и ласково улыбнулась ему глазами, и лицо ея просвѣтлѣло, когда она сказала:

— А я, было, думала, что вы совсѣмъ меня забыли, и наша дружба окончена...

Никодимцевъ смутился и, краснѣя, произнесъ:

— Какъ могли вы это думать?

— Я мнительна, Григорій Александровичъ!

— Вы?—обронилъ изумленно Никодимцевъ.

— Да... И имѣю основанія быть мнительной...

Инна Николаевна опустилась на диванъ. Никодимцевъ сѣлъ на обычное свое мѣсто—на кресло съ лѣвой стороны.

— Вы бывали часто и вдругъ перестали... Мнѣ хотѣлось узнать, что это значитъ, и я написала вамъ... Спасибо, что пріѣхали и, кажется, не очень недовольны, что я вамъ напомнила о себѣ? Въ самомъ дѣлѣ, отчего вы не были въ воскресенье?.. Я васъ ждала.

— Ахъ, Инна Николаевна, не всегда можно дѣлать то, что хочешь...

— Значитъ, хотѣли пріѣхать?

— Еще бы.

— Такъ отчего же не пріѣхали?

— Отчего?.. Да просто потому, что слишкомъ часто бывать у васъ... неудобно... И какъ мнѣ ни пріятно навѣщать васъ, я все-таки рѣшилъ... сократить свои посѣщенія.

— Вамъ писалъ что-нибудь мужъ?

— Нѣтъ. Развѣ онъ недоволенъ моими посѣщеніями? Сейчасъ я его встрѣтилъ, и онъ просилъ меня чаще навѣщать васъ. Говорилъ, что вы хандрите? Что не хотите ѣхать за границу... Просилъ какъ-нибудь развлечь васъ... предложить вамъ ѣхать на острова...

Инна Николаевна презрительно усмѣхнулась.

— Такъ отчего вы рѣшили сократить посѣщенія? И мужъ, и жена васъ зовутъ, а вы...

— Люди злы и глупы, Инна Николаевна.

— И вы ихъ боитесь?

— Я не боюсь ихъ, но съ ними надо считаться, чтобъ не подать повода къ нелѣпымъ толкамъ...

— Понимаю. Вы боитесь скомпрометировать меня?—горько усмѣхнувшись, сказала Инна Николаевна.—Спасибо вамъ за это, Григорій Александровичъ, но не бойтесь этого... Про меня и такъ говорятъ, путая правду съ клеветой... Я это знаю... И скажите, ради чего вы будете лишать меня и, быть можетъ, себя удовольствія коротать вмѣстѣ иногда вечера... Изъ-за того только, что скажутъ люди? И еще какіе люди? Такіе, которые не прощаютъ

другимъ то, что̀ дѣлаютъ сами? Ужели стоитъ, Григорій Александровичъ?—прибавила молодая женщина съ грустною улыбкой.

Никодимцевъ восторженно глядѣлъ на молодую женщину.

— Право, не стоитъ! Такъ будемъ видѣться и болтать, пока намъ не скучно. Хотите?

— Разумѣется, хочу.

— И будемъ добрыми друзьями, пока кому-нибудь изъ насъ не надоѣстъ эта дружба. Хотите?

Инна Николаевна протянула руку. Никодимцевъ крѣпко пожалъ ее и съ какою-то особенною серьезностью проговорилъ:

— Спасибо за довѣріе. Я буду вѣрнымъ другомъ.

— Вамъ я вѣрю.

— И еслибъ я могъ чѣмъ-нибудь доказать эту дружбу, я былъ бы счастливъ. Инна Николаевна.

— О, я сейчасъ же воспользуюсь ей...

— Приказывайте.

Инна Николаевна на минуту примолкла.

— Вы помните нашъ разговоръ на выставкѣ, Григорій Александровичъ, по поводу картины „Супруги“?—наконецъ спросила.

— Помню.

— Я тогда защищала жену, которая не оставляетъ нелюбимаго и неуважаемаго мужа... Теперь я не защищала бы ее.

Лицо Никодимцева просвѣтлѣло при этихъ словахъ.

— Вы, какъ вошли, спросили: что̀ со мной?

— Да. Вы такъ похудѣли, такая грустная...

— Со мной, Григорій Александровичъ, то, что бываетъ со многими женщинами, которыя вдругъ сознали весь ужасъ своего положенія, почувствовали отвращеніе къ прежней жизни... и видятъ, что выхода нѣтъ... Нѣтъ его! — съ отчаяніемъ проговорила молодая женщина.

— Инна Николаевна! Къ чему отчаяваться? Поищемъ выхода, можетъ быть, и найдемъ.

— О, если бы найти!.. Если бы вы помогли мнѣ найти его! Я, право, стою этого, хотя во всемъ сама виновата. Какъ это случилось, какъ могла я жить съ человѣкомъ, котораго не любила и тогда, когда шла за него замужъ,—не стану теперь говорить. Мнѣ мучительно... мнѣ противно вспоминать весь этотъ ужасъ... Но потомъ, не сегодня, я все разскажу вамъ... всю правду, хотя бы изъ за нея я и потеряла вашу дружбу... Я не хочу, чтобы вы заблуждались на мой счетъ, такъ какъ слишкомъ уважаю васъ и цѣню вашу дружбу. Я далеко не такая, какою вы представляете себѣ... Слышите? — строго, почти что съ угрозой прибавила она.

Никакое самое лукавое кокетство не могло бы такъ подѣй-

ствовать на порядочнаго человѣка, какъ этотъ искренній порывъ любимой женщины.

И Никодимцевъ, полный восторженный любви, взволнованно проговорилъ:

— Что бы вы ни сказали о себѣ, я не перемѣню о васъ мнѣнія, Инна Николаевна!

— Не говорите заранѣе, чтобы послѣ не раскаяться въ своихъ словахъ... Не надо, не надо... А теперь слушайте и помогите совѣтомъ.

И Инна Николаевна, „волнуясь и спѣша", проговорила:

— Жить больше съ мужемъ я не могу.

— Еще бы!—чуть слышно и радостно проронилъ Никодимцевъ.

— И я хотѣла бы развестись съ нимъ.

Въ головѣ Никодимцева появилась внезапно мысль, что Инна Николаевна, вѣроятно, кого-нибудь любитъ и собирается выйти замужъ.

И въ голосѣ его прозвучала едва уловимая грустная нотка, когда онъ сказалъ:

— Чтобы найти счастіе въ другомъ замужествѣ?

Инна Николаевна удивлено взглянула на Никодимцева.

— Почему вы думаете, что я желаю развода ради другого замужества?

— Вы такъ молоды... И я думалъ...

— Довольно одного урока. Довольно...

— Но вы могли полюбить кого-нибудь достойнаго вашей привязанности и тогда отчего же не выйти замужъ.

— Полюбить?

Инна Николаевна вспомнила, какъ и кого она любила, и дрожь пробѣжала по ея тѣлу. И она проронила съ горькой усмѣшкой:

— Не такъ легко полюбить, Григорій Александровичъ, какъ слѣдуетъ любить... И надо заслужить право любить... А я... Я не имѣю права послѣ позорнаго своего замужества... Не утѣшайте... Не говорите ничего...

Наступило молчаніе.

— Нѣтъ, не ради какого-нибудь рыцаря хочу я развода. Я просто желаю быть свободной... Избавиться отъ этого кошмара.

Никодимцевъ облегченно вздохнулъ.

Всѣ эти быстрыя перемѣны настроенія, отражавшіяся въ выраженіи его лица, глазъ, Инна Николаевна замѣтила, и ей это было пріятно. Ея трогала эта привязанность. Трогала и удивляла деликатностью проявленія и тѣмъ дѣйствительнымъ уваженіемъ, котораго она до сихъ поръ не видала ни въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ обожателей.

— Я не обвиняю этого человѣка... Я виновата. Зачѣмъ вы-

ходила замужъ... Зачѣмъ раньше не ушла отъ него... И вотъ теперь... расплата. Онъ не даетъ развода. Онъ грозитъ судомъ отнять дочь, если бы я уѣхала отъ него... Но за то онъ предоставляетъ мнѣ полную свободу жить, какъ я хочу, только бы я осталась съ нимъ... Вы понимаете какой ужасъ онъ предлагаетъ мнѣ?.. Вы понимаете, какое презрѣніе возбуждаетъ этотъ человѣкъ?..

Никодимцевъ вспомнилъ только-что бывшій на лѣстницѣ разговоръ съ Травинскимъ и, полный негодованія, промолвилъ:

— Это что-то чудовищно-омерзительное.

И затѣмъ съ трогательнымъ участіемъ прибавилъ:

— Какъ вы должны были страдать, Инна Николаевна... Но больше страдать вы не будете. Не падайте духомъ и завтра же уѣзжайте со своей дочкой изъ этой квартиры... Вы гдѣ думаете пока жить... У своихъ?

— Да.

— Завтра я добуду вамъ и отдѣльный видъ на жительство.

— А мужъ не отниметъ ребенка?.. Не подастъ жалобы въ судъ?

— Ничего онъ не сдѣлаетъ. Будьте покойны. Онъ только застращивалъ васъ!—успокоивалъ Никодимцевъ молодую женщину, хотя самъ и не увѣренъ былъ въ томъ, что говорилъ.

Разумѣется, онъ могъ устроить такъ, чтобы этотъ „негодяй“, какъ мысленно назвалъ Никодимцевъ мужа Инны Николаевны, не смѣлъ больше ее безпокоить. Стоило ему только поѣхать къ градоначальнику и попросить, чтобы онъ „посовѣтывалъ“ Травинскому оставить въ покоѣ свою жену, но Никодимцевъ рѣшительно отогналъ эту мысль, когда она пришла ему въ голову, считая такой образъ дѣйствій предосудительнымъ.

Болѣе всего возлагалъ онъ надеждъ на знакомаго своего пріятеля, извѣстнаго присяжнаго повѣреннаго, который не откажется помочь въ этомъ вопіющемъ дѣлѣ, и на подлость мужа Инны Николаевны, который, вѣроятно, не откажется дать и разводъ, если ему предложить денегъ.

И Никодимцевъ рѣшилъ отдать на это дѣло всѣ свои сбереженія — тысячъ пятнадцать — которыя онъ скопилъ, живя очень скромно и не проживая всего своего довольно значительнаго жалованья. Разумѣется, онъ сдѣлаетъ это отъ имени Козельскаго.

— И о разводѣ похлопочемъ, Инна Николаевна, и разведемъ васъ... только вы-то не волнуйтесь и не терзайте себя злыми мыслями... Кто не дѣлалъ ошибокъ?.. Вы вотъ свою теперь поправите и дѣлу конецъ...

— Спасибо вамъ, Григорій Александровичъ. За все, за все спасибо... не только за участіе и помощь. Вы сдѣлали для меня

нѣчто бо̀льшее. Вы вернули мнѣ вѣру въ порядочныхъ людей, уважающихъ въ женщинѣ человѣка, и заставили меня очнуться и придти въ ужасъ... На долго ли меня хватитъ—не знаю, боюсь говорить... Но никогда я этого не забуду!—горячо и взволнованно проговорила Инна Николаевна.

Въ первое мгновеніе Никодимцевъ не находилъ словъ.

Полный необыкновеннаго счастья, стараясь скрыть его, онъ наконецъ проговорилъ:

— Вы слишкомъ добры, Инна Николаевна и слишкомъ мало цѣните собя... Ужъ если считаться, то я долженъ благодарить васъ за довѣріе и дружбу... Мнѣ, одинокому старику, она такъ дорога и такъ краситъ жизнь...

Онъ готовъ былъ сказать, что только теперь понялъ прелесть жизни, потому что любитъ Инну Николаевну и будетъ любить, и не можетъ не любить ея, что она одна теперь владѣетъ его мыслями, но во̀-время остановился, считая такое признаніе прямо-таки святотатственной дерзостью и подлостью именно теперь, когда Инна Николаевна такъ дружески и довѣрчиво отнеслась къ нему. Она никогда не должна знать про его любовь. И на что она ей?.. Развѣ возможно, чтобы Инна Николаевна могла отнестись иначе, какъ съ негодованіемъ или съ обиднымъ сожалѣніемъ къ влюбленному пожилому человѣку, да еще такому некрасивому, какъ онъ?

Такія мысли не разъ приходили въ голову мнительно-самолюбиваго Никодимцева, и онъ даже въ мечтахъ не допускалъ возможности быть любимымъ, да еще такой молодой, такой красивой, такой умной и отзывчивой женщиной, какъ Инна Николаевна.

— И, значитъ, мы, во всякомъ случаѣ, квиты, Инна Николаевна!—прибавилъ весело Никодимцевъ...

Скоро подали чай, и они пошли въ столовую.

И чай, и хлѣбъ, и масло... все казалось необыкновенно вкуснымъ Никодимцеву.

Въ двѣнадцатомъ часу онъ сталъ прощаться и снова повторилъ Иннѣ Николавнѣ, чтобы она не безпокоилась и завтра переѣзжала къ своимъ.

— А паспортъ я завтра вечеромъ самъ привезу, если позволите...

— Конечно...

— А вещи ваши...

— Я ничего не хочу брать...

— Вотъ вы какая...

Никодимцевъ хотѣлъ сказать: „хорошая“, но вмѣсто этого покраснѣлъ отъ удовольстія.

— А затѣмъ, Инна Николаевна, когда вы отдохнете, можно

будетъ пріискать вамъ какія-нибудь занятія, если они вамъ нужны и если вы соскучитесь безъ дѣла. Хотите?

— Еще какъ хочу... Но только боюсь, Григорій Александровичъ...

— Чего?

— Что я послѣ праздной жизни ни къ чему неспособна.

— Я вамъ отвѣчу, какъ отвѣтилъ во „Власти тьмы" отставной солдатъ: „А вы не бойтесь и не будетъ страшно". Попробуйте... Ну да объ этомъ еще поговоримъ... Спокойной ночи, и дай вамъ Богъ хорошихъ сновъ, Инна Николаевна!.. А мнѣ еще надобно съ своими бумагами повозиться...

— И долго будете работать?

— Часа два, три... Да я привыкъ къ работѣ... Всю жизнь за ней просидѣлъ и не замѣтилъ, какъ старость подошла...

— Ну ужъ и старость. Вы просто кокетничаете своею старостью, Григорій Александровичъ.

— Нѣтъ, Инна Николаевна, нѣтъ... Старикъ, старикъ! И не утѣшайте меня изъ любезности. Я знаю себѣ цѣну!—почти строго произнесъ Никодимцевъ.

Прощаясь, онъ опять-таки не поцѣловалъ руки Инны Николаевны, какъ дѣлалъ это прежде, а только крѣпко ее пожалъ

И Инна Николаевна поняла и оцѣнила эту тонкую деликатность.

„Зачѣмъ я его раньше не встрѣтила?" — подумала она, направляясь въ свою комнату.

На слѣдующій день, во второмъ часу, Инна Николаевна, Леночка и фрейленъ Шарлотта уѣхали въ каретѣ къ Козельскимъ.

Инна Николаевна сочла возможнымъ взять съ собою только ея приданное бѣлье, нѣсколько своихъ вещицъ, книгъ и дѣтское бѣлье и платье. Всѣ хозяйственныя деньги, бывшія у нея, всѣ драгоцѣнныя вещи: браслеты и кольца, въ томъ числѣ и обручальное, она положила въ небольшую шкатулку и поставила на письменномъ столѣ въ кабинетѣ мужа вмѣстѣ съ коротенькой записочкой, въ которой извѣщала, что оставляетъ его навсегда.

Прислуга, разумѣется, догадалась въ чемъ дѣло, и съ молчаливымъ сочувствіемъ проводила барыню.

Инна Николаевна была въ большой тревогѣ, нѣсколько разъ высовывалась изъ окна, чтобы просить кучера ѣхать скорѣе. Она боялась погони. Ей казалось, что вотъ, вотъ мужъ остановитъ карету и отниметъ ребенка. И вмѣстѣ съ мужемъ, въ ея воображеніи являлся образъ Привольскаго, и она вздрагивала съ чувствомъ отвращенія.

Успокоилась она только тогда, когда вошла въ квартиру отца.

Глава одиннадцатая.

I.

Дома была одна Антонина Сергѣевна. Она торопливо вышла въ прихожую, когда горничная сказала, что пріѣхала молодая барыня.

— А мы къ вамъ совсѣмъ, мама. Позволишь?

Въ голосѣ Инны Николаевны звучала дѣтская жалобная нотка, И она съ какою-то особенной порывистостью и лаской, словно бы и радуясь, и въ то же время прося за что-то прощенія, стала цѣловать лицо и руки матери.

— Больше нѣтъ силъ, мамочка!—шепнула она.

И слезы покатились изъ глазъ Инны Николаевны.

Антонина Сергѣевна прижала голову дочери къ своей груди и тихо гладила ея голову своей вздрагивающей рукой, какъ, бывало, гладила, когда Инночка была маленькой дѣвочкой.

Увидавъ, что лакей Иванъ и швейцаръ не знаютъ, куда нести большую корзину, привезенную Инной Николаевной, Козельская приказала нести ее въ свою комнату. И, разцѣловавъ затѣмъ внучку, сказала дочери, когда всѣ вошли въ гостиную:

— Ты будешь съ Леночкой жить въ моей комнатѣ, Инночка, а фрейленъ будетъ спать въ столовой, а я возьму себѣ комнату, гдѣ стоятъ шкапы... Ихъ оттуда вынесутъ, и мнѣ будетъ отлично...

— Что ты, мама... Я въ той комнатѣ помѣщусь...

Но Антонина Сергѣевна и слышать не хотѣла.

— Завтракали ли вы?—спохватилась она.

— Я не хочу, мама... А Леночкѣ вели сдѣлать котлетку.

Какъ ни пріятно было Иннѣ Николаевнѣ сознаніе, что она уѣхала отъ мужа, но въ то же время она чувствовала, что переселеніе ея стѣснитъ всѣхъ, и главнымъ образомъ мать, и это нѣсколько отравляло ея удовольствіе.

Антонина Сергѣевна сдѣлала распоряженіе, чтобы Леночкѣ была котлета и молоко и чтобы очищена была маленькая комната и, вернувшись въ гостиную къ дочери, снова горячо обняла ее, всплакнула и затѣмъ спросила:

— А онъ что? Онъ знаетъ?

— Нѣтъ, мамочка. Я оставила записку.

— Бѣдная ты моя, дѣточка!.. Я догадывалась, что ты несчастлива... Не даромъ я была противъ этого брака!—говорила Антонина Сергѣевна, забывая, что она ни однимъ словомъ не выразила своей дочери протеста противъ ея брака съ Травинскимъ и вообще не считала нужнымъ въ чемъ-нибудь стѣснять своихъ дочерей.

Она принадлежала къ типу тѣхъ матерей, которыя слѣпо любятъ своихъ дѣтей. Антонина Сергѣевна обожала мужа, обожала дочерей и, полная этого обожанія, создавшая изъ него культъ, заботилась, чтобы всѣ ихъ желанія были удовлетворены, баловала ихъ и вполнѣ была увѣрена, что, отдавъ имъ всю свою жизнь, безупречную и свѣтлую, она добросовѣстно исполнила свои обязанности и воспитала превосходныхъ женщинъ—такихъ же преданныхъ долгу и такихъ же „однолюбокъ“, какою была сама и что ставила себѣ въ особую заслугу и чѣмъ особенно гордилась.

Не смотря на страстную и готовую на всякія жертвы любовь Антонины Сергѣевны къ дочерямъ, между ними и ею не было духовной близости. Мать совсѣмъ не знала внутренняго міра дочерей и, влюбленная въ нихъ, не замѣчала того, что легко бросалось въ глаза постороннимъ. Не глупая, видѣвшая недостатки въ чужихъ людяхъ, она была совсѣмъ слѣпою и, казалось, наивною въ оцѣнкѣ своихъ дочерей, и чѣмъ старше онѣ становились, тѣмъ болѣе хроническою становилась эта слѣпота безграничной вѣры.

Такъ Антонина Сергѣевна и продолжала жить въ какомъ-то сантиментальномъ миражѣ, въ культѣ обожанія, ласкъ, поцѣлуевъ и заботъ о дочеряхъ, и въ лелѣяніи ревнивыхъ подозрѣній и въ мучительныхъ розыскахъ любовницъ мужа, когда она сдѣлалась несчастной женой все еще любимаго человѣка.

И мужъ, и дѣти сохраняли этотъ миражъ, чтобы не причинить страданій женщинѣ, которую считали безупречною и святою.

Обманывалъ ее болѣе или менѣе умѣло мужъ. Скрывали отъ нея все, что̀ могло огорчить ее, обѣ дочери. Инна, не обращавшая вниманія, что про нее говорятъ, боялась недовѣрчиваго взгляда матери и находила мучительное утѣшеніе въ томъ, что мать, одна только мать, считаетъ ее чистою и непорочною и не повѣритъ ничему дурному, если бы до нея и дошли какіе-нибудь слухи. Даже Тина, проповѣдывавшая въ послѣднее время теорію пріятныхъ ощущеній со смѣлостью самолюбивой барышни, желавшей удивить всѣхъ оригинальностью мнѣній и самостоятельностью поступковъ, не похожихъ на поступки другихъ,—и та, несмотря на свою рѣзкость и равнодушіе къ чужимъ мнѣніямъ, стѣснялась высказывать свои взгляды при матери, чтобы не огорчить ее и не обнажить, такъ сказать, себя передъ любимой, почитаемой и потому всегда обманываемой матерью.

— Какъ это все вышло? Изъ-за чего у васъ дѣло дошло до разрыва? Было объясненіе?... Вѣдь онъ все-таки любитъ тебя, Инночка? Не правда ли?.. И очень любитъ?—спрашивала мать, любовно и грустно взглядывая на дочь и плотнѣе усаживаясь на диванъ, чтобы выслушать подробный разсказъ дочери о томъ, какъ все это вышло.

Эти вопросы кольнули Инну Николаевну. О, какъ далека мать отъ пониманія всего ужаса ея брачной жизни и ея душевнаго настроенія. А вѣдь сама несчастлива съ отцомъ!

— Я не любила его, мама... И вообще мы съ нимъ не сходились... И вышло это просто, какъ видишь... Я пріѣхала къ вамъ и не вернусь болѣе къ нему... Положимъ, я во многомъ виновата передъ нимъ, но...

— Что ты, что ты, Инночка! Причемъ ты могла быть виновата передъ нимъ?.. Если немножко кокетничала, такъ что жъ тутъ дурного? Онъ все-таки не имѣетъ права ни въ чемъ тебя упрекнуть... Ты была честной и вѣрной женой... Точно я тебя не знаю...

„Еслибъ мама знала?“ — пронеслось въ головѣ Инны Николаевны.

И она прижалась головой къ матери, словно ребенокъ, ищущій защиты, и сказала:

— Не будемъ пока объ этомъ говорить, мама... Я виновата ужъ тѣмъ, что была женой человѣка, котораго не любила...

И мать, и дочь нѣсколько минутъ сидѣли молча.

Наконецъ, Инна Николаевна спросила:

— А папа не будетъ недоволенъ, что я пріѣхала?.. Мнѣ все кажется, что я стѣсню васъ...

— Какъ тебѣ не стыдно, Инночка!..

И Антонина Сергѣевна стала говорить, какъ она рада, что Инночка и Леночка будутъ около нея и что, конечно, отецъ тоже будетъ радъ. Онъ вѣдь такъ любитъ и ее, и Тину. И, разумѣется, никакого стѣсненія и быть не можетъ. Напротивъ, въ домѣ станетъ веселѣе отъ присутствія внучки.

Въ это время въ гостиную вошелъ лакей и доложилъ Иннѣ Николаевнѣ, что кучеръ проситъ деньги.

— Я и забыла... Заплати, мамочка! — попросила она и по французски прибавила:—Вѣдь я ничего оттуда не взяла... Одно бѣлье и платье, которое на мнѣ...

— Милая! Это благородно!—воскликнула мать и, отпустивъ лакея, снова обняла Инну Николаевну и сказала, что она поговоритъ съ отцомъ и, конечно, онъ съ удовольствіемъ дастъ денегъ и у Инночки будетъ все, что нужно.

— И у меня есть свои триста рублей. Возьми ихъ, голубка!

Хотя Инна Николаевна не сомнѣвалась, что отецъ не откажетъ, все-таки сознаніе матеріальной зависимости отъ него нѣсколько отравляло радость новаго ея положенія, и она подумала, что непремѣнно попроситъ Никодимцева пріискать ей какія-нибудь занятія.

За четверть часа до обѣда пришла Тина, закраснѣвшаяся, свѣжая, оживленная.

По обыкновенію, она не сказала матери, гдѣ была, и, здороваясь съ сестрой, проговорила:

— Цвѣтъ лица у тебя нехорошій. Видно, мало ходишь. Надо ходить, ходить.

И когда мать сказала, что Инна будетъ жить теперь съ ними, молодая дѣвушка радостно проговорила:

— Наконецъ-то ты разсталась со своимъ идіотомъ! Надѣюсь, примиренія больше не будетъ?

— Надѣюсь...

— Ты не раскисай, Инна. Не вздумай его пожалѣть.

— Теперь ужъ не пожалѣю!—значительно проговорила Инна Николаевна.

— Конечно, разведешься?

— Онъ не хочетъ давать развода.

— Не хочетъ? Какой негодяй!.. Видно, надѣется, что ты вернешься? Вотъ и выходи послѣ этого замужъ!—смѣясь проговорила молодая дѣвушка.

— Не всѣ же такіе, Тина!—замѣтила Антонина Сергѣевна.

— Всѣ, мама!—категорически заявила Тина, точно она отлично знала мужчинъ.—Пока женщина, которую они любятъ, какъ говорятъ, при нихъ, они готовы ползать на четвереньках, а уйди она... А ты, Инна, попросила бы Никодимцева...

Инна Николаевна слегка покраснѣла.

— О чемъ?

— Чтобы онъ тебѣ помогъ, если твой идіотъ въ самомъ дѣлѣ будетъ упрямиться...

— Но что же Никодимцевъ можетъ?

— Онъ можетъ поѣхать къ начальнику твоего мужа и попросить...

— Это лучше папѣ сдѣлать!—замѣтила Антонина Сергѣевна.

— Для папы не сдѣлаютъ того, что̀ сдѣлаютъ для Никодимцева. А онъ порядочный человѣкъ и, конечно, съ удовольствіемъ исполнитъ просьбу Инны!—сказала молодая дѣвушка, не сомнѣвавшаяся, какъ и многіе, что Никодимцевъ близокъ съ Инной Николаевной.

— Онъ и такъ былъ настолько добръ, что обѣщалъ выхлопотать мнѣ отдѣльный видъ на жительство...

Антонина Сергѣевна вышла изъ гостиной. Сестры пошли въ комнату Татьяны Николаевны.

— Онъ тебѣ и разводъ выхлопочетъ. Это въ его интересахъ!—заговорила Тина.

— Это почему?

— Да потому, что онъ влюбленъ въ тебя и...

— И что̀ еще?

— И разумѣется, скоро сдѣлаетъ тебѣ предложеніе, Инна... Точно ты сама этого не знаешь... А за него еще можно рискнуть... Онъ навѣрное въ разводѣ не откажетъ... Не правда ли, Инна?—съ веселымъ смѣхомъ говорила Татьяна Николаевна.

— Не сдѣлаетъ онъ мнѣ предложенія и не пойду я за него замужъ, Тина!—серьезно проговорила старшая сестра.

— Отчего! Развѣ онъ тебѣ не нравится?...

— Тина... Тина... Ты все еще вѣришь въ свою теорію пріятныхъ ощущеній?

— Вѣрю и живу ими. А ты развѣ нѣтъ?..

— Я пришла въ ужасъ отъ нихъ, Тина... Нѣтъ, Тина, такъ жить нельзя... Придетъ часъ расплаты...

Молодая дѣвушка насмѣшливо посмотрѣла на сестру.

— Ты моралисткой стала. Съ какихъ это поръ?

— Съ недавнихъ.

— Поздравляю! Это чье же вліяніе? Никодимцева?

— Отчасти и его. И я хотѣла бы, чтобы и ты встрѣтила такого человѣка, какъ Никодимцевъ, Тина. Не шути съ жизнью. Дошутишься до того, что станешь презирать себя... Избави тебя Богъ отъ этого...

— Слова, слова, слова!..

— Пожалуйте кушать!—доложилъ вошедшій лакей.

II.

Новость, сообщенная Антониной Сергѣевной мужу, какъ только онъ пріѣхалъ домой, не удивила Николая Ивановича. Онъ тоже выразилъ удовольствіе, что Инна оставила этого идіота. Она, разумѣется, должна развестись съ нимъ и какъ можно скорѣе. „Инна молода, хороша собой и можетъ еще выйти замужъ“, думалъ Козельскій, рѣшившій, что оставленіе мужа дочерью явилось не безъ вліянія Никодимцева. Что Никодимцевъ влюбленъ въ Инну, въ томъ Козельскій не сомнѣвался, особенно послѣ джентльменскаго поступка Никодимцева въ ресторанѣ Донона, о которомъ Николай Ивановичъ узналъ на-дняхъ, и, разумѣется, отъ Инны зависитъ женить его на себѣ. Партія блестящая и родство очень выгодное. Человѣкъ онъ очень умный и во всѣхъ отношеніяхъ порядочный и при этомъ еще не старый, здоровый и крѣпкій и можетъ понравиться женщинѣ. Съ нимъ Инна навѣрное перестанетъ подавать поводъ къ разговорамъ, подобнымъ тому, изъ-за котораго Никодимцевъ не испугался риска нарваться на „исторію“. Только надо ковать желѣзо, пока горячо, и Инна, разумѣется, сдѣлается женой Никодимцева, пока онъ по уши влюбленъ и, слѣдовательно, не повѣритъ тому, что о ней говорятъ... Однимъ

словомъ, Козельскій возлагалъ большія надежды на то, что и онъ, въ качествѣ тестя, такого виднаго человѣка, такъ или иначе, но поправитъ свои дѣла.

Денегъ на экипировку Козельскій обѣщалъ дать „сколько нужно, хотя и подумалъ, что Инна напрасно не взяла свои платья и драгоцѣнныя вещи, но просилъ только повременить нѣсколько дней. У него будутъ деньги... Онъ долженъ получить...

Козельскій говорилъ такъ небрежно увѣренно, что Антонина Сергѣевна, давно ужъ не посвящаемая въ денежныя дѣла мужа, горячо поблагодарила и ушла изъ кабинета вполнѣ довольная за Инну.

А между тѣмъ, на сердцѣ у Козельскаго скребли кошки. На завтра предстояла новая уплата по векселю, и сегодня онъ денегъ не досталъ, и не знаетъ, куда обратиться. Всюду — онъ долженъ. Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ получалъ жалованье, оно уже забрано, и его превосходительство рѣшительно не зналъ, какъ извернуться и что ему дѣлать. Если даже онъ и заплатитъ завтра, во всякомъ случаѣ дѣла его отъ этого не поправятся. Ему необходимо гдѣ-нибудь достать крупный кушъ—тысячъ десять, чтобы расплатиться съ болѣе назойливыми долгами и нѣсколько успокоиться отъ этой каторги—вѣчнаго исканія денегъ.

Онъ въ разныхъ служебныхъ мѣстахъ нахватывалъ до двадцати тысячъ и всегда былъ безъ денегъ. У него всегда были какіе-то старые долги, которые онъ выплачивалъ, и всегда ему не хватало денегъ на тотъ train жизни, какой онъ велъ. И онъ легкомысленно надѣялся на возможность сразу получить крупный кушъ и сразу поправить дѣла, выдумывая разныя предпріятія, вступая въ компанію съ сомнительными дѣльцами. Но или предпріятія оказывались несбыточными, или у Николая Ивановича не было ни достаточно умѣнья, ни вліятельныхъ связей, но только ни одно дѣло его не приносило ему большого куша, а лѣсное, на которое онъ такъ надѣялся, принесло ему еще убытокъ, и весьма порядочный, на такъ называемые „предварительные расходы", часть которыхъ пала на его долю. А деньги были заняты и заняты на короткій срокъ.

Сегодня вечеромъ Николай Ивановичъ долженъ былъ сдѣлать послѣднюю попытку: имѣть свиданіе съ однимъ евреемъ, подставнымъ лицомъ знакомаго тайнаго совѣтника, который пріумножалъ свое состояніе ростовщичествомъ за чужой спиной. Если эта попытка неудастся...

— Ника! Мы ждемъ тебя, Ника!—проговорила, входя въ кабинетъ, жена.

И, замѣтивъ озабоченное лицо мужа, безпокойно прибавила:

— Ты чѣмъ-то разстроенъ... Что съ тобой?..

*

— Ничего, право, ничего... Просто усталъ немного, Тоня... Прости, что заставилъ себя ждать.

И съ изысканной любезностью предложивъ женѣ руку, прошелъ съ ней въ столовую.

Онъ съ особенною ласковостью поздоровался съ Инной Николаевной, расцѣловалъ внучку, протянулъ руку фрейленъ и сѣлъ на свое обычное мѣсто около Антонины Сергѣевны.

— Теперь мы всѣ въ сборѣ!—значительно проговорилъ Козельскій, взглядывая на Инну Николаевну.—И я очень этому радъ.

Онъ на время позабылъ о дѣлахъ и съ обычнымъ легкомысліемъ почему-то надѣялся, что убѣдитъ еврея дать ему денегъ. И, успокоивъ себя этой надеждой, онъ за обѣдомъ былъ очень милъ: находилъ все вкуснымъ, къ удовольствію Антонины Сергѣевны, не безъ насмѣшливой игривости разсказалъ, что недородъ оффиціально признанъ и что о немъ можно будетъ говорить въ газетахъ, весело сказалъ Иннѣ Николаевнѣ, что „все хорошо, что хорошо кончается", шутилъ съ внучкой и съ Тиной и послѣ второго блюда что-то шепнулъ лакею, сунувъ ему въ руку деньги.

И когда передъ жаркимъ розлили по бокаламъ шампанское, Козельскій поднялъ бокалъ и предложилъ выпить за Инночку, вырвавшуюся изъ вавилонскаго плѣна.

— А мы ужъ тебя больше въ обиду не дадимъ! Разведемъ съ твоимъ умникомъ! — ласково прибавилъ отецъ и, поднявшись съ мѣста, подошелъ къ дочери и крѣпко ее поцѣловалъ.

Инна Николаевна была тронута. Цѣлуясь съ отцомъ, матерью, и сестрой, она чувствовала себя въ атмосферѣ нѣжной ласки, увѣренная, что въ обиду ея не дадутъ. Но все-таки вспомнила при этомъ и Никодимцева..

„Не познакомься она съ нимъ?.."

Послѣ обѣда Козельскій увелъ Инну Николаевну въ кабинетъ и, усадивъ ее на диванъ, сталъ закуривать, не спѣша, сигару.

Инна Николаевна не безъ восхищенія глядѣла на своего моложаваго, красиваго, элегантнаго и порочнаго отца.

— Ну поговоримъ, Инночка,—заговорилъ онъ своимъ мягкимъ пѣвучимъ голосомъ.— Во-первыхъ, выдалъ онъ тебѣ видъ на жительство?

— Нѣтъ, папа. Онъ застращивалъ меня судомъ. Грозилъ отнять Леночку.

— Ну, это дудки!.. А паспортъ мы и безъ него добудемъ.

Инна Николаевна сказала, что паспортъ обѣщалъ сегодня привезти Никодимцевъ...

— И отлично. Спасибо Григорію Александровичу, что онъ принялъ въ тебѣ участіе. Онъ очень порядочный человѣкъ и дѣйствительно преданъ тебѣ... И я сердечно поблагодарю его се-

годня же, если застану у насъ... Въ половинѣ восьмого мнѣ надо ѣхать по дѣлу... И свою порядочность и уваженіе къ тебѣ онъ доказалъ... Онъ не нынѣшнимъ молодымъ людямъ чета... Не правда ли... джентльменскій поступокъ?.. Можно сказать по рыцарски поступилъ...

— Ты про что говоришь?.. Про какой рыцарскій поступокъ Никодимцева?

— Да развѣ ты не знаешь?.. Ничего не слыхала? Твой мужъ ничего не говорилъ?

— Я ничего не знаю.

Тогда Козельскій разсказалъ о томъ, какъ Никодимцевъ заставилъ замолчать одного молодого мерзавца, позволившаго себѣ недостаточно уважительно и слишкомъ громко говорить съ товарищемъ объ Иннѣ.

— Ты вѣдь знаешь, какъ клевещутъ на женщинъ, особенно если онѣ красивы!—успокоительно прибавилъ Козельскій.

— Кто были эти господа и что они говорили? — внезапно блѣднѣя, спросила Инна Николаевна.

— Пріятели твоего мужа... Служатъ вмѣстѣ... Да ты что волнуешься, Инночка?.. Мало ли негодяевъ... Но только Григорій Александровичъ поступилъ, какъ истинный джентльменъ... Мнѣ говорилъ Магометъ — татаринъ, который былъ свидѣтелемъ этой сцены... Григорій Александровичъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, подошелъ къ сосѣднему столу, за которымъ сидѣли эти господа, и сказалъ, что онъ задушитъ, если тотъ мерзавецъ скажетъ слово... Немножко по мальчишески для будущаго товарища министра, но... благородно...

Передавая объ этомъ не безъ тайнаго умысла возбудить въ Иннѣ Николаевнѣ бóльшій интересъ къ Никодимцеву, Козельскій никакъ, конечно, не разсчитывалъ, что дочь приметъ исторію нѣсколько трагически, и былъ изумленъ, когда, вмѣсто радостнаго чувства польщеннаго самолюбія, въ ея лицѣ было что-то страдальческое...

— А Никодимцеву эти... господа не отвѣтили дерзостью?— взволнованно спросила она.

— Такіе господа трусы... Онъ бросилъ имъ карточку... и они извинялись передъ нимъ...

— Когда это случилось?

— Въ прошлое воскресенье.

„Такъ вотъ отъ чего онъ не пріѣзжалъ и вотъ отъ чего не хотѣлъ ѣздить, боясь скомпрометировать меня. Вѣрно говорили про него!“ — подумала Инна Николаевна, тронутая деликатною, самоотверженною любовью Никодимцева.

— Да, Инночка, вотъ это истинная преданность... Ты, видно, околдовала этого Никодимцева...

— Тутъ не я, папа... Онъ, я думаю, вступился бы, еслибъ при немъ позорили и совсѣмъ незнакомую женщину...

— Положимъ, но все-таки едва ли бы такъ горячо...

И Инна подумала, что отецъ, пожалуй, и правъ. И ей было это очень пріятно и въ то же время ей хотѣлось какъ можно скорѣе „открыть ему глаза“ на себя и сказать, что многое изъ того, что говорили о ней—правда.

„А тамъ будь, что будетъ! Довольно лжи!“

Козельскій еще разъ сказалъ дочери, что въ обиду не дастъ и сказалъ, что надо скорѣе разводиться. Деньги на разводъ онъ, конечно, дастъ.

— Но мужъ ни за что не дастъ развода, папа.

— Онъ говорилъ?

— Говорилъ.

— О, какая скотина!.. Я съ нимъ поговорю... Быть можетъ, удастя убѣдить его...

— Врядъ ли...

— Тогда... тогда, знаешь ли что, Инночка?.. Надо будетъ попросить Никодимцева...

— Онъ уже предлагалъ свои услуги!—промолвила Инна Николаена.—Но только лучше попробуй ты, папа... Поговори съ мужемъ... Быть можетъ... что-нибудь выйдетъ...

— Во всякомъ случаѣ выйдетъ что-нибудь хорошее!—значительно проговорилъ Козельскій, цѣлуя дочь.—А пока до свиданія. Надо ѣхать. Передай мой привѣтъ Григорію Александровичу, если онъ пріѣдетъ!

Козельскій уѣхалъ дѣлать послѣднюю попытку.

III.

Инна Николаевна уложила Леночку спать и, въ ожиданіи Никодимцева, ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, со страхомъ думая объ объясненіи, которое она должна имѣть съ нимъ. Его заступничество произвело на нее сильное впечатлѣніе и въ то же время обязывало ее разсказать про свою жизнь...

„Но только не сегодня и не сказать... лучше написать?“..

Эта мысль нѣсколько успокоила ее... По крайней мѣрѣ сегодня еще онъ будетъ такой же любящій, добрый.

Пробило девять часовъ. Никодимцевъ не ѣхалъ, и Инна Николаевна то и дѣло подходила къ окну, изъ котораго былъ видѣнъ подъѣздъ, и всматривалась, не подъѣдетъ ли Никодимцевъ... И въ голову ея лѣзли мрачныя мысли. Ей казалось, что Никодимцевъ болѣе никогда не пріѣдетъ, что онъ узналъ. какая она, и что она лишится единственнаго друга, котораго такъ наожиданно послала ей судьба.

— Вамъ письмо Инна Николаевна. Курьеръ привезъ и спрашиваетъ будетъ ли отвѣтъ?—доложилъ лакей, подавая на маленькомъ серебряномъ подносѣ письмо.

„Онъ не пріѣхалъ!“—подумала Инна Николаевна.

И сердце ея тревожне забилось, когда она вскрыла большой конвертъ, въ которомъ находилась зелененькая паспортная книга.

Но лицо ея просвѣтлѣло, когда она прочитала маленькую записочку, въ которой Никодимцевъ извѣщалъ, что, не смотря на желаніе узнать лично о здоровьѣ Инны Николаевны, онъ не рѣшается ее безпокоить въ день ея переѣзда и проситъ позволенія пріѣхать завтра, чтобы лично сообщить пріятныя извѣстія о возможности развода.

Повеселѣвшая, она тотчасъ же написала ему:

„Спасибо, горячее спасибо. Пріѣзжайте завтра. Буду ждать“.

— Положительно, мама, Никодимцевъ образецъ порядочности!—проговорила Инна Николаевна, входя въ столовую.

— А что?..

— Прочитай его записку и оцѣни деликатность его непріѣзда...

— Да... вполнѣ приличный господинъ! И радостную вещь сообщилъ. Спасибо ему.

— Какую?—спросила Тина.

— Что привезетъ пріятное извѣстіе о разводѣ.

— Гм... Какъ, однако, твой корректный чиновникъ торопится съ твоимъ разводомъ.

Инна Николаевна промолчала.

— Ты что этимъ хочешь сказать, Тина?—простодушно спросила Антонина Сергѣевна.

— Хочу сказать, что онъ старается для себя...

— То-есть, какъ?

— А такъ... Влюбленъ въ Инну и навѣрное сдѣлаетъ ей на-дняхъ предложеніе...

Мать вопросительно взглянула на Инну. Та полушутя сказала:

— У Тины фантазія большая, мама. Вотъ и все.

Въ это время вошелъ лакей и, обратившись къ Тинѣ, сказалъ:

— Васъ, барышня, какой-то студентъ спрашиваетъ, Скурагинъ.

— Первый разъ слышу фамилію!—удивилась Тина.

— Очень бѣдно одѣтый и въ лѣтнемъ пальтецѣ... Зазябши. Прикажете отказать?

— Просите въ гостиную.

— Я ему пришлю чаю, Тиночка! — сказала Антонина Сергѣевна.

Тина вышла въ гостиную.

Черезъ минуту изъ-за портьеры показался черноволосый, худощавый студентъ, въ очень потертомъ форменномъ сюртукѣ и въ стоптанныхъ сапогахъ, замѣчательно красивый, серьезный и нѣсколько взволнованный.

— Скурагинъ!—произнесъ онъ строгимъ тономъ.

И взглядывая на молодую дѣвушку своими прелестными большими черными глазами строго, почти непріязненно, протянулъ ей первый зазябшую красную руку и спросилъ:

— Вы Татьяна Николаевна Козельская?

— Я!—отвѣтила Тина.

И, пораженная одухотворенною и, казалось, несознаваемою молодымъ человѣкомъ красотою, его блѣднаго, строгаго и мужественнаго лица и въ то же время недовольная, что онъ, подобно большей части мужчинъ, не испытываетъ ни малѣйшаго обаянія ея вызывающаго, хорошенькаго личика, она кокетливо ему улыбнулась, словно бы хотѣла расположить студента въ свою пользу этой улыбкой и сказать: „погляди, какая я хорошенькая!“

Но студентъ не только не сдѣлался отъ этой улыбки привѣтливѣе, а еще холоднѣе и строже произнесъ:

— Мнѣ надо съ вами поговорить. Здѣсь можно?—нетерпѣливо прибавилъ онъ, бросая взглядъ на полуоткрытую дверь въ столовую.

Заинтересованная этой таинственностью, Тина сказала:

— Пойдемте въ кабинетъ отца...

И когда они вошли туда, сѣла на кресло и, указывая на другое, сухо бросила:

— Присядьте.

Но студентъ не сѣлъ.

— Я къ вамъ по порученію Бориса Александровича... Онъ проситъ...

— Но какъ онъ смѣлъ обратиться къ чужому посредству?—высокомѣрно перебила молодая дѣвушка, чувствуя, что краска заливаетъ ея лицо.

— Потрудитесь выслушать и тогда вы поймете, что онъ смѣлъ!.. Онъ сегодня въ три часа дня пустилъ себѣ пулю въ грудь и находится теперь въ больницѣ... Написать не могъ и потому просилъ меня передать вамъ свою просьбу пріѣхать къ нему завтра, утромъ, въ Общину св. Георгія на Выборгской Сторонѣ...

Тина ахнула. Еще сегодня она утромъ была у него.

— Онъ не смертельно ранилъ себя. Онъ будетъ жить?—испуганно спросила она.

— Доктора подаютъ надежду, но... рана опасная. Что прикажете ему отвѣтить!

— Я буду.

— Въ которомъ часу.

— Въ десять утра. Можно?

— Да. Имѣю честь кланяться!

Студентъ поклонился и вышелъ.

Тина нѣсколько минутъ сидѣла неподвижная.

— Какой онъ, однако, глупый!.. Стрѣляться! — прошептала она, и вдругъ слезы полились изъ ея глазъ.

Въ кабинетъ заглянула Инна Николаевна.

— Тина... голубчикъ... Что съ тобой?..

— Борисъ Александровичъ стрѣлялся... Рана опасная... Проситъ пріѣхать завтра въ больницу... Не говори ни слова мамѣ! — вытирая слезы, говорила молодая дѣвушка.

И, нѣсколько успокоившись, прибавила:

— Онъ настаивалъ, чтобы я вышла за него за мужъ, а я... я сегодня была у него и сказала, что замужъ не выйду... Довольно съ него, что я... цѣлую его, пока мнѣ хочется... А онъ принялъ все это трагически...

— Поѣдемъ сейчасъ къ нему, Тина... Я скажу мамѣ, что хочу прокатиться...

— И скажи, что студентъ приходилъ отъ... отъ Ольги Ордынцевой... звать къ нимъ...

Черезъ нѣсколько минутъ сестры выходили изъ подъѣзда. На подъѣздѣ ихъ встрѣтилъ отецъ.

— Вы, милыя, куда? — спросилъ онъ.

— Прокатиться немного... У меня голова болитъ, папа! — сказала Инна Николаевна.

— Такъ берите моего извозчика... У него хорошая лошадь!

Козельскій вошелъ въ квартиру и прошелъ въ кабинетъ. Деньги онъ досталъ, но какою цѣною?

И его превосходительство чувствовалъ какую-то неловкость и что-то, похожее на стыдъ, когда досталъ изъ бумажника чекъ на пять тысячъ.

„Но я возвращу ихъ!“ — старался успокоить себя Козельскій и сознавалъ, что все-таки онъ взялъ взятку...

— И какъ это все случилось неожиданно! — прошепталъ онъ, вспоминая, какъ это случилось.

К. Станюковичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

* * *

Въ окно глядится сумракъ предразсвѣтный,
Чернѣетъ садъ угрюмою стѣной,
Унылый часъ, холодный, непривѣтный,
Какъ привидѣніе, проходитъ надъ землей.

—

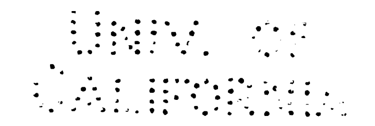
Душа полна тревогою больною,
Усталая склонилась голова,
А синій сумракъ шепчетъ надо мною
Послѣднихъ сновъ неясныя слова...

---

* * *

Я сбросить хотѣлъ роковую неволю мученій,
Я въ полночь глухую дороги искалъ
И вдругъ я услышалъ средь тихихъ ночныхъ дуновеній,
Какъ кто-то душѣ прошепталъ:
— Не бойся страданій, не бойся любви безотвѣтной,
— Надъ мракомъ страданья — не меркнущій свѣтъ,
Не бойся нарушить молчаніе пѣснью привѣтной...
Быть можетъ, раздастся отвѣтъ!

Allegro.



КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Юродствующая литература: «О любви», М. О. Меньшикова, «Сумерки просвѣщенія», В. В. Розанова.—Характеристика этихъ проповѣдниковъ любви и просвѣщенія.—Отсутствіе любви въ проповѣди г. Меньшикова.—Изувѣрство г. Розанова и проповѣдуемая имъ полная тьма вмѣсто сумерекъ.—Изъ текущей беллетристики: «Кирилка», «Ѳома Гордѣевъ», г. Горькаго; «Смиренные», В. Короленко.

Есть особый сортъ литературы, для котораго мы не можемъ подобрать болѣе вѣрнаго названія, какъ юродствующая литература. Всякому, конечно, памятно еще изъ учебниковъ, кто были наши юродивые и какими нехитрыми способами привлекали они вниманіе и сочувствіе толпы. Обыкновенно это были нѣсколько поврежденные въ умѣ, но съ достаточной хитрецей нищіе духомъ, которые при помощи наивныхъ пріемовъ старались выдѣлиться изъ ряда обычныхъ нищихъ и создавали иной разъ почетное себѣ имя, перешедшее даже въ исторію. Одни изъ нихъ, затвердивъ какое-либо глупое, но мало понятное слово или фразу, говорили его кстати и некстати и тѣмъ наводили мистическій страхъ на простодушныхъ слушателей. Другіе ограничивались тѣмъ, что ходили въ одной рубахѣ или ѣздили на палочкѣ верхомъ, и видъ бородатаго субъекта въ такомъ легкомысленномъ костюмѣ, занимающагося такимъ ребячьимъ дѣломъ, приводилъ въ трепетъ московскихъ кумушекъ и сокрушалъ ихъ сердца. Были между ними подчасъ и искренніе дураки или прямо сумасшедшіе, невмѣняемость дѣйствій которыхъ оказывала тѣмъ большее вліяніе на осатанѣвшую отъ невѣжества и страха толпу. Послѣднимъ представителемъ такого юродствующаго цеха былъ знаменитый Иванъ Яковлевичъ Корейша съ его проникновеннымъ словечкомъ «кололацы», около котораго создалась даже цѣлая литература, защищавшая и комментировавшая его благоглупости, впрочемъ, довольно невинныя по существу.

Но духъ юродства не вымеръ и не угасъ на святой Руси, и отъ времени до времени онъ осѣняетъ того или иного избранника, который, возмнивъ себя пророкомъ и сосудомъ особой мудрости, начинаетъ неутомимо разводить свои «кололацы», гремѣть «металломъ» и сокрушать «жупеломъ». За послѣдніе годы въ литературѣ объявились даже два такихъ сосуда—г. Меньшиковъ изъ «Недѣли» и г. Розановъ изъ нѣдръ нашей реакціонной прессы. Трудно сказать, кому изъ нихъ надлежитъ пальма первенства, ибо каждый изъ нихъ единственный въ своемъ родѣ и вполнѣ достоенъ унаслѣдовать лавры Ивана Яковлевича. Оба щеголяютъ во всей, если можно такъ выразиться, душевной наготѣ, оба имѣютъ по палочкѣ, на которой лихо гарцуютъ по страницамъ печатной бумаги, на соблазнъ и изумленіе читающаго міра. Палочка у каждаго, конечно, своя. У г. Меньшикова она склеена изъ обрывковъ проповѣди графа Толстого, плохо имъ усвоенныхъ и сдобренныхъ собственной отсебятиной вполнѣ юродивого содержанія и направленія. То, что у графа представляетъ стройную систему, съ которой можно соглашаться или нѣтъ, но которой нельзя отказать иногда

въ страшной силѣ чувства и энергіи выраженія,—у г. Меньшикова превращается въ наборъ обрывочныхъ и противорѣчивыхъ словечекъ и мыслишекъ, разведенныхъ елейной водицей съ доброй дозой постнаго масла, затаенной злости и несомнѣннаго фарисейства. Въ своей книгѣ «Думы о счастьѣ», какъ помнятъ, быть можетъ, читатели, г. Меньшиковъ пытался претворить идеи графа на мѣщанскій ладъ, чтобы сдѣлать бремя ихъ болѣе удобоносимымъ для себя и своихъ присныхъ. Новая книга его «О любви» построена на тотъ же ладъ, какъ увидимъ ниже, и по юродству не уступаетъ первой.

Г. Розановъ избралъ себѣ палочку другого типа. Для характеристики ея довольно вспомнить одинъ изъ недавнихъ его подвиговъ, когда по поводу годовщины прискорбнаго событія на Ходынскомъ полѣ онъ забилъ въ бубны и тимпаны и, ликуя, возгласилъ «аллилуйя!» Или его проповѣдь «животности», какъ главнаго начала и устоя семьи. Черезъ всѣ его юродства красной нитью проходитъ мысль о грубой силѣ, которая ему представляется единственнымъ argumentum ad homines, достойнымъ поклоненія. Въ церковь, имя которой онъ постоянно всуе повторяетъ, онъ готовъ людей загонять дубиной и непрочь жечь на кострахъ несогласномыслящихъ. Науку и просвѣщеніе онъ ненавидитъ и, не обинуясь, предлагаетъ скалозубовскій методъ воспитанія. Единственную свободу онъ признаетъ для себя, какъ право говорить свои откровенія, образчики которыхъ мы приведемъ ниже. Въ отличіе отъ г. Меньшикова, который не пишетъ, а баюкаетъ, не говоритъ, а сладко глаголетъ, не разсуждаетъ, а тчетъ тончайшую сѣть афоризмовъ, въ которой въ концѣ-концовъ запутывается и онъ самъ, и читатели до полнаго одурѣнія,—г. Розановъ съ величайшими усиліями громоздитъ фразу на фразу, бьется надъ словомъ, подъискивая возможно мудренѣе, вычурнѣе, тяжеловѣснѣе, для вящаго удрученія читателя, который прямо-таки раздавливается этой неуклюжей постройкой. Чтеніе произведеній г. Розанова есть тяжкій и удручающій трудъ. Все время чувствуешь себя словно въ темномъ, непроглядномъ мѣстѣ, гдѣ то и дѣло натыкаешься на углы и закоулки, рискуя постояно удариться лбомъ въ совершенно неожиданный выступъ, или провалиться въ волчью яму. И происходитъ это не столько отъ путаницы мыслей автора, вообще, примитивныхъ и дѣтски-невѣжественныхъ, сколько отъ витіеватости его слога, тяжкаго, темнаго, удушающаго, какъ тѣ густыя, зловредныя испаренья, которыя въ осеннія сумерки подымаются надъ смрадными болотами. Если справедливо изреченіе Бюффона, что слогъ—это человѣкъ, то, составляя по этому слогу представленіе о г. Розановѣ, испытываешь жуткое впечатлѣніе. Его допотопныя мысли, изложенныя допотопнымъ языкомъ, напоминаютъ одно изъ вымершихъ чудовищъ въ книги Гётчинсона—птеродактиля, представляющаго переходное существо отъ пресмыкающихся къ птицамъ,—небольшое, странное созданіе, нѣсколько напоминающее нашу летучую мышь,—нетопыря, но болѣе фантастическое по формѣ крыльевъ и головы. Эти, въ сущности, невинныя творенія обитаютъ въ затхлыхъ, плохо провѣтриваемыхъ подвалахъ, развалинахъ и старыхъ заброшенныхъ зданіяхъ; по ночамъ они вылетаютъ на добычу, охотясь за ночными насѣкомыми и пугая дѣвушекъ и женщинъ, съ налету ударяясь о ихъ бѣлыя платья и лица, а днемъ они скрываются въ своихъ темныхъ обиталищахъ, вися головой внизъ, прицѣпившись крѣпкими когтями къ мрачнымъ сводамъ. Такъ и господа Розановы укрываются отъ свѣта солнца по разнымъ темнымъ трущобамъ, куда рѣдко-рѣдко заглядываютъ читатели, и лишь въ сумеречные, неясные дни они рѣютъ въ воздухѣ, приводя въ невольную дрожь своимъ фантастическимъ полетомъ и сказочнымъ видомъ. Кромѣ книги «Сумерки просвѣщенія», о которой мы желаемъ поговорить теперь, издатель г. Розанова—П. П. Перцевъ угрожаетъ намъ еще его произведеніями: «Религія и красота», «Литературные очерки» и проч. Все это уже гдѣ-то печаталось, хотя и врядъ ли было кому на потребу. Но не ошибся ли

г. Перцевъ, думая, что именно теперь время гг. Розановыхъ приспѣло? Не запоздалъ ли онъ, скорѣе, съ своими изданіями? Не беремся отвѣчать утвердительно на этотъ вопросъ. Пусть, впрочемъ, судятъ сами читатели.

Но прежде о г. Меньшиковѣ; не о немъ, конечно, а о его книгѣ «О любви».

Любовь, любовь—вотъ, по истинѣ, безсмертная, не старѣющаяся тема, о которой писано и переписано столько, что не хватило бы человѣческой жизни для ознакомленія съ литературой, ей посвященной. Можно себѣ представить, какая это богатая тема для г. Меньшикова. При его много- и пустословіи, это неисчерпаемый источникъ для безконечнаго потока вздора, искусно завернутаго въ безчисленныя папильотки кокетливаго проповѣдника изъ «Недѣли». Тутъ и Дафнисъ и Хлоя, какъ образцы невинной и, тѣмъ не менѣе, страждущей любви. Тутъ и стихъ изъ Гейне про бѣднаго потомка Азровъ, которые, полюбивъ, умираютъ,—какъ доказательство безпощадности злой страсти. Далѣе Вертеръ подъ ручку съ царемъ Соломономъ, изрекшимъ, что любовь сильнѣе смерти, и пушкинская Татьяна съ Дмитріемъ Карамазовымъ Достоевскаго, Вѣра изъ «Обрыва» и Анна Каренина. А потомъ—непрерывными рядами шествуютъ Шопенгауеръ и Будда, Летурно и Мопассанъ, Мантегаца и Бодлэръ, Верленъ и Гомеръ, Байронъ и Шекспиръ, русскіе сектанты, нигилисты и либералы и проч. Словомъ—

«Были тамъ послы, софисты,
И архонты, и артисты»,—

пока не явился г. Меньшиковъ:

«Онъ рѣчами завладѣлъ,
И безумными глазами
На красавицу глядѣлъ».

И, наконецъ, повѣдалъ міру плоды своихъ великихъ думъ, вынесенныхъ изъ этого созерцанія.

Дума первая. «Любовь въ алхиміи счастья есть тотъ философскій камень, прикосновеніе котораго къ самымъ презрѣннымъ вещамъ даетъ имъ цѣну золота. Какъ жизненный элексиръ, любовь возвращаетъ омертвѣвшему отношенію нашему къ вещамъ огонь молодости. Это не просто очаровательное состояніе жизни—это сама жизнь въ ея творческомъ порывѣ, въ благоуханіи ея расцвѣта». Какова галантерейность г. Меньшикова? Можно ли блеснуть очаровательнѣе, отсалютовать любви болѣе парадно и эффектно? Одна «алхимія счастья» чего стоитъ,—«не хитрому уму не выдумать и въ вѣкъ». Но, зная пріемы г. Меньшикова по его прежнимъ подвигамъ въ области философіи и публицистики, мы можемъ быть заранѣе увѣрены, что это—лишь хитроумныя ковы, въ родѣ тѣхъ, что придумалъ сердитый Гефестъ колченогій, чтобы накрыть измѣнницу-жену Афродиту съ свирѣпымъ Ареемъ. «И отъ смѣха боговъ дрожалъ Олимпъ многохолмный».

Такъ повѣствуетъ нелицепріятный Гомеръ о результатахъ хитрости Гафеста. Нѣчто въ этомъ родѣ испытываетъ и читатель книги г. Меньшикова, когда, развертывая одну за другой авторскія папильотки, онъ получаетъ въ концѣ концовъ рядъ поученій изъ прописей, что любовь «не исчерпывается любовною *страстью*», что въ «супружествѣ необходима строгая воспитанность въ цѣломудріи и долгѣ ненарушимой вѣрности другъ другу», что «чистота духа и тѣла обязательна для мужчинъ и для женщинъ», и что «совершенный союзъ можетъ быть основанъ только на нравственномъ, духовномъ единеніи мужа и жены».

Кажется, что можетъ быть проще и банальнѣе этихъ мыслей, вошедшихъ въ обиходъ мудрости всѣхъ временъ и народовъ, запечатлѣнныхъ и въ религіозныхъ обрядахъ, и въ высшихъ произведеніяхъ общечеловѣческой литературы, и въ народномъ непосредственномъ творчествѣ, какъ оно проявилось въ

пѣсняхъ и сказаньяхъ? Но посмотрите, какихъ только вавилоновъ не наворотилъ нашъ публицистъ!

Онъ начинаетъ съ самыхъ отдаленныхъ временъ, когда еще дикарь «ударомъ дубины по головѣ повергалъ женщину», и доводитъ эволюцію любви до Мопассана и современныхъ «дамочекъ», которыя въ любви, своеобразно ими понимаемой, видятъ смыслъ жизни. Если въ жизни дикаря любовное чувство не играло никакой роли, то это и есть «естественное состояніе человѣка», по мнѣнію г. Меньшикова. Только наша извращенная во всѣхъ отношеніяхъ цивилизація отвела этому чувству такое верховное мѣсто, о чемъ свидѣтельствуетъ яко бы вся наша литература. Непремѣнно «вся», на меньшемъ юродивые публицисты не мирятся. Это ихъ главный аргументъ,—всѣ въ любви «подлецы», всѣхъ любовь превращаетъ въ «свиней». Начинается литературная скачка отъ пушкинской Татьяны до романовъ Стебницкаго, Писемскаго и Клюшникова, въ которыхъ предаются осмѣянію яко бы дѣйствительные факты изъ жизни нигилистовъ шестидесятыхъ годовъ. Услѣдить за головоломными прыжками г. Меньшикова, отмѣтить всѣ его ужимки и тартюфскія киванья въ сторону «интеллигенціи»—мудрено, да и не нужно. Два-три образчика достаточны, чтобы обрисовать съ головы до ногъ несложную фигуру г. Меньшикова, не безъ граціи гарцующаго на своей палочкѣ въ болѣе чѣмъ легкомысленномъ костюмѣ среди «архонтовъ и софистовъ» и доблестно сокрушающаго перья въ борьбѣ съ Иветой Гильберъ, Отеро и имъ подобными «жрицами любви» (см. стр. 60—61 и другія).

Книга его раздѣлена на четыре главы: «О любовной страсти», «Суевѣрія и правда любви», «Любовь супружеская» и «Любовь святая». Первая посвящена анализу влюбленности и тѣхъ бѣдственныхъ послѣдствій, къ какимъ часто ведетъ страсть. Какъ и вообще мысли г. Меньшикова, его изложеніе въ этой главѣ не блещетъ ни оригинальностью, ни глубиной. Всѣ его вопли по поводу злой страсти тысячи разъ повторялись со временъ Соломона и до нашихъ дней. Невѣрны только его общіе выводы. Онъ комбинируетъ разныя стороны любовной страсти, сваливая въ одну кучу и голую, ничѣмъ не прикрытую, разнузданную чувственность, доходящую до болѣзненности въ лицѣ маркиза де-Сада, и то нѣжное, вполнѣ свободное въ началѣ отъ всякой чувственности—чувство, какое охватываетъ влюбленныхъ съ такой силой въ первый періодъ ихъ влеченія. Грубая ложь звучитъ также въ нападкахъ на литературу, которая будто бы создала и поддерживаетъ въ обществѣ ложный взглядъ на страсть, какъ на идеалъ любви. Выудивъ у Пушкина небрежно и вскользь брошенный стишокъ

«Любви не женщина насъ учитъ,
А первый пакостный романъ»,

онъ сейчасъ же строитъ на немъ цѣлую систему обвиненія противъ литературы. «Въ заурядной семьѣ, гдѣ бабушка читала Грандисона, маменька увлекалась Понсонъ-дю-Терайлемъ, дочь упивается Марселемъ Прево,—въ такой семьѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе передается мечта о половой любви, какъ нѣкая религія, священная и прекрасная, и всѣ поколѣнія дышатъ одной атмосферой—постояннаго полового восторга, постоянной жажды «влюбленности». Великіе авторы, описывающіе любовь во всей ея трезвой, ужасной правдѣ, до большинства не доходятъ, да большинству они и не по плечу; средней публикѣ доступнѣе маленькіе писатели и писательницы, которые, какъ и публика, не знаютъ природы и не умѣютъ быть вѣрными ей, которые не знаютъ, что такое любовь, но тѣмъ болѣе стараются изобразить ее обольстительной. И вотъ тысячами голосовъ, исходящихъ «свыше», въ каждомъ молодомъ поколѣніи создается ложное внушеніе о любви, дѣлающее эту страсть одною изъ самыхъ гибельныхъ для человѣчества. Литературное внушеніе изъ читающихъ клас-

совъ проникаетъ въ нечитающіе и ослабляетъ способы борьбы съ этою страстью, вырабатываемые всякой естественной, патріархальной культурой. Въ деревенской средѣ, гдѣ народъ не испорченъ (у староверовъ, напр.), тамъ молодежь воспитывается цѣломудренно и религіозно, половое влеченіе презирается внѣ брака, и вообще никакихъ «романовъ» и «драмъ» не полагается, всякія попытки къ нимъ гаснутъ въ общемъ внушеніи, что это грѣхъ и позоръ. Поэтому здоровое влеченіе обоихъ половъ здѣсь крайне рѣдко развивается въ страсть, регулируясь ранними и крайне-строгими браками. Не то мы видимъ въ среднихъ, не трудовыхъ классахъ съ утраченной религіозностью, съ ослабленнымъ представленіемъ о добрѣ и злѣ» (стр. 11—12). Слѣдуетъ далѣе ссылка на Лукреція и его гимнъ Венерѣ, какъ доказательство испорченности «среднихъ классовъ», хотя Лукрецій жилъ въ первомъ вѣкѣ до Р. Хр. и никакого отношенія къ нашимъ «среднимъ классамъ» никогда не имѣлъ.

Но Богъ съ нимъ, съ Лукреціемъ. Если начать высчитывать всѣ ошибки и курьезы учености г. Меньшикова, въ родѣ, напр., того, что «за порицаніе Елены Аргивской былъ ослѣпленъ Гомеръ» (стр. 39),—мы никогда не кончимъ его скучно-напыщенной канители. Приведенный образчикъ размышленій г. Меньшикова чрезвычайно для него характеренъ. Съ поразительной смѣлостью, не моргнувъ глазомъ, онъ, не обинуясь, преувеличиваетъ одно, какъ въ данномъ случаѣ вліяніе литературы, и извращаетъ другое, какъ противопоставляемую имъ добродѣтель народа и испорченность среднихъ классовъ. Ниже читатели могутъ прочесть въ статьѣ г. Демидова нѣкоторые «подлинные документы», свидѣтельствующіе о распространенныхъ въ народной средѣ взглядахъ на любовь. Драмъ и романовъ на любовной подкладкѣ въ народной средѣ никакъ не меньше, чѣмъ и во всякой другой, ибо, выражаясь просто, «всѣ люди, всѣ человѣки». Причемъ тутъ литература? Если гдѣ меньше всего она имѣетъ вліяніе, такъ именно въ дѣлѣ любви, въ виду общности этого чувства, коренящагося въ одинаковой организаціи человѣческой природы на всѣхъ ступеняхъ соціальной лѣстницы. Только въ народной средѣ любовныя драмы принимаютъ особо-ужасный характеръ, благодаря непосредственности, несдержанности чувства, проявляющагося въ грубѣйшей формѣ, и драма, въ родѣ толстовской «Власти тьмы», можетъ служить хорошей иллюстраціей къ народной любовной хроникѣ.

Распространяться на эту тему значило бы идти по стопамъ г. Меньшикова, пережевывая всякое старье, давнымъ-давно ставшее ходячимъ мѣстомъ. Но и слѣдовать за нитью его разсужденій оказывается прямо-таки невозможнымъ. Постоянно смѣшивая два понятія—чувственность и здоровое чувство любви, авторъ до того перепутываетъ эту нить, что нѣтъ силъ разобраться въ навороченной имъ кучѣ своихъ и чужихъ афоризмовъ, то вѣрныхъ, хотя и старыхъ, какъ міръ, то смѣшныхъ до наивности. То онъ заявитъ, что прежде люди были здоровѣе и сильнѣе, потому что прежде бракъ рѣшался родителями, которые подбирали невѣстъ и жениховъ, отнюдь не руководствуясь ихъ чувствомъ. Въ доказательство—опыты хозяевъ, которые «не дожидаются, чтобы самецъ самъ выбралъ самку по своему вкусу; напротивъ, они этого боятся и не допускаютъ». То, наоборотъ, «выборъ жениха и невѣсты долженъ быть предоставленъ имъ самимъ», но съ условіемъ, чтобы ими руководило отнюдь не чувство любви, а дружбы. Слѣдуютъ доказательства, что въ любви не руководствуются высшими соображеніями, ибо любовь есть «психозъ, помраченіе разума, гипнозъ» и т. п. Такъ, великіе люди по большей части женятся на женщинахъ гораздо ниже ихъ по достоинству, примѣръ—Гете, Данте, Мольеръ, Гейне и проч. Отсюда выводъ—если ужъ жениться, то лучше безъ любви. Хотя, поправляется авторъ, «я этой страсти ни отрицать, ни утверждать не могу, она явленіе природное, въ своемъ корнѣ отъ насъ не зависящее». А если такъ, то... опять прыжокъ въ сторону, къ какимъ-то невѣдомымъ временамъ, когда «берегли не только физическую, но и психическую невин-

ность юношей, какъ зеницу ока, старались имъ не давать *никакого* понятія объ этой сторонѣ жизни, скрывали половую любовь, какъ нѣчто постыдное, въ глубокой тайнѣ. Тогда инстинктивно понимали, что «придетъ пора» и все откроется, но лучше, чтобы это открылось людямъ взрослымъ, съ созрѣвшей волею и разумомъ, съ укрѣпившимися понятіями о чести, съ привычкою относиться къ лицамъ другого пола безукоризненно и безтѣлесно». Авторъ не опредѣляетъ, когда это было, заявляя только, что «въ старину, въ хорошихъ семьяхъ», но воздерживаясь отъ указанія на литературу по этому вопросу. И очень понятно почему. Намъ слишкомъ хорошо извѣстно, что творилось въ эту старину, подъ покровомъ невѣдѣнія и тайны, и исторія «дѣвичей» еще не такъ далека отъ современной русской жизни. И прежде, конечно, и теперь были и есть образцовыя семьи. Но ужь если сравнивать прошлое отношеніе къ любви и современное, беря не исключительные случаи, а среднее проявленіе этого чувство, то безспорно эти отношенія стали теперь и чище, и разумнѣе, и возвышеннѣе. Стоитъ только вспомнить, что представляла русская семейная жизнь еще лѣтъ пятьдесятъ назадъ, какъ она отразилась въ драмахъ Островскаго, въ произведеніяхъ Грибоѣдова, Гоголя, Тургенева, въ «Пошехонской старинѣ» Салтыкова и т. п. Тутъ играло роль не только крѣпостное право, страшно принижившее все и всѣхъ, но и грубое невѣжество, отъ котораго мы, къ несчастью, и теперь еще далеко не освободились, какъ свидѣтельствуетъ книга г. Меньшикова. Въ чемъ угодно эта «старина» пусть служитъ урокомъ, но никакъ не въ дѣлѣ любви можемъ мы у нея поучиться нравственности.

Въ слѣдующей главѣ «Суевѣрія и правда любви», самой афористической, гдѣ Шопенгауеръ цитируется на ряду съ парижскими кокотками, въ родѣ знаменитыхъ Иветокъ и Отеро, г. Меньшиковъ побѣдоносно ниспровергаетъ «культъ» любви, понимаемой какъ только физическое чувство, не облагороженное никакими высшими стремленіями. Побѣда его, довольно-таки жалкая по существу, такъ какъ онъ штурмуетъ открытыя двери и учиняетъ разгромъ беззащитныхъ. Мы бы охотно увѣнчали его лаврами, если бы не было смѣшно читать, когда онъ громитъ «дамъ», которыя извращаютъ смыслъ евангельскихъ словъ о любви для оправданія своихъ faux pas. Курьезнѣе всего въ этой главѣ его разборъ «Ромео и Джульетты», дѣлаемый имъ съ точки зрѣнія аскета-моралиста. Видите, видите, торжествуетъ г. Меньшиковъ, къ чему ихъ привела любовь? Родителей не слушались, родственными чувствами небрегли и погибли. Ну какъ же послѣ этого любовь не безуміе? Ясное дѣло, да. Но не безуменъ ли г. Меньшиковъ со своей критикой, основанной на абсолютной морали, не желающей считаться съ грѣшной землей.

Въ третьей главѣ «Супружеская любовь», повторивъ, по обыкновенію съ десятокъ разъ, что основа брака «не разсчетъ, не наслажденіе», а взаимное уваженіе, любовь и дружба, имѣющія цѣль—«взаимное сотрудничество въ дѣлѣ жизни», г. Меньшиковъ обрушивается на современную семью, гдѣ этого начала будто бы нѣтъ. Для подтвержденія гибели семейнаго начала приводятся наблюденія автора, въ которыхъ онъ говоритъ о развратѣ... «золотой молодежи» (стр. 138—139). Нельзя сказать, чтобы это было убѣдительное доказательство. Далѣе слѣдуютъ нападенія на нигилистовъ 60-хъ годовъ (стр. 154 и др.). Запоздалая вылазка понадобилась автору для борьбы съ «лже-либеральной», какъ онъ выражается, теоріей «свободной любви», оправдывающей разводъ. Какова эта критика, пусть судятъ сами читатели: «Честность» въ дѣлѣ брака,—повѣствуетъ г. Меньшиковъ о нигилистахъ,—заключалась въ томъ, что если ваша жена полюбила вашего пріятеля, вы обязаны были уступить ему честь и мѣсто, ни мало не прекословя, а чуть-ли даже не съ оттѣнкомъ почтительности. У однихъ беллетристовъ мужъ цѣлуетъ въ послѣдній разъ невѣрную жену и исчезаетъ куда-нибудь, въ Америку, что-ли, у другихъ мужъ доводитъ великодушіе до того, что соединяетъ руки своей жены и любовника,

у третьихъ мужъ съ перваго дня брака твердитъ женѣ, что она во всякую минуту свободна, и, наконецъ, добившись ея измѣны, чуть не съ торжествомъ выдаетъ ей отдѣльный видъ или разводъ и даже снабжаетъ деньгами, если любовникъ жены—какой-нибудь интеллигентный пролетарій. На эту тему со всевозможными варіаціями написано множество плохихъ романовъ и повѣстей, которые читались (а вѣроятно, и до сихъ поръ кое-гдѣ читаются) съ восхищеніемъ. Свобода брака! Свобода любви! Вотъ лозунгъ, наиболѣе понятный изъ всѣхъ для распущенныхъ дамъ и кавалеровъ. Положимъ, они и до нигилизма пользовались этою свободою, но прежде она считалась мерзостью, а тутъ вдругъ ее возвели въ достоинство, въ добродѣтель! Немудрено, что десятки и сотни тысячъ дамъ и мужчинъ—нѣсколько поколѣній подъ-рядъ—подъ благословеніемъ этой доктрины пускались во всѣ тяжкія и мѣняли свои привязанности чуть-ли не одновременно съ бѣльемъ» (стр. 155).

«Клевещите, клевещите,—говоритъ донъ-Базиліо въ «Севильскомъ цирюльникѣ»,—отъ клеветы всегда останется что-нибудь». Зачѣмъ, однако, эта запоздалая клевета, это грубое извращеніе литературы 60-хъ годовъ, посвященной вопросу о свободѣ любви? А затѣмъ, чтобы доказать, что современное поколѣніе есть продуктъ такой распавшейся семьи, гдѣ «привязанности мѣнялись съ бѣльемъ», и что теперь нѣтъ истинной семьи. «Лже-либеральное» движеніе требуетъ разрѣшенія развода и будто-бы санкціонируетъ теорію свободной любви. Авторъ рѣшительно противъ развода, онъ хочетъ начать «истинно-либеральное» движеніе, которое бы привело къ ненужности развода. Цѣль очень почтенная, но какъ же надѣется достигнуть ея г. Меньшиковъ? Для этого онъ ставитъ *абсолютное* требованіе: выходить замужъ и жениться *безъ любви*, и тогда не будетъ повода къ разводу. «Поводомъ и основою брака можетъ служить только цѣль, указанная при твореніи: необходимость человѣку имѣть *помощника*, помощника не только въ жизненномъ трудѣ, но и въ нравственномъ подвигѣ, для котораго человѣкъ посылается въ міръ, и для дѣторожденія, необходимаго для совершенствованія тѣхъ душъ, которыя еще слишкомъ далеки отъ идеала. И если встрѣчаются мужчина и женщина, которые изъ всѣхъ пригоднѣе для помощи другъ другу,—это и есть поводъ и основа брака, а вовсе не любовь» (стр. 178).

Договорившись до такого брака, г. Меньшиковъ вполнѣ логически заканчиваетъ книгу главой объ особой «святой любви», для которой ни бракъ не нуженъ, ни дѣторожденіе, потому что такая любовь въ себѣ самой находитъ цѣль и содержаніе. Слѣдуетъ длинное разсужденіе о достоинствахъ и преимуществахъ святой любви, какъ ее представляетъ г, Меньшиковъ, но которая всякому простому, не изощренному въ «эллинскихъ мудрованіяхъ» уму и сердцу покажется чѣмъ угодно, только не любовью. Наворотивъ массу словъ о «безстрастіи», «безкорыстіи», «безпредметности» и «безпредѣльности» этой любви, г. Меньшиковъ ставитъ для опредѣленія такой любви вопросъ, можно ли «одинаково любить и ребенка, и разбойника, который выкалываетъ ему глаза?»—и отвѣчаетъ съ полнымъ душевнымъ спокойствіемъ: «дѣйствительно, святая любовь любитъ одинаково и ребенка, и разбойника». Слѣдуетъ, по истинѣ іезуитски-казуистическое толкованіе, для юродствующей литературы высоко характерное. «Мы,—говоритъ авторъ,—смотримъ на жизнь сквозь наше искривленное сознаніе, подобно тому, какъ сквозь кривыя стекла дома можно подумать съ улицы, что отецъ душитъ ребенка, тогда какъ онъ его щекочетъ, такъ и сквозь иллюзорное сознаніе наше всѣ факты жизни могутъ быть извращены относительно ихъ *абсолютной* сущности. Можетъ быть, разбойникъ, замучивая ребенка, т. е. его временное, мгновенное тѣло, тѣмъ самымъ спасаетъ его душу. Можетъ быть, это мученіе необходимо для спасенія самого разбойника, для пробужденія въ немъ искры совѣсти. Можетъ быть, это зло-

дѣйство нужно для того, чтобы потрясти слишкомъ неподвижныя души другихъ людей. Я не рѣшаю вопроса, мотивы Высшей воли мнѣ неизвѣстны, но если вѣрить въ эту волю, то нужно вѣрить также, что она *Благо*, что страданія наши суть только дурно понятыя нами блага» (стр. 211—212 и далѣе). Не такъ ли во время оно разсуждали господа инквизиторы, сжигая людей для спасенія ихъ души? И неужели въ концѣ XIX в. приходится говорить, что Высшая воля, какъ истинное Благо, не можетъ стремиться къ добру злыми путями? И не потому ли данъ законъ этой Высшею Волею въ словахъ: «нѣтъ той любви больше, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ?» Одно изъ двухъ—или этотъ законъ истина, и тогда дѣйственная любовь, предписанная имъ, никогда не примирится съ этими «можетъ быть» г. Меньшикова и не останется безстрастной при видѣ разбойника, выкалывающаго глаза ребенку, или же... Впрочемъ, никакого другого «или» здѣсь и быть не можетъ для нравственно-здоровыхъ людей.

Мы видѣли, какъ этотъ проповѣдникъ примѣняетъ свою «святую любовь». Оправдавъ разбойника, онъ съ пѣною у рта накидывается на злополучныхъ нигилистовъ, не обинуясь возводя на нихъ вздорное обвиненіе, будто они развратили и уничтожили семью. Елейный сладкопѣвецъ, не смущаясь, всѣхъ влюбленныхъ величаетъ «свиньями», обвиняетъ въ «подлости любви», бросаетъ вызовъ «всѣмъ честнымъ» людямъ—признаться, что въ пору любви они всѣ были проникнуты самыми гнусными и низменными порывами. Постоянно твердя—«любовь, любовь», онъ извращаетъ исторію, литературу, подхватываетъ всякія вздорныя измышленія до откровенныхъ глупостей парижскихъ кокотокъ—и все это лишь затѣмъ, чтобы оплевать, огадить, загрязнить то, что скрашиваетъ жизнь бѣднаго человѣчества, что единитъ людей и въ самомъ сухомъ и черствомъ сердцѣ вызываетъ трепетъ добра, милосердія и чистѣйшихъ порывовъ. Съ дикой радостью выхватываетъ онъ, проповѣдникъ любви, всякія уродства, неестественныя проявленія полового чувства и торжествующе вопіетъ «вотъ она, ваша любовь!»

Все, что угодно, вдохновляло г. Меньшикова, но никакъ не чувство любви. Ибо давно уже сказано: «Если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю, то я—мѣдь звенящая, или кимвалъ звучащій. Если имѣю даръ пророчества, и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое познаніе и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви,—то я ничто. И если я роздамъ все имѣніе мое, и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю,—нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы. Любовь долготерпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ. Все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ». (Первое посланіе къ коринѳянамъ ап. Павла, гл. 13, ст. 1—7). Вотъ что такое «святая любовь», и ни слѣда ея нѣтъ въ гнусной и человѣконенавистнической книгѣ публициста изъ «Недѣли».

Переходъ отъ г. Меньшикова къ г. Розанову—прямой и непосредственный. Это двѣ родственныя души, единомыслящія и единостремящіяся. Раньше мы указали на разницу ихъ стиля. Теперь укажемъ на ихъ общія свойства.

Мы только что видѣли, какъ г. Меньшиковъ стремится изгнать любовь во имя любви,—г. Розановъ продѣлываетъ ту же операцію надъ просвѣщеніемъ, и, къ счастью, съ такимъ же успѣхомъ. Пріемы его совершенно тѣ же, что и г. Меньшикова, та же логика, тотъ же абсолютизмъ, та же непреложность и широковѣщательная манера, тоже самодовольство и глубочайшая увѣренность въ обладаніи полной истиной. «Мысли, изложенныя въ моей статьѣ,—говоритъ онъ о своей статьѣ «Сумерки просвѣщенія»,—должны бы быть индиферентны для всѣхъ партій, борющихся за ту или иную систему образованія у насъ ли, въ За-

падной ли Европѣ; и я имѣлъ нѣкоторую надежду, что для всѣхъ же партій онѣ будутъ цѣнны, потому что вскрываютъ сторону вопроса, ими всѣми равно опущенную. Я не касаюсь ни реализма, ни классицизма въ образованіи; меня занимаетъ скорѣе вопросъ: почему и при классицизмѣ юныя образующіяся души являются такъ мало проникнутыми имъ? Почему, проходя реальную школу, онѣ такъ мало проникнуты бываютъ интересомъ къ реальнымъ наукамъ—этому плоду новаго трехвѣкового европейскаго движенія? Ни одного типа школы я не отвергаю; я изслѣдую только, почему всѣ типы такъ мало достигаютъ своихъ цѣлей, съ такимъ упорствомъ осуществляемыхъ, такъ ярко и, несомнѣнно, благородно желаемыхъ» (стр. 86—87).

Такова цѣль г. Розанова. Въ «Сумеркахъ просвѣщенія» онъ критикуетъ въ началѣ основу современной школы—низшей, средней и высшей, находя всѣ эти школы не отвѣчающими назначенію. Основной недостатокъ заключается въ отсутствіи принципа индивидуальности, въ отрывочности знаній, въ невыдержанности типа для каждой школы. Преимущественно рѣчь идетъ о средней школѣ, но заключенія свои онъ постепенно распространяетъ на всю систему образованія. Онъ указываетъ на шаблонность и формализмъ, на схоластику изгнавшую изъ средней школы живую жизнь и убивающую личность во имя, отвлеченнаго принципа государственности. Всѣ его указанія, какъ видятъ читатели, вѣрны, хотя и не новы, потому что тысячи разъ повторялись въ нашей литературѣ. Если бы г. Розановъ ограничился ими, мы имѣли бы тысячу первую критику современной гимназіи, написанную мучительно тягостнымъ языкомъ— и только. Пожалуй, она даже имѣла бы нѣкоторое значеніе, какъ критика изъ реакціоннаго лагеря, до сихъ поръ упорно отстаивавшаго ломку средней школы, произведенную гр. Д. А. Толстымъ. Въ этомъ и заключалась бы оригинальность г. Розанова. Но, съ другой стороны, какая же критика безъ положительнаго идеала, и вполнѣ законно его стремленіе—указать тотъ свѣтъ, который, по его мнѣнію, долженъ разсѣять нынѣшнія сумерки.

Онъ начинаетъ снизу—съ народной школы, которая, какъ и все прочее, подпала нынѣ ложному и вредному вліянію западной цивилизаціи. Надо изгнать послѣднюю изъ всѣхъ закоулковъ низшей школы, вернуть школу въ ея первобытное состояніе. Какъ же сдѣлать это, какъ избавить плѣненную народную школу, гдѣ теперь учатъ люди, «темные въ просвѣщеніи и въ путяхъ исторіи»? Ибо «темны были въ просвѣщеніи эти люди, когда, набравъ немножко грамматики, немножко ариѳметики, прибавивъ къ этому кое-что по географіи и исторіи, думали, что съ четырьмя своими книжками они внесутъ что-нибудь въ душу, надъ изученіемъ богатствъ которой трудятся первоклассные ученые; темны они были въ путяхъ исторіи, когда думали, что во всемъ разучившійся и ничему не научившійся наемникъ, придя въ деревню съ этими книжками, можетъ начать въ ней новое просвѣщеніе» (стр. 28). Надо вернуться къ «естественнымъ» силамъ. Кто и гдѣ эти силы, ясно само собой. Имѣется въ виду церковно-приходская школа, но отнюдь не та, которую мы знаемъ, съ опредѣленной программой, особыми учителями и подъ надзоромъ высшей власти. «Есть эти силы и для школы, это—силы церкви и всѣхъ, кто, слушая изъ за ограды ея ученіе—болѣе всего его любятъ». «Нельзя довѣрять слѣпому вести зрячаго», говоритъ онъ затѣмъ, и такъ какъ государство—слѣпо, то «нужно имѣть довѣріе, что зрячій различитъ пути и не останется на мѣстѣ; не нужно къ церкви приставлять стражей, чтобы она, почти два тысячелѣтія учительная, взростившая въ ученіи своемъ весь христіанскій міръ, не упустила какихъ-нибудь подробностей, въ которыхъ однѣхъ могутъ что-нибудь понимать эти приставленники». Мало того, что не надо никакого контроля надъ такой школой,—не надо для нея ни программы, ни учебниковъ. «Невозможно, не слѣдуетъ установлять «отъ сихъ до сихъ» программы: не приподнявъ худое, она закроетъ ростъ доброму». Объ

этомъ нечего заботиться. Но вотъ о чемъ слѣдуетъ и даже очень: «Несомнѣнно должны быть удалены изъ элементарной школы тѣ «начатки міровѣдѣнія», какіе обычно сообщаются при началѣ курса географіи (въ средней школѣ на первомъ же урокѣ ея перваго класса). Есть нѣчто развращающее въ этомъ сообщеніи... Есть недостатокъ благоговѣйной памяти къ трудамъ Коперника и Кеплера, есть страшное насиліе надъ дѣтскимъ воображеніемъ, насильственное вталкиваніе въ него свѣдѣнія, для насъ любопытнаго, но въ немъ ни на что не отвѣчающаго, ни съ чѣмъ не гармонирующаго и, если вдуматься строже, ничего неправильнаго въ его созерцаніи не поправляющаго. Вѣдь не ошибается же ѣдущій изъ Нижняго въ Москву, думая и говоря, что онъ движется на западъ, хотя въ смыслѣ абсолютнаго движенія, онъ съ чрезвычайной быстротой мчится на востокъ. Именно это только утвержденіе дѣлаетъ и простолюдинъ, думая и говоря, что земля неподвижна—не относительно созвѣдія Козерога или Сиріуса, чего онъ не знаетъ и о чемъ не говоритъ, а относительно его самого, поля, лѣса, города, этихъ плывущихъ облаковъ и тверди небесной, по которой они плывутъ. И также точно говоря, какъ, что солнце восходитъ, онъ ничего другого не говоритъ, что оно становится ближе къ зениту, выше по дугѣ, соединяющей этотъ зенитъ съ горизонтомъ—что̀ правильно и не нуждается въ опроверженіяхъ. Итакъ, въ его твердомъ созерцаніи все покоится, и никто не оцѣнилъ еще важности этого покоя для устойчивости воображенія, мысли—всего душевнаго строя. Механики и психологи говорятъ, что и всѣ мы не могли бы сдѣлать малѣйшаго движенія, если бы ежеминутно вмѣстѣ съ относительнымъ движеніемъ представляли себѣ и абсолютное, и только при психически необходимой ошибкѣ, при представленіи въ каждый моментъ всего, кромѣ себя, въ покоѣ,—можемъ двигаться. Но если для особыхъ цѣлей научнаго знанія намъ иногда необходимо *вспоминать* и объ абсолютномъ движеніи, это воспоминаніе незачѣмъ навязывать, внѣ всякихъ цѣлей и необходимости, простолюдину» (стр. 35—36). Къ этому разсужденію позволимъ себѣ добавить небольшую историческую справку, забытую г. Розановымъ. Онъ ошибается, будто «никто не оцѣнилъ еще важности этого покоя» земли для души народа. Еще святая инквизиція, въ числѣ обвиненій противъ Галилея, указывала, что онъ своимъ утвержденіемъ, что земля движется, *нарушаетъ* и *смущаетъ* покой невинныхъ душъ. Указываемъ на это совпаденіе мыслей г. Розанова и судей Галилея, какъ на любопытный примѣръ атавизма. Далѣе мы еще увидимъ такія же проявленія атавизма.

Чтобы устранить все, что нарушаетъ покой «простолюдина», г. Розановъ совѣтуетъ также избѣгать въ этой школѣ всякихъ учебниковъ. Онъ сравниваетъ исторію Иловайскаго и «Синопсисъ» XVIII в. и приходитъ къ слѣдующему заключенію: «Въ древнихъ книгахъ, въ большомъ и маломъ объемѣ («Синопсисъ» заключаетъ въ себѣ 224 стр., учебникъ Иловайскаго 397 стр.), по всѣмъ, строго необходимымъ для крестьянскаго воспитанія предметамъ даны свѣдѣнія въ формѣ, не дисгармонирующей съ содержаніемъ. Этой дисгармоніи нельзя вносить, не нарушая смысла въ самомъ предметѣ, цѣлесообразности въ преподаваніи его, значенія во всей школѣ. Итакъ, если отъ бѣдственной идеи учебныхъ программъ еще нельзя скоро освободиться по силѣ предразсудка, нужно, по крайней мѣрѣ, отнять въ нихъ зло эгоистическаго самоволія: ихъ нельзя абстрактно составлять и вызывать ими развратную литературу «руководствъ»; но, поработавъ надъ старыми книгами, избравъ изъ сокровищъ воспитанія, въ нихъ содержащагося, наилучшее — слѣдуетъ примѣнительно къ этому наилучшему, обнимая его, составить программы» (стр. 33). Иными словами, ради сокровищъ «Синопсиса» г. Розановъ готовъ отказаться и отъ выраженной имъ нѣсколько выше (стр. 30) ненависти къ программамъ вообще, которыя, «не поднявъ худое, закроютъ ростъ доброму».

Свою реформу низшей школы онъ заканчиваетъ слѣдующимъ пожеланіемъ: «Итакъ, мы думаемъ, что достаточно, если одна половина христіанскаго міра (западно-европейская) отдала дары своего первородства за человѣческую похлебку; у насъ же пусть лучше останется мякинный хлѣбъ и христіанство. Вѣдь несомнѣнно, что именно ихъ сознательно и твердо избираетъ и желалъ бы покончить на вѣки этотъ вопросъ народъ нашъ. Не будемъ же опять лукаво подходить къ нему, чтобы, оставивъ ему тлѣнныя вещи, которыя и намъ не нужны, украсть у него нетлѣнное сокровище. Оставимъ ему его общину, холщевую самодѣльную рубаху, и дадимъ, чего онъ въ правѣ требовать и мы не въ правѣ отказать, три десятины на душу» (стр. 37—38). Читателя не должна удивлять манера г. Розанова—говорить отъ имени всего народа русскаго. Это обычная манера юродствующей литературы—превозноситься до олицетворенія въ себѣ Бога, если рѣчь идетъ о вопросахъ вѣры, какъ это дѣлаетъ г. Меньшиковъ, предавая анаѳемѣ чувство любви, или народа, если дѣло касается народныхъ воззрѣній. Нечего спрашивать у г. Розанова, гдѣ и когда народъ «сознательно и твердо» пожелалъ отказаться отъ общеобразовательной школы въ пользу уродливой затѣи г. Розанова съ «Синопсисомъ» вмѣсто учебниковъ, безъ учителей и безъ программъ? Или кто уполномочилъ г. Розанова такъ просто рѣшить за народъ сложнѣйшій экономическій вопросъ объ общинѣ и трехъ десятинахъ на душу,—«оставимъ» ему! Кто это «мы», столь могущественные, что достаточно «намъ» сказать «да будетъ» — и община останется у народа неприкосновенной плюсъ три десятины земли?.. И съ какихъ это поръ русскій народъ получилъ въ монополію христіанство? На такіе вопросы гг. Меньшиковы и Розановы не отвѣчаютъ, просто потому, что все время они витаютъ внѣ времени и пространства. Иначе тотъ же г. Розановъ вспомнилъ бы, что нигдѣ еще «простолюдинъ» нашъ не отказался отъ современной школы, которая наполнена и переполнена, что никто еще у народа общины не отнималъ и не отнимаетъ. Что же касается трехъ десятинъ, то ихъ мы готовы приписать всецѣло доброй душѣ г. Розанова и охотно ему посочувствуемъ.

Таковъ «свѣтъ», которымъ желалъ бы осіять нашу народную школу г. Розановъ. Думаемъ, что всякая критика здѣсь излишняя. Въ своемъ усердіи г. Розановъ, что называется, перехолопилъ. Въ самомъ дѣлѣ, какова ни на есть современная церковно-приходская школа, все же она неизмѣримо выше этого «идеала» съ «Синопсисомъ» вмѣсто «развратной литературы» руководствъ, съ тремя китами вмѣсто «развращающихъ» начатковъ міровѣдѣнія, безъ особыхъ учителей, безъ программъ и всякаго контроля. Есть въ этой школѣ и руководства, и программы, и учителя. Правда, все это далеко отъ совершенства, но самый плохенькій учебникъ, по которому учатъ въ церковно-приходской школѣ, лучше чудовищнаго «Синопсиса». По крайней мѣрѣ, хоть трехъ китовъ тамъ нѣтъ. Противъ «Синопсиса» возсталъ даже г. Иловайскій, и мы въ этомъ случаѣ всецѣло на его сторонѣ.

Опять-таки это общая черта у всѣхъ юродствующихъ писателей. Они ужъ если начнутъ, такъ хватятъ что-нибудь такое, что всѣ ихъ присные готовы отъ стыда сгорѣть. Отсутствіе мѣры и такта и излишекъ ревности доводятъ ихъ обыкновенно до неприличія, какъ свидѣтельствуетъ далѣе все тотъ же г. Розановъ.

Приступивъ къ реформѣ средняго образованія, онъ обрушивается на гимназіи, мужскія и женскія, находя, что онѣ только губятъ всѣхъ и ничего не даютъ никому. Больше всего его возмущаетъ смѣшанность въ нихъ учениковъ, и онъ предлагаетъ раздѣлить среднюю школу на два типа, какъ видно изъ слѣдующаго резюме его учебнаго плана: «Должны быть открыты для мірянъ параллельные курсы съ тѣми, какіе проходятъ будущіе священно-и церковнослужители, гдѣ то, что ими изучается, и только это одно, изучалось бы въ

степени очень ослабленной. Тотъ же самый душевный строй, устремленіе вниманія къ тѣмъ же предметамъ, наученіе достаточное, чтобы прибавить къ сердечному слушанію литургіи и слушаніе разумное,—вотъ все, что здѣсь удавалось бы каждому и къ чему для даровитыхъ прибавлялись бы и всѣ сокровища христіанской культуры. Нѣтъ сомнѣнія, что для самыхъ людныхъ классовъ городского населенія, для ремесленника, для мѣщанина, для именитаго купца, съ тарелкой собирающаго подаяніе въ церкви, для всѣхъ этихъ людей, столь неожиданно изумленныхъ міромъ Ѳемистокловъ и Лициніевъ, свѣченія моря и вертящейся земли, *этотъ міръ* (курсивъ г. Розанова) евангельскихъ притчъ и житій святыхъ, чудной исторіи объ Руѳи и поученій Іисуса сына Сирахова былъ бы и неудивителенъ, и глубоко родственъ, и,—мы увѣрены въ этомъ,—не менѣе культуренъ. Такимъ образомъ, средняя классическая школа, какъ это и слѣдуетъ, осталась бы школою для классовъ, уже вышедшихъ изъ культуры только христіанской (т. е.,—поясняетъ г. Розановъ въ примѣчаніи,—для дворянства и бюрократіи, безъ искусственнаго привлеченія, черезъ «преимущества», другихъ классовъ); эта же послѣдняя осталась бы воспитательной для всѣхъ остальныхъ классовъ населенія... Воспитаніе женское, сообразно установившемуся уже историческому теченію (?!), должно быть для городского населенія также двояко: для массы оно должно быть церковное, для нѣкоторыхъ, т. е. также для дворянства и для бюрократіи, то особенное, нѣсколько исключительное, нѣсколько искусственное, но, во всякомъ случаѣ, дѣйствительно образующее, какое дается нашими институтами» (стр. 51—52). Типомъ женскихъ церковныхъ школъ г. Розановъ рекомендуетъ епархіальныя училища, хотя съ горечью и сожалѣніемъ замѣчаетъ: «Они (епархіальныя училища) нѣсколько испорчены только своимъ сближеніемъ съ женскими гимназіями, какъ и семинаріи испорчены черезъ сближеніе со свѣтской школой,—не потому, что она классическая, но потому, что она совершенно не выдержана въ своемъ классическомъ строѣ. Изъ курса епархіальныхъ училищъ, какъ и изъ курса семинарій должны быть удалены физика, космографія и,—я глубоко убѣжденъ въ этомъ,—также геометрія и алгебра» (прим. 2, стр. 51).

Не правы ли мы, говоря, что откровенность г. Розанова,—или его усердіе, не знаемъ, что лучше и вѣрнѣе,—доходитъ до неприличія? Едва ли кто изъ его единомышленниковъ, за исключеніемъ, конечно, г. П. Перцова, его издателя, рѣшился бы откровенно высказать пожеланіе—изгнать изъ средней школы «для массы» вышеназванныя науки, «весь міръ Ѳемистокловъ и Лициніевъ, свѣченія моря и вертящейся земли». По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ это первое громкое и откровенное признаніе, и что бы ни случилось затѣмъ, г. Розанову купно съ г. Перцовымъ надлежитъ пальма первенства за открытое гоненіе на «міръ вертящейся земли»,—вмѣстѣ съ тѣмъ и за открытіе такого міра.

Но г. Розановъ и его вѣрный Санчо Панса, г. Перцовъ, на этомъ не останавливаются. Какъ истинно русскіе люди, они не знаютъ предѣла въ своемъ размахѣ и выступаютъ подъ конецъ совсѣмъ au naturel.

Давъ планъ образованія, они не могли не коснуться и воспитательной стороны бѣднаго человѣчества, и такъ какъ ихъ идеалы назади, то г. Розановъ спокойно и безстрастно заявляетъ, а г. Перцовъ почтительно печатаетъ: «Мнѣ не кажется излишней въ школѣ суровость; я не отвергаю (и думаю, напротивъ, что даже должны быть возстановлены въ ней) физическія наказанія» (стр. 98). Опасаясь, чтобы его не поняли превратно или иносказательно, г. Розановъ на стр. 131, примѣчаніе, поясняетъ:

«Въ бытность мою учителемъ гимназіи и вмѣстѣ классным наставникомъ, ко мнѣ, какъ къ послѣднему, нерѣдко являлись матери учениковъ (всегда вдовы) съ просьбой наказать розгами (т. е., чтобы это было сдѣлано въ гимназіи) своего разбаловавшагося мальчугана: «сестеръ колотитъ, меня не слушаетъ, ничего

не могу сдѣлать», и проч.; я, конечно, объяснялъ, что это запрещено всѣми параграфами, но, зная конкретно мальчишку способнаго и, что называется, зарвавшагося, потерявшаго голову отъ баловства, всегда давалъ совѣтъ—обратиться къ кому-нибудь по сосѣдству или изъ родственниковъ и больно-больно высѣчь его. И теперь, когда мнѣ приходится видѣть въ богатой и образованной семьѣ лимфатическихъ дѣтей, киснущихъ среди своихъ «глобусовъ» и другихъ «пособій», я всегда, вспоминая и свое дѣтство, думаю: какъ бы встряхнулись они, оживились, начали тотчасъ и размышлять, и чувствовать, если бы, взамѣнъ всѣхъ этихъ для ихъ любознательности расшпиленныхъ букашекъ и запыленныхъ минераловъ, разъ-другой ихъ самихъ вспрыснуть по-старому. Все тотчасъ бы перемѣнилось въ «обстоятельствахъ»: и впечатлительность бы пробудилась, и сила сопротивленія требуемому,—именно *оживился бы* (курсивъ г. Розанова) духъ, который теперь только затягивается какою-то плѣсенью подъ музыку все поученій, поученій и поученій, все разъясненій, разъясненій и разъясненій. Розга—это, наконецъ, фактъ; это—насиліе надо мною, которая вызываетъ всѣ мои силы къ борьбѣ съ собою; это—предметъ моей ненависти, негодованія, отчасти, однако же, и страха; въ отношеніи къ ней—я, наконецъ, не пассивенъ; и, уединившись въ себя отъ тѣхъ, въ рукахъ кого она,—наконецъ, свободенъ, то-есть, свободенъ въ душѣ своей, въ мысли, непокоренъ ничему, кромѣ боли своей и негодованія. Я серьезно спрашиваю: чѣмъ, какими коллекціями, какими иллюстраціями и глобусами можно вызвать эту *сложную* и *яркую* работу души, эту ея самостоятельность, силу, напряженіе? Что касается «униженія человѣческой природы», будто бы наносимаго розгой, то вѣдь не унизила она Лютера, нашего Ломоносова; отчего же бы унизила современныхъ мальчишекъ?»

Этотъ гимнъ розгѣ заимствованъ авторомъ цѣликомъ изъ древнихъ букварей, современныхъ «Синопсису», въ которыхъ на заглавномъ листѣ помѣщались обыкновенно стишки въ назиданіе питомцу, совершенно похожіе по содержанію съ гимномъ г. Розанова. Совершенно «серьезно» спрашиваемъ его: не розгою ли вызываетъ онъ въ себѣ эту «свободу въ душѣ своей, въ мысли, непокорство», которыя проявляетъ въ своей чудовищной проповѣди дикаго мракобѣсія? Намъ представляется невозможнымъ, чтобы образованный человѣкъ конца XIX в., въ здравомъ умѣ и полной памяти, могъ серьезно приглашать насъ вернуться къ тѣмъ временамъ, когда, по словамъ Амоса Коменскаго, школы были застѣнками, а учителя палачами, упражнявшимися во имя науки надъ ея невинными жертвами.

Мы далеко еще не исчерпали всѣхъ откровенныхъ признаній г. Розанова, но и этихъ образчиковъ, думаемъ, достаточно, чтобы оправдать нашу характеристику, сдѣланную въ началѣ. Еще лишь два слова изъ его реформы университетовъ, которыми онъ тоже недоволенъ за «начатки міровѣдѣнія». Но, признавая, что въ наше время все же нельзя отказать человѣчеству въ знаніяхъ, онъ стремится лишь «упорядочить» оныя. «Безусловная несвязанность мысли и ея выраженія должна быть допущена здѣсь—вѣдь безъ этого тотчасъ нарушается самая идея познанія»,—не правда ли, какъ «лже-либерально»? Хотя «несвязанность» и не есть еще свобода, но все же для г. Розанова это уже очень много. Однако, не будемъ торопиться. «Но,—предостерегающе подъемлетъ перстъ г. Розановъ,—конечно, къ этому высокому праву могутъ быть допущены только тѣ, которые подходили бы къ нему съ священнымъ трепетомъ долга». Первое ограниченіе «несвязанности»—«священный трепетъ долга», качество, вообще весьма трудно констатируемое. Познанія, умъ, талантъ, ученыя работы—всѣ эти данныя въ глазахъ г. Розанова нѣчто несущественное, внѣшнее, поверхностное: «священный трепетъ долга»—вотъ что рѣшаетъ вопросъ о правѣ быть допущеннымъ на каѳедру. Согласны, пусть даже это ми-

стически-туманное качество. Но кто же будетъ рѣшать, какой профессоръ обладаетъ имъ, какой нѣтъ? Сами университеты? О нѣтъ: «Доступъ туда (на каѳедру) не можетъ быть свободенъ для всякаго, и онъ не можетъ стать предметомъ передачи отъ учителя къ ученику... и не можетъ этотъ доступъ открываться самимъ университетомъ... Мы думаемъ,—совокупности университетовъ, но такъ, чтобы избираемый въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ былъ избираемъ не изъ корпораціи, его избирающей, но изъ другихъ родственныхъ». Замѣтивъ, что онъ предлагаетъ нѣчто сугубо несуразное, г. Розановъ моментально поправляется и уже строго и настойчиво рѣшаетъ: «Это же право, безъ всякаго ущерба для университета и его достоинства, могло бы принадлежать пожизненнымъ ихъ покровителямъ, но непремѣнно—близкимъ имъ... Мы думаемъ, назначеніе отъ государства подобныхъ покровителей *наилучшимъ образомъ* могло бы обезпечить университеты...» (стр. 63). Что же останется отъ «несвязанности мысли и выраженія»? Съ одной стороны—«священный трепетъ долга», съ другой—«покровитель», какъ единый судья и вершитель—не получится ли въ результатѣ вмѣсто «Сумерокъ просвѣщенія»—сугубая тьма? Въ особенности, если подобранному такимъ образомъ университету былъ бы порученъ, какъ предлагаетъ г. Розановъ, еще и «надзоръ за печатью».

Теперь окинемъ «умственнымъ окомъ» весь планъ просвѣщенія, какъ онъ мерещится распаленному «вспрыскиваніемъ» розгами духу гг. Розановыхъ и Перцовыхъ. Внизу «простолюдинъ», просвѣщаемый «Синопсисомъ», строго оберегаемый отъ «развращающей литературы» руководствъ съ ихъ «начатками міровѣдѣнія» и блаженно покоющійся на трехъ китахъ невиннаго невѣдѣнія. Для пищи матеріальной—«оставимъ ему общину и три десятины на душу».—словомъ, внизу «мякинный хлѣбъ и христіанство» въ духѣ, конечно, г. Розанова. Слѣдующая ступень—среднее образованіе безъ геометріи, алгебры, физики, географіи, свободное «отъ міра Ѳемистокловъ и Лициніевъ, свѣченія моря и вертящейся земли». Для оживленія «силы сопротивляемости, духа любознательности и свободы въ мысли»—розги, въ изобиліи расточаемыя вмѣсто «глобусовъ» и другихъ «пособій». На третьей ступени—университетъ, составленный изъ проникнутыхъ «священнымъ трепетомъ долга» профессоровъ, избираемыхъ пожизненными покровителями по назначенію администраціи. И, наконецъ, какъ увѣнчаніе зданія—печать подъ надзоромъ подобнаго трепещущаго университета. Нельзя этому плану гг. Розановыхъ и Перцовыхъ отказать въ стройности и послѣдовательности. Но, можетъ спросить иной наивный читатель, что же тогда станется съ просвѣщеніемъ? Именно то самое, къ чему стремится г. Розановъ: оно будетъ уничтожено во имя индивидуальности, цѣльности и единства типа, который, въ отличіе всякаго другого, мы осмѣлились назвать «юродствующимъ».

Есть одна несомнѣнная заслуга въ юродствующей литературѣ. Доводя до крайности въ своихъ откровенно-циничныхъ признаніяхъ основныя положенія, заимствуемыя ею изъ источниковъ, пользующихся если не признаніемъ, то вниманіемъ,—эта литература вскрываетъ до очевидности всю дикость этихъ основоположеній. Она показываетъ, во что превратилась бы наша жизнь, какъ частная, такъ и общественная, если бы человѣчество забыло хоть на мгновеніе здравыя требованія ума и сердца. По г. Меньшикову, идеалъ семьи—это супружество безъ любви, безъ влеченія брачущихся, основанное исключительно какъ кооперація. По г. Розанову, просвѣщенная въ духѣ христіанства страна—это народная масса, пребывающая во тьмѣ «Синописа», руководимая трепещущими университетами. И тотъ, и другой исходятъ изъ самыхъ, повидимому, высокихъ принциповъ: одинъ во имя якобы поруганной любви, другой—просвѣщенія, нынѣ переживающаго сумерки. Но одинъ изгоняетъ изъ любви необходимѣйшій, существеннѣйшій ея элементъ, безъ котораго любовь превращается

въ нѣчто болѣзненное и извращенное. Другой отнимаетъ у просвѣщенія главную его силу—свободу духа, стремясь заковать его въ тѣ старыя оковы, изъ которыхъ человѣчество выбилось путемъ трехвѣковой мучительной борьбы. Одинъ желалъ бы передѣлать человѣческую природу, не замѣчая, что даже съ своей точки зрѣнія наноситъ этимъ жесточайшее оскорбленіе Высшей волѣ, Тому, чьи будто бы велѣнія онъ готовъ признать благомъ даже въ поступкахъ разбойника, выкалывающаго глаза ребенку. Другой хотѣлъ бы потушить свѣтъ знанія совсѣмъ, потому что этотъ свѣтъ, благодаря плохому устройству свѣтильника, недостаточно свѣтитъ, или, вѣрнѣе сказать, не такъ освѣщаетъ, какъ угодно его изувѣрской душѣ. Оба, въ заключеніе, выдаютъ себя головой—своимъ лицемѣріемъ и кощунственнымъ отношеніемъ къ самымъ дорогимъ для человѣчества силамъ—любви и знанію.

Въ этомъ ихъ приговоръ, въ этомъ ихъ и наказаніе.

Пройдемъ мимо нихъ и забудемъ. Лучшаго они не заслуживаютъ. Но мы не желали бы оставить читателя подъ тягостнымъ впечатлѣніемъ мертвящаго духа юродствующей литературы, и потому, думаемъ, небольшая экскурсія въ область текущей беллетристики вполнѣ умѣстна.

Положимъ, въ послѣднее время установился особый, нѣсколько легкомысленный тонъ по отношенію къ беллетристикѣ. Критика, болѣе сердитая и ворчливая, чѣмъ справедливая, однихъ, преимущественно молодыхъ и новыхъ, укоряетъ въ томъ, что пишутъ они мало, но слишкомъ много мнятъ о себѣ,—написавъ двѣ-три вещицы, сейчасъ же тискаютъ ихъ отдѣльнымъ изданіемъ. Что же касается старыхъ и почтенныхъ художниковъ, то ихъ по прежнему винятъ въ «скорописаніи» и обиліи, какъ будто есть для таланта нѣкая установленная природою норма, сколько именно онъ долженъ и можетъ выписать. Съ такимъ отношеніемъ къ нашей беллетристикѣ мы никогда не могли согласиться и стоимъ на высказанномъ уже нами мнѣніи, что наша художественная литература, взятая въ цѣломъ, не ниже уровня общеевропейской, гдѣ тоже не видно теперь великихъ талантовъ, дѣлающихъ эпоху, но и у насъ, какъ и тамъ нѣтъ недостатка въ силахъ и молодыхъ, и свѣжихъ. Если же сравнимъ хотя бы послѣднее полугодіе, т. е. текущій литературный сезонъ, то всѣ преимущества окажутся на нашей сторонѣ. Только за три мѣсяца текущаго года появилось нѣсколько несомнѣнно выдающихся произведеній, которымъ развѣ нарочито сердитая критика откажетъ въ талантливости и интересномъ, живомъ содержаніи.

Въ обновившемся, напр., журналѣ «Жизнь» мы имѣемъ сразу два выдающихся произведенія г. Горькаго—«Кирилка», прекрасный разсказъ, написанный съ тонкимъ юморомъ, выдержанный и вполнѣ законченный по формѣ, и начало большой, повидимому, повѣсти «Ѳома Гордѣевъ». Въ «Кирилкѣ» г. Горькій проявилъ новую черту таланта, сближающую его отчасти съ Гл. Успенскимъ, который такъ тонко и мѣтко умѣетъ освѣтить отношеніе къ народу другихъ классовъ, живущихъ за счетъ этого послѣдняго. Собравшіеся на переправѣ у только-что тронувшейся большой рѣки, земскій начальникъ, купецъ, дьячокъ и авторъ—въ большомъ смущеніи. О переправѣ нечего и думать, и, по обычаю русскаго человѣка искать виноватаго, всѣ обрушиваются на злополучнаго Кирилку, плюгаваго мужиченку, приставленнаго завѣдывать переправой. Кипятится больше всего земскій, какъ представитель власти, натыкающійся на непорядокъ тамъ, гдѣ по бумагѣ все должно обстоять благополучно. Купецъ заискивающе ему поддакиваетъ. Дьячокъ придерживается скорѣе нейтралитета, а Кирилка вполнѣ равнодушенъ, сознавая полную свою непричастность къ поведенію рѣки, такъ не во время тронувшейся. Въ заключеніе, разыгрывается комическій инцидентъ. Захваченные врасплохъ путники сильно проголодались, а

у Кирилки оказывается краюха хлѣба, которую онъ, по обыкновенію, хранитъ за пазухой («теплѣе онъ отъ энтого»). Путники сначала брезгливо относятся къ этому хлѣбу, но потомъ не выдерживаютъ и братски его раздѣляютъ между собой съ добродушнаго согласія Кирилки. Хлѣбъ, уписываемый всѣми, несмотря на всѣ его неприглядныя качества, вызываетъ въ земскомъ рядъ новыхъ нападеній на Кирилку за недородъ, за плохое качество хлѣба. «Что мы видимъ?—гремитъ земскій, прожевывая кирилкину краюху,— пьянство, распущенность, лѣность... Руководителя нѣтъ. Недородъ—на сцену выступаетъ земство: на, сѣй, батюшка, на, ѣшь, батюшка... Нѣ-ѣтъ-съ, это не порядокъ!.. Почему до 61 года родила? Потому что—если недородъ, сейчасъ же голубчика, мужика то-есть,—пожалуйте-ка сюда! Вы какъ пахали? Вы какъ сѣяли?» и т. д... Наконецъ, рѣка прошла и компанія благополучно перебирается на другой берегъ въ прибывшихъ оттуда лодкахъ, а Кирилка добродушно проситъ перевозчика: «Дядя Антонъ! за почтой поѣдешь, хлѣба мнѣ привезите, слышь? Господа-то, путя ожидаючи, краюшку у меня съѣли, а одна была»! .

Въ нашей болѣе чѣмъ сжатой передачѣ трудно представить всю живость этого очерка, словно выхваченнаго изъ жизни, съ этимъ земскимъ, непоколебимо вѣрующимъ въ непреложность лѣни и мужицкой распущенности, единственныхъ причинъ недорода и прочихъ бѣдствій, удручающихъ деревню,—съ купцомъ, отлично понимающимъ всю наивность земскаго, но которому не съ руки расходиться съ нимъ во взглядахъ и противорѣчить власти,—съ угрюмымъ дьякомъ, пришибленнымъ и захудалымъ, молча сторонящимся отъ господъ, памятуя рѣченное отъ Писанія: «блаженъ мужъ»... Всѣ эти лица живутъ, каждый съ своимъ языкомъ и характерными особенностями, и среди нихъ философски-спокойный Кирилка, которому, все равно, не переслушать пустыхъ рѣчей, раздающихся вокругъ него и не имѣющихъ ни малѣйшаго отношенія къ его жизни. Г. Горькаго упрекали въ романтическихъ преувеличеніяхъ, въ идеализаціи босяковъ и ихъ жизни. Теперь, пожалуй, его попрекнутъ, что онъ повторяетъ старую тему. Для насъ существенную важность представляетъ вопросъ—какъ повторять, и если эти повторенія такъ художественны, какъ его «Кирилка», мы можемъ лишь пожелать побольше подобныхъ повтореній. Есть темы никогда не старѣющіяся, и къ нимъ принадлежитъ тема этого чудеснаго очерка.

Совсѣмъ въ иномъ родѣ повѣсть «Ѳома Гордѣевъ», начало которой обѣщаетъ очень художественную и содержательную вещь, открывающую въ талантѣ г. Горькаго новыя черты. Предъ нами не босяки, не пролетаріи, не случайныя сценки, а широко захваченная картина быта купеческой семьи, одинъ изъ представителей которой, отецъ будущаго героя, Игнатъ Гордѣевъ написанъ во весь ростъ, сильная, колоритная фигура, съ яркимъ и мощнымъ характеромъ, типичный волжскій богатырь-хищникъ. Изъ простыхъ судорабочихъ онъ выбивается въ хозяева и самъ становится виднымъ на Волгѣ пароходчикомъ. Въ повѣсти мы уже застаемъ его на вершинѣ жизни, которая вся ушла въ борьбу за богатство и въ страстную любовь къ сыну, маленькому Ѳомѣ. Типъ Игната не выдуманный—напротивъ, на Волгѣ часто попадаются такіе богатыри, а прежде они были еще чаще. «Богатырски сложенный, красивый и неглупый, онъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которымъ всегда и во всемъ сопутствуетъ удача—не потому, что они талантливы и трудолюбивы, а скорѣе потому, что, обладая огромнымъ запасомъ энергіи, они, по пути къ своимъ цѣлямъ, не умѣютъ, даже не могутъ задумываться надъ выборомъ средствъ и, помимо своего желанія, не знаютъ иного закона. Иногда они со страхомъ говорятъ о своей совѣсти, порою искренно мучаются въ борьбѣ съ нею, но совѣсть, это сила непобѣдимая лишь для слабыхъ духомъ; сильные же быстро овладѣваютъ ею и порабощаютъ ее своимъ желаніямъ, ибо они безсознательно

чувствуютъ, что если дать ей просторъ и свободу—она изломаетъ жизнь. Они приносятъ ей въ жертву дни; если же случится, что она одолѣетъ ихъ души, то они, побѣжденные ею, никогда не бываютъ разбиты и такъ же сильно и здорово живутъ подъ ея началомъ, какъ жили и безъ нея»...

Словомъ, Игнатъ-то, что принято называть цѣльной, непосредственной натурой, которая всякому движенію души отдается вся, безъ остатка. Онъ сильно напоминаетъ одно дѣйствительное лицо, недавно сошедшее въ могилу,—извѣстнаго волжскаго судовладѣльца Гордѣя Чернова. Онъ также изъ судорабочихъ выбился въ пароходчики, предпріимчивый и дѣятельный быстро нашелся въ новыхъ условіяхъ судоваго дѣла на Волгѣ въ 80-ыхъ годахъ, сообразилъ важную роль нефти, только что тогда выступавшей на сцену, и на транспортахъ ея составилъ огромное состояніе. Это былъ человѣкъ порыва, иногда дикій и необузданный, съ задатками глубокаго мистицизма, внезапно проявившагося въ немъ съ непреодолимой силой. Вдругъ, въ разгарѣ своихъ милліонныхъ предпріятій, не смотря на блестящее положеніе дѣла, Черновъ бросилъ все и исчезъ къ великому изумленію всего волжскаго торговаго міра. Сначала думали, что дѣла его пошатнулись, но при ликвидаціи очистилась въ его пользу солидная сумма въ нѣсколько сотъ тысячъ. Оказалось, что Гордѣй Черновъ ушелъ на Аѳонъ, гдѣ и кончилъ жизнь въ 90-хъ годахъ послушникомъ въ скиту. Повидимому, эта замѣчательная личность, имя которой до сихъ поръ хорошо знакомо каждому волгарю, послужила прототипомъ для Игната Гордѣева.

Герой повѣсти, однако, не онъ, а его сынъ Ѳома, выступающій въ повѣсти пока еще мальчикомъ. Въ противоположность отцу, онъ обрисованъ нѣжными, почти женственными чертами, съ поэтической, чуткой, вдумчивой душой, жадно впитывающей волжскія впечатлѣнія. Какъ сложится этотъ чуть-чуть еще намѣчаемый характеръ, покажетъ дальнѣйшее развитіе повѣсти. Дѣйствіе ея постепенно развертывается на фонѣ широкой и мощной рѣки, жизнь которой написана мастерски. Превосходна, напр., заключительная сцена обычнаго ночного событія въ судовомъ караванѣ, какъ рабочіе, тихонько перекликаясь, сплавляютъ откуда то навернувшагося утопленника, отпихивая его баграми. Глухая рѣчь, тишина, мракъ, какой лишь бываетъ иногда лѣтомъ на рѣкѣ, когда вода похожа на темное тяжелое масло.

«Всматриваясь во тьму пристально, до боли въ глазахъ, мальчикъ различалъ въ ней черныя груды и огоньки, еле горѣвшіе надъ ними... Онъ зналъ, что это были баржи, но знаніе не успокаивало его и серде билось въ немъ неровно, а въ воображеніи вставали какіе то пугающіе темные образы.— О-о...о...—донесся издали протяжный крикъ и закончился похоже на рыданіе... Вотъ кто-то прошелъ по палубѣ къ борту парохода...—О-о-о... раздалось опять, но уже гдѣ-то ближе...—Яфимъ!—вполголоса заговорили на палубѣ.— Яфимка!—Ну-у? — Чортъ! вставай! бери багоръ... — О-о-о... — застонали гдѣ-то близко, и Ѳома, вздрогнувъ, откачнулся отъ окна. Странный звукъ подплывалъ все ближе и росъ въ своей силѣ, рыдалъ и таялъ въ черной тьмѣ. А на палубѣ тревожно шептали: Яфимка! Да встань... гость плыветъ! — Дѣ? — раздался торопливый вопросъ... потомъ по палубѣ зашлепали босыя ноги, послышалась возня и мимо лица мальчика сверху скользнули два багра и почти безшумно вонзились въ густую воду.—Го-о-о сть!—зарыдали гдѣ-то близко и раздался тихій, но очень странный плескъ воды. Мальчикъ дрожалъ отъ ужаса предъ этимъ грустнымъ крикомъ, но не могъ оторвать своихъ рукъ отъ окна и глазъ отъ воды.—Зажги фонарь... не видать ничего...—Сичасъ...—И вотъ на воду упало пятно мутнаго свѣта... Ѳома видѣлъ, что вода тихо колышется, рябь идетъ по ней, точно ей больно и она вздрагиваетъ отъ боли.—Гляди... гляди!.. испуганно зашептали на палубѣ... Въ тоже время въ пятнѣ свѣта на водѣ явилось большое, страшное человѣческое лицо съ бѣлыми оскаленными зубами.

Оно плыло и покачивалось на водѣ, зубы его смотрѣли прямо на Ѳому, и точно оно, улыбаясь, говорило: «Эхъ, мальчикъ, мальчикъ... Холодно... прощай!» Багры дрогнули, поднялись въ воздухѣ, потомъ снова опустились въ воду и стали осторожно толкать въ ней что-то. —Веди его... веди... смотри—подобьетъ въ колесо...—Пихай ты самъ-то!.. Багры скользили по борту и царапались объ него со звукомъ, похожимъ на скрипъ зубовъ. Ѳома не могъ закрыть глазъ, глядя на нихъ... Стукъ ногъ, топавшихъ о палубу надъ его головой, постепенно удалялся на корму... И вотъ тамъ вновь раздался этотъ стонущій, заупокойный звукъ:— Го-о-ость!..»

Нужно отмѣтить еще въ новомъ произведеніи г. Горькаго ту тщательность, съ которою онъ отдѣлываетъ свой слогъ, прежде нѣсколько небрежный и распущенный. Видимо, этотъ свѣжій и сильный талантъ крѣпнетъ, растетъ и становится все серьезнѣе. Талантъ—это величайшій даръ судьбы, и необходимо относиться къ нему бережно, не расточая силъ его на пустяки—вотъ почему насъ особенно радуетъ это большое и хорошо задуманное произведеніе.

Лучшею, однако, вещью послѣдняго времени является безспорно очеркъ «Смиренные» г. Короленко, въ первой книгѣ «Русскаго Богатства» за текущій годъ. Давно уже уважаемый художникъ не давалъ ничего такого художественнаго и глубоко захватывающаго душу. «Человѣкъ на цѣпи въ концѣ XIX в.» — отъ времени до времени подобныя извѣстія изъ деревенской глуши доносятся до насъ въ видѣ корреспонденцій и обыкновенно мало кого тревожатъ, скорѣе кажутся курьезомъ, дополняющимъ картину некультурности деревенской жизни. Художникъ, наткнувшись на такой «курьезъ», создалъ удручающую картину, которая возбуждаетъ рядъ неотложныхъ вопросовъ, тревожитъ и мучитъ совѣсть читателя.

Сумасшедшій больной десять лѣтъ живетъ въ избѣ, прикованный къ стѣнѣ, съ двумя прикованными къ нему женщинами—женой и сестрой. Эта совмѣстная жизнь, полная невыразимыхъ физическихъ и нравственныхъ мученій для всѣхъ троихъ, не поражаетъ окружающихъ, и ихъ равнодушіе кладетъ новое яркое пятно на общемъ безотрадномъ фонѣ деревни, ея словно забытыхъ всѣми «смиренныхъ» полей. Свѣжій человѣкъ, случайно натыкающійся на прикованнаго сумасшедшаго, растеривается и недоумѣваетъ, къ кому обратиться, что̀ предпринять? Общее спокойствіе, результатъ безнадежности и безвыходности, охватываютъ его. «Кого онъ позоветъ и кому сообщитъ свою новость?.. Отъ всего вѣяло смиреніемъ и покорностью,—исконнымъ деревенскимъ смиреніемъ, которое съ такою болью проникаетъ въ душу, изливаясь отъ этого скромного родного пейзажа... И ему казалось, что весь порядокъ, и блѣдныя ветлы, и всѣ эти избушки какъ будто сжимаются и говорятъ: «что дѣлать... ничего не подѣлаешь...»

Выслушавъ исторію сумасшедшаго, который побывалъ и въ больницѣ, но откуда его взяли родственники, находя, что дома ему все же лучше, свѣжій человѣкъ, газетный работникъ Бухвостовъ, представляетъ себѣ такую же исторію въ городѣ. «Разумѣется, если бы что-нибудь подобное онъ замѣтилъ въ самомъ городѣ... Ну, тогда онъ зналъ бы, къ кому ему обратиться и что ему дѣлать... Тотчасъ же онъ растормошилъ бы, поднялъ бы на ноги властей, былъ бы составленъ протоколъ, онъ далъ бы телеграмму въ столичныя газеты, телеграмма была бы подхвачена всей прессой: «человѣкъ на цѣпи!»... Словомъ, люди были бы взволнованы и общими усиліями устранили бы зло. «Но здѣсь, въ деревнѣ, среди этихъ смиренныхъ нивъ... Бухвостовъ чувствовалъ, что здѣсь все это какъ-то по иному. И прежде всего—10 лѣтъ!..» Эти 10 лѣтъ убиваютъ въ немъ всю энергію, всякое желаніе вступиться въ это дѣло, которое всѣмъ окружающимъ, и ближнему, и дальнему начальству хорошо извѣстно—и все же оно существуетъ, и будетъ существовать. «И вдругъ онъ вспомнилъ

вздохъ послѣдняго изъ уходившихъ раскатовцевъ:—Охъ-хо-хо! грѣхи тяжкіе...—Грѣхъ? чей же именно грѣхъ? И что такое грѣхъ? Сознаніе, что происходитъ что-то, не согласное съ высшими законами жизни... Очевидно, оно, хотя и неясно, присутствуетъ у этой, смиренной «деревни». Только она спокойнѣе, потому что на ней же лежатъ и тяжелыя послѣдствія всевозможныхъ «грѣховъ»... А онъ, городской человѣкъ, весь день старается, кромѣ послѣдствій, свалить на нее еще и всю тяжесть вины»...

Выдержанное превосходно во всемъ разсказѣ настроеніе смиренной приниженности и забитости деревенской жизни охватываетъ читателя съ подавляющей силой, заставляя и его испытывать это чувство горькой безпомощности и сознаніе «грѣха», устранить который онъ не можетъ.

Мы не будемъ останавливаться на другихъ произведеніяхъ текущей беллетристики, каковы, напр., интересный романъ г. Боборыкина «Куда идти» въ «Вѣстникѣ Европы», и «Воскресшіе боги» г. Мережковскаго въ «Началѣ». О нихъ придется говорить, когда они закончатся. Относительно романа г. Мережковскаго можно замѣтить, что читается онъ съ увлеченіемъ, не смотря на излишнее обиліе подробностей, дѣлающихъ слогъ тяжеловѣснымъ. Г. Мережковскій усиленно подражаетъ манерѣ Флобера въ «Саламбо», но у него нѣтъ яркости красокъ великаго француза и его умѣнья одной-двумя характерными подробностями быта освѣтить всю картину. Время и мѣсто дѣйствія, выбранныя г. Мережковскимъ, особенно ярки,—вѣдь это эпоха Возрожденія въ Италіи. А между тѣмъ, на всемъ романѣ лежитъ оттѣнокъ какой-то тусклости, если можно такъ выразиться,—запыленности, которую авторъ, слишкомъ усердно роясь въ пыли архивовъ, внесъ и въ самую жизнь, имъ описываемую.

А. Б.

Отраженіе семейнаго быта и нравовъ въ народной поэзіи Великоруссовъ.

(ЗАМѢТКА).

«Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п.»—Матеріалы, собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейномъ. Т. I вып. первый. Изд. Имп. Акад. Наукъ. Спб. 1898.

Недавно издана академіей любопытнѣйшая книга, какъ по отношенію къ личности ея составителя, такъ и по важности содержанія, тѣмъ болѣе цѣннаго, что пѣсенное творчество народа воспроизводится въ ней совершенно объективно, въ непосредственныхъ записяхъ изъ устъ самого народа.

Сперва два слова о собирателѣ.

Въ высшей степени интересна судьба этого неутомимаго и ревностнаго труженика въ дѣлѣ изученія нашей народности. Павелъ Васильевичъ Шейнъ родился въ 1826 г. въ Могилевѣ, въ зажиточной еврейской семьѣ. Тяжкія болѣзни, обрушившіяся на хилый дѣтскій организмъ, превратили мальчика въ калѣку и лишили его возможности продолжать начавшіяся было правильныя учебныя занятія. Тѣмъ временемъ матеріальное благосостояніе отца Шейна пошатнулось, вслѣдствіе вынужденной необходимости прекратить служившія источникомъ пропитанія дѣла съ Москвой, въ виду изданнаго тогда закона, воспрещавшаго *небогатымъ* евреямъ пребываніе въ столицѣ. Воспользовавшись лѣченьемъ больного сына, какъ предлогомъ для житья въ Москвѣ, отецъ помѣстилъ сына въ одну изъ больницъ, гдѣ онъ и пробылъ три года, и въ концѣ

концовъ, мальчикъ, не могшій двигаться, получилъ возможность ходить на костыляхъ.

Пребываніе въ московской больницѣ имѣло огромное значеніе для умственнаго развитія юнаго Шейна. Знакомство и разговоры со студентами, чтеніе русскихъ, дотолѣ неизвѣстныхъ мальчику книгъ сдѣлали то, что молодой человѣкъ проникся глубочайшимъ интересомъ къ тѣмъ умственнымъ горизонтамъ, которые начали открываться передъ нимъ въ чтеніи книгъ и бесѣдахъ съ людьми, стоявшими по образованію несравненно выше всего, что досихъ поръ видѣлъ онъ въ замкнутой еврейской средѣ родного города. Его страшила перспектива вернуться опять въ провинціальную среду, а между тѣмъ остаться въ столицѣ по выпискѣ изъ больницы Шейнъ, какъ еврей, не имѣлъ права. Тогда онъ рѣшился перейти въ лютеранство и поступилъ для полученія образованія въ сиротское отдѣленіе одной московской лютеранской школы. Связи съ родной семьей должны были съ этихъ поръ порваться. Счастливый случай далъ Шейну въ руководители извѣстнаго поэта и переводчика Ѳ. Б. Миллера, преподававшаго въ школѣ русскую литературу. Онъ ввелъ своего ученика въ литературные круги московскаго общества, познакомивъ его съ Ѳ. Глинкой, Аксаковыми, Раичемъ, Шевыревымъ и другими. Горячо раздѣляемый Шейномъ пробудившійся тогда въ обществѣ интересъ къ изученію русской народности сблизилъ его по симпатіямъ съ кружкомъ славянофиловъ.

Съ 1850 г. начинается періодъ странствованій Шейна по Россіи въ качествѣ домашняго учителя въ помѣщичьихъ семьяхъ. Здѣсь то и рѣшился онъ безповоротно посвятить себя собиранію памятниковъ народной словесности и началъ записывать пѣсни по деревнямъ. Въ 1859 г. О. М. Бодянскій напечаталъ первое сдѣланное П. В. Шейномъ собраніе пѣсенъ въ «Чтеніяхъ въ Имп. Общ. исторіи и древностей россійскихъ».

Чуткость и отзывчивость Шейна къ вопросамъ народнаго образованія сказалась, между прочимъ, въ томъ, что въ періодъ открытія воскресныхъ школъ въ Москвѣ Шейнъ явился однимъ изъ дѣятельныхъ преподавателей въ нихъ; нѣкоторое время онъ преподавалъ въ Яснополянской школѣ, въ имѣніи гр. Л. Н. Толстого, и записывалъ за дѣтьми ихъ пѣсни. Прослуживъ уѣзднымъ учителемъ, а затѣмъ штатнымъ смотрителемъ училищъ въ нѣсколькихъ городахъ, г. Шейнъ изъ великорусскихъ губерній переѣхалъ въ бѣлорусскія. Будучи учителемъ витебской гимназіи, П. В. издалъ въ 1870 г. первую часть составленнаго имъ сборника великорусскихъ пѣсенъ. Со второю частью этого сборника изслѣдователя начинаютъ постигать разныя неудачи: сперва какимъ-то образомъ исчезаетъ при пересылкѣ въ Москву рукопись съ 200 набѣло переписанныхъ листовъ, затѣмъ такой же свертокъ украли изъ вагона желѣзной дороги. Несмотря на эти неудачи, рвеніе собирателя однако не слабѣло. Въ продолженіе учебнаго года все свободное время посвящалъ онъ собиранію пѣсенныхъ памятниковъ бѣлорусскаго народнаго творчества, а на каникулахъ предпринималъ поѣздки по великорусскимъ губерніямъ съ цѣлью пополненія своего ранѣе составленнаго сборника. Увлеченный своимъ дѣломъ, П. В. всюду старался передать и другимъ это увлеченіе народной поэзіей, стараясь вызвать интересъ къ ней въ знакомыхъ помѣщичьихъ семьяхъ, въ учителяхъ и ученикахъ разныхъ школъ. Всѣхъ заинтересовавшихся этимъ дѣломъ П. В. самъ училъ пріемамъ записыванія, напечаталъ для руководства неопытныхъ собирателей программу и т. д. Въ 1874 г. появился составленный г. Шейномъ сборникъ бѣлорусскихъ пѣсенъ, удостоенный золотой медали отъ Этнографическаго Отдѣленія Имп. Русск. Геогр. Общества и напечатанный въ «Запискахъ» этого общества. По выходѣ въ свѣтъ, капитальный трудъ этотъ былъ увѣнчанъ уваровской преміей и со стороны академіи наукъ.

Между тѣмъ, составитель сборника, покинувъ Витебскъ, кочуетъ по Россіи,

въ качествѣ учителя гимназіи, въ разныхъ городахъ. Въ 1877 г. на каникулахъ г. Шейнъ отъ академіи наукъ получаетъ командировку въ Сѣверо-западный край для собиранія матеріаловъ по изученію бѣлорусскаго нарѣчія и памятниковъ народнаго творчества. Относясь къ своему дѣлу съ крайней добросовѣстностью, П. В. не находитъ возможнымъ удовлетвориться результатами одной поѣздки,—онъ предпринимаетъ рядъ другихъ поѣздокъ въ тотъ же край уже на свои средства, а когда разстроенное здоровье вынудило его оставить педагогическую дѣятельность, неутомимый труженикъ науки умудряется какъ-то на крохи своей ничтожнѣйшей учительской пенсіи предпринимать новыя научныя экспедиціи. Онъ разъѣзжаетъ по захолустнымъ деревнямъ, платитъ пѣвцамъ и пѣвицамъ за пѣсни, угощаетъ крестьянъ въ бѣлорусскихъ корчмахъ, ведетъ обширную переписку со своими сотрудниками. Если прибавить къ этому, что такую изумительную энергію, при отсутствіи достаточныхъ матеріальныхъ средствъ, обнаруживаетъ больной старикъ, то остается только подивиться силѣ увлеченія своимъ дѣломъ, одухотворяющей этого самоотверженнаго труженика, продолжающаго и до сихъ поръ неутомимо работать на пользу русской этнографіи.

Новѣйшій сборникъ г. Шейна, являющійся, до нѣкоторой степени, объединеніемъ всѣхъ предшествующихъ работъ собирателя по части изученія поэзіи великоруссовъ, представляетъ по тщательности подбора, по кропотливости работы, какъ справедливо выражается авторъ въ предисловіи,—«рискованное, трудное и хлопоборное предпріятіе на пользу науки». Рѣзкое отличіе сборника г. Шейна отъ другихъ сборниковъ народныхъ пѣсенъ въ томъ, что это сборникъ не *областной*, не собраніе пѣсенъ какого-нибудь одного уголка Россіи, а сборникъ общій, представляющій главныя характерныя черты народно-поэтическаго міросозерцанія великорусскаго племени и дающій вполнѣ достаточный матеріалъ для общихъ выводовъ. Исходя изъ положенія, что «пѣсня до сихъ поръ остается вѣрной спутницей многотрудной жизни русскаго человѣка отъ колыбели до могилы», г. Шейнъ, предлагая публикѣ свой трудъ, имѣлъ въ виду дать матеріалъ для ознакомленія съ характеромъ великорусскаго племени, его нравами и духовной жизнью *). Въ зависимости отъ такой постановки задачи находится и распредѣленіе собраннаго г. Шейномъ матеріала «въ порядкѣ біографическомъ или бытовомъ», т. е. «по всѣмъ почти замѣчательнымъ мгновеніямъ семейной, бытовой и исторической жизни русскаго народа». Нечего поэтому и говорить о желательности распространенія новаго сборника въ нашей читающей публикѣ, особенно же въ средѣ учителей родного языка и литературы, а также и всѣхъ лицъ, интересующихся жизнью и поэтическимъ творчествомъ народа **).

Переходя къ содержанію сборника, мы должны прежде всего отмѣтить пѣсни, наиболѣе поэтичныя по своему характеру и основной идеѣ. Такова, напр., облетѣвшая всю Россію съ хоромъ Славянскаго и записанная еще въ 1859 г. г. Шейномъ въ Твери пѣсня—«Спится мнѣ, младешенькой, дремлется»—противополагающая суровое обращеніе свекра и свекрови съ молодой невѣсткой и ласковое отношеніе къ ней любящаго мужа (№ 833). Очень поэтично описаніе молитвы дѣвушки за любимаго человѣка (№ 689), тоски при разставаньи съ милымъ (№№ 754—758), воспоминанія несчастной въ замужествѣ женщины о прежней беззаботной жизни въ родительскомъ домѣ (№ 830), грустная пѣсня

---

*) Подобная работа, на основаніи изданнаго въ 1870 г. сборника г. Шейна, была произведена покойнымъ Н. И. Костомаровымъ въ его статьѣ «Великорусская народная поэзія»—«Вѣстникъ Европы» 1872. № 6.

**) Для интересующихся можемъ указать на составленный А. Е. Грузинскимъ по матеріаламъ П. В. Шейна «Сборникъ народныхъ дѣтскихъ пѣсенъ, игръ и загадокъ» М. 1898 г.

о горѣ, преслѣдующемъ дѣвушку до гробовой доски (№ 797), разговоръ дѣвушки съ рѣкой, утопившей ея милаго (№ 736—738). Пѣсни эти проникнуты теплымъ, задушевнымъ чувствомъ, полны тихой грусти и участливаго человѣческаго отношенія къ людямъ. Но слѣдуетъ сказать, что это все—отдѣльные, особнякомъ стоящіе мотивы; общая же картина, получающаяся отъ всей массы пѣсенъ (всего въ сборникѣ 1.283 №№), —далеко не такова.

Общая картина семейнаго быта и нравовъ, слагающаяся изъ отдѣльныхъ чертъ, представляемыхъ различными пѣснями сборника г. Шейна, —весьма печальна.

Уже въ числѣ пѣсенокъ, которыми «дѣти вышедшія изъ младенческаго возраста, начинаютъ сами себя тѣшить и забавлять», попадаются вещи ярко циничнаго характера (№ 184). Весьма любопытно для характеристики нравовъ также то обстоятельство, что 17 до невозможности скабрезныхъ плясовыхъ припѣвовъ записаны однимъ изъ сотрудниковъ собирателя отъ 12-ти-лѣтней крестьянской дѣвочки.

Взаимныя отношенія молодыхъ людей въ этомъ быту и взгляды на любовь, рисующіеся въ пѣсняхъ, тоже не отличаются особой утонченностью. Любопытенъ, напр., обычай, что на гулянкахъ молодежи пѣсни, заканчивающія хороводъ, сопровождаются обмѣниваньемъ поцѣлуевъ между участниками и участницами хороводной игры. Объ этомъ и заявляютъ всѣ подобныя пѣсни словами: «цѣловать девять разъ, противъ носу, противъ глазъ, девяносто одинъ разъ», или: «какъ ныньче у насъ упубликованный указъ — цѣловаться девять разъ» (№№ 496, 497 сл.) и т. п. «Вѣнчаетъ же всю хороводную затѣю», добавляетъ г. собиратель, «скорая, живая плясовая пѣсня, часто сопровождаемая вакхическими возгласами и животрепещущими движеніями» (стр. 54).

Взаимныя отношенія любящихъ другъ друга дѣвушки и парня, какъ они рисуются въ пѣсняхъ,—крайне грубы и зачастую весьма циничны. Есть пѣсни, отличающіяся непередаваемой грубостью въ описаніи любовныхъ похожденій (№ 649). Пѣсня, помѣщенная подъ № 809, заключаетъ хвастливое и нахальное признаніе дѣвушки о рожденіи ею дѣтей внѣ замужества. Нѣсколько пѣсенъ (№ 806, 807) содержатъ просьбу дѣвушки къ матери скрыть рожденіе ребенка. Пѣсня № 808 по своему сюжету напоминаетъ эпизодъ изъ «Власти тьмы»—умерщвленіе новорожденнаго и заботы скрыть слѣды преступленія. Вѣроятно, подобнымъ бытовымъ явленіямъ обязаны своимъ происхожденіемъ и двѣ колыбельныхъ пѣсенки, выражающія безсмысленно-жестокое пожеланіе скорѣйшей смерти ребенку (№ 31, 32):

Баю, баю, да люли!
Хоть теперь умри,
Завтра у матери
Кисель да блины,—
То поминки твои.

Сдѣлаемъ гробокъ
Изъ семидесяти досокъ,
Выкопаемъ могилку
На плѣшивой горѣ и т. д.

Самое беззастѣнчивое воспѣванье распутства и пьянства заключаетъ въ себѣ слѣдующая пѣсенка:

Меня мать при случаѣ родила,
А бабушка съ похмелья повила.
Кумъ-отъ былъ винокуровъ сынъ,
Кума-то была винокурова жена;
Христили меня во царевомъ кабакѣ,
Обмачивали меня во зеленомъ во винѣ.

Грубость взаимныхъ отношеній любящихъ сторонъ особенно ярко обрисовывается въ мелочномъ, до детальности подробномъ описаніи всевозможныхъ видовъ побой и истязаній, которымъ подвергается дѣвушка со стороны своего милаго. «Плеточку сыщу, съ тебя шкурушку спущу» (№ 372, 373)—обѣщаніе, нерѣдко приводимое и въ исполненіе. Пѣсни № 407 и 433 подробно описы-

ваютъ эти дѣянія парня, послѣдствіемъ которыхъ во второй изъ указанныхъ пѣсенъ представляется даже смерть избитой дѣвушки. Такой же случай—смерть дѣвушки отъ побоевъ парня—описываетъ пѣсня № 803. Особенно же любопытна въ этомъ отношеніи одна пѣсня (№ 772), гдѣ дѣвушка сама проситъ возлюбленнаго побить ее «шелковой плеткой».

Женщина тоже не остается въ долгу передъ мужчиной въ подобныхъ отношеніяхъ, и въ описаніяхъ женской мести измѣнившему любовнику обнаруживается ужасающая грубость и жестокость. Обычнымъ типомъ мстительныхъ угрозъ является извѣстное заявленіе:

Я изъ рукъ, изъ ногъ короватку смощу.
Изъ ребёръ яво мосты помощу,
Изъ висковъ яво фитилей насучу,
Изъ мозговъ яво я свѣчей налью,
Изъ жиру яво сала натоплю. (№ 750)

или:

Я изъ косточекъ теремъ выстрою,
Я изъ ребрышекъ полы выстелю,
Я изъ рукъ, изъ ногъ скамью сдѣлаю,
Изъ головушки яндову солью,
Изъ суставчиковъ налью стаканчиковъ,
Изъ ясныхъ очей чары винныя,
Изъ твоей крови наварю пива. (№ 751)

или—короче, но еще выразительнѣе:

А изъ жиру я твово, изъ сала
Сальныхъ свѣчекъ да налью,
А изъ жилъ твоихъ, изъ мяса
Пироговъ напечу. (№ 752).

Цѣлый рядъ пѣсенъ (№ 823—829) рисуетъ картину отравленія дѣвушкой прежняго любовника; слѣды преступленія потомъ старательно уничтожаются:

Отвозила любезнòва
Въ чисто поле далекò,
Я зарыла любезнòва
Въ сыру землю глубоко. (№ 824).

При такомъ, чисто зоологическомъ отношеніи между полами и семейная жизнь представляетъ немного гарантій счастья. Въ одной пѣснѣ (№ 691) дѣвушка выражаетъ свой взглядъ, что не слѣдуетъ торопиться съ замужествомъ, потому что трудовая жизнь замужней женщины и непривлекательна, и мѣшаетъ сохраненію любовныхъ отношеній къ прежнему милому.

Любопытный взглядъ на семейную жизнь высказываетъ устами дѣвушки рядъ другихъ пѣсенъ (№№ 578—582)—дѣвушка обсуждаетъ вопросъ, за кого лучше выйти замужъ; трудовая жизнь вызываетъ въ ней отвращеніе, она рѣшается выйти либо за «боярина»: «жизнь боярская—что твой рай, только знай себѣ гуляй»,—либо за «подьячаго» или «писаря» ради ихъ неправедныхъ доходовъ.

Вышедшая замужъ за крестьянина, молодая жена хочетъ сама создать себѣ жизнь «что̀ твой рай», бросаетъ домъ, ребенка и отправляется гулять «въ царевъ кабакъ». Является съ работы мужъ съ «лозой» и застаетъ жену «набѣленную, нарумяненую». Жена открыто объявляетъ о своемъ желаніи «сбыть врага»-мужа и купить себѣ «молодчика» (№ 618). Въ другой пѣснѣ (№ 619) жена, въ отвѣтъ на угрозы мужа побить ее за подобное зазорное поведеніе, отвѣчаетъ:

А я старому хрычу
Сама вдвое отплачу;
Спину на бокъ сворочу
И найду себѣ молодчика
Молоденькаго.

Удалое гулянье молодой жены съ добрыми молодцами и слѣдующіе за этимъ побои отъ мужа описываются въ цѣломъ рядѣ пѣсенъ (№ 453—462). Особенно любопытны между ними тѣ, которыя иллюстрируются въ хороводномъ исполненіи мимическимъ изображеніемъ наказанія провинившейся. Такъ, при пѣніи словъ, рисующихъ дѣйствія мужа—

Къ сторонѣ ее отвелъ,
По щекѣ ее оплелъ,—

парень ударяетъ дѣвушку по лицу платочкомъ, а далѣе при словахъ:

Какъ моя то ли жена
Стыдъ, безчестье приняла—
По затылку оплела,—

—въ свою очередь, и дѣвица ударяетъ парня платкомъ.

Вообще, пѣсенъ, въ которыхъ мужъ съ женой дерутся—безконечное число; самая обычная вещь—заявленія вродѣ:

Шелковая плетка
Не на мѣстѣ висѣла,
Всю ночь просвистѣла
На моемъ бѣломъ тѣлѣ (№ 438) и т. п.

Молодецъ, опоздавшій на свиданіе съ любовницей, оправдывается тѣмъ, что замѣшкался за побоями жены:

Я билъ ее, молодецъ,
Чуть живу на свѣтъ пустилъ (№№ 775—776).

Бабьи мечты о несбыточной идеальной порѣ, когда въ побояхъ перемѣнятся отношенія между мужьями и женами, представлены въ пѣснѣ (№ 624):

Какъ нынѣ то куры
    Поютъ пѣтухами,
Какъ нынѣ то жены
    Вольны надъ мужьями,
Вольны надъ мужаями,
    Сѣкутъ батожьями:
Лежи, мужъ, тутѣ,
    Дожидайся кнута.

Нѣсколько пѣсенъ (№ 620—622) повѣствуютъ о томъ, какъ легкомысленная супруга тащитъ все изъ дому мѣнять на наряды и разныя принадлежности туалета:

На румяны—корову,
На бѣлилы—кобылу,
А на нарядъ—скирдъ овса,

а потомъ лжетъ передъ мужемъ, куда все это дѣвалось. Слѣдуютъ со стороны мужа побои:

Какъ билъ мужъ жену отъ клѣти до клѣти
    Во четыре плети,
Еще билъ мужъ жену отъ гумна до гумна,—
    Будь, жена, умна, умна!

Группа пѣсенъ (№№ 466—472) разсказываетъ, какъ жена прячетъ любовника, котораго затѣмъ отыскиваетъ неожиданно вернувшійся мужъ.

Вообще, это самый частый и излюбленный мотивъ этого рода пѣсенъ—мужъ «учитъ» невѣрную жену «плеткой шелковой» (№ 625, 626), а жена отвѣчаетъ ему такимъ благопожеланіемъ:

Встань, мой мужъ, пробудися!
На тебѣ помойцевъ—умойся!
На тебѣ сухарь—подавися!
На тебѣ ложку щей—захлебнися!
На тебѣ шило—заколися! (№ 627).

Такую же трогательную картину семейнаго счастья изображаетъ и другая пѣсня (№ 634):

Какъ жена мужа продала,
Она не дорого взяла—
По старому два рубля.
Какъ мой негодяй
Никуда не годёнъ.

Или еще (№ 636):

Жена мужа продала,
Да не дорого взяла:
Копѣйку, полушку,
Да въ шею колотушку.

Далѣе идутъ уже мечты не столь невиннаго свойства: поразительной жестокостью и грубостью дышитъ пѣсня (№ 465), гдѣ жена мечтаетъ «поскорѣе мужа сжить, подъ оврагъ его стащить, со живого кожу снять, подъ себя ее постлать, чтобы мягче было спать, веселѣе утромъ встать».

Подобное же пожеланіе смерти всѣмъ, мѣшающимъ любовному счастью женщины, выражено въ другой пѣснѣ (№ 780):

Ты возстань, возстань, туча грозная!
Ты убей, убей свекра батюшку,
Во вторыхъ убей свекровь матушку,
А лиха мужа я сама убью,—
Со милымъ дружкомъ я гулять пойду.

Это еще намѣренія, касающіяся убійства. Но есть и цѣлый рядъ пѣсенъ, рисующихъ самое убійство мужа женой:

Я стара мужа потѣшила,—
На осинушку повѣсила (№ 888)

или:

Какъ жена мужа пріутѣшила:
Въ зеленôмъ саду зарѣзала.

Особенно изысканнымъ звѣрствомъ поражаетъ одна изъ этихъ пѣсенъ (№ 891):

Жена мужа погубила,
Острымъ ножичкомъ зарѣзала.
На ножичкѣ сердце вынула,
На булатномъ оно встрепенулося,—
А шельма женка усмѣхнулася,
Во холодный погребъ бросила,
Дубовой доской прихлопнула,
Чернымъ чеботомъ притопнула.

Есть даже пѣсни, подробно описывающія мельчайшія обстоятельства и всю обстановку убійства, какъ жена вмѣстѣ съ любовникомъ душитъ мужа, пѣсня подробно рисуетъ даже агонію, послѣднія судороги и хрипоту удавленнаго:

Старый захрапѣлъ,
    Будто спать захотѣлъ,
Ногами забилъ.—
    Будто шутъ задавилъ,
Руки растопырилъ—
    Плясать пошелъ,
Зубы оскалилъ,
    Смѣяться сталъ. (№ 902).

Другая группа пѣсенъ рисуетъ подобныя же безчеловѣчныя отношенія со стороны мужа: онъ молитъ смерти для своей жены (№№ 872, 873), особенно поражаетъ безсмысленной жестокостью слѣд. пѣсня (№ 874): мужъ проситъ—

Ой, ты, смерть моя прекрасна,
Умори мою жену,
Опростай мою голову!

Смерть исполняетъ его просьбу, но мужъ не можетъ дождаться спокойно послѣдняго вздоха постылой жены—

Не дождалъ я все кончанья,
Взялъ на койку положилъ.
Положилъ ее на койку,
Принакрылъ ее полотномъ.
Принакрывши полотномъ,
Взялъ привдарилъ кулакомъ,
Самъ на вулицу пошелъ,
Къ караводу подошелъ:
«Играй дѣвки, играй бабы,—
Померла моя жена».

Таковы семейныя отношенія супруговъ, какъ они рисуются въ большинствѣ пѣсенъ. Но побои примѣняются и во взаимныхъ отношеніяхъ другихъ родственниковъ. Таковъ, напримѣръ, извѣстный мотивъ—зять бьетъ гостью-тещу (№ 917—921).

Онъ ей перву воздалъ честь,—
По затылку тещу хлесь!
А другую воздалъ честь—
Тещу по брюху хлесь!
Онъ и третью воздалъ честь—
По спинѣ тещу хлесть! (№ 920).

Эти же пѣсни, какъ особый видъ молодечества, прославляютъ гомерическое обжорство зятя, съѣвшаго пирожокъ, котораго «восьмерымъ не поднять». Обжорство же, пьянство и распутство цинично воспѣваются въ пѣснѣ «Кругъ я печки хожу, кругъ муравленыя» (№ 1020)

Поразительной грубостью и цинизмомъ отличаются отношенія къ религіознымъ предметамъ и къ духовенству. Уже колыбельныя пѣсенки, которыми потѣшаютъ дѣтей, заключаютъ въ себѣ эти неподходящіе вовсе для нихъ мотивы издѣвательства надъ попами, напр.:

Попъ то съ печки
Отшибъ себѣ плечки,
Дьяконъ съ брюва (?)
Отшибъ себѣ пузо и т. д. (№ 95).

Или про то, какъ попъ

...сидитъ въ коробу;
Словно Божій рабъ въ гробу (№ 97).

Выйдя изъ младенческаго возраста, дѣти сами уже начинаютъ распѣвать:

Собаки то злыя,
Попа укусили,
Попъ то свиснулъ,
Попадья то крикнула;
Попадья то за ремень,
Чтобы попъ то не ревѣлъ. (№ 143).

Одинъ изъ любимыхъ пѣсенныхъ мотивовъ—изображеніе разгульнаго «чернеца» и такой же «чернички», которая говоритъ о себѣ:

Ужъ я пѣсню заиграю,—
Уся келья зазвянить,
У ладони пріударю,—
Съ кельи верхъ полятить.
А скакать же я пойду,—
Всѣхъ монаховъ полюблю. (№ 593).

Любопытна еще игра «игуменъ», въ которой «чернички» поютъ такую пѣсенку:

Чернички мои.
Сестрички мои!

Попляшемтя,
Поскачемтя!
Мы безъ игумена сново,
Безъ канальи его.
Ужъ игуменъ то
Меня молоду стрижеть,
Въ черну рясу кладеть (№ 1065).

Самое невозможное отношеніе къ религіознымъ обрядамъ обнаруживаетъ пѣсня, описывающая нецензурные подвиги деревенской Цирцеи въ церкви (№ 588).

Крайнимъ цинизмомъ отличается пародія погребальнаго обряда въ пѣсни о похоронахъ одного насѣкомаго паразита:

А попы были клопы,
А дьячки были сверчки.
Тараканы погребали,
Мыши голосъ подавали:
«Помяни нашу рабу,
«Сѣру .... во гробу». (№ 1002).

Насколько подобный юморъ, помимо грубости и цинизма, безсмысленъ, особенно наглядно показываетъ такая дикая пѣсня (о дѣлежѣ мяса убитаго быка):

Антипу колѣно,—
Онъ и бьетъ жену полѣномъ;
Ивану печенку,—
Хороша его дѣвченка;
Якову два зуба,—
Онъ и самъ мужикъ зуда;
Ананью языкъ,—
За перепелками бѣжить и т. д. (№ 1014).

Изъ этого краткаго обзора содержанія сборника г. Шейна ясно, насколько важное значеніе имѣетъ этотъ капитальный трудъ почтеннаго изслѣдователя для ознакомленія съ истиннымъ положеніемъ нашего народа, о которомъ такъ часто высказываются предвзятыя сужденія, до различныхъ опредѣленій его таинственной «субстанціи» включительно. Выводы, къ какимъ можетъ привести ознакомленіе съ богатымъ фактическимъ матеріаломъ, столь безпристрастно подобранномъ относительно *всѣхъ* великорусскихъ губерній въ сборникѣ г. Шейна,—далеко неутѣшительнаго свойства и еще разъ краснорѣчиво подтверждаютъ ту азбучную истину, что мѣшкать съ просвѣщеніемъ народа—не приходится.

Н. Демидовъ.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Изъ голодающихъ губерній. Князь С. И. Шаховской, посѣтившій недавно пострадавшіе отъ неурожая уѣзды Самарской и Уфимской губ., составилъ подробный отчетъ о своемъ путешествіи, извлеченія изъ котораго напечатаны въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ».

Побывавъ въ 9-ти селеніяхъ Бугульминскаго уѣзда, кн. Шаховской убѣдился, «что благодаря своевременной помощи земства, дѣятельности самарскаго частнаго кружка и содѣйствію Краснаго Креста самая острая нужда здѣсь удовлетворена. Но экономическій строй населенія пострадалъ все-таки сильно;

задолженность его увеличилась, потеря рабочаго скота достигла 60%. Для удовлетворительной обработки земли здѣсь признается необходимымъ имѣть не менѣе двухъ лошадей, но хозяевъ, располагающихъ такой рабочей силой, осталось немного.

«Упомянувъ о дѣятельности частнаго самарскаго кружка, слѣдуетъ прибавить, что ему пришлось обратиться за организаціей помощи на мѣстахъ преимущественно къ врачамъ. Въ Бугульминскомъ уѣздѣ работали особенно Н. А. Хардина и У. Е. Ѳомина, которыми были составлены подробные посемейные списки особенно пострадавшихъ селеній. Имъ значительно содѣйствовалъ А. А. Бибиковъ, а въ двухъ селеніяхъ завѣдывали столовыми барышни. Организація помощи въ столовыхъ опредѣлена особо выработанными подробными инструкціями. Въ 15-ти селеніяхъ имѣется въ виду прокормить до 2.500 дѣтей, изъ коихъ теперь получаютъ помощь 1.500. Въ окрестностяхъ г. Бугульмы, въ районѣ до 40—50 в. отъ города, работаетъ врачъ Андреевъ, а въ с. П. Кувахѣ женщина-врачъ С. П. Давыдова. Красный Крестъ также оказываетъ существенную помощь, но, къ сожалѣнію, не всегда равномѣрно, вслѣдствіе чего въ нѣкоторыхъ случаяхъ открытыя столовыя, за неполученіемъ во-время дальнѣйшихъ средствъ, принуждены были закрываться. Вообще, Красный Крестъ предполагалъ приходить на помощь только тѣмъ лицамъ, которыя не имѣютъ права на пособіе отъ правительства и земства, но инструкціи, предлагаемыя имъ участковымъ попечительствамъ и земскимъ начальникамъ, допускаютъ въ этомъ отношеніи и исключенія. Пособіе лицамъ, имѣющимъ свое хозяйство, оказывается въ формѣ ссуды съ возвратомъ въ теченіе трехъ лѣтъ; лицамъ же, находящимся въ *безвыходномъ положеніи*, пособіе оказывается безвозвратно. Ссылаясь на опытъ 1891 г., инструкція не рекомендуетъ устройства столовыхъ, «какъ не отвѣчающихъ ни міровоззрѣнію, ни складу жизни сельскаго населенія и въ общемъ вызывающихъ на свое устройство значительные расходы». Но на практикѣ пришлось значительно поступиться этими инструкціями, причемъ видъ помощи выразился именно въ столовыхъ, инструкціей не рекомендуемыхъ. Какъ на характерный фактъ можно еще указать, что въ «Самарской Газетѣ» не могли печататься свѣдѣнія о поступающихъ въ частный кружокъ пожертвованіяхъ, а равно не дозволялось устройство спектаклей въ пользу пострадавшаго населенія. Земскіе начальники относятся къ дѣятельности кружка весьма различно. Есть среди нихъ оказывающіе ему дѣятельное содѣйствіе, но есть и отъявленные его противники. Такъ, одинъ заявилъ, что лица, пользующіяся помощью изъ средствъ кружка, будутъ исключены изъ земскаго пайка. Другой земскій начальникъ запретилъ населенію ѣсть жолуди, ссылаясь на то, что такая пища вредитъ здоровью; когда же населеніе, побуждаемое голодомъ, не послѣдовало предписанію, то вышло запрещеніе мельникамъ молоть муку изъ жолудей. Въ результатѣ населеніе было вынуждено ѣсть жолуди немолотыми. Лѣсное управленіе тоже запретило-было сначала собирать жолуди въ казенныхъ лѣсахъ, а когда разрѣшило, то въ лѣсахъ оказался уже снѣгъ мѣстами до аршина въ вышину. Относительно топлива вышло также недоразумѣніе. Населенію было разрѣшено собрать сухостойникъ и валежникъ въ казенныхъ лѣсахъ, причемъ данъ былъ трехдневный срокъ. Три дня населеніе и собирало топливо, складывая его въ кучи, но когда затѣмъ пріѣхали за нимъ, то его не отпустили, такъ какъ въ срокъ трехъ дней включенъ былъ и вывозъ. Теперь заготовленное такимъ образомъ топливо можно пріобрѣтать за деньги...».

Самая сильная нужда, по словамъ кн. Шаховского, свирѣпствуетъ въ Карамальской волости, Мензелинскаго уѣзда. Въ составъ этой волости входятъ 24 деревни съ 14.300 жителей.

«Въ концѣ января здѣсь почти отсутствовала помощь, между тѣмъ, по

разсчету мѣстнаго врача Александра Ал. Степанова (въ с. Карамалѣ), однихъ наиболѣе нуждающихся здѣсь не менѣе 4.000. Положеніе населенія въ этой мѣстности ухудшилось отъ неудавшихся операцій земства. Закупленный и отправленный караваномъ хлѣбъ застрялъ гдѣ-то на Камѣ, отчего населеніе въ началѣ осени терпѣло сильную нужду. Затѣмъ нашелся благодѣтель, который предложилъ земству уступить ему хлѣбъ на Камѣ въ обмѣнъ на мѣстный хлѣбъ, который и былъ розданъ населенію, но оказался слеглымъ и неудовлетворительнымъ. На 14 т. населенія здѣсь мѣстный врачъ могъ располагать помощью около 200 р. въ мѣсяцъ; понятно, что этого было крайне недостаточно и неудовлетворенныхъ оказывалась масса. Кн. Шаховской посѣтилъ нѣкоторыя селенія волости и былъ пораженъ встрѣченною имъ степенью нищеты. Въ Михайловкѣ многіе дома оказались заколоченными, большинство безъ дворовъ, безъ хозяйственныхъ построекъ. Крыши многихъ строеній пошли на топливо. Въ домахъ большею частью остались только старые, малые и больные; остальные бродятъ по сосѣднимъ деревнямъ и ищутъ хлѣба. Въ избахъ холодно; топятъ по-черному; удушливый дымъ ѣстъ глаза».

Такъ обстоятъ дѣла въ Уфимской губ., не лучше и въ Казанской губ. Въ «Казанскій Телеграфъ» пишутъ изъ Свіяжскаго уѣзда:

«Въ Свіяжскомъ уѣздѣ есть деревня «Татарская Маматкозина». Недавно я узнала, что въ этой деревнѣ нужда, есть семьи, которыя особенно нуждаются. Не вполнѣ довѣряя слухамъ, я попросила одно оффиціальное лицо, по дорогѣ въ уѣздъ, заѣхать въ эту деревню (она въ его участкѣ) и посмотрѣть на мѣстѣ, какова эта нужда? Вчера онъ вернулся оттуда и привезъ мнѣ очень печальныя вѣсти. Представить себѣ ясно эту нужду нельзя: надо видѣть ее, чтобы вполнѣ понять; при однихъ только разсказахъ очевидца у меня голова пошла кругомъ. Въ названной деревнѣ всего 124 дома, изъ нихъ 25—нуждающихся и получающихъ пособіе отъ Краснаго Креста. Однако, пособія, выдаваемаго по 35 фун. на человѣка въ мѣсяцъ, за исключеніемъ работниковъ и дѣтей моложе двухлѣтняго возраста не хватаетъ не только на мѣсяцъ, но иногда и на половину мѣсяца. Это зависитъ отъ условій семьи. Если, напр., въ семьѣ 4 работника и 3 человѣка, получающихъ пособіе, то, конечно, на эту семью никоимъ образомъ не хватитъ 105 фунтовъ муки въ мѣсяцъ, такъ какъ, хотя работники и исключаются въ виду возможности заработка, но, благодаря массѣ рабочихъ рукъ и безработицѣ, работники эти часто сидятъ безъ работы и ѣдятъ то же пособіе. Изъ 25 пострадавшихъ отъ неурожая семействъ, 16 уже положительно сидятъ безъ хлѣба.

«Во всѣхъ домахъ онъ не нашелъ ни крошки хлѣба. Дворы всѣ давно уже раскрыты и крыши употреблены на топливо, въ нѣкоторыхъ домахъ топить уже нечѣмъ, такъ что избы по нѣсколько дней не топлены, холодъ страшный. Во всѣхъ 16 дворахъ нѣтъ ни одной скотины: правда, у одного татарина нашлась коза, которую ему подарила его сестра для того, чтобы онъ пилъ молоко (онъ чахоточный), но эта коза до того голодна, что едва жива, кормится она навозомъ, который подбираетъ на улицѣ (на дворахъ даже навоза нѣтъ) и, конечно, у нея никакихъ признаковъ молока нѣтъ.

«Въ избахъ, изъ которыхъ многія землянки, съ холоднымъ землянымъ поломъ,—невообразимая нищета. Въ одной избѣ, напр., очевидецъ увидалъ самоваръ, изъ котораго семья что то пила. Онъ даже, на этомъ основаніи, усомнился въ нуждѣ, но оказалось, что эта семья уже второй день ничего не ѣла и утоляетъ голодъ горячей водой, которую нагрѣваетъ въ самоварѣ. Продовольствіе выдается въ концѣ мѣсяца, и поэтому теперь уже нигдѣ нѣтъ крошки хлѣба, все давно съѣдено и люди перебиваются кое-какъ до новой выдачи. Въ другой семьѣ мать и хозяйка больна водянкой, не можетъ ни ходить, ни сидѣть, ни даже лежать на спинѣ; она находится въ какомъ-то полулежачемъ

положеніи, и у этой несчастной есть грудной ребенокъ, котораго она кормитъ. Въ третьей семьѣ—мать семьи больна какой то болѣзнью, отъ которой ее всю скрючило, такъ что она не можетъ ходить и сидитъ на нарахъ въ ужасномъ видѣ, дѣти маленькія, всѣ работы по дому исполняетъ мужъ. Въ четвертомъ домѣ—хозяинъ и работникъ семьи въ чахоткѣ и т. д. и т. д. Дѣти всѣхъ возрастовъ почти голыя, или завернуты въ невозможныя лохмотья. При всемъ этомъ холодъ и мракъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ домахъ уже давно нечѣмъ освѣщаться. На-дняхъ тамъ былъ уполномоченный отъ Краснаго Креста и обѣщана столовая, но въ столовой, во-первыхъ, кормятъ не всѣхъ, а нѣкоторые больные и не дойдутъ до столовой; а во-вторыхъ, нужда такъ велика, что одной столовой мало: нужно топливо, нужна одежда. Я уже не говорю о томъ, что будутъ дѣлать эти несчастные весной, какъ они обработаютъ свои поля, не имѣя на 16 домовъ ни одной лошади?»

Въ «Крымскомъ Вѣстникѣ» помѣщено интересное письмо г-жи Габай, отправившейся въ Казанскую губ. и долгое время не могшую добиться разрѣшенія помогать голодающимъ.

«Послѣ долгихъ ожиданій пришло разрѣшеніе,—пишетъ она.—Совершаемъ закупки при помощи и протекціи новыхъ знакомыхъ.

«Пріѣзжаемъ въ Савруши. Утромъ идемъ съ приставомъ смотрѣть избы подъ столовую; переднюю большую избу сдаетъ обѣднѣвшая, но нѣкогда съ достаткомъ, вдова. Хозяйка съ виду ничего себѣ, изба большая, какихъ очень мало на селѣ. Осматриваемъ клѣть, сарай, сговариваемся; себѣ беремъ напротивъ новую, только что отстроенную избенку. Мебели никакой... Живемъ такъ нѣсколько дней, осматриваемся, знакомимся и, главное, ждемъ изъ города запасовъ.

«Народъ въ избѣ толчется буквально безъ передышки: всѣ просятъ записать ихъ въ списокъ. Одно описаніе смѣняетъ другое и, дѣйствительно, чувствуешь, какъ изголодался этотъ народъ. Бѣгутъ за 8—10 верстъ, напрашиваются во всякую погоду ходить ежедневно изъ-за одной порціи. Сами ничего не рѣшаемъ. Собираемъ совѣтъ, присутствуютъ: приставъ, батюшка, еще священникъ, нѣсколько учителей и староста. Судимъ, рядимъ, разспрашиваемъ и, наконецъ, выбираемъ самыхъ бѣднѣйшихъ изъ Савруши и Краснаго Болота 130 человѣкъ: по одному, по два изъ каждой семьи, а семьи, не нашимъ чета,—большія. На остальныя деревни остается всего 20 человѣкъ (взять всего можемъ только 150 человѣкъ, а сколько ихъ ходитъ, такъ даже не пересчитать).

«Вчера былъ у меня мулла изъ Тахталы (деревня)—проситъ принять хоть 20 человѣкъ. Въ деревнѣ 1.577 человѣкъ, нужда особенная. Записала только пять человѣкъ, а и другихъ вѣдь жалко.

«Мулла будетъ поочередно назначать на ѣду пять человѣкъ; сегодня одни пять поѣдятъ, завтра другіе и т. д. Отъ насъ ихъ деревня за 8 в., и всѣхъ ихъ 1.577 человѣкъ; судите сами!

«Многіе не ходятъ въ столовую за неимѣніемъ одежды (одѣваться можно только по очереди), а между тѣмъ нечего и думать отложить хоть копѣйку изъ этихъ денегъ на одежду. Тряпья—цѣлый вагонъ не будетъ много, малой скоростью обойдется сравнительно недорого»...

Санитарное состояніе фабрикъ въ Московской губерніи. На основаніи данныхъ, сообщаемыхъ въ отчетахъ окружныхъ санитарныхъ врачей Московской губ., журналъ «Знамя» приводитъ рядъ фактовъ, характеризующихъ печальное состояніе фабрично-промышленныхъ заведеній губерніи. Приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ этой статьи, пользуясь изложеніемъ ея въ «Пет. Вѣд.»

«Московскій уѣздъ—самый промышленный въ губерніи. Въ 1897 г. въ

немъ было произведено санитарное описаніе тѣхъ фабрикъ и заводовъ, которые въ производствѣ своемъ даютъ жидкіе отбросы, въ видѣ грязныхъ промывныхъ водъ. Нужно замѣтить, что фабрики этого рода не подвергались полному санитарному осмотру съ 1880—1881 гг., который въ то время обнаружилъ на нихъ массу недостатковъ. Улучшились ли онѣ за время 1881—1897 годовъ?—Нѣтъ.

«Изслѣдованіе 20 такихъ фабрикъ, съ числомъ рабочихъ свыше 4.500 человѣкъ, въ настоящее время показало, — говоритъ въ своемъ отчетѣ санитарный врачъ Московскаго уѣзда, — что для нихъ какъ будто бы не прошло 17 лѣтъ; онѣ оказались почти въ такомъ же положеніи, какъ и 17 лѣтъ назадъ, за исключеніемъ одной только стороны — подачи медицинской помощи рабочимъ.

«Недостатки были обнаружены на всѣхъ 20 фабрикахъ. Такъ, на 16—обнаружена тѣснота, и даже полное отсутствіе спальныхъ помѣщеній для рабочихъ; на 8—тѣснота и плохая вентиляція мастерскихъ; на 9—неудовлетворительность приспособленій для очищенія грязныхъ промывныхъ водъ и на 8—неудовлетворительность устройства помѣщеній для подачи рабочимъ медицинской помощи.

«Въ отчетѣ отмѣчаются еще недостатки, допущенные при устройствѣ фабрично-заводскихъ помѣщеній ихъ владѣльцами.

«Для примѣра взятъ сахарно-рафинадный заводъ даниловскаго товарищества, съ числомъ рабочихъ свыше 4.000.

«Температура воздуха въ большей части мастерскихъ превосходитъ 30 гр. по Реомюру, и въ нѣкоторыхъ достигаетъ 50 гр.; влажность воздуха колеблется между 30 и 40 гр. Работа при такихъ условіяхъ крайне изнурительна.

«Устраненіе указанныхъ недостатковъ, которыхъ можно было бы избѣгнуть при первоначальномъ устройствѣ зданій, хотя и возможно въ настоящее время, но потребуетъ большихъ затратъ, на которыя согласятся очень и очень немногіе фабриканты. Отчетъ говоритъ, что подобный недостатокъ примѣнимъ и къ другимъ фабрично-промышленнымъ заведеніямъ Московскаго уѣзда.

«Завѣдующій вторымъ санитарнымъ округомъ (Богородскій уѣздъ) въ своемъ отчетѣ указываетъ на интересное дѣло по упорядоченію многочисленныхъ жилыхъ помѣщеній на торфяникахъ Карнѣева, начавшееся еще въ 1895 году. Осматривавшій эти помѣщенія въ 1897 году, санитарный врачъ нашелъ во всѣхъ баракахъ для рабочихъ нецѣлесообразное устройство наръ, допускавшее значительное переполненіе жилыхъ зданій, недостаточность помѣщенія для женщинъ и крайнюю ветхость бани, совершенно непригодной для 500 рабочихъ».

Любопытно, что на предложеніе земства владѣльцу фабрики Карнѣеву объ устраненіи замѣченныхъ осмотромъ неустройствъ, Карнѣевъ заявилъ, что его заведеніе относится не къ фабричному, а къ сельскохозяйственному производству и поэтому постановленія санитарнаго надзора онъ считаетъ для себя необязательными.

«Санитарный врачъ высказываетъ опасеніе, что если въ будущемъ Карнѣевъ, а съ нимъ и другіе предприниматели торфяного производства будутъ отказываться отъ выполненія санитарныхъ требованій надзора, то можно будетъ вернуться вспять, именно, къ періоду до 1893 года, когда почти всѣ жилыя зданія на торфяныхъ болотахъ носили характеръ сараеобразныхъ построекъ, а не человѣческаго жилья. «Въ то время,—говоритъ врачъ,—на громадномъ большинствѣ болотъ торфяники помѣщались въ простыхъ длинныхъ, безъ потолка, сараяхъ-баракахъ, построенныхъ изъ досокъ или изъ тонкаго лѣса, обитыхъ одною дранкою... освѣщенныхъ очень небольшими, конюшеннаго типа, окошками. Для спанья вдоль стѣнъ устраивались тесовыя нары, на которыхъ и располагались въ повалку всѣ рабочіе... Подобныя постройки,—

говоритъ далѣе врачъ, — сносныя въ теплые дни и ночи, становятся совершенно невозможными для пребыванія въ дождливую холодную погоду, когда вѣтеръ и дождь свободно проникаютъ чрезъ всевозможныя щели во внутрь барака». Существующія въ Богородскомъ уѣздѣ три волосяно-ткацкихъ заведенія, по словамъ санитарнаго врача, хотя и улучшили свою обстановку, но это мало повліяло на уменьшеніе заболѣваемости рабочихъ сибирскою язвою. Заболѣванія же происходятъ вслѣдствіе того, что употребляемый въ дѣло конскій волосъ не кипятится и не дезинфецируется. Но есть фабрично-промышленныя заведенія, которыя портятъ здоровье не только своихъ рабочихъ, но и сосѣднихъ жителей».

Завѣдующій клинскимъ санитарнымъ участкомъ врачъ г. Соколовъ относительно медицинской помощи фабричнымъ рабочимъ говоритъ, что «на многихъ мелкихъ, особенно расположенныхъ въ Калѣевской волости (фабрикахъ) она отсутствуетъ, несмотря на то, что со времени обязательнаго примѣненія постановленій московскаго по фабричнымъ дѣламъ присутствія прошло 8 мѣсяцевъ... Какъ долго просуществуетъ такое положеніе,—сказать трудно, такъ какъ, насколько извѣстно, со стороны фабричной инспекціи побудительныхъ напоминаній въ этомъ отношеніи не послѣдовало.

«Въ Серпуховскомъ уѣздѣ, при осмотрѣ санитарнымъ врачемъ кожевеннаго завода г. Бобылина, рабочіе были найдены спящими во всѣхъ отдѣленіяхъ завода, начиная съ сушильни и кончая зольной съ сырой кожевней. Затѣмъ, при осмотрѣ фабрики товарищества мануфактуры П. Рябова, произведенномъ санитарнымъ врачемъ совмѣстно съ фабричнымъ докторомъ, были найдены — съ одной стороны свальныя спальни съ двухъярусными нарами, раздѣленными на клѣтки висящими на жердяхъ рогожками, для спанья отдѣльныхъ семействъ; съ другой—каморки, въ которыхъ на объемѣ въ 2,9 куб. сант. ютилось пять человѣкъ взрослыхъ и трое дѣтей... Въ довершеніе всего, въ нѣкоторыя каморки изъ помѣщеній верхняго этажа, сквозь досчатый потолокъ протекала и падала на обѣденный столъ всякая жидкость»...

Къ вопросу о тѣлесномъ наказаніи. Г. Пругавинъ разсказываетъ въ «Юридической газетѣ» о слѣдующемъ случаѣ, происходившемъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Въ Петровскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи, по словамъ г. Пругавина, «горячимъ сторонникомъ тѣлесныхъ наказаній явился земскій начальникъ 1-го участка г. В—овъ. Питая къ розгѣ поистинѣ нѣжную привязанность, г. В—овъ видитъ въ ней одно изъ лучшихъ средствъ для воздѣйствія на грубую и распущенную, по его мнѣнію, народную среду. Подъ его вліяніемъ и давленіемъ волостные суды 1-го участка широко пользуются предоставленною имъ властью приговаривать крестьянъ къ наказанію розгами. Засѣдая въ уѣздномъ съѣздѣ, гдѣ разсматриваются жалобы, приносимыя на приговоры волостныхъ судовъ, г. В—овъ всегда настаиваетъ на утвержденіи приговоровъ о тѣлесномъ наказаніи. Онъ крайне враждебно относился къ дѣятельности своего сосѣда по участку, бывшаго земскаго начальника 2-го участка Петровскаго уѣзда Н. С. Ермолаева, человѣка весьма почтеннаго и гуманнаго, долгое время служившаго предсѣдателемъ мѣстнаго съѣзда мировыхъ судей и въ участкѣ котораго тѣлесное наказаніе совсѣмъ не примѣнялось. Но вотъ, послѣ одной очень грустной исторіи, въ которой г. В—овъ игралъ самую печальную роль, г. Ермолаевъ принужденъ былъ, къ глубокому сожалѣнію всего уѣзда, оставить должность земскаго начальника: завѣдываніе его участкомъ временно было поручено г. В—ову. Первымъ дѣйствіемъ г. В—ова было преподать всѣмъ волостнымъ судамъ 2-го участка строжайшій приказъ о томъ, чтобы отнынѣ они не только не избѣгали примѣнять тѣлесное наказаніе, а напротивъ, всячески старались возможно чаще приговаривать провинившихся крестьянъ къ наказанію розгами. Подобные при-

казы и наставленія, сопровождаемые угрозами и застращиваніями, безъ которыхъ г. В—овъ никогда не обходится въ своихъ сношеніяхъ съ должностными лицами крестьянскаго управленія, не могли, конечно, не оказать своего дѣйствія. И дѣйствительно, волостные суды 2-го участка подъ давленіемъ г. В—ова постановляютъ цѣлый рядъ приговоровъ о тѣлесномъ наказаніи крестьянъ».

Къ неудовольствію администратора, какъ разъ въ это самое время министерство внутреннихъ дѣлъ издало циркуляръ отъ 13-го декабря 1894 года, каковымъ было разъяснено, что «приговоры, коими виновные присуждены къ тѣлесному наказанію или общественнымъ работамъ, не подлежатъ приведенію въ исполненіе, ибо взысканія эти поставлены на одну степень съ тѣми наказаніями, отъ которыхъ виновные освобождаются за силою манифеста, почему было бы несправедливо лишить приговоренныхъ къ симъ наказаніямъ той же милости, которая дарована присужденнымъ за такіе же проступки, но къ другому наказанію». Такимъ образомъ, всѣ приговоры, постановленные волостными судами, о наказаніи розгами подлежали отмѣнѣ за силою Высочайшаго манифеста. согласно приведенному разъясненію министарства внутреннихъ дѣлъ».

Но г. В—овъ рѣшаетъ обойти это непріятное ему объясненіе, «такъ какъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, разъясняющій Всемилостивѣйшій манифестъ, не былъ еще полученъ имъ (онъ узналъ о немъ изъ газетъ), поэтому онъ спѣшитъ отдать грозный приказъ: всѣ вошедшіе въ силу приговоры волостныхъ судовъ о наказаніи розгами немедленно же привести въ исполненіе. Ему пытаются возражать, указывая на изданный министерствомъ циркуляръ. категорически разъясняющій вопросъ о примѣненіи манифеста, предостерегаютъ, что, настаивая на исполненіи приговоровъ, онъ является нарушителемъ воли самого Монарха, пожелавшаго даровать извѣстныя милости лицамъ, обвиненнымъ за тѣ или иные проступки, но г. В—овъ не хочетъ ничего слушать. «Циркуляръ былъ бы обязателенъ для меня, если бы я имѣлъ его въ рукахъ,—говорилъ онъ.—но пока я его не получилъ, я могу не знать о его существованіи... Не правда ли, вѣдь мало ли что пишутъ въ газетахъ?.. Но необходимо спѣшить, такъ какъ циркуляръ можетъ получиться каждую минуту и тогда уже будетъ невозможно приводить въ исполненіе приговоры о тѣлесномъ наказаніи». Г-ну В—ову особенно хочется чтобы «порка» была непремѣнно произведена въ селѣ Спасскомъ-Александровскомъ, въ мѣстѣ жительства его врага Н. С. Ермолаева, который, какъ мы уже сообщали, всегда вооружался и ратовалъ противъ тѣлесныхъ наказаній. Г. В—овъ хорошо зналъ, что въ Спасскомъ до тѣхъ поръ, благодаря г. Ермолаеву, ни разу не было примѣнено тѣлесное наказаніе, и это его ужасно возмущало. Подъ давленіемъ же г. В—ова спасско-александровскій волостной судъ сразу постановилъ одиннадцать приговоровъ о наказаніи розгами... «И вотъ теперь, благодаря манифесту и циркуляру министра всѣ эти приговоры должны остаться безъ исполненія. Нѣтъ, г. В—овъ рѣшительно не въ состояніи примириться съ подобной мыслью». «И вотъ, въ результатѣ отдается грозное приказаніе: всѣхъ приговоренныхъ перепороть немедленно».

Авторъ статьи въ «Юридической Газетѣ» прибавляетъ, что г. В—ову удалось привести свой планъ въ исполненіе...

Въ заключеніе своей статьи г. Пругавинъ дѣлаетъ совершенно вѣрное замѣчаніе о неосновательности того оптимизма, который проявлялся въ послѣднее время по вопросу объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній:

«Въ послѣднее время въ нашей періодической прессѣ весьма много писалось на тему объ естественномъ и постепенномъ «вымираніи розги». При этомъ приводились цифровыя свѣдѣнія о количествѣ лицъ, подвергавшихся тѣлесному наказанію въ разныхъ уѣздахъ и губерніяхъ Россіи за послѣдніе годы. Такъ какъ цифры эти обыкновенно доказывали, что число лицъ, наказанныхъ роз-

гами по приговорамъ волостныхъ судовъ, постепенно изъ года въ годъ уменьшается, то отсюда дѣлался выводъ о томъ, что съ теченіемъ времени мало помалу «порка» и «розги» сами собой исчезнутъ изъ числа наказаній. Подобные успокоительные выводы, по нашему мнѣнію, черезчуръ грѣшатъ излишнимъ, весьма вреднымъ оптимизмомъ. Во-первыхъ, не слишкомъ ли долго придется ждать того времени, когда всѣ волостные судьи во всѣхъ уголкахъ Россіи проникнутся убѣжденіемъ, что розги и порка никогда и никого не исправляли, а лишь унижаютъ и позорятъ человѣческое достоинство, что онѣ вносятъ въ народную жизнь деморалирующее вліяніе, ожесточаютъ людей, развращаютъ народные нравы?»...

Земскій органъ. «Сынъ Отечества» сообщаетъ о заключеніяхъ земскихъ собраній по вопросу объ изданіи обще-земскаго органа, который, какъ извѣстно, былъ поднятъ въ вольно-экономическомъ обществѣ, выработавшемъ свой проектъ изданія земскаго органа и разославшемъ его на обсужденіе земскихъ собраній. 16 губернскихъ земскихъ собраній владимірское, вологодское, воронежское, вятское, казанское, костромское, курское, олонецкое, орловское, пермское, рязанское, самарское, с.-петербургское, саратовское, харьковское и черниговское—опредѣленно и категорически высказались въ пользу изданія земскаго органа въ Москвѣ и постановили: 1) возбудить передъ правительствомъ ходатайство о разрѣшеніи изданія въ Москвѣ земскаго періодическаго органа печати на средства всѣхъ губернскихъ земствъ или тѣхъ изъ нихъ, которыя пожелаютъ принять участіе въ изданіи, подъ отвѣтственностью московской губернской земской управы и по программѣ, которая окончательно будетъ выработана московскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, и 2) просить московское губернское земское собраніе, принявъ во вниманіе заключеніе губернскихъ земскихъ собраній, разработать проектъ программы земскаго періодическаго органа печати и представить на утвержденіе правительства. На случай удовлетворенія ходатайства правительствомъ большинство изъ перечисленныхъ земствъ ассигновало на расходы по изданію каждое по 1.000 рублей.

Два собранія—смоленское и херсонское—свое сочувствіе изданію земскаго органа въ Москвѣ выразили въ нѣсколько иной формѣ. Смоленское собраніе, «признавая необходимымъ изданія земскаго органа», рѣшило «просить московское губернское собраніе, принявъ во вниманіе заключенія губернскихъ земскихъ собраній, разработать проектъ программы земскаго органа и представить на утвержденіе правительства». Херсонское собраніе, состоявшееся еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ, постановило: «выразить сочувствіе костромскому губернскому земскому собранію за иниціативу въ возбужденіи вопроса объ изданіи спеціальнаго органа печати, посвященнаго всестороннему обсужденію земскихъ вопросовъ по всей Россіи, и просить губернскую управу оказать содѣйствіе къ осуществленію этой мысли, если возникновеніе такого органа окажется возможнымъ».

Два земства—пензенское и таврическое—высказались и въ пользу московскаго сборника, и въ пользу «земскихъ ежегодниковъ» вольнаго экономическаго общества. По мнѣнію означенныхъ земствъ, земская жизнь настолько разнообразна и сложна, а матеріалъ, характеризующій дѣятельность земскихъ учрежденій, настолько обиленъ, что представляется вполнѣ возможнымъ и даже желательнымъ одновременное существованіе земскихъ органовъ какъ при московскомъ земствѣ, такъ и при вольно-экономическомъ обществѣ.

7 земствъ—бессарабское, екатеринославское, нижегородское, новгородское, полтавское, тамбовское и тверское—присоединились къ предложенію вольнаго экономическаго общества и сдѣлали соотвѣтствующія ассигновки на выписку проектируемыхъ изданій.

Ярославское собраніе опредѣленно не высказалось по вопросу о земскомъ

органѣ, а отложило обсужденіе его до экстреннаго собранія, къ которому поручило управѣ «выработать совмѣстно съ постоянной коммисоіей по этому вопросу, подробную программу».

Три земскихъ собранія—псковское, симбирское и уфимское — совсѣмъ не разсматривали вопроса о земскомъ органѣ печати. Въ калужскомъ земствѣ былъ составленъ докладъ объ органѣ и внесенъ на обсужденіе земскаго собранія, но послѣднее постановило—отклонить доклады «по неизвѣстности программы будущаго органа». Относительно тульскаго земства неизвѣстно, обсуждался ли вопросъ о земскомъ органѣ въ собраніи или нѣтъ.

Итакъ, изъ числа 33 губернскихъ земствъ вопросъ о земскомъ періодическомъ органѣ печати разсматривался въ 29 собраніяхъ, причемъ 27 высказались въ пользу изданія, одно—противъ и одно передало вопросъ въ коммиссію. Изъ 27 земствъ, отнесшихся съ полнымъ сочувствіемъ къ изданію земскаго печатнаго органа, 18 присоединились къ предложенію московской губернской земской управы, 2 земства признали желательнымъ, чтобы земскіе періодическіе органы издавались и при вольно-экономическомъ обществѣ, и при московскомъ земствѣ, 7 земствъ присоединились къ предложенію вольнаго экономическаго общества.

Духоборы заграницей. Духоборы, отправившіеся раньше въ Кипръ, теперь рѣшили также переселиться въ Канаду, такъ какъ условія жизни на Кипрѣ оказались неблагопріятными. «С.-Петербургскія Вѣдомости» приводятъ интересныя выдержки изъ письма женщины-врача, рисующаго положеніе той партіи, которая, по словамъ газеты, «прельстилась возможностью свить себѣ гнѣздо поближе къ Россіи и за это поплатилась». Авторъ письма, пріѣхавъ въ Кипръ, засталъ духоборовъ въ очень угнетенномъ состояніи. «Больны почти на половину, остальные переболѣли раньше; совсѣмъ истомленные. Изъ 1.137 чел. за три мѣсяца умерло 98. Тифа сравнительно мало: главное—поголовная лихорадка, захваченная еще раньше за послѣдніе четыре года, когда изъ шести тысячъ они потеряли до тысячи человѣкъ... Съ больными здѣсь приходится возиться безъ перерыва съ ранняго утра до вечера, но толку пока мало выходитъ; во-первыхъ, нѣтъ физической возможности отнестись ко всѣмъ достаточно внимательно; во-вторыхъ, никакъ не могу наладиться съ выпиской лѣкарствъ. Аптекаря никакъ не могутъ понять, что можетъ быть поголовная лихорадка: думаютъ, что я рѣшила отравлять хиной, а потому въ точности присылаютъ всѣ требуемыя лѣкарства, но ограничиваютъ присылку хины. Объясниться же мы не можемъ. Чувствую я себя здѣсь совсѣмъ какъ въ русской деревнѣ: даже по временамъ такъ же несносны мнѣ кажутся бабы, какъ и въ Россіи, когда набьется ихъ сразу много, и онѣ начнутъ разводить свои теоріи про «грызь» и «колюку». Первое впечатлѣніе отъ острова—это впечатлѣніе выжженной степи, массы камней и разоренныхъ поселковъ: точно забытая Богомъ страна! Попозже, впрочемъ, пошли дожди; степь зазеленѣла... Хотя преданіе и гласитъ, что когда-то Кипръ былъ очень заселенъ, много населенія погибло во время постоянной рѣзни между турками и греками, пока ихъ не замирилъ англичанинъ, однако, тотъ кусочекъ Кипра, который я теперь знаю, производитъ впечатлѣніе чего-то отжившаго. Безконечныя степи, стада тощихъ овецъ, вмѣсто пастуха—турокъ съ ружьемъ. Мое окно какъ разъ выходитъ на дорогу; постоянно проходятъ верблюды, ѣдутъ на ослахъ турки и женщины, закутанныя въ покрывала; дальше дорога идетъ если не «по скалѣ», то попросту по обрыву; внизу аулъ, сады маслинъ, по каменнымъ заборамъ лѣпятся кактусы, кое-гдѣ одиноко растутъ пальмы. Но мнѣ все это кажется точно нарочно, а на самомъ дѣлѣ на Кипрѣ все должно быть чисто по-русски.

*

Я почувствовала это уже въ первый день, когда одна изъ духоборокъ мнѣ сказала: «Ну, разгуляйтесь теперь по нашей Кипрѣ».

«Какъ-то я шла съ двумя духоборами въ другой поселокъ, засмотрѣлась съ непривычки на пальму. «Славная лѣсина—что, она на дрова годится?» Такъ вотъ и приходится все повертывать на русскій манеръ. Встрѣтили меня сразу привѣтливо—въ первый же вечеръ пришли въ мое помѣщеніе; думали, что я разскажу что-нибудь новое,—разсказывали охотно про себя. Но потомъ я видѣла только больныхъ и не успѣвала приглядываться къ нимъ ближе. Выстроили они себѣ здѣсь глиняныя хаты, сырыя и тѣсныя, такъ что сразу бросается въ глаза некультурность, особенно по сравненію съ тѣми домиками, которые куплены готовыми у англичанъ. Питаются, можно сказать, однимъ хлѣбомъ а больные совсѣмъ ничего не ѣдятъ. Ребятишекъ моложе 4—5 лѣтъ совсѣмъ, нѣтъ: всѣ перемерли! Дѣтвора очень самостоятельна: взрослые духоборы смотрятъ на дѣтей, какъ на маленькихъ людей, созданныхъ по образу Божію, и не бьютъ дѣтей. Подростки удивительно степенны, да и насмотрѣлись они горя! Въ рѣдкой семьѣ за послѣдніе годы не было нѣсколько покойниковъ: у многихъ братья или отцы «страдаютъ». Я никакъ не могу уловить какой-то черточки, чтобы составить себѣ болѣе опредѣленное мнѣніе объ этомъ народѣ. Разсуждаютъ они въ высшей степени человѣчно; въ отношеніяхъ другъ къ другу, къ квакерамъ упрекнуть ихъ ни въ чемъ пока не могу. Къ постояннымъ потерямъ они относятся удивительно спокойно: толи люди эти не обнаруживаютъ боязни нетолько передъ смертью, но и передъ испытаніями жизни? Не знаю, объясняется ли это нѣкоторымъ безразличіемъ къ смерти, которое иногда,—по крайней мѣрѣ, по виду,—замѣчаешь и у русскихъ крестьянъ, или же вѣра не даетъ человѣку умереть душой и поддерживаетъ его на духовной высотѣ. Здѣсь есть семьи, у которыхъ сыновья теперь оставлены вынимать жребій. Недавно только они получили извѣстіе, кто свободенъ, а кто вынулъ жребій.

Кипръ въ извѣстномъ отношеніи нагналъ на духоборовъ панику,—будущихъ жаровъ всѣ страшно боятся. Говорятъ: если переселяться послѣ жаровъ, то некому будетъ—всѣ помремъ... Переселеніе въ Канаду, гдѣ англичане отвели для нихъ землю, рѣшено весной».

Другая партія духоборовъ, отправившаяся въ Америку, достигла мѣста своего назначенія самымъ благополучнымъ образомъ. Новое отечество встрѣтило ихъ очень привѣтливо. Въ прошломъ № «Міра Божія» мы перепечатали изъ «Сына Отечества» корреспонденцію о прибытіи духоборовъ въ Америку. Теперь, со словъ той же газеты, познакомимъ нашихъ читателей съ дальнѣйшей судьбой ихъ. Корреспондентъ «Сына Отечества» пишетъ:

«Первый пароходъ съ духоборами подошелъ къ Галифаксу весьма торжественно, съ пушечными выстрѣлами и пѣніемъ духовныхъ гимновъ. Тихо, безъ выстрѣловъ и безъ пѣнія, вошелъ и сталъ на галифакскій рейдъ второй пароходъ съ 2.000 кавказскихъ духоборовъ. Путешественники были слишкомъ утомлены тяжелымъ морскимъ путемъ, чтобы шумно выражать свою радость.

Живя на Кавказѣ, въ горахъ, большинство духоборовъ не только никогда не видало моря, но имъ не приходилось встрѣчать даже сколько-нибудь значительныхъ рѣкъ, и вдругъ далекое морское путешествіе. Жестокая буря на Черномъ морѣ передъ Константинополемъ ихъ сильно напугала, а трехнедѣльный путь по Средиземному морю и въ особенности по Атлантическому океану истомилъ ожиданіемъ.

Почти все время пароходъ шелъ въ теплыхъ странахъ и только у береговъ Америки повернулъ къ сѣверу. Сколько радости и восторговъ вызвало у духоборовъ появленіе земли послѣ такой долгой разлуки.

— Матушка наша,—говорили они ласковымъ голосомъ—хоть бы разъ ногою

ступить, все бы полегчало. Кажется, душа бы ожила. Хоть бы коснуться разокъ...

Дня за три, за четыре до прихода въ Галифаксъ, пароходу пришлось выдержать серьезное волненіе. Почти все время спокойный океанъ забушевалъ, и громадныя волны перекатывались черезъ палубу. Но духоборы уже обтерпѣлись и выносили тяготу морского пути съ удивительнымъ терпѣніемъ.

Когда пароходъ сталъ, наконецъ, на рейдъ Галифакса, то оказалось, что испытанія духоборовъ еще не кончились. Изъ трехъ больныхъ, умершихъ въ теченіе долгаго пути, одинъ былъ боленъ оспой, и пароходу пришлось выдержать 21 день карантина. Часть духоборовъ высадили на островъ, гдѣ выстроены теплые и свѣтлые бараки. Въ этихъ баракахъ поставлены красивыя, желѣзныя нары, въ родѣ двойныхъ кроватей, такъ что можно спать внизу и вверху. Но такъ какъ кроватей не хватаетъ, то духоборы сами дѣлаютъ себѣ деревянныя кровати. Островъ, на которомъ помѣстились духоборы, очень красивъ и поросъ елями и соснами. Духоборамъ разрѣшено рубить лѣсъ для своихъ надобностей, и вечеромъ очень красиво смотрѣть на цѣлый рядъ костровъ, на которыхъ они варятъ себѣ пищу. Днемъ женщины стираютъ бѣлье, моютъ и стригутъ ребятъ и мужей, варятъ обѣдъ. Мужчины брѣются, дѣлаютъ кровати, корыта, скалки, ложки и т. п. Мѣстные доктора совершаютъ ежедневные осмотры больныхъ и поражаются терпѣніемъ и кротостью русскихъ переселенцевъ. Часть духоборовъ осталась на пароходѣ, и этимъ было особенно тяжело переносить холода, такъ какъ пароходъ «Superior» приспособленъ исключительно для плаванья по теплымъ морямъ. Канадское правительство немедленно распорядилось выстроить новый баракъ для оставшихся на пароходѣ 800 человѣкъ, и баракъ былъ готовъ черезъ десять дней.

Всѣмъ духоборамъ была привита оспа. Американскій способъ прививки гораздо болѣзненнѣе нашего. Маленькими костяными пластинками, смоченными оспенной матеріей, скребутъ кожу на пространствѣ величиною въ двугривенный, а то и больше. Операція мучительная и для взрослыхъ, не говоря уже о дѣтяхъ. Но, послѣ всего испытаннаго, и это не казалось особенно тягостнымъ. Пожалуй, тяжелѣе было переносить холодъ и недостатокъ прѣсной воды на пароходѣ.

Жители Галифакса отнеслись къ прибывшимъ переселенцамъ въ высшей степени радушно. Все, что только можно было сдѣлать, все дѣлалось очень охотно и быстро; что же касается дамъ, то отъ нихъ было прислано для дѣтей нѣсколько тюковъ конфектъ и яблоковъ.

Объясняются доктора съ духоборами, благодаря посредничеству гр. С. Л. Толстого, сопровождавшаго духоборовъ всю дорогу; переводчикомъ также служитъ одинъ мѣстный еврей и сопровождающая духоборовъ фельдшерица, говорящая по французски. Американскіе доктора стараются запоминать побольше русскихъ словъ, и всякій разъ, навѣщая духоборовъ, съ серьезнымъ видомъ произносятъ:

— Доброе утро! Нѣтъ ли больныхъ? И на отвѣтъ: «нѣтъ, слава Богу», также серьезно отвѣчаютъ: «слава Богу».

Когда окончился срокъ карантина, духоборы покинули лежащій близъ Галифакса островокъ и на томъ же пароходѣ «Lake Superior» отправились въ портъ Сентъ-Джонъ. Въ Сентъ-Джонѣ духоборы были посажены на пять поѣздовъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ на разстояніи часа и отправились въ Виннипегъ.

Вагоны желѣзной дороги, въ которыхъ везли духоборовъ, очень чистые, удобные и даже щеголеватые; въ нихъ было тепло, свѣтло и можно было лежать. Въ каждомъ поѣздѣ имѣлась кухня, въ которой во время пути готовили обѣдъ для духоборовъ. Поили чаемъ. Къ чаю давали хлѣбъ, сыръ и молоко.

Два раза въ день каждый вагонъ посѣщали доктора, оказывая больнымъ медицинскую помощь. При каждомъ поѣздѣ находились агентъ правительственнаго переселенческаго комитета и переводчикъ.

Привезли духоборовъ, послѣ трехдневнаго пути по желѣзной дорогѣ, въ Селькиркъ—небольшое мѣстечко въ тридцати верстахъ отъ Виннипега. Встрѣтилъ нашихъ переселенцевъ представитель канадскаго правительства, завѣдующій переселенческимъ комитетомъ, г. Макріеръ.

Прежде всего духоборовъ направили въ громадное зданіе, предназначавшееся раньше для вокзала желѣзной дороги. Въ этомъ зданіи была очень большая зала, въ которой стояли столы, а вдоль стѣнъ было десять печей съ объемистыми котлами, въ которыхъ уже клокоталъ борщъ.

Когда путешественники насытились, столы и скамейки были убраны, и г. Макріеръ привѣтствовалъ духоборовъ отъ имени канадскаго правительства.

Болѣе двухъ тысячъ человѣкъ стояли тѣсной толпой, прислушиваясь къ непривычнымъ для переселенцевъ словамъ. Впереди полукругомъ стояли такъ называемые «старики», т. е. выборные, довѣренные люди, въ возрастѣ отъ 30 до 60 лѣтъ, совѣтъ которыхъ вѣдаетъ и рѣшаетъ всѣ общественные дѣла у духоборовъ. Въ центрѣ этого полукруга стояли г. Макріеръ и гр. С. Л. Толстой, переводившій по русски каждый періодъ рѣчи представителя канадскаго правительства. И вслѣдъ за каждымъ переведеннымъ періодомъ по толпѣ пробѣгалъ радостный шепотъ, а «старики» низко наклоняли свои головы, дѣлая поясные поклоны и благодарили.

Г. Макріеръ объяснилъ переселенцамъ, что имъ предоставляются на выборъ земли въ трехъ участкахъ: сѣверномъ, южномъ и западномъ. Сѣверный участокъ лѣсистый, южный носитъ степной характеръ, а западный смѣшанный. На каждую мужскую душу, начиная съ 18-лѣтняго возраста, духоборамъ отводится по 160 акровъ земли (около 70 казенныхъ десятинъ). На содержаніе и прокормленіе этой партіи канадскимъ правительствомъ ассигновано около 70 тысячъ рублей, но такъ какъ въ настоящее время годовые счеты закончены, то у правительства не хватаетъ 30 тысячъ, и эта сумма будетъ выдана только въ іюнѣ, если, впрочемъ, духоборы могутъ подождать. «Если же вы не можете подождать, — сказалъ г. Макріеръ,—то правительство сдѣлаетъ заемъ изъ другихъ суммъ. Закупка сѣмянъ, орудій и матеріаловъ для построекъ уже началась».

Когда г. Макріеръ окончилъ свою рѣчь, и послѣдняя фраза была переведена гр. С. Л. Толстымъ, тогда всѣ «старики» поблагодарили земнымъ поклономъ представителя канадскаго правительства. Затѣмъ они благодарили гр. С. Л. Толстого, кн. Хилкова и другихъ лицъ, сопровождавшихъ ихъ во время пути.

— Спасибо вамъ за вашу любовь и ласку! Поѣдете до дому,—говорили духоборы тѣмъ, которые возвращались, — такъ передайте же нашъ поклонъ и любовь женамъ и мужьямъ вашимъ, и сестрамъ вашимъ, и братьямъ, и дѣткамъ.

Возлѣ отведенныхъ для духоборовъ участковъ земли живутъ менониты, краснокожіе, переселенцы изъ Галиціи и англичане. Менониты, поселившіеся пять лѣтъ тому назадъ, сдѣлали первоначально заемъ для покупки земли, скота, земледѣльческихъ орудій и т. п. Въ настоящее время они не только выплатили весь долгъ, но обзавелись всѣмъ необходимымъ, обжились и держатъ много скота—по 10 и болѣе головъ на хозяина.

Канадцы пришли въ восторгъ отъ внѣшняго вида духоборовъ; они не ожидали увидѣть такой рослый, крѣпкій и красивый народъ.

Духоборы просили своихъ провожатыхъ прислать имъ изъ Россіи, чтобы не забыть родной языкъ, азбукъ, учебниковъ, книгъ по географіи и по сельскому хозяйству».

За границей.

Дѣтскій рабочій вопросъ въ Англіи. Распорядительный комитетъ, стоящій во главѣ всѣхъ первоначальныхъ школъ Лондона, заключающихъ въ себѣ не менѣе полумилліона учениковъ, занялся разслѣдованіемъ, какое количество работы совершаютъ внѣ класса тѣ изъ учениковъ, которые не имѣютъ никакихъ средствъ къ существованію и должны не только заработать себѣ кусокъ хлѣба, но и помогать родителямъ. Разслѣдованіе произведено было въ 112 школахъ и обнаружило въ большинствѣ случаевъ очень печальную картину существованія дѣтей. Изъ 2.157 дѣтей, посѣщающихъ школы, 1.143 работаютъ внѣ-школы отъ 19 до 29 часовъ въ недѣлю, чтобъ достать себѣ кусокъ хлѣба; 729 работаютъ отъ 30 до 39 часовъ, а 285—отъ 40 часовъ и болѣе. Триста девять дѣтей употреблялись для домашнихъ работъ и зарабатывали въ часъ до 5 сантимовъ; 719 разносили молоко и газеты и такимъ образомъ зарабатывали до 10 сантимовъ въ часъ; 1.056 дѣтей работали въ промышленныхъ заведеніяхъ или магазинахъ (средній заработокъ: 10 сантимовъ въ часъ), а 69 ухитрялись исполнять болѣе сложную работу, которая доставляла имъ заработокъ въ 12½ сантимовъ въ часъ.

Въ одной изъ школъ, находящихся въ бѣднѣйшихъ кварталахъ Лондона, среди учениковъ оказались: два маленькихъ разносчика молока, занятыхъ въ недѣлю до 57 часовъ; два продавца газетъ, также работающихъ до 63 часовъ въ недѣлю; два посыльныхъ (изъ нихъ одинъ занятъ былъ 59 часовъ, а другой 68½ въ недѣлю). Въ другой школѣ найденъ былъ маленькій мальчикъ, который въ свободное отъ школьныхъ занятій время работалъ у гробовщика и помогалъ ему снимать мѣрку съ умершихъ. Эта работа, отнимавшая у него 23½ часа въ недѣлю, доставляла ему заработокъ въ 1 фр. 25 сант.

Эта мрачная картина дѣтской жизни, раскрытая распорядительнымъ комитетомъ, произвела сильное впечатлѣніе въ лондонскомъ обществѣ и печать заговорила о необходимости положить законные предѣлы дѣтскому труду. Распорядительный комитетъ, съ своей стороны, предполагаетъ обратиться въ совѣтъ лондонскаго графства съ петиціей о разслѣдованіи и ограниченіи путемъ законодательныхъ мѣропріятій предѣловъ эксплуатаціи дѣтскаго труда. Однако, Англія, вообще опередившая другія европейскія государства во многихъ пунктахъ, относящихся къ рабочему вопросу, въ томъ, что касается дѣтскаго труда, далеко отстала отъ другихъ цивилизованныхъ странъ. Это единственная промышленная страна, допускающая на фабрики дѣтей 11-ти лѣтъ и дозволяющая работу въ рудникахъ съ 12-ти-лѣтняго возраста. Но благодаря дѣятельности распорядительнаго комитета первоначальныхъ школъ, дѣтскій рабочій вопросъ въ Англіи снова выдвинутъ на первый планъ и, вѣроятно, въ скоромъ времени будетъ возбужденъ въ палатѣ общимъ.

Однако, никакія запрещенія и теоретическое разрѣшеніе этого жгучаго вопроса не помогутъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ вообще облегчена участь рабочихъ классовъ. Къ этой именно цѣли направлены различныя мѣропріятія послѣдняго времени и, между прочимъ, проектированныя лондонскимъ общиннымъ совѣтомъ жилища для рабочихъ, часть которыхъ уже готова. Выстроенное зданіе выглядитъ очень привѣтливо и, благодаря балкончикамъ и башенкамъ, не имѣетъ казарменной наружности. Внутри оно заключаетъ въ себѣ 120 квартиръ, отъ 2-хъ до 3-хъ комнатъ; послѣднія предназначаются для рабочихъ семействъ, имѣющихъ не менѣе четырехъ дѣтей. Стоимость найма: 6 шиллинговъ 50 п. за меньшія и 8,50 за большія квартиры въ недѣлю. Нечего и говорить, что въ домѣ соблюдены всѣ санитарныя условія и общинный совѣтъ отпускаетъ нанимателямъ газъ по очень дешевой цѣнѣ. Въ подвальномъ этажѣ зданія устроены лавки, гдѣ рабочіе могутъ получать всѣ припасы по удешевленнымъ цѣнамъ и

тамъ же устроены для отдачи въ наемъ рабочимъ различныя мастерскія. При домѣ устроена прекрасная прачечная, а также теплыя и холодныя ванны, которыя можно брать во всякое время. Не обходится дѣло, конечно, безъ клуба и принадлежащаго къ нему концертнаго зала, гдѣ устраиваются различныя увеселенія. Огромное удобство заключается еще и въ томъ, что зданіе окружено прекраснымъ садомъ и цвѣтникомъ, которымъ могутъ пользоваться всѣ наниматели квартиръ. Общинный совѣтъ, такимъ образомъ, предполагаетъ дать пріютъ 6.000 рабочимъ и намѣревается выстроить зданіе еще для 4.000. Въ среднемъ комната обходится рабочему въ 3 франка въ недѣлю; нѣкоторые изъ англійскихъ филантроповъ, въ томъ числѣ лордъ Роутонъ, уже выстроили нѣсколько такихъ домовъ для рабочихъ и опытъ этотъ принесъ настолько хорошіе результаты, что поощрилъ къ дальнѣйшей дѣятельности въ этомъ направленіи.

Коллегія Рёскина для рабочихъ. Въ концѣ февраля этого года состоялось въ Оксфордѣ открытіе коллегіи для рабочихъ, основанной подъ вліяніемъ ученія Рёскина и названной его именемъ. Эту коллегію учредили два американца, послѣдователи Рёскина, со спеціальною цѣлью подготовить рабочихъ къ роли общественныхъ дѣятелей, поэтому и программа преподаванія въ ней состоитъ лишь изъ предметовъ, имѣющихъ наиболѣе близкое отношеніе къ соціальной и политической жизни народа. Курсъ ученія продолжается четыре года, но только первый годъ обязательно слушаніе лекцій въ коллегіи; остальные же три года каждый можетъ заниматься у себя дома по книгамъ и подъ письменнымъ руководствомъ и указаніями профессоровъ коллегіи.

Въ коллегію можетъ поступать каждый, кто пожелаетъ, такъ какъ требуется только умѣнье читать и писать и нѣкоторое общее развитіе, которое нужно для того, чтобы слѣдить за лекціями и понимать ихъ. Предпочтеніе, однако, отдается рабочимъ, въ особенности тѣмъ, которые, поступивъ въ коллегію, все-таки продолжаютъ свою работу. За полное содержаніе въ коллегіи полагается 10 шиллинговъ въ недѣлю и еще 10 шиллинговъ въ мѣсяцъ берется за слушаніе лекцій. Однако, нашелся одинъ богатый филантропъ, который обязался вносить въ продолженіи двухъ лѣтъ плату за ученіе 50-ти человѣкъ, и такъ какъ въ коллегію принимаютъ пока не болѣе этого числа, то никому изъ поступившихъ не придется пока платить за ученіе. Тѣ, кто не въ состояніи платить за свое содержаніе, могутъ отработать его и потому въ коллегіи нѣтъ посторонней прислуги, а обязанности ея исполняются слушателями, которые получаютъ за это плату и такимъ образомъ не только учатся сами, но и зарабатываютъ себѣ средства къ существованію, оправдывая на дѣлѣ ученіе Рёскина о достоинствѣ всякаго честнаго и полезнаго труда. «Ruskin Hall», слѣдовательно, будетъ не только по имени, но и по духу, коллегіей Рёскина, такъ какъ во всемъ будетъ придерживаться его взглядовъ и теорій. Джонъ Рёскинъ, которому въ январѣ минулъ 81 годъ, выразилъ большое удовольствіе по поводу устройства этой коллегіи, но не могъ, по причинѣ слабости здоровья, присутствовать на ея открытіи.

Политическіе клубы въ Англіи. Въ каждомъ кварталѣ Лондона, и не только въ одномъ Лондонѣ, а также во многихъ другихъ городахъ, существуютъ особыя учрежденія, нѣчто въ родѣ отдѣльныхъ парламентовъ или политическихъ клубовъ. Члены этихъ частныхъ парламентовъ собираются въ извѣстные дни для обсужденія наиболѣе важныхъ политическихъ, экономическихъ и соціальныхъ вопросовъ. Пренія происходятъ совершенно въ такомъ же порядкѣ, какъ и въ палатѣ общинъ, даже обстановка такая же, только члены не надѣваютъ шляпъ, какъ въ вестминстерскомъ дворцѣ и президентъ или спикеръ не носитъ мантіи и парика. По окончаніи преній происходитъ голосованіе совершенно такъ, какъ

въ Вестминстерѣ. Въ мѣстной печати (каждый лондонскій кварталъ непремѣнно имѣетъ свою собственную газету) помѣщаются подробные отчеты о засѣданіяхъ въ этихъ парламентахъ; но, кромѣ того, отчеты появляются и на столбцахъ большихъ газетъ.

На-дняхъ, всѣ большія газеты напечатали отчетъ о засѣданіяхъ одного изъ этихъ парламентовъ—«Кенсингтонскаго парламента», гдѣ обсуждались наиболѣе жгучіе современные вопросы, касающіеся національной обороны и федераціи колоній. На этихъ засѣданіяхъ присутствовала избранная публика и множество дамъ въ элегантныхъ туалетахъ, очевидно, очень интересующихся политикой. Главное вниманіе возбудили пренія по вопросу о томъ, какъ побудить великія англійскія независимыя колоніи участвовать въ издержкахъ по содержанію войска и флота. Нѣкоторые изъ ораторовъ доказывали, что если колоніи не хотятъ участвовать въ военныхъ и морскихъ расходахъ, которые несутъ на своихъ плечахъ два маленькихъ острова, составляющихъ соединенное королевство, то пусть лучше онѣ совсѣмъ отдѣлятся отъ метрополіи и живутъ собственною жизнью. Вопросъ этотъ принадлежитъ къ числу наиболѣе важныхъ вопросовъ англійской колоніальной политики и въ англійской печати давно уже идетъ горячая полемика по поводу сепаратизма колоній. Приверженцевъ послѣдняго довольно много и это выразилось въ преніяхъ Кенсингтонскаго парламента. Однако, одинъ изъ главныхъ ораторовъ, сэръ Джонъ Куломбъ, въ блестящей рѣчи постарался отклонить голосованіе въ пользу сепаратизма, доказавъ вредъ, который принесла бы такая политика самой Великобританіи. Конечно, вопросъ этотъ не былъ рѣшенъ голосованіемъ Кенсингтонскаго парламента, но, во всякомъ случаѣ, нельзя назвать безполезными и безплодными такія публичныя обсужденія важнѣйшихъ политическихъ вопросовъ, и маленькіе парламенты, подобные Кенсингтонскому, не только представляютъ прекрасную школу практической политики, но даже оказываютъ нѣкоторое вліяніе и на общій ходъ политическихъ дѣлъ.

Промышленная дѣятельность женщинъ въ Англіи. Женское движеніе въ Англіи возникло гораздо раньше и выражается гораздо рѣзче, нежели во всѣхъ другихъ европейскихъ странахъ. Вышедшій недавно первый томъ «Dictionary of Employments opento women», издаваемый миссъ Филиппъ, даетъ весьма подробныя свѣдѣнія о промышленной дѣятельности женщинъ и заработной платѣ, существующей въ Англіи для женщинъ. Заработная плата въ различныхъ отрасляхъ фабричной промышленности въ Англій гораздо выше, чѣмъ въ Германіи. Еще выше заработокъ женщинъ, поступающихъ въ услуженіе, такъ какъ въ этой отрасли спросъ далеко превышаетъ предложеніе и хорошая экономка или кухарка получаютъ въ среднемъ отъ 300 до 600 рублей въ годъ (отъ 30 до 60 ф. ст.) Въ Англіи существуетъ очень много школъ домашняго хозяйства и кулинарнаго искусства. Учительницы въ этихъ школахъ получаютъ въ среднемъ отъ 1.200 до 2.240 марокъ въ годъ, инспектрисы же—отъ 3.000 до 4.000 марокъ (отъ полутора до двухъ тысячъ рублей) и путевые расходы. Учительницы элементарныхъ школъ, которыхъ въ Англіи насчитывается 33.021, получаютъ слѣдующее содержаніе: старшія—до 4.000 марокъ въ годъ и младшія—до 3.000. Въ Шотландіи условія такія же и только въ Ирландіи положеніе учительницъ много хуже и высшее жалованье тамъ=1.400 марокъ. Въ промышленныхъ и политехническихъ школахъ учительницы получаютъ такое же содержаніе, какъ и въ элементарныхъ. Въ частныхъ домахъ гувернантки получаютъ на полномъ содержаніи отъ 1.000 до 2.000 марокъ въ годъ, дѣтскія садовницы—отъ 800 до 1.600, а въ колоніяхъ—отъ 3.000 до 5.000 марокъ въ годъ.

Но въ особенности велико, въ сравненіи съ другими странами, число госу-

дарственныхъ должностей, открытыхъ для женщинъ въ Англіи. Женщины назначаются на должности правительственныхъ коммиссаровъ въ самыя разнообразныя коммиссіи, въ королевскую коммиссію по среднему образованію, по вопросу о положеніи рабочихъ, въ различныя школьныя коммиссіи и т. п. Одна англійская дама въ теченіе 12 лѣтъ занимаетъ должность инспектора бѣдныхъ. Женщины назначаются также инспекторами школъ съ содержаніемъ отъ 3.000 до 6.000 марокъ и путевыми расходами. Въ особенности плодотворна оказалась дѣятельность женщинъ въ должности фабричныхъ инспекторовъ, получающихъ жалованье также отъ 4.000 до 6.000 марокъ въ горъ.

Въ англійскихъ тюрьмахъ 540 женщинъ занимаютъ разныя должности, начиная отъ должности тюремнаго сторожа, до надзирателей и помощниковъ директора съ содержаніемъ въ 5.000 марокъ. Въ торговомъ департаментѣ женщины занимаютъ должность корреспондентовъ—«Labour Correspondent» съ содержаніемъ въ 8.000 марокъ. Средняя цифра годового содержанія, получаемаго женщинами, служащими въ почтовомъ вѣдомствѣ, равняется 7.158 марокъ. 4.350 женщищинъ служатъ телеграфистками и телефонистками; начиная съ очень скромнаго заработка въ 10 марокъ въ недѣлю, онѣ могутъ въ концѣ концовъ достигнуть вполнѣ обезпеченнаго положенія; тѣ, которыя назначаются на должность начальника станціи, получаютъ до 9.900 марокъ въ годъ. Женщины занимаютъ должности врачей въ различныхъ страховыхъ агентствахъ и въ почтовомъ вѣдомствѣ. Число женщинъ, служащихъ въ англійскомъ почтовомъ вѣдомствѣ, равняется 30.534. Во всѣхъ госпиталяхъ въ Индіи женщины назначаются на штатныя должности врачей. Въ прошломъ году три женщины назначены на должность ординаторовъ въ чумныя больницы. Въ обсерваторіи въ Наталѣ одна женщина занимаетъ должность штатнаго астронома, а другая—метеоролога, въ Гринвичской и Кэмбриджской обсерваторіяхъ также есть женщины-астрономы. Во всѣхъ англійскихъ колоніяхъ женщины назначаются на должности фабричныхъ и школьныхъ инспекторовъ.

Такое обширное разнообразное примѣненіе женскаго труда въ Англіи, конечно, оказало большое вліяніе на развитіе женской промышленной дѣятельности и область ея все больше расширается. Въ Англіи есть уже много женщинъ архитекторовъ, врачей, адвокатовъ; въ Лондонѣ открытъ женскій госпиталь «New Hospital for Women», персоналъ котораго исключительно состоитъ изъ женщинъ; женщины журналистки и писательницы составляютъ уже самое обыкновенное явленіе въ Англіи и зарабатываютъ перомъ большія деньги. Очень много женщинъ служатъ въ аптекахъ. Не такъ давно женщины появились на биржѣ, въ качествѣ маклеровъ. Одна изъ нихъ, леди Кукъ, открыла биржевую контору. Нѣсколько женщинъ служатъ въ англійскомъ банкѣ и въ другихъ, а трое имѣютъ свои собственныя банкирскія конторы, которыми сами управляютъ. Какъ можно видѣть изъ этого краткаго отчета, женскій трудъ стоитъ на хорошемъ счету въ Англіи и средній заработокъ женщины довольно высокъ, даже госпитальныя сидѣлки получаютъ до 1.600 марокъ въ годъ, и до сихъ поръ англичанамъ не приходится пожалѣть объ этомъ уравненіи женскаго труда, который во всѣхъ другихъ странахъ всегда оцѣнивается ниже мужского.

Профессоръ Адольфъ Вагнеръ о женскомъ вопросѣ и отношеніе германскихъ студентовъ къ этому вопросу. Въ берлинскихъ студенческихъ кружкахъ сильное впечатлѣніе произвела рѣчь профессора Адольфа Вагнера, произнесенная имъ въ ферейнѣ учащихся женщинъ (Studirende Frauen). Профессоръ Вагнеръ говорилъ о женскомъ вопросѣ и о томъ, что на рубежѣ XX вѣка женское движеніе приняло такіе размѣры, что игнорировать его уже болѣе не представляется возможнымъ. Можно думать какъ угодно объ этомъ

движеніи, но уже теперь необходимо опредѣлить свое положеніе по отношенію къ женскому вопросу, а это не легко для пожилыхъ людей, проживших всю свою жизнь съ извѣстными убѣжденіями. Однако, въ высшей степени важно отнестись объективно къ этому вопросу и воздержаться отъ какихъ бы то ни было предвзятыхъ мнѣній.

Развивая далѣе свой взглядъ на женскій вопросъ, профессоръ сказалъ, что хотя не все можно оправдывать въ женскомъ движеніи, но тѣмъ не менѣе нельзя же все отвергать и нельзя отрицать, что въ женскомъ движеніи заложены условія развитія человѣчества. Женщины возстали противъ традиціоннаго положенія, которое создала имъ исторія, и объявили о своемъ намѣреніи принимать активное участіе въ общемъ культурномъ развитіи и въ общей культурной работѣ. Если же мужчины возражаютъ противъ этого, выставляя на видъ естественныя различія, обусловливающія, въ силу необходимости, подчиненное положеніе женщины, то вѣдь на это можно сказать, что все въ природѣ и жизни подвергается постояннымъ измѣненіямъ и тотъ же принципъ высшей эволюціи, который дѣйствуетъ въ природѣ, можетъ быть примѣненъ и къ женщинѣ. Во всякомъ случаѣ, по мнѣнію профессора, настойчивость, энергія и сознательность, съ которою женщины стремятся къ своей цѣли, заслуживаютъ не только вниманія, но и полнаго сочувствія, хотя, быть можетъ, и нельзя согласиться со многими сторонами женскаго движенія.

Статистическія данныя могутъ, по словамъ профессора Вагнера, служить лучшимъ доказательствомъ необходимости расширить кругъ дѣятельности женщинъ. Извѣстно, что смертность между мальчиками больше, нежели между дѣвочками, въ особенности въ юные годы, и поэтому число женщинъ превышаетъ иногда на 50 проц. число мужчинъ въ какомъ-нибудь государствѣ. Шансы на замужство, такимъ образомъ, становятся очень не велики и жизнь женщинъ, лишенныхъ средствъ къ существованію, бываетъ очень трудна. «И при этомъ,—прибавилъ профессоръ,—въ высшей степени безнравственно и недостойно родителей, если они ставятъ замужество единственною цѣлью воспитанія своей дочери и ни къ чему иному ее не готовятъ!»

Такія слова въ устахъ нѣмецкаго профессора, конечно, представляютъ характерное знаменіе времени, указывающее на то, что въ нѣмецкомъ обществѣ начинаютъ сознавать необходимость компромисса и безплодность дальнѣйшихъ усилій противодѣйствовать женскому движенію. Профессоръ Вагнеръ въ особенности нападаетъ на систему воспитанія дѣвушекъ въ высшемъ обществѣ, гдѣ обращается главное вниманіе на «пустяки». Онъ считаетъ безусловно необходимымъ произвести реформы въ женскомъ воспитаніи и сдѣлать его болѣе соотвѣтствующимъ требованіямъ современной жизни. Что же касается вопроса, можетъ ли женщина въ физическомъ, психическомъ и умственномъ отношеніи удовлетворить всѣмъ требованіямъ общественной и профессіональной дѣятельности, то профессоръ Вагнеръ считаетъ во всякомъ случаѣ преждевременнымъ рѣшать этотъ вопросъ въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ. Онъ лично не думаетъ, однако, чтобы женщина могла соперничать съ мужчиной во всѣхъ отношеніяхъ, и полагаетъ, что мужчина всегда окажется побѣдителемъ, но, тѣмъ не менѣе, прежде чѣмъ проводить сравненія между способностями обѣихъ половинъ человѣческаго рода, необходимо открыть женщинамъ арену дѣятельности и тогда уже, послѣ достаточно продолжительнаго времени, рѣшать споръ о превосходствѣ одного пола надъ другимъ. Профессоръ Вагнеръ думаетъ, что женское движеніе въ Германіи лишено такого политическаго характера, какое оно имѣетъ въ Америкѣ и Англіи и самымъ рѣшительнымъ образомъ высказывается въ пользу допущенія женщинъ въ университеты, въ высшія школы. Многіе въ Германіи противятся этому, такъ какъ достиженіе ученыхъ степеней откроетъ женщинамъ доступъ къ академическимъ должно-

стямъ. Но профессоръ полагаетъ, что очень мало есть такихъ профессій, которыя должны оставаться закрытыми для женщинъ. «Почему,—восклицаетъ профессоръ,—монополія труда должна принадлежать мужчинамъ, даже совершенно неталантливымъ и неспособнымъ, а талантливыя и способныя женщины осуждаются на бездѣятельность или вынуждены заниматься домашними работами, не требующими ни особенной талантливости, ни даже ума? Германія не должна отставать отъ другихъ въ этомъ отношеніи, хотя традиціи въ Германіи держатся крѣпче и труднѣе сладить съ ними, чѣмъ въ другихъ странахъ».

Въ заключеніе профессоръ Вагнеръ посовѣтовалъ германскимъ женщинамъ быть умѣреннѣе въ своихъ требованіяхъ, не стремиться разрушить сразу всѣ преграды, и нѣтъ сомнѣнія, что германское правительство и всѣ тѣ, кто такъ яростно теперь противятся женскому движенію, не сочтутъ возможнымъ оставить разумныя и умѣренныя требованія женщинъ безъ всякаго удовлетворенія.

Не смотря на то, что большинство германскихъ профессоровъ начинаетъ мало-по-малу отрѣщаться отъ своихъ прежнихъ предвзятыхъ взглядовъ на женскій вопросъ и общество понемногу привыкаетъ смотрѣть на женщину нѣсколько иными глазами, чѣмъ прежде, все-таки не мало находится людей, не только среди ученыхъ и пожилыхъ людей, которымъ трудно освоиться съ новымъ положеніемъ вещей, но и среди нѣмецкой учащейся молодежи, протестующей противъ допущенія женщинъ на университетскія скамьи и въ клиники, на равныхъ правахъ со студентами. Недавно студенты университета въ Галле внесли въ медицинскій факультетъ протестъ противъ допущенія женщинъ къ слушанію клиническихъ лекцій. Курьезнѣе всего, что эти господа протестуютъ во имя нравственности и приличія и къ нимъ теперь присоединяются берлинскіе студенты. Ассоціація берлинскихъ студентовъ обратилась съ воззваніемъ къ своимъ членамъ, и, опираясь на протестъ профессоровъ Галле, приглашаетъ студентовъ начать агитацію противъ допущенія женщинъ на медицинскій факультетъ. Но профессора медицинскаго факультета въ Галле поспѣшили отречься и протестовать противъ солидарности со студенческою молодежью, высказывающею такія ретроградныя воззрѣнія. Въ своемъ заявленіи, подписанномъ деканомъ медицинскаго факультета, профессора университета выражаютъ сожалѣніе, что студенты относятся столь враждебно къ студенткамъ, тѣмъ болѣе, что эти послѣднія не дали къ тому ни малѣйшаго повода. Весь медицинскій факультетъ Галле рѣшительно высказывается противъ заявленія студентовъ, что занятія женщинъ въ клиникѣ противорѣчить нравственности и приличіямъ и наносить ущербъ серьезности научныхъ занятій. Деканъ прибавляетъ, что авторы воззванія будутъ подвергнуты дисциплинарному взысканію.

Общество народныхъ университетовъ въ Парижѣ. Въ Парижѣ образовалось недавно, подъ шумъ политической борьбы и разныхъ событій, чрезвычайно симпатичное общество, носящее оригинальное названіе: «Coopération des idées» (кооперація идей) и скромно начавшее свою дѣятельность въ маленькомъ помѣщеніи въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьи. Нѣсколько человѣкъ, преданныхъ идеѣ соціальнаго прогресса, энергичныхъ и научнообразованныхъ, рѣшили устроить публичныя бесѣды по разнымъ вопросамъ, доступныя для всѣхъ. Опытъ этотъ очень удался и небольшая зала всегда была переполнена самою разнообразною публикою, преимущественно рабочими и ремесленниками, молодыми и старыми, прислушивавшимися съ большимъ вниманіемъ къ словамъ лектора. Послѣ лекціи начиналась бесѣда, въ которой аудиторія принимала обыкновенно самое дѣятельное участіе, лектору задавались вопросы, возникали пренія, иногда очень оживленныя, и такимъ образомъ происходилъ обмѣнъ взглядовъ и слушатели выходили изъ залы съ запасомъ новыхъ идей и новыхъ свѣдѣній.

Но лекціи и бесѣды велись безъ всякой системы и безъ всякой программы. Организаторы ихъ имѣли въ виду только одну цѣль—возбудить любознательность, стремленіе къ развитію въ своихъ слушателяхъ и поэтому они бесѣдовали съ ними о разныхъ предметахъ, касаясь въ своихъ лекціяхъ и чисто научныхъ и общественныхъ вопросовъ. Аудиторія всегда бывала переполнена и часто случалось, что она не могла вмѣстить всѣхъ желающихъ, такъ что Дегермъ, предсѣдатель общества «коопераціи идей», въ виду такого удачнаго опыта, рѣшилъ расширить его дѣятельность и обратиться съ воззваніемъ ко всѣмъ тѣмъ, кто считаетъ народное воспитаніе, за предѣлами школы, первымъ и необходимымъ условіемъ правильнаго развитія демократіи, желающей оставаться свободной. Въ своемъ воззваніи Дегермъ подробно развиваетъ идею народныхъ университетовъ и говоритъ, что общество должно стремиться къ тому, чтобы привлечь рабочихъ къ себѣ и пріучить ихъ употреблять свой досугъ съ пользою для себя, а не во вредъ, какъ это случается слишкомъ часто; онъ желалъ бы сдѣлать народный университетъ такимъ мѣстомъ, въ которомъ народъ могъ бы найти всѣ нужные элементы для своего развитія и удовлетворенія своихъ умственныхъ и запросовъ. Дегермъ приглашаетъ женщинъ участвовать въ общей работѣ, разсчитываетъ главнымъ образомъ на то, что онѣ будутъ содѣйствовать популяризаціи идеи народныхъ университетовъ и помогутъ ея усвоенію и распространенію среди рабочихъ классовъ.

Конечно, для устройства народнаго университета нужны не только дѣятели, но и средства. Дѣятели уже есть, средства же найдутся—въ этомъ Дегермъ не сомнѣвается и поэтому онъ прямо заявляетъ въ своемъ воззваніи, что общество «коопераціи идей» уже выработало уставъ народнаго университета и намѣрено открыть первый французскій народный университетъ 1-го октября этого года, въ томъ же Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьи, гдѣ теперь общество устраиваетъ свои лекціи и бесѣды. Будетъ ли этотъ первый французскій народный университетъ устроенъ на широкую ногу, или же онъ будетъ имѣть скромные размѣры, это, конечно, всецѣло будетъ зависѣть отъ средствъ. Но какъ бы тамъ ни было, а онъ будетъ открытъ къ назначенному времени—это говоритъ Дегермъ и, принимая во вниманіе ту энергію, которую уже проявило общество «коопераціи идей» въ организаціи лекцій и популярныхъ бесѣдъ, можно смѣло предположить, что намѣченная цѣль будетъ достигнута и Парижъ съ 1-го октября этого года будетъ обладать народнымъ университетомъ. Уставъ этого университета уже печатается и желающіе получить его для ближайшаго ознакомленія могутъ адресоваться въ бюро общества «Coopération des idées», улица Поль-Берь, 17.

Бостонъ и его значеніе, какъ умственнаго центра въ Америкѣ. Знаменитый американскій поэтъ и критикъ Лоуэлль, говоря однажды о традиціяхъ культуры, игравшихъ такую огромную роль въ развитіи и успѣхахъ американскихъ штатовъ, сказалъ по отношенію къ Бостону, что основатели этого города заботились, во-первыхъ, чтобы у нихъ всегда былъ достаточный запасъ пороха, а во-вторыхъ, чтобы сохранились въ неприкосновенности традиціи солиднаго воспитанія, принесенныя ими съ собою въ новое отечество, поэтому-то, черезъ пять лѣтъ по основаніи города, въ немъ уже была открыта первая безплатная школа, доступная для всѣхъ, а еще черезъ два года учреждены были первая второразрядная школа «the Latin School» и первый университетъ, гарвардскій университетъ, устроенный посреди полей, въ трехъ километрахъ отъ города. Теперь Бостонъ можетъ похвалиться своими трудами на пользу просвѣщенія; въ городѣ существуютъ 603 школы, общественныя и частныя, два университета, консерваторія, большая профессіональная школа, безчисленное множество библіотекъ, не говоря уже о разныхъ другихъ учрежденіяхъ, имѣю-

щихъ цѣлью народное воспитаніе и устраиваемыхъ какъ частными лицами, такъ и муниципалитетомъ.

Все въ этомъ старинномъ городѣ, полномъ историческихъ воспоминаній, указываетъ на интенсивность интеллектуальной жизни, на стремленіе къ разнаго рода нововведеніямъ и постоянная забота о томъ, чтобъ всегда быть на высотѣ современности и прогресса. Почти всѣ движенія общественнаго мнѣнія, значительныя или ничтожныя, всякое нововведеніе и всякая иниціатива, исходили изъ Бостона, также какъ и разнаго рода безумныя фантазіи, нелѣпыя затѣи,— все это или народилось въ Бостонѣ, или въ концѣ концовъ тамъ получало свое развитіе. Всякаго рода общества, литературныя, артистическія и религіозныя, буквально кишмя кишатъ въ Бостонѣ. Спириты устроили тамъ церковь, обращающую на себя вниманіе, какъ архитектурный памятникъ, и тамъ очень часто организуются митинги, на которыхъ спиритическіе ораторы произносятъ рѣчи, нашептанныя имъ духомъ какого-нибудь великаго человѣка.

Женскихъ клубовъ въ Бостонѣ также безчисленное множество, равно какъ и всякихъ другихъ. Бостонскій муниципалитетъ, въ своихъ заботахъ о томъ, чтобы доставить обществу какъ можно больше средствъ къ самообразованію, постоянно устраиваетъ публичныя лекціи по разнымъ предметамъ, приглашая для этого мѣстныхъ и иностранныхъ знаменитостей. Въ Бостонъ пріѣзжали читать лекціи Бурже, Брюнетьеръ и многіе другіе. Въ этомъ мѣсяцѣ ожидаютъ туда Думика и Рода. Бостонскій муниципалитетъ гордится этимъ, также какъ и своими многочисленными безплатными учрежденіями для народа. Муниципалитетъ устроилъ прекрасныя общественныя бани для зимы и купальни для лѣтняго сезона, школы плаванія, гимнастическія заведенія, лѣтнія резиденціи для дѣтей рабочихъ и вообще неимущихъ классовъ. Все это предлагается народу безвозмездно, а за слушаніе лекцій и концертовъ взимается самая ничтожная плата. Но въ Бостонѣ есть еще одно учрежденіе, которое не имѣетъ себѣ подобнаго по красотѣ и роскоши отдѣлки, нигдѣ на свѣтѣ; это публичная библіотека, на которой красуется надпись: «Выстроена народомъ для успѣха просвѣщенія». Постройка этой библіотеки обошлась въ 12 милліоновъ франковъ, а содержаніе ея, вмѣстѣ съ десятью отдѣленіями и 17 станціями для выдачи книгъ, обходится ежегодно въ одинъ милліонъ. Великолѣпная лѣстница изъ желтаго мрамора, ведущая въ первый этажъ, украшена чудными панно покойнаго французскаго художника Пюви де-Шаванна.

Всѣ иностранные лекторы, пріѣзжающіе въ Бостонъ, отзываются съ необыкновенною похвалой о бостонской публикѣ. Французскій языкъ и Франція пользуются, повидимому, наибольшими симпатіями этой публики и въ гарвардскомъ университетѣ существуетъ французскій кружокъ, члены котораго, прекрасно владѣющіе французскимъ языкомъ, ежегодно устраиваютъ французскія представленія въ бостонскомъ театрѣ и знакомятъ публику съ произведеніями французскаго драматическаго искусства. Впрочемъ, въ гарвардскомъ университетѣ превосходно преподается французскій языкъ, въ школахъ также. Кромѣ того, въ городѣ существуютъ два литературныя общества, спеціально занимающихся французскою литературой и собирающихся нѣсколько разъ въ мѣсяцъ для совмѣстнаго чтенія и бесѣдъ.

Бостонцы чрезвычайно гордятся своимъ университетомъ, и не только одни бостонцы! Вся Америка высоко ставитъ гарвардскій университетъ и называться «Harvardman» (кончившій курсъ въ Гардвардѣ) считается равносильнымъ почетному титулу, которымъ каждый американецъ находитъ нужнымъ гордиться.

Будущій конгрессъ исторіи религій. Къ предстоящей всемірной парижской выставкѣ въ 1900 году организуется безчисленное множество конгрессовъ и въ томъ числѣ конгрессъ по исторіи религій. Иниціативу устройства этого

конгресса взялъ на себя Альбертъ Ревилль, руководящій секціей религіозныхъ наукъ въ высшей школѣ (Ecole des hautes études). Проектируемый конгрессъ будетъ носить чисто научный характеръ и въ этомъ отношеніи будетъ отличаться отъ конгресса религій, который происходилъ на чикагской всемірной выставкѣ, такъ какъ къ участію въ этомъ конгрессѣ будутъ приглашены только ученые, занимающіеся или интересующіеся исторіей религій, а вовсе не представители различныхъ религій, какъ это было въ Чикаго.

Исторія религій составляетъ новую отрасль науки, возникшую въ концѣ нашего вѣка. Около тридцати лѣтъ тому назадъ, она еще вращалась въ области гипотезъ и носила болѣе апологетическій характеръ, но теперь уже наука эта имѣетъ вполнѣ опредѣленную цѣль и занимается изслѣдованіемъ религіозныхъ явленій какъ психологическихъ и соціальныхъ фактовъ и стремится опредѣлить ихъ характеръ и историческое развитіе, независимо отъ ихъ метафизическаго или нравственнаго значенія. Въ послѣднее время область этой науки значительно расширилась и она уже пріобрѣла права гражданства. Въ Collège de France устроена каѳедра исторіи религій, которую занимаетъ Альбертъ Ревилль; въ высшей школѣ существуетъ отдѣльная секція для занятія этой наукой и даже издается спеціальный журналъ, подъ редакціей Жана Ревилль и Мазиллье, посвященный научно-религіознымъ вопросамъ. Во всѣхъ почти европейскихъ и американскихъ университетахъ существуютъ каѳедры по исторіи религій и, слѣдовательно, теперь уже должны быть достигнуты настолько значительные результаты въ этой области научныхъ изслѣдованій, что организація конгресса въ 1900 году будетъ вполнѣ умѣстна.

Конгрессъ соберется въ первыхъ числахъ сентября 1900 года. Организаціонный комитетъ состоитъ изъ 40 членовъ; президентомъ избранъ Ревилль и вокругъ него группируются остальные члены, профессора различныхъ факультетовъ въ Парижѣ и провинціи и ученые, пользующіеся всемірнымъ авторитетомъ, какъ, напримѣръ: Бреаль, Масперо, Берже, Опперъ, Дюркгеймъ, Бертранъ, Дарамбергъ, Сабатье, Рони, Ренье и т. д.

Секціи будущаго конгресса распредѣлены слѣдующимъ образомъ: 1) Религіи нецивилизованныхъ народовъ и цивилизаціи въ Америкѣ до Христофора Колумба. 2) Религіи на крайнемъ востокѣ: Китай, Японія, Индокитай и т. д. 3) Религіи семитическія: юдаизмъ, исламизмъ. 4) Религіи Египта. 5) Религіи Индіи и Ирана. 6) Религіи Греціи и Рима. 7) Религіи кельтовъ, германцевъ, славянъ и т. д. 8) Христіанская религія.

Составляя эти секціи, комитетъ распредѣлилъ занятія въ географическомъ порядкѣ, руководствуясь въ данномъ случаѣ желаніемъ выказать одинаковое уваженіе ко всякаго рода религіознымъ убѣжденіямъ. Всѣ научныя сообщенія будутъ допущены къ слушанію на конгрессѣ, если только они будутъ имѣть отношеніе къ исторіи религій, но никакая религіозная полемика не допускается, какъ не соотвѣтствующая строго-научному характеру конгресса. Всѣ иностранные ученые получили приглашеніе участвовать въ этомъ конгрессѣ.

«Великій авантюристъ» и его идея трансафриканской желѣзной дороги. Въ послѣднее время въ европейской печати много толковъ возбуждаетъ грандіозный проектъ Сесиля Родеса, мечтающаго о соединеніи посредствомъ желѣзной дороги и телеграфа мыса Доброй Надежды съ Европой. Желѣзная дорога пройдетъ отъ Капштадта въ Каиръ и такимъ образомъ явится возможность чуть ли не въ недѣльный срокъ времени перебраться изъ Каира въ Капскую колонію. Таковъ проектъ Сесиля Родеса, который ожидаетъ громадныхъ результатовъ отъ проведенія трансафриканской желѣзной дороги, какъ для Великобританіи и ея интересовъ въ Африкѣ, такъ и для чернаго континента вообще, въ которомъ такимъ образомъ скорѣе можно будетъ насадить цивилизацію.

Но для выполненія такого грандіознаго проекта, конечно, нужны громадныя деньги и содѣйствіе англійскаго правительства. Сесиль Родесъ отправился лично хлопотать объ этомъ въ Лондонъ, но ему нужно было заручиться содѣйствіемъ и другихъ государствъ, имѣющихъ владѣнія въ Африкѣ, и въ особенности Германіи, такъ какъ Родесъ проектировалъ свою желѣзнодорожную линію черезъ восточноафриканскія владѣнія Германіи. Повидимому, ему удалось заинтересовать своимъ проектомъ Вильгельма II, но такъ какъ тутъ оказались замѣшанными разныя политическія соображенія, то Родесъ уѣхалъ, не добившись прямого отвѣта. Однако, принимая во вниманіе энергію и настойчивость Сесиля Родеса, можно быть увѣреннымъ, что будущее столѣтіе увидитъ грандіозное сооруженіе, о которомъ мечтаетъ Родесъ.

Имя Сесиля Родеса сдѣлалось извѣстно въ Европѣ со времени злополучнаго похода или, вѣрнѣе, набѣга Джемсона въ Трансваалѣ. Извѣстно, что Родесъ былъ главнымъ иниціаторомъ этого похода и, какъ говорятъ, онъ самъ тогда сказалъ: «Да, я былъ неправъ... потому что походъ окончился неудачей». Но это не помѣшаетъ ему, конечно, при случаѣ организовать новый подобный же походъ, такъ какъ онъ именно изъ тѣхъ англичанъ, которые желали бы все подчинить англійскому знамени. Разсказываютъ, что онъ однажды шутливо замѣтилъ: «Я не знаю большей ошибки во всемірной исторіи, какъ постройка вавилонской башни, такъ какъ всѣ народы должны были бы говорить только на одномъ языкѣ... на англійскомъ!» Эти слова, сказанныя въ шутку, однако, вполнѣ характеризуютъ взгляды Родеса. По его мнѣнію, единственная истинно-культурная нація это—англичане и они должны подчинить себѣ весь міръ. Поэтому-то у многихъ является подозрѣніе, что Сесиль Родесъ не только имѣетъ въ виду проѣхаться въ одномъ и томъ же поѣздѣ съ одного конца Африки на другой, но мѣтитъ гораздо дальше. Проведя дорогу и телеграфъ, онъ сдѣлаетъ возможнымъ подвозъ матеріаловъ и войскъ въ случаѣ надобности въ любую часть Африки и утвердитъ могущество Англіи, подчинивъ ея вліянію огромную часть черпаго континента. Нѣкоторые даже думаютъ, что онъ мечтаетъ о захватѣ Абиссиніи. Въ подтвержденіе всѣхъ этихъ догадокъ и предположеній объ истинной подкладкѣ грандіознаго плана Родеса, выставляется на видъ то обстоятельство, что эта трансафриканская желѣзная дорога въ финансовомъ отношеніи не представляетъ ровно никакихъ выгодъ, такъ какъ врядъ ли найдется много путешественниковъ, которые будутъ по ней ѣздить; что же касается товаровъ, то до сихъ поръ еще торговля вдали отъ береговой полосы настолько незначительна, что подвозъ товаровъ въ Центральную Африку не можетъ быть принимаемъ въ разсчетъ, какъ доходная статья для желѣзной дороги. Вѣроятно, всѣ эти соображенія и догадки и заставили императора Вильгельма отнестись нѣсколько содержанно къ заманчивой перспективѣ, которую Сесиль Родесъ развивалъ передъ нимъ, и согласиться только на проведеніе телеграфной линіи черезъ нѣмецкія владѣнія, оставивъ вопросъ о желѣзной дорогѣ открытымъ.

Но Сесиль Родесъ, какъ мы уже говорили, не унываетъ. Вся его жизнь служитъ ручательствомъ, что онъ станетъ добиваться своей цѣли. Онъ, какъ называютъ въ Англіи—«self mademan», т. е. всего достигъ своимъ трудомъ и настойчивостью, и самъ проложилъ себѣ дорогу въ жизни. Отецъ его—сельскій священникъ, обремененный многочисленнымъ семействомъ, имѣлъ лишь очень ограниченныя средства. Теперь же одинъ изъ англійскихъ писателей, говоря о Сесилѣ Родесѣ, выразился слѣдующимъ образомъ: «Этотъ человѣкъ обладаетъ лицомъ Цезаря, честолюбіемъ Лойолы и богатствомъ Креза». Но когда Сесиль былъ ребенкомъ и потомъ юношей, притомъ весьма здоровымъ, то никому изъ его близкихъ не приходило въ голову, что сыну предстоитъ такая блестящая будущность. Слабое здоровье молодого Ридеса было причиною того, что его родители, по совѣту врача, отправили его въ южную Африку. Изъ этого путе-

шествія Сесиль вернулся цвѣтущимъ юношей и поразилъ своимъ видомъ всѣхъ своихъ родныхъ. Онъ пошелъ къ старику доктору, отправившему его въ Африку, чтобъ поблагодарить его за совѣтъ, но не нашелъ старика въ живыхъ. Практика его перешла къ его сыну, молодому врачу, который принялъ Родеса и сталъ искать въ записяхъ своего покойнаго отца имя его бывшаго паціента. «Родесъ? Родесъ?—говорилъ онъ, перелистывая книгу;—вотъ тутъ я нахожу запись, но только она не можетъ относиться къ вамъ. Тутъ сказано: Сесиль Родесъ. Очень плохъ, проживетъ не болѣе полугода».

Поѣздка въ Африку спасла не только жизнь Родесу, но она же содѣйствовала и его карьерѣ. По окончаніи гимназіи, Сесиль Родесъ опять отправился въ Африку и поселился въ Наталѣ, гдѣ съ очень незначительными средствами устроилъ небольшую хлопчатобумажную плантацію. Вскорѣ послѣ этого были открыты алмазныя копи въ Кимберлеѣ и Родесъ вмѣстѣ съ прочими отправился туда. Тамъ онъ познакомился и сошелся съ докторомъ Джемсономъ, который впослѣдствіи прославился своимъ неудачнымъ нашествіемъ на боеровъ. Молодой Родесъ очень подружился съ Джемсономъ, но въ то время, повидимому, не мечталъ ни о какихъ грандіозныхъ планахъ. Родесъ былъ простымъ рабочимъ въ копяхъ и подвергался такимъ же лишеніямъ и невзгодамъ, какъ и другіе, но уже тогда пользовался большимъ вліяніемъ на своихъ товарищей. Несмотря на такую жизнь, полную приключеній, Сесиль Родесъ не порывалъ связи съ родиной, интересовался всѣмъ, что тамъ дѣлается и, какъ оказалось потомъ, уже тогда въ его головѣ зарождались честолюбивыя мечты. Однако для выполненія своихъ плановъ онъ находилъ нужнымъ докончить свое образованіе и поэтому, къ величайшему изумленію своихъ товарищей, онъ вдругъ бросилъ работу въ копяхъ и уѣхалъ въ Англію, чтобъ поступить въ оксфордскій университетъ. Находясь въ университетѣ, онъ принималъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ университетскихъ гонкахъ и состязаніяхъ и трудно было предположить, глядя на его юношеское увлеченіе игрою въ мячъ и крокетъ, гребными гонками и т. д, чтобы въ головѣ его роились безчисленные планы, одинъ другого грандіознѣе, и что онъ ни на минуту не терялъ ихъ изъ виду. Товарищи его въ шутку называли его «колоссомъ Родосскимъ», не подозрѣвая, о чемъ мечтаетъ этотъ беззаботный на видъ молодой человѣкъ. Покончивъ университетъ, Родесъ тотчасъ же уѣхалъ въ Африку и съ этого времени начинается его блестящая карьера. Тамъ онъ проявилъ свой финансовый геній и свои дипломатическія способности въ организаціи промышленной компаніи съ цѣлью эксплуатаціи алмазныхъ копей. Составивъ себѣ такимъ образомъ огромное состояніе, Сесиль Родесъ обратилъ свое вниманіе на Капскую колонію и часть своего капитала вложилъ въ трансваальскія золотыя розсыпи, основавъ впослѣдствіи знаменитую «Chartered Company», въ рукахъ которой находится теперь почти вся южная Африка. Въ теченіе девяти лѣтъ Сесиль Родесъ былъ министромъ финансовъ Капской колоніи.

Сесиль Родесъ во всѣхъ отношеніяхъ типичный представитель англосаксонской расы и тѣхъ англійскихъ піонеровъ, которымъ Англія обязана своимъ колоніальнымъ могуществомъ. Вся его наружность дышитъ энергіей и рѣшительностью. Никакія препятствія и лишенія не пугаютъ его, къ роскоши онъ довольно равнодушенъ и такъ какъ онъ не женатъ, то предоставляетъ своей сестрѣ, живущей у него, устраивать его домъ, какъ ей хочется. Самъ онъ бываетъ занятъ съ пяти часовъ утра и до такой степени поглощенъ своими планами, что совершенно не замѣчаетъ окружающей его обстановки.

Самая маленькая республика на свѣтѣ. Въ Аппенинскихъ горахъ, въ Италіи, пріютилось крошечное государство, служащее единственнымъ живымъ

памятникомъ того времени, когда Италія была разбита на множество мелкихъ княжествъ и королевствъ и служила постояннымъ театромъ междоусобныхъ войнъ. Это маленькое государство, республика Санъ-Марино, живущая и теперь самостоятельною жизнью въ предѣлахъ монархическаго государства, представляетъ въ высшей степени любопытный остатокъ или пережитокъ внутри страны, отличающейся стремленіемъ къ современности и къ шаблонному прогрессу. Нельзя не удивляться, что путешественники по Италіи никогда почти не заглядываютъ въ этотъ любопытный уголокъ, хотя онъ заслуживаетъ вниманія, въ особенности тѣхъ изъ туристовъ, которые интересуются средними вѣками. Городокъ Санъ-Марино, столица республики, имѣющей населеніе въ восемь тысячъ и занимающей пространство въ 5.421 гектаръ, принадлежитъ къ самымъ живописнымъ городамъ на свѣтѣ. Онъ построенъ на верхушкахъ перпендикулярныхъ скалъ, которыя точно нагромождены другъ на друга. У подножія одной изъ скалъ лежитъ предмѣстье, представляющее коммерческій центръ республики и тамъ можно найти спеціальную монету, которую чеканитъ республика. Узенькая тропинка ведетъ вверхъ въ живописный городокъ, который находится недалеко отъ Римини, между итальянскими провинціями Форли и Пизарро Урбино. Съ вершины горы Монте Титана открывается чудный видъ на Адріатическое море и въ ясную погоду видѣнъ даже берегъ Далмаціи. На трехъ верхушкахъ этой горы находятся три замка, и когда почтальонъ привозитъ почту, то онъ останавливается у подножія скалы и звонитъ въ колоколъ; обитатели горы должны тогда спуститься внизъ, чтобы получить свои письма, такъ какъ по старинной традиціи почтальонъ никогда не переходитъ края республики.

Эта микроскопическая республика, существующая въ самомъ сердцѣ современной монархіи, представляетъ, конечно, довольно странную аномалію. Она была основана въ XIII вѣкѣ, по словахъ однихъ—рабочимъ въ каменоломняхъ, по словамъ другихъ—пустынникомъ по имени Марино, который, спасаясь отъ преслѣдованій, поселился вмѣстѣ со своими друзьями на верхушкахъ скалъ. Такимъ образомъ заложено было основаніе маленькому государству, жизнь котораго протекала удивительно спокойно и безмятежно среди всякихъ волненій и пертурбацій, которыя переживала Италія. Страннымъ образомъ ни одно изъ сосѣднихъ итальянскихъ княжествъ не покушалось завладѣть Санъ-Марино, и независимость республики подвергалась опасности только одинъ разъ, когда кардиналъ Альбероне вздумалъ-было присоединить ее къ папству. Но не такъ то легко было совладать съ маленькимъ рѣшительнымъ народомъ, и когда онъ собралъ именитыхъ гражданъ Санъ-Марино въ церковь и потребовалъ, чтобы они принесли присягу папству, то его встрѣтили громкими криками и возгласами негодованія, въ которыхъ приняло участіе даже все духовенство республики.

Другимъ опаснымъ посѣтителемъ республики былъ Наполеонъ I, открывшій республику во время итальянскаго похода. Но, къ удивленію, Наполеонъ не уничтожилъ ея, а рѣшилъ сохранить, какъ «интересный образчикъ», и даже подарилъ маленькой республикѣ четыре пушки въ награду за ея скромность, такъ какъ жители ея отказались отъ предлагаемаго имъ увеличенія территоріи. Послѣ объединенія Италіи маленькая республика получила окончательное признаніе и ей было обезпечено ея независимое существованіе и всѣ ея прежнія вольности.

Законодательная власть маленькой республики принадлежитъ совѣту, состоящему изъ 60 членовъ, 20 нотаблей, 20 буржуа и 20 земледѣльцевъ, назначаемыхъ пожизненно. Исполнительную власть представляютъ два капитана-регента, выбираемые совѣтомъ на полгода. Одинъ изъ нихъ выбирается изъ крестьянъ, другой же изъ аристократіи, причемъ одинъ изъ нихъ управляетъ только

городомъ, а другой всею остальною территоріей республики. Войско республики состоитъ изъ гвардіи, численностью въ 31 человѣкъ, включая офицеровъ и милиціи, состоящей изъ 950человѣкъ.

Маленькая республика заботится о просвѣщеніи, такъ какъ въ ней есть двѣ школы и коллегія, въ которой устроены каѳедры права, философіи, математики и реторики. Въ Санъ-Марино живетъ врачъ, который считается на службѣ государства; онъ получаетъ жалованье и обязанъ содержать лошадь, чтобы быть готовымъ во всякое время дня и ночи отправиться по первому требованію въ любую часть республики. Врачъ выбирается совѣтомъ только на три года, но по истеченіи этого срока онъ можетъ быть снова избранъ на такой же срокъ и т. д.

Санъ-маринцевъ справедливо можно назвать счастливѣйшимъ народомъ на свѣтѣ, такъ какъ они вполнѣ довольны своею участью, любятъ свои скалы и ни за что не согласятся промѣнять свое независимое существованіе на фиктивное и эфемерное величіе, къ которому такъ стремятся европейскія государства и ради котораго они взваливаютъ на свои плечи часто непосильную тяжесть. Санъ-маринцы выше всего цѣнятъ свою національную независимость и поэтому держатся въ сторонѣ отъ всѣхъ жгучихъ вопросовъ современной политики. Это степенное горное племя, конечно, взираетъ съ нѣкоторою долею презрительнаго сожалѣнія на своихъ соплеменниковъ итальянцевъ, изнемогающихъ подъ тяжестью налоговъ. Санъ-маринцы не испытали ничего подобнаго, они не платятъ налоговъ и не несутъ воинской повинности и ужъ, разумѣется, не промѣняли бы своей участи на участь итальянцевъ, хотя они и отзываются всегда очень восторженно объ объединенной Италіи.

Но долго ли удастся маленькой республикѣ сохранить свою независимость? По счастью, благодаря тому, что туристы крайне рѣдко заглядываютъ туда, ни одному изъ агентствъ до сихъ поръ не пришло въ голову соединить желѣзнодорожною вѣтвью Санъ-Марино съ главною линіей и устроить удешевленныя поѣздки для осмотра этого пережитка старины. Какъ только это будетъ сдѣлано, то Санъ-Марино скоро утратитъ свою оригинальную физіономію и окончательное его присоединеніе къ республикѣ сдѣлается лишь вопросомъ времени, такъ какъ уже теперь въ Римѣ нѣкоторые политики заговариваютъ о томъ, что существованіе этой республики составляетъ не только аномалію въ современномъ государствѣ, но и пятно на единствѣ Италіи, пятно, которое давно уже пора уничтожить.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue des Revues».—«Revue des Paris».—«Review of Reviews».

Имя первой женщины-инженера во Франціи теперь совсѣмъ позабыто, а между тѣмъ Мартина де-Бержеро, баронесса Босалейль въ XVII вѣкѣ заслуживаетъ чтобы французскіе феминисты вспомнили о ней. «Revue des Revues» разсказываетъ любопытную исторію этой женщины, которая была вовлечена въ занятія инженернымъ искусствомъ различными предпріятіями своего мужа, принадлежащаго къ очень именитой аристократіи изъ Брабанта. Съ нимъ вмѣстѣ Мартина объѣздила въ теченіе тридцати лѣтъ Европу и Америку, единственно занятая только своимъ искусствомъ и вмѣстѣ съ мужемъ открывали рудныя мѣсторожденія и залежи каменнаго угля. Вмѣстѣ съ мужемъ она спускалась въ шахты на большую глубину. Во Франціи Мартина, въ сопровожденіи своего мужа, производила изысканія въ теченіе девяти лѣтъ. Они изслѣдовали южную, центральную и западную Францію и произвели громадныя изы-

*

сканія въ этихъ областяхъ, при чемъ истратили на это всѣ свои капиталы, надѣясь, что эксплуатація рудниковъ въ будущемъ покроетъ всѣ издержки. Въ этомъ смыслѣ были изданы и королевскіе ордонансы, разрѣшающіе Мартинѣ производить изысканія на свой собственный счетъ, и по предъявленіи документовъ, эксплуатировать найденныя рудныя богатства, съ уплатою государству извѣстной части. Но Мартинѣ пришлось дорого поплатиться за свои занятія. Въ то время, когда она находилась въ Бретани, гдѣ она вмѣстѣ съ мужемъ производила изысканія, въ ея домѣ въ ея отсутствіе былъ произведенъ обыскъ. Провинціальный судья Ля-Тутъ Гриппе захватилъ все ихъ имущество и всѣ инструменты и документы подъ тѣмъ предлогомъ, что супруги Босалейль занимаются магіей и колдовствомъ.

Но Мартина была не такая женщина, чтобы отступить. Она взялась за перо, которымъ умѣла владѣть, несмотря на то, что гораздо чаще держала въ своихъ рукахъ кирку углекопа, нежели письменныя принадлежности, и написила книгу, заключающую въ себѣ горячую апологію своей инженерной дѣятельности. Обращаясь къ могущественному кардиналу Ришелье, она просила его заступничества, приводя безчисленныя доказательства въ пользу того, что открытіе и эксплуатація минныхъ богатствъ могутъ принести государству громадную пользу. Она высказываетъ въ этой книгѣ такіе экономическіе взгляды и соображенія, отъ которыхъ, пожалуй, не отказались бы и наши современные экономисты. Мартина говоритъ, что доходы, получаемые отъ разработки рудниковъ, дадутъ возможность государству уменьшить налоги и въ то же время увеличить свою армію и свой флотъ; тутъ Мартина, очевидно, имѣла въ виду то, что кардиналъ Ришелье носилъ титулъ генералъ-адмирала флота. Далѣе она говоритъ объ уничтоженіи пауперизма, бродяжничества и нищенства, предлагая всѣхъ нищихъ, годныхъ къ военной службѣ, зачислять во флотъ, старики же инвалиды, женщины и дѣти, ведущіе бродяжническій образъ жизни, должны заниматься доступнымъ для нихъ механическимъ трудомъ. Любопытно также, что Мартина совѣтуетъ отправлять въ колоніи обѣднѣвшихъ дворянчиковъ, которые тамъ могутъ посвятить себя разнымъ колоніальнымъ предпріятіямъ, вмѣсто того, чтобы проводить цѣлые дни на охотѣ или заниматься грабежомъ бѣднаго народа. Однако, чтобы достигнуть такихъ результатовъ нужна, разумѣется, спеціальная администрація копей и Мартина предлагаетъ кардиналу свой проектъ такой администраціи.

Къ несчастью для Мартины, все ея краснорѣчіе пропало даромъ. Ея горячая защита дѣла, которому она посвятила всю свою жизнь, не привела ни къ чему. Очевидно, судья Ля-Тутъ Гриппе дѣйствовалъ согласно инструкціямъ всемогущаго кардинала и поэтому Ришелье страшно разсердился, когда прочелъ въ книгѣ фразу, что Ля-Тутъ Гриппе, «захвативъ имущество, прикрылся авторитетомъ короля». «Развѣ же во Франціи могутъ происходить такія вещи?— восклицаетъ Мартина.—Развѣ же могутъ тѣ, кто призванъ совершать правосудіе, первые нарушать его?»

Эта неосторожная фраза окончательно погубила Мартину. Быть можетъ, Ришелье увидѣлъ въ ней обидный для себя намекъ на нѣкоторыя свои собственныя незаконныя дѣйствія и нарушенія правосудія? Такъ или иначе, но Ришелье нашелъ поступокъ Мартины слишкомъ дерзкимъ. Спустя нѣкоторое время послѣ появленія книги Мартина была арестована по обвиненію въ колдовствѣ и заключена въ венсенскую тюрьму. Ея мужъ былъ также заключенъ въ Бастилію, гдѣ и умеръ въ 1645 году; но какая судьба постигла Мартину—неизвѣстно.

Отъ этой первой французской женщины-инженера осталось только одно воспоминаніе ея сочиненій, посвященное кардиналу Ришелье. Эта книга, названная Мартиной «Restitution de Platon», составляетъ въ настоящее время

величайшую библіографическую рѣдкость и по всей вѣроятности единственный ея экземпляръ сохраняется въ національной парижской библіотекѣ.

«Revue de Paris» печатаетъ «Notes sur la vie» («Замѣтки о жизни») Альфонса Додэ. Это большею частью короткія замѣчанія, мысли, брошенныя вскользь, эскизы, сдѣланные мастерскою рукою художника. Никакой связи между этими коротенькими набросками нѣтъ; они заносились на листки записной книжки чисто случайно, подъ вліяніемъ мимолетнаго впечатлѣнія, внезапно родившейся мысли, но въ нихъ уже сказывается талантъ и душа художника. Нѣкоторыя изъ этихъ замѣтокъ, очевидно, были написаны въ мрачное время войны 1870 года и тревожные дни коммуны, но между ними также нѣтъ никакой связи и они представляютъ рядъ отдѣльныхъ картинокъ или моментальныхъ фотографическихъ снимковъ. Несмотря на это, всѣ эти случайные наброски, отрывистыя замѣчанія производятъ на читателя впечатлѣніе и вызываютъ въ его душѣ живые образы. Приводимъ нѣкоторые изъ отрывковъ:

«Приговоренный къ смерти! Какой-то господинъ входитъ въ кафе.—«Я только что пріѣхалъ изъ деревни», говоритъ онъ и вмѣшивается въ разговоръ. Шла рѣчь о приговорѣ военнаго суда, судившаго участниковъ 31-е октября. «А!--восклицаетъ господинъ.—Вы имѣете извѣстія?.. Ну, чѣмъ же кончилось?»—«Трое приговорены къ смерти: Бланки, Флурансъ и еще одинъ».—«Его имя?»—«Такой-то». Господинъ восклицаетъ: «Ба! вѣдь это я!» Нѣсколько минутъ онъ молчитъ въ смущеніи, затѣмъ ударяетъ по столу: «Гарсонъ, кружку пива!..» Однако, онъ не выпилъ этой кружки, пожалъ руки друзей, оглянулся кругомъ и исчезъ въ проходѣ».

* * *

«Генералъ,—его звали генераломъ, этого стараго отставного чиновника, одного изъ первыхъ разстрѣлянныхъ, когда войска вступили въ Парижъ».

* * *

«Хорошъ типъ,—господинъ, ѣхавшій со мною въ вагонѣ, когда я бѣжалъ изъ Парижа, во время коммуны. По мѣрѣ удаленія отъ фортификацій, онъ становился нахальнымъ, дерзкимъ и грознымъ для коммунаровъ; онъ грозилъ всѣхъ ихъ разстрѣлять. Очень любопытно также всеобщее молчаніе въ вагонѣ въ теченіе цѣлой четверти часа и, наконецъ, общій вздохъ облегченія послѣ проѣзда Шуазилеруа».

* * *

«Сцены возмущенія—вступленіе версальцевъ въ Парижъ. Одинъ изъ федералистовъ, ночевавшій въ походномъ госпиталѣ, взбирается на крышу и стрѣляетъ въ перваго нарочнаго, показывающагося на улицѣ. Домъ оцѣпляютъ, женщины, напротивъ, смотрятъ изъ за занавѣсокъ. Что-то бѣлое солдаты спускаютъ внизъ; это федералистъ въ кальсонахъ. Лицо блѣдное, красивый завитой юноша; онъ разстрѣлянъ на углу улицы Бланшъ. Всѣ кокотки смотрятъ на этотъ красивый трупъ».

* * *

«Другая картина: отрядъ плѣнныхъ; его ведутъ егеря по авеню Клиши. Какой-то толстый человѣкъ, настоящій южанинъ, потѣя и задыхаясь, съ трудомъ поспѣваетъ за ними. Два егеря приближаются, привязываютъ повода къ его рукамъ и вокругъ туловища и пускаютъ лошадей галопомъ. Толстякъ хочетъ бѣжать, падаетъ, его тащутъ словно окровавленный кусокъ мяса, издающій хриплый стонъ. Въ толпѣ слышны просьбы о помилованіи: «Лучше разстрѣляйте его!» Одинъ изъ егерей останавливаетъ лошадь, приближается и стрѣляетъ изъ карабина въ кучу мяса, хрипящую и дрыгающую. Но онъ не убитъ... Другой егерь соскакиваетъ съ лошади и посылаетъ въ него другую

пулю. На этотъ разъ удача. Несчастный остается на мѣстѣ, точно огромная, сплюснутая масса».

*
* *

«Это ужасно, знать людей и потомъ слышать; «Такой-то разстрѣлянъ!..» Передъ глазами возникаетъ образъ человѣка, представляется искаженіе его лица, его жестъ, когда онъ падаетъ, слышенъ его голосъ»!..

*
* *

«Безъ банальнаго воззванія къ милосердію, но во имя нашего собственнаго эгоизма, во имя нашего будущаго спокойствія, не будемъ безжалостны! Иначе это продлится до безконечности!.. Еслибъ вы могли уничтожить всѣхъ этихъ людей до третьяго поколѣнія, но нѣтъ, вы этого не можете. Мараты морали и порядка еще ужаснѣе... Они говорятъ, что надо убивать, разстрѣливать во имя морали и т. п... Будемъ всѣ трудиться, чтобъ подобныя вещи не повторялись».

*
* *

«Тѣ, кто умерли въ теченіе этихъ бурныхъ дней, ушли изъ жизни, какъ уходятъ изъ салоновъ—«à l'anglaise».

Въ такомъ родѣ написаны всѣ эти замѣтки о жизни, производящія впечатлѣніе своею отрывочностью и краткостью. Но Альфонсъ Доде записалъ въ свою записную книгу не однѣ только эти моментальные снимки, запечатлѣвавшіеся въ его душѣ, а также разныя мысли и остроумныя замѣчанія, приходившія ему въ голову, мнѣнія въ двухъ-трехъ словахъ о разныхъ лицахъ, порою скрывающихся подъ иниціалами. Приводимъ нѣсколько замѣчаній Додэ: «Я готовъ поклясться, что единственными честными королями во Франціи были короли-тунеядцы. «Nihil fecit,--говорятъ про нихъ біографы.—Еслибъ я былъ королемъ, то желалъ бы, чтобъ про меня могли сказать то же самое».—Злая нѣмка—это взбѣшенная *незабудка* (Une allemande méchante; c'est le *vergissmeinnicht* enragé).

Американскій журналъ «Review of Reviews» печатаетъ очеркъ, заключающій въ себѣ характеристику президента филиппинской республики и вождя филиппинскихъ инсургентовъ, Агвинальдо, который такъ много насолилъ испанцамъ, а въ данный моментъ причиняетъ столько непріятностей американцамъ. И друзья, и враги одинаково признаютъ выдающійся умъ, абсолютную честность и мужество этого вождя инсургентовъ, но также не отрицаютъ, что онъ честолюбивъ, мстителенъ и часто бываетъ жестокъ. Конечно, янки, не долюбливающіе его, приписываютъ ему и разныя другія непріятныя качества; говорятъ, что онъ хитеръ, тщеславенъ и дерзокъ, однако и они не отвергаютъ, что онъ способенъ выказать величайшее великодушіе и самоотверженіе. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Агвинальдо, выдающійся человѣкъ, но только враги называютъ его величайшимъ изъ малайцевъ въ исторіи, друзья же говорятъ, что онъ вообще одинъ изъ великихъ людей въ исторіи, независимо отъ расы.

Въ жилахъ Агвинальдо течетъ смѣшанная кровь, помѣсь испанской и тагальской крови, такъ что его нельзя считать представителемъ малайской расы. Относительно его происхожденія мнѣнія расходятся: онъ незаконный сынъ тагалки, но отцомъ его одни считаютъ испанскаго генерала, другіе же—іезуита. Четырехъ лѣтъ онъ поступилъ въ услуженіе къ одному іезуитскому священнику въ Кавите. На Филиппинахъ, также какъ и въ Китаѣ, съ такими мальчиками, поступающими въ услуженіе, обращаются не лучше, чѣмъ съ собаками, но Агвинальдо попался хорошій хозяинъ, который не только одѣвалъ и кормилъ его порядочно, что возбуждало зависть сосѣдей, но и училъ его. Агвинальдо оказался примѣрнымъ ученикомъ. Онъ обладалъ самолюбіемъ испанца, способностью быстро схватывать, какою отличаются малайцы, память же у него была,

какъ у китайца, которые въ этомъ спеціальномъ отношеніи одарены лучше всѣхъ другихъ народовъ. Въ пятнадцать лѣтъ онъ поступилъ въ университетъ Манилы, гдѣ принялся изучать медицину. Это былъ единственный университетъ во всемъ архипелагѣ и, конечно, онъ находился въ вѣдѣніи католическаго духовенства. Профессора этого университета, іезуиты доктора—Нальда и Бюнтраго, были въ восторгѣ отъ успѣховъ Агвинальдо и его способностей. Но Агвинальдо совершилъ непростительное преступленіе въ бытность свою студентомъ—онъ вступилъ въ массонскій орденъ. Во времена испанскаго господства такой тяжкій проступокъ приводилъ къ тюрьмѣ, пыткѣ и смертной казни.

Въ 1888 году, 18-ти лѣтъ, Агвинальдо имѣлъ первое столкновеніе съ испанскими властями и бѣжалъ въ Гонконгъ, гдѣ ему оказала гостепріимство колонія филиппинскихъ эмигрантовъ. Тамъ же, въ Гонконгѣ, онъ подружился съ офицерами британскаго гарнизона и изучилъ организацію и вооруженіе современныхъ войскъ. Но чтобы лучше ознакомиться съ этимъ, онъ поступилъ въ китайскіе сухопутные и морскіе отряды, обучаемые европейскими инструкторами. Въ то же время онъ поглощалъ всѣ книги, имѣющія отношеніе къ военной исторіи, и очень серьезно принялся за ея изученіе. Но, кромѣ того, онъ стремился также изучить нѣсколько языковъ и, помимо трехъ главныхъ филиппинскихъ нарѣчій, онъ превосходно говоритъ и пишетъ по испански и по англійски, по китайски и по латыни. Въ послѣднее время онъ началъ немного говорить по нѣмецки и по японски.

Послѣ амнистіи онъ вернулся на родину и тамъ скоро завоевалъ себѣ положеніе и выдѣлился своими способностями. Къ своему удовольствію онъ былъ назначенъ командиромъ отряда туземной милиціи и на этомъ посту съумѣлъ пріобрѣсти популярность среди своихъ подчиненныхъ и уваженіе испанскихъ офицеровъ. Но правительство, повидимому, нашло, что онъ пользуется черезчуръ уже большою популярностью и его перевели въ другой округъ и сдѣлали инспекторомъ туземныхъ первоначальныхъ школъ. И въ этой должности онъ снискалъ любовь и довѣріе населенія округа. Съ іезуитами онъ жилъ въ ладу, тѣмъ болѣе, что онъ былъ всегда ревностнымъ католикомъ и считалъ себя обязаннымъ іезуитамъ, какъ своимъ первымъ учителямъ. Но францисканцевъ и доминиканцевъ, которые были настоящими тиранами Филиппинскихъ островöвъ, онъ терпѣть не могъ и они отплачивали ему тѣмъ же.

Вспыхнула революція 1896 года, вызванная мѣропріятіями, направленными къ покрытію дефицита послѣднихъ 12-ти лѣтъ. Былъ вновь введенъ въ силу старинный законъ, по которому недоимщики должны были насильственно работать въ пользу монаховъ. Принудительныя мѣры и вымогательства вызвали возмущеніе. Тогда-то на сцену выступилъ извѣстный филиппинскій публицистъ-докторъ Ризаль, громившій испанцевъ въ своихъ памфлетахъ. Ризаль былъ схваченъ испанцами и разстрѣлянъ. Его невѣста, молодая англичанка, его паціентка, обвѣнчалась съ нимъ передъ самою казнью. Впослѣдствіи она сдѣлалась женою Агвинальдо, который поклялся ей отомстить за смерть Разаля и, какъ мы видимъ, сдержалъ свою клятву.

Домашній бытъ американскаго рабочаго.

Образъ жизни американскаго рабочаго,—говоритъ Левассеръ въ своемъ обширномъ трудѣ о жизни и бытѣ рабочихъ въ Америкѣ,—сильно напоминаетъ англичанъ. Утромъ, прежде чѣмъ отправиться на работу, американскій рабочій солидно закусываетъ: это «breakfast». Около полудня ему дается часъ на вторую ѣду, lunch или обѣдъ; вечеромъ, возвратясь къ себѣ, рабочій ужинаетъ — обѣдаетъ въ

своей семьѣ: это главная ѣда и время отдыха, причемъ вся семья находится въ сборѣ. Городъ Филадельфія представилъ, на выставкѣ въ Чикаго, слѣдующее росписаніе дневной пищи рабочаго: на завтракъ (breakfast)—супъ, картофель, яица и мясо; или яица, жареная говядиная; или хлѣбъ, масло, картофель; или яица и овсянка; на lunch или обѣдъ: 1) холодное мясо и хлѣбъ; 2) жареное мясо или рагу; картофель; къ ужину: 1) горячее мясо, овощи, пуддингъ; 2) холодное мясо или яица, консервы; 3) горячее мясо, овощи, чай и прочее.

Въ 1891 г. коммиссаръ труда Соединенныхъ Штатовъ представилъ въ «*Сенаторіальный комитетъ цѣнъ и жалованій*» отчетъ о расходахъ 232 рабочихъ семействъ. Средній расходъ на пищу оказывается 262½ доллара (т. е. 525 рублей), или 5 долларовъ въ недѣлю, изъ которыхъ 15,6% на мясо, 11,1% на масло, 10,2% на муку, 6,4% на свинину, 7,2% на разное другое мясо, въ томъ числѣ и на птицу, 6,4% на сахаръ, 5,7 на молоко, 5,3 на кофе, 4.5 на картофель, 1,4 на хлѣбъ, 4,8 на разныя овощи.

Въ Штатѣ Мэнъ, по даннымъ 1889 г., фрукты и овощи, свѣжее мясо, сахаръ, мука, масло и яица занимаютъ первое мѣсто въ бюджетѣ питанія; рыба также часто употребляется въ хозяйствѣ рабочихъ.

Въ числѣ второстепенныхъ пищевыхъ предметовъ не слѣдуетъ забывать и пирожныхъ, до которыхъ американцы и американки очень лакомы, а также конфекты, фрукты, особенно бананы,—послѣдніе очень питательны.

Прибавимъ къ этому еще сухое пирожное (crackers), пуддингъ, мороженое. Если лѣто жаркое, то за ѣдой пьютъ воду со льдомъ. Американцы—народъ, употребляющій сахару больше всѣхъ остальныхъ народовъ въ мірѣ.

Значительнымъ достаткомъ и даже комфортомъ пользуются собственно американскіе рабочіе, которыхъ и жалованье гораздо выше, чѣмъ у рабочихъ-иммигрантовъ: итальянцевъ, нѣмцевъ, ирландцевъ и т. д.; послѣдніе, не особенно избалованные на своей родинѣ, довольствуются меньшимъ жалованьемъ и гораздо меньшими удобствами, считая и это уже великимъ для себя благомъ, сравнительно съ прежнимъ бѣдственнымъ положеніемъ; средняя, однако, минимальная оцѣнка рабочаго дня въ Америкѣ—1 или 2 доллара.

Разумѣется, въ Америкѣ, какъ и вездѣ, живутъ на разныя цѣны и при разныхъ условіяхъ, смотря по роду занятій и числу ртовъ, которые приходится кормить, но общій уровень благосостоянія рабочаго гораздо выше, чѣмъ въ Европѣ, хотя и въ Америкѣ, правда, очень рѣдко, и главнымъ образомъ среди иммигрантовъ, встрѣчаются картины поразительной бѣдности, нетолько съ точки зрѣнія американскаго комфорта, но и безусловно.

У американцевъ—мужъ зарабатываетъ, а жена тратитъ. Чистокровная американка не то, что нѣмка: она не любитъ экономничать. Еще будучи дѣвушкой, она тратила, не задумываясь, большую часть своего заработка на туалеты, а теперь, замужемъ, она и подавно не стѣсняется. Замужняя американка рѣдко ходитъ на работу, особенно на фабрику; она находитъ, что мужъ обязанъ трудиться и на нее, и на дѣтей. Она очень немного занимается хозяйствомъ, очень много своимъ туалетомъ и чтеніемъ. Любитъ посѣщать театры, зрѣлища, разныя гулянья, митинги, въ которыхъ нерѣдко и сама принимаетъ дѣятельное участіе. Она вообще довольно образована и очень начитана, особенно сравнительно со своимъ мужемъ, которому некогда этимъ заниматься. Не въ этомъ ли лежитъ и весь секретъ ея семейнаго вліянія? Вѣдь мужъ не можетъ не сознавать ея умственнаго превосходства. Грубое обращеніе рабочаго со своей женой—вещь въ высшей степени рѣдкая въ Америкѣ.

Американки не умѣютъ хозяйничать. Стоитъ заглянуть въ узенькіе переулочки позади домовъ, чтобы убѣдиться въ этомъ: туда, въ числѣ сора, выбрасывается каждый день множество остатковъ хлѣба и мяса; а между тѣмъ

если бы хозяйка знала свое дѣло, она могла бы прокормить семью очень дешево; мясо, особено свинина, здѣсь очень недорого, овощи, впрочемъ, не особенно дешевы. Большой стряпни американка также не любитъ: супъ варится очень рѣдко, рагу также; она предпочитаетъ кушанья, не требующія хлопотъ: яичница, ветчина, горячія сосиски, вареный картофель, кусокъ жаренаго мяса, обыкновенно слишкомъ тонко нарѣзаннаго и неумѣло высушеннаго: на столъ все подается въ большомъ количествѣ и накладывается на тарелку очень обильно, а потому все, что остается на тарелкѣ, выбрасывается вонъ.

Американскіе филантропы и педагоги встревожены этимъ явленіемъ и почти всѣ единогласно заявляютъ объ этомъ мотовство пищей. «Нашей странѣ,—говорятъ Аткинсонъ;—необходимо выучиться не пріобрѣтать, но расходовать свой заработокъ». Это мотовство пищи и освѣщенія можно, безъ преувеличенія, оцѣнить въ 5 центовъ въ день на каждое лицо, т. е. 20% всего расхода; къ этому нужно еще прибавить на 2 цента водки и табаку, что все вмѣстѣ составитъ не менѣе 65 милліоновъ долларовъ въ годъ на 13 милліоновъ семействъ въ Соединенныхъ Штатахъ. «Въ расходѣ на пищу замѣчается не только обиліе, но даже расточительность», говорилъ въ 1890 г. Richard Dodge, въ то время начальникъ службы въ министерствѣ земледѣлія, въ своемъ докладѣ въ американскомъ обществѣ покровительства наукамъ. «Всѣ классы общества въ изобиліи ѣдятъ мясо, обыкновенно три раза въ день. Нашъ обѣдъ разнообразится разными рыбами и прекрасными устрицами, знаменитыми и по ту сторону океана». Далѣе онъ замѣчаетъ, не безъ національной гордости, что вода, въ которой американки варятъ мясо и овощи и которую онѣ выливаютъ, могла бы служить для милліоновъ европейскаго населенія питательнымъ веществомъ; въ среднемъ, потребляемаго мяса на каждаго жителя приходится по 175 фунтовъ въ годъ.

Хотя овощи въ Америкѣ не особенно дешевы и не особенно разнообразны, зато фрукты: яблоки, груши, виноградъ, персики, сливы, а также бананы, ананасы и т. д., въ соотвѣтственные сезоны наполняютъ рынки и лавки и продаются дешево.

Американскій рабочій не только хорошо ѣстъ, онъ и одѣвается хорошо. Это происходитъ во-1-хъ вслѣдствіе болѣе высокаго жалованья, которое даетъ возможность и издерживать больше, и во-2-хъ вслѣдствіе глубоко демократическаго духа американскаго рабочаго, а также врожденнаго кокетства женщинъ и дѣвушекъ. Вотъ бюджетъ этого рода расходовъ, составленный въ разныхъ мѣстностяхъ. Въ Rhode Island, три ткача шерсти, получающіе—одинъ 600 долларовъ, другой 575 и третій 525 долл., тратили, первые два—по 100 дол. (200 р.) на одежду, а тратій—88 долл. Затѣмъ, еще 2 другіе, у которыхъ было 1.107 и 1.672 доллара дохода, тратили на одежду по 250 долларовъ каждый.

Изъ сообщенія, сдѣланнаго коммиссаромъ труда Соединенныхъ Штатовъ въ комитетъ сената видно, что 232 семейства издерживали на одежду по 100,31 доллара каждое при бюджетѣ въ 790 долл., т. д. 12,7%. Изъ этой суммы, т. е. 100,31 д., третья часть приходилась на мужа, болѣе 1/4 на жену и 2/5 на дѣтей.

Холостые въ среднемъ тратятъ, конечно, меньше на платье; это и понятно, такъ какъ съ увеличеніемъ числа дѣтей, растутъ и расходы. Работница, живущая отдѣльно, особенно молодая дѣвушка, тратитъ на эту статью, сравнительно, больше, чѣмъ рабочій; магазинная барышня больше, чѣмъ фабричная работница. Разница эта сама собою понятна.

Какъ сказано выше, американскій рабочій любитъ комфортъ, и не потому, что его привлекаетъ роскошь: онъ не видитъ причины, почему бы ему одѣваться хуже своего патрона, разъ онъ снялъ свое рабочее платье; того же убѣжденія придерживается и его жена. На улицѣ рабочій вовсе не отличается отъ

своего хозяина, а его жена отъ своей хозяйки: у рабочаго такая же круглая шляпа, галстукъ, жакетка, ботинки; если эти предметы иногда отличаются по качеству, то, что касается фасона, они часто бываютъ работы того же магазина, въ которомъ покупаетъ и патронъ.

Жены ихъ тоже стараются сравняться съ буржуазками, хотя имъ это труднѣе удается. Но онѣ, подобно тѣмъ, носятъ шелковыя платья и ленты, шляпки, также обильно отдѣланныя, перчатки, зонтики. «Въ 1893 г., разсказываетъ Левассеръ, я отправился въ «Central park». Еще въ мою первую бытность въ Нью-Іоркѣ я былъ пораженъ изяществомъ дамскихъ туалетовъ и благороднымъ умѣньемъ носить ихъ. Теперь я вновь увидѣлъ тѣ же туалеты, но не находилъ уже того же изящества. Когда я сказалъ объ этомъ сопровождавшему меня лицу: «Развѣ вы не видите,—отвѣтили мнѣ,—что сегодня воскресенье и потому здѣсь почти исключительно прогуливаются фабричныя работницы и служанки и жены рабочихъ». Одинъ англичанинъ, Брайсъ, основательно изучившій американскую жизнь. ошибся точно такимъ же образомъ. Прежде всего его поразило, что въ поѣздѣ ѣхали однѣ только дамы такъ называемаго въ Европѣ средняго класса. «Однако, при болѣе внимательномъ наблюденіи, — говоритъ онъ, — я увидѣлъ, что все это были жены и дочери рабочихъ». Женскій глазъ, пожалуй, сразу замѣтилъ бы разницу, тѣмъ не менѣе, подобныя ошибки знаменательны.

Конечно, всѣ эти костюмы приходится оплачивать. Американки утверждаютъ, что онѣ настолько искусны, что могутъ позволить себѣ это кокетство, не издерживая много; съ этимъ не особенно соглашаются ихъ мужья, хотя и относятся къ этому добродушно, да и статистика констатируетъ большой расходъ на ткацкія издѣлія.

Очень можетъ быть, что желаніе показаться заставляетъ больше заботиться о верхнемъ платьѣ, чѣмъ объ остальныхъ частяхъ одежды. Изъ нѣкоторыхъ бюджетовъ видно, напр., слѣдующее: женщина издерживаетъ 10 дол. на платья и 18 на шали и манто; другая—6,40 на первое и 5,13 на второе, тогда какъ на бѣлье и остальную одежду первая—4,60, а вторая 4,30 дол.

Дѣвушка-американка одѣвается изысканнѣе, чѣмъ замужняя. Это естественное кокетство въ ея возрастѣ, можетъ быть, не всегда безразсчетно: она хочетъ выйти замужъ и знаетъ, что мужа должна пріискивать себѣ сама, а для этого нужно умѣть нравиться. По справкамъ, собраннымъ въ 1891 г., статистическимъ бюро въ Мичиганѣ, можетъ быть, не особенно скромнымъ, 3.487 работницъ заявили, что онѣ носятъ корсетъ, 232 заявили, что ихъ не носятъ, а остальныя отвѣтили, что до этого никому нѣтъ никакого дѣла и касается только ихъ однѣхъ.

Мужья-рабочіе часто жалуются, хотя и безъ горечи, на туалеты своихъ женъ. Такъ, напр., одинъ рабочій въ Филадельфіи, который въ иные дни зарабатывалъ, правда, довольно много, но у котораго было шестеро маленькихъ дѣтей, разсказываетъ автору, что онъ купилъ для своей старшей дочери, дѣвочки лѣтъ тринадцати, шляпку въ $3^1/_2$ дол., и малютка сдѣлала гримасу, находя ее недостаточно красивой.

Въ Соединенныхъ Штатахъ квартира обходится рабочему дорого, это всѣ говорятъ единогласно. Слѣдуетъ однако замѣтить, что въ Америкѣ, въ общемъ, рабочій помѣщается гораздо лучше, чѣмъ въ Европѣ, а многіе изъ нихъ имѣютъ даже свои собственные дома; на постройку послѣднихъ берется, обыкновенно, въ соотвѣтственной рабочей кассѣ болѣе или менѣе долгосрочная ссуда, которая выплачивается безъ особенныхъ затрудненій. Разумѣется цѣны на рабочія квартиры значительно колеблются, смотря по тому, въ городѣ онѣ или въ деревнѣ, живетъ ли рабочій въ большомъ общественномъ домѣ или нанимаетъ особнячокъ. Послѣдній видъ квартиръ вообще предпочитается американцемъ, у котораго сильно

развито чувство личной независимости и который ревностно охраняетъ свой *Home* (домашній очагъ) отъ всякихъ непрошенныхъ вторженій. По справкамъ, собраннымъ въ Бостонѣ въ 1891 г., на 71.665 рабочихъ квартиръ было 1.053 квартиры въ 1 комнату, въ нихъ помѣщалось 2.067 человѣкъ; 5.695 квартиръ въ 2 комнаты; 13.876—въ 3 комнаты; 18.661—въ 4 комнаты (съ населеніемъ въ 77.439 человѣкъ); 13.002—въ 5 ком. и т. д. Въ среднемъ, слѣдуетъ полагать на рабочую квартиру 4 комнаты въ городахъ, предмѣстьяхъ и деревняхъ.

Цѣна рабочихъ квартиръ отъ 5 долларовъ въ мѣсяцъ до 50 д. Лучшей репутаціей въ квартирномъ вопросѣ пользуются: Бюфалло. Клевелендъ, Индіанополь, Балтимора, Филадельфія; здѣсь почти всѣ рабочія семейства живутъ въ отдѣльныхъ, чистенькихъ домахъ, на которые пріятно даже смотрѣть. Въ худшихъ условіяхъ—штатъ Цинцинати, Новый Орлеанъ, Бостонъ и особенно Нью-Іоркъ; въ послѣднемъ рабочія квартиры очень дороги и часто въ анти-гигіеническихъ условіяхъ.

Въ благопріятныхъ квартирныхъ условіяхъ находятся, главнымъ образомъ, собственно американскіе рабочіе, у которыхъ и заработокъ больше, такъ какъ они больше приспособлены къ труду и болѣе умѣлы въ обращеніи съ машинами; да у нихъ и сильнѣе развиты культурныя привычки комфорта и удобствъ вообще. Нельзя того же сказать объ иммигрантахъ за малыми, конечно, исключеніями. Здѣсь часто встрѣчаются картины неприглядной бѣдности и даже нищета со всей ея удручающей неряшливостью.

Въ одномъ изъ кварталовъ St.-Louis, вблизи рѣки, мы видимъ, напр., множество домовъ, сколоченныхъ изъ досокъ, зловонные переулки, цѣлыя кучи нечистотъ, босыхъ дѣтей, грязныхъ и оборванныхъ, и матерей, не менѣе ихъ жалкихъ. Здѣсь живутъ преимущественно польскіе и русскіе евреи. Напротивъ того, въ нѣмецкомъ кварталѣ дома изъ кирпича, чистыя, блестящія окна украшены цвѣтами, женщины и дѣти прилично одѣты.

Холостые работники и работницы часто помѣщаются на хлѣба въ семействахъ женатыхъ рабочихъ. Нѣкоторые же устраиваются въ меблированныхъ комнатахъ—«Lodging» и «Boarding houses». Эти меблированныя комнаты, устраиваемыя иногда хозяевами, т. е. патронами рабочихъ, бываютъ дешевле и лучше содержатся, чѣмъ если ихъ устраиваютъ спекулянты.

Такой патронатъ довольно сильно развитъ въ Америкѣ; особенно нельзя не упомянуть о *Pullman City* — городкѣ Пульмана. Это самый знаменитый и, можетъ быть, самый совершенный типъ учрежденія не только въ Америкѣ, но, вѣроятно, и во всемъ мірѣ.

Пульманъ, создавшій въ Америкѣ, въ 1863 г., производство роскошныхъ вагоновъ (vagons de luxe), устроилъ въ 1880 г. свою фабрику вагоновъ на участкѣ земли въ 500 акровъ, къ югу отъ Чикаго, на берегу озера Калюметъ. Участокъ этотъ стоилъ тогда 800.000 долларовъ, а въ 1893 г. цѣна его поднялась до 5 милліоновъ дол. Среди поселенія возвышается фабрика, а мастерскія идутъ каймою вдоль бульваровъ. Въ 1892 г. здѣсь работало 6.324 рабочихъ, 1/3 часть которыхъ жила въ самомъ поселкѣ; общее же число всѣхъ жителей этого городка—14.702. Улицы въ Pullman City или вымощены, или шоссированы, съ широкими тротуарами, усыпанными пескомъ. Какъ улицы, такъ и бульвары, шириною отъ 66—100 футовъ, усажены деревьями и окаймлены дерномъ. Благодаря самой обширности построекъ, Пульманъ могъ производить ихъ экономно, а потому, по его собственному заявленію, онъ можетъ выручать отъ 8—9% на затраченный капиталъ. Дома изъ краснаго кирпича выходятъ окнами на улицу или на бульваръ. Фасадъ состоитъ изъ подвала, rez-de-chaussée, перваго и второго этажей и оканчивается плоской крышей. Позади каждаго дома дворъ, отдѣленный отъ сосѣднихъ дворовъ досчатымъ заборомъ. Ежедневно въ повозкахъ вывозятся нечистоты и сжигаются. Если у кого изъ жильцовъ есть

лошади, то ихъ помѣщаютъ въ конюшняхъ на другомъ концѣ городка. Въ нѣкоторыхъ домахъ по нѣсколько квартиръ. Такія квартиры, не болѣе 12 на каждый домъ, состоятъ изъ 3 или 4 комнатъ и сдаются за 8—9 долларовъ въ мѣсяцъ; лѣстница общая. Въ другихъ домахъ квартиры по 5 комнатъ съ особымъ ходомъ, цѣна 14—16 д. въ мѣсяцъ. Есть 3 дома, по 48 квартиръ въ каждомъ; многія изъ нихъ только въ 2 комнаты, цѣна ихъ—6 д. Воду жильцы получаютъ даромъ (1 кранъ на улицѣ на 4 дома), но за газъ платятъ. Рабочіе охотно селятся въ этихъ домахъ, но только преимущественно иностранные, такъ-какъ американецъ предпочитаетъ домъ-особнякъ.

Есть дома и въ одну квартиру; кирпичный домъ въ 17 и 32 фута, съ садомъ позади сдается за 18 д. въ мѣсяцъ; деревянные домики безъ двора позади: гостиная, 2 комнаты и кухня, сдаются по 9 и даже 6 д. въ мѣс.

Есть тутъ и элегантныя квартиры цѣною до 50 дол. въ мѣс. Всѣ эти цѣны гораздо ниже, чѣмъ въ самомъ Чикаго, но такъ какъ для рабочаго онѣ все-таки высоки, то многія семейства принимаютъ еще пансіонеровъ. Здѣсь нѣтъ ни кабаковъ, ни игорныхъ домовъ. Пульманъ покровительствуетъ устройству клубовъ, физическимъ упражненіямъ, военнымъ и даже тайнымъ обществамъ, но не допускаетъ у себя профессіональныхъ синдикатовъ. Есть здѣсь большой рынокъ съ лавками и магазинами; тутъ и мясная, и булочная, и москательная, фруктовая, и лавка модныхъ товаровъ; торговцы—жильцы Пульмана, самъ онъ не продаетъ ничего, Здѣсь также ссудный банкъ и сберегательная касса, почта, библіотека съ 8.000 томовъ книгъ, основанная на средства владѣльца, очень хорошенькій театръ съ кокетливыми декораціями. Кромѣ того, здѣсь 2 церкви, нѣсколько школъ; больница. Пульманъ признаетъ, что извѣстная роскошь необходима рабочему: болѣе утонченное существованіе скорѣе ведетъ къ намѣченнымъ имъ соціальнымъ цѣлямъ.

Американскій рабочій не только любитъ хорошо поѣсть и одѣться, но усердно заботится также и о меблировкѣ своей квартиры. Въ бѣдныхъ квартиркахъ, въ 1 комнату, а такія составляютъ рѣдкое исключеніе, встрѣчаются, конечно, убогія кровати съ соломеннымъ тюфякомъ, пара стульевъ, столъ и печурка; но настоящій американскій рабочій живетъ не въ такихъ чуланчикахъ; чаще всего его квартира состоитъ изъ зала (parlor), меблированнаго довольно богато: здѣсь не рѣдкость увидѣть рояль, а чаще гармоніумъ, коверъ, столъ съ разложенными на немъ книгами и журналами, библіотеку за стекломъ, кресла и «качалку», диванъ, гравюры, на этажеркахъ и консоляхъ бездѣлушки; въ католическихъ семействахъ изображенія святыхъ; часто швейная машина. Левассеръ, у котораго мы заимствуемъ большую часть свѣдѣній, здѣсь излагаемыхъ, разсказываетъ, что однажды онъ пришелъ въ домъ плотника; его встрѣтила сама хозяйка. Въ столовой, гдѣ былъ накрытъ столъ, и въ смежной съ нею кухнѣ все было безукоризненно чисто; въ гостиной 12-лѣтняя дѣвочка играла на гармоніумѣ; вездѣ стояли шкафы,—наверху три спальныя комнаты, въ которыхъ мебель, хотя и попроще, но далеко не бѣдная. Въ деревнѣ же не рѣдкость встрѣтить у рабочихъ, позади дома, огородъ, домашнюю птицу, корову. Впрочемъ, не слѣдуетъ преувеличивать, замѣчаетъ авторъ: если встрѣчаются чистенькія, кокетливыя хозяйства, то есть также и небрежныя. Комиссаръ труда, въ своемъ изслѣдованіи прядильнаго и стеклянаго промысловъ, говоритъ, что на 5.282 семейства онъ нашелъ, въ бумагопрядильномъ производствѣ 1.765 хозяйствъ въ хорошемъ порядкѣ, 65—среднихъ и 588—плохихъ; въ шерстяномъ производствѣ: 743 хорошихъ хозяйства, 88—плохихъ; въ стекольномъ дѣлѣ 1.033—хорошихъ и 133—плохихъ.

Механическое производство движимости изъ дерева или металла способствуетъ дешевому комфорту, но ведетъ также къ нѣкоторому однообразію въ меблировкѣ. Странствующіе комми распространяютъ эти товары не только по магази-

намъ, но и среди частныхъ лицъ. Въ магазинахъ масса предметовъ хозяйства по дешевой цѣнѣ. Расхаживая по улицамъ Jersey City, Левассеръ былъ пораженъ и грубостью издѣлій, и ихъ дешевизной: деревянное ведро—11 центовъ; чашка (подражаніе японской)—10 ц.;вызолоченная чашка—5 ц. и т. д. Цѣлый рядъ лавокъ представлялъ какъ бы маленькій парижскій базаръ.

Несмотря на большой наплывъ иностранцевъ, американскому рабочему нечего опасаться ихъ конкурренціи, по крайней мѣрѣ—въ ближайшемъ будущемъ: работы хватитъ на всѣхъ, благодаря усовершенствованному машинному производству, да, къ тому же, много еще пройдетъ времени, пока пришлый рабочій людъ выучится работать по-американски: умѣло, сознательно и производительно съ наименьшей затратой времени и силъ.

Л. Макухина.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Біологія. 1) Парабіозъ у муравьевъ. 2) Запахъ земли.—**Зоологія.** 1) Живучесть нѣкоторыхъ рыбъ. 2) Необычайное изобиліе насѣкомыхъ.—**Ботаника.** Новое примѣненіе кактуса. — **Агрономія.** Великъ ли вредъ, приносимый земледѣлію кротомъ. — **Медицина и гигіена.** 1) Шестидневная велосипедная гонка. 2) Взрывы въ каменноугольныхъ шахтахъ и послѣдствія излишней искусственной вентиляціи. 3) Новый способъ уничтоженія городскихъ отбросовъ и нечистотъ.

Біологія. 1) *Парабіозъ у муравьевъ.* Auguste Forel сообщилъ недавно обществу натуралистовъ Ваадта о любопытномъ способѣ ассоціаціи, наблюдавшемся имъ у нѣкоторыхъ муравьевъ Колумбіи. Есть виды муравьевъ, которые охотно устраиваютъ смѣшанные муравейники; это наблюдается и у нѣкоторыхъ видовъ европейскихъ муравьевъ: часто находятъ смѣшанныя колоніи, занимающія одно и то-же жилище, причемъ галлереи и кладовыя, принадлежащія одному виду, хотя и переплетаются съ ходами и кладовыми, принадлежащими другому виду, однако нигдѣ не сообщаются между собою. Иначе дѣло обстоитъ у нѣкоторыхъ видовъ муравьевъ Колумбіи. Forel наблюдалъ два различныхъ рода, Dolichoderus и Crematogaster, которые имѣютъ очень различныя привычки и въ то же время живутъ вмѣстѣ въ полномъ единеніи. Часто можно наблюдать, говоритъ Forel, какъ эти два рода муравьевъ бѣгаютъ по одной и той же дорожкѣ и въ полномъ согласіи: дорожка бываетъ иногда узка и насѣкомыя часто встрѣчаются между собою. Но вотъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ гнѣзда дорожка раздѣляется: каждый родъ муравьевъ идетъ къ своимъ спеціальнымъ занятіямъ; одни направляются къ вѣточкамъ, на которыхъ сидятъ тѣ и другія насѣкомыя, другіе—къ растеніямъ съ питательными соками. Обратный путь къ жилищу происходитъ въ такомъ же полномъ порядкѣ. Въ муравейникѣ Crematogaster и Dolichoderus, хотя и занимаютъ отдѣльныя кладовыя и жилыя помѣщенія, такъ что никогда оба рода не живутъ вмѣстѣ въ одномъ и томъ же помѣщеніи, однако жилища ихъ смежны между собою и проходъ изъ жилищъ, принадлежащихъ первымъ, въ жилища, принадлежащія послѣднимъ, вполнѣ свободенъ, ничто также не отдѣляетъ гнѣздъ муравьевъ. Этому роду ассоціаціи Forel далъ названіе *парабіоза.* Нужно замѣтить впрочемъ, что парабіозъ этихъ видовъ не является чѣмъ-нибудь постояннымъ, и Forel наблюдалъ гнѣзда, занятыя исключительно то однимъ, то другимъ родомъ муравьевъ.

2) *Запахъ земли.* Clarke Nuttal приписываетъ всѣмъ извѣстный запахъ свѣже-вспаханной земли присутствію бактерій, находящихся въ землѣ въ цѣлой массѣ колоній. Въ послѣднее время онѣ были изолированы и изучены. Это такъ называемыя Cladothrix Odorifera — безцвѣтныя, если ихъ разсматривать отдѣльно, но имѣющія молочно-бѣлую окраску, если онѣ сгруппированы въ большія колоніи. Онѣ размножаются дѣленіемъ и выдѣляютъ особое вещество, которое улетучивается и даетъ тотъ специфическій запахъ, которымъ обла-

даетъ свѣже-вспаханная земля. Cladothrix odorifera обладаетъ способностью выносить длинные періоды засухи; развитіе ея тогда останавливается, но она остается живою и достаточно появленія влаги, чтобы возвратить ей силы и способность къ дальнѣйшему размноженію. Она обладаетъ также способностью противостоять ядамъ, такъ, напр., сулема не всегда убиваетъ ее. Присутствіе влаги является необходимымъ условіемъ ея активной жизни, вотъ почему, безъ сомнѣнія, запахъ земли въ особенности рѣзко ощутимъ послѣ дождя. Пахучее вещество, выдѣляемое бактеріями, также какъ и вода, испаряется сильнѣе, когда находящіяся подъ поверхностью слои земли будутъ проведены на поверхность и этимъ объясняется болѣе рѣзкій запахъ свѣже-вспаханной земли. (R. scientifique).

Зоологія. 1) *Живучесть нѣкоторыхъ рыбъ.* Нерѣдко приходится констатировать отдѣльные случаи чрезвычайной живучести различныхъ животныхъ видовъ при наступленіи неблагопріятныхъ условій для ихъ существованія. Въ своемъ сочиненіи объ островѣ Цейлонѣ подъ заглавіемъ «Въ странѣ веддасовъ» Emile Deschamps передаетъ очень интересный примѣръ такой необыкновенной живучести. Рисовыя плантаціи, которыми изобилуютъ низменныя мѣстности острова, дающія населенію главное средство пропитанія, нуждаются въ обильномъ орошеніи. Такъ какъ на островѣ дождливое время чередуется съ засухой, то существованіе рисовыхъ плантацій поставлено въ зависимость отъ системы искусственнаго орошенія. Воды рисовыхъ плантацій заключаютъ въ себѣ довольно богатую фауну и нужно à priori предположить, что эти животныя должны обладать особой способностью противостоять неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, въ которыя они часто попадаютъ. Одинъ видъ рыбъ (пока неопредѣленный) обладаетъ, по словамъ наблюдателя, такой способностью сопротивленія неблагопріятнымъ вліяніямъ, которая выходитъ за предѣлы обыкновенной: это выражается въ способности рыбы жить безъ воды достаточно долгое время. Живучесть рыбы доходитъ до маловѣроятныхъ предѣловъ: нѣкоторые экземпляры, помѣщенные въ 60° алкоголь, выживали около получаса. Выставленныя на тарелкѣ подъ прямымъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, онѣ не такъ легко погибаютъ, какъ многіе другіе виды. Помѣщенныя на землѣ, онѣ безпрестанно движутся и, постепенно перемѣщаясь, часто находятъ струйку влаги, слѣдуя по которой, онѣ, наконецъ, добираются до безопаснаго мѣста. Пробовали держать ихъ безъ воды въ теченіе 24 часовъ: въ концѣ этого времени оказалось, что на пять рыбъ четыре были еще живы. Эти животныя обладаютъ также, повидимому, особымъ чутьемъ, которое указываетъ имъ, гдѣ находится наиболѣе близкая вода, такъ какъ при движеніи по землѣ они всегда направляются къ мѣстамъ, гдѣ есть вода. Мы говоримъ «повидимому», такъ какъ объясненіе можетъ оказаться и невѣрнымъ; дѣло въ томъ, что направленіе передвиженія можетъ зависѣть отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, какъ, напр., отъ наклона мѣстности.

Живучесть этихъ рыбъ видна также изъ того, что онѣ способны проводить достаточно долгое время - отъ времени сбора риса до новаго посѣва—въ низинахъ рисовыхъ плантацій въ грязи, оставшейся влажною, и не погибаютъ въ ней. Было бы очень интересно поближе изучить этихъ рыбъ, чтобы опредѣлить, чему онѣ обязаны такою живучестью и изучить устройство органовъ, которое должно играть важную роль въ этомъ свойствѣ.

2) *Необычайное изобиліе насѣкомыхъ.* Почти не проходитъ года, чтобы въ какой-либо мѣстности не пришлось наблюдать чрезвычайнаго множества того или иного вида насѣкомыхъ. Трудно съ точностью опредѣлить причину этого явленія; для этого нужно было бы болѣе близкое знакомство съ внѣшними агентами, способными воздѣйствовать на эволюціи жизненнаго цикла этихъ насѣкомыхъ. Во всякомъ случаѣ, если мы даже не можемъ дать удовлетвори-

тельнаго объясненія явленію, оно интересно само по себѣ. Kepyen сообщаетъ въ «Science» недавній фактъ такого рода; ему пришлось наблюдать въ Канзасѣ, въ октябрѣ истекшаго года, необычайное множество бабочекъ, принадлежавшихъ, повидимому, къ виду Anosia plexippus. Количество бабочекъ было такъ велико, что нельзя было работать внѣ закрытыхъ помѣщеній; въ одномъ мѣстѣ бабочки опустились въ такомъ количествѣ на полотно желѣзной дороги, что подошедшій поѣздъ остановился: раздавленныя бабочки сдѣлали рельсы настолько скользкими, что колеса скользили по нимъ. Подобный фактъ не является, впрочемъ, единичнымъ: тотъ же наблюдатель разсказываетъ, что онъ былъ свидѣтелемъ массоваго перелета бабочекъ въ Небраскѣ въ 1885 году; бабочки лѣнивымъ полетомъ направлялись съ сѣвера на югъ. Другой разъ масса насѣкомыхъ опустилась на городъ Линкольнъ (Небраска): направляясь на свѣтъ, они ударялись о стекла освѣщенныхъ домовъ и общественныхъ экипажей. Число ихъ было такъ велико, что ударъ ихъ тѣлъ о стекла трамваевъ производилъ впечатлѣніе паденія града. Воздухъ былъ буквально переполненъ ими. На перекресткахъ нѣкоторыхъ улицъ, гдѣ помѣщались электрическіе фонари, насѣкомыя, ударяясь о лампы, падали на землю и скопились въ такомъ количествѣ, что представляли серьезное неудобство для прохожихъ.

Ботаника. *Новое примѣненіе кактуса.* Roland-Gosselincообщаетъ въ «Bulletin de la Société d'acclimatation» нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній о новомъ примѣненіи, которое нашелъ кактусъ на югѣ Франціи. Оно заключается въ томъ, что живою изгородью изъ опунцій окружаютъ искусственныя плантаціи хвойныхъ деревьевъ съ цѣлью уменьшить шансы истребленія такихъ плантацій пожарами; особенно часты такія опустошенія въ Ландахъ, гдѣ въ послѣднее время широко примѣнялось искусственное облѣсеніе. Дѣйствительно, опунція является до нѣкоторой степени несгораемою: вслѣдствіе значительнаго количества воды, наполняющей ея ткани, она не загорается и пожаръ травы и кустарниковъ, встрѣтившій на своемъ пути изгородь изъ опунцій, останавливается въ своемъ движеніи впередъ, не будучи въ состояніи проникнуть черезъ нее; травы и кустарники, растущіе по другую сторону изгороди остаются невредимыми.

Авторъ сообщенія былъ свидѣтелемъ одного большаго лѣсного пожара на югѣ Франціи, причемъ онъ обратилъ особенное вниманіе на опунціи; оказалось, что пожаръ пощадилъ ихъ, что онѣ сравнительно легко перенесли жаръ и быстро оправились отъ понесенныхъ поврежденій: восемь дней спустя онѣ уже давали новые побѣги и новые бутоны начинали распускаться, тогда какъ ни одно изъ растеній на обгорѣвшей почвѣ не обнаруживало признаковъ жизни. На основаніи этихъ наблюденій Rolland-Gosselin приходитъ къ выводу, что въ странахъ, гдѣ опунція можетъ произростать, слѣдовало бы устраивать живыя изгороди изъ этого растенія въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ; устроивъ ряды параллельныхъ и перпендикулярныхъ посадокъ опунціи, можно раздѣлить лѣса на участки и такимъ образомъ воспрепятствовать распространенію пожара на большіе лѣсные участки: огонь уничтожилъ бы въ такихъ условіяхъ лишь ограниченный участокъ лѣса. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ можно бы даже попытаться акклиматизировать обыкновенные виды опунціи и искусственно культивировать ее, такъ какъ она можетъ оказать громадныя услуги. («Revue scientique»).

Агрономія. *Великъ ли вредъ, приносимый земледѣлію кротомъ?* H. Wilson много занимался вопросомъ: въ какой мѣрѣ кротъ или различные виды этого животнаго могутъ быть признаны врагами земледѣлія? Для рѣшенія вопроса онъ занялся прежде всего разсмотрѣніемъ того, что составляетъ главную и обыкновенную пищу крота; съ этой цѣлью онъ произвелъ вскрытіе нѣсколькихъ кротовъ, чтобы посмотрѣть, чѣмъ наполненъ ихъ желудокъ, такъ какъ

было бы крайне трудно слѣдить за кротомъ цѣлый день и наблюдать за тѣмъ, что онъ ѣстъ и чего не ѣстъ. Изслѣдовавъ содержимое желудка тридцати шести кротовъ, Wilson пришелъ къ тому общему и важному заключенію, что если въ желудкѣ крота и попадается небольшое количество растительной пищи, то ея бываетъ очень мало и попадаетъ она въ желудокъ крота скорѣе по необходимости, чѣмъ по склонности животнаго къ растительной пищѣ. Такъ какъ кротъ роетъ свои жилища въ поверхностныхъ слояхъ почвы, ему поневолѣ приходится перегрызать корни злаковъ и другихъ культурныхъ растеній; точно также, схватывая свою добычу, которая стремится убѣжать, онъ не можетъ избѣгнуть того, чтобы вмѣстѣ съ нею не захватить мелкихъ корней растеній, которые заодно съ добычей и попадаютъ въ его желудокъ; но это дѣйствіе случайное и невольное. Въ дѣйствительности кротъ является животнымъ насѣкомоядныиъ и лишь отыскивая насѣкомыхъ, живущихъ въ землѣ, и ихъ личинки, онъ по пути повреждаетъ нѣкоторые корешки. Тѣмъ не менѣе, кротъ до извѣстной степени вреденъ, если не для земледѣлія, то для садоводства. Съ другой стороны, несомнѣнно установлено, что другія мелкія млекопитающія пользуются галлереями крота и забираются въ нихъ для добычи пищи. Между ними есть травоядныя и вотъ они-то и поѣдаютъ обнаженные кротами корни. Такъ, въ Соединенныхъ Штатахъ серьезныя опустошенія производитъ животное, извѣстное подъ названіемъ Arvicola riparia. Въ началѣ сезона это маленькое млекопитающее устраиваетъ себѣ гнѣздо въ травѣ, но позже, когда скотъ уничтожитъ траву, оно забирается въ галлереи, вырытыя кротомъ, и тамъ производитъ сильныя поврежденія корней, которыя съ перваго взгляда можно было приписать кроту; но послѣдній въ нихъ неповиненъ. Кротъ—животное насѣкомоядное. Его слѣдовало бы скорѣе защищать, такъ какъ, въ свою очередь, онъ защищаетъ посѣвы отъ червей вредныхъ насѣкомыхъ и ихъ личинокъ.

Медицина и гигіена. 1) *Шестидневная велосипедная гонка.* «Médecine moderne» сообщаетъ о нѣкоторыхъ болѣзненныхъ явленіяхъ, наблюдавшихся у участниковъ шестисуточной велосипедной гонки. Всѣ такія явленія были неизбѣжнымъ результатомъ анэміи мозга и нарушенія правильнаго питанія нервной системы, какъ послѣдствія переутомленія и истощенія отъ присутствія въ крови излишка продуктовъ мускульнаго утомленія.

Анэмія мозга была наиболѣе частымъ симптомомъ, легче всего поддававшимся діагнозу. Она являлась обыкновеннымъ слѣдствіемъ начинавшагося упадка сердечной дѣятельности. Какъ только появлялись первые признаки такой анэміи, врачи заставляли участниковъ бѣга бросить состязаніе, если они не желали оставить бѣга при наступленіи симптомовъ болѣзненнаго состоянія.

Однако, нѣкоторые изъ конкуррентовъ обнаружили совершенно необычайную неутомимость. Одинъ изъ нихъ по окончаніи бѣга изъявилъ готовность начать состязаніе снова на слѣдующій день. И дѣйствительно, изслѣдованіе его физическаго состоянія не обнаружило никакой ненормальности его здоровья, такъ что ничто не препятствовало бы продолженію бѣга.

Побѣдитель состязанія также находился въ удовлетворительномъ состояніи послѣ пройденнаго разстоянія въ 2.000 миль. Любопытно отмѣтить тотъ фактъ, что въ теченіе всѣхъ шести сутокъ онъ принималъ минимальное количество животной пищи: онъ питался почти исключительно овощами, плодами, яйцами и жидкостями. Онъ не принималъ никакихъ возбуждающихъ средствъ и въ теченіе ста сорока четырехъ часовъ спалъ всего лишь девять часовъ съ четвертью.

2) *Взрывы въ каменноугольныхъ шахтахъ и послѣдствія излишка искусственной вентиляціи.* Въ замѣткѣ, напечатанной въ «Revue universelle des Mines» F. Büttgenbach разсматриваетъ причины страшнаго взрыва въ каменноугольныхъ копяхъ въ Вестфаліи. Во время этого несчастія погибло 120 ра-

бочихъ, находившихся во время взрыва болѣе чѣмъ на 1.000 метровъ отъ мѣста взрыва, притомъ въ этажахъ, расположенныхъ на 200 метровъ выше этого пункта. Авторъ сопоставляетъ этотъ несчастный случай съ недавними изслѣдованіями Гальдана, который установилъ, что асфиксія можетъ быть произведена окисью углерода, подмѣшаннаго къ воздуху въ количествѣ 1,8%; такого количества окиси углерода достаточно, чтобы въ 8 минутъ произвести обморокъ и смерть въ 30, 40 минутъ.

Основываясь на этихъ выводахъ, Бюттгенбахъ приписываетъ недавнюю катастрофу въ Вестфаліи дѣйствію окиси углерода, образовавшейся вслѣдствіе сгоранія находившейся въ воздухѣ шахты мелкой каменноугольной пыли, которая загорѣлась отъ взрыва газа въ шахтѣ. Пыль же была быстро разнесена по всѣмъ галлереямъ дѣйствіемъ энергичной искусственной вентиляціи, которая практиковалась въ копи. При наличности печальныхъ результатовъ такого положенія дѣла, авторъ останавливается надъ вопросомъ: гдѣ же граница, которую не слѣдуетъ переходить при устройствѣ искусственной вентиляціи. Въ свое время Köhler рекомендовалъ какъ средство противъ несчастныхъ случаевъ въ такихъ обстоятельствахъ, немедленное снабженіе всѣхъ галлерей кислородомъ, но Бюттгенбахъ сомнѣвается въ практической пригодности этой мѣры. Практикуемая въ Германіи поливка галлерей съ цѣлью уменьшить способность пыли къ воспламенѣнію точно также, по его мнѣнію, не достигаетъ цѣли.

3) *Новый способъ уничтоженія городскихъ отбросовъ и нечистотъ.* Задача уничтоженія отбросовъ въ большихъ городахъ является одною изъ наиболѣе трудныхъ заботъ, стоящихъ передъ городскимъ управленіемъ, если оно заинтересовано гигіеной и вопросами общей экономіи.

Какъ уничтожать отбросы? Научное разрѣшеніе вопроса можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ: нужно закончить циклъ химическихъ и біологическихъ реакцій и процессовъ, одною изъ стадій котораго является поддержаніе человѣческаго организма.

Для жидкихъ и полужидкихъ нечистотъ задача получила, наконецъ, окончательное рѣшеніе. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ни одна часть водъ канализаціонной системы (égouts) Парижа не будетъ направляться въ Сену, какъ это практиковалось до сихъ поръ; всѣ эти воды будутъ направляться на особо для этой цѣли отведенныя поля, которыя достаточно велики, чтобы очистить ихъ. Если бы, однако, оказалось, что поля недостаточно велики для того, чтобы вполнѣ утилизировать всѣ удобряющіе элементы, то нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что поливка удобряющими водами распространится и на поля частныхъ владѣльцевъ, и такимъ образомъ будетъ гарантирована полная утилизація одобреній.

Труднѣе задача уничтоженія твердыхъ отбросовъ. Она разрѣшалась различно. Обыкновенно, на спеціально для этой цѣли предназначенныхъ участкахъ земли складывались мусорныя кучки различной величины и въ этихъ кучахъ оканчивались процессы броженія. Но этотъ способъ представляетъ много неудобствъ: зараженіе воздуха сквернымъ запахомъ, потеря азота и части каліевыхъ солей, засореніе полей медленно разлагающимся, недѣятельнымъ матеріаломъ—вотъ послѣдствія такого способа уничтоженія отбросовъ. Сожиганіе отбросовъ, широко практикующееся въ Англіи, предпочтительнѣе съ гигіенической точки зрѣнія, но оно очень дорого и оставляетъ массу инертнаго пепла, который скоро представилъ бы серьезныя неудобства. Наконецъ, сожиганіе имѣетъ еще болѣе худую сторону, такъ какъ оно уничтожаетъ всѣ органическіе элементы, которые подъ названіемъ гумуса идутъ на питаніе растеній; почвы окрестностей Парижа, въ частности, очень бѣдны гумусомъ и сожиганіе этого драгоцѣннаго элемента въ такихъ условіяхъ является серьезной потерей. Обработка паромъ подъ давленіемъ, заимствованная у американцевъ, страдаетъ тѣмъ же главнымъ недостаткомъ: оно разрушаетъ гумусъ. Съ точки зрѣнія гигіены она тоже не

вполнѣ выдерживаетъ критику, такъ какъ при этомъ распространяется скверный запахъ. Д-ръ J. Pioger нашелъ и послѣ долгихъ практическихъ опытовъ далъ простое и полное разрѣшеніе трудной задачи. Онъ соорудилъ очень простую и удобную машину для измельченія твердыхъ отбросовъ. Послѣдніе выходятъ изъ нея въ видѣ порошка, состоящаго изъ крупныхъ зеренъ, и поступаютъ прямо въ вагонъ, который долженъ увезти отбросы на мѣсто ихъ потребленія. Этотъ способъ имѣетъ то громадное преимущество, что при немъ ничто не пропадаетъ, такъ какъ ферментація отбросовъ начинается лишь черезъ два дня и начинается уже на поляхъ для ихъ же пользы. Чрезвычайная простота труда, требующаго лишь двигательной машины и машины для измельченія, дѣлаетъ его въ высшей степени экономнымъ. Продуктъ является въ чрезвычайно удобной формѣ для перевозки и для равномѣрнаго разбрасыванія по поверхности удобряемаго поля. Зимою земледѣлецъ безъ неудобствъ можетъ запастись матеріаломъ; процессы броженія въ это время сильно замедлены или даже почти прекращаются. Чтобы предохранить себя отъ выдѣленія сквернаго запаха, достаточно покрыть кучи тонкимъ слоемъ гипса или извести. Итакъ, мы видимъ, что при способѣ, предложенномъ J. Pioger'омъ теоретическій циклъ химическихъ и біологическихъ реакцій доведенъ до своего минимума и является вполнѣ законченнымъ. На практикѣ, къ тому же, онъ явится наиболѣе дешевымъ и выгоднымъ.

Новая задача, поставленная на разрѣшеніе насущной потребностью соціальной жизни, такимъ образомъ, еще разъ разрѣшена съ помощью науки и практики—единеніе необходимое для того, чтобы разрѣшеніе такихъ задачъ могло явиться раціональнымъ и полезнымъ для человѣчества. («R. générale des sciences»).

Н. М.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Апрѣль. 1899 г.

Содержаніе: *Русскія и переводныя книги*: Беллетристика.—Публицистика.—Исторія всеобщая.—Политическая экономія.—Антропологія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.—*Иностранная литература*: Изъ западной культуры. «Schicksatsmensch». Ив. Иванова.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

И. Н. Потапенко. «Повѣсти и разсказы».—*А. Вербицкая.* «Сны жизни», разсказы.

И. Н. Потапенко. Повѣсти и разсказы. Т. XII. Ц. 1 р. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1899 г. Врядъ ли кому изъ беллетристовъ доставалось столько отъ критиковъ и рецензентовъ, какъ г-ну Потапенкѣ, за его, будто бы много-и скорописаніе. Двѣнадцатый томъ повѣстей и разсказовъ—развѣ жъ это не много, когда произведенія лучшихъ нашихъ современныхъ писателей укладываются въ два, три томика? Съ этимъ мы никакъ согласиться не можемъ. Ни въ чемъ, быть можетъ, не сказывается больше русская «непроизводительность», та «improductivité slave», которая вошла въ пословицу на Западѣ, какъ въ работѣ нашихъ художниковъ послѣдняго времени, и только поэтому-то написанные г. Потапенкой двѣнадцать томиковъ въ теченіе почти 20 лѣтъ кажутся чѣмъ-то прямо невѣроятнымъ. Но если сравнить эту художественную работу съ продуктивностью большихъ художниковъ западно-европейской литературы, она покажется вполнѣ умѣренной. Да и вообще, это странное отношеніе къ писателю—измѣрять его достоинство количествомъ имъ написаннаго. Большая часть русскихъ писателей, дѣйствительно, крайне непроизводительны. По большей части, это люди порыва, и для длительной плодотворной работы, за рѣдкими исключеніями, они просто неспособны. Напишетъ человѣкъ смаху одну, двѣ вещи, сразу выскажется весь безъ остатка—и надолго, а нерѣдко и навсегда—замолкнетъ. Неумѣнье русскаго человѣка работать вообще, его склонность къ созерцательной лѣни и врожденное отвращеніе къ непрерывно-дѣятельной жизни—отразилась и въ литературѣ, гдѣ даже выработалась особая, оправдывающая эту лѣнь теорія, согласно которой таланты не нуждаются въ работѣ. Они должны все брать съ налету, создавать не трудясь и пожинать лавры, не вѣдая мукъ труда творчества, который, какъ и всякій трудъ, есть тяжкій и мучительный долгъ. Отсюда эта неспособность русскаго писателя работать изо дня въ день, сосредоточиваться на этой работѣ и хотя медленно, но съ каждымъ шагомъ подвигаться впередъ, совершенствуясь въ техникѣ, расширяя и углубляя содержаніе своего таланта.

И. Н. Потапенко составляетъ счастливое исключеніе въ смыслѣ рабочей способности и трудовой бодрости, что̀ вмѣстѣ съ его талантомъ, котораго не отрицаютъ въ немъ даже наиболѣе придирчивые критики, дѣлаетъ его однимъ изъ самыхъ живыхъ и занимательныхъ беллетристовъ. Обладая тѣмъ особымъ достоинствомъ, которое такъ цѣнилъ въ художникѣ Тургеневъ—выдумкой, г. Потапенко никогда не повторяется, всегда умѣетъ выбрать интересную и жи-

вую тему и привлечь къ ней вниманіе читателя. Между многочисленными его произведеніями есть, конечно, вещи различнаго достоинства, но ни одной нельзя отказать въ интересѣ и жизненности. Бодрость и живость—вотъ двѣ отличительныя черты его таланта, которыми онъ больше всего подкупаетъ читателя. Одинъ изъ своихъ романовъ онъ назвалъ «Живая жизнь», и намъ кажется, что эти слова могутъ служить общей характеристикой его художественнаго творчества. Именно живая жизнь во всей безконечности ея проявленій служитъ ему неисчерпаемымъ источникомъ, жизнь во всѣмъ проявленіямъ которой онъ относится съ одинаковой любовью и интересомъ, будетъ ли то бѣдная, захудалая, такая однообразная по внѣшности жизнь нашего сельскаго духовенства, такъ прекрасно изображенная имъ въ рядѣ повѣстей и чудесныхъ очерковъ, или жизнь интеллигентной среды, мятущаяся и волнующаяся, безпокойная и лишенная того центра, который вырабатывается только долгой и стойкой культурой, или наша молодежъ, всегда стремительная, спѣшно живущая, жадная къ новымъ впечатлѣніямъ и новымъ ученіямъ, или низшая городская среда, ютящаяся на задворкахъ городской культуры. За это разнообразіе его темъ и живое, не мучительно-выдуманное отношеніе къ нимъ его нерѣдко упрекали въ безпринципности,—упрекъ, по нашему мнѣнію, равно несправедливый и неосновательный. Г. Потапенко, дѣйствительно, писатель не тенденціозный, не подгоняющій свои сюжеты къ заранѣе выбранному шаблону, къ опредѣленному направленію, разъ и навсегда избранному писателемъ. Но вы всегда ясно видите и чувствуете, гдѣ симпатія автора, что живѣе заставляетъ биться его сердце и вызываетъ въ немъ гнѣвъ или негодованіе. Въ немъ нѣтъ безстрастнаго равнодушія, хотя, какъ истый художникъ, онъ никогда не подчеркиваетъ, находя вполнѣ справедливо излишнимъ дѣлить своихъ героевъ на праведныхъ и козлищъ, представляя этотъ судъ уму и сердцу читателя.

Переходя къ двѣнадцатому тому, мы должны отмѣтить и недостатки г. Потапенки, заключающіеся, главнымъ образомъ, въ торопливости его работы, въ недостаточной отдѣланности и продуманности его произведеній, которыя всегда хорошо задуманы, но далеко не всегда доведены до конца съ надлежащимъ вниманіемъ. Такъ, въ этомъ томѣ есть двѣ вещи—«Уставъ» и «Двѣ полосы», очень интересныя по темѣ, но, что̀ называется, скомканныя до послѣдней степени. «Уставъ» названъ даже повѣстью, хотя всѣ лица въ ней чуть-чуть лишь намѣчены. Между тѣмъ, одинъ характеръ, хотя бы чиновника Похожева, умнаго, дѣльнаго и ученаго магистра, промѣнявшаго каѳедру на бойкую бюрократическую карьеру и томящагося пустотой и безцѣльностью своей работы въ канцелярскихъ нѣдрахъ, гдѣ весь его умъ и наука уходятъ въ упорядоченіе ничтожныхъ дѣлъ, нисколько не увлекающихъ его,—это такой современный типъ, который могъ бы послужить для цѣлаго романа. Тоже самое слѣдуетъ сказать и относительно «эпизода изъ недавняго прошлаго», какъ названъ разсказъ «Двѣ полосы», въ которомъ авторъ коснулся очень интересной темы. Разсказана исторія одного фиктивнаго брака, но именно только «разсказана»: въ повѣсти нѣтъ дѣйствія, мы не видимъ героевъ, не слышимъ ихъ рѣчей—за нихъ дѣйствуетъ и говоритъ авторъ, торопливо, скороговоркой, словно куда-то спѣшитъ, лишь бы скорѣе покончить съ надоѣвшей ему исторіей. Авторъ какъ-будто нарочно портитъ то, что̀ при обработкѣ могло бы дать одинъ изъ интереснѣйшихъ романовъ, какіе въ недавнемъ прошломъ очень нерѣдко разыгрывались въ жизни нашей воинствующей интеллигенціи.

Двѣ другихъ вещи—«Мужицкая канитель» и «Сфинксъ»—уже совсѣмъ въ иномъ родѣ. Это наблюденія надъ жизнью деревни, написанныя просто и живо въ особенности «Мужицкая канитель», содержаніемъ которой служатъ сцены въ волостномъ судѣ, гдѣ предъ нами проходятъ деревенскіе типы и раскрываются разные характерные случаи крестьянской жизни. «Сфинксъ»—разсказъ

изъ жизни интеллигента, попавшаго на лѣто въ деревню, куда онъ привозитъ съ собой и готовый, заимствованный изъ книги взглядъ на крестьянство, которое оказывается въ дѣйствительности сфинксомъ, мудреной загадкой, такъ и не поддавшейся рѣшенію заѣзжаго горожанина. Изъ деревни онъ увозитъ одну только для него незыблемую истину, что народъ просто-на-просто изголодался и что его прежде всего «кормить надо». Написаны и «Мужицкая канитель», и «Сфинксъ» живо и интересно и, какъ все, что касается жизни современной деревни, заслуживаютъ вниманія.

А. Вербицкая. Сны жизни. Разсказы. Москва. 1899 г. Ц. 1 р. Непонятно и странно, почему авторъ назвалъ сборникъ своихъ разсказовъ «Сны жизни», когда существенное достоинство ихъ заключается именно въ реальности содержанія. Такое вычурное и по существу неясное заглавіе можетъ ввести многихъ въ заблужденіе, что во всякомъ случаѣ не въ интересахъ автора. Сборникъ заключаетъ семь разсказовъ, не одинаковаго, конечно, достоинства, но всѣ вполнѣ заимствованы изъ дѣйствительности, которую съ большимъ или меньшимъ талантомъ пытается воспроизвести г-жа Вербицкая. Каждый изъ нихъ даетъ картинку жизни, хорошо обдуманную и въ общемъ умѣло нарисованную, написанную въ задушевномъ, хотя мѣстами и приподнятомъ тонѣ, что не всегда отвѣчаетъ содержанію. Лучшихъ два очерка—«Пробужденіе» и «Элегія», впрочемъ, свободны отъ этого недостатка, дающаго себя чувствовать сильнѣе всего въ разсказѣ «Репетиторъ». Это одна изъ обычныхъ, къ сожалѣнію, у насъ исторій бѣдственной жизни бѣдняка студента, всѣми силами выбивающагося къ жизни изъ путъ горькой нищеты, тормозящихъ всѣ его порывы. Но какъ ни горька сама по себѣ такая жизнь, все же возводить ее чуть не въ трагедію значитъ неумѣло подходить къ факту, давая ему ложное освѣщеніе и въ то же время, вмѣсто сочувствія, вызывая въ читателѣ легкую и неумѣстную насмѣшку надъ злополучнымъ героемъ. Справедливо, много хорошихъ силъ пропадаетъ у насъ также, какъ и этотъ бѣднякъ репетиторъ. Но задача художника не въ томъ, чтобы ахать и охать по этому случаю, а заставить насъ пережить и прочувствовать эту разбитую жизнь, представивъ ее во всей художественной правдивости и простотѣ.

Тамъ, гдѣ авторъ не взвинчиваетъ себя и остается вѣрнымъ правдѣ, не выходя изъ рамокъ сюжета, ему это почти всегда удается. Таковъ очеркъ «Элегія», написанный дѣйствительно хорошо и задушевно. Выведенныя двѣ противоположныя натуры—черстваго эгоиста, не понимающаго ничего, что прямо и непосредственно его не касается, и простой, но доброй и чуткой дѣвушки-учительницы, любящей свое дѣло,—очерчены просто и даже ярко. Очень хорошъ также разсказъ—«Одна», въ которомъ сильно и живо представлена опять эгоистическая натура, готовая принести въ жертву весь міръ своему «я», съ ненавистью отворачивающаяся отъ всего, что не мирится съ такимъ чудовищнымъ себялюбіемъ, Два разсказа «Ночью» и «Поздно» написаны на одну и ту же тему—печальнаго сознанія, что жизнь кончена и впереди остается будничное, не скрашенное живымъ чувствомъ существованіе. Оба разсказа нѣсколько испорчены шаблонностью обработки: «онъ» и «она» начинаютъ ныть въ одну и ту же ноту и, правду сказать, не вызываютъ особаго сочувствія. Не видно, почему эта жизнь, какъ они сами ее себѣ устроили, не дала имъ того, что имъ хотѣлось бы у нея взять. Нужно, впрочемъ, отмѣтить, что эта унылая нотка звучитъ вообще во всемъ сборникѣ, дѣлая его нѣсколько монотоннымъ, по преобладающему въ разсказахъ настроенію неудовлетворенности и тоски жизни. Конечно, такое настроеніе вполнѣ законно и не мѣшаетъ художественности впечатлѣнія, но когда всѣ очерки имъ проникнуты, то получается въ общемъ избытокъ тоскливаго ощущенія и нѣкоторое досадливое ощущеніе безцѣльнаго нытья. Отъ этого настроенія вполнѣ свободенъ только раз-

сказъ «Пробужденіе», правда, тоже не веселый по сюжету, но въ которомъ чувствуется бодрое вѣяніе молодой и готовой къ житейской борьбѣ любви, съ радостью идущей на встрѣчу суровымъ задачамъ жизни. Это бодрящее настроеніе отразилось и на внѣшности очерка, написаннаго сжато, безъ лишнихъ словъ и деталей, подчеркиваній и утомительной растянутости, что даетъ себя чувствовать въ большинствѣ произведеній г-жи Вербицкой.

Общее, однако, впечатлѣніе, какое выносишь изъ настоящаго сборника, все же въ пользу автора, котораго выгодно выдѣляетъ его горячее сочувствіе ко всему живому и страждущему, его умѣнье обрисовать темныя стороны изображаемой ими жизни и передать свое настроеніе читателю. Несомнѣннымъ также достоинствомъ является хорошій языкъ, какимъ написаны разсказы, хотя ему и не достаетъ пластической образности и яркости въ описаніяхъ.

ПУБЛИЦИСТИКА.

П. Мижуевъ. «Очеркъ развитія средняго образованія въ Англіи».—*Г. Лихтенбергъ.* «Афоризмы».

П. Г. Мижуевъ. Очерки развитія и современнаго состоянія средняго образованія въ Англіи. Ц. 80 к. Изд. ред. журнала «Русская Школа». 1898 г. Вопросъ о необходимости реформы нашей средней школы, преобразованной въ 70-хъ годахъ, настолько назрѣлъ въ настоящее время, что даже самые ярые сторонники реформы гр. Д. А. Толстого признаютъ его и если продолжаютъ отстаивать классическую систему, какъ таковую, все же соглашаются, что въ своемъ современномъ видѣ она не отвѣчаетъ запросамъ времени. Любопытно и полезно поэтому ознакомленіе съ постановкой средней школы въ другихъ странахъ, опытъ которыхъ, болѣе длительный и болѣе разумно обставленный, даетъ хорошій матеріалъ для сравненія и выводовъ о примѣнимости и удобствахъ той или иной системы. Въ этомъ отношеніи средняя школа въ Англіи даетъ особенно поучительныя данныя. Здѣсь она сложилась вѣками; есть школы съ вѣковыми традиціями, съ цѣлой исторіей, въ которой накапливался матеріалъ наблюденій и фактовъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Книга г. Мижуева, посвященная этой исторіи и современному ходу развитія средней школы въ Англіи, очень своевременна и очень интересна. «Англійская общественная школа,—говоритъ авторъ,—по своимъ внутреннимъ порядкамъ представляетъ Англію въ миніатюрѣ; децентрализованное управленіе, власть, рѣдко напоминающая о себѣ при обыкновенномъ теченіи дѣлъ, дѣйствующая издалека и разсчитывающая болѣе на нравственное вліяніе своего авторитета, нежели на одну силу принужденія. «Мониторы» (старшіе изъ учениковъ, «старшины»)—настоящіе помощники директора и туторовъ (воспитателей) по наблюденію за порядкомъ въ школѣ—научились разумно пользоваться властью добровольнымъ повиновеніемъ въ младшихъ классахъ. Они достигли старшаго класса, не переставая быть въ сообществѣ со старшими въ школѣ учениками, всегда сохраняя отчетливое сознаніе того, что одобряется или порицается общественнымъ мнѣніемъ товарищей, они привыкли уважать личность каждаго воспитанника, если только прямые интересы школы не требуютъ принесенія въ жертву интересовъ отдѣльнаго лица... Въ англійскихъ школахъ наказанія рѣдки. Обращаясь къ дѣтямъ, стараются воздѣйствовать на ихъ чувство чести, поднять въ нихъ чувство отвѣтственности за свои поступки, а никакъ не полагаются на однѣ лишь угрозы наказанія». Такова воспитательная сторона школы. Образовательная стоитъ не менѣе высоко. Хотя преобладаетъ классическая школа, но за послѣднее время «древніе языки, и въ особенности греческій,

все болѣе и болѣе теряютъ свое привилегированное положеніе, уступая мѣсто естествознанію и новымъ языкамъ. По изслѣдованію директора школы Харроу, обратившагося съ запросомъ въ 75 главныхъ англійскихъ школъ, оказывается, что изъ 20.000 учениковъ этихъ школъ болѣе 10.000 не учится греческому языку». Сокращены также требованія по древнимъ языкамъ даже въ наиболѣе консервативныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Англіи, въ университетахъ Кэмбриджа и Оксфорда.

Англичане въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ самый консервативный народъ и упорно держатся извѣстныхъ традицій. То же самое проявляется и въ развитіи средней школы, гдѣ они не допускаютъ никакой ломки. Но такъ какъ школы находятся всецѣло въ рукахъ общества, то, по мѣрѣ новыхъ требованій жизни, вводятся и новые предметы, измѣняются постепенно программы старыхъ и вырабатывается въ общемъ типъ школы необыкновенно устойчивый, но въ то же время и необыкновенно эластичный, вполнѣ приспособляемый къ тѣмъ цѣлямъ, которыя преслѣдуетъ общество. При всемъ разнообразіи программъ, которыя каждая школа вырабатываетъ примѣнительно къ мѣстнымъ особенностямъ, въ англійской системѣ средняго образованія есть одна общая всѣмъ школамъ неизмѣнная тенденція—школа должна служить интересамъ и потребностямъ общества. Школа для общества, а не наоборотъ. Только такимъ путемъ вырабатываются въ этой школѣ настоящіе люди, тѣ знаменитости, имена которыхъ вырѣзаны на столахъ главнѣйшихъ школъ и которыми онѣ гордятся, какъ виднѣйшими образцами проводимаго школою воспитательнаго метода. Но чтобы стать такою, школа должна быть достояніемъ именно общества, и гдѣ этого нѣтъ, тамъ школа превращается въ мертвящую схоластическую дисциплину, уродующую личность и приготовляющую безвольныя орудія, а не живыхъ и энергичныхъ дѣятелей.

Г. Х. Лихтенбергъ Афоризмы. Переводъ съ нѣмецкаго Н. М. Соколова. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к. Георгъ Христофоръ Лихтенбергъ, имя котораго едва ли многимъ извѣстно, принадлежалъ къ числу выдающихся людей прошлаго столѣтія, по уму и всесторонней эрудиціи родственныхъ такимъ универсальнымъ геніямъ, какъ Лейбницъ или Вольтеръ. Прошлое столѣтіе было особенно богато такими удивительно свѣтлыми разносторонними умами, представлявшими ходячую энциклопедію своего времени. Люди тогда были еще далеки отъ современной намъ удручащей спеціализаціи, дѣлающей насъ какими-то книгами, замкнутыми для всякаго, кто не принадлежитъ къ одному съ нами цеху. Они смотрѣли на міръ, какъ на открытое поле для своей любознательности, и стремились объять его, открывая въ то же время свои знанія и душу для всѣхъ. Лихтенбергъ представляетъ замѣчательный типъ такого пытливаго и открытаго для общенія со всѣми ума. Замѣчательный лингвистъ, ученый и талантливый математикъ, критикъ и глубокій, острый аналитикъ, онъ всю жизнь проводитъ въ движеніи, путешествуетъ, читаетъ лекціи, всѣмъ и всѣми интересуется и никогда не останавливается въ своей ненасытимой страсти все узнать, все видѣть и понять. Болѣзненный отъ рожденія, горбатый, вслѣдствіе несчастнаго случая въ дѣтствѣ, онъ проявилъ удивительную нервную силу, выразившуюся въ многочисленности и разнообразіи его умственныхъ интересовъ, въ какой-то вѣчно-юношеской порывистости души и неугомонности духа, какъ можно судить по его сочиненіямъ, касающимся самыхъ разнородныхъ темъ. Но изъ всего этого духовнаго наслѣдства сохранилъ значеніе до нашихъ дней и обезсмертилъ его имя — дневникъ, или, какъ онъ самъ называлъ его, — книга мыслей, составленная изъ замѣтокъ, афоризмовъ, сужденій и всегда остроумныхъ, хотя и бѣглыхъ иногда наблюденій. По мѣткости, глубинѣ и силѣ выраженія, эти афоризмы съ полнымъ правомъ могутъ быть поставлены на ряду съ извѣстными афоризмами Лябрюйера, Ларошфуко и мыслями Паскаля. Правда, имъ не-

достаетъ той легкости и артистической законченности, которыми отличаются афоризмы названныхъ французскихъ мыслителей. Въ афоризмахъ Лихтенберга сказалась тяжеловѣсность тевтонскаго ума, съ его стремленіемъ, повозможности. втиснуть все, что можетъ войти въ данные предѣлы, чтобы съ наибольшей точностью и полнотой выразить данную мысль. Но если отъ этого его афоризмы теряютъ въ легкости и изяществѣ, зато они выигрываютъ въ глубинѣ и опредѣленности.

Предлагаемый сборникъ представляетъ это главное произведеніе Лихтенберга въ переводѣ г. Соколова, вѣрно передающемъ какъ форму, такъ и сущность подлинника. Для характеристики какъ перевода, такъ и для нѣкотораго ознакомленія съ содержаніемъ афоризмовъ Лихтенберга, приводимъ нѣкоторые изъ нихъ, болѣе простые и легче запоминаемые.

«Въ разумѣ—человѣкъ, въ страстяхъ—Богъ.

«Рабскій поступокъ—не всегда поступокъ раба.

«Во многихъ отношеніяхъ привычка очень вредна. Это ея дѣло, когда несправедливость считаютъ справедливостью и ошибку—истиною.

«Кто могъ бы подражать хорошо, тотъ рѣдко подражаетъ.

«Перемудрить—это одинъ изъ самыхъ позорныхъ видовъ глупости.

«Гордость, благородная страсть, не закрываетъ глазъ на свои ошибки. Это дѣлаетъ только высокомѣріе.

«Давать обѣтъ—бо̀льшій грѣхъ. чѣмъ нарушить его.

«Наши слабости намъ не вредятъ, когда мы ихъ знаемъ.

«Тамъ, гдѣ умѣренность—ошибка, равнодушіе—преступленіе.

«Дѣвушка, которая открываетъ своему другу тѣло и душу, открываетъ ему тайны всего женскаго пола; каждая дѣвушка—это жрица женскихъ мистерій. Бываютъ случаи, когда крестьянская дѣвушка выглядитъ, какъ королева по душѣ и тѣлу.

«Природа создала дѣвушекъ такъ, что онѣ должны дѣйствовать не по принципамъ, а по ощущеніямъ.

«Краснѣютъ ли люди отъ стыда въ потемкахъ? Думаю, что отъ страха въ потемкахъ блѣднѣютъ, но краскѣ стыда въ темнотѣ не вѣрю. Блѣднѣютъ только для себя, а краснѣютъ и для себя, и для другихъ. Вопросъ, краснѣютъ ли дѣвушки въ темнотѣ, очень важный вопросъ,—по крайней мѣрѣ, такой вопросъ, который нельзя рѣшить при дневномъ свѣтѣ.

«Не удивительно ли, что люди такъ часто воюютъ за религію и такъ рѣдко живутъ по ея предписаніямъ?

«Даже самые умные люди гораздо охотнѣе встрѣчаютъ тѣхъ, которые приносятъ деньги, чѣмъ тѣхъ, которые ихъ уносятъ.

«Ошибаться—потому человѣческое свойство, что животныя ошибаются мало или совсѣмъ не ошибаются,—по крайней мѣрѣ, самыя умныя изъ нихъ».

По этимъ выхваченнымъ нами на удачу мѣткимъ и красивымъ афоризмамъ читатели могутъ составить отчасти представленіе объ умѣ Лихтенберга, нѣсколько скептическомъ и склонномъ къ недовѣрію и анализу самыхъ, повидимому, установившихся положеній. Не менѣе остроумны его наблюденія въ области психологіи, въ которыхъ онъ является тонкимъ аналитикомъ, умѣющимъ подмѣтить всевозможные оттѣнки душевныхъ настроеній.

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ.

Ю. Белохъ. «Исторія Греціи».— *Ж. Губеръ.* «Исторія іезуитовъ».—*В. К. Надлеръ.* «Лекціи по исторіи французской революціи».—*Жюссеранъ.* «Исторія англійскаго народа».

Ю. Белохъ. Исторія Греціи. Переводъ съ нѣмецкаго М. Гершензона. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Т. I. Москва 1897 (XIII+500 стр. 8°). Ц. 2 р. Т. II. М. 1899 (X+527 стр. 8°). Ц. 2 р. «Исторія Греціи» проф. Белоха обратила на себя вниманіе уже при появленіи ея перваго тома на нѣмецкомъ языкѣ въ 1893 г. Въ 1897 г. она была закончена изданіемъ второго тома, въ которомъ изложеніе заканчивается завоеваніемъ Азіи Александромъ Македонскимъ. Глубокое знаніе источниковъ, здравая и смѣлая историческая критика и основанная на ней оригинальность и независимость взглядовъ на многія явленія греческой исторіи, талантливое, изящное изложеніе—все это дѣлаетъ трудъ Белоха важнымъ не только для спеціалистовъ ученыхъ, но и для болѣе широкаго круга читателей. Уже давно не появлялось труда по исторіи Греціи, охватывающаго такой большой промежутокъ времени (около пяти столѣтій), который представлялъ бы такую органически-цѣльную картину историческаго развитія эллинскаго племени. Особенное вниманіе обращаетъ на себя то обстоятельство, что въ книгѣ важное мѣсто занимаютъ главы, излагающія *экономическое* развитіе Греціи. Эти главы появляются въ общемъ изложеніи греческой исторіи впервые. Мы, конечно, не можемъ въ рецензіи передать всѣ подробности изложенія проф. Белоха. Намъ поневолѣ придется ограничиться только нѣкоторыми чертами, наиболѣе отступающими отъ обычнаго изложенія греческой исторіи.

Первый томъ доводитъ исторію Греціи до похода аѳинянъ въ Сицилію 415 года. Въ возстановленіи древнѣйшаго періода авторъ старается, по возможности, освободиться отъ вліянія греческаго преданія, которое, по его мнѣнію, представляетъ довольно позднія комбинаціи, имѣвшія цѣлью согласовать историческіе факты съ данными національной эпической поэзіи, которую греки принимали за историческое преданіе. Отсюда цѣлый рядъ миѳовъ о разселеніи и переселеніяхъ греческихъ племенъ, объ основаніи различныхъ городовъ и колоній. Переселеніе дорянъ въ Пелопоннесъ, которое обыкновенно принимается за древнѣйшій историческій фактъ, Белохъ считаетъ такимъ же миѳомъ. Въ древнѣйшую пору греческой исторіи главную роль въ экономической жизни играло скотоводство: быки и овцы играли роль денегъ. Но вскорѣ и сельское хозяйство начинаетъ пріобрѣтать все большее и большее значеніе. Общинное владѣніе землею, остатки котораго еще сохраняются мѣстами, уже начинаетъ замѣняться личною собственностью: уже существуютъ безземельные батраки. Богатые аристократы защищаютъ свое привилегированное положеніе противъ неимущихъ сельскихъ работниковъ и мелкихъ собственниковъ при помощи металлическаго вооруженія и боевой колесницы. Между греческими колоніями и метрополіей поддерживались постоянныя торговыя связи, которыя сильно способствовали развитію греческой національной промышленности, и постепенно произведенія Востока, привозимыя финикійскими купцами, были вытѣснены греческими товарами. Съ развитіемъ торговли и мореплаванія прекращается мало-по-малу морской разбой, устанавливаются мирныя отношенія и развивается институтъ гостепріимства (проксенія). На почвѣ дальнѣйшаго развитія земледѣлія пропасть между богатыми и бѣдными увеличивается: хозяева мелкихъ надѣловъ попадаютъ въ рабство къ богачамъ. Возникшія на этой почвѣ неурядицы стараются уладить установленіемъ точныхъ законовъ и реформами (напр., Солона). Но это мало помогало дѣлу, такъ какъ экономическое господство аристократіи этими реформами обыкновенно не устранялось. Народъ волновался,

свергалъ аристократическое правленіе и ставилъ во главѣ государства тирановъ. Но тиранія рѣдко удерживалась долго. Сослуживъ свою кратковременную службу, тиранія уступала свое мѣсто демократіи. Побѣдоносная борьба противъ Персіи повлекла за собою еще большее развитіе метрополіи. Экономическій центръ тяжести изъ малоазіатскаго побережья перемѣстился въ метрополію, такъ какъ торговыя сношенія колоній съ враждебной Персіей были затруднены и взамѣнъ того еще болѣе усилились сношенія съ метрополіей. Подъ верховнымъ руководствомъ Аѳинъ для защиты противъ Персіи складывается союзъ греческихъ государствъ. Демократическій строй распространяется въ большинствѣ государствъ греческаго міра. Аѳины и Спарта, достигшія полнаго расцвѣта, наконецъ, приходятъ въ столкновеніе и возгорается Пелопонесская война.

Мы не станемъ останавливаться на изложеніи политическихъ событій, а перейдемъ прямо къ содержанію второго тома, гдѣ тоже, главнымъ образомъ, отмѣтимъ нѣкоторыя оригинальныя воззрѣнія автора. Развившаяся въ Аѳинахъ демократія страдала большими недостатками. Невѣжественное большинство народнаго собранія, плохо понимая политическія дѣла, естественно должно было подчиняться наиболѣе ловкимъ руководителямъ, и на этой почвѣ развилась демагогія, которая угождала низменнымъ инстинктамъ толпы. Главную язву демократіи составляло судопроизводство. Чтобы устранить возможность подкупа бѣднѣйшихъ гражданъ, имѣвшихъ право быть присяжными, приходилось составлять суды изъ сотенъ присяжныхъ и назначать имъ жалованье за эту службу. Поэтому въ судъ старались попасть бѣднѣйшіе классы, которые изъ этого занятія сдѣлали себѣ профессію. Рѣшеніе вопроса по большей части зависѣло отъ большей или меньшей ловкости обвинителя или защитника, такъ какъ судьи во многихъ случаяхъ очень плохо понимали то дѣло, которое они были призваны рѣшать, въ особенности если дѣло шло о какомъ-либо выдающемся государственномъ дѣятелѣ или полководцѣ. Дѣло дошло даже до того, что государственные процессы превратились въ средство пополненія государственной казны, такъ какъ имущество осужденнаго конфисковалось. Рядомъ съ этимъ развилась и система доносовъ, и множество ловкихъ адвокатовъ жило вымогательствомъ денегъ у богатыхъ людей подъ угрозою судебнаго обвиненія. И аѳинская демократія запятнала себя множествомъ несправедливыхъ судебныхъ рѣшеній. Эти недостатки демократіи создали многочисленную партію приверженцевъ олигархіи, въ которой народное собраніе составлялось изъ того или другого опредѣленнаго количества гражданъ. Поэтому по окончаніи Пелопонесской войны почти всюду въ Греціи распространяется олигархія, которую въ томъ или другомъ видѣ вводила Спарта въ покоренныхъ городахъ. Но правленіе олигарховъ, какъ, напр., правленіе «тридцати» въ Аѳинахъ, запятнало себя еще большими несправедливостями и ужасами, нежели демократія, и послѣ непродолжительнаго господства она снова стала уступать мѣсто прежней формѣ правленія. Побѣда ѳиванцевъ при Левктрахъ надъ Спартою, главною защитницею олигархіи, повела за собою распаденіе Пелопонесскаго союза и возстановленіе демократіи въ большинствѣ городовъ, невольныхъ союзниковъ спартанцевъ.

Жизненная сила Греціи проявилась въ этотъ періодъ непрерывныхъ войнъ особенно въ томъ, что, не смотря на бѣдствія войны, она продолжала экономически развиваться. Земледѣліе въ этотъ періодъ уже начинаетъ терять свое первенствующее значеніе въ хозяйствѣ, и Греція становится все болѣе и болѣе страною промышленной. Однако и земледѣліе сдѣлало успѣхи. Господствовавшая прежде двухпольная система смѣнилась трехпольной, по крайней мѣрѣ въ болѣе благоустроенныхъ хозяйствахъ. Теоретическая разработка вопросовъ сельскаго хозяйства въ многочисленныхъ трактатахъ свидѣтельствуетъ о дви-

женія впередъ этого дѣла. Но наибольшаго развитія въ это время достигаетъ промышленность. Въ Аѳинахъ къ концу Пелопонесской войны существовали фабрики, на которыхъ работало до 120 человѣкъ, конечно, рабовъ. Въ большинствѣ случаевъ дѣло велось единичнымъ капиталистомъ, но встрѣчаются также и торговыя компаніи, въ особенности въ сферѣ морской торговли. Кромѣ того, товарищества создавались въ такихъ крупныхъ дѣлахъ, какъ откупъ государственныхъ налоговъ, постройка общественныхъ зданій, поставка припасовъ и т. под. Развивалось также и банковое дѣло. Первоначально банками служили храмы, куда отдавали на храненіе деньги какъ государства, такъ и частныя лица. Развитіе торговли привлекло къ банкирскому дѣлу и частныхъ лицъ; они принимали вклады, производили платежи за счетъ своихъ кліентовъ или давали деньги взаймы и т. под. Такія мѣняла сидѣли на рынкахъ за столами, почему у грековъ банкъ назывался «столомъ». Главнымъ денежнымъ рынкомъ въ Греціи были Аѳины. Количество драгоцѣнныхъ металловъ въ это время значительно увеличилось, что привело къ всеобщему повышенію цѣнъ и, сообразно съ этимъ, заработной платы. Пропасть между богатыми и бѣдными увеличилась. Мѣстности, населеніе которыхъ занималось по преимуществу земледѣліемъ, какъ, напр., въ Спартѣ, страдали особенно сильно. «Здѣсь ясно обнаружилось, какъ безсильны законодательныя постановленія передъ силою экономическихъ отношеній. Запрещеніе отчуждать наслѣдственный надѣлъ должно было защитить массу крестьянства, но оно оказало какъ-разъ противоположное вліяніе. потому что, въ силу этого закона, безземельному или малоземельному и потому необезпеченному хлѣбопашцу было крайне трудно пріобрѣсти кусокъ земли, развѣ только ему посчастливилось жениться на дочери-наслѣдницѣ» (стр. 288 сл.). Положеніе такихъ людей ухудшалось еще и тѣмъ, что примѣненіе рабскаго труда въ промышленности не давало возможности обѣднѣвшимъ гражданамъ поступать на фабрики или работать въ помѣстьяхъ богатыхъ. Поэтому множество грековъ поступало въ качествѣ наемниковъ на службу въ войска иностранныхъ государей.

Послѣднія главы книги излагаютъ исторію возвышенія Македоніи при Филиппѣ, объединеніе Греціи подъ скипетромъ этого государя и завоеваніе Азіи Александромъ Македонскимъ. Въ характеристикѣ дѣятелей и оцѣнкѣ событій этого періода авторъ отступаетъ отъ наиболѣе распространенныхъ взглядовъ въ томъ отношеніи, что онъ не смотритъ, какъ большинство историковъ. на событія этого времени глазами Демосѳена. Поэтому въ его изложеніи Демосѳенъ не является безупречнымъ и дальновиднымъ политикомъ, и Филиппъ не является олицетвореніемъ хитрости и коварства.

Къ книгѣ приложенъ краткій обзоръ источниковъ исторіи Александра Великаго. Кромѣ того, текстъ постоянно сопровождается подстрочными примѣчаніями, въ которыхъ читатель можетъ найти указанія на источники того или другого свѣдѣнія, разборъ хронологическихъ вопросовъ, указанія на новѣйшую литературу вопроса часто съ критическими замѣчаніями, а иногда и болѣе подробное обоснованіе высказаннаго въ текстѣ взгляда. Все это дѣлаетъ сочиненіе Белоха превосходнымъ пособіемъ для ознакомленія съ греческой исторіей. Въ очеркахъ науки и искусства мы встрѣчаемъ множество блестящихъ характеристикъ, изъ которыхъ достаточно указать, напр., на характеристики Сократа и Платона.

Что касается перевода на русскій языкъ, то вообще его надо признать очень хорошимъ, хотя и встрѣчаются въ немъ неудобныя выраженія въ родѣ «запустошенныя поля» (стр. 467; можетъ быть. опечатка?). Нельзя не пожалѣть о томъ, что переводчикъ или издатель сочли лишнимъ помѣстить и при русскомъ переводѣ указатель именъ и карту. Если авторъ счелъ необходимымъ сдѣлать это въ подлинникѣ, то въ русскомъ переводѣ это было тѣмъ болѣе необходимо,

что хорошихъ историческихъ атласовъ мы почти вовсе не имѣемъ. При изданіи такого капитальнаго труда не слѣдовало останавливаться передъ небольшими трудностями, сопряженными съ составленіемъ указателя и изданіемъ одной карты.

Ж. Губеръ. Іезуиты. Ихъ исторія, ученіе, организація и практическая дѣятельность въ сферѣ общественной жизни, политики и религіи. Перев. В. И. Писаревой. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. Изд. Ф. Павленкова. Книга мюнхенскаго профессора Губера разочаруетъ многихъ, кто ожидаетъ найти въ ней дѣйствительно исторію и выясненіе сущности этого удивительнѣйшаго изъ общественныхъ учрежденій западной Европы. Въ тотъ моментъ, когда освободившійся отъ цѣпей средневѣковья духъ Запада, ликуя и славословя, устремляется на завоеваніе новыхъ міровъ и новыхъ областей знанія, расширяетъ предѣлы видимаго и невидимаго и словами Ульриха фонъ-Гуттена восторженно заявляетъ: «какъ хорошо жить!»—въ нѣдрахъ, казалось, побѣжденнаго, расшатаннаго, погрязшаго въ тьму невѣжества и пороковъ, католицизма возникаетъ учрежденіе, строгое, стройное, воинственное и побѣдоносное, столь могущественное, что на первыхъ же порахъ оно смѣло становится на всѣхъ путяхъ новой жизни и одерживаетъ рядъ поразительныхъ побѣдъ. Въ теченіе трехъ вѣковъ оно властвуетъ неограниченно въ однѣхъ странахъ, въ другихъ выступаетъ мощнымъ противникомъ и вездѣ заставляетъ считаться съ собой самыхъ выдающихся и энергичныхъ вождей обновленнаго человѣчества. И даже теперь оно не сложило оружія. Возрожденіе клерикализма во Франціи—это новое проявленіе въ концѣ XIX вѣка все того же могучаго ордена, основаннаго восторженнымъ испанскимъ рыцаремъ Игнатіемъ Лойолой въ 1540 году.

Что же это за сила? Откуда эта непреодолимая стойкость? Гдѣ корни этого не умирающаго могущества и источники неизсякаемыхъ волненій, одушевляющихъ безчисленное воинство «общества Іисуса»?—вотъ вопросы, возникающіе при видѣ этого могучаго ордена, на которые книга Губера не даетъ отвѣта. Мало того, самое изложеніе исторіи оставляетъ читателя неудовлетвореннымъ. Оно поверхностно и бѣгло. Авторъ вскользь обозрѣваетъ исторію возникновенія ордена, останавливается на нѣкоторыхъ выдающихся моментахъ, но не даетъ полнаго и обстоятельнаго разсказа о ростѣ и развитіи ордена, ничего не говоритъ о его замѣчательныхъ генералахъ, даже не приводитъ именъ этихъ удивительныхъ людей, въ рукахъ которыхъ сосредоточивались временами нити не только европейской, но міровой политики.

Губеръ много работалъ надъ изученіемъ уставовъ и подробно говоритъ о внутреннемъ устройствѣ ордена, видимо хорошо изучивъ литературу іезуитовъ, но онъ не съумѣлъ проникнуть въ духъ ордена. Его отношеніе къ дѣлу чисто формальное, чѣмъ и объясняется какъ сухость изложенія, такъ и неясное представленіе о воодушевлявшихъ орденъ началахъ и руководившихъ его вождями принципахъ. По его мнѣнію, «іезуитизмъ есть не что иное, какъ папизмъ, доведенный до крайнихъ предѣловъ». Сила его—въ организаціи. «Общество Іисуса» представляется наблюдателю,—говоритъ Губеръ, — колоссальнымъ гранитнымъ зданіемъ, обезпеченнымъ отъ всякаго внѣшняго напора и отъ процесса внутренняго разложенія. Сила общества заключается главнымъ образомъ въ строгомъ подчиненіи всѣхъ его членовъ генералу и, vice versa, въ строгомъ надзорѣ и господствѣ членовъ общества надъ генераломъ и всѣми старшими. Въ этой желѣзной организаціи нѣтъ простора личной свободѣ, всякій характеръ обуздывается и направляется, всякій поступокъ подлежитъ наблюденію и контролю, ни одно дѣйствіе не совершается безъ вѣдома членовъ ордена». Принципъ организаціи—чисто военный: послушаніе и немедленное, быстрое исполненіе. «Іезуитское общество представляетъ отрядъ солдатъ», во главѣ котораго стоитъ генералъ. Его рѣшенія безапелляціонны, каждый въ его рукахъ молча-

ливое орудіе. «Послушаніе самый неприступный оплотъ общества Іисуса». Въ наставленіяхъ Лойолы и въ уставахъ постоянно повторяется, что въ послушаніи лежитъ сущность служенія Богу. Мало того. «Истинное послушаніе заключается въ исполненіи всего предписаннаго, хотя бы цѣною здоровья, жизни, чести и даже высшей добродѣтели и прославленія Бога; безусловное послушаніе необходимо даже въ томъ случаѣ, если приказаніе старшаго обусловлено явнымъ предразсудкомъ, несправедливостью, пристрастіемъ или какою-либо преступною страстью». Дальше этого идти нельзя. Возникаетъ вопросъ, мыслимо ли довести человѣка до такой степени безвольнаго послушанія? И орденъ іезуитовъ всею своею трехвѣковою исторіей отвѣчаетъ: «да, возможно». Тысячи членовъ его, разсѣянныхъ по всему міру, доказали на дѣлѣ, что могутъ сдѣлать люди, руководимые общей волей и дисциплинированные до потери собственной воли. Въ этой исторіи есть много славныхъ страницъ въ дѣлахъ миссіонерскихъ, но они затмѣваются безчисленными подвигами сплошныхъ преступленій, прославившихъ орденъ и заклеймившихъ его презрѣніемъ лучшихъ людей. Въ исторіи новой Европы нѣтъ ни одного гнуснаго дѣла, къ которому орденъ не приложилъ бы своей руки. Не говоря уже о дѣлахъ религіозныхъ, въ которыхъ іезуиты всегда играли возмутительную роль, но въ политикѣ, въ общественной жизни, въ литературѣ іезуиты превзошли своими преступленіями все, что знаетъ древняя и новая исторія. Понятно негодованіе, которое они вызывали въ сердцахъ лучшихъ представителей человѣчества, но непонятна преданность, не знающая границъ самоотверженія, въ той массѣ приверженцевъ, которыхъ орденъ находилъ во всѣ времена и вездѣ во всѣхъ слояхъ общества, отъ царскихъ престоловъ и до бѣднѣйшихъ хижинъ. Проникая всюду, орденъ съ поразительной быстротой завладѣвалъ позиціей и надолго являлся хозяиномъ положенія. Потребовалась утомительнѣйшая вѣковая борьба, чтобы оттѣснить его съ занятыхъ позицій, вырвать у него воспитаніе, которымъ орденъ овладѣвалъ прежде всего, руководство политикой и церковную власть. Да и то орденъ далеко еще не побѣжденъ, и во Франціи, южной Германіи, Италіи, Испаніи, Австріи, Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и во всѣхъ государствахъ южной Америки онъ обладаетъ огромной властью и значеніемъ. Эта сторона дѣятельности ордена освѣщена тоже посредственно, и читатели въ правѣ желать многихъ дополненій.

Исторія доведена до возстановленія ордена въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, что уменьшаетъ еще болѣе значеніе книги Губера, лишая ее современности. Къ достоинствамъ автора слѣдуетъ отнести его безпристрастіе и спокойное изложеніе, хотя предметъ самъ по себѣ даетъ массу поводовъ для негодованія и увлеченія легкой ролью неумолимаго судьи. Губеръ, напротивъ, старается въ такихъ случаяхъ соблюсти возможную объективность, отчего мнѣнія его выигрываютъ въ убѣдительности и ясности.

Переводъ въ общемъ выполненъ правильно, но нѣкоторыя названія почему-то переданы на свой ладъ, какъ, напр., «Тріентскій соборъ» вмѣсто—Тридентскій, какъ принято, или «Венедиктъ» вмѣсто Бенедиктъ, и т. п.

Проф. В. К Надлеръ. Лекціи по исторіи французской революціи и имперіи Наполеона. Харьковъ. 1898. Проф. Надлеръ скончался въ 1894 году и книга составлена изъ его лекцій проф. В. П. Бузескуломъ. Редакторъ взялъ на себя трудъ привести матеріалъ въ порядокъ, разбить на главы, устранить повторенія, исправить ошибки, обмолвки и неточности. Всего этого въ запискахъ слушателей должно было оказаться не мало, такъ какъ покойный профессоръ читалъ лекціи безъ всякихъ конспектовъ. Кое-что все-таки не могло быть исправленнымъ, нѣкоторые своеобразные рѣшительные взгляды Надлера, правда, не оригинальные, но тѣмъ болѣе ошибочные, что профессоръ заимствовалъ ихъ изъ мутнаго источника тэновскихъ произведеній. Проф. Бузескулъ въ предисловіи указываетъ на нѣкоторыя увлеченія автора. Надлеръ, напри-

мѣръ, очевидно, со словъ Тэна подвергъ партію террористовъ рѣшительному уничтоженію, усмотрѣлъ въ ея составѣ только эгоистовъ и лицемѣровъ, и торжество ихъ въ конвентѣ приписалъ исключительно безсовѣстности ихъ дѣйствій. Г. Бузескулъ исправляетъ эти приговоры, правда, слишкомъ глухо и въ общихъ выраженіяхъ. Это жаль. Книгу въ сущности слѣдовало бы снабдить примѣчаніями и дополненіями. Надлеръ очень долго занимался революціей и особенно первой имперіей и все-таки остался чисто-фактическимъ историкомъ. Идейная подкладка фактовъ ему недоступна или не интересна. Этотъ пріемъ крайне невыгодно отражается именно на исторіи революціи: ея факты преимущественно требуютъ философскаго освѣщенія. По этой части Надлеръ обнаруживаетъ несостоятельность даже въ самыхъ простыхъ вопросахъ. Онъ, напримѣръ, совершенно основательно желаетъ подвергнуть критикѣ ученіе Монтескьё о трехъ властяхъ. Авторъ *Духа законовъ* просто не понялъ ни духа, ни практики англійской конституціи и открылъ цѣлую пропасть между законодательной и исполнительной властью, т. е. парламентской и королевской, въ то время, когда практическая власть принадлежала одному парламенту всецѣло: парламентъ издавалъ законы и онъ же приводилъ ихъ въ исполненіе при посредствѣ министровъ, взятыхъ изъ среды законодательнаго собранія. Этотъ фактъ и есть самая естественная критика на теорію Монтескьё: Надлеръ бросается въ другую сторону и начинаетъ доказывать, что и королю и парламенту принадлежатъ одинаково обѣ власти. Совершенно нецѣлесообразное замѣчаніе, обличающее авторское непониманіе самой сущности кабинета министровъ въ Англіи. Излагая ученіе другого французскаго политика, Надлеръ допускаетъ уже просто фактическую ошибку. О противоестественномъ происхожденіи гражданскаго порядка Руссо писалъ въ 1754 году, во второмъ разсужденіи; эту идею Надлеръ приписываетъ *Общественному договору*, изданному восемь лѣтъ позже и гдѣ гражданскій строй положенъ въ основу политической теоріи.

Столь же ошибочно и представленіе автора о литературной дѣятельности энциклопедистовъ: будто всѣ они писали «исключительно для высшаго общества». Утверждать это—значитъ не имѣть элементарнаго понятія о задачахъ просвѣтителей и объ ихъ программѣ. Въ одномъ изъ руководящихъ произведеній всей эпохи, въ *Посланіи вѣрнымъ* Вольтера, читаются слѣдующія наставленія: «цѣлесообразно писать только о предметахъ простыхъ, краткихъ, понятныхъ самымъ грубымъ умамъ. Пусть одушевляетъ писателей только истина, а не жажда блеска. Пусть они уничтожаютъ ложь и суевѣріе и учатъ людей быть справедливыми и терпимыми. Слѣдуетъ желать, чтобы никто не пускался въ метафизику, понятную только для немногихъ... Надо умѣть просвѣщать одновременно канцлера и сапожника». И у просвѣтителей было не мало путей къ просвѣщенію именно сапожниковъ,—брошюры, памфлеты, театральныя пьесы. И здѣсь зависимость русскаго историка отъ Тэна помѣшала достойнымъ образомъ оцѣнить историческое явленіе и вспомнить о фактахъ, извѣстныхъ изъ элементарной исторіи революціи въ 1789 году. *Общественный договоръ* Руссо цитировали даже захолустные избиратели, а по свидѣтельству провинціальнаго духовенства, брошюры вольтеровскаго направленія широко были распространены даже по деревнямъ. Вообще авторъ чувствуетъ большую склонность къ аристократическимъ воззрѣніямъ на революціонныя событія, въ данномъ случаѣ особенно неумѣстнымъ. Со словъ все того же Тэна онъ излагаетъ исторію 5-го октября, совершенно не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ роли двора и высшей аристократіи, систематически раздражавшихъ народъ угрозами военной экзекуціей надъ пораженнымъ населеніемъ. Надлеръ, видимо, не счелъ нужнымъ лично ознакомиться съ первоисточниками революціонной исторіи, иначе онъ отъ самыхъ умѣренныхъ и осторожныхъ очевидцевъ услышалъ вполнѣ удовлетво-

рительное объясненіе торжества крайней революціонной партіи—не вслѣдствіе ея злодѣйствъ, а поразительно-безтактной политики двора. Обратилъ бы тогда авторъ больше вниманія и на вліяніе европейской коалиціи на ходъ французскихъ событій. Коалиція явно свидѣтельствовала о вмѣшательствѣ Европы во внутреннія дѣла Франціи и вмѣшательство было вызвано французскимъ королемъ. Естественно, не надо было непремѣнно исповѣдывать якобинскій образъ мыслей, чтобы вознегодовать на подобную политику исключительно подъ вліяніемъ національнаго чувства.

Не точны и нѣкоторые факты, сообщаемые Надлеромъ. Неправда, напримѣръ, будто «Ліонъ былъ превращенъ въ груду развалинъ». Конвентъ дѣйствительно изрекъ такое постановленіе, но его коммиссары не рѣшились исполнить этого приговора цѣликомъ и только нѣкоторыя зданія города были разрушены. Перечисляя революціонные комитеты, Надлеръ называетъ всего одинъ комитетъ только двумя разными именами—*комитетъ спасенія и комитетъ общественной безопасности.* А между тѣмъ, свѣдѣнія о комитетахъ необходимы въ исторіи революціи: извѣстно, что именно въ комитетахъ сосредоточилась власть и отъ нихъ исходятъ важнѣйшія мѣры въ самый горячій періодъ революціоннаго движенія. Вообще исторія революціи въ изложеніи Надлера уступаетъ, по полнотѣ фактовъ и яркости освѣщенія, извѣстному сочиненію Минье—самому краткому и въ то же время самому обдуманному изложенію революціонныхъ событій. Можно думать, умъ покойнаго профессора не былъ приспособленъ къ охвату столь сложной задачи и не могъ вмѣстить въ себя разнообразнѣйшихъ причинъ и слѣдствій, сопровождавшихъ грозное движеніе 1789 года. Проще, казалось бы, для авторской проницательности оцѣнить Наполеона и созданный имъ политическій порядокъ вещей.

Но и здѣсь съ самаго начала допущенъ существенный пробѣлъ, отразившійся на дальнѣйшемъ изложеніи. Авторъ не счелъ нужнымъ дать общую характеристику Бонапарта, не позаботился, хотя бы для самого себя, уяснить его личность, проникнуть въ сущность человѣческой и политической психологіи Наполеона. Въ результатѣ сбивчивость представленій въ основныхъ вопросахъ наполеоновскаго режима.

Авторъ, напримѣръ, совершенно основательно подчеркиваетъ поистинѣ преступное, двоедушническое отношеніе Наполеона къ полякамъ. Извѣстно, съ какимъ энтузіазмомъ Польша привѣтствовала походъ Наполеона на Россію, съ какимъ самоотверженнымъ, восторженнымъ обожаніемъ польская шляхта присоединялась къ французскимъ легіонамъ. Можно сказать, Наполеонъ на верху своей славы даже во Франціи врядъ имѣлъ болѣе пламенныхъ почитателей, чѣмъ поляки въ эпоху войны 1812 года. И все-таки онъ остался совершенно безучастнымъ къ этому увлеченію, взглянулъ на него исключительно, такъ сказать, съ коммерческой точки зрѣнія. И онъ не скрывалъ своего отношенія, съ цинической откровенностью заявлялъ своему штабу, что все значеніе Польши для него сводится исключительно къ ея роли «депо для поставки солдатъ и лошадей». Энтузіазмъ поляковъ оказался предметомъ эксплуатаціи для мелкихъ разсчетовъ ихъ героя. Эта черта не случайная въ политикѣ Наполеона. Она вполнѣ распространяется и на другія его отношенія; не иначе смотрѣлъ онъ и на французскую націю, интересуясь однимъ лишь вопросомъ, сколько солдатъ ежегодно онъ можетъ *издерживать?* Совершенно напрасно, поэтому, Надлеръ усиливается открыть въ политической дѣятельности Наполеона далѣе принципы свободы. По его мнѣнію, Наполеонъ послѣ революціи «не могъ измѣнить свободѣ» и будто потому, что свобода была уничтожена до него. Авторъ, слѣдовательно, не понимаетъ разницы между террористическимъ мимолетнымъ режимомъ и постояннымъ порядкомъ, который задумалъ установить Наполеонъ.

Терроръ былъ временный недугъ, анархія, Наполеонъ представлялъ цѣльную политическую систему, подчиненную въ высшей степени сильной власти.

Надлеръ возмущается писателями, приписывавшими Наполеону стремленіе возстановить старый режимъ. Возмущеніе совершенно неосновательное, и неосновательность подтверждается собственными словами автора. Прежде всего неизвѣстно, почему онъ считаетъ возникновеніе новой имперской аристократіи второстепеннымъ обстоятельствомъ. Совсѣмъ иначе смотрѣли на этотъ вопросъ современики Наполеона, самъ онъ и созданные имъ герцоги, графы и принцы. Буржуазія вовсе не считала этихъ украшеній пустяками и появленіе новой титулованной аристократіи было одной изъ важнѣйшихъ причинъ озлобленія третьяго сословія противъ наполеоновскихъ порядковъ. Эта аристократія живѣйшимъ образомъ напоминала старый режимъ, потому что была наслѣдственна и осыпаема всевозможными милостями своего господина. Потомъ, Надлеръ распространяется о принципѣ политическаго и общественнаго равенства, усвоенномъ имперіей Наполеона. Равенство существовало, но это было отнюдь не гражданское равенство, а фронтовое и казарменное равненіе всѣхъ личностей и талантовъ по одному чисто дисциплинарному шаблону.

Самъ же авторъ нѣсколькими страницами позже дѣлаетъ совершенно правильный выводъ изъ своей оцѣнки наполеоновской внутренней и внѣшней политики: «Если мы,—говоритъ Надлеръ,—вникнемъ въ сущность тенденцій, лежавшихъ въ самомъ основаніи наполеоновской монархіи, то мы придемъ къ убѣжденію, что полное осуществленіе плановъ Наполеона грозило Европѣ нетолько страшнымъ политическимъ рабствомъ, но и уничтоженіемъ всякой самостоятельной духовной жизни, все равно, проявлялась ли эта жизнь въ области религіи, политики, литературы или науки».

Подобный результатъ стоилъ правленія Людовиковъ и въ Неаполѣ превосходилъ даже прелести ancien régime'a. Книга Надлера вообще не можетъ похвалиться выдержанностью и послѣдовательностью мысли и сама по себѣ не можетъ служить вполнѣ удовлетворительнымъ источникомъ для знакомства съ исторіей революціи и имперіи. Сравнительно съ остальнымъ содержаніемъ лучше изложена исторія вѣнскаго конгресса, благодаря тому, что Надлеръ посвятилъ раньше особую монографію Меттерниху и европейской реакціи послѣ сверженія Наполеона. Въ общемъ книгу можно рекомендовать развѣ только для фактическихъ справокъ по исторіи наполеоновскихъ войнъ: онѣ разсказаны живо, интересно и разсказъ можетъ служить хорошимъ дополненіемъ къ историческимъ учебникамъ. Собственно *университетскаго характера* не носитъ вся книга Надлера: для этого въ ней слишкомъ мало идейной обобщающей работы и почти совсѣмъ отсутствуетъ культурно-историческій матеріалъ. Безусловно цѣнный вкладъ въ лекціи — обширныя библіографическія указанія, очень хорошо составленныя. Цѣна книги — 2 рубля — слишкомъ высока и для ея объема, и для ея достоинства.

Жюссеранъ. Исторія англійскаго народа въ его литературѣ. Переводъ съ французскаго. С.-Петербургъ. 1898. Изданіе О. Поповой. Цѣна 1 р. 25 к. Жюссеранъ не принадлежитъ всецѣло къ цеху литераторовъ и ученыхъ, хотя за нимъ числится диссертація на латинскомъ языкѣ и довольно много сочиненій по исторіи литературы, притомъ на темы весьма отвѣтственныя, требующія прилежной архивной работы. Книга, переведенная на русскій языкъ, называется въ подлинникѣ «Histoire littéraire du peuple anglais des origines à la Renaissance» и вышла въ 1894 году. Раньше Жюссеранъ издалъ нѣсколько монографій по исторіи англійской литературы и общественной жизни, между прочимъ объ англійскомъ театрѣ до Шекспира, объ англійскомъ романѣ той же эпохи и объ англичанахъ вообще въ періодъ среднихъ вѣковъ. Такой пристальный интересъ къ англійской жизни и литературѣ связанъ, вѣроятно,

съ оффиціальной карьерой Жюссерана, какъ дипломата. Жюссеранъ состоялъ одно время совѣтникомъ при посольствѣ въ Лондонѣ. Всѣ его сочиненія очень благосклонно встрѣчались англійской критикой, несомнѣнно, оцѣнятъ его книгу и русскіе читатели. Задача Жюссерана прослѣдить психологію и культуру англійской національности по литературнымъ памятникамъ. Изслѣдованіе пока ограничивается средними вѣками и авторъ вполнѣ добросовѣстно изучилъ средневѣковую поэзію и отчасти ученую и церковную литературу, извлекая изъ нея въ высшей степени богатый и яркій матеріалъ для характеристики англосаксонской народной души, ея нравственнаго и политическаго міросозерцанія. Книга уснащена ссылками на самые ископаемые памятники древней словесности, — но это только примѣчанія, самый текстъ блещетъ литературнымъ талантомъ, нерѣдко становится художественнымъ и поэтичнымъ. Авторъ интересенъ, даже когда онъ ведетъ бесѣду о количествѣ французскихъ и саксонскихъ словъ въ англійскомъ языкѣ, увлекателенъ, когда знакомитъ читателя съ рыцарскими поэмами, и поучителенъ, когда черпаетъ черты старинной жизни изъ житія святыхъ и церковныхъ проповѣдей. Книга повсюду свидѣтельствуетъ о солидной работѣ и искреннемъ авторскомъ увлеченіи. Мы можемъ указать только на одинъ недостатокъ, явившійся результатомъ симпатичной способности автора увлекаться не только предметомъ, но и его идейнымъ смысломъ.

Жюссеранъ, несомнѣнно, большой патріотъ, точнѣе—націоналистъ. Ему приходится изображать двѣ стихіи—англо-саксонскую, т. е. германскую, и французскую, и искать психологическихъ отраженій этихъ стихій въ поэзіи. Онъ ихъ находитъ въ изобиліи, но не можетъ остаться вполнѣ безпристрастнымъ. Онъ очень искусно выбираетъ драматическія сцены изъ германскихъ поэмъ, у читателя остается цѣльное и сильное впечатлѣніе: онъ видитъ, сколько воинственной жестокости таилось въ германскомъ національномъ духѣ, какой глубокій осадокъ пессимизма и мрачной тоски, даже болѣзненнаго отвращенія къ жизни успѣло накопиться въ сердцѣ германца еще въ доисторическій періодъ его жизни. Факты—въ высшей степени любопытные и обширная освѣдомленность автора въ литературѣ позволяетъ ему дѣлать эффектныя сопоставленія. Рѣчь какого-нибудь легендарнаго героя изъ германской поэмы, оказывается, предвосхитила за нѣсколько вѣковъ монополію глубокомысленнѣйшихъ шекспировскихъ философовъ, въ родѣ Гамлета. Вопросъ о судьбѣ человѣка за предѣлами настоящей жизни мучительно волновалъ германскихъ воиновъ еще въ ту эпоху, когда они ходили въ звѣриныхъ шкурахъ и устраивали кровавыя оргіи. Наклонность къ созерцанію и глубокимъ вопросамъ жизни яркой чертой проходитъ по всей національной поэзіи германскихъ племенъ. Авторъ здѣсь правъ, но онъ не замѣтилъ проблесковъ другого настроенія, разрушающаго цѣльность мрачнаго и жестокаго фона германскихъ легендъ.

Жюссеранъ приводитъ страшныя потрясающія сцены изъ миѳическихъ поэмъ, гдѣ на сценѣ герои и полубоги германскаго Олимпа. Но этими сценами не исчерпывается германское вдохновеніе. Ему, хотя и не въ такой степени, какъ романскому эпосу, доступны болѣе свѣтлыя картины и жизнерадостные мотивы. Древній германецъ не только сражался и предавался безотраднымъ думамъ, онъ проникалъ также и въ миръ сердца и чувства и подчасъ обнаруживалъ поразительную тонкость психологіи въ чисто-романическихъ вопросахъ. Недаромъ, женщина пользовалась такимъ высокимъ уваженіемъ у германскихъ племенъ. Мы приведемъ одинъ примѣръ: въ подлинномъ сказаніи онъ исполненъ мощной красоты и въ то же время глубокой жизненной правды. Сцена происходитъ между красавицей-богиней Гердой и посланцемъ бога Фрейра. Богъ увидѣлъ случайно Герду, страстно влюбился въ нее и послалъ сватать ее себѣ въ супруги. Гордая красавица холодно принимаетъ предложеніе Фрейра и пускаетъ въ ходъ

разныя лукавыя женскія отговорки. Посолъ начинаетъ грозить ей мечомъ, угроза не дѣйствуетъ, тогда посолъ принимается рисовать Гердѣ печальную перспективу вѣчнаго одинокаго дѣвства, проклятія ни съ кѣмъ нераздѣленной жизни и «дѣвственной старости», перечисляетъ ей всѣ нравственныя муки и болѣзни, поражающія одинокую, никого не любившую дѣвушку, и до такой степени краснорѣчиво изображаетъ непривлядный нравственный міръ старой дѣвы, что перепуганная Герда соглашается на бракъ съ Фрейромъ. Отъ этого мотива совершенно не вѣетъ ни воинственностью, ни жестокостью, и такихъ мотивовъ разсѣяно не мало по германскому эпосу. Французскій авторъ опустилъ ихъ и подготовилъ себѣ очень пріятный, но не вполнѣ правдивый переходъ отъ мрачной германской поэзіи къ свѣтлымъ и граціознымъ романскимъ легендамъ.

Повторяемъ, это единственное неосторожное увлеченіе автора. Оно вполнѣ вознаграждается всѣмъ остальнымъ содержаніемъ книги. И именно потому, что авторъ не цеховой и не кабинетный ученый, книга изобилуетъ остроумными сопоставленіями, въ высшей степени находчивыми параллелями. Жюссеранъ не пропускаетъ случая указать на вѣковую давность популярнѣйшихъ романическихъ темъ. Совпаденіе ихъ въ старой легендарной поэзіи и въ новѣйшихъ романахъ часто невольно заставляетъ подозрѣвать плагіатъ и подражаніе. Все зависѣло, очевидно, отъ личной талантливости психологовъ любовнаго чувства,— время, уровень цивилизаціи по существу не могъ измѣнить содержанія ихъ произведеній, и Боккачіо будетъ совершенно такъ же разсказывать преступныя интриги своихъ монаховъ и монахинь, какъ онѣ разсказаны нѣсколько вѣковъ раньше въ народныхъ сатирахъ, даже Мюссе и Мопассанъ не разъ повторятъ пріемы своихъ предшественниковъ XII го вѣка. Это весьма часто примѣнимо и къ болѣе серьезной литературѣ, чѣмъ романы и поэмы. Жюссеранъ не ограничился художественнымъ творчествомъ, онъ попутно ознакомился и съ политической мыслью средневѣковой Англіи и имѣлъ возможность извлечь изъ трактатовъ, написанныхъ грубымъ, неправильнымъ языкомъ, не мало правильныхъ и мѣткихъ идей, не утратившихъ практическаго значенія до конца XIX-го вѣка. Нерѣдко политическая идея у старыхъ политиковъ принимаетъ наивную, слишкомъ живописную форму, но сущность ея не становится отъ этого менѣе серьезной и прочной. Характерно, напримѣръ, для оцѣнки національнаго англійскаго генія разсужденіе писателя XII-го вѣка, Іоанна Сольсберійскаго. Это вообще одинъ изъ остроумнѣйшихъ и дѣльнѣйшихъ мыслителей старой Англіи. Его проницательности и смѣлости могли бы позавидовать даровитѣйшіе публицисты новаго времени. Среди современныхъ компиляторовъ и покорныхъ слугъ чужого церковнаго или государственнаго авторитета, этотъ епископъ изощрялъ свое оригинальное и независимое остроуміе надъ вліятельнѣйшими сословіями и лицами, не щадилъ монаховъ и придворныхъ и самому королю говорилъ такія рѣчи: «когда народъ страдаетъ, то это все равно, какъ будто у государя подагра: напрасно тогда государь будетъ считать себя здоровымъ, пусть онъ попробуетъ пройти хоть два шага, и онъ упадетъ». Въ этой, по формѣ простодушной, проповѣди слышится исконно-британскій духъ свободы и демократизма, и онъ не замедлитъ восторжествовать надъ какими угодно врагами, будь это самъ король или папа. Столь же сильно воплотила старая англійская словесность и другую добродѣтель только-что сложившейся англійской націи—непреодолимую національную гордость. Англія—это несравненное божество, первостепенная міровая сила въ глазахъ своего народа. Недаромъ позже Шекспиръ будетъ изощрять свой поэтическій геній, чтобы достойно воспѣть чудный островъ въ алмазной оправѣ моря, а первый теоретикъ англійской конституціи, Джонъ Фортескью, въ XV вѣкѣ напишетъ въ политическомъ трактатѣ настоящій панегирикъ англійской доблести, даже когда она проявляется въ преступленіяхъ. Вообще, «царица морей» вѣрна себѣ и своей исторіи, начиная съ легендъ о королѣ Артурѣ и кончая текущимъ

*

днемъ. Именно эта идея проходитъ по всей книгѣ Жюссерана и трудно представить болѣе яркую и правдивую иллюстрацію къ національной англійской исторіи и психологіи, чѣмъ талантливая работа нашего автора. Переводъ удовлетворителенъ: слѣдовало только приложить оглавленіе и перевести хотя бы наиболѣе важныя примѣчанія.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

М. М. Ковалевскій. «Развитіе народнаго хозяйства въ Западной Европѣ».

М. М. Ковалевскій. Развитіе народнаго хозяйства въ Западной Европѣ. Публичныя лекціи, читанныя въ брюссельскомъ университетѣ. 225 стр.— Спб. 1899. Ц. 75 к. Лекціи М. М. Ковалевскаго представляютъ большой интересъ, какъ краткое, популярное изложеніе его капитальнаго и еще не законченнаго труда: «Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства». Первая лекція—теоретическаго характера: въ ней изложенъ взглядъ автора на эволюцію экономическихъ порядковъ. Основная мысль—что главнымъ двигателемъ экономической эволюціи является ростъ населенія. Мысль очень простая, но едва ли за ней признано въ соціологическихъ изслѣдованіяхъ подобающее первостепенное значеніе; настойчивость автора въ развитіи этого тезиса является далеко не излишней. Его слѣдовало бы даже расширить, признавъ, что рѣшеніе вопроса о плотности населенія въ данной странѣ—основная, хотя крайне трудная и подчасъ почти невыполнимая задача историка-соціолога, приступающаго къ ислѣдованію основъ не только опредѣленнаго экономическаго строя, какъ говоритъ авторъ, но и вообще любого культурно-историческаго склада. При какомъ угодно пониманіи историческаго процесса—матеріалистическомъ или не матеріалистическомъ—населенность надо считать факторомъ, который опредѣляетъ интенсивность культурнаго развитія, а стало быть, и смѣну формъ культуры. Авторъ на этой мысли основываетъ свой анализъ экономической эволюціи, доказывая рядомъ остроумныхъ выводовъ методологическое удобство своей точки зрѣнія при изученіи смѣны формъ хозяйства. Значительный интересъ представляетъ и критика, которой авторъ подвергаетъ классификацію формъ хозяйства Бруно Гильдебранда (натуральное, денежное и кредитное хозяйство) и Карла Бюхера (домашнее, городское и народное хозяйство—ср. статью П. Струве, въ № 7 «Міра Божія» за 1898 г.). Авторъ обѣими недоволенъ, доказывая расплывчатость ихъ принциповъ. Дѣло въ томъ, что ему нужна классификація, которая давала бы возможность стройной періодизаціи экономической исторіи и отвлеченные типы хозяйствъ, устанавливаемые Бюхеромъ, его не удовлетворяютъ. Поэтому и въ полемикѣ Бюхера съ Эд. Мейеромъ (см. «Міръ Божій», 1898 г., іюль, библіографія) онъ становится на сторону послѣдняго. Историкамъ не по нутру классификація Бюхера, такъ какъ цѣлый рядъ явленій въ нее не укладывается: хозяйство племени—рода, сельской общины, феодальнаго помѣстья... М. М. Ковалевскій пытается замѣнить ее другой: онъ различаетъ лишь двѣ типичныхъ формы хозяйства: такого, производство котораго разсчитано на непосредственное и мѣстное потребленіе, и мѣнового. Каждой формѣ соотвѣтствуетъ эпоха экономической исторіи, раздѣляющаяся на періоды по степени распространенія обмѣна соотвѣтственно увеличенію плотности населенія. «Преимущества нашей классификаціи—замѣчаетъ авторъ,—заключается прежде всего въ извѣстной градаціи, позволяющей преслѣдовать эволюцію экономическаго строя шагъ за шагомъ, по мѣрѣ того, какъ государство поглощаетъ собой независимыя хозяйства, роды, селенія, помѣстья, города»... «Мы переходимъ такимъ образомъ отъ хозяйства племени-рода и позднѣе сельской общины къ хозяй-

ству помѣстья и города, чтобы закончить національнымъ хозяйствомъ нашего времени». Авторъ полагаетъ, что «не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказывать наступленіе міровового хозяйства, которое пойдетъ самостоятельнымъ путемъ развитія и едва ли въ состояніи будетъ помириться съ существующей общественной организаціей». Но это, все-таки, пророчество, и касается оно далекаго будущаго, когда ростъ населенія и подъемъ культуры за предѣлами германо-романскаго міра создастъ новую, болѣе широкую группу равноправныхъ сочленовъ «мірового хозяйства»...

Таковы общіе взгляды автора. Въ разбираемой книгѣ они находятъ приложеніе къ смѣнѣ общиннаго и помѣстнаго хозяйства—городскимъ и цеховымъ—и къ вопросу о паденіи этихъ формъ при зарожденіи современнаго экономическаго порядка. М. М. Ковалевскій принадлежитъ, какъ извѣстно, къ той группѣ ученыхъ, которые признаютъ широкое значеніе коллективизма на низшихъ ступеняхъ хозяйственной культуры. Это значеніе—безспорно. Но наукой установлено существованіе столь разнообразныхъ формъ коллективной собственности, что авторъ справедливо признаетъ весьма сложной задачу «распознать эти формы, установить между ними отношенія преемства и взаимной зависимости, объяснить различныя причины, приведшія къ ихъ упадку, и прослѣдить черезъ цѣпь вѣковъ это медленное и прогресивное движеніе человѣческаго общества къ характеризующему наше время индивидуализму». Признавая это, авторъ едва ли удачно упрощаетъ сложную задачу, затушевывая различія разныхъ формъ коллективизма, отрицая, напримѣръ, существенную разницу между семейной, общинной и коммунистической деревней. Самыя разнообразныя явленія—нераздѣльное владѣніе семьи, долевое владѣніе, общинное пользованіе угодьями, общинное владѣніе на началахъ равенства и т. п., обобщаются, безъ пользы для изученія, въ понятіи «общиннаго землевладѣнія». Происхожденіе равенства надѣловъ въ помѣстьи особенно мало поддается анализу автора; для этого сложнаго и спорнаго вопроса необходимо привлечь новый матеріалъ, напримѣръ, любопытныя данныя о литовскомъ землевладѣніи въ «Актахъ литовской метрики». Дальнѣйшее изученіе, навѣрное, не оправдаетъ предположеній о происхожденіи этого равенства изъ существовавшихъ «нѣкогда» общихъ и періодическихъ передѣловъ, а, напротивъ, придаетъ большее значеніе тѣмъ фактамъ, которые свидѣтельствуютъ о связи этого равенства съ системой повинностей населенія, и указаны авторомъ въ его «Экономическомъ ростѣ Европы» (сравни «Міръ Божій», январь, 1899 г.) и Любавскимъ («Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства»—очеркъ III).

Истинная научная цѣнность лекцій М. М. Ковалевскаго въ ихъ части, посвященной исторіи городского хозяйства и рабочаго вопроса въ средніе вѣка. Характеристика городского быта, набрасываемая авторомъ, значительно отличается отъ общепринятой. Достаточно сказать, что авторъ ставитъ вопросъ: «справедливо-ли, что средніе вѣка не знали того глубокаго раздѣленія между предпринимателемъ и наемнымъ рабочимъ, которое является отличительной чертой современной промышленной организаціи?» — и отвѣчаетъ на него отрицательно, опираясь на рядъ интересныхъ фактовъ изъ области экономической политики городовъ XIII вѣка. Остроумно вскрывая чисто экономическія причины политической борьбы внутри городскихъ республикъ, продолжительныхъ войнъ и частыхъ договоровъ между ними, М. М. Ковалевскій особенно останавливается на классовой борьбѣ, вызванной этой бойкой экономической жизнью. Рабочій вопросъ—и очень острый—существовалъ въ средніе вѣка и власть имущая буржуазія всѣми силами боролась противъ роста заработной платы. Послѣдствія знаменитой «черной смерти» XIV вѣка, картину которыхъ въ Италіи авторъ впервые раскрываетъ во всей полнотѣ, усилили борьбу рабочаго съ предпринимателемъ. Къ серединѣ XIV столѣтія относятся первые, безуспѣшные, опыты

стачекъ рабочихъ. Въ Англіи, Италіи и Франціи правительство усиленно регулируетъ заработную плату въ ущербъ трудящемуся люду. И другія черты современнаго экономическаго строя зародились въ ту же эпоху. Особенно любопытны въ изложеніи М. М Ковалевскаго свѣдѣнія о процессѣ капитализаціи земледѣльческой промышленности въ Италіи, такъ какъ на англійской почвѣ онъ давно детально изученъ.

Свое изложеніе экономической эволюціи, предшествовавшей установленію современнаго порядка авторъ заканчиваетъ обзоромъ экономической политики послѣднихъ трехъ столѣтій. Указывая причины, благодаря которымъ буржуазные интересы и пропитанныя ими экономическія теоріи получили господство въ эпоху большихъ національныхъ государствъ, авторъ утверждаетъ, что враждебное отношеніе къ принципу ассоціаціи вызвало борьбу противъ оставшихся формъ аграрнаго коммунизма, и что причинъ окончательнаго его исчезновенія надо искать внѣ сферы чисто экономическихъ отношеній. По мнѣнію автора, община пала жертвой не экономическаго прогресса, а торжества буржуазіи, какъ сельской, такъ и городской. Тутъ авторъ раздѣляетъ нераздѣльное: это торжество вѣдь было создано именно экономической эволюціей. Пусть въ Западной Европѣ на протяженіи вѣковъ, въ теченіе которыхъ совершалось разложеніе аграрнаго коммунизма, способы обработки земли оставались почти тѣ же: они стали другими по завершеніи этого процесса. Вообще же авторъ считаетъ недоказаннымъ, что принципъ совладѣнія препятствуетъ развитію интенсивной культуры. Его аргументы подчасъ очень любопытны, но это слишкомъ сложный вопросъ, чтобы касаться его въ небольшой замѣткѣ.

АНТРОПОЛОГІЯ.

Д-ръ Г. Плоссъ. «Женщина въ естествовѣдѣніи и народовѣдѣніи».

Женщина въ естествовѣдѣніи и народовѣдѣніи. Антропологическое изслѣдованіе Доктора Г. Плосса. Переводъ съ 5-го нѣмецкаго изданія, дополненнаго и переработаннаго послѣ смерти автора д-ромъ М. Бартельсомъ, подъ ред. д-ра А. Г. Фейнберга. Изд. Ф. В. Щепанскаго. Спб. 1898 г. Т. I, ч. I и II. Ц. 10 р., съ пересылкой 11 за все изданіе въ четырехъ полутомахъ. Книга д-ра Плосса представляетъ капитальное изслѣдованіе исторіи женщины преимущественно съ точки зрѣнія естествовѣдѣнія и этнографіи. Собранный и обработанный авторомъ матеріалъ громаденъ, освѣщая значеніе и положеніе женщины у всевозможныхъ народовъ съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней. Авторъ излагаетъ всѣ ему извѣстныя данныя о положеніи женщинъ, начиная съ дѣтства и до ея смерти, послѣдовательно разсматривая отношеніе къ ней человѣческаго общества въ дикомъ и культурномъ состояніи. Авторъ стоитъ вездѣ на чисто фактической точкѣ зрѣнія, не позволяя себѣ никакихъ обобщеній или выводовъ, какъ бы они ни казались соблазнительны для приверженца той или иной партіи, избѣгая всякихъ «за» и «противъ» женскаго вопроса, что прибавляетъ еще одно положительное достоинство къ его труду. Самъ онъ не скрываетъ, что не принадлежитъ къ сторонникамъ женской эмансипаціи, но нигдѣ не дѣлаетъ никакихъ попытокъ воспользоваться имѣющимися въ его рукахъ данными противъ женскаго движенія. На ряду съ своими взглядами, онъ приводитъ и взгляды сторонниковъ, хотя этой стороны женскаго вопроса онъ касается мало и лишь во введеніи, въ общей главѣ о психологіи женщины (стр. 27—36). Остановимся на нѣкоторыхъ очень интересныхъ данныхъ о женщинѣ въ антропологическомъ отношеніи.

Изъ сравненія величины тѣла мужчины и женщины оказывается, что туловище мужчины короче половины всего роста, такъ что ноги длиннѣе туловища, у женщины туловище равно половинѣ длины тѣла. Наибольшей величины мужчина достигаетъ въ 30 лѣтъ и наибольшаго вѣса въ 40, женщина же достигаетъ максимальнаго вѣса въ 50 лѣтъ. Въ общемъ вѣсъ мужчины колеблется отъ 51.453 килогр. до 83.246, среднiй—62.049 кил. или приблизительно около $3^{1}/_{2}$ пудовъ, вѣсъ женщины минимальный—36.777 килогр., максимальный—73.983, среднiй—54.877, или около 3 пуд. 10 фунтовъ. Емкость черепа у разныхъ народовъ крайне различна, но вообще средняя емкость мужского черепа больше женскаго, причемъ отношенiе между ними можетъ быть выражено какъ 100 : 90. Соотвѣтственно и всѣ размѣры отдѣльныхъ частей головы и лица меньше, что особенно замѣтно въ развитiи нижней челюсти, которая у женщины меньше мужской по вѣсу и объему, приблизительно, на $^{1}/_{4}$. Но замѣчательно, что верхнiе среднiе рѣзцы у женщины и относительно, и абсолютно шире, чѣмъ у мужчины. Вѣсъ мозга, послѣ многихъ изслѣдованiй разными учеными, опредѣляется въ среднемъ около 1.222 граммовъ, меньше мужского на 126—164 грамма. Что касается относительнаго вѣса мозга, то по однимъ изслѣдованiямъ онъ то же меньше, чѣмъ у мужчинъ (Броунъ, Рюдингеръ), по другимъ (Топинаръ) нѣсколько больше. Ранке заключаетъ такъ: «если по строенiю разбираемаго нами органа судить вообще о его функцiональной способности,то мы, согласно съ прежними наблюденiями по этому вопросу, должны признать, что функцiональная способность женскаго мозга для средней женщины стоитъ нѣсколько выше, чѣмъ таковая же для средняго мужчины. Но, съ другой стороны, должно замѣтить, что среди мужчинъ больше, чѣмъ среди женщинъ,такихъ индивидуумовъ, развитiе мозга, слѣдовательно, и мозговая дѣятельность которыхъ превышаетъ среднiй уровень».

Статистика рождаемости и смертности тоже указываетъ на рѣзкiя различiя между обоими полами. Такъ, на 100 дѣвочекъ въ среднемъ рождается 105 мальчиковъ, по даннымъ для 32 странъ. Только въ центральной Австралiи этотъ законъ поразительно нарушается—на одного мальчика тамъ родится 4 дѣвочки. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что здѣсь же сильнѣе всего развито дѣтоубiйство, которое объясняется отчасти такимъ громаднымъ перевѣсомъ въ числѣ рождающихся дѣвочекъ. Далѣе вышеупомянутый законъ получаетъ совсѣмъ обратную формулу. Не смотря на то, что мальчиковъ въ дѣтскомъ возрастѣ умираетъ больше, чѣмъ дѣвочекъ, въ концѣ концовъ получается избытокъ женскаго населенiя, и по даннымъ для Европы отношенiе между мужскимъ населенiемъ и женскимъ, въ дѣтствѣ равное 105 : 100, превращается въ 100 : 102,1. Что касается смертности, то для всей Европы въ среднемъ на 100 мужчинъ умираетъ 108 женщинъ (въ Россiи 105).

Очень интересны данныя относительно самоубiйствъ. Какъ общiй законъ, статистика установляетъ, что женщины меньше мужчинъ прибѣгаютъ къ самоубiйству. Бертильонъ на основанiи больше чѣмъ 54.000 самоубiйствъ, пришелъ къ выводу, что «въ равный перiодъ времени покончило самоубiйствомъ въ три раза больше мужчинъ, чѣмъ женщинъ». Въ статистикѣ преступленiя женщина играетъ тоже меньшую роль. Изъ любопытной таблицы у Плосса оказывается, между прочимъ, что чѣмъ промышленнѣе и развитѣе страна въ культурномъ отношенiи, тѣмъ больше женщинъ преступницъ. Такъ, въ Англiи отношенiе числа преступниковъ мужчинъ къ числу женщинъ-преступницъ равно 3 : 1, въ Австрiи 4,9 : 1, въ Испанiи 7,3 : 1, въ Россiи 9 : 1. Объясняется это на первый взглядъ странное явленiе тѣмъ, что въ странахъ культурныхъ женщина дѣятельнѣе, ей больше открыто путей для проявленiя своей личности и потому чаще случаи различныхъ правонарушенiй со стороны женщины.

Въ книгѣ Плосса собранъ богатѣйшiй матерiалъ о положенiи женщины въ

различныхъ странахъ. Выводы, которые сами собой напрашиваются изъ сопоставленія этихъ данныхъ, до крайности безотрадны. Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ женщина стоитъ почти на уровнѣ домашняго животнаго, и часто съ той лишь разницей, что домашнимъ скотомъ дорожатъ больше, чѣмъ женщиной, какъ, напр., у кафровъ и большинства африканскихъ племенъ. Причины такого отношенія къ женщинѣ вездѣ однѣ и тѣ же—исключительно экономическія условія примитивнаго хозяйства, въ которомъ роль женщины оцѣнивается только съ точки зрѣнія физической силы. Религія вездѣ въ этихъ странахъ,—и даже сравнительно культурныхъ, какъ въ Индіи и Китаѣ,—освящаетъ всю тяжесть такого соціальнаго положенія женщины. Нѣтъ такого насилія, дикаго уродства или извращенія естественнаго на нашъ взглядъ состоянія женщины, которое не было бы обставлено цѣлымъ рядомъ религіозныхъ обрядовъ и особыхъ церемоній. Начиная съ рожденія и до смерти женщина поставлена въ такіе тиски, что невольно только удивляешься, какимъ образомъ всѣ эти дикіе народы не вымерли естественнымъ путемъ. Появленіе на свѣтъ дѣвочки вездѣ, безъ исключенія, встрѣчается какъ несчастіе, и такое отношеніе до сихъ поръ сохранилось даже въ самыхъ культурныхъ странахъ. Мало того, у большинства восточныхъ народовъ, преимущественно семитовъ, родившаяся дочь считается нечистой, что̀ отразилось и въ кодексѣ Моисея, гдѣ сказано, что родившая сына остается нечистой 7 дней, а дѣвочку—2 недѣли. Это же осталось и въ католическихъ странахъ, гдѣ родившая сына имѣетъ право войти въ церковь на 7-ой день, а дочь—послѣ 6-ти недѣль. У австралійскихъ племенъ и многихъ африканскихъ дѣвочекъ по большей части съѣдаютъ, оставляя лишь самыхъ на видъ лучшихъ. Такимъ образомъ уже съ перваго момента жизни женщина поставлена въ семьѣ на низшей ступени сравнительно съ мужчиной. Чѣмъ дальше, тѣмъ это неравенство возрастаетъ. У самыхъ дикихъ, какъ у папуасовъ и племенъ центральной Африки, женщина въ одно и то же время вьючное животное, единица мѣры при торговомъ обмѣнѣ и запасъ пищи на случай голода, такъ какъ ее съѣдаютъ прежде всего. Она же является самымъ выгоднымъ товаромъ въ странахъ болѣе культурныхъ, гдѣ на нее смотрятъ, какъ на объектъ наслажденія. Наконецъ, въ еще болѣе культурныхъ, какъ Индія или Китай, она уже признается чѣмъ-то въ родѣ человѣка, но съ большими ограниченіями. По законамъ Ману, женщина должна всю жизнь быть въ подчиненіи у мужчины: въ дѣтствѣ она подчинена отцу, въ зрѣломъ возрастѣ мужу, подъ старость сыну. Браки съ малолѣтними, столь распространенные въ Индіи, освящены закономъ и опираются въ сознаніи народа на священныя правила. Въ Китаѣ жена зависитъ отъ мужа всецѣло, онъ можетъ ее убить, не отвѣчая за это передъ закономъ. Мы не можемъ привести здѣсь выдержекъ изъ Плосса, въ которыхъ описываются всѣ звѣрства надъ женщиной, съ цѣлью сдѣлать ее болѣе удобнымъ и привлекательнымъ предметомъ, чтобы увеличить ея стоимость, какъ товара.

Книга Плосса можетъ имѣть большое значеніе для правильнаго пониманія женскаго вопроса. Она, быть можетъ, помимо воли автора, показываетъ, что этотъ вопросъ коренится въ сокровеннѣйшихъ устояхъ общества, и по мѣрѣ развитія культуры долженъ играть все большую и большую роль въ ряду другихъ соціальныхъ вопросовъ. Въ вышедшихъ двухъ частяхъ мы имѣемъ преимущественно антропологическую основу вопроса. Въ двухъ послѣдующихъ авторъ описываетъ преимущественно соціальную сторону положенія женщины. Книга снабжена массою рисунковъ и таблицъ, что̀ дѣлаетъ ее еще интереснѣе и доступнѣе.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА,

съ 15-го февраля по 15-е марта 1899 года.

Проф. Хвольсонъ. Курсъ физики. Т. III. Съ 230 рис. въ текстѣ. Изд. Риккера. Спб. 1899. Ц. 5 р.

А. Бинэ и В. Анри. Умственное утомленіе. Съ 93-мя рис. и діаграммами. Изд. редакціи журн. «Вѣстникъ Воспитанія». Москва. 1899. Ц. 2 р. 50 к.

А. Тарутинъ. Стихотворенія. Спб. 1899. Ц. 1 р.

Минцловъ. Женское дѣло. Комедія въ 5 дѣйствіяхъ. Одесса. 1899. Ц. 1 р.

Сочиненія Шелли. Освобожденный Прометей. Пер. съ англ. К. Бальмонта. Вып. 6-й. Спб. 1899. Ц. 75 к.

Семейный университетъ. Сборникъ популярныхъ лекцій для самообразованія. Курсъ I, т. I, вып. I. Спб. 1899. Цѣна 5 вып. I курса 10 р.

П. Накрохинъ. Идилліи въ прозѣ. Разсказы. Спб. 1899. Ц. 1 р.

М. Покровская. Популярныя статьи по гигіенѣ. Спб. 1899. Ц. 60 к.

Петиссонъ Мюръ. Химія огня (съ 17 рис.). Изд. Сабашниковыхъ. Москва. 1899. Ц. 85 к.

Дарвинизмъ и теорія познанія. Изд. Дарвинистической библіотеки. Вып. I. Спб. 1899. Цѣна кажд. вып. 50 к.

Внѣшкольное народное образованіе въ Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ. Сост. В. Гебель, съ прилож. статьи «Очеркъ исторіи развитія общественныхъ и народныхъ библіотекъ въ Россіи. Москва. 1899. Ц. 1 р. 25 к.

Ж. Буссинеска. Анализъ безконечно малыхъ. Т. I. Часть I (Элементарный курсъ). Москва. 1899.

Генри Лонгфелло. Пѣснь о Гайаватѣ, пер. съ англ. Ив. Бунина. Изд. маг. «Книжное Дѣло». Москва. 1899. Ц. 1 р. 25 к.

Очерки изъ исторіи всемірной торговли. Сост. М. Соболевъ. Изд. маг. «Книжное Дѣло». Москва. 1899. Ц. 1 р.

Н. Кабановъ. Роль наслѣдственности въ этіологіи болѣзней внутреннихъ органовъ. Диссертація. Москва. 1899.

О. Гутманъ. Гимнастика голоса. Съ 5-го нѣм. изданія. Спб. 1899. Ц. 60 к.

О. Кулюкинъ. Законы мышленія съ психологической точки зрѣнія. Харьковъ. 1899. Ц. 1 р. 50 к.

Матеріалы по киргизскому землепользованію Акмолинской обл. Т. I. Кокчетавскій уѣздъ. Воронежъ. 1898.

Д-ръ Брусиловскій. Лѣченіе хроническаго сочленовнаго ревматизма. Одесса 1899.

Б. Григорьевъ. Стихотворенія. Т. I. Москва. 1899. Ц. 75 к.

В. Львовъ. Курсъ эмбріологіи позвоночныхъ. Изд. Сабашниковыхъ. Москва. 1899. Ц. 1 р. 50 к.

Магда Нейманъ. Армяне. Краткій очеркъ изъ исторіи и современнаго положенія. Спб. 1899. Ц. 2 р.

Э. Золя. Штурмъ мельницы. Изд. Хоге. Москва. 1899. Ц. 30 к.

«Колосья». Сборникъ стихотвореній. Изд. Бохана. Минскъ. 1899. Ц. 75 к.

Д. Шантепи-де-ля Соссей. Иллюстрированная исторія религій. Вып. IX. Изд. маг. «Книжное Дѣло». Москва. 1899.

Статистическій ежегодникъ Тверской губ. за 1898 годъ. Изд. тверск. губернск. земства. Тверь. 1899.

Д. С. Милль. Система логики. Вып. VI. Изд. маг. «Книжное Дѣло». Москва. 1899. Ц. 6-ти вып. 3 р.

Географія Россійской Имперіи, сост. Спиридоновъ. Изд. II. Спб. 1899. Ц. 45 к.

Ив. Порошинъ. Русалка и др. разсказы. Спб. 1899. Ц. 1 р. 25 к.

Труды ветеринарнаго отдѣленія Саратовской губернской земской управы. Т. III. Саратовъ. 1898.

Двадцатипятилѣтіе Общества распространенія начальнаго образованія въ Нижегородской губ. Нижній-Новгородъ. 1899.

Коммерческая энциклопедія М. Ротшильда. Изд. В. Э. Форселлеса. Вып. I и XI. Подп. цѣна 2-хъ т. 10 р.

Пособіе для литературныхъ бесѣдъ и письменныхъ работъ. Сост. Балталонъ. Изд. 3-е. Москва. 1899. Ц. 55 к.

Матеріалы для оцѣнки земель Владимірской губ. Т. I. Вып. I и II. Владиміръ. 1898. Ц. кажд. вып. 1 р.

Инструкція Красноярской городской управѣ. Красноярскъ. 1899.

В. Романовскій. «Наказъ» Императрицы Екатерины II. Тифлисъ. 1899 Ц. 20 к.

В. Гуторъ. Первые уроки пѣнія. Вып. I. Москва. 1899. Ц. 1 р. 20 к.

Матеріалы къ вопросу объ участіи псковскаго губ. земства въ развитіи начальнаго народнаго образованія. Вып. II. Псковъ. 1899.

Сборникъ статей и справочныхъ свѣдѣній по Влад. губ. Вып. I. Изд. Владимірской губернской земской управы. Владиміръ. 1898.

Басни Крылова на сценѣ дѣтскаго театра. Изд. Ю. Р. Общества печ. дѣла. Одесса. 1899. Ц. 15 к.

Плято Рейсснеръ. Русско-польскій и польско-русскій самоучитель. Вып. I. Ц. 10 к.

Его же. Польско французскій самоучитель. Вып. I. Варшава. 1899. Ц. 15 к.

Крестьянское хозяйство (ежемѣсячный иллюстрированный журналъ). Спб. 1899. Ц. 1 р.

ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ.

SCHICKSALSMENSCH.

По поводу «Gedanken und Errinnerungen von Otto Fürst von Bismarck». Stuttgart 1898.

I.

Въ концѣ минувшаго года въ европейской политической литературѣ произошло событіе исключительной важности: въ ноябрѣ, одновременно на четырехъ языкахъ, явилась книга, подписанная едва ли не самымъ громкимъ именемъ нашего столѣтія,—именемъ князя Оттона Бисмарка. Этихъ *мыслей и воспоминаній* ждали давно и съ нетерпѣніемъ. Было извѣстно, что князь усердно занялся подведеніемъ итоговъ своей дѣятельности немедленно послѣ отставки. Окончательный разрывъ съ молодымъ повелителемъ засталъ министра, привыкшаго считать себя безсмѣнным и незамѣнимымъ, совершенно врасплохъ. Незадолго князь, бесѣдуя съ русскимъ императоромъ, рѣшительно заявлялъ: «Я увѣренъ, что останусь министромъ на всю жизнь», и вдругъ ударъ, навсегда отнявшій власть и развѣнчавшій провиденціальнаго человѣка Германіи въ просто country gentleman'а.

Было отчего вознегодовать и утратить равновѣсіе духа, и Бисмаркъ не скрывалъ своихъ сильныхъ чувствъ. Европа по временамъ слышала ревъ раненаго льва, и творцы «новаго курса» невольно приходили въ страхъ и смущеніе отъ мѣткихъ, часто неотразимыхъ издѣвательствъ оскорбленнаго отшельника. Дѣло дошло до того, что германское правительство вынуждено было защищаться предъ державами и просить ихъ не считать бисмарковскихъ откровенностей фактами оффиціальной политики.

Но Бисмаркъ оставался неукротимымъ. Казалось, въ годы опалы къ нему вернулось былое юношеское остроуміе, озлобленное чувство горечи и обиды имѣло въ распоряженіи богатѣйшій историческій матеріалъ и канцлеръ пользовался имъ, нисколько не стѣсняясь ни самолюбіемъ, ни высокимъ положеніемъ своихъ жертвъ. Одновременно съ періодическими набѣгами на нихъ въ печати писались мемуары. Длинные зимніе вечера посвящались этой работѣ, въ высшей степени оживленной, даже страстной: Бисмаркъ и здѣсь сводилъ счеты съ своими недругами и невѣрными друзьями. И чѣмъ дальше шло время, тѣмъ глубже и напряженнѣе становилась личная страсть. Въ 1894 году сконча-

лась супруга Бисмарка, служившая для него поддержкой и утѣшеніемъ, немного спустя умеръ самый близкій наперсникъ, преданнѣйшій повѣренный всяческихъ тайнъ Бухеръ. Его назначеніемъ было сглаживать и исправлять тѣ мѣста *Воспоминаній*, гдѣ мстительныя настроенія канцлера накладывали на факты и мысли ужъ слишкомъ яркія краски. По смерти Бухера, автобіографія Бисмарка должна была остаться въ первобытной, въ высшей степени яркой, и—тѣмъ менѣе *исторической* формѣ.

Обстоятельство, нисколько не отнимавшее интереса у произведенія Бисмарка, напротивъ, повышавшее пикантность разоблаченій и оригинальность приговоровъ. На книгу жадно набросилась вся европейская печать. Журналы поспѣшили дать самые пространные отчеты, сообщить своимъ читателямъ обширныя выдержки въ видѣ образчиковъ бисмарковскаго литературнаго таланта. Нѣкоторыя періодическія изданія помѣстили даже по нѣскольку статей, и писались они депутатами, сенаторами или многоопытными дипломатами, очевидцами дѣятельности Бисмарка. Можно сказать, ни одна книга за весь девятнадцатый вѣкъ не вызвала такого обилія толкованій, сужденій и самыхъ противоположныхъ чувствъ. И имъ предстоитъ еще очень продолжительное будущее. Бисмаркъ оставилъ слишкомъ прочное *реальное* наслѣдство, чтобы міръ скоро могъ сдать въ архивъ его личную и политическую исповѣдь.

И все-таки, если пристально и вполнѣ хладнокровно вникнуть въ литературное завѣщаніе Бисмарка, само по себѣ оно врядъ ли окажется достойнымъ такой шумной венірной славы. Тайна громаднаго успѣха, какъ это безпрестанно случается, не въ самомъ произведеніи, а въ имени автора. Будь всѣ эти мысли пущены въ оборотъ не подъ фирмой объединителя Германіи и царя европейскихъ дипломатовъ, публика и печать могли бы остаться безучастными. Онѣ и теперь имѣютъ полное основаніе въ сильной степени понизить свое обычное представленіе о величіи канцлера именно какъ политика и отвести его геніальности опредѣленный и далеко не всеобъемлющій кругъ. Они прежде всего должны обратить вниманіе на громадный, совершенно необъяснимый пробѣлъ, допущенный Бисмаркомъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Едва ли не труднѣйшимъ вопросомъ внутренней политики канцлера была борьба съ соціалъ-демократіей. Именно она вызывала энергичнѣйшія мѣры Бисмарка, подвергала жестокимъ искусамъ его общепризнанный государственный геній, вынуждала на грубую физическую расправу съ противниками, и эта же борьба еще при жизни канцлера обнаружила безплодность его усилій подавить идейное движеніе силой хотя бы и желѣзной власти.

Для насъ было бы въ высшей степени любопытно слышать отъ самого борца объ этомъ поединкѣ. Онъ, по крайней мѣрѣ въ двухъ доселѣ вышедшихъ томахъ своихъ записокъ, предпочитаетъ миновать не совсѣмъ пріятный вопросъ и вознаградить читателя основательнѣйшими подробностями на счетъ своихъ безчисленныхъ побѣдъ надъ дипломатами, вообще надъ Европой. Мы были бы также очень обязаны автору за сообщенія другого рода, именно какъ развивалось его политическое и нравственное міросозерцаніе, какъ онъ росъ духовно и постепенно усвоивалъ идеи, съ какими явился властителемъ одного изъ культурнѣйшихъ народовъ міра.

И на этотъ счетъ образцовая краткость и скромность. *Воспоминанія* открываются общимъ заявленіемъ, что авторъ въ средней школѣ почерпнулъ пантеистическія и республиканскія воззрѣнія и колебался надъ рѣшеніемъ вопроса, какъ это милліоны людей могутъ повиноваться одному человѣку? Но всѣ эти колебанія не повлекли ни къ какимъ даже ближайшимъ послѣдствіямъ. «Мои историческія сочувствія—говоритъ Бисмаркъ,—остались на сторонѣ авторитета. Гармодій и Аристогитонъ, даже Брутъ для моего дѣтскаго правоваго чувства (fur mein Kindliches Rechtsgefühl) были преступниками и Телль бунтовщикомъ и убійцей». Послѣ столь рѣшительныхъ заявленій неизвѣстно, зачѣмъ намъ только что сообщено было о пантеизмѣ и республиканскихъ теоріяхъ. Повидимому, даже малѣйшей борьбы, хотя бы въ области отвлеченной мысли, Бисмаркъ не испыталъ ни въ молодости, ни позже. Онъ родился готовымъ *практикомъ* независимо отъ какихъ бы то ни было школьныхъ или житейскихъ вліяній. Достаточно было простыхъ *впечатлѣній*, чтобы пробудить въ натурѣ Бисмарка прирожденныя политическія стремленія.

И онъ сообщаетъ объ этихъ впечатлѣніяхъ. При взглядѣ на карту имъ овладѣвало чувство мести и жажда войны: онъ не могъ спокойно видѣть, что Страсбургъ числится во французскихъ владѣніяхъ. Тотъ же самый процессъ и въ вопросахъ внутренней политики. Со всѣмъ строемъ его личности не мирилась мысль, будто какіе-то представители, на основаніи какихъ-то профессорами измышленныхъ правъ, могутъ критиковать верховную волю прусскаго короля. Эта критика такой же бунтъ, какъ и возстаніе Телля, даже хуже: презрѣнная интрига, основанная на безсмысленной болтовнѣ и лжи.

Это презрѣніе Бисмарка къ политическимъ фактамъ, разъ они противорѣчатъ его инстинктамъ, основной руководящій мотивъ всей его дѣятельности. Воспоминанія переполнены именно чувствомъ презрѣнія, это—настоящая поэма особой своеобразной мизантропіи—холодной, убѣжденной безъ единаго проблеска грусти или сожалѣнія о человѣческой слабости. Практически это грозная воинственная сила, неспособная считаться ни съ какими средствами и личностями, это взглядъ на людей правыхъ или виноватыхъ, смотря по тому, согласны ли они съ мнѣніями героя, или противорѣчатъ имъ.

И съ этой точки зрѣнія Бисмаркъ оцѣниваетъ всѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось сталкиваться во внѣшней или во внутренней политикѣ. На первыхъ же страницахъ онъ пишетъ удручающую характеристику дипломатовъ. Это, надо думать, самыя жалкія созданія въ глазахъ канцлера, глупыя, тунеядныя и въ высшей степени смѣшныя. Французскій языкъ, и притомъ въ предѣлахъ оберкелльнерскихъ свѣдѣній—высшая точка ихъ стремленій Дипломатическое призваніе вполнѣ оправдано, разъ кандидатъ въ дипломаты можетъ написать письмо на французскомъ языкѣ. Это общая картина; не лучше и отдѣльныя фигуры: рядомъ съ ними Бисмаркъ даже въ юности является гигантомъ, и не можетъ быть, конечно, и рѣчи объ исходѣ борьбы, разъ на полѣ битвы подобные противники.

Еще эффектнѣе другое сопоставленіе. До *Воспоминаній* Бисмарка всѣмъ были извѣстны его идеальныя чувства къ импера-

тору Вильгельму I. Личность императора казалась чрезвычайно величественной, почти эпической. Европа не сомнѣвалась въ громадной роли, какую прусскій король игралъ въ объединеніи Германіи, и многіе даже склонны были думать, что Бисмаркъ явился въ этомъ вопросѣ только искуснымъ сотрудникомъ. По смерти «стараго императора» образъ его воспринялъ нѣкій легендарный ореолъ, ставившій его въ рядъ средневѣковыхъ витязей старой священной германской имперіи... Явились *Воспоминанія* Бисмарка, и пьедесталъ сразу рухнулъ и ореолъ разсѣялся.

Страницы, посвященныя Бисмаркомъ императору Вильгельму, едва ли не самыя любопытныя. Онѣ съ особенной яркостью освѣщаютъ личность и таланты самого канцлера и знакомятъ насъ съ его обычными практическими пріемами.

Вильгельмъ представлялъ изъ себя крайне зауряднаго человѣка и въ сущности не былъ рожденъ государемъ въ истинномъ смыслѣ слова. Всѣ достоинства его ограничивались честностью и искренностью, собственно королевскіе задатки состояли въ крайне высокой идеѣ о власти монарха. У Вильгельма эта идея носила чисто религіозный характеръ, но практически у короля и позже императора почти никогда не хватало силъ самостоятельно и мужественно оправдывать свое призваніе. Онъ вѣчно находился подъ разными внѣшними вліяніями, и въ особенности своей супруги Августы. Ея воля тяготѣла надъ его мыслью, въ самыя рѣшительныя минуты, онъ обнаруживалъ жалкую безпомощность предъ энергической горячей королевой, и Бисмарку стоило не малыхъ усилій преодолѣвать это рабство и перетягивать своего повелителя на свою сторону.

Эта борьба, очевидно, накипѣла на сердцѣ канцлера. Она занимаетъ очень много мѣста въ его воспоминаніяхъ, до конца остается главнѣйшимъ вопросомъ внутренней политики, какъ ее излагаетъ Бисмаркъ. И надо отдать ему справедливость, онъ умѣетъ достигнуть своей цѣли очень живыми драматическими эпизодами и сценами. Здѣсь канцлеръ является талантливымъ психологомъ-художникомъ и не оставляетъ у насъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ своемъ недосягаемомъ умственномъ превосходствѣ надъ императоромъ и его вдохновительницей.

Первый случай представился немедленно послѣ вступленія Вильгельма на престолъ. Новый король питалъ глубокую любовь ко всему военному, имѣть многочисленное и образцово устроенное войско было его задушевнѣйшей мечтой. Но парламентъ сталъ на пути, страсти поднялись до высшей температуры, король перепугался и уже сталъ подумывать объ отреченіи отъ престола. О сопротивленіи парламенту король не смѣлъ и подумать, кругомъ ему нашептывали о судьбѣ Карла I, Людовика XVI и онъ уже видѣлъ себя на эшафотѣ вмѣстѣ съ своимъ министромъ. Бисмарка сравнивали съ Полиньякомъ, Страффордомъ, однимъ словомъ, королева и ея помощники постарались извлечь изъ исторіи всѣ ужасы, подходившіе къ случаю.

Бисмаркъ оказывался одинокимъ, даже военный министръ Роонъ не сочувствовалъ его слишкомъ самодержавнымъ заявленіямъ предъ парламентомъ. Бисмаркъ не отступилъ, онъ встрѣтился съ королемъ наединѣ, и между ними произошла сцена, въ высшей степени поучительная и по содержанію, и по смыслу.

Бисмаркъ нашелъ короля въ полномъ упадкѣ духа, Вильгельмъ прямо заявилъ ему о предстоящей казни ихъ обоихъ. Тогда Бисмаркъ произнесъ горячую рѣчь, доказывалъ, какъ недостойно монарха безъ борьбы подчиняться своей участи, объяснилъ малодушное поведеніе Людовика XVI и Карла I, воззвалъ къ чувству военной чести, и въ заключеніе одержалъ побѣду.

Замѣчателенъ общій психологическій выводъ. Король—идеальный типъ прусскаго офицера, ни болѣе, ни менѣе. Онъ все, что угодно, сдѣлаетъ, но только *по командѣ*, лишь бы не разсуждать и не нести личной отвѣтственности. Но бѣда, если предъ такимъ исполнителемъ возстаетъ призракъ чьей бы то ни было критики, на него направленной, начальства или общественнаго мнѣнія: мгновенно пропадаетъ всякая энергія. Такъ и Вильгельмъ. До встрѣчи съ Бисмаркомъ онъ ужасался нагоняя отъ супруги, порицанія отъ разныхъ политиковъ, Бисмаркъ сразу поставилъ его въ положеніе фрунтового воина, и онъ подчинялся его волѣ, какъ это сдѣлалъ бы всякій прусскій офицеръ по приказу высшаго начальства.

Бисмаркъ видимо съ наслажденіемъ разсказываетъ и подробно разъясняетъ все приключеніе. Читатель долженъ разъ навсегда убѣдиться, какъ велика была личная нравственная сила министра и какъ пассивна, *механична* натура его государя.

Не лучше и портретъ императрицы Августы.

Эта женщина—настоящій кошмаръ для Бисмарка. Онъ не можетъ спокойно вспоминать о ней, она умѣла отравлять лучшіе моменты его власти, угрожать ему утратой только что достигнутыхъ результатовъ и вѣчно держать въ томительномъ страхѣ; вотъ внезапно перемѣнится настроеніе ея августѣйшаго супруга и «вся постройка» канцлера рушится въ прахъ.

Что руководило неумолимой пожизненной оппозиціей Августы? По словамъ Бисмарка, менѣе всего какая-нибудь опредѣленная идея, просто даже прямая практическая цѣль. Королева интриговала просто ради удовлетворенія личнаго самолюбія. Она желала въ своей особѣ воплощать правительство, всякая власть внѣ ея была ей ненавистна просто какъ власть независимо отъ направленія и самихъ обладателей властью. Бисмаркъ вполнѣ опредѣленно выражается: если правительство было консервативно, Августа собирала вокругъ себя либераловъ и съ помощью ихъ мѣшала предпріятіямъ министерства. Если правительство начинало относиться благосклонно къ либераламъ, императрица принималась поощрять консерваторовъ и особенно католиковъ. То же самое и во внѣшней политикѣ. У императрицы всегда имѣлось свое анти-министерство и, напримѣръ, она защищала интересы Австріи даже въ началѣ австро-прусской войны.

Положеніе вещей бывало тѣмъ болѣе тягостнымъ, что императоръ, безъ всякой критики, подчинялся внушеніямъ супруги. Если онъ самолично додумывался до какой-либо идеи, враждебной планамъ канцлера, переубѣдить его было не трудно: здравый смыслъ, по словамъ Бисмарка, и логика фактовъ брали свое. Но горе, если Вильгельмъ являлся съ мнѣніями своей жены! Тогда рѣчь его становилась сбивчивой, разсужденія странными и совершенно нелогическими, а между тѣмъ роковое внушеніе тяготѣло надъ

слабымъ духомъ. Прижатый къ стѣнѣ, императоръ обыкновенно восклицалъ въ безъисходной тоскѣ: «Кончимъ же, наконецъ!» И въ оправданіе приводились соображенія, отнюдь не способныя умиротворить канцлера;—въ родѣ «жена моя—горячая голова» и «что же вы хотите, чтобы я сдѣлалъ?»

Легко представить, сколько ловкости и энергіи требовалось Бисмарку вести эту непрерывную войну! Но оставаться побѣдителемъ онъ привыкъ съ самого начала, его могъ раздражать только процессъ борьбы; исходъ былъ заранѣе извѣстенъ.

Слѣдующая императрица, Викторія, также оказалась на политическихъ путяхъ Бисмарка и здѣсь соперничество грозило несравненно болѣе серьезное, чѣмъ капризная легкомысленная фронда предшественницы. Супруга Фридриха III также неограниченно вліяла на мужа, но она твердо знала, чего хотѣла. Понималъ это и Бисмаркъ, жестоко укоряя Викторію въ ея неизмѣнныхъ прирожденныхъ англійскихъ идеалахъ. Онъ имѣлъ основанія бояться, какъ бы «англичанка» не поколебала устоевъ прусской внутренней и внѣшней политики, и Фридрихъ III обнаруживалъ всѣ данныя «желѣзнаго канцлера» замѣнить другимъ, болѣе близкимъ его уму и сердцу. Смерть рѣшила вопросъ въ пользу Бисмарка. Но торжество продолжалось не долго: гроза пришла совершенно неожиданно и съ той стороны, гдѣ, казалось, все было ясно...

Но, во всякомъ случаѣ, паденіе не нанесло смертельнаго удара историческому величію Бисмарка. На первыхъ порахъ обнаружилась-было обычная человѣческая доблесть: вокругъ Бисмарка образовалась пустота. Верховная опала превратила отставку въ изгнаніе. Но виновникъ опалы не обнаружилъ ни таланта, ни достоинства, равносильныхъ его юпитеровскому разсчету съ основателемъ германской имперіи. Первое впечатлѣніе прошло, нѣмцы быстро постигли своего новаго кормчаго, сравнили съ прежнимъ, и ореолъ Бисмарка засіялъ новымъ ослѣпительнымъ блескомъ затѣмъ, чтобы ужъ больше не померкнуть до самой его смерти.

Убѣжище канцлера превратилось въ Мекку нѣмецкихъ патріотовъ. Не проходило мѣсяца безъ паломничествъ и рѣчей изгнанника, звучавшихъ и теперь все также громко и властно. Заграницей не менѣе внимательно прислушивались къ этимъ рѣчамъ и говорили: вотъ истинно національный герой новой Германіи *)!

Когда, наконецъ, смерть прекратила паломничества и рѣчи, самые разсудительные и просвѣщенные соотечественники покойника писали: «до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать наша планета и на землѣ жить люди, имъ будутъ называть Бисмарка, какъ одного изъ людей, давшихъ имя своему столѣтію... Девятнадцатый вѣкъ будетъ названъ вѣкомъ Бисмарка». И нѣмцы находили, что міръ обѣднѣлъ послѣ кончины Бисмарка, даже трудно мыслить міръ безъ Бисмарка, и остается одно утѣшеніе, желать, чтобы *его* геній и его перваго императора бодрствовалъ надъ созданной имъ имперіей... **).

Мы видимъ, канцлеръ остался побѣдоноснымъ и при жизни, и за гробомъ. Геній императора даже упоминается всуе: такого

---

*) *Nuova Antologia*, 1899, 16 gennaio, p. 314.
**) *Deutsche Rundschau*, 1898, September.

вовсе не было, все создано однимъ Бисмаркомъ. Это мы знаемъ отъ него самого и послѣ его *Воспоминаній* честь объединенія Германіи должна принадлежать ему безраздѣльно. Онъ выше всѣхъ цѣлой головой, и дипломатовъ, и государей, и, несомнѣнно, такой портретъ собственной особы желалъ нарисовать авторъ. Но онъ не достигъ болѣе общей цѣли: не успѣлъ изобразить себя высокимъ безъ сравненія съ завѣдомыми ничтожествами. Онъ допустилъ извѣстную наполеоновскую ошибку, повторенную, впрочемъ, всѣми надменными повелителями человѣческаго стада. Они до послѣдней степени принижаютъ матеріалъ, подлежавшій ихъ воздѣйствію, и забываютъ, что этимъ самымъ они подрываютъ у насъ вѣру въ ихъ исключительное могущество. Немного чести властвовать надъ глупцами и посредственностями. А именно такого рода созданія проходятъ передъ нами въ воспоминаніяхъ и Наполеона, и Бисмарка. Императоръ Вильгельмъ развѣнчанъ окончательно, дипломаты осмѣяны безнадежно, но всѣ эти посягательства не миновали и самого побѣдителя. Онъ великъ среди слишкомъ маленькихъ людей. А если мы еще припомнимъ, что отъ разсказа о важнѣйшихъ своихъ затрудненіяхъ во внутренней политикѣ онъ уклонился, выводъ получится отнюдь не восторженный. И мы логически должны признать *Мысли и Воспоминанія* не исторіей, а чисто юридической рѣчью pro domo sua. Бисмаркъ строилъ себѣ памятникъ нерукотворный, тщательно выбирая подходящій матеріалъ, свободно обтесывая камни и невозбранно возвышая пьедесталъ до какихъ угодно размѣровъ. Въ результатѣ получилась книга, требующая многочисленныхъ критическихъ примѣчаній, предстала предъ читателемъ *парадная* фигура на чрезвычайно искусно обставленной сценѣ.

Мы попытаемся представить героя и пьесу въ менѣе торжественной и болѣе естественной картинѣ. Никакихъ экстренныхъ откровеній и углубленій въ государственныя тайны намъ не потребуется: мы просто припомнимъ факты, или опущенные самимъ Бисмаркомъ, или оставленные имъ безъ должнаго освѣщенія. Работа въ высшей степени поучительная: она лишній разъ покажетъ намъ, на какихъ пьедесталахъ красуются обыкновенно сверхъчеловѣки и какой смыслъ имѣетъ эта красота для всего бѣднаго человѣчества.

II.

Поклонники Бисмарка чаще всего выставляютъ на видъ одно достоинство своего героя: ясное сознаніе своихъ цѣлей и неуклонное стремленіе къ нимъ. Это—*воплощенная воля*, направленная по строго опредѣленному, безусловно неизмѣнному и для всѣхъ ясному плану: Гогенцоллерны должны неограниченно владычествовать надъ Пруссіей, Пруссія надъ Германіей, Германія надъ Европой. Вотъ и вся политика и философія Бисмарка, она дана ему самой природой, она тождественна съ его инстинктами, можно сказать, сливается съ его непосредственными вкусами и физическими влеченіями. А такъ какъ инстинктъ не станетъ вступать въ сдѣлки, подчиняться идеѣ или нравственному чувству, то и цѣльность бисмарковской дѣятельности обезпечена ея основнымъ вдохновляющимъ мотивомъ.

И цѣльность дѣйствительно поразительная!

Нѣкоторое время Бисмаркъ находится на распутьѣ. Въ университетѣ онъ учится плохо, не разъ проваливается на экзаменахъ, беретъ даже репетитора и сдаетъ государственный экзаменъ, но какъ и когда—остается неизвѣстнымъ. Вообще научный багажъ самый легковѣсный, но зато двадцать восемь дуэлей, почетная рана въ лицо и бурный неукротимый характеръ. Онъ мѣшаетъ Бисмарку приспособиться къ какой бы то ни было службѣ, требующей подчиненія. Бисмаркъ задыхается въ чиновничьей канцеляріи, возстаетъ противъ военной дисциплины и спасается на годъ въ деревню. Здѣсь бѣшеная скачка верхомъ смѣняется оргіями, Бисмаркъ быстро во всей округѣ пріобрѣтаетъ славу перваго кутилы, о величинѣ его пивной чаши разсказываютъ легенды и эта популярность нагоняетъ такой ужасъ на чинныхъ матерей семействъ, что Бисмаркъ рискуетъ получить отказъ въ рукѣ любимой дѣвушки. На его счастье, молодая особа держалась совсѣмъ другого взгляда на подвиги своего поклонника, чѣмъ мать, и счастливый бракъ состоялся.

Одновременно открывается политическая карьера. Бисмаркъ является въ прусскій сеймъ. Ему предшествуетъ извѣстность отчаяннаго охотника и любителя шумныхъ кутежей, но это было не все. Члены сейма, да, вѣроятно, и собутыльники Бисмарка не знали, что онъ какимъ-то путемъ ухитрился перечитать множество нужныхъ ему книгъ, по исторіи Германіи и Англіи, углублялся даже въ старинныя лѣтописи, отыскивая всюду германскій духъ и открывая его, разумѣется, въ полномъ соотвѣтствіи съ своими гогенцоллернскими страстями. Теперь онъ явился во всеоружіи фактовъ и цифръ, заранѣе предвкушая обязательную побѣду надъ идеологами и конституціоналистами. Гигантскій ростъ, совершенно демократическое лицо съ громадными сѣрыми глазами, обладавшими способностью смущать и очаровывать и при этомъ непобѣдимая самоувѣренность стараго дуэлиста и искателя приключеній: сеймъ немедленно почувствовалъ вліяніе нѣкоего мощнаго духа въ первыхъ же рѣчахъ Бисмарка.

Онъ не преминулъ изложить свою откровенную исповѣдь и безъ всякихъ колебаній заявилъ себя рѣшительнымъ реакціонеромъ. Онъ дерзнулъ отрицать фактъ, всѣми признанный, будто Пруссія со временъ борьбы противъ Наполеона желаетъ конституціи. Ничего подобнаго! Она просто хотѣла прогнать врага и жить по старому со своими королями... Услышавъ такую ересь, сеймъ пришелъ въ негодованіе, крики покрыли рѣчь оратора, но ни на минуту не смутили его: онъ преспокойно вынулъ изъ кармана газету и принялся читать ее, пока народные представители шумѣли. Когда шумъ прекратился, Бисмаркъ началъ снова свою рѣчь и закончилъ ее съ надлежащимъ эффектомъ: «Мнѣ напоминаютъ, что я молодъ и что я еще ничего не сдѣлалъ для страны, будьте покойны, можетъ быть, не далекъ день, когда я сдѣлаю все, чего я, по вашимъ упрекамъ, не сдѣлалъ».

Это происходило наканунѣ іюльской революціи. Вѣтеръ дулъ, повидимому, совсѣмъ не въ сторону отважнаго монархиста. Парижскія событія обезпокоили прусскаго короля Фридриха-Вильгельма IV: переворотъ онъ приписывалъ недостатку либерализма въ правле-

ніи Людовика-Филиппа. Бисмаркъ думалъ совершенно иначе—точь-въ-точь, какъ Наполеонъ во время великой революціи. Онъ дрожалъ отъ гнѣва при одной мысли о побѣдѣ улицы надъ войскомъ. Онъ не понималъ, почему король не очистилъ города хорошимъ залпомъ изъ митральезы? Этого мало: въ сущности слѣдовало бы уничтожить всѣ большіе города, какъ очаги революцій. У Бисмарка спросили, какъ бы онъ распорядился, находясь у власти? «Висѣлица была бы на очереди дня»,—отвѣчалъ будущій канцлеръ и не преминулъ подтвердить свою идею на дѣлѣ.

Онъ страстно возсталъ противъ амнистіи участникамъ мартовской революціи. Онъ подвергъ жестокому издѣвательству теоретическихъ политиковъ: «Они со временъ *Общественнаго договора* Руссо ничему не научились и ничего не забыли и ихъ фантазіи въ полгода стоили націи больше крови, денегъ и слезъ, чѣмъ абсолютизмъ въ теченіе тридцати трехъ лѣтъ». Очевидно, на языкѣ Бисмарка не была пустымъ словомъ *висѣлица* и не для мелодраматическихъ эффектовъ онъ говорилъ о крови и мести. Ежеминутно онъ лично готовъ былъ отмстить и пролить кровь.

Однажды, вечеромъ, въ пивной одинъ изъ посѣтителей дурно отозвался о королевской семьѣ. Бисмаркъ всталъ съ мѣста и крикнулъ: «Убирайтесь вонъ; если вы не уйдете, пока я опорожню эту кружку, я разобью ее о вашу голову!» Несчастный не повѣрилъ угрозѣ, но Бисмаркъ, спокойно выпивъ пиво, разбилъ кружку о черепъ либерала и тотъ упалъ, обливаясь кровью.

Даже король чувствовалъ себя неловко предъ этимъ средневѣковымъ забіякой. Бисмаркъ это зналъ и будто гордился оторопью своего повелителя: онъ особенно громко провозглашалъ себя сторонникомъ обскурантизма и средневѣковыхъ убѣжденій. Король не могъ остаться безучастнымъ къ такому самоотверженному оруженосцу его правъ, и будущее Бисмарма было обезпечено. Онъ является на франкфуртскомъ общегерманскомъ сеймѣ и впервые усвоиваетъ глубокую личную ненависть къ Австріи. Онъ всюду сталкивается съ ея притязаніями и оскорбительной надменностью ея представителей. Его прусское сердце переполняется гнѣвомъ. Онъ теперь безповоротно убѣждается въ необходимости выбросить Австрію изъ германскаго союза, унизить ее и подчинить прусскому вліянію. Онъ считаетъ все это вполнѣ достижимымъ. Именно теперь онъ постигаетъ все ничтожество пышныхъ раззолоченныхъ фигуръ, именуемыхъ дипломатами. Его письма къ женѣ переполнены истинно-художественными насмѣшками надъ глубокомысленными вершителями народныхъ судебъ. «Пришлите мнѣ,—пишетъ онъ,—мыловара или школьнаго учителя, вымойте и причешите ихъ и я надѣлаю вамъ изъ нихъ дипломатовъ... Трудно себѣ представить, сколько ничтожества и шарлатанства заключается въ дипломатіи».

Это вступительное разсужденіе къ внѣшней политикѣ. Одновременно Бисмаркъ запасается свѣдѣніями и для будущей министерской и канцлерской дѣятельности. Свѣдѣнія не новыя, но франкфуртскій сеймъ даетъ особенно богатый матеріалъ. Въ письмахъ къ женѣ иронія распредѣляется поровну по адресу дипломатовъ и депутатовъ. Всѣ они одинаково забавны, воображая себя значительными фигурами, и Бисмаркъ не пропускаетъ случая подмѣтить смѣшную или жалкую черту у ненавистныхъ ему людей

всюду—въ сеймѣ, на улицѣ, на балу. Онъ не отказывается отъ развлеченій, его считаютъ даже слишкомъ легкомысленнымъ, онъ, повидимому, большой любитель танцевъ и пустой свѣтской болтовни, но наивные судьи не понимаютъ тонкихъ разсчетовъ веселаго пруссака. Онъ всюду бываетъ затѣмъ, чтобы все видѣть и обо всемъ имѣть личное сужденіе. Не виноватъ же онъ, что дипломатовъ приходится изучать преимущественно на балахъ и въ концертахъ! При случаѣ онъ не затрудняется дать понять, чего онъ стбитъ въ качествѣ прусскаго представителя. Вся Германія была взволнована сценой съ президентомъ сейма, австрійскимъ депутатомъ графомъ Туномъ.

Графъ принялъ Бисмарка, какъ существо низшей расы, не предложилъ ему сѣсть и, не выпуская изо рта сигары. Бисмаркъ самъ пододвинулъ себѣ кресло, вынулъ сигару и попросилъ у Туна огня. Австріецъ онѣмѣлъ отъ изумленія. То же самое произошло и въ самомъ сеймѣ. До Бисмарка президентъ пользовался исключительной привилегіей—курить во время засѣданій. Бисмаркъ и здѣсь обратился къ Туну съ просьбой огня. Это было цѣлымъ событіемъ. Представители немедленно сообщили о немъ своимъ правительствамъ и спустя полгода послѣдовало распоряженіе отъ лица всѣхъ нѣмецкихъ государей курить ихъ депутатамъ въ сеймѣ наравнѣ съ президентомъ. Депутаты, никогда не курившіе, вынуждены были начать курить въ интересахъ политики.

Такой менѣе всего легкомысленный эффектъ могъ вызвать прусскій «освистанный депутатъ»! Даже король затруднялся сначала послать его въ столь важное собраніе, теперь онъ съ любовью слѣдилъ за дѣятельностью своего рыцаря. А Бисмаркъ усиленно изучалъ людей и обстоятельства. Отъ его проницательности не ускользала никакая слабость и ошибки. Одаренный невозмутимой трезвостью взгляда, онъ всегда умѣлъ изъ-за внѣшняго блеска распознать печальную дѣйствительность. Никакое театральство, никакое краснорѣчіе не могли подкупить наблюдателя, и онъ съ первой же встрѣчи съ Наполеономъ III произнесъ убійственный приговоръ. Онъ проникъ въ мелкую и бездарную натуру цезаря, въ его запутанномъ, хотя подчасъ и очень эффектномъ краснорѣчіи распозналъ отсутствіе ясныхъ идей и точно установленныхъ цѣлей, а главное, онъ присмотрѣлся къ общимъ порядкамъ императорской Франціи, оцѣнилъ по достоинству ея армію и оставилъ Парижъ съ твердымъ убѣжденіемъ, что часъ имперіи и самой Франціи пробьетъ въ недалекомъ будущемъ.

Тѣ же наблюденія и въ Вѣнѣ, и въ Петербургѣ. Разсказъ о пребываніи Бисмарка въ русской столицѣ—одна изъ любопытнѣйшихъ главъ его книги, и любопытна она прежде всего совершенно не дипломатическимъ отношеніемъ посла къ той средѣ, гдѣ ему пришлось дѣйствовать въ качествѣ министра своего государя. Недаромъ онъ такъ безпощадно издѣвался надъ заурядными дипломатами, онъ самъ является въ чужую страну не затѣмъ, чтобы получать и представлять ноты и циркуляры, онъ желаетъ знать народъ и его правительство и притомъ изъ первоисточниковъ, а не по придворнымъ и закулиснымъ сплетнямъ. Онъ не пропуститъ случая побесѣдовать съ крестьяниномъ, старымъ солдатомъ—и—такое ему счастье!—всюду онъ встрѣтитъ оправданіе своихъ

*

политическихъ сочувствій и ненавистей. Московскій унтеръ-офицеръ, украшенный кульмскимъ крестомъ, поразитъ его своей враждой противъ Австріи, засвидѣтельствуетъ такимъ образомъ истинное отношеніе русскаго народа къ «фальшивому другу». Другія наблюденія также укрѣпятъ Бисмарка въ необходимости вѣчнаго мира съ Россіей, близкой войны съ Австріей и вѣчныхъ раздоровъ съ Франціей. Программа все прежняя, только подтвержденная новыми данными.

Къ шестидесятымъ годамъ, т. е. ко времени вступленія Вильгельма на прусскій престолъ, политическое воспитаніе Бисмарка закончено во всѣхъ подробностяхъ. Онъ попрежнему не вызываетъ довѣрія у старыхъ хитроумныхъ политиковъ. Надъ нимъ почти смѣются, Наполеонъ именуетъ его «безумцемъ», императрица Евгенія—«чудакомъ», французскіе министры—«не серьезнымъ человѣкомъ». И, повидимому, основательно. Бисмаркъ говоритъ совершенно громко самыя рискованныя вещи: истинный дипломатъ побоялся бы даже увидѣть ихъ во снѣ. Онъ кричитъ о союзѣ Франціи съ Пруссіей для совмѣстнаго дѣлежа плохо лежащаго чужого имущества. Онъ предлагаетъ Наполеону овладѣть Бельгіей и помочь объединенію Германіи. Наполеона очаровываютъ столь смѣлые планы, онъ внимательно прислушивается къ рѣчамъ Бисмарка, становится повѣреннымъ его тайнъ. А въ это время Бисмаркъ пишетъ о немъ: «издали это—еще кое что, вблизи это—ничто. Сначала я его самъ-было слишкомъ переоцѣнилъ, на самомъ дѣлѣ это большая непризнанная бездарность»:

Впослѣдствіи Наполеону придется еще дороже расплатиться за конфиденціальныя бесѣды съ «безумцемъ». Въ видѣ предисловія къ франко-прусской войнѣ Бисмаркъ опубликуетъ въ «Times» fac-similé своего договора съ Наполеономъ и подниметъ все общественное мнѣніе противъ Франціи. Вообще, ему везетъ насчетъ глупой дичи. Такую же исторію онъ продѣлаетъ раньше съ австрійскими дипломатами, заручится отъ нихъ предложеніемъ—подѣлить между Австріей и Пруссіей нѣкоторыя германскія герцогства. Документъ также будетъ опубликованъ въ нужную минуту, именно во время австро-прусской войны, и вызоветъ вражду всей Германіи противъ коварства Австріи.

Нечего и говорить, конечно, откуда исходило это коварство. Австрія и Наполеонъ просто попадались въ ловушки согласно основному убѣжденію Бисмарка въ ничтожествѣ и ограниченности дипломатовъ. И легко представить, какъ глубоко укоренялось въ душѣ удачливаго охотника презрѣніе къ неразумному человѣчеству! Это чувство—самый могущественный вдохновитель на головокружительныя предпріятія, и чѣмъ ближе Бисмаркъ знакомится съ людьми, тѣмъ отважнѣе становятся его планы. Онъ, опять подобно Наполеону, превращается въ азартнаго игрока, ставитъ на карту сотни тысячъ жизней, судьбу государства и свою собственную особу. Бисмаркъ можетъ долго и съ любовью сплетать искусныя сѣти, вести сложную дипломатическую интригу, но только затѣмъ, чтобы, наконецъ, нанести противнику молніеносный ударъ. Онъ по природѣ берсеркеръ и его высшее счастье—сокрушительная энергія дѣйствій, а не тонкая логика рѣчей. До поры до времени онъ можетъ дурачить австрійскихъ и французскихъ дипломатовъ, но онъ уже давно публично

объявилъ, что великіе вопросы времени рѣшаются не фразами, а желѣзомъ и кровью. Убаюкавъ бдительность и жадность Наполеона, Бисмаркъ разгромилъ Данію. Это—начало, слѣдующая очередь Австріи. Предварительно прусскій министръ справится, насколько перемѣнились настроенія Наполеона. Изслѣдованія оказываются благопріятными: резонерствующій авантюристъ все также близорукъ и смѣшенъ,—онъ не пойметъ смысла австро-прусской борьбы и допуститъ униженіе Австріи, ни на минуту не задумавшись надъ собственной участью.

Какая драма эта междоусобная война двухъ нѣмецкихъ державъ! Ее въ Германіи называютъ братоубійственной, король и особенно королева противъ нея, даже армія не чувствуетъ энтузіазма идти противъ вчерашняго союзника и единоплеменника. Бисмаркъ въ полномъ смыслѣ играетъ на все свое будущее, и онъ это понимаетъ. Онъ уѣзжаетъ изъ Берлина съ твердымъ рѣшеніемъ не вернуться, если Пруссія не побѣдитъ. Онъ присоединяется къ арміи, присутствуетъ въ сраженіяхъ и позже издѣвается надъ своими излюбленными жертвами—дипломатами, объявляющими войну въ креслахъ у камина и не имѣющими понятія о крови живого человѣка. Онъ покидаетъ короля въ дурномъ настроеніи, и это не мѣшаетъ ему объявить публично: «король откажется отъ престола, если мы будемъ побиты». Бельгійскому посланнику онъ обѣщаетъ: «Если мы потерпимъ неудачу, я дамъ себя изрубить саблями въ послѣдней стычкѣ».

И онъ переживаетъ страшныя минуты на поляхъ битвъ! Онъ ведетъ себя истиннымъ героемъ, не спускаетъ глазъ съ дѣла, имъ вызваннаго, ни на одно мгновеніе не забываетъ о личной отвѣтственности. Здѣсь Бисмаркъ дѣйствительно великъ и дипломатическій корпусъ всей Европы, со всѣми его историческими bons mots и изяществомъ французскаго стиля—кучка пигмеевъ предъ этимъ геніемъ воли и мужества. Въ теченіе тринадцати часовъ при Садовой онъ не сходитъ съ лошади. Исходъ битвы зависитъ отъ появленія арміи кронпринца. Она медлитъ, рѣшительный часъ насталъ, Бисмаркъ видитъ предъ собой пропасть, онъ заряжаетъ пистолетъ и закуриваетъ сигару. Сраженіе продолжается; если онъ выкуритъ сигару и кронпринцъ не явится, онъ покончитъ съ собой. Уже раздаются побѣдные крики австрійцевъ, но судьба за смѣлыхъ; въ самую послѣднюю минуту кронпринцъ бросается на австрійцевъ, битва выиграна, и игра Бисмарка закончена съ блескомъ и славой. Онъ засыпаетъ, какъ мертвый, безъ постели и подушки, среди грязи, но счастливый и отнынѣ единовластный.

Такой же рѣшительный ходъ игрока и франко-прусская война. Въ теченіе многихъ лѣтъ Бисмаркъ опутывалъ Наполеона несбыточными перспективами, льстилъ его мнимому всемогуществу, поощрялъ самыя нелѣпыя притязанія, отлично понимая полное безсиліе Франціи осуществить ихъ. Бисмаркъ умѣлъ лучше Наполеона и французскихъ генераловъ изучить военное положеніе имперіи, въ прусскомъ военномъ штабѣ имѣлись несравненно болѣе точныя свѣдѣнія о французской арміи, чѣмъ во французскомъ военномъ министерствѣ, и здѣсь знали глиняный пьедесталъ бонапартовскаго колосса. Наполеонъ имѣлъ глупость самолично со-

чинять договоры, способные погубить его въ глазахъ Европы, его министры держались величественнаго тона, не имѣя за собой никакой реальной силы. При такихъ условіяхъ Бисмарку дешево стоило разгорячить самолюбіе французовъ и натолкнуть ихъ на роль зачинщиковъ брани. Достаточно перваго случая, разъ Бисмаркъ былъ увѣренъ въ несомнѣнномъ превосходствѣ прусской арміи надъ французской.

Въ свое время громадное впечатлѣніе на весь міръ произвело разоблаченіе бисмарковской продѣлки наканунѣ объявленія войны. Ее подробно разсказываетъ самъ герой съ видимымъ упоеніемъ. И дѣйствительно, тонкость работы образцовая: стоило посвятить даже отдѣльную главу *Эмской депешѣ.*

Какъ извѣстно, вопросъ шелъ о кандидатурѣ гогенцоллернскаго принца на испанскій престолъ. Наполеонъ воспротивился и кандидатура была устранена. Но французское правительство, продолжавшее грезить старымъ бонапартовскимъ авторитетомъ надъ послушной Европой, потребовало отъ короля Вильгельма «гарантіи на будущее». Бисмаркъ пришелъ въ восторгъ, узнавъ объ этой фанфаронадѣ. Но препятствіе заключалось въ миролюбіи короля: ему и на умъ не приходило разрывать съ Франціей. Онъ совершенно невинно приказалъ своему адъютанту передать французскому послу, что онъ считаетъ вопросъ рѣшеннымъ и ничего больше не имѣетъ сообщить ему.

Все это происходило въ Эмсѣ; Бисмаркъ, Мольтке и Роонъ находились въ Берлинѣ и ждали съ мучительнымъ нетерпѣніемъ развязки. Пришла телеграмма, застала воинственный тріумвиратъ, за обѣдомъ и повергла его въ уныніе. У Мольтке и Роона пропалъ даже аппетитъ, но Бисмаркъ быстро опомнился, взялъ карандашъ и принялся редактировать отчетъ о событіи. Онъ не измѣнилъ и не прибавилъ въ телеграммѣ ни одного слова, слегка только ретушировалъ форму. По телеграммѣ выходило, что король лишь въ *данный моментъ*, на водахъ, отказался *продолжать* переговоры, въ Берлинѣ они могутъ быть возобновлены; редакція Бисмарка придавала отказу рѣшительный характеръ: король *не пожелалъ принять* французскаго посла и этимъ безусловно оскорбительнымъ актомъ закончилъ инцидентъ.

Когда Бисмаркъ прочиталъ свое произведеніе Мольтке и Роону, тѣ пришли въ восторгъ и заявили, что телеграмма звучала какъ *отбой*, а сообщеніе Бисмарка играетъ *наступленіе.* Бисмаркъ еще болѣе подогрѣлъ радость пріятелей, объявивъ имъ, что онъ сообщитъ свой текстъ въ газеты и всѣмъ прусскимъ посольствамъ. Это произведетъ «впечатлѣніе краснаго платка на галльскаго быка», и Пруссія окажется стороной *вызванной*, а не *вызывающей*, что и требовалось для завоеванія общественнаго мнѣнія Европы и либеральныхъ ораторовъ.

Генералы возвеселились, какъ школьники, принялись ѣсть, пить и «говорить въ веселомъ духѣ», какъ выражается Бисмаркъ. Мольтке, вѣчно безмолвный и пассивный—билъ себя въ грудь и выкрикивалъ горячія фразы... Судьба Франціи была рѣшена.

Существуетъ особое сочиненіе, изображающее Бисмарка во время франко-прусской войны. Написано оно его личнымъ секре-

таремъ—Бушемъ *) и полно поучительнѣйшихъ сообщеній. Бисмаркъ вырисовывается здѣсь весь и окончательно, и портретъ любопытенъ не только самъ по себѣ, но и вообще для человѣческой психологіи. Мы знаемъ, конечно, что Бисмаркъ страстный патріотъ и насъ не удивитъ его сострадательное, даже нѣжное чувство къ нѣмецкимъ солдатамъ. Но намъ трудно помирить какой угодно патріотизмъ съ кровожадной *расовой* ненавистью. Бисмаркъ во время войны свирѣпостью превзошолъ всѣхъ вождей германской арміи. Отъ начала до конца онъ вѣчно ссорится съ генеральнымъ штабомъ изъ-за его, будто бы, слишкомъ гуманнаго отношенія къ французамъ. Онъ настаиваетъ, чтобы огонь и мечъ не уставали истреблять враговъ, деревни выжигались, населеніе вѣшалось при всякомъ подозрѣніи въ «измѣнѣ». Онъ негодуетъ, что слишкомъ много людей берутъ въ плѣнъ: ихъ слѣдуетъ разстрѣливать на мѣстѣ. Онъ не допускаетъ и бѣглецовъ: оставленные дома должны быть разрушены, имущество конфисковано. Онъ съ удовольствіемъ любуется на горящія зданія, гдѣ подъ развалинами тлѣютъ трупы, и шутитъ на счетъ «жаренаго луку». Подъ Парижемъ онъ настаиваетъ, чтобы солдаты стрѣляли по бѣднякамъ, выходившимъ за городъ отрывать изъ подъ снѣга картофель. Онъ требуетъ бомбардировки столицы и даже ссорится съ Мольтке, который считалъ безцѣльнымъ разрушать Парижъ и истреблять его населеніе...

Бисмаркъ могъ быть доволенъ собой: даже въ средніе вѣка онъ могъ бы разсчитывать на довольно рѣдкую славу... Но какъ бы то ни было, зданіе увѣнчано. Въ зеркальной залѣ версальскаго дворца германскіе государи провозгласили прусскаго короля императоромъ. Въ этотъ день—18 января 1871 года—началась новѣйшая исторія Европы, съ истинномъ смыслѣ исторія культурнаго міра конца вѣка.

III.

Въ дневникѣ кронпринца Фридриха, очевидца провозглашенія германской имперіи, описывается приснопамятная сцена довольно неожиданными красками: Бисмаркъ прочиталъ документъ «голосомъ монотоннымъ, безучастнымъ, будто докладчикъ», блѣдность не сходила съ его лица...

Странно! Великій человѣкъ достигалъ вѣнца своихъ стремленій, и такой голосъ, и такое лицо... Не могло же его смутить сопротивленіе баварскаго короля, равнодушіе и даже отчасти нежеланіе самого Вильгельма быть императоромъ—осуществлять мечту профессоровъ и либераловъ и впослѣдствіи считаться съ парламентомъ и даже всеобщей подачей голосовъ. Ни Людвигъ II, ни Вильгельмъ I не могли разстроить Бисмарка; надо думать, совсѣмъ другія обстоятельства отравляли его торжество.

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ получалось въ результатѣ побѣдоносныхъ дипломатическихъ и военныхъ походовъ? Ни болѣе, ни ме-

*) Bismarck und seine Leute während des Kriegs 1870—1871. Существуетъ франц. переводъ: *Le comte de Bismarck et la suite pendant la guerre de France 1870—1871.* Paris. 1879.

нѣе, какъ революціонный разрывъ со всѣми драгоцѣннѣйшими для Бисмарка прусскими и гогенцоллернскими основами. Въ 1849 году прусскій король съ презрѣніемъ отвергъ императорскую корону, предложенную ему народнымъ представительствомъ. Теперь онъ получалъ ту же корону отъ принцевъ, но далеко не безвозвозмездно. Всеобщая подача голосовъ—идея, по существу противная всѣмъ инстинктамъ и убѣжденіямъ Бисмарка. Дальше, единство, провозглашенное прокламаціей къ народу, не уничтожало почеркомъ пера исконныхъ нѣмецкихъ наклонностей къ обособленію. Не даромъ исторія создала на почвѣ Германіи десятки государствъ: это дробленіе, очевидно, соотвѣтствовало національному германскому духу, и уничтожить его политикой или войной—внѣ человѣческихъ силъ. Наконецъ, во главѣ имперіи становился протестантскій государь, и милліоны католиковъ врядъ ли могли видѣть провиденціальный актъ въ этомъ событіи. Очевидно, народъ, церковь, государи и всѣ эти силы, по своимъ историческимъ задачамъ и путямъ, отнюдь не представляли благодарной почвы для чисто-прусскаго гогенцоллернскаго владычества. И Бисмарку немедленно предстояло вступить въ совершенно другую борьбу—не съ дипломатами и придворными интригами, а съ внутренними національными теченіями—умственными, политическими и экономическими.

За предѣлами версальскаго мира предъ нами встаетъ другой Бисмаркъ, точнѣе прибавляется новая основная черта къ его личности и дѣятельности. Старая, знакомая намъ, остается по прежнему, Бисмаркъ неизмѣнно побѣдоносенъ въ своихъ столкновеніяхъ съ дипломатами и всякаго рода сановниками. Одинъ князь Горчаковъ было не угодилъ канцлеру, зато какими же насмѣшками осыпалъ его раздраженный и избалованный владыка европейской политики, сколько ѣдкихъ замѣтокъ посвятилъ онъ его «ревности» и «соперничеству» въ своихъ *Воспоминаніяхъ*, а главное, съ какой утонченной, но безпощадной жестокостью отомстилъ онъ ему на берлинскомъ конгрессѣ! И все это за то, что русскій канцлеръ осмѣлился принять на себя отвѣтственность за рѣшительное нежеланіе Александра II допустить новый разгромъ Франціи!.. Но это—лишь эпизодъ: все остальное въ дипломатическомъ мірѣ волновалось и укрощалось подъ взоромъ Бисмарка, будто море подъ трезубцемъ и окрикомъ Нептуна.

И Бисмаркъ упражнялся въ хитроумнѣйшихъ комбинаціяхъ на полной свободѣ. Безъ обмана и лицедѣйства дѣло не обходилось, и въ 1884 году Бисмаркъ совершилъ въ этомъ направленіи одинъ ихъ самыхъ блестящихъ дипломатическихъ шедевровъ, заключилъ съ Россіей договоръ о взаимномъ нейтралитетѣ на случай нападенія Франціи на Германію или Австріи на Россію. Это была кровная обида для тройственнаго союза, но въ дипломатіи подобныя случайности только des petits expédiens. Здѣсь нѣтъ ни принциповъ, ни партій, и уменъ тотъ, кто умѣетъ пользоваться фактами и положеніями, независимо отъ договоровъ и обязательствъ. И Бисмаркъ—по истинѣ геніальный виртуозъ на этомъ поприщѣ, неподражаемый и неуловимый. Могъ же онъ послѣ берлинскаго конгресса публично хвастать своими громадными услугами Россіи и правомъ на высшій русскій орденъ! И *фактически* возразить было нечего: такъ тонко, по выраженію того же Бисмарка,

желудокъ Россіи былъ освобожденъ отъ излишней—неперевари мой—будто бы, для него пищи...

И дипломаты, надо думать, прямо рождались готовыми famulus'ами германскаго канцлера. Это его личный штатъ, какая-нибудь конференція—его классная комната, его нота—приказъ и урокъ, и можно сказать: Европа обожаетъ и слушается Бисмарка. Американскій посолъ въ Берлинѣ, долго наблюдавшій дѣятельность канцлера, высказалъ свое сужденіе въ очень остроумной формѣ: «Я въ особенности восхищаюсь одной способностью Бисмарка: покажите ему лошадь или иностраннаго посла, онъ немедленно, послѣ краткаго осмотра, скажетъ вамъ, есть ли у лошади тайный порокъ и какою слабостью посла можно пользоваться». И въ Европѣ, по словамъ французскаго политика, не осталось ни одной державы, на которой Бисмаркъ не игралъ бы, какъ на флейтѣ.

Это не точно: одна держава не поддалась музыкальному таланту канцлера, именно Германія. Вся жизнь Бисмарка послѣ франко-прусской войны поразительное зрѣлище, изъ двухъ одновременно идущихъ пьесъ: въ одной канцлеръ-траумфаторъ, гордый, ясный, иногда по юпитеровски гнѣвный, въ другой—озлобленный, часто мелко-мстительный, нерѣдко разочарованный боецъ, обязанный быть вѣчно во всеоружіи и своего государственнаго таланта, и простой административной власти. Одинъ иностранецъ, большой знатокъ въ современной исторіи Германіи, по поводу Бисмарка высказалъ очень лестное сравненіе: бываютъ люди, чрезвычайно уважаемые въ обществѣ, во всемъ и вездѣ разсудительные, способные упорядочить всякое общественное дѣло, а дома самые несчастные мужья и неудачливые хозяева. Жена презираетъ почтеннаго дѣятеля, не признаетъ его талантовъ и ума, дѣти смѣются надъ нимъ, и именно у семейнаго очага онъ безсиленъ и жалокъ.

Такъ и Бисмаркъ. Отлично справляясь съ цѣлой Европой, онъ совсѣмъ непризнанный пророкъ въ рейхстагѣ и среди милліоновъ нѣмцевъ. Геній, окружавшій его неувядаемой славой въ дипломатическихъ поединкахъ, принесъ ему сугубый вредъ въ стѣнахъ отечественнаго парламента. Тамъ вызывали общее удивленіе ловкія одурачиванья, легкія и тяжкія перемѣны чувствъ, доблестное заушеніе принциповъ и обязательствъ, здѣсь оказалось все наоборотъ. Когда Бисмаркъ игралъ двойную игру съ Австріей и Россіей, онъ могъ спокойно хвастаться: «Я держу за ошейники двухъ страшныхъ геральдическихъ звѣрей. Я ихъ разъединяю: во-первыхъ, затѣмъ, чтобы они не передрались другъ съ другомъ, а потомъ, чтобы они не сговорились разорвать насъ». Очень ловко! Но стоило перенести эту политику въ рейхстагъ, немедленно приходилось конфузиться и терпѣть самыя досадныя укоризны и неудачи.

Ненавистные народные представители требовали какихъ-то опредѣленныхъ идей, принциповъ, какой-то вѣрности одной какой-нибудь партіи и жестоко клеймили всякую попытку перебѣжать справа налѣво, или наоборотъ. Когда Бисмаркъ заключалъ двусторонній договоръ съ двумя державами, знатоки дѣла повергались въ изумленіе и зависть, но когда тотъ же Бисмаркъ сегодня ссорился съ католиками и покровительствовалъ либераламъ, а на слѣдующій день дѣлалъ авансы центру и воевалъ съ лѣвой, оте-

чество не желало увѣнчать его гражданскимъ вѣнкомъ. Конечно, у Бисмарка были основанія кочевать съ одной стороны рейхстага на другую: либералы надобились для «майскихъ законовъ» противъ католиковъ и папы, а католики, въ свою очередь, стали необходимы для проведенія табачной монополіи. Но это не казалось убѣдительнымъ парламенту. Вѣдь майскіе законы, по увѣренію Бисмарка, охраняли цѣлость имперіи, даже больше—защищали цивилизацію отъ римскаго мрака и деспотизма. Такъ и сама борьба называлась *культурной—Kulturkampf*. И, пожалуй, справедливо. Папа, лишенный свѣтской власти, объявилъ врагами Бога и церкви всѣхъ сочувствующихъ этому событію. Государи, не вооружившіеся противъ новаго итальянскаго королевства, лишались божьей благодати для своей власти и въ Германіи находились епископы, готовые, по ихъ словамъ, ниспровергать троны и поднимать революціи.

Пій IX былъ достаточно фанатиченъ, чтобы поощрять страсти своихъ «дѣтей», и Бисмаркъ имѣлъ право защищаться. Церкви и школы подчинялись государственному надзору, вводился гражданскій бракъ, и узаконялись мѣры противъ непокорныхъ епископовъ и священниковъ. Заодно и протестантское духовенство лишалось власти надъ школами: Бисмаркъ создавалъ многочисленную партію, враждебную ему лично и политически, партію *центра*. Это въ высшей степени усложнило положеніе канцлера. Ему теперь приходилось составлять большинство чуть не на каждый важный случай и онъ бралъ сторонниковъ, гдѣ только удавалось. Естественно, внутренняя политика превращалась въ рядъ сдѣлокъ, уступокъ, и если онѣ не достигали цѣли на сцену выступало императорское посланіе о распущеніи рейхстага и беззастѣнчивое давленіе правительства на выборы. Выдвигался во всемъ ужасѣ призракъ французскаго или казацкаго нашествія на Германію, печать била тревогу, взывала къ патріотизму бюргеровъ и особенно къ ихъ пугливымъ инстинктамъ, и вопросъ о большинствѣ для Бисмарка отождествлялся съ вѣрностью отечеству и судьбой самой имперіи и націи.

Нужны ли были столь энергичныя мѣры, создавшія *черную партію?* Вѣдь оказалось же возможнымъ впослѣдствіи въ сильнѣйшей степени смягчить майскіе законы, возвратить по приходамъ изгнанныхъ священниковъ и даже предоставить епископамъ извѣстную самостоятельносль въ замѣщеніи должностей. Культурная борьба, слѣдовательно, окончилась уступками, Бисмаркъ не смогъ выполнить своей знаменитой похвальбы: «мы не пойдемъ въ Каноссу». Но эта борьба, сравнительно, второстепенный и временный вопросъ. Бисмарку пришлось имѣть дѣло съ несравненно болѣе могучимъ и, на этотъ разъ, буквально—народнымъ теченіемъ. И здѣсь въ особенности его политика даетъ яркое представленіе о величинѣ его государственнаго ума.

Бисмаркъ вернулся въ Германію послѣ франко-прусской войны подъ сильнымъ впечатлѣніемъ парижской коммуны. Идеи Карла Маркса не давали остыть ужасу. Протекціонисткая политика, служившая Бисмарку средствомъ укрощать оппозицію католическихъ фабрикантовъ и промышленниковъ, вызвала сильный протестъ демократіи. Наконецъ, разразились покушенія на императора.

Виновники ихъ вовсе не принадлежали къ соціалистской партіи,— одинъ просто бродяга, торговавшій даже брошюрами пастера Штёкера, а другой—націоналъ-либералъ. Но событія взволновали бюргерскую массу и Бисмаркъ выступилъ горячимъ выразителемъ настроенія —проектъ исключительныхъ законовъ былъ готовъ въ нѣсколько дней.

Рейхстагъ услышалъ потрясающія вещи. Самъ «великій молчальникъ» Мольтке напалъ на либераловъ и даже умѣреннаго и вѣрноподданнаго вождя націоналъ-либераловъ Беннигсена обвинилъ въ коммунарскихъ замыслахъ. Воинъ хватилъ черезъ край, Беннигсенъ поднялъ его на смѣхъ, рейхстагъ не послѣдовалъ за правительствомъ и былъ распущенъ.

Въ странѣ воцарился терроръ. Аресты, обыски, конфискаціи, доносы нависли тучей надъ культурной націей. Вѣрноподданные, входя въ пивныя, кричали: «да здравствуетъ императоръ!»—и кто не вскакивалъ съ мѣста, того влекли въ судъ за оскорбленіе величества. На помощь администраціи пришли фабриканты и заводчики. Они терроризировали рабочихъ, прогоняли ненадежныхъ, водворяли въ округахъ настоящее олигархическое самовластіе. Требуемое большинство было получено, и соціалистской партіи объявлена административная война на жизнь и смерть.

Законъ уполномочивалъ правительство распускать собранія, прекращать изданія, изгонять и заключать въ тюрьму агитаторовъ. Но Бисмаркъ не стѣснялся предѣлами закона. Онъ объявилъ въ осадномъ положеніи Берлинъ, Лейпцигъ, Гамбургъ, не справляясь съ законной основательностью своихъ мѣръ. Соціалъ-демократическая партія чуть не оффиціально признавалась скопищемъ измѣнниковъ и мятежниковъ. Бисмаркъ преслѣдовалъ ее, какъ своего рода галльскую расу, и стремился смести ее съ лица германской земли.

Одновременно съ исключительнымъ законодательствомъ Бисмаркъ сталъ приводить въ исполненіе свой государственный соціалистическій планъ. Идея въ сильной степени была навѣяна Лассалемъ. Бисмаркъ открылъ въ необыкновенно шумномъ агитаторѣ нѣчто въ родѣ бонапартиста. Лассаль проектировалъ кооперативныя общества рабочихъ подъ покровительствомъ государства. Бисмаркъ почувствовалъ большое уваженіе именно къ соціальному предназначенію государства, убѣдился, что Лассаль отнюдь не республиканецъ и рѣшилъ у него кое-чѣмъ позаимствоваться. Современныхъ соціалъ-демократовъ онъ зачеркнулъ однимъ взмахомъ руки. Ни одного разу онъ не далъ себѣ труда вдуматься въ ихъ задачи, даже серьезно отнестись къ ихъ идеямъ. Они только разрушители и враги общественнаго порядка и ихъ надо искоренять и укрощать, а не спорить съ ними. Жестокими обвиненіями и не всегда хорошаго тона насмѣшками ограничилась вся идейная полемика Бисмарка съ ненавистной партіей. Прусскіе инстинкты не могли здѣсь оказать ни малѣйшей услуги, и Бисмарку оставалось поставить вопросъ на военную почву въ полномъ смыслѣ слова.

Государственный соціализмъ Бисмарка быстро, повидимому, пошелъ въ ходъ. Законы о страхованіи рабочихъ противъ несчастныхъ случайностей, на случай болѣзни, старости или инва-

личности слѣдовали одинъ за другимъ. Страна покрылась страховыми и пенсіонными учрежденіями. Казалось, будущее рабочаго класса обезпечивалось. Ни одному инвалиду теперь не угрожалъ голодъ, а пенсіи старикамъ могли доходить свыше 400 марокъ. Дѣло страхованія велось въ образцовомъ порядкѣ, взносы строго соразмѣрены съ количествомъ получаемой платы, усовершенствована фабричная инспекція, приняты въ особый разсчетъ особенно опасныя или отравляющія производства: въ этихъ случаяхъ предприниматели одни платились за несчастія съ рабочими.

Бисмаркъ проводилъ всѣ эти мѣры съ обычной энергіей и вѣрой въ свою силу. Соціализмъ правительство било съ двухъ сторонъ и, казалось бы, съ полнымъ успѣхомъ. Полиція усердствовала въ области исключительныхъ законовъ, фабриканты насаждали страховыя учрежденія, а результаты получались совсѣмъ странныя. Съ каждыми выборами въ рейхстагъ соціалъ-демократы множились, въ 1878 году ихъ было всего девять и до 1884 года, въ самый разгаръ гоненія, партія увеличилась почти втрое—до 24. И съ тѣхъ поръ ростъ не прекращается до послѣднихъ дней. Очевидно, государству не удалось ни запугать ни переманить на свою сторону рабочій классъ. Онъ предпочитаетъ идти за Бебелемъ и не довѣряетъ благодѣяніямъ Бисмарка.

И по очень простой причинѣ: соціализмъ Бисмарка ничто иное, какъ капиталистическая федерація. Предприниматели стоятъ во главѣ всѣхъ учрежденій, они распоряжаются кассами страхованія, сбереженія рабочихъ, слѣдовательно, въ рукахъ ихъ хозяевъ. Въ результатѣ, учрежденія менѣе всего демократическія, скорѣе чиновничьи. Для нѣмецкихъ рабочихъ громадная разница завѣдывать ли своими капиталами самолично, или отдать ихъ въ распоряженіе своихъ естественныхъ противниковъ. И соціалъ-демократическая партія, именно одновременно съ развитіемъ бисмарковскаго соціализма, организовалась въ настоящее государство съ собственными учрежденіями и выборными завѣдующими.

Слѣдовательно, и здѣсь внутренняя политика Бисмарка не привела къ желаннымъ результатамъ. Онъ оставилъ соціализмъ великой угрозой единой германской имперіи, къ Вильгельму II перешли въ наслѣдство всѣ его горькія чувства по адресу «враговъ отечества». Вопросъ не только не удалось рѣшить Бисмарку, но его военныя расправы даже способствовали росту и укрѣпленію соціалъ-демократическаго движенія. Но и этимъ не ограничилось фіаско великаго канцлера. Онъ вышелъ изъ боя не только побѣжденнымъ, но и въ сильной степени подорвавшимъ свой кредитъ. Онъ обнаружилъ политическое идейное безсиліе въ борьбѣ, онъ не понялъ сущности ненавистнаго явленія, онъ вообразилъ, что оно представляетъ кучку злонамѣренныхъ возмутителей общественнаго порядка, смѣшныхъ идеологовъ и мечтателей и что его можно разсѣять натискомъ полицейскихъ и двумя-тремя юмористическими упражненіями съ парламентской трибуны. Бисмаркъ оказался неспособнымъ въ борьбѣ съ *идеей*. Къ такой борьбѣ способенъ только тотъ, кто самъ владѣетъ идеей. Бисмаркъ всю жизнь открещивался отъ теорій, заявлялъ себя самымъ трезвымъ реалистомъ и невозмутимымъ изслѣдователемъ фактовъ. Мы знаемъ по многочисленнымъ примѣрамъ, что̀ это значитъ. У человѣка въ сущности имѣется теорія, и даже весьма отвлеченная, теорія фи-

зической силы, стоящей выше всякаго права. Бисмаркъ исповѣдывалъ религію *сильнаго человѣка* задолго до фантасмагорій Нитче. Онъ въ самомъ началѣ своей политической дѣятельности заявилъ, что сила царствуетъ надъ правомъ и что великіе вопросы политики рѣшаются желѣзомъ и кровью...

Развѣ это не теорія? Матеріалистъ можетъ быть такимъ же фантастическимъ метафизикомъ, какъ самый отчаянный ясновидецъ и мистикъ. Бисмаркъ и Наполеонъ въ нашемъ столѣтіи представили поучительнѣйшіе образцы подобной метафизики. Несомнѣнно, существуютъ положенія, когда сила кулака, пожалуй, цѣлесообразнѣе всякой логики, напримѣръ, въ спорѣ съ глупцами или въ чисто физической борьбѣ. Бисмаркъ испыталъ этихъ положеній безчисленное множество: припомнимъ его дипломатовъ; несомнѣнно онъ импонировалъ имъ прежде всего «померанскимъ гренадеромъ». Недаромъ онъ такъ издѣвался надъ Наполеономъ III; ограниченный несчастный человѣкъ ставилъ требованія, не имѣя возможности подкрѣпить ихъ милліономъ штыковъ. Бисмаркъ въ совершенствѣ постигъ эту нехитрую тайну политики и, естественно, его международный авторитетъ росъ сообразно съ военнымъ бюджетомъ германской имперіи и столь же естественно, почему онъ всякій разъ выходилъ изъ себя, когда рейхстагъ начиналъ считаться съ кредитами на вооруженія. Онъ посягалъ на единственную всеобъемлющую идею провиденціальнаго человѣка!

Легко понять, какая борьба возможна была при такихъ условіяхъ? Только кулачная и военная, и Бисмаркъ неизмѣнно прибѣгалъ къ исключительнымъ законамъ и экстреннымъ мѣрамъ, разъ предъ нимъ возставалъ идейный противникъ, будь это католическій патеръ или соціалъ-демократическій вожакъ. У того и у другого имѣлось свое *право*, Бисмаркъ на это отвѣчалъ: а у меня *сила*, и шелъ впередъ на проломъ, будто предъ нимъ разстилалось поле Садовой или высились форты Седана.

Результаты не подлежали сомнѣнію: Виндгорстъ и Бебель не уступили ни шагу; напротивъ, заставили податься силу во имя *права* и *идеи*.

Поучительнѣйшій фактъ и не только для внутренней исторіи Германіи. Бисмаркъ осуществилъ свою теорію сполна въ своемъ безспорномъ царствѣ — въ международныхъ отношеніяхъ. Онъ открылъ эру безконечныхъ вооруженій, по истинѣ желѣзную эпоху милитаризма. Онъ создалъ единую Германію и одновременно посѣялъ во всѣхъ умахъ Европы вѣчный страхъ предъ международнымъ побоищемъ, неизлѣчимое взаимное недовѣріе среди державъ, сосредоточилъ главнѣйшія заботы правительствъ на развитіи военной силы, затормозилъ и подавилъ культурную работу народовъ и политиковъ и, слѣдовательно, отодвинулъ міровой прогрессъ на нѣсколько поколѣній. И это не все: не менѣе важны нравственные результаты идеи Бисмарка. Она коренится на презрѣніи къ человѣческой природѣ, на недовѣріи къ отдѣльнымъ личностямъ и цѣлымъ націямъ, она воскрешаетъ дохристіанское варварское представленіе объ избранныхъ и осужденныхъ племенахъ, она превозглашаетъ массовое истребленіе человѣческой расы на основаніи такъ называемаго національнаго инстинкта. Открывая франко-прусскую войну, Бисмаркъ про-

изнесъ смертный приговоръ надъ цѣлымъ французскимъ народомъ, даже вообще надъ кельтической расой: она женственно изнеженна, а германцы мужественно закалены, и французы должны быть подданными у нѣмцевъ.

Это теорія и одна изъ самыхъ головокружительныхъ, но для Бисмарка безусловно осуществимыхъ: мы видѣли, какой родъ войны подсказывала ему его философія! И онъ распространилъ ее на всю свою политику. Представьте же будущее нашей планеты, усвоившей бисмарковскую идеологію! Европа будто не жила и не мыслила со временъ Ватерлоо: Бонапартъ воскресъ во всей красѣ своихъ человѣкоубійственныхъ идеаловъ, воскресъ въ той самой странѣ, гдѣ противъ него когда-то было направлено вдохновенное идеалистическое слово, гдѣ противъ силы было призвано право и восторжествовало надъ силой.

Да, Бисмаркъ продолжатель наполеоновской реакціи. Мы безпрестанно наталкивались на совпаденія въ міросозерцаніи этихъ двухъ сверхчеловѣковъ нашего столѣтія. Если бы мы захотѣли эффектнѣйшихъ аналогій, мы нашли бы ихъ безчисленное множество въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ обоихъ героевъ. Бисмаркъ самъ предвосхитилъ всѣ эти сравненія: онъ своимъ назначеніемъ объявилъ борьбу съ революціей и идеологіей, и навязалъ роль факта и здраваго смысла Пруссіи, клеймо революціи—Франціи, хотя бы представляемой даже Наполеономъ III. Это мысли и даже форма рѣчи бонапартовскія. И Бисмаркъ послѣдовательно выполнялъ программу своего предшественника, только болѣе усовершенствованную и разсудительную. Онъ не гонялъ армій по всѣмъ концамъ свѣта; напротивъ, онъ сосредоточивалъ ихъ въ сердцѣ Европы и отсюда повелѣвалъ ея внутренней и внѣшней политикой. И онъ также подобно Наполеону пережилъ свое аустерлицкое солнце, также испыталъ невыразимое чувство повелителя міра, но такъ же, какъ онъ, палъ, и не лично только, а палъ въ своей вѣрѣ, въ своей идеѣ.

Однажды, въ минуту откровенности, Бисмаркъ повелъ съ Бушемъ рѣчь о своей бурной жизни, и внезапно впалъ въ элегическій тонъ. Пораженный секретарь услышалъ слѣдующую исповѣдь: «Моя славная политическая карьера не стяжала мнѣ ничьей любви и никому не принесла радости; напротивъ, она причинила несчастье множеству людей. Безъ меня не было бы трехъ большихъ войнъ, 80.000 человѣкъ не погибли бы на поляхъ битвъ и ихъ семьи не носили бы траура».

Справедливо, но слишкомъ мало. Бисмаркъ коснулся только чувствительной стороны своей разрушительной дѣятельности, но есть неизмѣримо важнѣйшая—*идейная*. Именно она истинный судъ и осужденіе надъ личностью и дѣломъ Бисмарка, она — варварская и кровавая страница въ исторіи человѣчества, она, наконецъ, подлежитъ многотрудному и продолжительному исправленію усиліями всего культурнаго міра.

Родина Бисмарка уже давно рѣшаетъ эту задачу, и съ самаго начала побѣдоносно. Не было ни одного періода въ исторіи объединенной Германіи, когда Бисмаркъ могъ бы сказать: я царствую надъ моимъ народомъ. Въ исторіи Европы такіе моменты были, длятся они и до сихъ поръ.

Духъ Бисмарка вѣетъ надъ милліонами вооруженныхъ людей, покрывающихъ всѣ культурныя страны Стараго Свѣта. Онъ паритъ надъ хищническими инстинктами современныхъ политиковъ. Онъ живетъ въ современномъ скептицизмѣ и пессимизмѣ, вдохновляетъ современное отчаяніе въ благородныхъ силахъ человѣческой природы, онъ освящаетъ и сопутствуетъ всякое реакціонное побужденіе современныхъ мыслителей и дѣятелей. Но онъ, къ великому счастью цивилизаціи, только сила задерживающая и мертвящая и знающая только одно оружіе борьбы — желѣзо. Безсмертная, неустанно развивающаяся и цвѣтущая сила идеи ему чужда, и этотъ внутренній недугъ всегда былъ и будетъ вѣрнѣйшей порукой торжества права надъ силой и мысли надъ фактомъ.

Ив. Ивановъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«The Workers: an Experiment in Reality». The West. By Waltes. A. Wyckoff. New-York. Charles Scribnes's Sans. (*Рабочіе; наблюденія дѣйствительности*). Врядъ ли существуютъ болѣе жизненныя проблемы въ эволюціи общества, чѣмъ тѣ, которыя касаются великой массы рабочихъ классовъ, составляющихъ потенціальную энергію каждаго общества. Въ высшей степени важно ознакомиться съ этическими воззрѣніями этихъ классовъ, ихъ взглядами на жизнь. Такое знаніе необходимо, такъ какъ лишь оно даетъ возможность отыскать способы вызвать улучшенія въ соціальномъ положеніи и нравственности рабочихъ. Авторъ задался цѣлью изучить бытъ рабочихъ и ихъ нравственный кругозоръ, но не въ качествѣ посторонняго наблюдателя, а въ качествѣ такого же рабочаго, поэтому онъ провелъ два года среди бѣднѣйшихъ рабочихъ въ разныхъ мѣстахъ американскаго континента и работая такъ же, какъ и они. Результаты своихъ наблюденій авторъ собралъ и литературно обработалъ и, благодаря живому изложенію, книга его производитъ впечатлѣніе и можетъ быть очень полезна, какъ матеріалъ для изученія рабочаго вопроса.

(Popular Science Monthly).

«The Elements of Sociology» by Franklin Henry Giddings. New-York. (Macmillan Company). (*Элементы соціологіи*). Это прекрасная книга, которая можетъ служить руководствомъ для студентовъ, изучающихъ соціологію, такъ какъ заключаетъ въ себѣ интересное и понятное изложеніе теоріи развитія и образованія общества. Единственный упрекъ, который можно сдѣлать автору, состоитъ въ томъ, что онъ совсѣмъ не говоритъ въ своей книгѣ о семьѣ и о вліяніи семейной жизни на общественный строй. (Popular Science Monthly).

«The Nature and development of Animal intelligence» by Wesby Mills. New-York. (Macmillan C°). (Родъ и развитіе ума животныхъ). Авторъ этой интересной книги говоритъ, что при теперешнемъ состояніи зоологической науки факты гораздо желательнѣе теорій. Опытъ и наблюденія должны предшествовать на много лѣтъ какимъ бы то ни было обобщеніямъ и выводамъ. Исходя изъ этой точки зрѣнія, авторъ занялся преимущественно наблюденіями надъ животными и въ особенности надъ психическимъ развитіемъ молодыхъ животныхъ; съ этою цѣлью онъ воспиталъ цѣлыя семьи собакъ, кошекъ, цыплятъ, воронъ, морскихъ свинокъ и голубей. Добросовѣстныя и интересныя наблюденія, произведенныя авторомъ, бросаютъ свѣтъ на духовную область жизни животныхъ и на развитіе у нихъ интеллекта. Въ послѣднемъ отдѣлѣ книги авторъ приводитъ изслѣдованія и взгляды различныхъ ученыхъ на развитіе инстинкта у животныхъ.

(Popular Science Monthly).

«Ruskin, Rossetti, The Raphaelism» by William Michael Rossetti Arranged and edited by... London. (Рёскинъ, Россетти, прерафаэлизмъ). Очень интересное и подробное изложеніе исторіи прерафаэлизма и его отношеній къ ученію Рёскина.

(Bookseller).

«Eine Reise um die Welt» von Genry Schweizer. Mit 24 Vollbildern. Berlin. (*Путешествіе вокругъ свѣта*). Авторъ этого путешествія обладаетъ наблюдательностью и талантомъ хорошаго разсказчика. Онъ любитъ природу и умѣетъ художественно описывать ея красоты. Онъ ведетъ за собою читателя сначала въ Палестину, затѣмъ въ Египетъ, бесѣдуетъ съ хедивомъ и потомъ отправляется въ Индію, Яву и Сіамъ, учрежденія котораго онъ изучаетъ очень основательно. Оттуда онъ отправляется въ Китай и Японію и черезъ Соединенные Штаты возвращается въ Европу.

(Das Litterarische Echo).

«Zur Urgeschichte der Ehe» von Professor Dr. J. Kohler. Stuttgart. (*Къ древней исторіи брака*). Эта небольшая книга заключаетъ въ себѣ, однако, очень много свѣдѣній изъ исторіи культуры и въ краткихъ чертахъ излагаетъ исторію развитія брака, начиная отъ самыхъ древнихъ временъ. Къ книгѣ приложенъ въ высшей степени полезный и подробный указатель источниковъ.

(Das Litterarische Echo).

«Das Leben Friedrich Nietsches» von Elisabeth Nietsche. Leipzig. (*Жизнь Фридриха Ницше*). Въ этой біографіи Ницше, написанной его сестрой, читатель найдетъ подробныя свѣдѣнія о жизни знаменитаго нѣмецкаго философа. Въ первой части сестра Ницше описываетъ его дѣтство и юность, до того времени, когда онъ былъ приглашенъ въ Базель профессоромъ. Читатель видитъ передъ собою юношу, обладающаго горячею, поэтическою и чувствительною душой и вѣчно стремящимся къ истинѣ умомъ. Это впечатлѣніе еще усиливается во второй части, въ которой описывается дружба Ницше съ Вагнеромъ, окончившаяся такъ трагически. Описаніе нѣжной дружбы, которая существовала между Ницше и Мальвиною Мейзенбургъ, уничтожаетъ легенду, сложившуюся о Ницше, какъ о ненавистникѣ женщинъ.

(Das Litterarische Echo).

«Das Mensch auf den Hochalpen» Forschungen von Angelo Mosso, prof. au der Universität Turin. Mit zahlreichen figuren, Ansichten und Tabellen. Leipzig. (*Человѣкъ въ высокихъ Альпахъ*). Физіологическія явленія, наблюдающіяся у людей, во время пребыванія ихъ на высотѣ 3.000 метровъ и выше, далеко не вполнѣ выяснены. Авторъ знаменитаго изслѣдованія объ усталости, профессоръ Моссо, поставилъ себѣ задачей изслѣдовать интересный вопросъ о вліяніи пребыванія на высотахъ и поэтому, взявъ съ собою отрядъ изъ десяти, выбранныхъ имъ солдатъ, и военнаго врача, отправился на Монте Роза, на высоту 4.560 метровъ. Вслѣдствіе болѣзни одного изъ солдатъ, ему пришлось сократить свое пребываніе на высотѣ на 10 дней. Тѣмъ не менѣе, онъ произвелъ очень много изслѣдованій и нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ рѣшающее значеніе и касаются тѣхъ перемѣнъ, которыя заключаются въ мускульной и нервной системѣ, въ дѣятельности сердца и дыханіи подъ вліяніемъ жизни на большой высотѣ. Профессоръ наблюдалъ особенную болѣзнь сердца, которая развивается отъ пребыванія на высотѣ, въ острой или хронической формѣ и вызываетъ разныя тяжелыя явленія. Кромѣ того, профессоръ приводитъ массу интересныхъ наблюденій различныхъ путешественниковъ, совершавшихъ восхожденія. Вообще эта книга чрезвычайно интересная, не только для спеціалистовъ, но и для обыкновенныхъ читателей.

(Frankfurter Zeitung).

«Was muss man von der Chemie wissen?» von Dr. W. Baringer. Berlin. (*Hugo Steimitz*). (*Что надо знать изъ химіи*). Книга имѣетъ цѣлью познакомить огромный кругъ читателей, совершенно не свѣдущихъ въ химіи, съ главными ея основами и ея теоріями и указать значеніе химіи въ практической и сельскохозяйственной жизни.

(Das Litterarische Echo).

«Das republikanische Brasilien in vergangenheit und gegenwart» von Oskar Canstadt. Mitt 22 Abbildungen 2 Karten in Farbendruck und einem Panorama von Rio de Janeiro. Leipzig. (*Республиканская Бразилія въ прошломъ и настоящемъ*). Авторъ этой интересной и въ высшей степени документальной исторіи Бразиліи не только изучилъ источники и всю литературу, относящуюся къ этой странѣ, но прожилъ долго въ ней, занимая такое положеніе, которое давало ему возможность вступать въ сношенія съ самыми разнообразными людьми въ Бразиліи и присмотрѣться къ различнымъ условіямъ жизни. Авторъ относится съ большою симпатіей къ прекрасной странѣ, но это не мѣшаетъ ему видѣть и указывать на всѣ ея недостатки. Въ типографскомъ отношеніи книга издана очень хорошо и прекрасные рисунки даютъ ясное представленіе о красотахъ этой богатой страны.

(Das Litterarische Echo).

«Picturesque India» by W. S. Caine. (Routledge and Sons). (*Живописная Индія*). Книга въ особенности полезна для тѣхъ, кто собирается совершить путешествіе по Индіи и можетъ служить превосходнымъ путеводителемъ, такъ какъ авторъ даетъ самыя подробныя свѣдѣнія о томъ, какъ надо путешествовать по Индіи экономнымъ образомъ и сообщаетъ всѣ цѣны. Но, кромѣ того, въ книгѣ заключается интересное описаніе различныхъ городовъ и наиболѣе любопытныхъ мѣстностей Индіи, начиная отъ Пешавера до Коморина, Бирманіи и Цейлона.

(Literary World).

«Through New Guinees and the Cannibal Countries» by H. Cayley Webster. With illustrations and map. (*Черезъ Новую Гвинею и страны людоѣдовъ*). Очень интересное описаніе поѣздки, которую совершилъ авторъ въ Новую Гвинею и группу островов, населенныхъ каннибалами. Большинство этихъ островов, одаренныхъ всѣми богатствами природы, очень мало изслѣдованы и въ Новой Гвинеѣ, за исключеніемъ береговой полосы, царитъ самая первобытная дикость. Племена, которыя посѣтилъ авторъ, держа всегда свое ружье на готовѣ, стоятъ на самой низкой ступени развитія. Авторъ мастерски изображаетъ контрастъ, существующій между утонченностью европейской цивилизаціи въ колоніяхъ и роскошью жизни, которую ведутъ нѣкоторые изъ европейскихъ резидентовъ на берегу и жизнью дикарей внутри страны и ихъ каннибальскими нравами и обычаями, которые описываетъ авторъ. Очень интересно и художественно онъ изображаетъ жизнь въ дѣвственномъ лѣсу и пиршества дикарей.

(Bookseller).

«Tableau de l'histoire litteraire du monde» par Frédéric Lolliée (Schleicher). (*Картина литературной исторіи міра*). Эта книга входитъ въ составъ серіи изданій «Petite

Encyclopédie populaire illustrée» и заключаетъ въ себѣ краткое, но чрезвычайно популярное и ясное изложеніе исторіи развитія всемірной литературы и всѣхъ проявленій человѣческой мысли въ поэзіи, философіи и беллетристикѣ, начиная съ древняго востока до нашихъ временъ. Авторъ справился со своею трудною задачей очень успѣшно. (Revue internationale).

«Danton; a study» by H. Belloc. Oxford (*Nisbet and C°*). (*Дантонъ; очеркъ*). Авторъ этого историческаго очерка поставилъ себѣ задачей дать наивозможно болѣе полную характеристику Дантона и его времени и представить этого «титана французской революціи» во всей его величинѣ. Книга написана прекраснымъ литературнымъ языкомъ и обнаруживаетъ основательное знакомство автора съ источниками.

(Literary World).

«My innes Life: Being a Chapter au personal Evolution and Autobiography» by John Beattie Crozier (*Longmans*). (*Моя внутренняя жизнь*). Извѣстный авторъ «Civilization and Progress» и «History of Intellectual development», д-ръ Крозье, издалъ свою автобіографію, стараясь изобразить въ ней ходъ своей умственной эволюціи и указать различные моменты, вліявшіе на нее. Чрезвычайно живо и образно описываетъ авторъ свои школьные годы въ Канадѣ и затѣмъ свои похожденія въ Лондонѣ и визиты къ издателямъ, а также посѣщеніе Томаса Карлейля. Авторъ мастерски изображаетъ Карлейля со всѣми присущими ему странностями, достоинствами и недостатками и передаетъ свои бесѣды съ нимъ. Во время этихъ бесѣдъ, порядочно-таки доставалось и Миллю, и Боклю, и Спенсеру отъ Карлейля, который отзывался о нихъ довольно презрительно. Очень интересно описаны также первые шаги автора на поприщѣ литературы, его долговременныя мытарства и т. д.

(Literary World).

«Freiheit und Sociale Pflichten» von Adolf Prins. Berlin. (*Otto Liebman*). (*Свобода и соціальныя обязанности*). Авторъ этого сочиненія, извѣстный юристъ и криминалистъ, профессоръ брюссельскаго университета, состоитъ предсѣдателемъ нѣсколькихъ коммиссій, занимающихся обсужденіемъ законопроектовъ, корорые касаются положенія рабочихъ. Авторъ разсматриваетъ современный соціальный вопросъ, но останавливаетъ главнымъ образомъ, свое вниманіе на его основахъ. Мысли, высказываемыя авторомъ, не заключаютъ въ себѣ, однако, ничего абсолютно новаго, но высказаны онѣ мастерски и подкрѣпляются рядомъ доказательствъ. Можно смѣло рекомендовать эту книгу всѣмъ, интересующимся соціальными вопросами и относящейся сюда литературой.

(Das Litterarische Echo).

«Politische Arithmetik oder die Arithmetik des Täglichen Lebens» von Moritz Cantus. Leipzig (*Teubner*). (*Политическая ариѳметика*). Извѣстный ученый, недавно издавшій исторію математики, издалъ небольшую брошюру, въ составъ которой вошли лекціи, читанныя имъ въ Гейдельбергѣ для будущихъ государственныхъ чиновниковъ «О политической ариѳметикѣ», т. е. о такихъ ариѳметическихъ задачахъ и счетѣ, которыя находятся въ связи съ управленіемъ государствомъ. Подзаглавіе книги: «Ариѳметика обыденной жизни» вполнѣ подходящее, такъ какъ читателю преподаются такія правила счета, которыя могутъ пригодиться въ ежедневномъ обиходѣ. Въ нѣкоторыхъ главахъ, напримѣръ, въ тѣхъ, гдѣ говорится о страховой системѣ, авторъ приводитъ разныя, очень любопытныя историческія данныя. (Frankfurter Zeitung).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

„МІРЪ БОЖІЙ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(25 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи: Лиговка, д. 25—8, кв. 5 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ: въ отдѣленіяхъ конторы—въ конторѣ *Печковской,* Петровскія линіи и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха.

1) ***Рукописи,*** присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны* снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей

2) Непринятыя мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) *Лица,* адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ семикопѣечную марку.

5) Жалобы на неполученіе какого-либо № журнала присылаются въ редакцію *не позже двухъ-недѣльнаго срока* съ обозначеніемъ № адреса.

6) ***Иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи.*** Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

7) При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачиваетс 80 копѣекъ; изъ иногородныхъ въ городскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того-же разряда 14 копѣекъ.

8) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторникамъ,* отъ 2 до 4 час., *кромѣ праздничныхъ дней.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи **8** руб., безъ доставки **7** руб., за границу **10** руб. Адресъ: С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

[redacted]